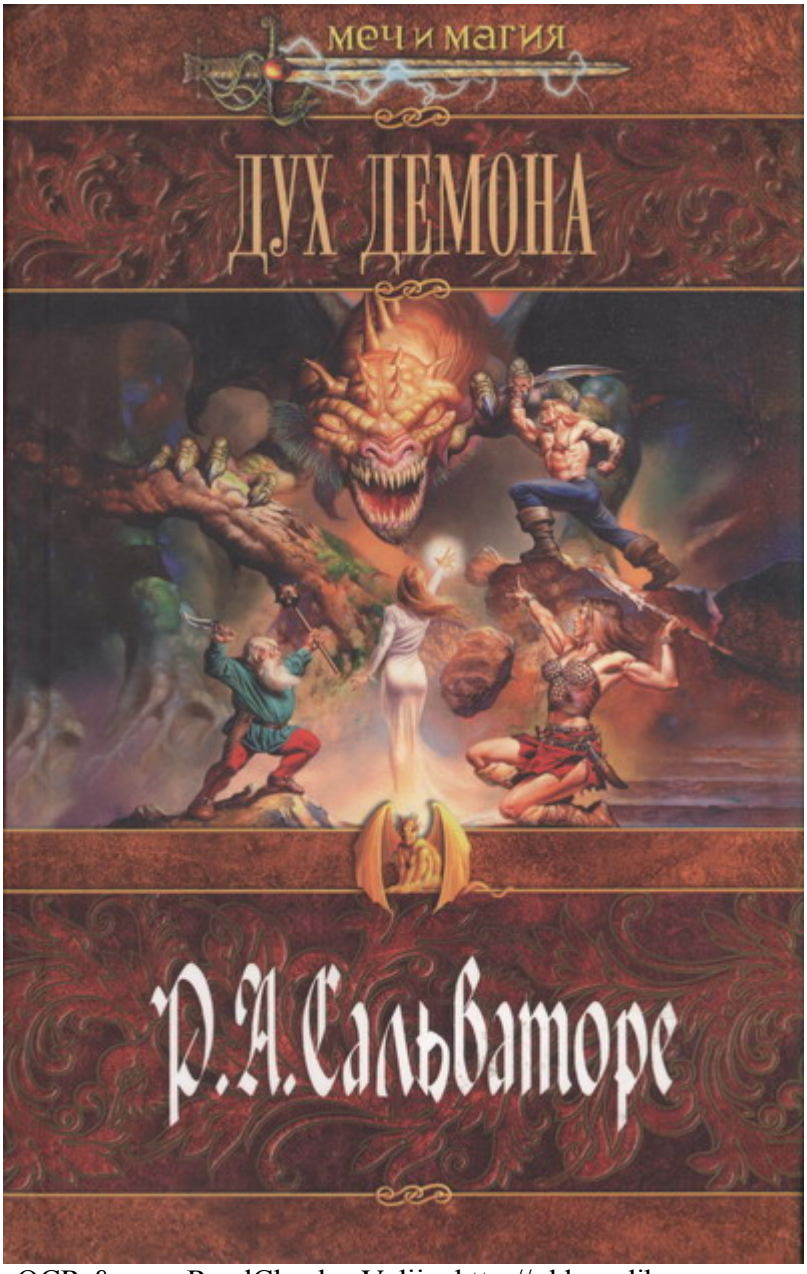
Роберт Сальваторе
Дух демона

Демонические войны – 2



- Lord Kiron. OCR & ReadCheck - Valija. http://oldmaglib.com
«Р. А. Сальваторе "Дух демона"»: Эксмо; Москва; 2003
ISBN 5-699-01733-X

Аннотация

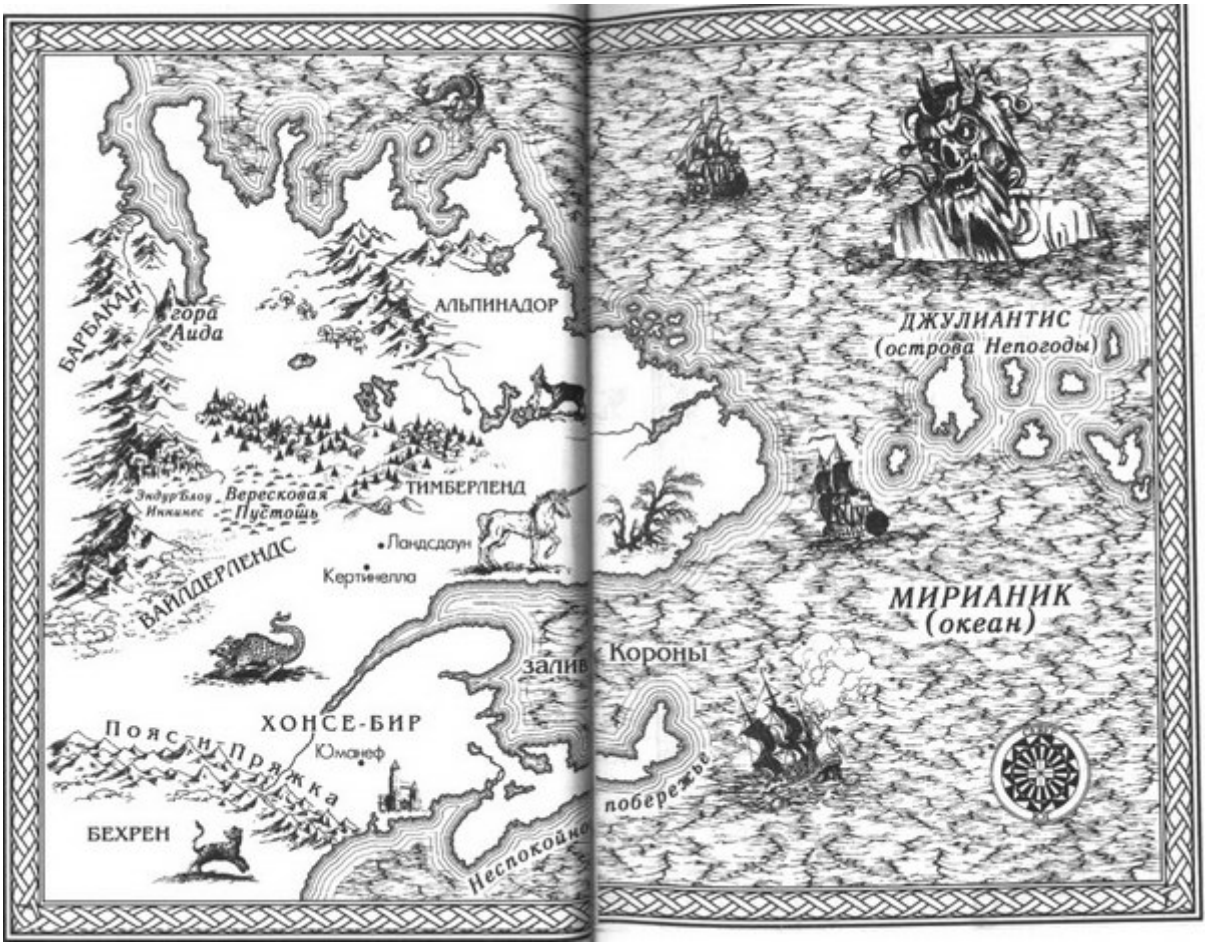
Далеко на краю земли в глубине сумрачной пещеры пробудилось от долгого сна страшное чудовище — демон Зла, чтобы принести в мир смерть и опустошение и подчинить его своей воле. Противостоять демону можно лишь с помощью магии, секреты которой известны эльфам и монахам из отдаленного аббатства — хранителям ниспосланных свыше волшебных камней.

Выросшему среди эльфов Элбрайну суждено стать Защитником и вступить в поединок с демоном, а вместе с ним на битву со Злом отправляются девушка-воительница

Джилсепони, воспитанник аббатства Эвелин, умеющий управлять магической силой камней, и Лесной Дух — кентавр…

Роберт Сальваторе
«Дух демона»

Скотту Сигелу и Джиму Сегейлски, превратившим мой труд в удовольствие



ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
ГЛУХИЕ МЕСТА

Мне страшно, дядя Мазер. Не за себя, а за всех добрых людей, что живут на свете. Из Барбакана мы с Пони двинулись на юг. Сердца наши полны глубокой печали, хотя в них теплится и надежда. Эвелина, Тантан и Смотрителя больше нет в живых. Но я был уверен, что, уничтожив дракона, мы избавили мир от тьмы.

Я ошибся.

Восседая на спине Дара, мы движемся на юг — в более гостеприимные края. Так я думал и так говорил, убеждая Пони, чьи сомнения были куда сильнее моих… В действительности же мы не успеваем считать гоблинов, попадающихся нам на пути! Их тысячи, дядя Мазер. Десятки тысяч. Да не одних, а с десятками фоморийских великанов и сотнями кровожадных поври вдобавок, нам с Пони пришлось две недели добираться до прилегающих к Дундалису мест и не менее

дюжины раз вступать в схватки. И везде нам встречались только враги, успевшие создать надежные укрепления и использующие руины трех городов в качестве своих опорных пунктов для дальнейших злодеяний. Прежде чем отправиться в Барбакан, мы сформировали штурмовой отряд под командованием Белстера О'Комели и условились, что они пойдут, на юг. Молю Бога, что они туда и двинулись. Но нынче землю окутывает такая густая тьма, что, боюсь, никакое место не сможет считаться безопасным.

Мне страшно, дядя Мазер, но клянусь тебе: каким бы тяжким ни становилось положение, я не предам своей надежды. Ее от меня не сможет забрать ни демон-дракон, ни гоблины, ни все зло, какое есть в мире. Надежда приносит силы, и Ураган — мой меч — способен разить без промаха. Надежда позволяет мне постоянно изготавливать новые стрелы взамен тех, что десятками застревают в сердцах гоблинов; хотя в результате моих усилий число этих тварей, похоже, ничуть не уменьшается.

Надежда, дядя Мазер, — вот в чем секрет. Думаю, мои враги не обладают ею. Они слишком корыстолюбивы, чтобы понять смысл жертвы, которую мы приносим в надежде, что она не напрасна. Мы верим, что у тех, кто придет после нас, жизнь будет легче и лучше. Поскольку враги лишены оптимизма и умения смотреть в будущее, они зачастую легко впадают в уныние и погибают в схватках.

Я твердо усвоил: не имея надежды, невозможно быть человеколюбивым.

Я продолжаю надеяться и сражаться, и каждой битвой напоминаю себе, что моя позиция — отнюдь не глупость. Пони становится все искусней в обращении с камнями, и вызываемые ею магические силы просто неописуемы. Вдобавок наши враги при всей их численности более не ведут каких-либо согласованных боевых действий. Демон-дракон мертв, а значит — нет и силы, управляющей ими. Мне уже доводилось видеть, как гоблины воюют друг с другом.

День мрачен, дядя Мазер, но я еще не теряю надежды увидеть просвет в облаках.

Элбрайн Виндон

ГЛАВА 1
ОДИН ИЗ ДНЕЙ

Элбрайн Виндон подхватил складной деревянный стул и свое драгоценное зеркало и двинулся к выходу из небольшой пещеры. Откинув одеяло, закрывавшее вход, он несколько раз моргнул, с удивлением обнаружив, что утро давно уже наступило. Кому-нибудь другому, столь же рослому и мускулистому, как Элбрайн, было бы непросто вылезти из пещеры, но он легко и проворно выбрался оттуда. Это проворство он приобрел за годы обучения у маленьких эльфов из Кер'алфара.

Не спала и спутница Элбрайна по имени Джилсепони, или просто Пони. Она свернула постель и теперь собирала утварь, готовясь в путь. Громадный Дар при виде Элбрайна заржал и забил копытами. Вид этого жеребца наверняка заворожил бы многих. Дар был высоким, но отнюдь не долговязым, с сильной мускулистой грудью. Кожа, обтягивающая его мускулы, была такой черной и такой гладкой, что блестела даже в сумерках. В глазах коня светился незаурядный ум. Безупречность черной масти несколько нарушали ослепительно белая полоса на лбу и белые манжеты на задних ногах. В середине груди Дара красовалась бирюза. Самоцвет был вставлен магическим способом и являлся связующей точкой между конем и Элбрайном.

При всем великолепии Дара Элбрайн почти не обратил на того внимания, поскольку взгляд его, как часто бывало, застыл на Пони. Подруга детства и жена в его теперешней взрослой жизни, она была младше Элбрайна на несколько месяцев. Ее густые золотистые волосы, ниспадавшие на плечи, впервые за много лет отросли длиннее его русой копны. Утро было пасмурным, но это едва ли могло притушить сияние огромных синих глаз Пони. Элбрайн знал: Пони — его сила, светлое пятно в этом мрачном мире. Ее энергия, равно как и

способность улыбаться, казались безграничными. Пони не пугали никакие неожиданности, ничто не могло заставить ее застыть от страха. Что бы ни случилось, она продолжала действовать методично и решительно.

— Не поискать ли нам место для стоянки к северу от На-Краю-Земли? — спросила она, выводя Элбрайна из созерцательного состояния.

Элбрайн задумался. Они с Пони уже знали о существовании в этих краях вспомогательных вражеских лагерей, состоящих преимущественно из гоблинов. Лагеря снабжались из опорных пунктов, устроенных на месте прежних городов — Дундалиса, Сорного Луга и На-Краю-Земли. Поскольку каждый из городов отстоял друг от друга на расстояние дневного перехода — Дундалис к западу от Сорного Луга, а тот к западу от На-Краю-Земли, — аванпосты являлись ключом к восстановлению власти людей над этой территорией. Разумеется, если армия Хонсе-Бира когда-нибудь отправится к границам Тимберленда. Если бы Элбрайну и Пони удалось выкурить всю эту нечисть из здешних густых лесов, контакты между вражескими силами в трех городах почти прекратились бы.

— Можно начать и с него, — наконец отозвался Элбрайн.

— Начать? — недоверчиво переспросила Пони. Конечно, они оба порядком устали от сражений, хотя прекрасно знали, что им еще предстоит немало битв.

— Ты говорил с дядей Мазером? — поинтересовалась Пони, указав на зеркало. Элбрайн уже рассказывал ей об Оракуле — мистическом ритуале эльфов, позволяющем общаться с мертвыми.

Я говорил, обращаясь к нему, — ответил Элбрайн. Его оливково-зеленые глаза вспыхнули, а по спине пробежала дрожь. Так происходило всякий раз, когда он думал о духе великого предка, покинувшего этот мир.

— И он тебе действительно отвечает?

Элбрайн усмехнулся, пытаясь найти более точное объяснение действию Оракула.

— Отвечаю я сам, — начал он. — Дядя Мазер, как мне кажется, направляет мои мысли, но на самом деле он не дает ответов.

Пони кивнула, показывая, что понимает все своеобразные объяснения своего спутника. При жизни дяди Мазера Элбрайну не довелось с ним встретиться; тот еще в юности покинул родной дом. А это случилось раньше, чем Олван Виндон — брат Мазера и отец Элбрайна — перевез жену и детей в глухомань Тимберленда. Но Мазер, как впоследствии и Элбрайн, проходил обучение у тол'алфара — народа эльфов — искусству быть Защитником. Общаясь с Оракулом, Элбрайн вызывал образ этого человека, образ Защитника, и вел с ним беседу.

— Если бы я научил тебя искусству Оракула, ты смогла бы говорить с Эвелином, — сказал Элбрайн. Он не впервые говорил о такой возможности, намекая, что Пони могла бы попытаться войти в контакт с их другом, которого они потеряли несколько дней назад. Сам он после гибели Эвелина безуспешно пытался вызвать его дух через Оракула. Это было через два дня после того, как они двинулись из разрушенного Барбакана на юг.

— Мне этого не надо, — осторожно сказала Пони и отвернулась. Элбрайн только сейчас заметил, насколько взъерошены ее волосы.

— Ты просто не веришь в ритуал, — начал Элбрайн, высказывая не столько упрек, сколько догадку.

— Почему же, верю, — быстро и резко ответила Пони и тут же умолкла, словно боясь нежелательного поворота в их разговоре. — Я… у меня, наверное, такие же ощущения.

Элбрайн внимательно смотрел на нее, давая ей время обдумать ответ. Время шло.

— Ты что, научилась пользоваться Оракулом? — предположил он.

— Нет, — поворачиваясь к нему, отозвалась Пони. — Все происходит не совсем так, как у тебя. Я не ищу этого состояния. Скорее, оно меня ищет.

— Кто ищет?

— Эвелин, — с уверенностью проговорила Пони. — Я чувствую, что он со мной. Он — часть меня. Он ведет меня и укрепляет мою силу.

— У меня такие же чувства к отцу, — заключил Элбрайн. — А у тебя — к твоему отцу.

Не сомневаюсь, что Олван наблюдает оттуда… — Его голос дрогнул, потому что Элбрайн увидел, как она покачала головой, не дав ему закончить.

— Это еще сильнее, — объяснила Пони. — Когда Эвелин только начал учить меня пользоваться камнями, он сильно страдал от ран. Через гематит — камень — мы объединились в духе. Результат был настолько удивительным для нас обоих, что потом Эвелин несколько недель пользовался этим способом, посвящая меня в тайны камней. За какой-то месяц мое понимание камней и умение обращаться с ними невероятно возросли. Эвелин говорил, что за этот месяц я продвинулась дальше, чем любой монах из Санта-Мир-Абель за пять лет.

— И ты веришь, что Эвелин находится с тобой в постоянном духовном контакте? — В вопросе Элбрайна не звучало скептицизма. Молодой воин успел повидать слишком много и волшебного, и дьявольского, чтобы сомневаться в этой или вообще в какой-либо подобной возможности.

— Да, — ответила Пони. — Каждое утро, проснувшись, я убеждаюсь, что знаю о камнях немного больше. Наверное, я все время думаю о них, а потом во сне вижу, как еще можно использовать тот или иной камень или их сочетания.

— Тогда это вовсе не Эвелин, а Пони, — подытожил Элбрайн.

— Нет, Эвелин, — твердо сказала его спутница. — Он со мной и во мне. Он — часть той меня, какой я стала.

Она умолкла, и Элбрайн тоже не произнес ни слова. Они оба стояли молча, переживая услышанное, ибо до той минуты Пони не признавалась в этом даже себе самой. Потом лицо Элбрайна осветилось улыбкой. Вслед за ним наконец улыбнулась и Пони. Обоих утешало сознание того, что их друг по прозвищу Безумный Монах, беглец из Санта-Мир-Абель, по-прежнему с ними.

— Если твои ощущения верны, что ж, это облегчает нам задачу, — заключил Элбрайн. Он подмигнул, сдержав улыбку, затем повернулся и пошел собирать поклажу для Дара.

Пони внимательно осмотрела место стоянки — не забыла ли чего. Они никогда не задерживались на одном месте более чем на ночь, а иногда — и на полночи, если Элбрайну становилось известно о дозоре гоблинов. Он управился первым. Поглядел на Пони и, получив утвердительный кивок, подхватил портупею и двинулся в сторону.

Женщина торопливо закончила собираться, затем тихо отправилась вслед за мужем. Она знала, что он направляется на полянку, через которую они проезжали вечером, прежде чем остановиться на ночлег. Знала Пони и о том, что сумеет надежно спрятаться в голубичных кустах, росших на северо-восточной оконечности полянки. Крадясь беззвучно, как учил ее Элбрайн, она наконец достигла зарослей.

К этому времени Элбрайн уже начал свой танец. Он снял с себя все, за исключением зеленой повязки, обтягивающей мышцы левой руки. В правой он держал Ураган — огромный меч, подарок народа тол'алфар, то есть эльфов, его дяде Мазеру Виндону. Движения Элбрайна были точны и изящны, обусловленные абсолютной гармонией мышц. Поворачивая ноги и перемещая центр тяжести тела, юноша ни на секунду не терял равновесия.

У эльфов этот танец назывался *би'нелле дасада.* Зачарованная изумительной красотой танца, Пони глядела на совершенную фигуру своего любимого. Всякий раз, когда она подглядывала за танцующим Элбрайном — впрочем, сейчас он был не Элбрайном Виндоном, а Полуночником (так его назвали эльфы), — ее терзало ощущение вины. Но Пони любовалась совершенством и красотой игры мышц тела своего любимого. Более всего на свете она хотела научиться этому танцу, чтобы так же грациозно вращать мечом и чувствовать, как хорошо ее босым ногам на влажной траве, как ощущают они каждую травинку и бугорок.

Пони и сама была отличным воином. Она безупречно служила в отряде береговой охраны. На ее счету было немало побед над гоблинами, поври и даже великанами, и не многие из врагов смогли бы ее превзойти. Однако, глядя на Элбрайна — Полуночника, —

она казалась себе неопытным новичком.

Би'нелле дасада был высшей формой искусства, а ее любимый — воплощением высшего совершенства в би'нелле дасада. Юноша продолжал свои энергичные и замысловатые движения мечом. Он то поворачивался, то делал боковой или передний выпад. Его тело пригибалось к земле, затем несколькими отточенными движениями поднималось снова. Таков был традиционный стиль боя их эпохи, предпочитавшей сражаться тяжелыми обоюдоострыми мечами, какими обычно рубились воины.

Затем Элбрайн изменил позу, соединив пятки и поставив одну ногу перпендикулярно другой. Он сделал выпад вперед, встал на всю стопу и, сохраняя равновесие, припал к земле. Ноги согнулись в коленях и напряглись, правая рука тоже согнулась, ее локоть был направлен вниз. Левая рука, также согнутая, находилась на уровне плеча, а ее кисть, устремленная вверх, была расслаблена. Элбрайн двинулся вперед, затем несколькими быстрыми и хорошо рассчитанными движениями вернулся в исходное положение. В какой-то момент его правая рука распрямилась и словно потащила его за собой. Движение продолжалось считанные секунды, но в это утро оно, как и прежде, заворожило Пони. Полуночник сделал передний выпад, острие Урагана углубилось в землю не менее чем на два фута. Левая рука опустилась вниз, образовав с телом прямую, ровную линию.

Пони мысленно представила врага, пригвожденного этим смертельным ударом, и по ее спине пробежал холод. Широко раскрыв глаза, она глядела и словно не могла поверить во внезапность атаки.

Потом Элбрайн быстро отступил, и вновь линия его обороны оставалась сплошной, без единой бреши. Он вернулся к своему плавному танцу.

Вздохнув одновременно от восхищения и собственного несовершенства, Пони поспешила обратно, чтобы покончить со сборами. Вскоре вернулся и Элбрайн. На его обнаженных руках блестели капельки пота, но сам он выглядел обновленным, полным сил и готовым к превратностям еще одного дня их странствий.

Не мешкая, Элбрайн и Пони покинули место стоянки. Оба уселись на Дара, и неутомимый конь легко побежал вперед. Элбрайн выбрал направление на север, намереваясь удалиться от линии, на которой располагались три города. Потом они поехали на запад, держа путь к деревне На-Краю-Земли. Где-то к полудню они наткнулись на небольшой лагерь гоблинов. Быстрый осмотр местности позволил составить необходимую картину, и Элбрайн с Пони поспешили туда, где лес был погуще. Здесь им предстояло оставить поклажу Дара и подготовиться к нападению.

Прошло совсем немного времени, а Элбрайн уже пробирался по лесу, держа в руках Крыло Сокола — лук, изготовленный эльфами. Довольно скоро он набрел на трех гоблинов — часть дозора, расставленного по периметру лагеря. Как обычно, эти неопрятные существа наглядно демонстрировали полное отсутствие боевой дисциплины. Они сгрудились возле широкого вяза: один из гоблинов стоял, прислонившись спиной к стволу, другой расхаживал взад-вперед и что-то ворчал себе под нос, а третий сидел, упершись в ствол, и явно спал. Элбрайн не без удивления заметил у одного из стражников лук. Обычно гоблины бились палицами, мечами или пиками. Скорее всего, где-то поблизости находятся поври.

Элбрайн бесшумно обогнул вяз, убедившись, что, кроме этих троих, никого больше нет, затем выбрал наилучшую позицию для нападения. Он поднял Крыло Сокола. Такое название лук получил из-за трех перьев, помещенных на его верхнем конце, которые, если натянуть тетиву, напоминали три пернатых «пальца» распростертого крыла сокола. Элбрайн выстрелил, и перья широко разошлись в разные стороны.

Тетива запела, и он почти сразу же выстрелил снова. Сейчас он был Полуночником, воином, воспитанным эльфами, и само его имя заставляло сжиматься сердца даже самых отчаянных поври.

Первая стрела пригвоздила стоящего гоблина к дереву. Вторая оборвала шаги его дружка прежде, чем тот успел хотя бы крикнуть от удивления.

— Чё? — спросонья пробормотал третий, когда Полуночник навис над ним с мечом.

Гоблин успел лишь увидеть занесенный над собой Ураган, ибо в следующую секунду меч рассек его голову.

Элбрайн извлек свои стрелы, добавив к ним пару из колчана гоблина. Скверно изготовленные, кривоватые, они, тем не менее, вполне годились для стрельбы.

Он двинулся дальше, обходя по периметру лагерь. Во время обхода он наткнулся еще на две группы дозорных и точно так же расправился с ними. Назад Элбрайн вернулся с более ясным представлением о местности и почти готовым планом нападения. Лагерь гоблинов удачно располагался на небольшом утесе среди нагромождения валунов. К нему существовало лишь два подхода: один с юго-востока, по тропе, окаймленной каменными стенами едва ли не в человеческий рост, причем эта тропа оканчивалась у отвесной скалы высотою в тридцать футов. Второй подход был со стороны западного, более пологого склона и представлял собой широкую дорогу, обильно заросшую травой.

Полуночник решил занять место в рощице на западном склоне, откуда ему было удобнее стрелять. Пони предстоял нелегкий путь вверх, к подножью отвесной скалы.

Элбрайн направился к выбранной для себя позиции и перепрыгнул со спины коня на одну из нижних ветвей дуба. Он по-прежнему находился ниже уровня лагеря гоблинов, хотя даже отсюда лагерь был виден более чем наполовину. Элбрайн был уверен, что Пони останется дожидаться его, и потому не торопясь стал присматривать первую цель, пытаясь понять иерархию, существовавшую во вражеском лагере. Полуночник хорошо знал: одна группа гоблинов никогда не бывает похожа на другую. Эти низкорослые существа с желто-зеленой кожей отличались предельным своекорыстием, и для них не было цели выше, чем удовлетворение своих сиюминутных желаний и прихотей. Демон-дракон на какое-то время сумел преодолеть их расхлябанность. Теперь же, когда дракона не стало, в этих убогих тварях быстро проснулась их изначальная хаотичная природа.

Состояние лагеря ясно это подтверждало. Там царила суета; гоблины толкали и пихали друг друга; сквозь общий гул голосов прорывались отдельные крики.

— Поперли убивать на юг! — донеслось до ушей Полуночника.

— Ходярим туда, куда я велел ходярить! — ответил один особо юркий коротышка. Длиннорукий и кривоногий, он был ниже остальных гоблинов, а это означало, что он едва достигал четырех футов. Его нос и подбородок были настолько узки, что казались наконечниками стрел, торчащими из уродливого лица.

Полуночник заметил, как гоблин, стоявший перед коротышкой, сжал от ярости кулаки. Трое остальных, окружавших его (к неудовольствию Элбрайна, все вооруженные луками), потянулись к колчанам. Повисла гнетущая тишина, готовая в любую секунду окончиться взрывом. Но тут появилась еще одна фигура, имевшая более пятнадцати футов росту и весившая со всеми своими мышцами и костями никак не меньше двух тысяч фунтов.

Фомориец сонливо потянулся и вразвалку подошел, намереваясь присоединиться к перепалке. Однако великан не произнес ни слова и встал за коротышкой. Как же тот выпятил свою костлявую грудь, когда рядом оказался телохранитель!

— На юг, — уже спокойно и без угрозы в голосе повторил первый гоблин. — Порешим там людишек.

— Нам велели торчать здесь и стеречь, — упирался коротышка.

— А от кого стеречь? — заныл первый. — От медведей? Или от кабанов?

— Наскукотело мне, — заявил стоявший сбоку гоблин и несколько раз откровенно хихикнул. Но смех тут же смолк, когда коротышка смерил шутника пронзительным взглядом.

Ситуация вполне отвечала расчетам Полуночника, за исключением появления фоморийца. Первым побуждением Элбрайна было выпустить стрелу прямо в морду этого чудовища, но когда он понаблюдал за развитием событий в лагере, у него начал складываться другой, более эффективный план.

Пререкания гоблинов продолжались, но коротышка пресек их, выкрикнув несколько громких угроз. В присутствии великана он совсем осмелел. Кончилось тем, что этот

вертлявый начальник пообещал жестокую смерть каждому, кто ослушается его приказов, после чего повернулся и пошел прочь.

Стрелой, позаимствованной у гоблинов, Полуночник поразил коротышку в спину. Он ловко выстрелил под таким углом, что стрела прошла как раз между двумя лучниками, находившимися у края лагеря. Коротышка тяжело осел, скорчился и с воплем попытался вытащить стрелу за древко. Остальные гоблины сгрудились вокруг него, по-прежнему толкая и пиная друг друга.

Трое лучников просто очумели: каждый из них орал на двух других и пересчитывал стрелы в их колчанах. Один требовал осмотреть наконечник стрелы, застрявшей в спине их предводителя, утверждая, что его стрелы имеют особые метки.

Однако у разъяренного фоморийца не хватило терпения на проверки. Он подкрался и сильно ударил «искателя истины» по лицу, отчего тот кубарем покатился вниз по травянистому склону. Великан схватил второго лучника (третий мгновенно ретировался), поднял его и раздавил насмерть. Остальные гоблины набросились на третьего, посчитав его отступление доказательством вины. Их кровожадность взыграла в полной мере. Гоблины били своего несчастного сородича и топтали ногами до тех пор, пока он не перестал хрипеть.

Полуночник, наблюдавший эту жестокую сцену, лишний раз убедился, что природа этих тварей совершенно неисправима. Убийство гоблина заняло считанные минуты, но суета и взаимные обвинения не прекратились. Хватит наблюдать, решил Элбрайн. Он прикинул расклад сил. В лагере оставалась примерно дюжина гоблинов, не считая их предводителя, для которого все битвы уже закончились, да еще одного фоморийского великана. Итак, тринадцать против троих, считая Дара.

Полуночнику нравились нечетные числа.

Он соскочил с дерева на спину ожидавшего его коня. Могучий жеребец фыркнул и понесся к другому концу рощицы. Меньше всего Полуночнику хотелось атаковать гоблинов на склоне, где у них была возможность броситься врассыпную. Он поскакал на запад, затем на юг, а потом повернул на восток. Вскоре он оказался в поле зрения Пони, занявшей позицию у оконечности длинной и узкой тропы.

Они помахали друг другу, и Полуночник присмотрел для себя новый наблюдательный пункт. Теперь настал его черед ждать.

Лагерь гоблинов бурлил. Эти твари продолжали обвинять и упрекать друг друга. До тех пор, пока Пони не нанесла по ним мощный удар, им даже в голову не пришло, что убить их предводителя мог внешний противник.

В конце тропы показался первый гоблин. Он прислонился к каменной стене и сдвинул металлический шлем (еще одна странность этих жестоких существ), чтобы поскрести в своих лохмах. Потом он вновь водрузил шлем на голову, не переставая при этом болтать со своим товарищем, остававшимся вне поля зрения Пони. Держа в руках черный, округлой формы камень, именуемый магнетитом, или магнитным железняком, Пони сосредоточила взгляд на шлеме гоблина. Она вошла в камень и сквозь него просмотрела всю тропу. Очертания расплылись и стали туманными, за исключением шлема, который теперь был виден предельно четко. Женщина ощущала, как внутри камня нарастает энергия, отданная ею, и как эта энергия соединяется с магическими свойствами магнетита. Она чувствовала, как камень начинает все сильнее и сильнее притягиваться к шлему, буквально вырываясь у нее из рук.

Дождавшись кульминационного момента, когда, казалось, камень вот-вот взорвется от бурлящих внутри его магических сил, Пони выпустила заряд. Он пронесся со скоростью молнии, пробил шлем, и гоблин свалился замертво.

Надо было слышать отчаянный вопль его спутника!

Пони не удивилась, когда великан-фомориец бросился по узкой тропе и поспешил вниз, рыча от ярости. Она взяла другой камень — малахит, камень левитации, и прежде, чем чудовище успело сделать три прыжка, оно ощутило, что почва уходит из-под ног. По инерции великан еще продолжал двигаться по прямой, внезапно став невесомым.

Там, где тропа делала небольшой изгиб, фомориец с размаху ударился о стену. Он полетел через голову, дергаясь, извиваясь и безуспешно стремясь за что-нибудь зацепиться.

Пони едва представляла, сколько сил требуется, чтобы это чудовище могло плыть по воздуху, но знала, что надолго ее не хватит. Впрочем, она не стала искушать судьбу. Великан попытался схватить ее, однако Пони пригнулась, позволив ему пролететь мимо. Как только фомориец проплыл над скалой, женщина ослабила концентрацию и высвободила магическую энергию камня. Великан с размаху грохнулся оземь.

Глянув в другую сторону, Пони увидела у дальнего конца тропы нескольких гоблинов, которые пялились на нее, не решаясь приблизиться. Пони быстро взяла третий камень — графит — и погрузилась внутрь себя за новой порцией магической энергии. Никогда прежде она не совершала столько магических действий подряд и с такой быстротой, поэтому не особо рассчитывала, что ее следующий удар будет сокрушительным.

Обнадеживало то, что среди гоблинов на холме царит паника. Оттуда слышались крики и предсмертные вопли гибнущих под копытами Дара, а также звон тетивы смертоносного лука Полуночника.

Вместе с тем Пони сознавала, что ее любимому не поспеть ей на выручку. А по тропе с завываниями спускалось еще пятеро гоблинов. Один из них пустил стрелу, которая чуть не задела ее.

Пони была полна решимости. Она отбросила страх и сосредоточила все свое внимание на графите, только на нем. Удар произошел раньше, чем она рассчитывала; энергия буквально вырвалась из-под ее рук, когда между ближайшим гоблином и Пони оставалось не более трех прыжков.

Она отпрянула, словно от удара. Выброс энергии оказался более сильным, чем она могла выдержать. Колени тряслись. Глаза чуть раскрылись. Она оглянулась и с некоторым облегчением заметила, что молния отбросила гоблинов назад. Трое из пяти извивались на земле в конвульсиях, а двое других, дрожа, изо всех сил старались удержать равновесие.

Полуночник выпустил последнюю стрелу, которая застряла у гоблина в его костлявом носу. Когда Дар подмял другого гоблина, Полуночник, перевернув лук, стал наносить им удары, как палицей. Покончив с этим гоблином, он опустил лук и выхватил свой Ураган — легкий и сильный меч эльфов. Меч был выкован из особого сплава серебра — сильвереля — и наделен энергией, которую ему давали магия эльфов и самоцвет на эфесе. Полуночник развернул коня и направил на очередного гоблина. Когда Дар наскочил на того и раздавил, почти не оступившись, Полуночник выхватил меч и взмахнул им над головой еще одного врага. У этого гоблина имелся металлический щит, которым он попытался загородиться, но самоцвет на рукояти Урагана — голубой камень, слегка подернутый серо-белыми прожилками, — испустил мощный заряд, а тонкое лезвие меча разрубило щит, порвало ремни, которыми он прикреплялся к руке гоблина, отбросило покореженный металл и полоснуло врагу по лицу.

Холм был очищен от гоблинов. Последний из уцелевших стремительно мчался по травянистому склону. Охваченный азартом боя, Полуночник собрался было догнать его, но в это время услышал звук выпущенного Пони разряда, треск и негромкий взрыв. Затем послышались стоны гоблинов, получивших хорошую встряску, но еще вполне живых.

Он спрыгнул с седла, легко встав на ноги. Конь остановился и обернулся, чтобы посмотреть на хозяина, и Полуночник сделал то же самое. Черный круп Дара блестел от пота, делавшего более рельефными его сильные мышцы. Конь сурово поглядел на Элбрайна и ударил копытом по земле, готовый и жаждущий продолжения битвы.

Он перевел взгляд с умных конских глаз на сиявшую на груди бирюзу — подарок Эвелина. Через самоцвет происходила телепатическая связь между Полуночником и Даром. Сейчас Элбрайн воспользовался ею, чтобы отдать коню распоряжение.

Фыркнув в знак согласия, Дар поскакал прочь, а Элбрайн подхватил лук и бросился к узкой тропе.

Он подошел к ее краю, припал на одно колено, поднял лук и натянул тетиву. Внизу

оставались трое боеспособных гоблинов, двое из которых двигались к Пони. Еще двое поднимались после ее удара, изо всех сил стремясь обрести равновесие. Стрела прошла между этими двумя, просвистела над головой третьего и ударила в спину одного из приближавшихся к Пони. Гоблин диковинным образом подпрыгнул и пролетел несколько футов, прежде чем ничком упасть на землю. Другой нападавший, опасаясь сходной участи, взвыл и распластался на земле.

Второй выстрел Элбрайна поразил ближайшего к нему гоблина в грудь, после чего Полуночник вновь взялся за меч. Он наступал, и его меч летал взад-вперед. Таким образом он намеревался не столько нанести удар, сколько лишить гоблина равновесия. Гоблин пытался защищаться своим мечом, но его грубое оружие лишь пару раз лязгнуло, соприкоснувшись с Ураганом. Вскоре гоблин зашатался и едва устоял на ногах, пытаясь увернуться от ударов юноши. Полуночник нанес удар слева, затем справа, еще справа, отступил назад для левого удара, но резко оборвал движение и сделал свой излюбленный выпад. Это произошло мгновенно: он распрямился, и острие меча сильно ударило гоблина в плечо.

Рука низкорослого врага безжизненно опустилась, а его меч, теперь уже бесполезный, упал на землю. Еще один шаг, и Полуночник ударил по голове гоблина, силившегося встать. Затем он вернулся назад и, не обращая внимания на мольбы первого гоблина о пощаде, вонзил лезвие меча в его грудь, добравшись до легких.

Полуночник глянул вниз и увидел, что Пони — далеко не новичок в сражениях — теперь держала в руке не самоцвет, а меч, собираясь добить пытавшегося улизнуть гоблина. Женщина поглядела на Полуночника и кивнула. В следующее мгновение ее глаза широко раскрылись, потому что он, вскрикнув от неожиданности, бросился к ней.

Он оказался возле нее в тот самый момент, когда Пони, подняв меч, обернулась, опасаясь, что кто-то может подкрасться к ней сзади. И не напрасно: упрямо карабкаясь по скале, к ним приближался великан. Над краем каменного выступа уже показались обе его руки и плечо. В ход пошел меч Полуночника: Элбрайн ударил по левой руке чудовища, затем по правой, а дальше начал попеременно наносить удары по обеим рукам, уворачиваясь от безуспешных попыток великана схватить его. Мало-помалу удары сломили сопротивление чудовища, и он уже не так крепко цеплялся руками за уступ. Полуночник хладнокровно подскочил и пнул великана в лицо.

Тот рухнул с тридцатифутовой высоты вниз. Упрямо мотая головой, великан сумел подняться на колени и собирался начать еще одно восхождение.

Пони мгновенно оказалась рядом с Элбрайном.

— Тебе это пригодится, — сказала она, протягивая ему Крыло Сокола.

Четвертая стрела оказалась для великана последней. Пони спустилась по тропе и обошла территорию, примыкавшую к лагерю, добивая раненых гоблинов. К этому времени вернулся Дар, на задних копытах которого блестела не успевшая застыть кровь врагов.

Трое друзей вновь были вместе.

— Один из дней, — сухо проговорила Пони. Элбрайн кивнул. По тону ее голоса он понял, что его спутница близка к отчаянию, словно блестяще проведенное сражение чем-то ее не удовлетворяло.

ГЛАВА 2
САНТА-МИР-АБЕЛЬ

Его морщины в свете факела казались сейчас еще глубже. Их борозды пролегли на иссохшем лице человека, слишком много повидавшего на своем веку. По мнению магистра Джоджонаха, Далеберт Маркворт, отец-настоятель монастыря Санта-Мир-Абель, занимавший самое высокое место в иерархии Абеликанского ордена, сильно постарел за два минувших года.

Оба монаха стояли на вершине стены их величественного монастыря, смотревшей на

воды залива Всех Святых. Грузный Джоджонах сам был далеко не молод. Он изучающе глядел на Маркворта и пытался сравнить нынешний облик отца-настоятеля — небритого, с ввалившимися глазами — с тем, как выглядел этот человек всего лишь несколько лет назад. То было в 821 году Божьем, когда все они с нетерпением ожидали возвращения «Бегущего по волнам» — парусника, на борту которого четверо братьев из Санта-Мир-Абель отплыли на экваториальный остров Пиманиникуит для сбора священных камней.

Многое, очень многое изменилось с тех дней надежды и восторга.

Экспедиция оказалась успешной. Монахам удалось собрать и должным образом подготовить огромное количество самоцветов. К несчастью, бедный брат Таграйн погиб, попав под метеоритный дождь, но остальные трое вернулись целыми и невредимыми. Правда, брат Пеллимар вскоре умер.

«Жаль, что метеорит прошиб голову Таграйну, а не Эвелину», — часто повторял потом отец-настоятель Маркворт. Эвелин, достигнув величайшего в истории церкви успеха и снискавший славу Собирателя священных камней, вернулся с острова другим человеком и вскоре совершил самое ужасное преступление перед орденом. Эвелин сбежал из монастыря, прихватив с собой часть самоцветов. В заварухе, сопровождавшей его побег, был убит магистр Сигертон. Друг Маркворта, он находился на одной ступени с Джоджонахом.

Отец-настоятель не смирился ни с побегом, ни с кражей. Наоборот, он занялся подготовкой последнего из четверки путешественников — крепко сбитого и довольного жестокого монаха по имени Квинтал. По строжайшему распоряжению Маркворта Квинтал принял на себя миссию Карающего Брата и отправился на поиски Эвелина, получив приказ вернуть в монастырь либо самого отступника, либо его бездыханное тело.

Всего лишь месяц назад стен монастырской библиотеки достигла весть, что Квинтал погиб, не успев выполнить порученное.

Маркворт не смирился и на этот раз. Он повелел Де'Уннеро — лучшему бойцу в монастыре и, по мнению Джоджонаха, наиболее злобному человеку — подготовить взамен Квинтала не одного, а двух Карающих Братьев. Джоджонах вообще не любил Де'Уннеро, считая темперамент этого человека неподходящим для монаха Абеликанской церкви. Ему совсем не понравилось, когда еще достаточно молодого Де'Уннеро сделали магистром, заполнив брешь в иерархии, возникшую после убийства Сигертона. Выбор кандидатур также тревожил Джоджонаха; он подозревал, что двух этих молодых монахов — Юсефа и Данделиона — приняли в Санта-Мир-Абель ради карательной миссии. Они ничем не превосходили остальных соискателей, которым было отказано. Зато эти двое умели сражаться.

Итак, даже выбор кандидатов для приема в орден, что всегда являлось величайшей ответственностью, лежащей на плечах магистров и настоятелей, оказался принесенным в жертву желанию Маркворта восстановить собственную репутацию. Отец-настоятель хотел вернуть украденные самоцветы.

Тщетное желание, — подумал магистр Джоджонах, глядя на изможденные черты лица настоятеля. Ныне Далеберт Маркворт был одержим идеей изощренной мести. Если поначалу ему было достаточно захватить Эвелина и подвергнуть беглеца допросу, то теперь высокий иерарх жаждал смерти отступника. Маркворт хотел, чтобы Эвелина подвергли пыткам и зверски убили, причинив неимоверную боль, а потом вырвали бы у него из груди сердце и выставили на столбе у ворот Санта-Мир-Абель. Теперь Маркворт едва упоминал о Сигертоне; все внимание настоятеля было целиком сосредоточено на камнях, на драгоценных самоцветах, которые он стремился вернуть назад.

Однако мстительные замыслы Маркворта на какое-то время отошли на задний план, затмив одержимость настоятеля: война наконец докатилась и до Санта-Мир-Абель.

— Вон они, — бросил отец-настоятель, указывая в сторону залива.

Джоджонах облокотился на низкий парапет стены и вперил взгляд в темноту. Там, огибая северный уступ скалистого берега, двигались огни судна, имевшего очень низкую осадку.

— Плавучий бочонок поври, — раздраженно проговорил Маркворт, увидев, что огней становится все больше и больше.

— И они настолько самоуверенны, что даже не пытаются маскироваться и не тушат огней, — добавил про себя Джоджонах. Но это была лишь часть грозящей аббатству опасности, хотя магистр не видел необходимости говорить о ней сейчас.

— А сколько их может атаковать с суши? — все так же раздраженно спросил отец-настоятель, словно прочитав мысли Джоджонаха. — Двадцать тысяч? Пятьдесят? Такое ощущение, будто здесь собирается весь этот народец поври, будто все население Островов Непогоды оказалось у наших ворот.

И опять грузному Джоджонаху было нечего сказать. По сведениям из надежных источников, громадная армия, состоящая из жестоких поври — особой породы низкорослых карликов, — высадилась менее чем в десяти милях к югу от Санта-Мир-Абель. Эти живодеры не тратили времени даром, опустошая близлежащие деревни и убивая без разбору всех, кто не сумел скрыться. Джоджонах мысленно представил себе эту картину, и его пробрала дрожь. Жестоких тварей называли еще «красными шапками». У поври было обыкновение окунать свои особо почитаемые береты, изготовленные из человеческой кожи, в кровь убитых врагов. Чем больше крови впитывалось в береты, тем ярче становился их зловещий оттенок. По нему различали ранг в армии поври, этих тонкоруких, тонконогих и имевших бочкообразные тела тварей.

— У нас есть камни, — проговорил Джоджонах. Маркворт презрительно хмыкнул:

— Мы исчерпаем возможности нашей магии раньше, чем армия гнусных поври поредеет, не говоря уже об армии гоблинов, которая, по слухам, движется сюда с юга.

— Есть сведения о взрыве, произошедшем далеко на севере, — сказал Джоджонах, надеясь и пытаясь любым способом вывести Марквортa из его мрачного состояния.

Отец-настоятель не стал возражать. Слухи из надежных источников действительно говорили о чудовищном взрыве, произошедшем в Барбакане — далеком северном краю. Этот край считали обиталищем демона-дракона, собравшего и сплотившего армию завоевателей. И хотя эти слухи позволяли надеяться, что война подступила к логову самого демона, все это не умаляло опасность, надвигавшуюся на Санта-Мир-Абель, о чем Маркворт не преминул напомнить.

— Наши стены крепки, наши братья хорошо подготовлены по части боевых искусств, а катапультисты не имеют себе равных на всем побережье Короны, — продолжал Джоджонах, с каждым словом говоря все увереннее. — И Санта-Мир-Абель способна выдержать осаду лучше, нежели любая другая крепость в Хонсе-Бире, — добавил он, предваряя следующий выпад Марквортa.

— Была бы способна, если бы в нее не набилось столько лишних ртов, — наскочил на него Маркворт, и Джоджонах вздрогнул, словно от удара. — Жаль, что поври позволили им улизнуть!

Магистр Джоджонах вздохнул и отошел на несколько шагов, не в состоянии выдерживать раздражающий пессимизм отца-настоятеля. Его последнее замечание, которое недвусмысленно относилось к массе несчастных беженцев, хлынувших в Санта-Мир-Абель, граничило с богохульством. Они же являлись чадами церкви, основанной, казалось бы, для защиты простых людей. И теперь отец-настоятель, их духовный наставник, жалуется на необходимость предоставлять убежище тем, что потерял почти все. Первой реакцией Марквортa на приток беженцев стало распоряжение убрать и надежно запереть все ценное: книги, листовое золото и даже чернильницы.

— Эвелин затеял все это, — перескочил на больную тему настоятель. — Этот вор ослабил нас сердцем и душой, отчего наши враги столь осмелели!

Знакомая песня. Джоджонаху уже доводилось слышать ее от отца-настоятеля. По всем монастырям побережья Короны растрезвонили о том, что Эвелин Десбрис повинен в пробуждении дракона-демона, а значит — и во всех последовавших за этим бедствиях.

Магистр Джоджонах, бывший наставником Эвелина и главным союзником на

протяжении всех лет, которые тот провел в Санта-Мир-Абель, в глубине сердца не верил ни единому слову. Джоджонах обучался в монастыре добрых четыре десятка лет и за все это время ни разу не встретил человека, который бы отличался такой удивительной святостью, какая была свойственна Эвелину Десбрису. Правда, магистр так и не мог примириться с последними событиями, связанными с Десбрисом, — кражей камней и убийством магистра Сигертона (если это было убийство). Джоджонах подозревал, что в версии отца-настоятеля содержится далеко не вся правда. Более всего грузному магистру сейчас хотелось подробнейшим образом поговорить со своим бывшим учеником и понять его побуждения: почему он бежал и зачем взял камни.

В темной гавани появились новые огни — напоминание Джоджонаху, чтобы не забывал о суровой реальности. Размышления об Эвелине придется отложить на потом, ибо на рассвете стены Санта-Мир-Абель познают всю ярость войны.

Монахи удалились, ощущая необходимость собраться с силами.

— Покойного сна на груди Господа, — произнес на прощание магистр Джоджонах. То было традиционное пожелание, которым обменивались монахи при отходе ко сну.

Маркворт рассеянно махнул рукой и зашагал прочь, бормоча себе под нос ругательства в адрес нечестивого Эвелина.

Магистр Джоджонах вдруг осознал еще одну опасность, угрожавшую бедой Санта-Мир-Абель и всему ордену, — отец-настоятель все больше превращался в одержимого. Но Джоджонах тут же напомнил себе, что противостоять ей не в его власти, и направился в свою келью. К обычным вечерним молитвам он добавил немало слов об Эвелине Десбрисе, слов надежды и прощения. Помолившись, Джоджонах свернулся на постели, зная, что вряд ли будет хорошо спать.

Оказавшись в своих роскошных покоях, отец-настоятель тоже произносил слова, имевшие отношение к Эвелину Десбрису. Маркворт занимал четыре комнаты, расположенные почти в центре массивного наземного этажа. Охваченный гневом, старый монах сыпал проклятиями и оплевывал имя Эвелина, а также имена других величайших предателей и еретиков, которые хранила история церкви. Потом он еще раз поклялся увидеть мучительную смерть Эвелина прежде, чем сам предстанет перед лицом Бога.

Долгие годы Маркворт безупречно правил Санта-Мир-Абель и был несказанно удачлив, ибо время его главенствования в ордене совпало с «дождем камней», и груда самоцветов, крупнейшая из когда-либо привозимых с Пиманиникуита, казалось бы, лишь упрочила его положение в ряду отцов-настоятелей. И вдруг этот гнусный Эвелин все перевернул, очернив его репутацию. Теперь он оказался первым настоятелем, познавшим бесчестье из-за утраты священных камней.

С этими мрачными мыслями, совершенно позабыв о вражеском флоте, заполнившем залив Всех Святых, отец-настоятель Маркворт наконец заснул.

Сны его были столь же неистовыми, как и его гнев. Настоятелю снилась далекая, незнакомая земля. Он видел Эвелина, низкорослого и толстого, который исступленным рычащим голосом отдавал приказы гоблинам и поври. Маркворт видел, как этот человек ударом молнии свалил великана, и не потому, что тот вызвал ненависть у злобного народца. Просто великан не выказал беспрекословного подчинения приказам Эвелина.

Где-то позади взору Марквортa предстало крылатое ангелоподобное существо, и было оно огромным и устрашающим. То было воплощение гнева Господня.

Теперь Маркворт понял, в чем дело. Разве причиной войны явился демон-дракон? Нет, эту беду породило нечто, превосходящее даже такую темную силу. Средоточием зла, его направляющей силой был еретик Эвелин!

Отец-настоятель проснулся в поту и сел на постели. Его била дрожь. Это всего лишь сон, — несколько раз напомнил он себе.

Но разве в этих диковинных и странных видениях не было капли истины? Такая мысль принесла немалое облегчение уставшему старику. Она прозвучала призывом к пробуждению, отозвалась внутри оглушительным колокольным звоном. Годами настоятель

называл Эвелина главной причиной всех несчастий, но до сих пор он говорил так, чтобы отвлечь внимание от собственных ошибок. Но он всегда знал скрытую правду, и вот теперь…

Теперь Маркворт понял: да, это действительно Эвелин, и никаких сомнений тут быть не может. Этот человек осквернил самое святое, обратил силу камней на свои непотребства, действуя против церкви и всего человечества.

Теперь Маркворт знал это наверняка. Он ощущал всю глубину своего знания. Наконец-то с его помощью можно будет избавиться от чувства вины.

Старик слез с кровати и наклонился над столом, зажигая лампу. Потом он повалился в кресло: недавнее откровение истощило все его силы. Настоятель машинально достал ключ из потайного отделения в одном из ящиков стола и открыл другое потайное отделение, достав оттуда мешочек с принадлежащими лично ему камнями. На стол высыпались рубин, графит, малахит, серпентин, тигровая лапа, магнитный железняк и наконец, самый драгоценный из всех — гематит, магический камень. Во всем Санта-Мир-Абель не было другого гематита, равного этому по силе. С помощью этого тяжелого серого камня Маркворт был способен послать свой дух за многие мили. Он даже мог входить в контакт с доверенными лицами, находившимися на другой половине континента. Используя свой гематит, отец-настоятель общался с Карающим Братом, хотя подобная задача была не из легких. Квинтал не был искусен в использовании камней. К тому же целеустремленность этого брата выработала в нем определенную дисциплину ума, барьер которой было трудно преодолеть.

Этим же камнем Маркворт воспользовался, чтобы войти в контакт с другом, жившим в Эмвое. Эмвой находился напротив Палмариса, отделенный узким заливом Мазур Делавал. Другу настоятеля удалось узнать о провале миссии Карающего Брата.

Для монахов Санта-Мир-Абель не существовало больших сокровищ, чем эти камни, и Маркворт не мог примириться с мыслью, что позволил исчезнуть хотя бы некоторым из них.

Настоятель смотрел на россыпь камней, словно они были его детьми, затем выпрямился и хитро подмигнул. Ему казалось, что сейчас он видит эти камни совсем не так, как видел прежде; намного отчетливее, словно ему открылась великая истина. Маркворт видел силы, сокрытые в каждом камне, и знал, что может высвободить их одной-единственной мыслью, почти без усилий. Некоторые камни казались ему слившимися друг с другом. Теперь старик видел новые и более могущественные сочетания разных камней.

Отец-настоятель откинулся на спинку кресла и даже вскрикнул. Из его глаз струились слезы радости. Он неожиданно понял, что свободен от жуткой хватки Эвелина. Теперь он с предельной ясностью это понимал. Вместе с откровениями к нему пришло более глубокое понимание. Словно саднящая заноза, Марквору не давала покоя мысль, что еретик Эвелин был самым могущественным повелителем камней за всю историю церкви. Если камни приходили от Бога, значит, их сила являлась благодатью. Но как же тогда Бог допустил, чтобы этот вор Эвелин Дезбрис оказался столь искусным в использовании камней?

Демон-дракон — вот кто дал Эвелину силу! Это он воздействовал на камни, позволив еретику познать их тайны.

Маркворт крепко прижал к груди свои камни и вернулся в постель. Бог ответил дракону, даровав ему, Марквору, равные по силе — если не большие — откровения. Настоятелю было не до сна: теперь его снедали мысли о предстоящей битве.

Далеберт Маркворт, отец-настоятель, занимавший высший пост в иерархии Абеликанской церкви, наконец-то смог отбросить мысли об Эвелине на задворки своего сознания, чем принес немалое удовлетворение духу демона-дракона. До чего ж легко сумел Бестесбулзибар войти в контакт с этим трусливым стариком и повернуть в нужном направлении «откровения» Марквора!

Еще до рассвета почти все из семисот с лишним монахов Санта-Мир-Абель собрались на береговой стене, готовясь к появлению флота поври. Почти все, за исключением двоих, что не ускользнуло от взора магистра Джоджонаха.

Он обнаружил, что братьев Юсефа и Данделиона нигде не видно. Маркворт

позаботился об их безопасности, приберегая для более важного задания.

Большинство монахов заполнили длинные монастырские парапеты, тогда как другие направились к своим стратегическим позициям — в помещения, находящиеся ниже уровня стены. Две дюжины катапульт были нацелены на многочисленный флот поври, приближающийся со стороны скалистого утеса. Но помимо катапульт в монастыре имелось более грозное оружие. Монахи старших ступеней — магистры и безупречные (так называли монахов, обучающихся в течение десяти и более лет) — подготовили необходимые камни. В числе этой группы находился и отец-настоятель с его новым пониманием и возросшей силой.

Маркворт сосредоточил большую часть монахов на прибрежной стороне монастыря, хотя ему пришлось отправить свыше двух десятков братьев на противоположную стену — следить за ожидавшимся нападением с суши. После этого все в монастыре замерли и стали наблюдать за тем, как десятки вражеских судов, огибая уступ, выстраиваются в ряды напротив Санта-Мир-Абель. В большинстве своем суда поври напоминали качающиеся на воде бочки, но были и плоскодонные, на открытых палубах которых стояли катапульты.

Одна из монастырских катапульт, расположенная как раз под тем местом, где находился настоятель, произвела выстрел. Смоляной шар устремился ввысь и пролетел изрядное расстояние, но так и не сумел достичь ближайшего вражеского судна.

— Прекратить! — сердито закричал вниз Маркворт. — Вы что, собираетесь показать им дальность стрельбы наших катапульт?

Магистр Джоджонах положил руку на плечо настоятеля.

— Молодые братья нервничают, — проговорил он, пытаясь объяснить преждевременный выстрел.

— Они просто идиоты! — резко ответил настоятель, освобождаясь от мягкого прикосновения его руки. — Разыщите этого горе-стрелка, поставьте на его место другого, а его самого приведите ко мне.

Джоджонах попытался было возразить, но быстро понял тщетность этих попыток. Если он еще сильнее рассердит отца-настоятеля (а того раздражало каждое произнесенное магистром слово), Маркворт более сурово накажет молодого монаха. Грузный магистр привычно вздохнул, подумав, что за эти дни он слишком часто вздыхает от бессилия, затем отправился на поиски незадачливого катапультиста. Для замены он взял с собой монаха второго года обучения.

Количество вражеских кораблей постоянно возрастало, но ни один из них не находился в пределах досягаемости катапульт или магии камней.

— Они ждут атаки с суши, — заметил Фрэнсис Деллакорт, монах девятого года обучения, известный своим острым языком и суровым обращением с младшими монахами. Эти качества сделали его любимцем Марквортa.

— Что нового на западных стенах? — спросил Маркворт.

Фрэнсис тут же махнул двум младшим монахам, послав их на разведку.

— Полагаю, что вначале они попытаются ударить по нам с суши, — произнес он.

— Какие доводы привели тебя к такому заключению?

— Скала возвышается над морем не менее чем на сто футов, — начал рассуждать Фрэнсис. — У поври, что на кораблях, мало шансов достичь наших стен, если только по нам не будет нанесен серьезный удар с запада. Они рассчитывают сильно ударить с суши, и затем, когда нам придется оттянуть часть защитников с этой стены, их флот начнет атаку.

— Что вам известно о тактике поври? — громко спросил Маркворт, вовлекая в разговор всех, кто находился рядом, включая вернувшегося магистра Джоджонаха и приведенного им стрелка. Маркворт знал, что скажет по этому поводу Фрэнсис, поскольку тот, подобно другим старшим монахам, изучал хроники предыдущих нападений поври. Но в данный момент, как считал настоятель, рассуждения красноречивого Фрэнсиса послужат достойным напоминанием.

— Мы знаем несколько примеров двойного удара поври, — начал Фрэнсис. — Обычно они атакуют преимущественно с моря, причем делают это с немыслимой скоростью и

жестокостью. Однако я полагаю, что Санта-Мир-Абель слишком неприступна для подобного удара, и враги об этом знают. Они попытаются уменьшить число наших защитников, ударив с запада, а затем начнут забрасывать на береговую стену свои крепкие веревки, выстреливая их мотки из катапульт.

— Интересно, насколько им вообще удастся добраться до верха, учитывая нашу оборону стены? — дерзко спросил один из монахов. — Мы попросту перережем их лестницы, выпустим по атакующим град стрел или применим против них магию.

Магистр Джоджонах собрался ответить, но Маркворт жестом руки остановил его, предпочитая выслушать соображения Фрэнсиса. Затем настоятель велел тому продолжать.

— Не надо их недооценивать! — с горячностью заявил Фрэнсис, и Джоджонах впервые за многие недели заметил на лице настоятеля слабую улыбку. — Всего лишь несколько месяцев назад поври атаковали Пирет Талме — крепость на скале, не уступающей по высоте нашей. Используя упомянутую мною тактику, враги проникли на внутренний двор прежде, чем большая часть гарнизона сумела добраться до стен и оказать сопротивление. Что же касается тех, чьи позиции располагались на вроде бы защищенных стенах Пирет Талме…

Фрэнсис не договорил. Все и так знали, что из отборных частей береговой охраны, защищавших Пирет Талме, в живых не осталось никого, а обнаруженные тела были зверски изуродованы.

— Не надо их недооценивать! — вновь прокричал Фрэнсис и обернулся, желая убедиться, что каждый из слышащих его монахов отнесся к этим словам с должным вниманием.

Магистр Джоджонах пристально рассматривал Фрэнсиса. Он не то что недолюбливал, а вообще не любил этого человека. Брат Фрэнсис отличался значительной амбициозностью и еще — способностью воспринимать каждое оброненное настоятелем Марквортом слово так, словно оно исходило непосредственно от Бога. Джоджонах не верил, что преданностью брата Фрэнсиса настоятелю двигало почтение, а не прагматические устремления. Наблюдая, как тот упивается вниманием, магистр лишь укреплялся в своих предчувствиях.

Вернулись монахи, посланные к западной стене. Они запыхались, но на их лицах не было тревоги.

Ничего не видно. Никаких признаков наступающей армии.

— Совсем недавно пришли несколько крестьян, — добавил один из них. — Они рассказали, что к западу от Санта-Мир-Абель замечены крупные силы поври, двигающиеся в западном направлении.

Джоджонах и Маркворт обменялись удивленными взглядами.

— Уловка, — предостерег брат Фрэнсис. — Они уходят на запад, чтобы усыпить нашу бдительность, а потом напасть с суши, застав нас врасплох.

— В твоих рассуждениях есть резон, — заметил магистр Джоджонах. — Но мне думается, мы могли бы обратить эту уловку против самих же поври, если, конечно, она действительно является таковой.

— Поясните, — сказал заинтригованный Маркворт.

— Скорее всего, флот действительно ожидает нападения с суши, — начал Джоджонах. — А нападение, возможно отложено, чтобы мы успокоились и ослабили свою оборону. Однако наши «гости» в гавани не в состоянии увидеть западные стены монастыря и местность, простирающуюся за ними.

— Но они услышат звуки сражения, — подсказал один из монахов.

— Или услышат то, что посчитают звуками сражения, — лукаво ответил магистр Джоджонах.

— Я все устрою! — воскликнул брат Фрэнсис и сорвался с места прежде, чем отец-настоятель дал согласие.

Маркворт распорядился, чтобы каждый второй ушел с прибрежной стены, скрывшись от вражеских глаз.

Вскоре послышался шум, сопровождаемый криками: «Нападение! Нас атакуют!», а

также характерные звуки стреляющих метательных орудий. Затем земля содрогнулась от мощного взрыва, и в воздух поднялось зажигательное ядро. То проявилась магическая сила рубина.

— Похоже, — сухо проговорил магистр. — Но нашему неуемному Фрэнсису следовало бы поберечь свою магическую энергию.

— Ему необходимо убедить поври, — резко ответил Маркворт.

— Они приближаются, — послышался чей-то крик, не давший Джоджонаху ответить. И действительно, вражеский корабль, словно дождавшись сигнала, начал двигаться к берегу. С западной стороны продолжали доноситься звуки воображаемого сражения: крики, скрип катапульт. Возбужденный Фрэнсис пустил еще одно зажигательное ядро. Поври, поверившие в реальность увиденного и услышанного, стали активно двигаться к берегу. Их бочкообразные корабли раскачивались на волнах.

Маркворт велел подпустить их поближе, хотя уже не одна монастырская катапульта успела выстрелить. Однако корабли двигались быстро и вскоре оказались в пределах досягаемости. Тогда, по горячему благословению отца-настоятеля, две дюжины катапульт, нацеленных на море, начали свой яростный разговор, выстреливая по врагу каменными ядрами и смолой. Одно судно, на котором тоже стояла катапульта, запылало. Другое — плавучая бочка — получило в свой круглый борт столь сильный удар, что перевернулось. Третьему ядро угодило прямо в переднюю часть. Ударивший валун увлек нос судна под воду; корма взметнулась вверх, и судовой винт, приводимый в действие педалями, бесцельно завертелся в воздухе. Вскоре немало злобных поври оказались в воде, крича и барахтаясь.

Но ликование на монастырской стене продолжалось недолго. Спустя считанные минуты значительное число передовых кораблей поври подошло вплотную к монастырским стенам, оказавшись буквально под ногами у отца-настоятеля. Вот тогда-то и заговорили вражеские катапульты, выстреливая мотки тяжелых узловатых веревок, снабженных хитроумными многозубыми крюками. Проклятые веревки обрушивались на стену, словно град, повергая монахов в смятение. Нескольких братьев зацепило крюками и поволокло к стене. Несчастные кричали от сильной боли: крюки застряли у кого в руке, у кого в плече.

Группа из семи безупречных, образовав круг, стояла справа от Джоджонаха. Монахи пели в унисон. Шестеро из них соединили руки; седьмой находился в центре круга, держа кусок графита. Над заливом затрещал голубой электрический разряд, отражаясь на металлической поверхности катапульт. Десятки вражеских стрелков бездыханными повалились на палубы.

Все это длилось какой-то миг, а уже в следующую секунду на месте погибших поври появились десятки новых. Они устремились к веревкам и, перебирая руками, с поразительной скоростью полезли вверх.

Монахи атаковали их выстрелами из луков, применяли силу камней, ударяли молниями и исторгали огонь из кончиков своих пальцев, чтобы поджечь веревки. Одновременно они били тяжелыми молотками, вышибая крюки, и перерубали веревки мечами. Поври гроздьями летели с высоты в воду, увлекая за собой обрывки веревок. Но к стенам подходили новые корабли, и штурм не прекращался ни на секунду.

По-прежнему не было никаких признаков приближения наземных сил врага, поэтому все монахи собрались на береговой стене. Вся сила Санта-Мир-Абель сосредоточилась на сотнях вражеских кораблей, которыми кишел залив Всех Святых. Воздух дрожал от выплесков магической энергии. Повсюду стоял смрад от горящей смолы. Слышались крики тонущих в холодной воде поври. Их крикам вторили крики умирающих монахов. Как только враги исчерпали свои запасы веревок, судовые катапульты начали обстреливать стену увесистыми корзинами, наполненными «ежами» — двухдюймовыми деревянными шариками, усеянными тонкими металлическими иголками. Зачастую острия иголок были смазаны ядом.

Несмотря на все разговоры о судьбе Пирет Талме и предостережения старших, более опытных и образованных монахов, защитники Санта-Мир-Абель все же были поражены

дерзостью и жестокостью осады. По части выучки и дисциплины армия поври не уступала любой другой боеспособной армии мира. Никто из монахов, даже упрямец брат Фрэнсис, ничуть не сомневались: появись сейчас наземные силы врага — и Санта-Мир-Абель, древнейшая и самая неприступная крепость во всем Хонсе-Бире, на сей раз падет.

Но даже и без наземных сил отец-настоятель Маркворт понимал опасность ситуации.

— Эй! — крикнул он монаху, чья катапульта выстрелила первой. — У тебя есть шанс искупить свою вину.

Молодой брат, страстно желавший восстановить благосклонность настоятеля, тут же подбежал к нему. Старик вручил ему три камня: малахит, рубин и серпентин.

Когда юноша догадался, в чем дело, у него округлились глаза. Отец-настоятель хотел, чтобы он прыгнул со скалы, спланировал на одно особо крупное скопление вражеских судов, используя силу левитации малахита и защитные свойства серпентина, а затем метнул бы по кораблям огненный шар.

— Ему не удастся подобраться близко, — начал протестовать Джоджонах, но Маркворт с такой злостью поглядел на него, что грузный магистр тут же отступил. Про себя Джоджонах продолжал спорить с настоятелем, доказывая ему ошибочность выбора столь неопытного монаха. Троичное действие камней было по силам более зрелым и опытным братьям, имевшим ступень безупречного, а то и магистра. Даже если этому юнцу и удастся выполнить задание, взрыв получится слабым — вспышка пламени, не больше. Этим поври не остановишь.

— Другого пути нет, — сказал молодому монаху Маркворт. — Надо уничтожить это скопище кораблей, и немедленно, иначе мы потеряем монастырь!

Не успел он произнести эти слова, как через стену перелезли двое поври. Безупречные немедленно бросились к ним и уничтожили прежде, чем те успели хоть как-то защититься. Потом монахи перерезали веревки, свисавшие со стены. Слова Марквортa получили наглядное подтверждение.

— Они не заметят твоего появления, разве что подумают, будто тебя зашвырнула одна из их катапульт, — объяснил он юноше. — Но об истинном положении вещей они догадаются лишь тогда, когда будут полыхать в огне, а ты — набирать высоту.

Монах кивнул, крепко сжал камни и вскочил на парапет. Оглянувшись назад, он резко оттолкнулся и прыгнул, камнем полетев со скалы. Маркворт, Джоджонах и еще несколько монахов поспешили к парапету, чтобы наблюдать его спуск. Когда магическая сила малахита превратил стремительное падение юноши в легкое снижение пера, несомого ветерком, настоятель громко выругался. Его посланец все еще находился слишком высоко над вражескими судами.

— Дурак! — заорал Маркворт, когда поври заметили монаха и начали метать в него пики, молоты и целиться из небольших арбалетов. К чести этого юноши (либо вследствие охватившего его ужаса, а может, еще и потому, что он не обладал магическими знаниями и силой), он не изменил направления, и хотя его несло обратно к скале, он продолжал снижаться.

Стрела ударила его в руку; один из камней выскользнул и упал.

— Серпентин! — воскликнул Джоджонах.

Зажав раненую руку, юноша вертелся и дергался, безуспешно пытаясь выскользнуть из-под нараставшего обстрела и подняться вверх.

— Нет! — закричал ему Маркворт.

— Но у него же нет защиты против огня! — закричал в ответ Джоджонах.

Монах лихорадочно метался — в него попало три стрелы подряд. Магическая энергия и жизненная сила покинули его, и обмякшее тело камнем рухнуло вниз, ударилось о борт вражеского корабля, отскочило и скрылось в темных водах залива Всех Святых.

— Приведи мне одного из этих дармоедов-беженцев! — приказал Маркворт брату Фрэнсису.

— Он не обладал достаточной силой, — сказал Джоджонах настоятелю. — Такое

задание не по плечу послушнику. Даже безупречный мог бы не справиться со столь сложной задачей.

— Я бы с удовольствием послал вас, чтобы избавиться от вашей персоны, — крикнул ему прямо в лицо Маркворт, отчего магистр утратил дар речи. — Но вы пока еще нужны здесь.

Брат Фрэнсис вернулся вместе с крестьянским парнем лет двадцати, застенчивым и глуповатым на вид.

— Я умею стрелять из лука, — объявил этот малый, стремясь выглядеть храбрым. — Я охотился на оленей.

— Возьми-ка лучше вот это, — велел настоятель Маркворт, подавая парню рубин.

Тот во все глаза уставился на священный камень, испытывая благоговейный трепет.

— Я… я не могу, — заикаясь, произнес он, не понимая, чего от него хотят.

— Зато я могу, — отрезал Маркворт и достал другой камень — свой могущественный гематит, магический камень.

Крестьянин очумело глядел на него. Брат Фрэнсис, достаточно сведущий в таких делах и понимавший, что ему необходимо отвлечь внимание парня, наотмашь ударил того по лицу и сшиб с ног.

Магистр Джоджонах отвел глаза.

Фрэнсис нагнулся над парнем, намереваясь ударить его еще раз.

— Сделано, — объявил крестьянин. Фрэнсис отвел занесенную для удара руку и почтительно помог ему встать.

— Одержание, — презрительно сплюнул Джоджонах. Ему едва верилось, что Маркворт совершил это греховное деяние, обычно считавшееся проявлением самых темных сторон магической силы гематита. Все эдикты недвусмысленно предписывали избегать овладения телом другого человека через одержание. К тому же, когда монахи использовали гематит для путешествий в духе, они нередко наталкивались на преграды, воздвигаемые применением других камней. Задумавшись о только что увиденном, Джоджонах почти не верил, что одержание — задача наиболее трудная из всех действий, связанных с самоцветами, — произошло с такой легкостью!

Теперь дух отца-настоятеля пребывал в теле крестьянина. Маркворт спокойно подошел к стене, заглянул через парапет, выискивая глазами наибольшее скопление кораблей поврри, затем без малейшего колебания, столь же спокойно перепрыгнул через парапет. На этот раз малахит не понадобился. Не было ни криков, ни страха. Во время падения с высоты ста футов настоятель сфокусировал все свое внимание на рубине. Он довел энергию камня до предела, и прежде, чем тело крестьянина ударилось о палубу, на врагов обрушился огромный колышущийся огненный шар. Дух Маркворта немедленно покинул тело крестьянина и, пролетев сквозь языки пламени, возвратился в тело настоятеля, ожидавшее его на вершине стены.

Маркворт мигал своими старческими усталыми глазами, как бы заново привыкая к собственному телу и отчаянно отгоняя недавнее ощущение неподдельного ужаса, пережитого им, когда он приблизился к палубам вражеских кораблей и магический огонь поглотил чужое тело, в котором он только что находился. Все монахи вокруг, за явным исключением магистра Джоджонаха, неистово ликовали. Многие из них глядели с парапета на громадный костер из пылающих судов поврри, шумно возносили хвалу, глазам своим не веря, что кому-то удалось сотворить столь гигантский огненный шар.

— Это нужно было сделать, — коротко бросил Маркворт.

Магистр не мигая смотрел на него.

— Пожертвовать одной жизнью ради спасения других — такова главнейшая заповедь нашего ордена, — напомнил Маркворт.

— Пожертвовать собственной жизнью, — поправил его магистр Джоджонах.

— Идите к катапультам, — недовольным тоном приказал Маркворт.

Магистр знал: его искусство обращения с камнями по-прежнему было необходимо

здесь, на вершине стены, однако он с радостью подчинился приказанию. Удаляясь, он несколько раз посмотрел на Маркворта. И хотя остальные монахи были совершенно очарованы магическим действом их настоятеля, Джоджонах, знавший Маркворта более сорока лет, испытывал тревогу и сильное замешательство.

В Санта-Мир-Абель можно было войти и со стороны моря. Ворота находились в пределах монастырской гавани, у самых вод залива Всех Святых. Дубовые створки ворот толщиною в два фута для большей прочности были обиты железом. Дополнительным заслоном служила опускная решетка с внутренней стороны, чьи остроконечные прутья были никак не тоньше человеческого бедра. За нею находилась еще одна опускная стена, столь же массивная и прочная, как внешние створки. Что там поври, даже фоморийские великаны не смогли бы сокрушить этот заслон за целую неделю непрерывной осады.

Разумеется, когда ворота были закрыты.

Однако настоятель Маркворт и магистр Джоджонах ничуть не удивились бы сейчас, увидев, что ворота распахнуты настежь, словно приглашая уцелевших и добравшихся до скалистого берега поври войти. Оба старших монаха и не могли ожидать чего-либо иного от магистра Де'Уннеро, когда тот добровольно вызвался возглавить отряд из двенадцати человек для охраны нижнего аванпоста. Он даже настаивал на этом. Возле массивных створок стояло по катапульте, но узкие бойницы существенно ограничивали дальность стрельбы. Маркворт прекрасно понимал, что Де'Уннеро никогда не удовлетворится несколькими выстрелами, от которых едва ли будет много пользы.

Поэтому молодой и горячий магистр открыл ворота. Сейчас он стоял в коридоре, почти у самого входа, и истерически хохотал, подзадоривая врагов войти.

На его призыв откликнулось десятка два «красношапошников», достаточно потрепанных нынешним сражением, но по-прежнему отчаянных. Они ввалились в коридор, потрясая молотами и топорами и размахивая своими не знающими пощады короткими мечами.

Едва последний из них миновал опускную решетку, она с оглушительным грохотом упала вниз, и эхо прокатилось по всему монастырю, долетев до береговой стены.

Это обстоятельство удивило, но отнюдь не остановило поври. Крича во всю глотку, «красные шапки» продолжали двигаться. В них полетели арбалетные стрелы, сразив нескольких врагов. Остальные упорно лезли вперед.

На их пути, улыбаясь, стоял Де'Уннеро. Его могучие мышцы были напряжены столь сильно, что казалось, они вот-вот прорвутся наружу. Монахи, и в особенности магистр Джоджонах, не раз говорили, что сердце Де'Уннеро может разорваться, ибо человеческое тело слишком тесно для кипучей натуры молодого магистра. Его нынешнее состояние красноречиво говорило об этом: вся фигура Де'Уннеро сотрясалась от внутренней энергии. В руках у него поври не увидели никакого оружия; только камень — тигровая лапа. Всего-навсего гладкий камешек коричневого цвета с черными прожилками.

Едва первый из поври приблизился на достаточное расстояние, Де'Уннеро высвободил магические силы камня. Руки магистра преобразились, превратившись в мощные передние лапы тигра.

— Йак! — закричал главарь поври, поднимая оружие и намереваясь защищаться.

Но Де'Уннеро оказался проворнее. Он выпрыгнул вперед, словно тигр, преследующий добычу, и с силой обрушил свою руку-лапу на лицо поври, раздирая его в клочья.

Со стороны казалось, будто магистр охвачен бешенством, но на самом деле он превосходно владел собой. Он перепрыгивал из стороны в сторону, не пропуская ни одного поври, хотя сзади находилось не менее дюжины монахов, готовых атаковать врагов. Камень все время находился у Де'Уннеро в руке-лапе; он буквально врос в кожу. Его воздействие на магистра усилилось. Внешне облик монаха не изменился, но внутри он ощущал, как его мышцы все более превращаются в мышцы громадной и сильной кошки.

Очередной удар его лапы подбросил одного из поври в воздух. Отскочив в сторону,

Де'Уннеро увернулся от удара молота и почти мгновенно вернулся на прежнее место. Нападавший поври даже не успел взмахнуть своим молотом — острые когти превратили в кровавое месиво и его лицо.

Остававшиеся в живых поври дрогнули, но боевой пыл Де'Уннеро еще далеко не иссяк. Магистр оттолкнулся и пролетел по воздуху не менее двадцати пяти футов, оказавшись в толпе карликов. Его острые тигриные когти и сильные ноги слились в один сокрушительный вихрь. Поври были отнюдь не слабыми врагами. К тому же они имели численное превосходство над Де'Уннеро, но сейчас им было не до атаки. Они заметались и бросились к выходу. Двое подбежало к опускной стене, что-то крича остававшимся снаружи сородичам. Нескольким удалось проскочить мимо неистового Де'Уннеро в глубь коридора, где их встретил второй залп арбалетных стрел.

Все монахи, кроме одного, побросали арбалеты, сменив их на оружие для рукопашной схватки, однако некоторые из них рванулись вперед, намереваясь добить карликов голыми руками.

Неподалеку от них Де'Уннеро зажал в своих огромных когтистых лапах голову еще одного уцелевшего поври. Когти вонзились врагу в череп. Магистр с легкостью раскачивал тело гнома, словно тот был тряпичной куклой. Потом он отшвырнул бездыханное тело и устремился к тем двоим, что находились возле опускной решетки.

За ними скрывался третий поври. Он наставил на Де'Уннеро духовое ружье и выстрелил, целя магистру в верх живота.

Монах зарычал, как настоящий тигр, и вырвал стрелу из своего тела вместе с приличным куском мяса, продолжая двигаться вперед. Стрелок вновь зарядил ружье. Двое гномов что-то прокричали, пытаясь протиснуться сквозь прутья опускной решетки.

В это мгновение вниз упала вторая опускная стена, перерубив стрелка и сплющив тела пытавшихся убежать поври.

Хлеставшая из раны кровь заставила Де'Уннеро остановиться. Он обернулся и вновь зарычал, но на этот раз боевой клич превратился в вопль отчаяния. Магистр обнаружил, что его солдаты сами управились с остальными гномами. Битва закончилась.

Неистовый магистр полностью вернулся в свой человеческий облик; его физические и магические силы были истощены. В животе ощущалось изрядное жжение; там что-то пылало и бурлило. Де'Уннеро понял, что стрела поври была отравленной. Большая часть яда — смесь парализующих и вызывающих боль веществ — была нейтрализована самой энергией магического перевоплощения. Но в организм проникло достаточно отравы, ибо магистра так затрясло, что вскоре он припал на одно колено.

Встревоженные монахи окружили его.

— Стрелков на катапульты! — зарычал на них Де'Уннеро. И хотя сейчас он вновь находился в человеческом обличье, голос его звучал подобно реву охотящегося тигра. Младшие монахи повиновались, и вскоре магистр Де'Уннеро, исполненный решимости, присоединился к ним и начал отдавать команды.

Поскольку большинство вражеских кораблей пылало в огне, утратив боеспособность, монахи покинули этот участок стены и рассредоточились. Теперь они устремились на подмогу в те места, где защитники стены нуждались в помощи. В это долгое зловещее утро немалому числу поври удалось перелезть через парапет, но проникнуть в глубь монастыря не удалось никому. К полудню, при полном отсутствии каких-либо признаков приближения наземных сил поври, исход битвы уже не вызывал сомнений. Поври, как обычно, продолжали ожесточенно сражаться. Более пятидесяти монахов были убиты, раненых же было в несколько раз больше, но потери среди людей не шли ни в какое сравнение с ошеломляющими потерями врага. Более пятисот кораблей флота поври лежали на дне залива Всех Святых, остальные поспешно уходили в открытое море, и находившихся на их борту гномов можно было пересчитать по пальцам.

Во второй половине дня магистр Джоджонах вместе с другими старшими монахами, искусными в магии камней, занялся лечением раненых. Братья младших ступеней начали

готовить к погребению тех, кому уже ничем не могли помочь камни. Когда утих хаос сражения, настала завершающая стадия — устранение следов войны. Дисциплинированные монахи быстро установили разумный и эффективный порядок, подчинив ему все, что было необходимо сделать. Магистра поразило лишь одно странное обстоятельство. Он знал: во владении отца-настоятеля находится самый могущественный камень во всем Санта-Мир-Абель. Между тем Маркворт, проходя мимо раненых, произносил лишь слова ободрения, но никого не пытаясь лечить. С того времени, как он сотворил гигантский огненный шар над заливом и метнул пару молний на вершине стены, прошло уже несколько часов, поэтому все слова настоятеля об истощении его магической энергии звучали не слишком-то правдоподобно.

Грузному магистру оставалось лишь беспомощно пожимать плечами и качать головой, видя, как изменилось поведение Марквортa, когда на стене появился Де'Уннеро. У него в боку зияла обширная рана, хотя этот бравый человек держался бодро и не подавал виду, что ему больно. Маркворт тут же подошел к нему и с помощью магического камня закрыл рану. Джоджонах знал, что настоятель связан с Де'Уннеро столь же тесно, как и с братом Фрэнсисом.

Джоджонах продолжал тихо делать свое дело, обдумывая и анализируя увиденное, чтобы потом как следует над всем этим поразмыслить.

— Ты по-прежнему упрямо лезешь туда, где всего опаснее, — отчитывал Де'Уннеро Маркворт, наблюдая, как под воздействием гематита затягивается рваная рана молодого магистра.

— Человеку нужны развлечения, — с озорной усмешкой отвечал Де'Уннеро. — Развлечения, в которых вы все время мне отказываете.

Маркворт отступил и сурово поглядел на него, прекрасно поняв смысл сказанного.

— Как движется обучение? — резко спросил он.

— Юсеф подает надежды, — признал Де'Уннеро. — Он смышлен и для достижения победы использует любое оружие и тактику.

— А брат Данделион?

— Медведь медведем: руки сильные, но умишко слабый, — ответил Де'Уннеро. — Пока Юсеф направляет его действия, он сможет служить нашим целям.

Отец-настоятель с видимым удовлетворением кивнул.

— Я бы мог одолеть их обоих, — заявил Де'Уннеро, пряча самодовольную улыбку человека, сознающего свое превосходство. — Их удостоили звания Карающих Братьев, но все равно я мог бы легко справиться с ними. Уж я бы сумел разыскать Эвелина и самоцветы.

С этим утверждением Маркворт не мог спорить, однако он привел свой довод:

— Ты — магистр, и у тебя другие обязанности.

— Более важные, чем охота за Эвелином?

— Столь же важные, — ответил Маркворт тоном, не допускавшим возражений. — Юсеф и Данделион смогут послужить нашим целям только в том случае, если магистр Маркало Де'Уннеро надлежащим образом подготовит этих братьев.

Лицо Де'Уннеро брезгливо сморщилось, глаза его зловеще сузились. Молодой магистр очень не любил, когда лезли с расспросами в его дела.

Марквортy был знаком этот взгляд, ибо настоятель часто ловил его на себе. Но знал, что Де'Уннеро не пойдет против него, а потому прыти молодого магистра можно будет найти должное применение.

— Позвольте мне отправиться на эту охоту — без обиняков заявил Де'Уннеро.

— Ты подготавливаешь охотников, — парировал выпад Маркворт. — Поверь мне, твои усилия не останутся без вознаграждения.

С этими словами отец-настоятель удалился.

— Сегодня мы показали себя настоящими героями, — горделиво произнес магистр Де'Уннеро, обращаясь к Марквортy и другим магистрам, собравшимся после вечерни для

подведения итогов.

— Удачливыми героями, — напомнил магистр Джоджонах. — Ни наземные силы поври, ни армия гоблинов так и не появились в наших краях.

— Я бы сказал, что мы были более чем удачливыми, — выпалил Фрэнсис, хотя на собрании такого уровня ему подобало молчать. Ведь Фрэнсис еще не достиг даже ступени безупречного и присутствовал на встрече лишь в качестве сопровождающего отца-настоятеля. Однако Маркворт ни жестом, ни словом не остановил выскочку, да и остальные братья молчаливо позволили ему говорить.

— Такая тактика не характерна для наших врагов, — продолжал Фрэнсис, — Все сведения, доходящие с линии фронта к северу от Палмариса, указывают на согласованность действий этих чудищ и их подчиненность общему управлению. Это наглядно подтверждается успехом нашего обманного маневра. Корабли поври действительно ожидали наступления наземных сил.

— Тогда где же были… где они — наземные вражеские силы? — нетерпеливо спросил Маркворт. — Не случится ли так, что завтра утром мы проснемся и вновь окажемся в осаде?

— Вражеский флот не вернется, — тут же ответил один из магистров. — А если вся эта нечисть нападет на нас с суши, они удостоверятся, что с западной стороны монастырь укреплен куда сильнее, чем с моря.

Когда звучали эти слова, магистр Джоджонах ненароком глянул на Де'Уннеро и его неприятно поразила наглая улыбка, совершенно непристойная для магистра Абеликанского ордена.

— Сегодня ночью утройте количество караульных на всех стенах, — распорядился отец-настоятель.

— Многие братья крайне утомлены после сражения, — проговорил друг Джоджонаха, кроткий магистр Энгресс.

— Так пошлите в дозор крестьян! — обрушился на него Маркворт. — Они явились сюда есть наш хлеб и прятаться за стенами монастыря и за спинами братьев. Пусть теперь отрабатывают и несут караул в эту и во все последующие ночи.

Энгресс посмотрел на Джоджонаха и нескольких других магистров, однако никто из них не осмелился возразить Марквору.

— Будет исполнено, отец-настоятель, — покорно сказал магистр Энгресс.

Настоятель уперся ногами в пол и с силой отодвинул свой стул. Скрипнули деревянные половицы. Он поднялся и дал знак расходиться, затем вышел из комнаты. Встреча закончилась.

Маркворт считал, что все важные дела они уже обговорили. Ему хотелось побыть наедине со своими мыслями, да и с чувствами тоже, поскольку некоторые из них были по-настоящему тревожными. Сегодня днем он отправил человека в смертельный полет, и этот поступок требовал какого-то объяснения. Настоятель осознавал и то, что после сражения он не слишком-то усердно исцелял раненых. У него хватало магической энергии, он прекрасно это знал даже в тот момент, когда произносил свои лживые отговорки. Дело было в другом: ему не хотелось помогать раненым. Взять хотя бы того искалеченного монаха, сидевшего у прибрежной стены. Беднягу зацепило веревкой с крюками и разворотило руку. Но когда он подошел к раненому, чтобы силой гематита исцелить рану… да, такое действие требовало вхождения в тесный контакт с другим человеком… он отпрянул, ощущая… Что он ощущал в то мгновение?

Гнев? Отвращение?

Маркворт не находил ответа, но он полностью доверял своим инстинктам. Он сознавал, что внутри ордена нарастает слабость, отход от основ. Эвелин — и здесь вина этого нечестивца! От Эвелина началась вся эта ржа, а теперь, похоже, она стала повсеместной, и даже он потерял бдительность.

Да, все именно так и есть, — рассуждал отец-настоятель. Дух монастыря слабеет. Они настолько пропитались состраданием, что уже не в состоянии распознать зло и поступить с

ним надлежащим образом. Взять, к примеру, Джоджонаха с его глупым сочувствием к тому крестьянскому дурню, чья принесенная в жертву жизнь спасла столько других жизней.

Но Де'Уннеро не таков, — подумал Маркворт и даже улыбнулся. Этот человек силен и блистателен. Возможно, стоило уступить его притязаниям и отправить Де'Уннеро на поиски Эвелина и самоцветов. Если поручить задание Маркало Де'Уннеро, можно почти не сомневаться в успехе.

Отец-настоятель тряхнул головой, напомнив себе, что в отношении этого магистра у него есть другие планы. Маркворт молча дал себе клятву, что Де'Уннеро будет двигаться по ступеням иерархии как его преемник. Едва увидев раны молодого магистра, настоятель ощутил желание исцелить их, словно священный камень призвал его к такому поступку и раскрыл истину.

Теперь в сознании настоятеля Марквортa все встало на свои места. Он мысленно пообещал себе подобающим образом прославить несчастного крестьянина, может, воздвигнуть статую в его честь. Затем настоятель лег в постель.

Спал он крепко.

Разведчики, посланные из Санта-Мир-Абель на следующий день, обошли все окрестные земли и вернулись, сообщив, что ими не обнаружено каких-либо признаков вражеской армии вблизи монастыря. Через неделю стало ясно: войска поври погрузились на корабли и отплыли неизвестно куда. Армия гоблинов, до сих пор представлявшая собой внушительную силу в этих краях, распалась на шайки, утратившие слаженность действий и промышлявшие набегами на города.

Бригада Непобедимых — регулярная армия Хонсе-Бира — выслеживала эти шайки и уничтожала одну за другой.

Однако в Санта-Мир-Абель понимали, что существует более глубокая подоплека всех этих вроде бы добрых вестей.

— Мы должны добраться до причины, внесшей смятение в ряды наших врагов, — твердил монахам отец-настоятель Маркворт. — А ее следует искать в Барбакане, где, по слухам, произошел взрыв.

— Вы полагаете, что демон-дракон уничтожен? — спросил магистр Джоджонах.

— Я полагаю, что наш враг обезглавлен, — ответил Маркворт. — Но мы должны узнать всю правду.

— Значит, экспедиция, — простодушно заключил магистр Энгресс.

Брат Фрэнсис первым выскочил из комнаты, чтобы взяться за подготовку путешествия в Барбакан. Как всегда, он был готов лезть из кожи, только бы угодить отцу-настоятелю.

ГЛАВА 3
РОДЖЕР НЕ-ЗАПРЕШЬ

— Он там, — причитала старуха. — Я знаю, он там! Бедный мальчик!

— Может статься, он уже мертв, — сказал один из беженцев, мужчина зим тридцати. — Это было бы для него самым лучшим. Бедный мальчик.

Их было человек двенадцать, бывших жителей Кертинеллы, сидевших тесным кружком на вершине утеса в четверти мили от родного городка и наблюдавших за поври и гоблинами. Несколько часов назад в городе маячили два фоморийских великана, но сейчас их было не видать. Наверное, отправились охотиться за беженцами.

— Говорила же я ему, что туда нельзя идти, — продолжала старуха. — Их там такое скопище.

Томас Джинджерворт, сидевший поодаль, понимающе улыбнулся. Этим людям просто не понять парня по имени Роджер. Для них он по-прежнему оставался Роджером Биллингсбери, сиротой, ставшим общим сыном горожан. Когда у мальчишки умерли отец и мать, его, по общему разумению, намеревались отправить на юг, в Палмарис, и, возможно, отдать на воспитание монахам аббатства Сент-Прешес. Однако жители Кертинеллы, люди

отзывчивые и привыкшие помогать друг другу, все же решили оставить Роджера в городе и кто как мог помогали ему расти и преодолевать горести и беды.

Роджер рос болезненным, хилым ребенком и поражал своей хрупкостью. Его физическое развитие нарушилось в одиннадцатилетнем возрасте из-за лихорадки, унесшей родителей мальчика и обеих сестер.

Прошло уже несколько лет, но для обеспокоенных горожан Роджер, который внешне почти не изменился за эти годы, оставался все тем же маленьким сиротой.

Но Томас знал кое-что другое. Свою фамилию Биллингсбери Роджер давно сменил на прозвище Не-Запрешь. Он так и звался теперь — Роджер Не-Запрешь, и прозвище это ему дали не напрасно. Не существовало таких замков, засовов и запоров, которые Роджер не мог бы открыть; не было дверей, через которые он не мог бы проникнуть, и не было места, куда бы ему не удалось прокрасться. Томас постоянно напоминал себе об этом, глядя в сторону Кертинеллы. По правде, и он немного беспокоился, но лишь немного.

— Вон их ведут, — охала старуха, возбужденно указывая в направлении города. У нее были зоркие глаза, потому что и в самом деле через городскую площадь двигалась шайка гоблинов, сопровождавшая пленников — изможденных, оборванных людей. То были жители Кертинеллы и соседнего Ландсдауна, не успевшие сбежать или надежно укрыться в лесу. Теперь эти гнусные гоблины и поври превратили город в свой опорный пункт, а захваченных людей — в рабов.

Беженцы понимали, какая жуткая участь ожидает пленников, когда гоблины и поври больше не нуждаются в них как в даровой рабочей силе.

— Вы бы лучше не растравляли себе душу, — раздался голос сзади. Сидевшие обернулись и увидели приближавшегося к ним дородного человека по имени Белстер О'Комели. — Мы держимся слишком близко от городов. Неужели вам хочется, чтобы всех нас сцапали?

Невзирая на все свои усилия, Белстеру, в прошлом — веселому трактирщику, владельцу весьма почитаемого в Дундалисе заведения «Унылая Шейла», не удавалось сохранять твердость голоса. На юге он оказался вместе с беженцами из Дундалиса, Сорного Луга и На-Краю-Земли — трех городов края Тимберленд. Спутники Белстера, пришедшие вместе с ним с севера, значительно отличались от здешних людей, недавно изгнанных из Кертинеллы, Ландсдауна и более мелких поселений вдоль дороги, ведущей к большому портовому городу Палмарису. Группа Белстера прошла обучение у таинственного воителя по имени Полуночник и потому не знала ни страха, ни отчаяния. Они умели прятаться от гоблинов, а в благоприятные моменты превращались в охотников на тех же гоблинов, поври и даже на великанов.

— Я обещал, что мы попытаемся их освободить, — продолжал Белстер, — но не так скоро. Не сейчас. Какая им будет польза от нас мертвых? Пойдемте отсюда.

— Неужели ничего нельзя сделать? — сердито спросила старуха.

— Молись, матушка, — чистосердечно ответил Белстер. — Молись за них всех.

Томас Джинджерворт согласно кивнул. И молись за гоблинов, добавил он про себя, подумав, что Роджеру там сейчас приходится туго.

Белстер усмехнулся и подошел к нему, чтобы поговорить наедине.

— Ты хочешь от меня большего, — тихо проговорил толстый трактирщик, неверно истолковав взгляд Томаса. — Я и сам хочу от себя большего. Но на мне полторы сотни человек.

— Почти сто восемьдесят, если считать беженцев из Кертинеллы и окрестных селений.

— Из которых лишь пятьдесят способны сражаться и защищать всех остальных, — заметил Белстер. — Так могу ли я атаковать город, рискуя потерять людей, когда на карту поставлено столько жизней?

— Ты рассуждаешь мудро, господин О'Комели, — искренне сказал Томас. — Ты поклялся совершить налет на город, когда наступит подходящее время. Но боюсь, что это время так и не наступит. Гоблины — разгильдяи, а вот поври — отнюдь нет. Смышлености

им не занимать, да и военной выучки тоже. Их стража не дрогнет.

— Так что же мне делать? — спросил расстроенный Белстер.

— Делай, что велит долг, — ответил Томас. — А твой долг касается этих ста восьмидесяти, а не тех, кто оказался в лапах у поври.

Белстер долго смотрел, не мигая, на Томаса, и тот видел, какой болью полны добрые глаза этого человека.

— Всех тебе не спасти, — напрямую сказал Томас.

— Я должен попытаться.

Томас покачал головой, не дав Белстеру закончить.

— Не валяй дурака, — сурово произнес он.

Белстер только сейчас понял, что недавняя улыбка Томаса не имела отношения к сомнениям Белстера насчет похода на Кертинеллу.

— Если ты ударишь в открытую, — продолжал Томас, — тогда жди погони. Боюсь, что наши любезные гоблины на этом не остановятся и начнут прочесывать лес вширь и вглубь, пока всех нас не переловят и не возьмут в плен. Или поубивают, потому что среди беженцев немало стариков и детей, ненужных этим тварям.

— Значит, ты согласен с моим решением выждать и даже отойти подальше?

— Со скрипом, — ответил Томас. — Столь же неохотно, как и ты сам соглашаешься с ним. Ты — совестливый человек, Белстер О'Комели, и жителям Кертинеллы просто повезло, что ты со своими людьми оказался здесь.

Белстер искренне обрадовался похвале, ибо нуждался в поддержке. Вместе с тем, когда он вновь бросил взгляд в направлении занятого врагами города, и у него больно сжалось сердце при мысли о мучениях, какие сейчас приходилось испытывать несчастным узникам.

За рабами, которых гоблины вели к темному лесу, примыкавшему к Кертинелле, наблюдали не только беженцы. Был и еще один любопытный, пристально наблюдавший за процессией. Роджер Не-Запрешь лучше, чем кто бы то ни было, знал все закоулки города. С тех пор как враги заняли Кертинеллу, Роджер бывал там почти каждую ночь, передвигаясь по глухим закоулкам, подслушивая разговоры гоблинов и поври и выведывая их планы. Таким образом он узнал, что на юге, сравнительно недалеко отсюда, идут крупные сражения. Пронырливый Роджер Не-Запрешь знал врага лучше, чем остальные, а главное — знал уязвимые стороны этих тварей. Когда перед рассветом он покидал город, его хрупкая фигурка становилась значительно толще от спрятанных под одеждой съестных припасов, которые он нес беженцам в лес. Он воровал так виртуозно, что враги редко замечали эти кражи.

Но самым блестящим достижением его воровского искусства оставалась кража, совершенная им три ночи назад. Он украл любимого пони главаря поври и устроил все таким образом, что подозрение пало на двух дозорных гоблинов. Используя свои тонкие методы шпионажа, Роджер выведал заранее, что по чистому совпадению именно этой ночью дозорные собрались попировать и угоститься кониной.

Утром дозорных повесили на городской площади. Это зрелище Роджер также не пропустил.

Сегодня дела обстояли иначе. Из подслушанного ночью разговора Роджер узнал, что поври намереваются убить одну пленную женщину. Гоблины видели, как тетушка Келсо посмела съесть лишний сухарь. Узнав об этом, главарь поври, неумолимый Коз-козио Бегулне, приказал казнить ее в назидание другим. Поэтому Роджер решил не покидать город, а где-нибудь притаиться.

Сейчас тетушка Келсо находилась в лесу и рубила деревья вместе с остальными пленниками, не подозревая, что жить ей осталось считанные часы.

За последние недели Роджер насмотрелся на изрядное количество зверств. Нескольких людей зарубили лишь потому, что какому-то гоблину или поври не понравилось, как эти несчастные на них посмотрели. Правда, прагматично мыслящий юный вор лишь качал головой и отводил взгляд. «Не мое дело», — часто напоминал он себе.

Однако на этот раз он не мог остаться в стороне. В детстве, когда он осиротел, тетушка Келсо относилась к нему с материнской заботой и часто подкармливала сорванца, бегавшего по улицам Кертинеллы. Несколько лет ее сарай служил Роджеру местом ночлега, хотя муж тетушки Келсо не отличался добросердечием и все время требовал, чтобы он убирался прочь. Но добрая женщина неизменно утихомиривала мужа, уводила его и, обернувшись, подмигивала Роджеру, кивая головой в сторону сарая.

Сегодня Роджер не мог просто покачать головой и сказать: «Не мое дело».

А что он мог? Он не был воином, но даже если бы и был, в городе или поблизости ошивалась парочка фоморийских великанов, не считая сотни гоблинов и пяти десятков поври. И это не все. Число тварей, шнырявших по окрестным лесам и близлежащим деревням, было, наверное, раз в десять больше. Роджер надеялся успеть до наступления рассвета вывести тетушку Келсо из города, но к тому времени, когда он узнал о зловещих планах поври, пленников уже успели разбудить и построить, приставив к ним сильную охрану.

Думать последовательно, — без конца твердил себе Роджер. Узники были скованы по ногам, и расстояние между людьми равнялось примерно пяти футам. Для большей надежности враги использовали особые кандалы и левую ногу узника соединяли цепью с его соседом слева, а правую — справа. Роджер прикинул: ему потребуется почти минута, чтобы управиться с обоими замками, и это при условии, что тетушка Келсо и те двое, кто с нею скован, будут вести себя тихо и помогать ему.

Рядом с арбалетчиками поври минута казалась вечностью.

— Надо чем-то отвлечь их внимание, — без конца бормотал юный вор, незаметно перемещаясь по занятому врагами городу. — Призыв к оружию? Нет, только не это. Может, пожар?

Роджер задумался, сосредоточив взгляд на двоих гоблинах, загружавших охапки прошлогоднего сена в сарай. У одного изо рта торчала трубка, испускавшая большие кольца зловонного дыма.

— Огонь мне по вкусу, — прошептал Роджер. Он двинулся вперед, быстро и беззвучно, словно кот на охоте, обогнул сарай и проник внутрь. В прежние годы он частенько пробирался в сарай с задней стороны, найдя какую-нибудь подгнившую или сломанную доску. Вскоре он уже прятался за сеном, находясь в нескольких футах от ничего не подозревавших гоблинов. Роджер терпеливо ждал почти десять минут, пока курильщик не выколотил трубку и не начал набивать в нее новую порцию вонючей травы.

Роджер здорово умел зажигать огонь — это было одним из его многочисленных дарований. Он отошел подальше, чтобы не слышали гоблины, затем чиркнул кремнем по кресалу над пучком соломы.

После этого Роджер тщательно набросал соломы вокруг того места, где гоблин выколачивал свою трубку. Сарай он покинул так же, как и вошел, успев выбраться наружу раньше, чем первые струйки дыма достигли ноздрей гоблинов.

Сено вспыхнуло, словно гигантская свечка. Ну и вой подняли гоблины!

— Нападальщики! — кричали одни.

— Враги! Враги! — вопили другие.

Но когда они прибежали к сараю и увидели своих сородичей, лихорадочно пытавшихся затушить сено, причем у одного во рту торчала трубка, они запели по-иному.

Гоблины, которые стерегли в лесу работавших узников, не сдвинулись с места, но дым отвлек и их внимание. Для Роджера этого было достаточно, чтобы легко проскользнуть за спинами арестованных и оказаться за раскидистым дубом, который без особого усердия рубила тетушка Келсо. Заметив парнишку, она чуть не вскрикнула, но Роджер тут же сделал знак, велев ей и тем, кто был рядом, молчать.

— Слушай меня внимательно, — зашептал он и тут же принялся отстегивать кандалы. — Только тихо! Они намерены тебя убить. Я слышал их разговор.

— Тебе нельзя забирать ее отсюда, или они всех нас поубивают! — возмутился сосед

тетушки Келсо. Его голос прозвучал довольно громко. К счастью, стражники не услышали, что он сказал, и лишь прорычали: «Работать!»

— Ты должен взять нас всех, — потребовал другой узник.

— Это мне не по силам, — ответил Роджер. — Но они вас не убьют. Они даже не заподозрят вас.

— Но… — начал первый, однако Роджер глазами велел ему молчать.

— Когда я вызволю тетушку Келсо, я замкну ее кандалы на этом деревце, — пояснил парнишка. Сосчитаете до пяти, чтобы мы могли скрыться, а потом сделаете вот что…

— Это хмырявый Грими Снортс. Довонярился своей трубкой, — проворчал один из стражников, сообразив, чем вызвана заваруха в городе. — Теперь ублюдный Коз-козио не даст нам вечером привара к жратовине.

Другой стражник загоготал:

— А мы, можа, приварим самого Грими Снортса!

— Демон! — послышался крик, заставивший стражников быстро обернуться. Они увидели, что узники побросали топоры и изо всех сил пытались убежать.

— На место! — заорал один из гоблинов, подскочив к ближайшей женщине и с размаху ударив ее щитом, отчего та упала. — На место!

— Демон! — кричали узники, в точности выполняя наставления Роджера. — Демон-дракон!

— Он превратил ее в дерево! — закричала другая женщина. Гоблины недоуменно оглянулись, затем оцепенело почесали затылки, увидев, что общая цепь узников разделилась на две, каждая из которых оказалась прикованной к небольшому, но крепкому дереву.

— Дерево? — прохрипел один из стражников.

— Иди ты! — пробормотал другой.

Все внимание врагов переместилось с догорающего сарая на шум и крики в лесу. Туда сбежались множество гоблинов и целая орава поври во главе с их беспощадным вожаком Коз-козио Бегулне.

— Отвечай, что ты видел? — спросил он у мужчины, который прежде был прикован справа от тетушки Келсо и потому теперь находился почти у самого дерева.

— Демона, — заикаясь произнес тот.

— Демона? — недоверчиво повторил Коз-козио. — И как же этот демон выглядел?

— Огромный, черный, — заплетающимся языком ответил узник. — Большая крылатая тень. Я… попытался убежать. А он… он превратил несчастную тетушку Келсо в дерево!

— Тетушку Келсо? — пару раз повторил Коз-козио, пока не вспомнил и саму женщину, и ту участь, что ей готовил. Неужели вернулся Бестесбулзибар, демон-дракон, повелитель темной армии? Не было ли это знаком, что он вновь с Коз-козио и следит за действиями предводителя поври?

По его спине пробежала дрожь, когда он вспомнил судьбу прежнего вожака этого войска — гоблина по имени Готра. В припадке гнева, который почти постоянно обуревал демона-дракона, Бестесбулзибар заживо содрал с гоблина кожу, пока тот еще был способен видеть и чувствовать. Тогда-то вместо него и был поставлен Коз-козио, а поври уже расценил это как весьма опрометчивое решение.

Сбежавшиеся поври внимательно разглядывали дерево, безуспешно пытаясь вспомнить, не стояло ли оно здесь раньше. На самом ли деле Бестесбулзибар вернулся, или же людишки попытались их обмануть? Этот вопрос чрезвычайно занимал сейчас и без того вечно подозрительных поври.

— Обыскать все вокруг! — приказал Коз-козио своим подручным. Те с опаской принялись выполнять приказ, поминутно озираясь. Главарь поври закричал еще громче, суля смерть каждому, кто обманет.

— А ты, шелудивый человеческий пес, — обратился Коз-козио к узнику, находящемуся в непосредственной близости от дерева, — возьми-ка свой вонючий топоришко и сруби тетушку Келсо под корень!

Испуганный вид узника заставил гнусную физиономию главаря поври осклабиться в улыбке.

Роджер понимал, чем рискует, подходя близко к городу. Но теперь, когда тетушка Келсо в полной безопасности держала путь к лагерю беженцев, он просто не мог отказать себе в удовольствии полюбоваться на дело собственных рук. Роджер удобно устроился на дереве, прислонившись к стволу, и глядел, как два тупых гоблина прошли прямо под ним. Когда вражеский дозор удалился, парнишка подошел еще ближе и залез на тот же дуб, который перед этим рубила тетушка Келсо.

Теперь Роджер вдоволь насладился зрелищем. Узников вновь выгнали на работу; тех, что раньше находились слева и справа от тетушки Келсо, соединили кандалами. Поври вернулись в город, оставив горстку гоблинов стеречь людей. Кроме того, несколько этих беспокойных тварей шныряли по окрестному лесу.

Да, ну и заварушку он устроил, с удовольствием думал Роджер. За всю свою недолгую жизнь он еще никогда так здорово не развлекался.

ГЛАВА 4
У РАЙСКИХ ВРАТ

Сильный и ладный, Полуночник спрыгнул с Дара на скаку, когда конь двигался средним галопом. Спрыгнув, он продолжил путь, на бегу натягивая тетиву Крыла Сокола. Пони поскакала дальше, крепко держа поводья и помогая коню двигаться по коварной глинистой почве. Она уверенно обогнула с левой стороны подножье широкого холма. Элбрайн направился вправо.

Не проехав и половины пути, Пони заметила троицу гоблинов, за которыми они охотились. Двое из них находились далеко впереди, стремглав несясь к небольшой рощице, а третий пытался запутать след, обходя холм с другой стороны.

— Быстрей вперед! — крикнула Пони и, пригнувшись к крупу Дара, направила коня прямо к холму.

Дар остановился, когда прямо перед ним из-за холма показался гоблин. Он судорожно цеплялся руками за стрелу, которая застряла у него в горле. Вторая стрела ударила его в грудь, и он повалился в грязь.

— Им привычнее действовать среди деревьев, — сказала она подбежавшему Полуночнику. — Здесь мы уложим их без труда.

Элбрайн замедлил шаг, бросив взгляд на рощицу и, кажется, соглашаясь со своей женой. Он подошел к мертвому гоблину, чтобы вытащить свои стрелы. Потом выпрямился и осмотрелся. На его красивом лице появилось странное выражение.

— Можно будет обойти эту рощицу, — предложила Пони. — Найдем место поудобнее и ударим по ним.

Похоже, Полуночник не слышал ее слов.

— Элбрайн?

Он продолжал осматриваться. Лицо его выражало неподдельное изумление.

— Элбрайн! — уже настойчивее позвала Пони.

— Мне знакомы эти места, — отрешенно проговорил Элбрайн. Взгляд его быстро скользил по окрестностям, не останавливаясь ни на миг.

— Вересковые Пустоши? — недоверчиво спросила женщина. Сморщившись от неудовольствия, она оглядела эти глухие места. — Неужели мы сбились с пути?

— Я проезжал здесь, когда возвращался в Дундалис, — объяснил Элбрайн. — Когда я покинул эльфов.

Он подбежал к нескольким березам, что росли поблизости, и наклонился, словно ожидая увидеть следы его давнишней стоянки.

— Да, — взволнованно проговорил юноша, — тихой ночью я спал на этом самом

месте. Только комары отчаянно кусались, — усмехнувшись добавил он.

— А гоблины? — спросила Пони, кивком головы указывая в направлении рощицы.

— Гоблинов я тоже встречал, но уже дальше к востоку, на краю Вересковых Пустошей.

— Я говорю об этих гоблинах, — твердо произнесла Пони, снова указывая вперед.

Элбрайн отрешенно отмахнулся. Сейчас его не занимали гоблины; особенно сейчас, когда в памяти все ярче и ярче вставала дорога, по которой он когда-то проходил. Он пробрался между Пони и Даром и стал смотреть поверх забрызганных грязью кустов и глинистых ухабов, туда, где на западе едва проступал черный силуэт гор, отливавший серебром в лучах заходящего солнца.

— Забудь о гоблинах, — вдруг сказал Элбрайн. Он схватил поводья и развернул коня вместе с всадницей. Теперь они глядели прямо на далекую горную цепь.

— Забыть о гоблинах? — переспросила Пони. — Мы гнались за ними по Вересковым Пустошам добрых двадцать миль и добрую часть пути по этим гнилым местам. У меня от комариных укусов саднит все тело; ни одного живого места не осталось, а здешний запах будет преследовать нас еще целый год! И ты хочешь, чтобы теперь мы все бросили?

— Это пустяки, — не глядя на жену, ответил Элбрайн. — Из тридцати уцелело всего двое. Сомневаюсь, чтобы они, потеряв двадцать восемь своих бойцов, скоро решатся напасть на На-Краю-Земли.

— Не будь таким беспечным, — сказала Пони.

— Забудь о них, — вновь произнес Элбрайн.

Пони склонила голову и что-то негромко проворчала. Даже если Элбрайн и решил махнуть рукой на тех двух гоблинов, ей едва верилось, что он вознамерился изменить курс и двигаться на запад, в противоположную сторону от Тимберленда. Однако она доверяла мужу. Если ее догадка верна, сейчас они находились ближе к западной оконечности Вересковых Пустошей, чем к восточной. Чем раньше они выберутся из этой гнусной, кишащей насекомыми дыры, тем лучше.

Они успели проехать еще немного, пока солнце не начало опускаться за далекие горы и Элбрайн не понял, что пора устраиваться на ночлег. Их по-прежнему окружал Вересковые Пустоши с отчаянно звенящими комарами. К тому же, и это еще больше не нравилось Пони, они не слишком-то далеко отъехали от той рощицы, где скрылись гоблины. Она несколько раз пыталась заговорить об этом с Элбрайном, но ее спутник, похоже, ничего не слышал. Наконец он объявил:

— Я должен обратиться к Оракулу.

Пони взглядом проводила мужа до огромного дерева. Один из его скрюченных мощных корней выдавался из рыхлой почвы, образуя неглубокую пещерку.

— Замечательное укрытие, если гоблины решатся напасть, — невесело заметила она.

Их всего-навсего двое.

— Думаешь, они не найдут себе подмогу в этих гнилых местах? — спросила Пони. — Эдак мы устроим стоянку, предвкушая отдых и спокойный ночлег, а к рассвету будем вынуждены сражаться против целой армии гоблинов.

Казалось, Элбрайн уклоняется от разговора. Он закусил верхнюю губу, глядя на дерево, под корнями которого он мог бы уединиться с Оракулом. Он чувствовал, что ему нужно поговорить с дядей Мазером, и как можно скорее, пока в мыслях не померк образ той давным-давно потерянной тропы.

— Иди и делай, что должен делать, — сказала Пони, прочитав на лице мужа сосредоточенность и тревогу. — Но отдай мне кошачий глаз. Мы с Даром проверим, нет ли гоблинов поблизости.

Элбрайн облегченно вздохнул, снял с головы обруч и передал его жене. Обруч был подарком Эвелина Десбриса, и они с Пони по мере необходимости передавали его друг другу. В любом случае, обруч только мешал при общении с Оракулом, нарушая весь ход мыслей. В обруч был вделан хризоберилл, более известный под названием кошачий глаз. Этот камень позволял хорошо видеть в ночной темноте и даже во тьме пещер.

— Ты у меня в долгу, — объявила Пони, водружая обруч поверх густой копны светлых волос. Ее тон и улыбка, внезапно тронувшая уголки рта, подсказали юноше, в чем заключался долг. Он еще более утвердился в этой мысли, когда вскоре Пони спрыгнула на землю и горячо поцеловала его.

— Позже, — добавила она.

— Когда вокруг не будет ни гоблинов, ни комаров, — согласился Элбрайн.

Пони уже вновь находилась в седле. Подмигнув Элбрайну, она развернула коня и неспешно двинулась навстречу сгущавшейся тьме. Но сейчас, когда на ней был обруч с кошачьим глазом, окружающий мир оставался для нее ясно видимым.

Элбрайн глядел на жену с глубокой нежностью и уважением. Нынешние времена приносили молодому воину одно испытание за другим; изо дня в день все его силы и способности, и физические и умственные, подвергались жесточайшей проверке. Здесь не знаешь, не окажется ли роковым принятое тобой решение и не даст ли преимущества врагам сделанный тобой шаг. Элбрайн радовался, что рядом с ним Пони — такая рассудительная, умелая и такая красивая.

Когда она скрылась из виду, юноша вздохнул и вернулся к тому, что должен был сделать. К подготовке места для общения с Оракулом и встречи с дядей Мазером.

Вскоре Пони убедилась, что гоблины вовсе не оставили их с Элбрайном в покое, а наоборот, шли за ними по пятам. Обнаруженные следы свидетельствовали о том, что двое гоблинов действительно повстречали соплеменников и, возможно, численностью не менее дюжины. Пони посмотрела вперед, затем обернулась на место их стоянки, находившееся примерно в миле отсюда. Появись сейчас гоблины, ей пришлось бы скакать туда во весь опор, чтобы успеть предупредить Элбрайна.

— Оракул, — произнесла она, покачав головой и тяжело вздохнув. Она велела Дару стоять смирно, затем достала из сумки малахит. Она высвободила ноги из стремян, направляя все свои мысли внутрь камня и собирая его силу. Потом Пони стала медленно подниматься в ночное небо, надеясь, что уже вполне стемнело и острые глаза гоблинов ее не заметят.

Она поднялась не более чем на двадцать футов, когда заметила их, сгрудившихся вокруг небольшого и тщательно замаскированного костра. Они находились в соседней рощице, в каких-нибудь двухстах футах от нее. По всему было видно, что гоблины расположились не на ночлег. Все они были возбуждены и что-то чертили на земле; возможно, намечали или искали пути, споря и толкая друг друга.

Пони не хотела тратить слишком много своей магической энергии и потому постепенно ослабила даваемую малахитом силу левитации и опустилась на спину Дара.

— Ты готов поразвлечься? — спросила она у жеребца, возвращая малахит на место и доставая из сумки два других самоцвета.

Дар негромко заржал, и Пони потрепала его по шее. До сих пор она никогда не действовала таким образом, тем более вместе с лошадью. Однако сейчас ее буквально распирало от нетерпения. Эвелин был прекрасным учителем. К тому же она постоянно получала новые знания о камнях и эти знания превосходили то, что она знала прежде. Сердце Пони было преисполнено уверенности, что у нее все получится.

Она направила коня к лагерю гоблинов, а сама взяла серпентин и начала собирать его магическую силу. В другой руке Пони одновременно сжимала поводья и рубин — быть может, самый могущественный камень из всех ее самоцветов.

С помощью кошачьего глаза Пони тщательно выбрала путь — тропку, позволявшую им с Даром двигаться быстро и наверняка. Не доезжая двадцати ярдов (звук конских копыт тонул в шуме голосов спорящих гоблинов), женщина с помощью бирюзы поведала коню свои намерения. Затем она пустила могучего жеребца во весь опор, а свои мысли сосредоточила на серпентине, возводя вокруг них двоих сияющий белый защитный покров. Внешне казалось, словно они с Даром упали в аквариум с каким-то клейким, молочного цвета веществом.

Пони понадобились считанные секунды, чтобы возвести этот покров, переложить поводья в другую руку, затем поднять рубин, окружить его серпентиновой защитой и наконец, полностью запечатать покров под рукой, державшей рубин.

Гоблины взвыли и схватились за оружие. Всадница, врезавшаяся в их гущу, заставила их отлететь и откатиться в разные стороны. Только у одной из этих тварей имелась пика, и гоблин готовился к броску.

Пони не обратила на это внимания; она ничего не видела, кроме красных вихрей внутри рубина, и ничего не слышала, кроме ветра в ушах и бурления нарастающей мощи самоцвета.

Дар приблизился к костру гоблинов, потом резко остановился и встал на дыбы.

Гоблины закричали; некоторые из них попытались атаковать, другие спасались бегством. Правда, далеко им уйти не удалось.

Пони высвободила разрушительную мощь рубина. Из ее руки вырвался огромный сотрясающийся огненный шар и взорвался, поглотив одновременно и гоблинов, и деревья во внезапно разверзнувшемся аде.

Дар вновь встал на дыбы и заржал, неистово дергаясь. Пони удержалась и попыталась успокоить коня, хотя она сомневалась, что он способен за шумом пламени расслышать ее или воспринять ее мысли в сумятице пожара. Сама Пони едва могла что-либо видеть — дым застилал глаза. Однако ей удалось убедить Дара двинуться вперед. Серпентиновый защитный покров был настолько прочен, что ни она, ни конь совсем не ощущали жара. Они проехали мимо упавшего гоблина, того самого, что готовился было метнуть пику. Пони с отвращением увидела, как он, почерневший и все еще сжимавший в руках обгоревшее древко, вдруг съежился, и от нестерпимого жара его грудная клетка с хрустом разломилась.

Вскоре и конь, и всадница выехали из пылающей рощицы в ночную прохладу. Когда они отъехали подальше, Пони сняла защитный покров. Силы ее были на исходе, и она все еще кашляла от дыма.

— Оракул, — вновь произнесла она и опять вздохнула, оглянувшись на бушующий пожар.

Она знала: ни одному гоблину не удастся выбраться из этого ада.

Вернувшись в лагерь, она застала Элбрайна стоящим на опушке и глядящим в сторону огня, который полыхал в миле отсюда.

— Твоя работа, — не столько вопросительно, сколько утвердительно проговорил он.

— Кто-то должен был присмотреть за гоблинами, — отозвалась Пони, спрыгивая с коня, еще не остывшего от возбуждения. — Думаю, тебе любопытно будет узнать, что их число заметно увеличилось.

Элбрайн одарил ее обворожительной улыбкой.

— Я был уверен, что ты справишься с любой ситуацией, — сказал он.

— Пока ты играл с Оракулом?

Улыбка сошла с лица юноши, и он медленно покачал головой.

— Это не игра, — серьезно возразил он. — Это поиск того, что сможет спасти мир.

— Слишком уж загадочно звучат твои слова, — заметила Пони.

— Если бы ты хоть на мгновение прекратила задаваться и вспомнила о том, чем я занимался, когда оказался вдали от Дундалиса, ты бы кое-что поняла.

Пони вскинула голову и оглядела своего мужа. Воина, причем воина, прошедшего обучение у эльфов.

— Джуравиль? — вдруг спросила она затаив дыхание. Речь шла об эльфе, которого она знала сама, и который был другом и наставником Элбрайна.

— И его соплеменники, — сказал Элбрайн, кивком подбородка указав на запад. — Кажется, я вспомнил дорогу, ведущую в Эндур'Блоу Иннинес.

Эндур'Блоу Иннинес, мысленно повторила Пони. Или Облачный лес, где находится Кер'алфар, Дом тол'алфара — народа изящных крылатых эльфов. Элбрайн рассказывал ей множество историй об этом заколдованном месте. Но всякий раз, когда она умоляла его

отправиться туда, он печально отвечал, что не может вспомнить дорогу. Эльфы оберегали свои пределы даже от него — Защитника, воспитанного ими и ими же нареченного Полуночником. Если сейчас он оказался прав и действительно отыскал тропу, ведущую в мир эльфов, то его слова о «каких-то там двух гоблинах» внезапно получали объяснение.

— В путь отправимся утром, до рассвета, — пообещал Элбрайн, прочитав на лице жены ее нетерпение.

— Я навьючу Дара, и он будет ждать нас, — ответила Пони, чьи синие глаза сияли от волнения.

Элбрайн взял ее за руку и повел в маленькую палатку, служившую им кровом.

— А нет ли у тебя магических средств против комаров? — лукаво спросил он.

Пони задумалась.

— Пожалуй, огненный шар дал бы нам короткую передышку, — ответила она.

Элбрайн бросил взгляд на восток, где догорала рощица, затем поморщился и покачал головой. Ладно, он как-нибудь выдержит нападение нескольких тысяч комаров.

Гоблины не тревожили их ни в оставшиеся ночные часы, ни на следующий день, когда они оставили позади западную границу Вересковых Пустошей. Оба ехали на Даре, и как только земля стала потверже, Элбрайн пустил коня быстрым шагом. С помощью бирюзы он вошел в телепатический контакт с конем и понял, что Дар хотел скакать как можно быстрее. Такова была его природа. И потому они двигались быстро, проводя на стоянках лишь самые темные ночные часы и избегая, по настоянию Элбрайна, каких бы то ни было столкновений с гоблинами, поври, великанами и вообще со всем, что могло отвлечь от цели. А цель у него сейчас была одна, пока неуловимая тропа эльфов, ведущая в Эндур'Блоу Иннинес, оставалась ясно видимой его внутреннему взору и пока Пони не ставила под сомнение его стремление сделать эльфов союзниками в их нескончаемых сражениях.

У Пони был и свой интерес. Наслушавшись удивительных историй Элбрайна о днях его учебы у эльфов, она горячо желала увидеть Облачный лес.

Но передышку в сражениях она использовала также и для другой цели.

— Ты готов начать учиться? — спросила она как-то утром. Элбрайн сворачивал лагерь и ворчал, что они проспали лишнее время и давным-давно должны были бы находиться в пути.

Юноша с любопытством поднял голову. Пони многозначительно покачала перед ним своей сумкой с самоцветами. Лицо Элбрайна сразу поскучнело.

— Ты видел их силу, — не сдавалась Пони.

— Я — воин, а не чародей, — ответил Элбрайн. — И уж явно не монах!

— А разве я — не воин? — озорно спросила Пони, — Сколько раз я опрокидывала тебя на землю?

При этих словах Элбрайн не мог удержаться от смеха. Давно, еще до вторжения гоблинов, когда они с Пони были детьми и жили в Дундалисе, им несколько раз случалось бороться, и Пони неизменно одерживала победу. А однажды, когда Элбрайн поймал ее за волосы, Пони со всей силой заехала ему по лицу и сбила с ног. Эти воспоминания, включая и тот удар, были самым светлым эпизодом в жизни Элбрайна, ибо потом настали мрачные времена. Потом произошло первое вторжение гоблинов, надолго разлучившее его с Пони, когда каждый из них думал, что другой погиб.

Теперь он был Полуночником, одним из искуснейших воинов. Пони изучила магию, она превратилась в чародейку, которую обучил тайнам применения самоцветов Эвелин Десбрис, бывший, наверное, сильнейшим во всем мире магом.

— Ты должен изучить их свойства, — настаивала Пони. — Хотя бы немного.

— Кажется, ты и сама неплохо управляешься с ними, — резко ответил Элбрайн, хотя в душе он был несколько заинтригован возможностью использования могущественных камней. — И потом, если часть камней будет находиться у меня, не ослабит ли это нашей совместной боевой силы?

— Все зависит от складывающегося положения, — ответила Пони. — Если тебя ранят,

я могу взять магический камень и исцелить твои раны. А если ранят меня? Кто мне поможет? Или ты просто оставишь меня умирать под деревом?

От нарисовавшейся в его воображении картины у Элбрайна едва не задрожали колени. Ему не верилось, что они с Пони прежде никогда не задумывались об этом; по крайней мере, не настолько, чтобы что-то предпринять. Все его возражения улетучились, и он сказал:

— Надо отправляться в путь. — Он поднял руку, ожидая возражений со стороны Пони. — Но за едой и во время отдыха я буду у тебя учиться, особенно умению пользоваться магическим камнем. Итак, все наше время будет заполнено путешествием и учебой.

Пони поразмыслила над его словами и одобрительно кивнула в знак согласия. Затем вдруг задумчиво улыбнулась, пододвинулась к Элбрайну, зацепила пальцем верх его туники и надула свои полные губы.

— Так уж все время? — хитро спросила она. Элбрайн не нашелся, что ответить. Больше всего он любил этой в женщине ее способность начисто выбивать его из привычной колеи, удивлять и усыплять его бдительность самыми невинными заявлениями или движениями, заключавшими в себе тонкий намек. Едва он начинал считать, что у него под ногами твердая почва, Пони изыскивала способ напомнить ему, что почва-то зыбкая, вроде кочующих песчаных наносов Вересковых Пустошей. Элбрайн знал, что им давно пора быть в пути. Но в путь они двинутся не сразу, а через некоторое время. Это он тоже знал.

Более всего их ошеломило настоящее величие этих гор; других слов для описания открывшегося зрелища не существовало. Они продвигались по каменистым тропам.

Элбрайн шел впереди, проверяя путь и высматривая возможные следы. За ним шла Пони, ведя под уздцы Дара. Благодаря телепатическому контакту с людьми конь не выказывал ни малейшего беспокойства. Двигались молча. Звук голосов казался здесь неуместным, если только эти голоса не сливались в хвалебную песнь.

Со всех сторон их окружали горы с заснеженными вершинами, тянущимися прямо к небу. Мимо проплывали облака: иногда над головой, иногда под ногами, а нередко все трое проходили прямо сквозь серую дымку. Непрестанно дул ветер, но он лишь приглушал остальные звуки, делая эти величественные места исполненными глубокой тишины и покоя. А Элбрайн и Пони продолжали идти, ведя за собой коня, и не уставали глядеть по сторонам, зачарованные красотой природы и ее неподдельным могуществом.

Элбрайн знал: он правильно выбрал путь, и теперь они неотступно приближаются к намеченной цели. Все ощущения этого завораживающего места указывали на то, что они — на подступах к Эндур'Блоу Иннинес.

Возле каменных уступов тропа раздвоилась: левая часть уходила вверх, а правая, огибая уступы, — вниз. Элбрайн двинулся влево, махнув Пони, чтобы она шла направо. Он полагал, что достаточно скоро обе тропы вновь соединятся. Он продолжал подъем, когда послышался крик Пони. Элбрайн устремился к ней, срезая дорогу, уверенно, с проворством дикой горной кошки, перепрыгивая через валуны. Как часто в годы учебы у народа эльфов ему приходилось бегать в этих местах!

Увидев Пони, спокойно стоящую рядом с конем, он замедлил свой бег. Когда он приблизился и взглянул туда, куда смотрела его жена, — на кромку, за которой начинался крутой спуск, — он понял.

Вне всякого сомнения, внизу лежала та самая долина, но она была скрыта от глаз стеной густого тумана, серым непроницаемым покровом.

— Вряд ли это настоящее облако, — рассудила Пони. — Таких облаков я еще не видела.

— Эндур'Блоу Иннинес, — прошептал Элбрайн, и когда он произнес эти слова, губы его раздвинулись в широкой улыбке.

Облачный лес, — сказала Пони, произнеся общепринятое среди людей название этого места.

— Понимаешь, облако над долиной — оно здесь всегда, постоянно, — начал свои

объяснения Элбрайн.

— Неприветливое местечко, — перебила его Пони. Элбрайн бросил на нее косой взгляд.

— Очень даже приветливое, — ответил он. — Когда ты захочешь, чтобы оно было таким.

Теперь уже Пони с изумлением поглядела на него.

— Я ведь едва только начал рассказывать тебе, — укоризненно сказал Элбрайн. — Сверху кажется, будто вся долина в тумане, но внизу это совсем не так. Там все по-другому. Этот покров одновременно и кажущийся, и настоящий.

— Как это понимать?

Элбрайн глубоко вздохнул, подыскивая иное объяснение.

— Действительно, внизу все может быть серым и меланхоличным, и в этом есть своя красота. Но только в том случае, если ты этого хочешь. Те, кому больше по душе ясный солнечный день, будут наслаждаться светом.

— Но серый покров выглядит плотным, — недоверчиво проговорила Пони.

— Там, где дело касается тол'алфара, видимое зачастую далеко от истины.

От Пони не ускользнуло то, с каким почтением Элбрайн говорил об эльфах, а поскольку с двумя из них ей довелось встретиться самой, она понимала, чем вызван уважительный тон мужа. Сама она, однако, не была столь уж очарована эльфами и, по правде говоря, находила их несколько высокомерными и бессердечными. Глядя теперь на Элбрайна, она заметила, что тот буквально сияет от радости. Никогда еще она не видела своего мужа в столь приподнятом настроении.

Источник его радости и ликования находился прямо под ними, в долине. Пони не стала больше спорить и перебивать мужа.

— До какого-то времени я не понимал, насколько скучаю по дням, проведенным мною в Кер'алфаре, — тихо продолжал Элбрайн. — Не понимал, как мне не хватает Белли'мара Джуравиля и даже Тантан, изрядно мучившей меня в те годы.

При упоминании имени Тантан Пони печально кивнула. На Аиде эта грациозная девушка-эльф ценой своей жизни спасла их с Элбрайном от одного из исчадий демона-дракона — духа человека, замурованного в магму.

Элбрайн кашлянул; печальное настроение передалось и ему.

— А это что? — спросила Пони.

— Молочные камни, — ответил юноша.

Девушка с любопытством поглядела на него. В своих многочисленных рассказах о днях учебы у эльфов он лишь однажды вскользь упомянул о молочных камнях. А между тем в течение долгих месяцев для юного Элбрайна каждое утро начиналось именно с этих камней. Молочные камни напоминали губки, только были пожестче и поплотнее. Каждый день их опускали в болотце, где они должны были напитаться водой. Задачей Элбрайна было искать в воде камни, относить их в корыто и потом выжимать из них ароматную жидкость, которую эльфы использовали для приготовления сладкого и крепкого вина.

— Представляешь, от того, насколько быстро мне удавалось «подоить» эти камни, зависело, буду я есть свою пищу горячей или остывшей, — продолжал он. — Обычно я набирал их целую корзину и бежал к корыту, а потом возвращался за новой порцией. И так несколько раз, пока не соберу столько камней, сколько мне велели. А тем временем эльфы снимали с огня предназначенную для меня еду.

— А поскольку ты слишком долго копался, то был вынужден есть ее холодной, — поддразнила его Пони.

— Поначалу да, — со всей серьезностью признался Элбрайн. — Но уже вскоре я научился так быстро управляться с этой работой, что даже обжигал язык.

— Значит, у тебя было вдоволь горячей пищи. Элбрайн покачал головой и задумчиво улыбнулся.

— Нет, — ответил он. — Ведь рядом всегда была Тантан. Она расставляла на моем

пути всевозможные ловушки, мешавшие мне вернуться в срок. Иногда, правда, я оказывался хитрее и получал свою еду горячей. Но часто бывало, что я застревал где-нибудь в кустах, запутавшись в невидимых веревках эльфов, и столь же часто это происходило невдалеке от места, где меня ожидала еда. Я даже видел, как от супа поднимается пар.

Сейчас Элбрайн мог говорить об этом спокойно, с мудростью оглядываясь назад. Сейчас он понимал, какими неизмеримо ценными были для него суровые и даже жестокие уроки эльфов тол'алфара. А какими сильными стали его руки от беспрестанного выжимания молочных камней! И каким упорным сделался его дух от общения с Тантан! Сейчас он мог смеяться, вспоминая прошлое, но тогда такое обращение неоднократно доводило его почти что до стычек с этой девушкой. Однажды между ними произошло настоящее сражение, которое он с позором проиграл. Но несмотря на жестокое обращение, несмотря на всю боль и унижение, позже Элбрайн сообразил, что на самом деле Тантан заботилась лишь о его благе. Она ведь не была ему ни матерью, ни сестрой. В те дни она даже не была его другом. Она являлась его наставницей, и ее методы при всей их суровости приносили безусловную пользу. Потом он даже полюбил эту девушку.

Теперь Тантан осталась лишь в его памяти.

— Кровь Мазера, — с усмешкой проговорил Элбрайн.

— Ты о чем?

— Так она всегда меня называла, — пояснил он. — Поначалу Тантан произносила эти слова с изрядной долей сарказма: «Кровь Мазера».

— Но вскоре ты доказал ей, что вполне заслуживаешь такого звания, — раздался из-за завесы тумана мелодичный голос. Говоривший находился совсем неподалеку, буквально под ними.

Элбрайн и Пони узнали этот голос.

— Белли'мар! — разом позвали они.

В ответ на их зов из-за туманного покрова появился Белли'мар Джуравиль. Его крылья, напоминающие крылья большой стрекозы, двигались за спиной эльфа, помогая ему подняться по крутому горному склону. Удивительная красота Джуравиля: золотистые волосы и такие же золотистые глаза, острые черты лица и гибкая фигура заставили людей умолкнуть. Его появление лишь усиливало величественный настрой этих мест. Элбрайн и Пони почти слышали музыку коротких шагов Джуравиля и ударов его почти прозрачных крыльев. Все его движения сливались в один гармоничный танец, исполненный равновесия, а сам эльф воспринимался как совершенное творение природы.

— Друзья мои, — тепло приветствовал их эльф, хотя тон его был достаточно резким, а сам голос звучал для Элбрайна непривычно. Во время их похода к Аиде Джуравиль отправился с ними, будучи единственным представителем народа эльфов, однако затем покинул их, чтобы сопроводить в безопасные места группу изможденных беженцев.

Элбрайн вышел ему навстречу и обменялся с эльфом рукопожатием, но улыбка Элбрайна вскоре погасла. Он знал, что ему предстоит рассказать Джуравилю о судьбе Тантан, ибо эльфы не знали о ее решении участвовать в походе. Элбрайн бросил взгляд на Пони, и она поняла, какие чувства обуревают сейчас ее мужа.

— Ты знаешь, что демон-дракон повержен? — спросила Пони, чтобы как-то начать разговор.

Джуравиль кивнул.

— Однако мир по-прежнему в опасности, — ответил он. — Дракон побежден, но наследие этого чудовища продолжает жить в виде армии отвратительных тварей, бесчинствующих на обжитых людьми землях.

— Мы могли бы поговорить об этих мрачных вещах там, в долине, — вступил в разговор Элбрайн. — Ведь надежда всегда живет под прекрасными деревьями Кер'алфара.

Он начал было спускаться, но Джуравиль рукой загородил ему дорогу. Лицо эльфа вдруг стало суровым. Он явно не хотел допускать их в долину.

— Мы будем говорить здесь, — тихо произнес эльф. Элбрайн замер и долго глядел на

своего друга, пытаясь угадать, какие чувства скрываются за столь неожиданным заявлением. Он уловил боль и некоторый гнев эльфа. Подобно глазам всех эльфов, глаза Джуравиля представляли собой парадоксальное сочетание невинности и мудрости, юности и глубокой старости. Элбрайн понял, что вряд ли сумеет узнать что-либо, пока эльф не скажет сам.

— Продвигаясь к югу, мы уничтожили множество гоблинов, поври и великанов, — сообщил Защитник. — И вместе с тем, похоже, мы не слишком преуспели, сражаясь против этих орд.

— Уничтожение дракона — уже немалый подвиг, — проговорил Джуравиль чуть улыбнувшись. — Ведь ни кто иной, как Бестесбулзибар соединял три племени враждующих тварей. Теперь наши… ваши враги не столь сплочены и дерутся между собой с той же яростью, с какой сражаются против людей.

Элбрайн едва расслышал конец фразы после того, как эльф произнес «ваши враги». Значит, народ тол'алфара вышел из войны, и это грозило людям весьма тяжкими последствиями.

— Что с беженцами, которых ты сопровождал? — спросила Пони.

— Я благополучно довел их до Эндур'Блоу Иннинес, — ответил Джуравиль. — Правда, не все обошлось гладко. Демон-дракон напал на нас, и я едва бы уцелел в этой схватке, если бы госпожа Дасслеронд не покинула наши родные места и не пришла мне на помощь. Мы вышли из сражения без потерь, а затем эти несчастные и измученные люди были не менее благополучно отправлены на юг в сопровождении их соплеменников. Здесь Джуравиль усмехнулся.

— Однако кое-что из последних воспоминаний изгладилось из их памяти.

Элбрайн кивнул: эльфы применили магию, заставив людей забыть дорогу сюда. То же самое они когда-то проделали и с ним. Госпожа Дасслеронд стремилась любой ценой сохранить тайну местонахождения своей долины. Может быть, поэтому Джуравиль огорчился, увидев его здесь. Скорее всего, своим возвращением он нарушил какие-то законы эльфов.

— Благополучное путешествие нынче — понятие относительное, — заметила Пони.

— Разумеется, — согласился эльф. — Но сейчас путешествовать стало безопаснее, чем прежде, благодаря усилиям Элбрайна и Джилсепони, а также благодаря жертвам, принесенным кентавром Смотрителем и монахом Эвелином Десбрисом.

Он умолк, потом глубоко вздохнул и пристально взглянул на Элбрайна.

— И благодаря жертве Тантан из Кер'алфара, — закончил Джуравиль.

— Вы знаете? — спросил Элбрайн. Джуравиль опечаленно кивнул.

— Нас не так уж много. Эльфы нашей общины связаны между собою множеством таких нитей, которые пока недоступны человеческому пониманию. Мы узнали о смерти Тантан, как только Тантан приняла ее. Верю, что она погибла с честью.

— И спасла нас обоих, — поспешил добавить Элбрайн. — Более того, она спасла сам поход. Если бы не Тантан, мы с Пони погибли бы, не успев достичь логова дракона.

Джуравиль кивнул. Похоже, такой ответ понравился ему, ибо его острое лицо стало спокойным.

— Тантан всегда будет жить в наших песнях, — сказал он.

Элбрайн тоже кивнул, всей душой разделяя чувства эльфа. Он представил, как эльфы, собравшись где-нибудь в поле своей долины, под звездным небом, поют песню о Тантан.

— Ты расскажешь мне подробности ее смерти, — сказал Джуравиль. — Но потом, — тут же добавил он, подняв руку прежде, чем Элбрайн успел что-либо сказать. — Есть вопрос, который мы должны решить безотлагательно. Зачем вы явились сюда?

Резкость самого вопроса и почти обвинительный тон эльфа вновь насторожили Элбрайна. Зачем он сюда явился? А разве ему было запрещено здесь появляться? Элбрайну и в голову не приходило, что его не хотят видеть в Облачном лесу — месте, которое он привык считать родным домом.

— Это не твое место, Полуночник, — пояснил Джуравиль, стараясь говорить как

можно дружелюбнее и даже сочувственнее, хотя слова эти ранили Элбрайна.

— К тому же ты не смел приводить ее сюда без позволения госпожи Дасслеронд, — прибавил эльф, указав на Пони.

— Позволения? — вскипел Элбрайн. — После всего, что мы вместе пережили? После всего, что я сделал для твоего народа?

— С нашей помощью, — поспешил вставить Джуравиль.

Элбрайн умолк и задумался над словами эльфа. Конечно, народ эльфов много сделал для него. Эльфы воспитали его, сделав из мальчишки воина. Но проявленная ими щедрость была обоюдной, и молодой Элбрайн понимал это. Да и жесткая позиция Джуравиля подтверждала ход его мыслей. Верно, эльфы много дали ему, но взамен он отдал им все помыслы своей жизни.

— Почему ты так ведешь себя со мною? — без обиняков спросил Элбрайн. — Я-то считал, что мы друзья. Тантан отдала жизнь за меня и мой поход, и неужели успех этого похода не оказался для тол'алфара столь же благотворным, как и для людей?

Суровое выражение лица Джуравиля несколько смягчилось.

— Я сражаюсь Ураганом, — напомнил Элбрайн, вытаскивая из ножен сверкающее лезвие меча, выкованного из сильвереля — тайного металла эльфов. — Я стреляю из Крыла Сокола, — продолжал он, стаскивая с плеча лук. Лук этот был сделан из черного папоротника — растения, которое сажали эльфы и с помощью которого извлекали из земли сильверель. — Все это — оружие тол'алфара. Твой отец, Джуравиль, изготовил этот лук для меня — своего друга и ученика его сына. Я с полным правом ношу меч, выполняя волю моего дяди Мазера, переданную его духом.

Жестом руки Джуравиль прервал его речь.

— Довольно, — сказал он. — Я согласен с каждым твоим словом. Однако это не меняет дела. Почему, друг мой, ты явился сюда непрошено, оказавшись в месте, которое должно быть скрыто от всех?

— Я пришел узнать, не согласится ли твой народ оказать мне помощь в эти времена великого мрака, — ответил Элбрайн.

На лице Белли'мара Джуравиля появилось выражение глубокой печали.

— Нам пришлось пройти через страдания, — проговорил он.

— И людям тоже, — сказал Элбрайн. — И людей погибло намного больше, нежели эльфов тол'алфара. Даже если бы все эльфы Облачного леса погибли, наши потери все равно остались бы несравненно больше!

— Верно, число погибших у нас невелико, — согласился Джуравиль. — Однако смерть — отнюдь не единственная мера страдания. Как я уже говорил, демон-дракон совершил нападение на нашу долину. Госпожа Дасслеронд была вынуждена заманить его сюда, когда он стал угрожать предпринятому мною спасению беженцев. Самого демона удалось прогнать, но Бестесбулзибар, его дух, да будет проклято это имя, оставил шрам на нашей земле. Он нанес ей незаживающую рану, и она, невзирая на все наши усилия, продолжает разрастаться.

Элбрайн взглянул на Пони. Ее лицо было мрачным. Она и без его объяснений поняла смысл слов эльфа.

— Для нас во всем мире нет иного места, кроме Эндур'Блоу Иннинес, — с печалью в голосе продолжал Джуравиль. — Но первый сигнал уже прозвучал. Наше время, друг мой, движется к концу, и тол'алфар исчезнет с лица земли. Мы останемся лишь балладой, которую рассказывают детям у очага, и память о нас сохранится лишь у немногих людей, хорошо знавших нас. Таких, как ты, Полуночник.

— Всегда есть надежда, — проглотив комок в горле, возразил Элбрайн. — И всегда есть выход.

— Мы обязательно будем его искать, — согласился Джуравиль. — Но сейчас наши границы закрыты для всех, кто не принадлежит к тол'алфару. Если бы я не вышел вам навстречу, и вы стали бы спускаться вниз, погружаясь в завесу тумана, что скрывает нашу

землю, туман задушил бы вас и ваши мертвые тела остались бы лежать в горах.

Пони раскрыла рот от удивления.

— Этого не может быть. Ты бы не убил Полуночника, — запротестовала она.

Но Элбрайн понял смысл слов эльфа. Народ тол'алфара жил по иным законам, нежели люди, и не многим представителям рода человеческого удавалось понять жизненные принципы эльфов. Для них каждый, кто не принадлежал к их собственному народу, даже те немногие, кого они обучали и делали Защитниками, считался ниже их. Эльфы тол'алфара могли быть самыми надежными в мире союзниками, готовыми биться насмерть ради спасения друзей, готовыми идти на риск, как то сделал Джуравиль, испытывая сострадание к беженцам. Но когда что-то угрожало самим эльфам, они становились непреклонными. Поэтому Элбрайна ничуть не удивила та смертельно опасная ловушка, которую в нынешние тяжкие времена устроили эльфы, дабы оградить себя от чужестранцев.

— Значит, я не принадлежу к тол'алфару? — резко спросил Элбрайн, глядя Джуравилю прямо в глаза. В них он увидел боль и смятение.

— Это не имеет значения, — уклончиво ответил Джуравиль. — Туман различает лишь телесную оболочку. Для него ты — всего лишь человек, и не более. Туман явно не считает тебя принадлежащим к тол'алфару.

Элбрайну хотелось продолжить расспросы и узнать, что чувствует по этому поводу сам Джуравиль. Нет, сейчас не время, решил он.

— Если бы я знал, как попросить разрешения прийти сюда и привести Пони, я бы это сделал, — искренне сказал он. — Я запомнил дорогу и пришел, вот и все, что могу сказать.

Джуравиль удовлетворенно кивнул, и на его лице неожиданно появилась теплая улыбка.

— Я рад, что ты пришел, — с воодушевлением произнес эльф. — Замечательно увидеть тебя снова и узнать, что ты… и ты тоже, — прибавил он, взглянув на Пони, — уцелели в аду Аиды.

— Ты знаешь об Эвелине и Смотрителе? Джуравиль кивнул.

— У нас свои способы добывать сведения. Потому-то я и узнал, что два излишне любопытных существа из племени людей приближаются к охраняемым границам Облачного леса. По всем сообщениям, из развороченного Барбакана удалось выбраться только двоим — Полуночнику и Пони.

— Жаль, что этого не удалось Эвелину, — с грустью произнес Элбрайн. — И жаль, что Смотритель тоже остался там.

— Да, хорошим человеком был Эвелин Десбрис, — согласился Джуравиль. — И все леса будут оплакивать гибель Смотрителя. Сколь нежными были его песни и сколь несгибаемым был его дух. Часто я сидел и слушал его волынку, и эта музыка удивительно совпадала с состоянием леса.

Элбрайн и Пони кивнули в знак согласия. В те далекие и такие безмятежные годы их детства, когда они жили в Дундалисе, им иногда доводилось слышать мелодичные звуки волынки Смотрителя. Но тогда они не знали, кем мог быть этот таинственный волынщик. Люди, жившие в Дундалисе и Сорном Лугу (На-Краю-Земли тогда еще не существовало), прозвали неведомого волынщика Лесным Духом и не боялись его. Они понимали: тот, кто способен издавать такие чарующие звуки, не может причинить зло.

— Но довольно об этом, — вдруг сказал Джуравиль, доставая из-за спины небольшой мешок. — Я принес еду, замечательную еду! А еще я принес квестел ни'тол.

«Болотное вино», — перевел Элбрайн.

Квестел ни'тол было вином, которое эльфы делали из воды, выжатой из молочных камней. Иногда оно под названием «болотное» какими-то тайными путями попадало к людям. Название было своеобразной шуткой эльфов: первый слог напоминал о болоте, откуда вино брало свое начало, а все слово отражало состояние ума, в которое впадали люди, отведав этого напитка.

— Давайте-ка поищем место для трапезы, — предложил Джуравиль. — Пойдемте туда,

где нет ветра и где нас не будет пробирать холод надвигающейся ночи. Тогда мы сможем поесть и поговорить в более приятной обстановке.

Элбрайн и Пони с готовностью согласились. Здесь, на краю Облачного леса, они могли позволить себе отдых, ибо теперь, находясь у границ страны эльфов, можно было не опасаться появления гоблинов, поври и даже великанов.

Когда они уселись и принялись за еду, то поняли, что Джуравиль ничуть не преувеличил достоинство принесенного им угощения. Здесь были сладкие и сочные ягоды и такие же сочные фрукты, созревшие на деревьях Кер'алфара. Был здесь и хлеб, чуть сдобренный квестел ни'тол. Количество принесенного Джуравилем угощения было достаточно скромным, но оно вполне удовлетворило Элбрайна и Пони. Воистину то был лучший ужин, какой усталым путешественникам доводилось есть за многие и многие месяцы.

Вино помогло сгладить острые углы и неприятные стороны их встречи, позволив и людям, и эльфу на какое-то время забыть о превратностях непрекращающейся войны и просто сидеть, не думая ни о каких гоблинах или великанах. Разговор шел о прошлом, касаясь обучения Элбрайна в долине эльфов, жизни Пони в Палмарисе и ее службы в королевской армии Хонсе-Бира. Беседа, насыщенная воспоминаниями о забавных случаях и многочисленными рассказами Джуравиля о Тантан, носила легкий характер.

— Да, у меня будет из чего сложить песню о ней, — тихо произнес эльф.

— Это будет призывная боевая песня? — спросил Элбрайн. — Или песня о кроткой душе?

Услышав, что Тантан назвали кроткой душой, Джуравиль громко захохотал.

— О Тантан! — с пафосом воскликнул он. Эльф вскочил на ноги, воздел к небу руки и начал на ходу сочинять свою песню:

О, дива эльфов, в каких стихах твоих сумела ты дать точный свой портрет?
Какие вирши из уст твоих неслись, чтоб Полуночник смог внимать завороженно?
Поскольку ж головой в корыто ты его уткнула, он, несомненно, слушал до конца!

Пони буквально выла от смеха, однако Элбрайн бросил на эльфа довольно холодный взгляд.

— Что тебя тревожит, друг мой? — осведомился Джуравиль.

— Если мне не изменяет память, то отнюдь не Тантан, а Белли'мар Джуравиль запихнул меня головой в корыто, — мрачно ответил Элбрайн.

Эльф пожал плечами и улыбнулся.

— Боюсь, мне придется сочинить другую песню, — спокойно сказал он.

Элбрайн более не смог маскировать свое истинное состояние и тоже разразился громким смехом.

Это подогретое вином веселье продолжалось еще какое-то время, потом смех начал стихать и наконец, совсем угас. Воцарилась тишина. Никто из троих не решался заговорить первым.

Джуравиль поднялся и сел по другую сторону их небольшого костра, напротив Элбрайна.

— Вам нужно идти на юго-восток, — сказал он. — К городам, что лежат на полпути между Дундалисом и Палмарисом. Там особо нуждаются в вашей помощи, и там вы сможете принести наибольшую пользу.

— Значит, линия битвы пролегает там? — спросила Пони.

— Одна из линий битвы, — пояснил Джуравиль. — Более серьезные сражения разворачиваются на восточной оконечности, вдоль побережья, и к северу — в холодных

землях Альпинадора. Там сражается могущественный и храбрый Элбрайн Андаканавар, высоко держа знамя, которое вручили ему эльфы. Но боюсь, что в тех битвах вы оба были бы на вторых ролях, а между тем есть места поближе, где ваша помощь оказала бы решающее влияние.

— И эти места примыкают к границам Облачного леса, — лукаво добавил Элбрайн, догадываясь о намерениях эльфа.

— Мы не боимся нападения ни гоблинов, ни поври, — тут же возразил Джуравиль. — От врагов такого рода наши границы защищены. Есть большее зло — рана, нанесенная нашей земле демоном-драконом… — Голос его дрогнул, и он умолк, погруженный в мрачные мысли.

— Но вам обоим нужно отправляться туда, — наконец продолжил эльф. — Сделайте для тамошних людей то же, что вы сделали для жителей Дундалиса, Сорного Луга и На-Краю-Земли, и тогда весь этот край освободится от наследия демона-дракона.

Элбрайн взглянул на Пони, и оба кивком выразили свое согласие. Потом Элбрайн изучающе поглядел на своего маленького друга, пытаясь найти какие-то скрытые мотивы затеянного Джуравилем разговора. Он хорошо знал этого эльфа и чувствовал, что положение народа эльфов не такое уж прочное, как о том заявлял сам Джуравиль.

— Вы обручены? — неожиданно спросил эльф, и его вопрос застиг Элбрайна врасплох. Пони и Элбрайн переглянулись.

— В глубине наших сердец — да, — ответил последний.

— У нас не было ни времени, ни возможностей для обручения, — сказала Пони, добавив с глубоким вздохом: — Жаль, что мы не попросили Эвелина совершить обряд. Едва ли можно было найти более подходящего священника, чем он.

— Что ж, если вы обручились в глубине своих сердец, значит, так оно и есть, — решительно сказал Джуравиль. — Но традиционный обряд обручения необходим. Нужно объявить об этом открыто перед родными и друзьями. Вы должны во всеуслышание заявить о своей верности друг другу и неумирающей любви. Заявить всему миру о том, что существует нечто, превосходящее бренное тело, что есть любовь, которая глубже влечений плоти.

— Мы это сделаем, — пообещал Элбрайн, глядя на Пони, единственную женщину, которую он, как казалось, мог любить, и понимая каждое слово, сказанное Джуравилем.

— Будет два обряда! — решил Джуравиль. — Один для людей, а другой — для тол'алфара.

— Неужели тол'алфару есть дело до нашего обручения? — спросил Элбрайн с некоторым раздражением, удивившим обоих его спутников.

— А почему бы нет? — вопросом на вопрос ответил Джуравиль.

— Да потому что тол'алфару есть дело только до тол'алфара, — заключил Элбрайн.

Джуравиль принялся было возражать, но понял, что здесь скрыта ловушка, и лишь рассмеялся.

— Ты не в счет, — сказал Элбрайн.

— Разумеется, — согласился Джуравиль. — Не только я, но и весь народ эльфов Кер'алфара несказанно рад, что Элбрайн и Джилсепони остались живы после похода на Аиду и обрели друг друга. Ваша любовь для нас — как светлый луч в темном мире.

— Вот я и узнал, — произнес Элбрайн.

— Что ты узнал? — хором спросили Джуравиль с Пони.

— Что я, точнее, мы не относимся к числу тех, кто не принадлежит к тол'алфару. По крайней мере, в глазах Белли'мара Джуравиля.

Эльф шумно вздохнул.

— Признаю и сдаюсь, — сказал он.

— Между прочим, я узнал еще кое-что, — объявил Элбрайн, и его лицо расплылось в широкой улыбке.

— В самом деле? — притворно-равнодушным тоном спросил Джуравиль. — Так что же

еще сумел узнать мудрый Защитник Полуночник?

— Что Белли'мар Джуравиль намерен вместе с нами отправиться на юго-восток.

Глаза эльфа округлились.

— Я еще не принял решения!

— Тогда поторопись, — велел Элбрайн, — поскольку с рассветом мы все отправляемся в путь.

Он отодвинулся от огня и завернулся в покрывало, служившее ему постелью.

— Нам пора спать, — сказал он Пони. — А нашему другу — самое время вернуться в долину и сказать своей госпоже Дасслеронд, что он будет отсутствовать в течение некоторого времени.

Пони, утомленная дорогой, разомлевшая от вина и угощения, была более чем счастлива устроиться на ночлег.

Джуравиль не произнес ни слова, и какое-то время оставался сидеть. Рядом с ним, ровно дыша, спали Элбрайн и Пони, а неподалеку, в темноте тихой ночи, слышалось негромкое ржание Дара. Затем эльф ушел, беззвучно растворившись в темноте. Обуреваемый мыслями, он поспешил к своей госпоже.

И все же уход эльфа разбудил Пони. Еще до пробуждения ее сон вдруг наполнился тревожными видениями. Она ощущала тяжесть сильной руки Элбрайна, обнимавшей ее, чувствовала тепло его тела. Казалось, в такую минуту, когда она находилась в объятиях любимого, весь мир должен был бы наполниться радостью и счастьем.

Но мир не наполнялся ни тем, ни другим.

Пони долго пролежала без сна, а затем проснулся и Элбрайн, словно почувствовал ее беспокойство.

— Что тебя тревожит? — негромко спросил он, подвигаясь ближе и целуя ее в затылок.

Пони сжалась, и юноша ощутил это. Он отодвинулся и сел. Теперь его силуэт виднелся на фоне звездного неба.

— Я пытался лишь успокоить тебя, — извиняющимся тоном произнес он.

— Знаю.

— Тогда почему ты сердишься?

Пони задумалась.

— Я не сержусь. Мне просто страшно, — ответила она. Теперь уже ему пришлось задуматься над ее словами.

Он улегся рядом с Пони, повернулся на спину и стал глядеть на звезды. Он никогда не думал, что Пони может быть страшно; по крайней мере, после того, как на их родной город напали гоблины и они лишились крова. Нет, ее страхи явно были вызваны не этими тварями, не великанами и даже не демоном-драконом. Он вспомнил, как она напряглась от его прикосновения. Она не рассердилась на него, он это знал, но…

— Ты же спокойно отнеслась к словам Джуравиля об обручении, — сказал Элбрайн.

— Есть одна малость, о которой ты не упомянул, — ответила Пони, поворачиваясь к нему лицом. — Мы едины сердцем и умом.

— Так в чем тогда дело?

Неожиданно он понял, и его лицо помрачнело.

— Ты боишься забеременеть, — сказал Элбрайн, и его слова неподдельно удивили Пони.

— Как ты догадался?

— Ты же сказала, что мы едины сердцем, — с легкой усмешкой ответил он.

Пони вздохнула, обхватила рукой грудь Элбрайна и осторожно поцеловала его в щеку.

— Когда мы вместе, весь мир кажется мне удивительным. Я забываю вторжение в Дундалис, забываю о гибели Эвелина, Смотрителя и Тантан. Мир кажется не таким ужасным и мрачным, и все чудовища куда-то исчезают.

— Но если бы ты забеременела в этих условиях, чудовища стали бы более чем реальными, — сказал Элбрайн.

— У нас есть долг, — объяснила Пони. — Обладая тем, что дал тебе тол'алфар, и тем, чему меня научил Эвелин, мы должны больше думать о людях, чем о самих себе. Смогла бы я сражаться, будучи беременной? И какая жизнь ожидала бы нашего ребенка в нынешние времена?

— А как бы я мог сражаться, если бы тебя не было рядом? — спросил Элбрайн, с нежностью проводя кончиками пальцев по ее лицу.

— Только не подумай, что я откажу тебе, — сказала Пони. — Никогда.

— Просто я не стану просить тебя об этом, — искренне ответил Элбрайн. — Но ты говорила мне, что в каждом месяце есть такие дни, когда можно не особо опасаться, что забеременеешь.

— Не особо? — скептически повторила Пони. — А кто знает, насколько мы рискуем?

Элбрайн быстро отреагировал на ее слова.

— Нет, рисковать мы не будем, — решительно произнес он. — Слишком уж высоки ставки и слишком велика плата. Давай мы заключим друг с другом соглашение, прямо здесь и сейчас. Вначале мы завершим то, что выпало на нашу долю, а когда мир вновь станет таким, как был, мы займемся своими нуждами и своей семьей.

Эти слова Элбрайн произнес с такой простотой и оптимизмом, он так верил в недолговечность их соглашения и в наступление лучших времен, что на измученном лице Пони появилась улыбка. Она пододвинулась ближе и крепко прижалась к Элбрайну, чувствуя сердцем, что он не нарушит это соглашение, а их любовная близость подождет до лучших времен.

Весть остаток ночи они спали крепко.

Проснувшись, Пони обнаружила, что Джуравиль вернулся, а их вещи собраны и погружены на Дара. Солнце уже взошло, но пока еще сравнительно низко стояло над горизонтом.

— Мы же собирались выехать на рассвете, — моргая заспанными глазами, зевая и потягиваясь, произнесла Пони.

— Я решил дать вам выспаться, — ответил Джуравиль, — поскольку сомневаюсь, что в ближайшее время у вас снова появится такая возможность.

Пони посмотрела на Элбрайна, который продолжал безмятежно спать. Долгий и крепкий сон, подобно другим удовольствиям жизни, будет теперь редкостью.

Но ненадолго, решительно напомнила себе Пони.

ГЛАВА 5
НА ПОИСКИ ИСТИНЫ

Если бы какая-нибудь птица вознамерилась долететь от каменных стен Санта-Мир-Абель до горного кольца, окружавшего Барбакан, ей пришлось бы лететь не менее тысячи двухсот миль. По дороге же, если, конечно, путешественнику удавалось найти в тех местах хоть какую-то дорогу, это расстояние возрастало почти до двух тысяч миль. Обычному каравану понадобилось бы для этого три месяца, и то при условии, что на его пути не встретится никаких непредвиденных препятствий и путешествие будет идти безостановочно. На самом деле любой купец, замысливший такое путешествие, добавил бы к этим трем месяцам еще некоторое количество дней и взял бы с собой запас золота, ибо ему пришлось бы не один раз сменить лошадей. Однако в нынешние опасные времена, когда шайки гоблинов и поври свободно рыскали и чинили произвол даже в тех землях Хонсе-Бира, которые прежде считались спокойными, не то что купец, а даже солдаты из Бесстрашных Сердец — отборного отряда королевских войск — не отважились бы на подобное путешествие.

Монахи Санта-Мир-Абель не были ни купцами, ни солдатами. Зато они владели магическими силами, позволявшими значительно сократить время путешествия и надежно скрыться от глаз возможных врагов. Если бы им пришлось натолкнуться на гоблинов или

иных чудовищ, эти магические силы стали бы в их руках грозным и могущественным оружием. Такие путешествия начали совершаться еще несколько веков назад. Монахи Санта-Мир-Абель были первыми, кто составлял карты Хонсе-Бира, Тимберленда, северной части Бехрена, южной части Альпинадора и вдобавок — западной оконечности Вайлдерлендса. Еще давным-давно путевые журналы монахов превратились в подробные схемы путешествий, в деталях сообщавшие о том, сколько и каких припасов может понадобиться, рекомендовавшие применение тех или иных магических камней и предлагавшие кратчайшие маршруты. Путеводители постоянно и аккуратно обновлялись и дополнялись. Поэтому после того, как монастырь отразил вторжение поври, главнейшей задачей брата Фрэнсиса стало найти нужные тома путеводителей и рассчитать по ним необходимое количество съестных припасов и всего остального, что нужно для путешествия двадцати пяти братьев. Именно такое число участников определил отец-настоятель Маркворт.

Уже на второй день, после вечерней молитвы, брат Фрэнсис доложил настоятелю и магистрам, что он завершил составление списков и наметил маршрут. Оставалось лишь все это подытожить, на что, как уверял Фрэнсис, понадобится не более двух часов, и назвать имена тех, кто отправится в путь.

— Я сам поведу караван, — объявил отец-настоятель. Его слова вызвали вздохи и восклицания Фрэнсиса и всех магистров, за исключением магистра Джоджонаха, который не мог отделаться от подозрений, что Маркворт одержим. Джоджонах понимал: принятие решений в подобном состоянии чревато серьезными ошибками.

— Ваше решение беспрецедентно, отец-настоятель, — возразил один из магистров. — Вы являетесь главой Санта-Мир-Абель и всей Абеликанской церкви. Рисковать вами в столь опасном предприятии…

— Право, мы меньше бы рисковали, послав туда самого короля! — воскликнул другой магистр.

Отец Маркворт жестом потребовал тишины.

— Я обдумал свое решение, — сказал он. — Обстоятельства требуют, чтобы я отправился туда как величайшая сила добра, посланная на битву с величайшей силой зла.

— Но не в вашей телесной оболочке, — возразил магистр Джоджонах, который тоже немало размышлял над этим вопросом. — Могу ли я предложить брата Фрэнсиса в качестве достойного проводника ваших указаний, способствующих успеху путешествия?

Маркворт смерил Джоджонаха долгим тяжелым взглядом. Это совершенно разумное предложение магистра застигло его врасплох. С помощью телепатического общения, усиленного камнем, обычное расстояние мало что значило. Отец-настоятель Маркворт имел возможность совершить это путешествие и лично следить за его успехом, не покидая уютных покоев монастыря, а лишь перемещая свой дух.

— Ведь вы бы сочли за честь служить таким проводником, не правда ли, брат Фрэнсис? — спросил Джоджонах.

Глаза брата Фрэнсиса метали молнии в хитроумного магистра. Разумеется, такое положение не являлось никакой «честью», и они с Джоджонахом оба прекрасно это понимали. В действительности одержание было ужасным бременем, о котором вряд ли кто-либо мог мечтать. И что еще хуже, Фрэнсис понимал: роль проводника, а по сути — «сосуда», вместилища для Марквортa, значительно уменьшала его собственную значимость в этом путешествии. Разве теперь, когда он не будет являться полноправным хозяином своего тела, на него возложат руководство той или иной стороной экспедиции? Когда его дух будет изгоняться неведомо куда всякий раз, когда Марквортy понадобится его тело?

Брат Фрэнсис перевел взгляд с магистра Джоджонаха на отца-настоятеля, а потом — на каждого из остальных семи магистров. Все они выжидающе смотрели на него. Может ли он теперь отказаться от такого предложения? Злобный взгляд Фрэнсиса снова остановился на Джоджонахе. Он не переставал глядеть на грузного магистра даже тогда, когда произносил сквозь зубы:

— Несомненно, ведь это величайшая честь, о которой только может мечтать любой из

братьев.

— Вот и отлично, — торжествующе произнес Джоджонах, хлопнув в ладоши. Этим ударом он обозначил то, что сумел не допустить, чтобы Маркворт возглавил караван, и одновременно сумел поставить на место чересчур амбициозного брата Фрэнсиса. Джоджонах вовсе не желал уберечь Маркворта от опасностей пути. Отнюдь нет. Просто он боялся непредсказуемых выходок настоятеля в том случае, если путешествие окажется успешным. Судя по дошедшим сведениям, Эвелин Десбрис был причастен к событиям на севере. Джоджонах опасался, что Маркворт утаит все, что удастся обнаружить, заменив правду нелепыми россказнями, продиктованными ненавистью настоятеля к Эвелину. Если бы караван достиг Барбакана под непосредственным руководством отца-настоятеля, все, что удалось бы узнать, было бы представлено так, как это требовалось отцу-настоятелю.

— Правда, я боюсь, что весь мой труд пойдет насмарку, — вдруг добавил брат Фрэнсис в тот самый момент, когда отец Маркворт собрался говорить.

Глаза всех собравшихся устремились на молодого монаха.

— Я планировал это путешествие, — начал Фрэнсис («Врешь», — подумал Джоджонах. И не только он.) — Мне знаком маршрут, по которому мы должны проследовать, и количество провианта, которое должно оставаться у нас для каждой стоянки. К тому же я сведущ и, как все говорят, достаточно опытен в использовании камней. Все это — немаловажные качества, если мы собираемся уложиться в три недели — срок, указанный в путеводителях.

— Двенадцать дней, — сказал отец Маркворт. Взоры всех собравшихся мгновенно остановились на Марквортe. Брат Фрэнсис невольно вскрикнул. — Нашим сроком будет двенадцать дней, — пояснил отец-настоятель.

— Но… — попытался было возразить брат Фрэнсис. Однако грозный взгляд и тон настоятеля не допускали никаких возражений, поэтому молодой монах благоразумно умолк.

— Магистр Джоджонах прав, и его предложение принимается как более целесообразное, — продолжал Маркворт. — Таким образом, сам я не поеду, но, благодаря усердным глазам брата Фрэнсиса, буду постоянно наблюдать за ходом путешествия.

Это заявление понравилось Джоджонаху, ибо он боялся, что упрямый Маркворт станет препираться дольше. Не удивило магистра и то, что на роль проводника была принята кандидатура Фрэнсиса. Амбициозный молодой монах был одним из немногих в Санта-Мир-Абель, кто пользовался доверием престарелого настоятеля, чья подозрительность непрерывно возрастала с момента бегства Эвелина Десбриса и исчезновения камней.

— Поскольку сам я не еду и, значит, не смогу постоянно руководить экспедицией, вместо меня должен будет отправиться один из магистров, — продолжал Маркворт.

Он обвел глазами комнату, ненадолго задержавшись на горячем и неутомимом Де'Уннеро, а затем остановил взгляд на Джоджонахе.

Грузный магистр бросил на него ответный взгляд, полный неподдельного удивления. Нет, молил Джоджонах, Маркворт конечно же выберет не его. Ведь он был одним из старейших магистров в Санта-Мир-Абель и по состоянию здоровья менее всего годился для долгого и тяжелого путешествия.

Но Маркворт все так же пристально глядел на него.

— В сложившейся ситуации выбор неизбежно падает на магистра Джоджонаха, старейшего магистра Санта-Мир-Абель, — громко произнес настоятель. — Первым его помощником будет кто-то из безупречных, вторым — брат Фрэнсис. На остальных двадцати двух братьев ляжет забота о повозках, лошадях и прочих необходимых вещах.

Джоджонах, насупившись, следил за настоятелем, пока тот вместе с другими магистрами обсуждал кандидатуры молодых и сильных братьев, наиболее пригодных для путешествия. Сам он не участвовал в обсуждении, а просто сидел, глядя на остальных и ощущая ненависть к Маркворту. Джоджонах знал, что выбор его кандидатуры не был продиктован никакими практическими соображениями. Старик просто решил наказать его за то, что Джоджонах был наставником и другом Эвелина, и за неистребимую привычку

магистра оспаривать и противиться едва ли не каждому решению настоятеля, чего бы оно ни касалось: от роли Санта-Мир-Абель среди других монастырей до философских дебатов об истинном значении их веры и истинной ценности самоцветов. Маркворт не раз высказывал Джоджонаху свое неудовольствие и даже пригрозил созвать Коллегию аббатов для обсуждения, как он выразился, «всевозрастающей еретичности мышления Джоджонаха».

Джоджонах возлагал большие надежды на Коллегию, ибо был убежден, что многие настоятели Абеликанской церкви разделяют его взгляды. Но именно это, вероятно, и страшило настоятеля, а потому его угрозы остались пустыми. За последние несколько лет Маркворт сознательно ограничил общение Санта-Мир-Абель с другими монастырями, и уж менее всего престарелого настоятеля прельщала перспектива философских дебатов перед лицом всей церкви.

Несмотря на все это, магистр Джоджонах опасался, что Маркворт попытается расквитаться с ним и, похоже, он уже придумал как. Одолеть почти две тысячи миль за двенадцать дней, когда большую часть времени придется держать ухо востро и уворачиваться от гоблинов, поври и великанов! А потом — потратить недели и, быть может, месяцы, пытаясь разгадать загадки, скрытые в суровых землях Барбакана, где, если верить старинным летописям, даже летом по ночам замерзает вода. И кто знает, полчища каких врагов будут окружать их; быть может, даже сам демон-дракон! Ведь никто не мог сказать наверняка, действительно ли это исчадие уничтожено. Сплошные слухи и домыслы.

Можно понять амбициозного брата Фрэнсиса, жаждавшего совершить это путешествие, разумеется, в виде полновластного хозяина своего тела и духа. Но для магистра Джоджонаха, находившегося на шестом десятке, когда уже не осталось желаний ни славы, ни власти, а тем более тяги к приключениям, такое назначение явно означало наказание и, весьма вероятно, смертный приговор.

Споров не было. Собравшиеся быстро выбрали двадцать две кандидатуры из числа физически выносливых и владеющих магией братьев. В большинстве своем это были ученики пятого и шестого годов, находившиеся в расцвете физических сил. Сюда же вошло двое безупречных: ученики десятого и двенадцатого годов.

— Кого вы избираете в качестве своего первого помощника? — поинтересовался у Джоджонаха Маркворт.

Магистр не стал торопиться с ответом. Наилучшей кандидатурой, если основываться на чисто эгоистических соображениях, был бы Браумин Херд, близкий друг и зачастую доверенное лицо Джоджонаха. Но магистр должен был думать не только о себе. Никто не знает, какие опасности подстерегают караван, и, если они с Браумином Хердом оба погибнут, Маркворт от этого только выиграет, лишившись оппонентов. Остальные магистры, за исключением, пожалуй, Энгресса, слишком жаждут власти и благополучия, чтобы решиться возражать отцу-настоятелю. Что касается безупречных — учеников девятого и десятого годов, — эти чересчур амбициозны и очень похожи на брата Фрэнсиса.

— Наверное, один из них все-таки отличается от остальных, — подумал Джоджонах.

— Мой избранник должен быть из числа безупречных? — спросил он.

— Я готов отправить даже магистра, — тут же ответил отец Маркворт.

Его тон, где сквозили удивление и едва сдерживаемый гнев, подсказал Джоджонаху: настоятель надеялся и ожидал, что он назовет Браумина Херда.

— Я думал о ком-либо из одногодков брата Фрэнсиса, — пояснил Джоджонах.

— Это значит — еще один ученик девятого года? — недоверчиво спросил Маркворт.

— В числе избранных нами уже есть двое безупречных, — напомнил магистр Энгресс. — Им может не понравиться, что третьим по значимости будет выбран ученик девятого года.

— Но они примут этот выбор, когда узнают, что другой ученик девятого года выбран в качестве проводника для отца-настоятеля, — тут же нашелся один из магистров. Произнеся эти слова, он почтительно поклонился Марквортy.

У магистра Джоджонаха возникло сильное желание броситься к этому подхалиму и

влепить ему пощечину.

— Однако вряд ли стоит доверять роль второго помощника также ученику девятого года, — продолжал магистр Энгресс. Он не собирался затевать спор — такое было не в его природе, — а лишь представлял собой формальный «голос несогласного».

Маркворт посмотрел на магистра, предложившего сделать вторым помощником Фрэнсиса, и едва заметно кивнул. Джоджонах был уверен, что настоятель даже не заметил своего кивка, но для него самого это оказалось своевременным намеком. Настоятель уже сделал выбор.

— Так кого же вы назовете? — снова спросил Маркворт.

Джоджонах уклончиво пожал плечами. Он понял, что наступил критический момент. Маркворт ни за что не допустит, чтобы первым помощником стал кто-либо из учеников девятого года. Сейчас же он хотел выяснить, есть ли еще потенциальные бунтовщики среди его подчиненных, заговорщики, примыкающие к маленькому кружку магистра Джоджонаха.

— Я лишь надеялся, что брату Браумину Херду будет позволено меня сопровождать, — без обиняков заявил Джоджонах. — Он мой друг и отчасти — мой подопечный.

Самодовольное выражение на лице отца-настоятеля сменилось недоуменной гримасой.

— Но тогда… — начал было кто-то из магистров, но его прервал брат Фрэнсис:

— Брат Херд не является моим одногодком. Он находится на ступени безупречных.

— Неужели? — с деланным удивлением спросил Джоджонах.

Несколько магистров заговорили разом, высказывая опасения, что их собрат страдает не только дряблостью живота.

— Значит, вы хотите Херда? — громко сказал настоятель Маркворт, заставив умолкнуть остальных.

Джоджонах улыбнулся и покорно кивнул.

— Выходит, он — ученик десятого года, — с поддельным изумлением произнес магистр. — Годы летят так быстро, что все перемешалось.

Кивки и смешки собравшихся за столом подсказывали Джоджонаху, что ему удалось вывернуться из затруднительного положения. Но его отнюдь не вдохновлял тот факт, что им с Браумином Хердом суждено оказаться вдали от Санта-Мир-Абель и в непосредственной близости от смертельной опасности.

Брат Браумин Херд был ладным мужчиной с короткими темными вьющимися волосами и волевым лицом, на котором выделялись темные проницательные глаза. На его щеках всегда проступала щетина, как бы часто и тщательно он ни брился. Роста он был невысокого, но широкоплеч и держался прямо, отчего производил внушительное впечатление. Херду было за тридцать, и более трети своей жизни он провел в Санта-Мир-Абель. Поскольку первой его любовью был Бог, многие женщины в округе явно сожалели об этом выборе монаха.

Браумин Херд бросил взгляд по обе стороны коридора верхнего этажа монастыря, затем проскользнул в одну из келий, осторожно прикрыв за собой дверь.

— Я должен был отправиться в это путешествие, — произнес он своим густым, звучным голосом, поворачиваясь лицом к магистру Джоджонаху. — Годами своего труда я заслужил место среди участников экспедиции в Барбакан.

— Место рядом со мной или с Марквортом? — спросил магистр Джоджонах.

— Вам практически не дали времени на размышление, заставив делать выбор, когда все, кроме меня, уже были избраны, — поспешил ответить Браумин Херд. — Вы выбрали меня, хотя я знаю, что намеревались назвать другую кандидатуру.

Джоджонах удивленно посмотрел на него.

— Мне все рассказали. Вы прекрасно знаете, что я нахожусь на уровне безупречных; ведь вы же сами вручали мне «почетный свиток», — заключил Браумин. — Вы собирались назвать брата Виссенти.

Джоджонах даже покачнулся от удивления: до чего же быстро сведения об их встрече разлетелись по монастырю. Он внимательно поглядел на брата Браумина. Никогда еще он не

видел на лице своего друга столько боли и гнева. Браумин Херд был сильным и крепким человеком — сплошные налитые мускулы. Лицо его украшала тяжелая квадратная челюсть. Будучи широкоплечим, он имел узкую талию. Во всем теле Херда не было ни намека на дряблость. Наоборот, он был словно высечен из камня. В Санта-Мир-Абель не многие могли померяться с ним силой. Однако магистр Джоджонах, зная этого человека, зная его внутренний мир и сострадательное сердце, понимал: Браумин Херд — не воин. При всей своей огромной физической силе он не отличился в воинской выучке, что особенно печалило магистра Де'Уннеро, прекрасно осознававшего его недюжинные возможности. К неудовольствию Де'Уннеро, брат Браумин обладал кроткой душой.

— На самом деле сперва я выбрал именно тебя, — признался магистр. — Но затем не мог не подумать о последствиях. Дорога в Барбакан сопряжена с множеством опасностей. Неизвестно, что подстерегает нас на пути, если… мы вообще туда доберемся.

Браумин глубоко вздохнул.

— Я не боюсь, — ответил он.

— А я боюсь, — сказал Джоджонах. — Боюсь, потому что вера, которую мы оба разделяем, не должна погибнуть на подступах к Вайлдерлендсу.

Гнев Браумина Херда иссяк, сломленный логикой и рассуждениями Джоджонаха.

— Конечно, мы должны убедиться, что брат Виссенти и другие разделяют наши взгляды, — согласился он.

Джоджонах кивнул. Потом они долго стояли молча, размышляя об опасностях избранного ими пути. Если бы только отец-настоятель Маркворт мог знать, что таилось в глубине их сердец; если бы он понял, что они лучше, чем кто-либо в Санта-Мир-Абель, видели всю ошибочность его правления и даже усомнились в правильности пути Абеликанской церкви… он без колебаний заклеймил бы их как еретиков и подверг публичным пыткам и казни. Такое нередко случалось в изобилующей жестокостью истории их церкви.

— А если это брат Эвелин? — после долгого молчания спросил Браумин Херд. — Вдруг мы найдем его живым?

Магистр Джоджонах печально усмехнулся.

— Тогда, вне всякого сомнения, нам будет приказано доставить его сюда в цепях. Отец-настоятель не даст ему жить и не успокоится до тех пор, пока взятые Эвелином камни не вернутся в Санта-Мир-Абель.

— И что же, мы в цепях повезем его сюда?

— Не знаю, удастся ли нам заковать брата Эвелина в цепи, даже если бы нам и хотелось этого, — ответил магистр. — Жаль, что ты не имел удовольствия видеть, как он работает с магическими камнями. Если окажется, что взрыв на севере — дело его рук, если Эвелин уничтожил демона-дракона и остался жив, то горе нам, если мы попытаемся вступить с ним в битву.

— Один против двадцати пяти монахов? — недоверчиво проговорил Браумин Херд.

— Не принижай возможностей брата Эвелина, — резко ответил магистр и тут же добавил: — Но такого в любом случае не произойдет. Я молю о том, чтобы мы отыскали брата Эвелина. Как бы я был рад снова встретиться с ним!

— Это означало бы конфликт, — заключил Браумин Херд. — Если брат Эвелин жив, нам придется принять чью-то сторону. Придется выбирать между ним и отцом-настоятелем.

Магистр Джоджонах прикрыл глаза, понимая всю справедливость слов его молодого друга. Он, Херд и еще несколько монахов Санта-Мир-Абель недовольны правлением Марквортa. Но если бы они встали на сторону Эвелина, которого отец-настоятель открыто заклеймил как еретика и который формально будет объявлен таковым на зимней Коллегии аббатов, это означало бы их противостояние всей церкви. Веря в правильность своей позиции, Джоджонах не сомневался, что немалое число монахов и в Санта-Мир-Абель, и в Сент-Прешес, да и в других монастырях присоединились бы к нему. Но неужели он действительно хочет расколоть церковь? Неужели ему нужна война?

Но если они рассчитывают найти брата Эвелина живым, может ли Джоджонах, находясь в здравом уме, пойти против него или равнодушно взирать на действия других, направленные против этого мятежного монаха? Брат Эвелин вовсе не был еретиком; как раз наоборот. Преступление Десбриса против отца-настоятеля и церкви заключалось в том, что он, как зеркало, указал им на их деяния, противоречащие честным принципам веры. И это очень не понравилось кое-кому из братьев и прежде всего — самому Маркворту.

— Я считаю, что произошедшее в Барбакане связано с братом Эвелином, — убежденно произнес Джоджонах. — Только он мог выступить против демона-дракона. Остается выяснить, кто из них уцелел.

— У нас есть свидетельства, что дракон погиб, — ответил Браумин Херд. — Армия этих тварей утратила стратегию и дисциплину. Поври и гоблины перестали быть близкими союзниками. Мы видели это во время нападения на аббатство.

— Может статься, что дракон получил тяжелые ранения, и тогда мы поможем ему отправиться на тот свет, — сказал Джоджонах.

— Возможно, демон-дракон действительно уничтожен, и мы встретим брата Эвелина, — без особой уверенности произнес Браумин Херд.

— Если дракон мертв, то, скорее всего, брат Эвелин отправился куда-нибудь подальше от этого проклятого места.

— Будем надеяться, — подхватил Херд. — Мы пока еще не готовы выступить против отца-настоятеля.

Последние слова застали Джоджонаха врасплох, и он не знал, что сказать. Они с Хердом вообще никогда не говорили о действиях против отца-настоятеля. Оба твердо придерживались своих взглядов о пути церкви и старались передавать эти взгляды другим. Но ни разу они даже не намекнули на то, чтобы выступить против Маркворта или церкви.

Браумин Херд понял это и несколько смутился, ошеломленный своей внезапной откровенностью.

Джоджонах отреагировал на это привычным смешком. Он вспомнил себя в молодые годы. Тогда он был таким же «огненным шаром», как Херд, и также думал, будто в его силах изменить мир. Мудрость, а точнее, груз прожитых лет преподал магистру хорошие уроки. Ныне Джоджонах собирался менять не мир и даже не церковь, а свое отношение к тому и другому. Он готов позволить Маркворту идти своим путем, он готов позволить церкви следовать курсом, проложенным другими. Но он останется верен идеалам своего сердца и будет идти путем благочестия, достоинства и бедности — обету, который несколько десятков лет назад он дал, вступив в Санта-Мир-Абель. Он будет передавать слово истины более молодым монахам, таким как Браумин Херд и Виссенти Мальборо, желающим прислушиваться к его словам. И Джоджонах никоим образом не хотел и не намеревался вносить раскол в Абеликанскую церковь.

Раскол страшил магистра.

И поэтому магистр Джоджонах, мягкий человек и искренний друг Эвелина Десбриса, надеялся, что последний уже мертв.

— Утром мы тронемся в путь, — сказал Джоджонах. — Сходи к брату Виссенти и напомни ему все, о чем мы втроем говорили. Вели ему глубоко и усердно постигать истину и крепко держаться ее. Вели ему всегда проявлять милосердие в равной степени к верующим и неверующим и исцелять телесные и душевные раны как друзьям, так и врагам. Пусть его голос звучит твердо в обличении несправедливости и излишеств, но пусть он будет нежен и ласков, произнося слова утешения. В конечном итоге добро обязательно одержит победу силою истинности своих слов, а не ударами меча, хотя для взращивания этой победы могут понадобиться века.

Браумин Херд какое-то время обдумывал услышанное, затем уважительно поклонился и повернулся, намереваясь уйти.

— Подготовь себя к превратностям дороги, — добавил магистр Джоджонах, прежде чем открыть дверь. — Устами брата Фрэнсиса будет говорить отец-настоятель. Можешь не

сомневаться, что и остальные двадцать два брата верны Маркворту. Сдерживай свой пыл, брат мой, иначе мы навлечем на себя беду раньше, чем пересечем границы обжитых земель.

Браумин Херд вновь отвесил уважительный поклон и кивнул, дав понять своему наставнику, что со всем вниманием отнесется к его словам.

Магистр Джоджонах ничуть не сомневался в этом, ибо Херд, горячая голова и кроткая душа, был дисциплинированным человеком. Он знал: брат Браумин будет поступать правильно. Джоджонах опасался лишь одного: что считать правильным поступком, если им доведется встретить Эвелина Десбриса живым и невредимым?

— Тебе известно, чего я ожидаю и на что рассчитываю, — резко произнес отец-настоятель Маркворт.

— Я буду усердным проводником для вас, отец-настоятель, — сказал брат Фрэнсис, опуская глаза. — Вы сможете беспрепятственно входить в мое тело, когда только пожелаете.

— Можно подумать, что ты сумел бы мне помешать, — хвастливо возразил старый монах.

Однако в душе Маркворт сознавал, что его слова были бравадой. Даже при его новом понимании камней одержание оставалось трудным делом, особенно тогда, когда «вместилищем» являлся сведущий в магии человек.

— Но это еще не все, — продолжал настоятель. — Тебе понятна истинная цель этого путешествия?

— Убедиться в том, что демон-дракон уничтожен, — ответил Фрэнсис. — И вообще узнать, существовал ли он на самом деле.

— Естественно, существовал, — нетерпеливо отрезал Маркворт. — Но не это главное. Разумеется, вы отправляетесь в Барбакан, чтобы узнать о том, какая участь постигла демона-дракона. А еще — и это несравненно важнее — вы едете туда, чтобы разузнать об Эвелине Десбрисе.

Брат Фрэнсис поморщился. Он знал отношение церкви к Эвелину и о его возможной причастности к взрыву на севере. Однако молодой монах не мог даже вообразить, что для отца-настоятеля сведения об Эвелине намного важнее, чем судьба демона-дракона.

Конечно, демон-дракон угрожает жизни тысяч людей, — согласился настоятель. — И страдания, причиненные этим чудовищем, поистине ужасающи. Но демон-дракон появлялся в прошлом и появится снова. Круг страданий — это судьба человечества. Угроза, исходящая от брата Эвелина, намного опаснее. Она сильнее дракона и намного разрушительнее его набегов. Поступки Эвелина и его еретические воззрения, соблазняющие слабых, угрожают самим основам нашего возлюбленного Абеликанского ордена.

Сомнение по-прежнему не оставляло Фрэнсиса.

— По имеющимся у нас сведениям, Эвелин распространяет ересь под личиной красивых слов и внешне милосердных поступков, — продолжал Маркворт, повысив с досады голос. — Он отвергает важность древних традиций, не понимая их значимости и необходимости сохранения этих традиций ради существования церкви.

— Простите меня, отец-настоятель, — тихо произнес брат Фрэнсис, — но я думал, что Эвелин был ревностным приверженцем традиций, даже чересчур ревностным, как считают некоторые. Мне представлялось, что его недостатки лежали в другой плоскости — в излишней преданности отжившим обрядам, за которыми ему было не разглядеть правды и реалий современной церкви.

Маркворт поднял руку и, закусив губу, отвернулся, пытаясь отыскать какой-нибудь выход из этой логической западни.

— В чем-то так оно и было, — согласился он и вновь резко повернулся к Фрэнсису, отчего тот даже попятился. — В некоторых вопросах Эвелин казался таким преданным и благочестивым, что можно было подумать, что он ангел. А ты знаешь, с каким безразличием он отнесся к смерти собственной матери, не пролив ни единой слезинки?

Фрэнсис широко раскрыл глаза.

— Это правда, — продолжал Маркворт. — Он был так одержим, что кончина родной

матери казалась ему пустяком. Только не будь дураком и не думай, будто его поступки основывались на истинной духовности. Нет, они были продиктованы его непомерными амбициями, что он и доказал, убив магистра Сигертона и похитив самоцветы. Эвелин представляет опасность для всего ордена, и именно он, а не дракон является главной целью вашего путешествия.

Брат Фрэнсис ненадолго задумался, потом кивнул.

— Понимаю, отец-настоятель.

— Правда? — Тон Маркворта был таким, что Фрэнсис засомневался в своем ответе. — Ты понимаешь, что вам надлежит сделать, если вы повстречаете Эвелина Десбриса?

— Нас двадцать пять сильных… — начал было Фрэнсис.

— Не рассчитывай на поддержку всех двадцати пяти, — предупредил Маркворт.

Эти слова вновь заставили брата Фрэнсиса умолкнуть. Потом он сказал:

— Но все равно нас достаточно, чтобы захватить Эвелина и вернуть его вместе с самоцветами в Санта-Мир-Абель.

— Нет. — Простота ответа Маркворта снова заставила Фрэнсиса попятиться.

— Но… — промямлил он.

— Если вы повстречаете Эвелина Десбриса, — мрачным тоном стал объяснять Маркворт, — если вы хотя бы нападете на его след, вы возвратите мне то, что было украдено, вместе с известием о смерти беглеца Эвелина. Если удастся, можете привезти мне его голову.

Брат Фрэнсис распрямил плечи. Он был отнюдь не кротким человеком, и одногодки ценили его исключительно за храбрость, проявленную в нескольких потасовках, в которых он всегда с готовностью принимал участие. И все же он никак не ожидал получить подобный приказ от отца-настоятеля Санта-Мир-Абель. Тем не менее, Фрэнсис был амбициозен и привык слепо повиноваться. Он не принадлежал к числу тех, кто при выполнении приказов руководствуется совестью.

— Я не подведу, — сказал он. — Мы с магистром Джоджонахом…

— Берегись Джоджонаха, — прервал его Маркворт. — И брата Браумина — тоже. Их дело — довести караван до Барбакана и разузнать обо всем, что касается демона-дракона. Здесь Джоджонах главный, а Браумин — его первый помощник. Но о том, что связано с Эвелином Десбрисом, если это действительно связано с ним, брат Фрэнсис будет говорить от имени отца-настоятеля, а мое слово — непререкаемый закон.

Брат Фрэнсис низко поклонился и, увидев, что Маркворт махнул рукой, позволяя ему уйти, повернулся и вышел из покоев настоятеля, распираемый важностью порученного дела и открывавшимися возможностями.

Глубокой ночью брат Браумин шел по коридору верхнего этажа древнего монастыря. Хотя времени в его распоряжении было не так уж много и он заранее предупредил брата Виссенти, чтобы тот ждал его в своей келье, он все же пошел вкруговую — по невыразимо длинному коридору, тянущемуся вдоль береговой стены Санта-Мир-Абель. Поскольку ни сама стена снаружи, ни гавань не были освещены, Браумин наслаждался величественным зрелищем ночного неба. Казалось, что над безбрежными водами Мирианского океана сияли миллионы звезд. Задержавшись у одного из узких и высоких окон, Браумин Херд подумал, что родился слишком поздно и потому упустил возможность отправиться в плавание к экваториальному острову Пиманиникуит, на берегах которого монахи Санта-Мир-Абель собирали священные камни. Такие путешествия предпринимались раз в сто семьдесят три года.

Браумину Херду не полагалось даже знать о подробностях подобных экспедиций, ибо он не был магистром. Но Джоджонах рассказал ему о самом последнем плавании, о том, как братья Эвелин, Таграйн, Пеллимар и Квинтал отправились на остров на борту специально нанятого корабля, носившего название «Бегущий по волнам». Не что иное, как варварское уничтожение этого корабля после того, как упомянутые братья благополучно вернулись назад, окончательно восстановило брата Эвелина против Абеликанской церкви. Как

рассказывал Джоджонах, корабль потопили почти сразу же по выходе из гавани Санта-Мир-Абель. Глядя из окна, молодой монах пытался представить себе картину бойни… Мощные катапульты, чудовищные энергии магических камней, и все это — против одинокого парусника. Браумин был свидетелем сражения с поври, и теперь его прошибла дрожь при мысли, что такая же боевая мощь была обращена против одного-единственного корабля и ничего не подозревающих матросов.

— Но то была поистине судьбоносная ночь, — продолжал размышлять Браумин Херд. Ведь если бы Эвелин не был свидетелем гибели парусника, он так и остался бы верным и преданным служителем настоятеля Маркворта. И если брат Эвелин действительно сыграл решающую роль в грандиозных событиях на севере, то в тисках каких темных сил пребывал бы сейчас мир, если бы этот монах не покинул стены Санта-Мир-Абель?

Браумин Херд запустил пальцы в свои жесткие курчавые волосы. Мать часто твердила ему, что все имеет какую-то цель. Все происходит по какой-то причине. Жизнь Эвелина Десбриса блестяще подтверждала эти слова.

Он оторвался от окна и продолжил путь по коридору, двигаясь тихими, но быстрыми шагами. Большинство монахов в это время спали. Для братьев младших ступеней подобное было обязательным, а для более старших — желательным. Однако братья девятого и десятого года обучения могли распоряжаться временем по своему усмотрению, особенно если были заняты важными делами вроде переписывания отрывков из древних текстов или, с усмешкой подумал Браумин, составлением заговоров против отца-настоятеля. Ему тоже хотелось как можно скорее улечься спать: ведь вставать придется с рассветом. И почти сразу — в путь. В долгий и опасный путь.

Из-под двери кельи Виссенти Мальборо пробивалась полоска света. Браумин осторожно постучал. Он старался не разбудить кого-либо из обитателей соседних келий. Не хватает только, чтобы его здесь увидели.

Дверь открылась, и Браумин проскользнул в келью.

Брат Виссенти Мальборо, невысокий худощавый человек с беспокойными черными глазками и вечной щетиной на конопатом лице, поспешно закрыл за пришедшим дверь. Ну вот, опять он потирает руки, — отметил про себя Браумин. Брат Виссенти, наверное, был самым нервозным из всех, кого он знал. Этот странный монах вечно потирал руки и постоянно наклонял голову, словно ожидая удара.

— Вы отправитесь туда и оба погибнете, — вдруг резко произнес Виссенти своим скрипучим голосом, более подходящим белке или бурундуку, нежели человеку.

— Мы вынуждены ехать, — сказал Браумин. — Но, думаю, всего лишь на месяц; самое большее — на два.

— Если отец-настоятель что-то замыслил, вы не вернетесь, — сказал Виссенти и тут же втянул голову в плечи, обернулся и приложил палец к выпяченным губам, будто каждое упоминание о настоятеле Марквортe грозило обернуться появлением целой толпы стражников.

Браумин Херд даже не пытался спрятать усмешку.

— Если бы отец-настоятель хотел открыто выступить против нас, он бы давным-давно сделал это, — заключил он. — Остальные нас не боятся.

— Зато они убоялись Эвелина, — возразил Виссенти.

Они возненавидели Эвелина за похищение камней, — поправил его Браумин. — Не говоря уже об убийстве магистра Сигертона. А наш настоятель возненавидел Эвелина за то, что тот вместе с камнями похитил и его репутацию. Если Маркворт отойдет в мир иной, так и не сумев вернуть камни, то последующие поколения монахов Абеликанского ордена сочтут время его правления темным пятном в истории нашего монастыря. Вот чего страшится старик, а вовсе не того, что брат Эвелин поднимет мятеж.

Разумеется, брат Виссенти все это слышал уже не раз. Он покорно поднял руки и прошмыгнул к своему столу.

— Однако я не преуменьшаю опасности для себя и для магистра Джоджонаха, —

сказал ему Браумин Херд, пристраиваясь на краешке маленькой и тесной койки Виссенти.

— В этих условиях нельзя преуменьшать и ответственности, ложащейся на твои плечи, мой друг.

Взгляд Виссенти был исполнен неподдельного ужаса.

— У тебя есть союзники, — напомнил ему Браумин Херд.

Виссенти хмыкнул.

— Горстка новичков первого и второго года обучения?

— Которые потом станут учениками девятого и десятого годов, — твердо ответил Браумин. — И которые в дальнейшем станут безупречными, равно как и ты, если в тебе достанет благоразумия, в определенный срок достигнешь уровня магистра.

— Под благотворным влиянием отца-настоятеля Маркворта, которому известно, что я дружен с тобой и магистром Джоджонахом, — с прежним сарказмом ответил брат Виссенти.

— Отец-настоятель единолично не решает эти вопросы, — ответил брат Браумин. — Пока ты сохраняешь усердие в своих ученых занятиях, твое продвижение, по крайней мере до уровня магистра, является делом предрешенным. Если бы Маркворт пошел против установленного порядка, это вызвало бы неудовольствие в других монастырях. Да и у нас многим магистрам подобное не понравилось бы. Нет, он не в состоянии лишить тебя повышения.

— Зато в его власти услать меня куда-нибудь подальше, — не сдавался брат Виссенти. — Скажем, отправить в Сент-Ронтельмор, в пекло песков Энтеля, или, хуже того, — назначить капелланом войск береговой охраны в такую дыру, как Пирет Данкард. И буду я гнить там на острове в самом центре залива Короны!

Браумин Херд не стал возражать. Он лишь пожал плечами, словно все это не имело значения.

— Но и там ты останешься верен своим убеждениям, — спокойно сказал он. — И там ты сохранишь в своем сердце наши упования на лучшие порядки в Абеликанском ордене.

Брат Виссенти вновь стал потирать руки, затем вскочил и заходил по келье. Он понимал, что должен бы удовлетвориться ответом друга, поскольку пока они не вольны сами решать свою судьбу. Но Виссенти казалось, что мир для него начал вдруг вращаться гораздо быстрее, как будто события пошли теперь сплошной чередой, не оставляя времени на обдумывание его собственных поступков.

— А что я буду делать, если вы не вернетесь? — со всей серьезностью спросил он.

— Будешь хранить истину в своем сердце, — без колебаний ответил брат Браумин. — Ты продолжишь беседы с теми из младших братьев, кто разделяет наши взгляды. Будешь бороться за их умы, противостоять неизбежному их стремлению приспособиться к общепринятым догмам ордена, о которых они узнают по мере своего восхождения по ступеням. Только этого всегда требовал от нас магистр Джоджонах, и этого же, наверное, потребовал бы от нас и брат Эвелин.

Брат Виссенти остановился и долгим суровым взглядом посмотрел на Браумина Херда. Он безоговорочно сознавал правоту друга, ибо верил так же, как верил брат Браумин, магистр Джоджонах и некоторые братья помладше, что дух Эвелина живет в нем.

— Благочестие, достоинство, бедность, — произнес слова Абеликанской клятвы Браумин Херд. Когда брат Виссенти кивнул в знак согласия, он произнес еще одно слово, тайно добавленное магистром Джоджонахом и отвечавшее сути деяний Эвелина: — Милосердие.

Не было ни торжественных проводов, ни всеобщего оповещения об отъезде. Караван из шести повозок тихо и незаметно выехал за ворота Санта-Мир-Абель. В каждой из четырех повозок разместилось по пять монахов. Пятая повозка везла всю провизию каравана, и, кроме двоих возниц, в ней не было никого. Шестая повозка (на самом деле она была второй по счету) также управлялась двумя возницами. В ней ехал магистр Джоджонах вместе с картами и путеводителями.

Трое монахов, включая брата Браумина, расположились в заднем конце четвертой

повозки и погрузились в работу с самоцветами. Сейчас они пользовались преимущественно кварцем, хотя у одного из безупречных в руках находился и гематит. Кварц позволял видеть на большом расстоянии и следить за местностью, по которой они ехали. Если что-то вызывало хотя бы малейшее подозрение, безупречный пользовался силой гематита, чтобы направить в то место свой дух и произвести дополнительную разведку. Трое этих монахов были глазами и ушами всего каравана. Они должны были уберечь повозки от любых превратностей. Каждый их промах или недочет вполне мог обернуться для участников экспедиции сражением, которое им пришлось бы вести еще задолго до того, как они покинут так называемые обжитые земли Хонсе-Бира.

Они ехали все утро, двигаясь на северо-запад по дороге, ведущей в Эмвой — портовый городок, отделенный от Палмариса широким проливом Мазур-Делавал. В обычных условиях столь внушительный караван направился бы на юго-запад, в Урсал, где имелись мосты, поскольку паромная переправа между Эмвоем и Палмарисом была не в состоянии перевезти за один раз все повозки. Однако у монахов имелись свои маршруты путешествия. Их путь в Барбакан должен был быть как можно прямее и короче, а магические камни давали им для этого немало возможностей.

Лошади, по две на каждую повозку, вскоре утомились. Некоторые из них дышали с таким трудом, что казалось, вот-вот падут замертво. В упряжь каждой из них была вделана бирюза — магический камень, позволявший возницам входить в телепатическое общение с лошадьми и силой внушения заставлять животных двигаться на пределе возможностей. Первый привал устроили около полудня, в поле близ дороги, где путешественники должны были поменять лошадей. Половина монахов занялась осмотром повозок и колес, подтягивая и выпрямляя то, что нуждалось в подтягивании и выпрямлении. Остальные быстро приготовили пищу. Трое братьев, служивших глазами и ушами каравана, вступили в телепатический контакт, чтобы сообщить о прибытии каравана. Церковь была прекрасно подготовлена к превратностям подобных путешествий, поскольку по всем дорогам Хонсе-Бира у нее имелись помощники — священники небольших приходов, миссионеры и так далее. Накануне несколько магистров Санта-Мир-Абель, используя карты и путеводители, собранные братом Фрэнсисом, с помощью гематита заранее оповестили помощников из здешних мест, сообщив, что от них потребуется.

Не прошло и часа, как к месту привала привели дюжину свежих лошадей. Магистр Джоджонах узнал монаха, который их привел; этот человек, проведя более десятка лет в Санта-Мир-Абель, ушел жить в миру. Джоджонах наблюдал за ним сквозь щель в пологе своей повозки, однако не вышел, чтобы поздороваться. Это неизбежно повлекло бы за собой расспросы, а привал был неподходящим местом и для вопросов монаха, и для ответов Джоджонаха.

К чести этого человека, он пробыл здесь совсем недолго — всего несколько минут, которые понадобились ему и пяти его помощникам, чтобы поменять лошадей.

Вскоре караван продолжил путь, быстро одолевая милю за милей. Ближе к вечеру путники свернули с дороги, отклонившись к северу, и вскоре удивленным взорам братьев предстал широкий пролив Мазур-Делавал. Позади осталось семьдесят миль. К югу от них находился Эмвой, а на другом берегу, разделенный двадцатью милями водной глади, лежал Палмарис — второй по величине город края Хонсе-Бир.

— Вам надо как следует подкрепиться и набраться сил, — сказал монахам магистр Джоджонах.

Те понимали: впереди их ожидал, вероятно, самый трудный и опасный отрезок пути, сравнимый лишь с тем, что может встретиться после того, как они покинут пределы Тимберленда.

Прошел час. Ровно столько, сколько отводило на отдых жесткое расписание, составленное братом Фрэнсисом. Однако магистр Джоджонах не делал никаких распоряжений о том, чтобы двигаться дальше.

Брат Фрэнсис направился к нему в повозку.

— Пора, — спокойным, но твердым голосом произнес молодой монах.

— Еще один час, — ответил Джоджонах.

Брат Фрэнсис покачал головой и начал разворачивать свиток. Джоджонах остановил его:

— Мне известно, что там написано.

— Тогда вы знаете, что…

— Я знаю, что, если мы окажемся посреди пролива и кто-то из нас ослабеет, мы можем лишиться одной повозки или даже всех, — перебил его Джоджонах.

— Янтарь не требует особого напряжения сил, — возразил брат Фрэнсис.

— Верно, когда ты идешь по воде с пустыми руками, — согласился Джоджонах. — А когда у нас такой груз?

— Но ведь у нас — двадцать пять человек.

— И нас должно остаться двадцать пять, когда мы достигнем западного берега пролива, — резко ответил Джоджонах.

Брат Фрэнсис что-то проворчал себе под нос и повернулся, чтобы уйти.

— Мы поедем ночью, — сказал Джоджонах, — воспользовавшись бриллиантами для освещения дороги, и таким образом наверстаем время.

— И огни сразу выдадут нас, — недовольно произнес Фрэнсис.

— Возможно, — ответил Джоджонах. — Но, по моим соображениям, это меньший риск, чем позволить утомленным братьям пересекать Мазур-Делавал.

У брата Фрэнсиса от ярости сузились глаза и сжались зубы. Он двинулся прочь, едва не сбив с ног поднимавшегося в повозку Браумина Херда.

— Мы не укладываемся в его расчеты, — сухо пояснил Джоджонах вошедшему другу.

— И он, конечно же, донесет об этом отцу-настоятелю, — заключил брат Браумин.

— Главное, что Маркворт не едет вместе с нами, — глубоко вздохнув, сказал Джоджонах. — К нашей великой радости.

Его мрачное лицо осветилось улыбкой, а когда Браумин Херд сдержанно рассмеялся, старый магистр захохотал.

Брат Фрэнсис, стоявший возле повозки, все это слышал.

Через час, когда был найден удобный спуск к воде и солнце все ниже и ниже уходило за горизонт, караван вновь тронулся в путь. Процессию возглавлял магистр Джоджонах, наиболее сильный и сведущий в применении магических камней. Рядом с ним ехали два новичка-первогодка, а впереди — только один возница. Восемнадцать монахов из двадцати пяти, за исключением возниц и одного разведчика, распределились по трое в каждой повозке. Соединив руки, они держали их над кусками магического янтаря. Братья собирали силы, направляя свою энергию внутрь камня и пробуждая его магические свойства. Янтарь помогал двигаться по воде, и потому каждая повозка, скатившись в воду, не утонула, а лошадиные копыта и колеса оставляли лишь едва видимый след на водной поверхности.

Восемнадцать монахов пребывали в состоянии глубокого транса. Возницы усердно маневрировали лошадьми, попеременно направляя их то влево, то вправо, чтобы уравновешивать силу течения. Однако эта часть пути оказалась на удивление легкой. Езда проходила плавно, что явилось приятной передышкой для возниц, лошадей и самих монахов.

Прошло менее двух часов, когда возница Джоджонаха, освещая бриллиантами путь, отыскал на западном берегу пологий склон и выехал на сушу. Обернувшись, он сообщил об этом магистру. Джоджонах вышел из состояния транса и выбрался из повозки, чтобы размять затекшее тело и проследить, как одна за другой на берег выехали остальные пять повозок. К югу, в нескольких милях отсюда, светились огоньки Палмариса. На севере и западе лишь чернело ночное небо.

— Во время ночного перехода наша цепь будет более плотной, — объявил монахам магистр Джоджонах. — Расстояние между повозками не должно превышать корпуса лошади. Используйте силу бирюзы, чтобы заставлять лошадей двигаться. Отдыхать и питаться будем на ходу. Мы будем ехать до тех пор, пока лошади способны тащить повозки. Прежде чем

устроить привал, нам необходимо проделать еще двадцать миль.

Он отпустил всех монахов, кроме брата Фрэнсиса.

— Когда у нас должна происходить очередная смена лошадей?

— Ближе к вечеру наступающего дня, — ответил Фрэнсис. — Может оказаться, что за дюжину свежих лошадей мы отдадим только шесть. Остальным уже никогда не бегать в упряжи.

— Чему быть, того не миновать, — сказал Джоджонах и направился к своей повозке, искренне сожалея о тяжкой участи несчастных животных.

ГЛАВА 6
ОПАСНЫЙ ПРОСЧЕТ

Забавно, подумал Роджер, дозорные поври теперь торчат на окраинах Кертинеллы даже ночью. Обычно карлики и гоблины возвращались в город сразу после захода солнца. Ночь была любимейшим временем гоблинов, которые, вернувшись под защиту городских стен, предавались азартным играм, выпивке и шумным спорам, неизбежно перераставшим в стычки и потасовки.

Но так было до того, как тетушка Келсо его стараниями «превратилась в дерево», а эти твари приписали «превращение» своему божеству — демону-дракону. После этого они стали более бдительными, боясь, что дракон может появиться снова и самолично проверить, как обстоят дела в их армии.

Роджер улыбнулся. Здорово, что учиненная им маленькая проделка доставила чудищам столько хлопот. Дозорные не особо волновали его. Раз он решил отправиться в Кертинеллу, значит, он туда обязательно пойдет, как бы поври ни пытались ему помешать. Разумеется, наличие стражи было некоторым препятствием на его пути, но дозорные никоим образом не догадывались о том, что он рядом.

Двое поври стояли не шелохнувшись: один, засунув руки в карманы, а другой — пыхтя трубкой с длинным чубуком. Даже в тусклом свете сумерек их береты отливали ярко-красным цветом. Сразу видно, давнишние вояки. Поври называли «красными шапками» за их обыкновение опускать свои береты, зачастую изготовленные из человеческой кожи, в кровь своих врагов. Береты пропитывались особыми маслами, сохранявшими цвет крови, причем с каждой новой жертвой цвет этот становился все ярче. По яркости берета нередко можно было определить, какое место занимает тот или иной поври в своей иерархии.

Роджер отшатнулся, увидев два ярко-красных пятна и представив зверства, совершенные этими тварями, но не изменил своих намерений. Наоборот, мысль о том, сколько человеческой крови пролили поври, чтобы искупать в ней свои береты, лишь придала ему решимости. Исполнив задуманное, он хоть немного отомстит за невинно убитых людей. В центре, там, где находились поври, горел небольшой костер. На расстоянии десяти футов от него горели три факела, образуя полукруг. Оставался лишь один небольшой проход, ведущий в город. Роджер, двигаясь бесшумно, словно облачко, которое на миг заслонило луну, проскользнул за пределы полукруга. Теперь путь в город был открыт, однако Роджер повернулся, прокрался за спинами карликов и нырнул за живую изгородь, находившуюся в нескольких футах отсюда. Он на время затаился, желая убедиться, что поври не заметили его и что поблизости нет других тварей. Затем на животе пополз вдоль кромки кустов, направляясь к своей цели.

— Надо и мне курнуть, — произнес один из поври и тоже достал из кармана трубку.

Как только его рука покинула карман, туда мигом скользнули пальцы Роджера.

— Подсыпь-ка травки, — сказал поври, протягивая своему сородичу трубку.

Второй поври взял трубку и полез за мешком трубочной травы, тогда как первый вновь засунул руку в карман. Мгновением раньше карман покинула рука Роджера, зажав в пальцах добычу — пару странных восьмиугольных золотых монет, имевших хождение на Островах Непогоды.

Роджер заулыбался во весь рот, видя, как поври протянул за своей трубкой другую руку, открывая для него доступ ко второму карману.

— Ты уверен? — чуть ли не в десятый раз спрашивал Белстер О'Комели.

— Своими глазами их видел, — отвечал человек по имени Янсен Бриджес. — Буквально час назад.

— Огромные?

— Каждый из них легко мог бы слопать здоровенного мужчину, и в недрах брюха осталось бы достаточно места для его жены, — ответил Янсен.

Белстер поднялся с пня, служившего ему стулом, и подошел к южной оконечности опушки, на которой размещался основной лагерь беженцев.

— Сколько наших отправилось в город? — спросил Янсен.

— Один лишь Роджер Не-Запрешь.

— Он ходит туда каждую ночь, — несколько недовольным тоном произнес Янсен. Он пришел сюда с севера вместе с людьми Белстера и не питал особых симпатий к Роджеру.

— Ходит, благодаря чему у нас прибавляется съестных припасов, — резко ответил Белстер, поворачиваясь к Янсену.

Он понял, что тот не столько рассержен, сколько раздосадован, и отступил.

— Уж если кто и может пробраться в город, то только Роджер Не-Запрешь, — сказал он, обращаясь не столько к Янсену, сколько к самому себе.

— Будем надеяться, — ответил Янсен. — Но мы не можем ждать. Я считаю, нам надо отойти еще миль на пять, хотя бы на то время, пока мы не поймем, насколько опасны их новые «гости».

Белстер выслушал его довод и, немного подумав, кивнул.

— Ступай к Томасу Джинджерворту и все ему расскажи, — велел он Янсену. — Если он согласен, что нам лучше сняться с места этой же ночью, наш отряд будет готов к отходу.

Янсен Бриджес кивнул и двинулся через опушку, оставив Белстера наедине со своими мыслями.

Белстер сознавал, что все больше устает от создавшегося положения. Устает от необходимости скрываться в лесах, устает от поври. А ведь был он когда-то преуспевающим трактирщиком в Палмарисе — городе, который с раннего детства привык считать родным. В пятилетнем возрасте он перебрался туда вместе с родителями из южных земель близ У реала. Более тридцати лет прожил Белстер в этом процветающем городе на берегу пролива Мазур-Делавал. Вначале он был подмастерьем у своего отца-строителя, а потом открыл таверну. Через несколько лет умерла его мать, тихо отойдя в мир иной, а менее чем через год вслед за ней отправился и отец. Только тогда Белстер узнал, что у отца были долги, и это наследство тяжким грузом легло на широкие плечи молодого трактирщика.

Белстеру пришлось продать таверну, но вырученные деньги лишь слегка покрыли сумму отцовского долга. Оставалось одно из двух: либо на десять лет идти в кабалу к кредиторам, либо отправляться гнить в долговую тюрьму Палмариса.

Белстер поступил по-своему: собрал нехитрые пожитки и бежал в дикие северные края, а точнее — в Тимберленд, в Дундалис. Город как раз заново отстраивался после набега гоблинов, произошедшего несколько лет назад.

В Дундалисе Белстер О'Комели обрел свой новый дом и место в жизни. Он открыл таверну под названием «Унылая Шейла». Посетителей было немного — край Тимберленд людным не назовешь. В основном его заведение навещали торговцы, проходившие в теплые месяцы со своими караванами через Дундалис. Но в этом далеком провинциальном городе, где люди привыкли сами обеспечивать себя всем необходимым, Белстеру и не требовалось много денег.

А потом гоблины вновь напали на город, в этот раз — вместе с поври и великанами. И вновь Белстеру пришлось спасаться бегством, только теперь ставки были значительно выше.

Он бросил взгляд в направлении Дундалиса, хотя город находился очень далеко отсюда, за густыми лесами и чередой холмов. Белстер знал, что жители Кертинеллы не

захотят рисковать жизнью Роджера Не-Запрешь. Для них этот парнишка был легендой, своеобразным предводителем, хотя он редко общался с ними и редко вступал в разговор. Однако после того как он спас несчастную тетушку Келсо, его слава возросла еще больше. Если Роджера схватят и убьют, это значительно подорвет дух жителей Кертинеллы.

— Что тебе известно? — услышал он вопрос. Белстер обернулся и увидел Рестона Мидоуза, также бежавшего с ним из Дундалиса.

— Роджер в городе.

— Знаю. Янсен нам рассказал, — мрачно произнес Рестон. — И о «гостях» тоже. Боюсь, что Роджеру придется крепко потрудиться, чтобы подтвердить справедливость своего прозвища.

— Каково решение Томаса?

— В ближайший час мы уходим отсюда. Белстер задумался.

— Возьми пару лучших своих разведчиков и отправляйтесь в Кертинеллу. Попробуйте разузнать, что сталось с Роджером.

— Думаешь, нам троим удастся его вызволить? — недоверчиво спросил Рестон.

Белстер понимал его состояние: в лагере можно было по пальцам пересчитать тех, кто отважился бы на столкновение с Коз-козио Бегулне и его крепкими сородичами.

— Я прошу лишь разузнать о его судьбе, а не решать ее, — пояснил грузный О'Комели. — Если Роджер схвачен и убит, мы придумаем какую-нибудь убедительную историю о том, почему его нет.

Рестон недоверчиво поглядел на него.

— Для них, — пояснил Белстер, указывая подбородком в направлении лагеря. — Нас не сломило то, что Полуночник, Пони и Эвелин отправились в Барбакан. Но какая бы тяжесть легла на наши сердца, если бы они погибли?

Рестон понял.

— Роджер нужен им, — согласился он.

— Им нужно верить, что Роджер трудится не покладая рук ради их свободы, — добавил Белстер.

Рестон кивнул и направился подыскивать тех, с кем он мог пойти на разведку. Белстер вновь остался один. Он стоял и глядел в глубь леса. Да, Белстер О'Комели очень устал, его давил груз ответственности. Он ощущал себя отцом ста восьмидесяти детей, из которых один особенно тревожил его своими рискованными проказами.

Белстер искренне надеялся, что проказник вернется невредимым.

Прихватив добычу, Роджер решил, что пора уносить ноги. Но тут ему на глаза попался моток веревки, какой пленники обычно перетаскивали бревна. Роджер не смог устоять перед искушением. Он обмотал веревку вокруг крепкого ствола дерева, а сам, держа в руках оба конца, вернулся туда, где покуривали ничего не подозревающие поври.

Вскоре Роджер уже находился в лесу. Он решил на обратном пути спугнуть эту парочку. Если они так и проторчат бездвижно до его возвращения, он сможет немного позабавиться. Они бросятся за ним, и тогда петли, обвитые у них вокруг ног, затянутся и вояки рухнут на землю.

Быть может, ему удастся стащить у кого-то из них драгоценный берет, пока эти чудища выпутываются из веревок.

Роджер отложил эти мысли на потом. Город был совсем близко, тихий и темный. Он заметил нескольких гоблинов, шныряющих по улицам. И все. Даже их игорный дом, устроенный в одном из центральных зданий, сегодня был непривычно тих. Он еще раз убедился, насколько эти твари поверили в его трюк с тетушкой Келсо и слухам о драконе. Гоблины и поври старались изо всех сил, опасаясь нового появления своего беспощадного хозяина.

Теперь Роджер даже жалел, что не придумал другой причины исчезновения тетушки Келсо.

Впрочем, что толку сожалеть об этом сейчас? Именно так сказал себе Роджер, подходя

к городу. Просто в эту ночь ему придется действовать более осторожно. Не будет привычных перебежек от дома к дому, когда он успевал проверить содержимое карманов у кого-нибудь из поври и подбросить что-нибудь не столь ценное другому, а потом наслаждаться зрелищем вспыхнувшей драки. Нет, сегодня он направится прямо к погребам, чтобы всласть наесться самому и добыть припасов для беженцев, скрывавшихся в лесу.

Дверь погреба оказалась заперта: в скобы была продета массивная цепь, скрепленная тяжелым замком.

И где они только раздобыли все это? — размышлял Роджер, почесывая щеки и подбородок и оглядываясь по сторонам. И зачем столько ухищрений, если они все равно не помогут?

Вздохнув от скуки, Роджер достал спрятанный за ухом кусок проволоки с заостренным концом и просунул его в замочную скважину. Он приблизил ухо к замку, чтобы лучше слышать звуки механизма. Проволока повернулась, потом еще. Внутри что-то несколько раз щелкнуло, и вскоре дужка замка отскочила. Роджер отодвинул ее и принялся развязывать цепь, но потом остановился и задумался. Он вдруг понял, что совсем не голоден.

Он оглянулся по сторонам, вслушиваясь в тишину и пытаясь определить, насколько тревожна обстановка в городе. Может, ему все же удастся немного поразвлечься этой ночью. Потом он вернется сюда и прихватит что-нибудь съестное для своих друзей.

Цепь с замком он взял с собой, но дверь открывать не стал.

Роджер едва успел отойти на пару шагов, когда позади послышалось глухое урчание. Тогда он понял, от чего его уберегла судьба. Парнишка метнулся к двери и припал ухом к ее шершавому дереву.

Изнутри доносилось уже не урчание, а рычание, которое, не успел он и глазом моргнуть, перешло в громкий злобный лай.

Роджер метнулся к соседнему дому. Отыскав со стороны фасада неплотно пригнанную доску, он отогнул ее и запихал внутрь цепь и замок, которые слишком гремели и мешали бежать. Потом он проворно и бесшумно влез на крышу.

К погребу, отпуская проклятия на каждом шагу, подошел поври.

— Ну, чего разбрехалась? — проворчал он. Голос его напоминал скрежет каменных жерновов.

Поври потянулся к двери, но остановился и почесал затылок, сообразив, что здесь чего-то недостает.

— Чтоб тебе провалиться! — процедил сквозь зубы Роджер, видя, как поври поспешно удалился тем же путем, каким пришел. В таких ситуациях парень обычно оставался сидеть не шелохнувшись. Но сейчас волосы у него на затылке вдруг стали дыбом и инстинкт диктовал Роджеру убираться отсюда, и побыстрее. Он отошел к дальнему концу крыши и прыгнул в темноту. В городе поднялась тревога. Один за другим вспыхивали факелы. Тишину ночи нарушил топот ног и громкие крики: «Вор!»

Роджер перескакивал с крыши на крышу, скатывался вниз и поднимался по стенам, пока не перемахнул через частокол и не оказался в загоне для скота, находившемся на северо-западной окраине города. Пригнувшись к земле, парень стал пробираться среди коров, стараясь ничем не тревожить их и шепотом уговаривая животных не поднимать шума.

Наверное, ему так и удалось бы беспрепятственно пройти через стадо, поскольку сонные коровы не обратили особого внимания на его появление. Но на его беду в стаде находились не только коровы.

Если бы мысли Роджера не были так заняты погоней, он бы сообразил, что находится на скотном дворе, принадлежавшем ранее Розину Делавалу, а у того имелся бык, причем самый свирепый во всей Кертинелле. Розин держал быка в отдельном стойле, так как бодливая скотина любила пустить в ход рога и коров после этого частенько было трудно подоить. Но теперь на скотном дворе хозяйничали поври, которых в одинаковой степени забавляли и мучения раненых коров, и страдания гоблинов, которых они посылали сюда за молоком или на убой очередной коровы.

Пробираясь между коровами, Роджер больше оглядывался назад, чем смотрел вперед. Он отпихнул одну сонную тушу, потом слегка оттолкнул другую и сразу почувствовал, что эта громадная корова совсем не собирается уступать ему дорогу.

Роджер опять толкнул ее и… застыл на месте. Перед ним лежал полусонный бык весом не менее двух тысяч фунтов. Роджер не стал будить его, а тихо и медленно попятился назад, но, к несчастью, наткнулся на корову. Послышалось недовольное мычание.

Бык фыркнул и повел по сторонам тяжелой рогатой головой.

Роджер отскочил в сторону, забежал за спину разбуженного быка, затем вновь промчался перед самым его носом. Парню пришла в голову шальная мысль: заставить быка вертеть головой до тех пор, пока она не закружится и тупое животное не рухнет на землю. Но маневр не сработал. Бык двинулся прямо на Роджера, поддевая землю своими острыми рогами.

Парню оставалось только одно — вскочить быку на спину.

Зная, что шуметь ни в коем случае нельзя, он все же не удержался и вскрикнул. Бык взбрыкнул, захрипел и в слепой ярости ударил копытами по земле. Затем нагнулся и прыгнул, опустив голову и резко мотнув ею так, что едва не задел рогами плечо Роджера.

Роджер сумел-таки удержаться на бычьей спине, пока разъяренное животное неслось к дальнему концу загона, где за забором темнел лес. Как нельзя кстати, смекнул Роджер, поскольку с другой стороны сюда неотвратимо приближалась толпа поври и гоблинов. Они что-то кричали и показывали в сторону загона.

Бык изо всех сил рванулся вперед, потом остановился как вкопанный и резко дернулся вправо, а затем влево. Роджер держался, как только мог, схватившись прямо за бычьи рога. На втором повороте бык потерял равновесие, и сообразительный парень тут же воспользовался представившейся возможностью. Он согнул одну ногу и со всей силой уперся ею в рог, повернув бычью голову еще больше влево.

Бык споткнулся и упал. Роджер мгновенно спрыгнул с его спины и бросился бежать. Прежде чем ревущая громадина сумела вновь подняться на ноги, парень перемахнул через изгородь.

Бык приблизился к забору. Хотя Роджер видел, как со стороны города по обе стороны частокола бежали гоблины, он остановился и хвастливо произнес, обращаясь к быку:

— А я ведь мог бы сломать тебе шею.

Сказав это, он щелкнул пальцами перед самым носом быка.

Бык фыркнул, ударил копытами и наклонил голову.

Роджер разинул рот:

— Похоже, ты не понял.

Бык отреагировал по-своему: он начал крушить частокол.

Роджер устремился в лес. Позади него животное рьяно ломало забор, подбрасывая в воздух колья. Наконец бык расчистил себе проход и выскочил на полянку. Гоблины приближались, и, совершенно неожиданно для Роджера, бык превратился в его союзника.

— Ай-иии! — завопил один из гоблинов. Среди своих тупых соплеменников он считался находчивым. Находчивость и здесь не изменила ему. Гоблин схватил одного из сотоварищей и швырнул его прямо под ноги быку. Жертва находчивости дважды перекувырнулся в воздухе и больно шлепнулся на землю. Стараясь не стонать, гоблин отполз в сторону, только бы не привлечь к себе внимание быка, который теперь гнался за улепетывающими гоблинами.

Роджер, восседая на дереве, с истинным наслаждением следил за происходящим. Он просто завопил от радости, когда бык поддел на рога одного из замешкавшихся гоблинов. Рог пропорол тому ногу и раздробил коленную чашечку. Бык мотал головой, заставляя отчаянно кричащего гоблина болтаться в воздухе, перекатываясь через могучую бычью шею. Потом двинулся дальше, неистово дергаясь из стороны в сторону. Гоблин еще некоторое время продолжал мотаться, словно чучело, затем рухнул на землю. Однако быку этого явно было мало, и он, поддевая копытами дерн, вновь бросился на гоблина, прежде чем тот

попытался уползти и скрыться.

Роджер добрался до конца сука, на котором сидел, раскачался и перепрыгнул на ветку другого дерева и двинулся дальше, держа путь на север, к лагерю беженцев. Вспомнив про оставленные цепь и замок, он пообещал себе, что вернется за ними в следующую ночь. С их помощью можно будет устроить поври не одну закавыку. Несмотря на то, что ему не удалось побывать в погребе и пришлось столкнуться с быком, неунывающий Роджер считал, что ночь прошла успешно. С легким сердцем, пританцовывая, он спустился с дерева и направился в сторону тех двух дозорных, которых опутал веревкой. Он увидел их издалека; они сидели на земле, отчаянно стараясь выпутаться. Судя по всему, шум и крики в городе привлекли их внимание, они вскочили, а дальше все произошло именно так, как рассчитывал Роджер.

Жаль, конечно, что он не видел эту сцену с самого начала. Ладно, достаточно и того, что он увидел две трубки, валявшиеся в пыли, и услышал глухие проклятия своих жертв. Это пришлось ему по сердцу, и на лице Роджера появилась озорная улыбка. Теперь можно возвращаться.

Но тут послышался странный шум.

— Это еще что? — недоуменно спросил Роджер, прислушиваясь.

Он не знал, что такое собаки-ищейки, и вначале даже не понял, что они идут по его следу. Но поскольку лай становился все громче, он сообразил, что собаки приближаются, и поспешно вскарабкался на раскидистый дуб, стоящий отдельно от других деревьев, и стал вглядываться в темноту.

В отдалении мерцали факелы.

— Ишь, какие упрямые, — пробормотал Роджер, покачав головой. Он по-прежнему был уверен, что этим тварям не удастся найти его в ночном лесу.

Он начал было слезать с дерева, но разом передумал, ибо теперь лай раздавался совсем рядом. Вскоре он заметил четырех собак. Роджеру уже доводилось видеть этих животных — Розин Делавал держал двоих псов, помогавших ему пасти коров. Но то были небольшие дружелюбные собаки, вечно виляющие хвостами и готовые играть с ним и вообще со всеми. Эти же были совсем другой породы, да и лай их не напоминал добродушное тявканье: громкий, угрожающий, словно из кошмарного сна. Судя по черным силуэтам, которые Роджер сумел разглядеть в темноте, эти собаки были намного крупнее собак Розина.

— Откуда же они их взяли? — пробормотал юный воришка.

Да, до сих пор в Кертинелле он еще ни разу не наталкивался на собак. Роджер огляделся по сторонам, подыскивая место, чтобы спуститься как можно дальше от ищеек. И вдруг он понял: если он спустится вниз, собаки его разорвут. Оставалось полагаться лишь на удачу, и Роджер стал карабкаться как можно выше, надеясь, что, потеряв его из виду, свирепые псы утратят к нему интерес.

Он не знал особенностей воспитания этих собак. Ищейки сгрудились у основания ствола, принюхались, поскребли когтями кору и начали лаять. Одна даже подпрыгивала, царапая ствол.

Роджер с тревогой глядел на юг, видя, как неотступно приближаются к нему огни факелов и все слышнее становится гвалт толпы его преследователей. Надо заставить собак умолкнуть или каким-то образом выбраться отсюда.

Он не знал, с чего начать. У него было лишь единственное оружие — небольшой ножик, который годился только для ковыряния в замках, но не для сражения. Да будь у него сейчас даже огромный меч, его все равно била дрожь от одной мысли оказаться внизу, рядом с оскаленными мордами. Роджер почесал затылок, продолжая оглядываться по сторонам. И зачем только его угораздило влезть на это дерево, стоящее так далеко от остальных деревьев?

Ответ был очевиден: он не до конца представлял, на что способны враги.

— Допустить такую промашку, — ворчал на себя Роджер, видя, как пространство под дубом наполняется поври. В считанные секунды его дерево было окружено со всех сторон

этими жестокими дворфами, среди которых находился и ухмыляющийся Коз-козио Бегулне. Роджер слышал, как сподручные Коз-козио поздравляли того с мудрым решением — доставкой в Кертинеллу крэгготских ищеек. Именно так называлась порода этих собак.

Теперь Роджер окончательно понял, что проиграл.

— Эй ты, слезай-ка вниз, да поживее, — заорал Коз-козио Бегулне. — Мы же тебя видим, так что валяй вниз, или, клянусь тебе, я сожгу под тобой это проклятое дерево. А потом мои собачки доедят то, что от тебя останется, — издевательски добавил он.

Роджер знал: свирепый Коз-козио отнюдь не шутит. Бессильно пожав плечами, он опустился на нижние ветви дерева, оказавшись в поле зрения предводителя поври.

— Вниз! — потребовал Коз-козио уже более суровым и зловещим тоном.

Роджер недоверчиво глядел на разъяренных собак.

— Что, нравятся мои крэгготские песики? — спросил Коз-козио. — Мы разводим их на Джулиантах специально для охоты на крыс вроде тебя.

Коз-козио Бегулне подал знак своим подручным, и те быстро подошли к собакам, защелкнули на них ошейники с шипами и уволокли прочь. При том состоянии неистовства, в каком находились ищейки, это было непростым и опасным делом. В свете факелов Роджер наконец-то смог рассмотреть крэгготских ищеек. Конечно, эти звери совсем не походили на собак Розина. Мощные головы, широкая грудь, мускулистое тело и длинные тонкие лапы. Короткая их шерсть была коричневого и черного окраса, а глаза пылали в ночной темноте красным светом, словно адский огонь. Даже теперь, когда собак увели, Роджер никак не мог решиться сойти вниз.

— Спускайся! — вновь зарычал Коз-козио Бегулне. — Последний раз повторяю.

Роджер спрыгнул на землю.

— Роджер Биллингсбери к вашим услугам, добрый дворф, — поклонившись, сказал он.

— Ему привычнее называться Роджером Не-Запрешь, — подсказал кто-то из поври.

Роджер улыбнулся, принимая комплимент. Сильный удар Коз-козио напомнил ему, что игра окончена.

ГЛАВА 7
ДОЛГАЯ БИТВА В НОЧИ

Их путешествие оказалось на удивление однообразным. Правда, на южной границе Вересковых Пустошей они все же натолкнулись на шайку гоблинов, но расправились с нею привычно и быстро. Три стрелы, пущенные из лука Джуравиля, удар молнии, произведенный Пони с помощью камней, да короткая погоня Элбрайна на Даре, чтобы добить пару сумевших улизнуть гоблинов, — и шайки как не бывало. Последующий осмотр местности, проведенный юношей и эльфом, — оба были отличными следопытами — не обнаружил никаких признаков новых шаек.

Когда глушь Вересковых Пустошей осталась позади и они, проехав Тимберленд, вступили в пределы королевства Хонсе-Бира, двигаться стало еще спокойнее. Северо-западная часть королевских земель была малонаселенной, и здесь, по сути, имелась лишь одна дорога, которую можно было с полным основанием так назвать. Она соединяла Вайлдерлендс с главной дорогой, связывающей Палмарис и Сорный Луг. Похоже, что для гоблинов и поври эти места не представляли интереса, поскольку никаких следов их присутствия обнаружено не было.

Однако вскоре после того, как трое путешественников продвинулись дальше к югу, пошли более населенные места. Вокруг раскинулись поля, разделенные живыми изгородями и каменными стенами. Появилось множество дорог, и на каждой им встречались следы поври, гоблинов и великанов, а также глубокие борозды, оставленные груженными телегами и боевыми орудиями поври.

— Ландсдаун, — сказала Пони, указывая туда, где за невысоким холмом к небу подымалось облако дыма.

Ей пришлось бывать здесь всего лишь пару раз, тогда как ни Элбрайн, ни Джуравиль раньше здесь не были. Когда армия гоблинов впервые вторглась в Тимберленд и подошла к границам трех тамошних городов, то именно Пони отправилась в Ландсдаун, чтобы предупредить жителей города и окрестных селений о надвигающейся опасности.

— Город явно в руках этих тварей, — рассудил Элбрайн.

При таком множестве врагов там вряд ли могли оставаться люди. А дым не был зловещим черным дымом, какой обычно волнами поднимается от горящих домов. Нет, то был обычный сизый дымок, идущий от кухонного очага.

— Скорее всего, соседний город мы застанем в том же состоянии, — предположил Белли'мар Джуравиль. — Похоже, наши враги недурно окопались и намерены остаться здесь надолго.

— Кертинелла, — произнесла после короткого раздумья Пони. — Так называется второй город.

Она взглянула в северном направлении, поскольку они отклонились от главной дороги, ведущей из Палмариса в Сорный Луг. Если они поедут через лес, то выедут несколько южнее Кертинеллы. Два здешних города были самыми северными городами Хонсе-Бира и находились ближе всего к трем городам Тимберленда.

— А что за Кертинеллой? — спросил Элбрайн.

— Дорога домой, — ответила Пони.

— Тогда нам стоит начать с севера, — решил он. — Обогнем Кертинеллу стороной, посмотрим, что к чему, а затем вернемся в Ландсдаун и начнем сражение.

— Полагаю, что сражение состоится прямо за этим холмом, — заметил Джуравиль.

— Прежде всего, нам необходимо разыскать беженцев, если они здесь есть, — возразил Элбрайн.

Элбрайн впервые обмолвился об этом. Он надеялся, что среди отрядов сопротивления, действующих в здешних местах, он встретит Белстера О'Комели и других выходцев из Дундалиса.

Элбрайн поглядел на Пони, увидел улыбку на ее тонком лице и понял, что она догадалась о его мыслях и разделяет их. Да, здорово было бы вновь оказаться среди надежных союзников. Жестом он показал Пони, чтобы она тоже садилась на Дара.

— Этот город лежит прямо на дороге? — спросил Белли'мар Джуравиль.

— Они оба находятся на этой дороге, — ответила Пони. — Ландсдаун севернее, а Кертинелла — всего в нескольких милях к югу от него.

— Мы сделаем большой крюк и объедем Кертинеллу с западной стороны, — пояснил Элбрайн. — Вполне возможно, что дальше к северу, где меньше полей и дорог, а леса погуще, могут находиться отряды сопротивления.

— Вы отправляйтесь на запад, а я двинусь в сторону Кертинеллы и соберу сведения о силах противника, — сказал Джуравиль.

Элбрайн, опасаясь за своего маленького друга, хотел было возразить, но промолчал, вспомнив о свойственном эльфам умении двигаться бесшумно и незаметно. Белли'мар Джуравиль был способен подобраться к самому пугливому оленю и пару раз легко дотронуться до него, прежде чем животное почует, что кто-то находится рядом.

Впрочем, Джуравиль не стал бы и слушать никаких возражений. Элбрайн прочел это на лице своего друга. Эльф подмигнул им золотистым глазом и добавил:

— И о слабости противника — тоже. Джуравиль исчез, став тенью среди других теней.

— Запомни, ты будешь рассказывать обо всем, что я пожелаю узнать, — потребовал Коз-козио Бегулне.

Роджер сел прямо, насколько позволяли веревки, и изобразил на лице невинную улыбку.

Коз-козио наклонился и больно ударил парнишку в нос. Роджер опрокинулся.

Роджер сплюнул и дернулся, но его руки были накрепко привязаны к спинке стула — настолько крепко, что он не мог ими пошевелить. Двое находившихся позади него поври

грубо поставили стул на место.

— Нет, ты у меня будешь говорить, — ухмыляясь заявил Коз-козио Бегулне.

Он злобно улыбнулся, поднял скрюченную руку и щелкнул пальцами.

Роджер задохнулся от обиды, но в следующее мгновение позабыл о ней и застонал: дверь в каморку открылась и на пороге появился еще один поври. На коротком поводке он вел громадную злющую собаку. Собака сразу рванулась к Роджеру, до предела натянув поводок, и поври стоило немалых усилий удержать ее. Ищейка разинула пасть, обнажив острые зубы; она выла, урчала и царапала когтями пол.

— Крэгготские собачки очень прожорливы, — сообщил Коз-козио все с той же зловещей ухмылкой. — Ну так как, парень, будешь говорить?

Роджер несколько раз глубоко вздохнул, пытаясь успокоиться и ни в коем случае не поддаваться панике. Поври хотели знать местонахождение лагеря беженцев. Роджер решил, что этого он им не выдаст ни под какими пытками.

— Пеняй на себя, — сказал ему Коз-козио Бегулне и вновь щелкнул пальцами. Подручный отпустил поводок, и ищейка рванулась к Роджеру с явным намерением вцепиться ему в горло.

Роджер кое-как увернулся, но собачьи клыки впились в щеку парнишки, прокусив ее до самой кости.

— Эй, он мне нужен живым, — распорядился Коз-козио. — Но пусть пес отделает его по-настоящему. Тогда можете не сомневаться, он заговорит.

Удовлетворенный зрелищем, предводитель поври покинул каморку.

Для несчастного Роджера окружающий мир померк: остались лишь хлеставшая из щеки кровь и острые собачьи клыки.

Белстер О'Комели следил за приближающимися огнями факелов. Он давно не испытывал такого сильного страха, пожалуй с тех самых пор, как покинул Дундалис. Вернувшиеся разведчики сообщили, что Роджер схвачен поври. Нет никаких сомнений, что теперь их армия движется сюда. Скорее всего, думал грузный Белстер, Роджера силой вынудили выдать местоположение лагеря. Возможно, прав был Янсен Бриджес, не одобрявший ночных вылазок Роджера.

Белстер понимал: силы неравны. Среди беженцев немало стариков и детей. У него не было выбора: все, кто способен сражаться, примут бой с поври. Их задачей будет отвлечь на себя внимание врага, оттянуть его силы, применяя тактику «ударь и убеги». Это позволит остальным беженцам уйти как можно дальше.

Ни Белстер, ни Томас, ни остальные командиры отряда беженцев не обманывались насчет исхода предстоящего сражения. Война с обученной и дисциплинированной армией этих чудищ будет стоить им очень дорого и, возможно, вообще положит конец сопротивлению в здешних местах. По мысли О'Комели, все, кто уцелеет в сегодняшней переделке, должны будут пробираться на юг. Хотя это и опасно, надо будет постараться обойти силы врага стороной и добраться до Палмариса. За последние две недели Белстер и Томас часто думали о такой возможности, но слишком уж это опасно. Правительственные войска, находившиеся в Палмарисе, пока не слишком-то преуспели в борьбе с отрядами захватчиков, многочисленными и вдобавок хорошо укрепленными.

Но где-то подспудно бывший трактирщик понимал, что пробираться в Палмарис все равно придется. Как-никак, главной задачей для него самого и его соратников было увести беженцев подальше от сражений. Да, путь в Палмарис сопряжен с опасностями. Однако лето не бесконечно, а детям и старикам просто не выдержать зимовки в лесу. Вздохнув глубоко и безнадежно, Белстер решил сменить тему размышлений. Сейчас надо думать о том, что предстоит им в ближайшее время, надо командовать сражением. Его лучники уже заняли позиции к востоку и западу от возможного направления удара армии захватчиков.

— Восточный фланг к атаке готов, — сообщил подошедший Томас Джинджерворт.

— Ты помнишь: они наносят сильный удар и немедленно исчезают.

— Разумеется, помню, — ответил Томас. — И западный фланг применит ту же тактику.

Белстер кивнул.

— А потом начнется наша работа, Томас, самая важная и решающая. Мы должны быстро оценить силы противника и выявить их уязвимые стороны. Возможно, они не настолько организованны, чтобы предпринять полномасштабную атаку. Если это так, мы вышлем наших бойцов на передний край, и по сигналу восточный и западный фланги сомкнутся, словно волчьи челюсти.

— Если это не так, — перебил его Томас, уже не раз обсуждавший предстоящий маневр, — тогда западный фланг отступит в лес, а восточный двинется в обход и ударит по войскам Коз-козио с тыла.

— В то время как мы с тобой соберем беженцев и пустимся в долгий путь на юг, — докончил Белстер. Судя по тону, ему не нравилась эта перспектива.

— Ты что же, сразу хочешь уходить? — несколько удивленно спросил Томас. Он полагал, что ночь они пробудут, как и было решено, в лесу и дождутся рассвета, а там двинутся в путь.

— Если мы собрались на юг, тогда, учитывая, что нам скоро начнут наступать на пятки, у нас остается единственный выбор — уйти в тот момент, когда внимание всех этих чудищ будет отвлечено нашими лучниками, — заявил Белстер.

— Но тогда надо дать им знать, — сказал Томас. — В случае отступления они должны знать, где нас искать.

Белстер задумался, потом мрачно покачал головой.

— Если они со страху бросятся прямо на юг, то поври погонятся за ними, а значит — и за всеми нами, — рассудил он. — Лучники уже получили приказ бежать в лес, если их атака захлебнется. Они в любом случае сумеют выбраться отсюда.

Белстеру О'Комели было неимоверно трудно произнести последние слова. Его рассуждения были правильны, и все равно он чувствовал себя так, словно сознательно бросал своих товарищей.

Томас уже раскрыл рот, чтобы возразить, но осекся, видя, какой болью искажено лицо Белстера. Взглянув на создавшееся положение шире, он был вынужден согласиться с таким решением. Какой бы трудной ни оказалась участь лучников, судьба беженцев была ничуть не легче. Судя по имеющимся сведениям, им придется пробираться через места, где всей этой нечисти еще больше, чем здесь.

К ним приблизился разведчик и доложил обстановку в южной части:

— Вместе с гоблинами и поври на нас наступают четверо великанов. Они уже перешли Арнезанский ручей.

Белстер закрыл глаза. Четверо великанов, каждый из которых способен уничтожить половину его воинов. Что им град стрел, когда они могут швырять увесистые булыжники и метать копья толщиной с дерево?

— Будем менять план? — спросил Томас. Слишком поздно, и Белстер это знал.

— Нет, — мрачно ответил он. — Вводим в бой восточный фланг, и да хранит их Бог.

Томас кивнул разведчику, и тот удалился, чтобы передать приказ. Не прошло и десяти минут, как южная часть леса наполнилась криками и ревом, свистом летящих стрел и грохотом бросаемых великанами камней.

— Поври, гоблины и великаны, — сообщил Джуравиль, отыскав Элбрайна и Пони к северо-западу от Кертинеллы. — Крупные силы движутся на север и, скорее всего, с какой-то целью.

Элбрайн и Пони обменялись тревожными взглядами; они отлично понимали, что это за цель.

— Садись с нами, — предложил Элбрайн, протягивая эльфу руку.

— Трое верхом на Даре? — недоверчиво спросил Джуравиль. — Я не сомневаюсь, что он — сильный и замечательный конь, но нести троих ему будет тяжеловато.

— Тогда беги, друг мой, — сказал Элбрайн. — Найди место, где твоя помощь будет всего нужнее.

Джуравиль мгновенно исчез, растворившись в лесу.

— И береги голову! — крикнул ему вслед Элбрайн.

— И ты тоже, Полуночник! — донеслось издалека. Элбрайн повернулся к Пони, произнеся то же напутствие, которым они обменивались перед боем. На его лице она увидела столь хорошо знакомое ей выражение непреклонной решимости.

— Ты готова применить силу камней? — спросил он.

— Как всегда, — твердо ответила она, пораженная мгновенной переменой, произошедшей с ее мужем. За считанные секунды он преображался из Элбрайна в Полуночника.

— Не забудь того, что я рассказывала тебе про гематит.

Элбрайн усмехнулся, поворачиваясь вперед и пришпоривая коня. Пони достала бриллиант, вызвала его магические силы для освещения дороги, а затем сняла обруч с кошачьим глазом и надела его на голову Элбрайну. После этого она заставила бриллиант ярко светиться. Благодаря телепатическому контакту с конем глаза юноши одновременно становились и глазами Дара. Но даже это не уменьшало трудности дороги, проходящей среди густых кустов и плотно стоящих деревьев. Да и сама дорога, вместо того чтобы идти на север, постоянно отклонялась к западу. Путь Джуравиля оказался прямее и короче, ибо деревья никогда не были преградой для грациозного эльфа. Он первым услышал звуки боя, а вскоре увидел и гоблинов. Они со всех ног бежали в восточном направлении, явно преследуя кого-то.

— Великаны, — мрачно произнес эльф, заметив массивные силуэты.

В это самое время один из великанов запустил булыжником по деревьям, сломав несколько веток. С дерева упал человек. Великан и часть гоблинов устремились к нему, остальные продолжали погоню.

Джуравиль оглянулся по сторонам, надеясь, что ему придут на помощь Полуночник и Пони. Что он сможет сделать здесь один?

Но храбрый эльф отбросил подобные мысли. Он должен попытаться сделать все, что в его силах; нельзя безучастно наблюдать, как эти твари убьют человека. Он взлетел на дерево и побежал по толстой ветке.

Упавший был еще жив. Он лежал, запрокинув голову, и с его губ срывались стоны. Возле него стоял гоблин, держа в руках палицу с шипами.

Первая стрела Джуравиля угодила гоблину в живот.

— Дерьмовина! — взвыл гоблин, — Я шарахнутый! Вторая стрела эльфа поразила его в глотку, и гоблин повалился на землю, хрипя и хватаясь руками за смертельную рану.

Эльф знал повадки великанов и покинул дерево. Вскоре туда, где только что находился Джуравиль, ударил крупный булыжник. К этому времени эльф находился уже на другом дереве. Он начал громко хихикать. Такой смех был особенно ненавистен великанам. «Сила есть, к чему мне ум!» — запел Джуравиль и в подкрепление своих дерзких слов пустил стрелу прямо в лицо великана.

Но даже такой мастерский выстрел физически никак не сказался на чудовище. Великан с легкостью вырвал стрелу, словно она была всего лишь занозой. Но произошла другая вещь. Великан взревел и бросился вслепую, круша деревья и требуя, чтобы гоблины следовали за ним.

Эльф побежал по деревьям, легко перепрыгивая в вышине с ветки на ветку. Он то и дело оборачивался, чтобы выкрикнуть что-нибудь обидное, а когда представлялась возможность, то и пустить стрелу. Тем самым он все время обнаруживал свое присутствие и уводил преследователей за собой. Джуравиль сомневался, что ему по силам убить великана или свалить стрелой гоблина. Но он уводил разъяренное чудовище и около десятка гоблинов все дальше от поля битвы, а это уже было немало.

Вскоре чуткие уши эльфа вновь уловили звуки сражения, но теперь они доносились с севера. Значит, он и его преследователи отдалились к югу и теперь находились ближе к Кертинелле, чем к месту, где упал раненый беженец.

Если бы понадобилось, Джуравиль был готов играть в эту игру всю ночь, уводя преследователей подальше и от Кертинеллы, и от Ландсдауна.

— Правильно действуют, — с одобрением произнес Элбрайн, видя, как вторая цепь лучников передвинулась в восточном направлении, оказавшись за спиной вражеских сил.

Пони вопросительно посмотрела на него.

— Знакомая тактика, — объяснил юноша. — Они попеременно наносят удары то с одного, то с другого бока, чтобы запутать врага.

На его лице появилась широкая улыбка.

— Мне тоже знакома эта тактика, — призналась Пони. — Так обычно действует…

— Белстер О'Комели, — докончил фразу Элбрайн. — Будем надеяться.

— И искать, где нам лучше включиться в сражение, — прибавила Пони, пришпорив коня.

Могучий жеребец вздрогнул и понесся по тропе, спеша ко второй цепи армии Белстера. Элбрайн направлял Дара туда, где, по его расчетам, находились силы врага, то есть к югу. Исключение составляла лишь одна группа, которая по непонятным для Элбрайна и Пони причинам почему-то удалялась на север. Заехав под сень густых сосен, юноша спрыгнул на землю и отдал Пони поводья.

— Затаишься здесь, — прошептал он, дотрагиваясь до ее руки. К его удивлению, Пони вручила ему бриллиант.

— Если я воспользуюсь им, то привлеку к себе излишнее внимание, — объяснила она.

— А если они подойдут ближе? — запротестовал Элбрайн.

— Помнишь рощицу в Вересковых Пустошах? — мягко спросила Пони. — Тогда они были совсем рядом.

Воспоминание о пылающей рощице успокоило его. Действительно, если эти твари подойдут близко, худо придется им, а не Пони.

— Бриллиант поможет тебе высвечивать цели для меня, — пояснила она. — Если у тебя получается с гематитом, получится и с ним. Пробуждение магических сил происходит почти одинаково. Высветишь мне скопление поври и сразу же отходи подальше.

Элбрайн схватил ее за руку и притянул к себе. Встав на цыпочки, он крепко поцеловал жену.

— На счастье, — произнес он и двинулся в темноту.

— Черед которого еще не наступил, — озорно ответила Пони, как только Элбрайн скрылся из виду. Произнеся эти слова, она тут же вспомнила их соглашение и досадливо вздохнула. Ей начинала надоедать эта затяжная война.

Элбрайну война тоже порядком надоела. Когда он услышал будоражащие слова Пони, то чуть не споткнулся о бревно, хотя кошачий глаз позволял хорошо видеть в темноте.

Юноша глубоко вздохнул, стараясь не думать о Пони и полностью сосредоточиться на происходящем. Он стремительно мчался на звук сражения. Кровь запульсировала по венам, а сам он впал почти что в состояние транса. Он был воплощением воина: то же совершенное равновесие, те же обостренные чувства, что и во время би'нелле дасада — его утреннего танца с мечом. Теперь он был Полуночником, Защитником, воспитанным и обученным эльфами. Даже шаги его изменились, став легче и проворней.

Вскоре его взору открылась картина битвы. Элбрайн постоянно твердил себе, что сражающиеся не способны видеть в темноте. Поври и гоблины видели ровно настолько, насколько позволял свет их факелов. Остальные были вынуждены двигаться и сражаться на ощупь. Полуночник понаблюдал за этой картиной, изо всех сил стараясь не рассмеяться. Зрелище и в самом деле было смехотворным: люди и поври нередко оказывались в каких-нибудь трех футах друг от друга и даже не замечали этого.

Элбрайн понимал: пора включаться в сражение. Он заметил двух гоблинов, пристроившихся под деревом. Разумеется, они его не видели. Неслышно и стремительно Полуночник подкрался к ним. Он приблизился еще, потом еще, а затем прыгнул, очутившись между ними. Один удар своим грозным мечом он нанес слева, другой справа. Затем он вновь

повернулся влево, обрушив на первого гоблина всю мощь и силу Урагана и пронзив его насквозь.

Тогда он высвободил лезвие меча и обернулся к другому гоблину. Тот стоял на коленях, зажимая рану в животе. Элбрайн снова взмахнул мечом — и гоблин лишился головы.

Он вновь двинулся в путь, пересекая заросшие травой полянки и время от времени взбираясь на деревья, чтобы лучше сориентироваться. При этом Элбрайн постоянно помнил, что Пони ждет и тоже готова вступить в сражение.

Восседать на спине Дара, замаскировавшись в густых сосновых ветвях, — это состояние бездействия и выжидания давалось Пони нелегко. Секунды текли бесконечно. Она часто слышала шум и шорохи, доносившиеся откуда-то неподалеку, но не могла угадать, кто это: человек, поври или олень, напуганный битвой.

Пони нервно перебирала несколько самоцветов: графит, магнетит, могущественный рубин, серпентин, дающий защиту, и малахит.

— Поторапливайся, Элбрайн, — шептала она.

Ей не терпелось вступить в схватку, нанести первые удары и тем самым унять обычную в таких случаях нервозность. За исключением неожиданных сражений, перед битвой у нее всегда жгло в желудке, а тело покрывалось струйками пота. От ожидания начинало звенеть в ушах. Она знала, что первый же удар принесет ей облегчение и уверенность запульсирует по венам вместе с горячей кровью.

Где-то невдалеке послышался топот, и Пони увидела массивную фигуру великана. Ей не понадобился бриллиант — здесь и без света все было понятно. Она достала графит и, держа камень в вытянутой руке, начала собирать его энергию. Пони выждала еще, дав энергии возрасти, а великану и сопровождавшим его гоблинам — выбраться на край небольшого оврага, поросшего мелколесьем.

Пони по-прежнему не решалась нанести удар. Она сомневалась, что ей удастся уничтожить гоблинов и тем более — самого великана. Если она высвободит магическую энергию, то тем самым выдаст свое местонахождение и тогда уж точно окажется в самой гуще боя. Может, ей представится более выгодная возможность.

Однако великан зарычал и швырнул здоровенный булыжник в приближавшийся с запада отряд беженцев. Ожидание кончилось. Гоблины и поври ревели от восторга, предвкушая, как нападут на этот небольшой отряд и уничтожат его.

И тут Пони нанесла внезапный и резкий удар. Лес озарился вспышкой ослепительно-белого света. Несколько гоблинов и двое поври полетели на землю. Великана с такой силой сбило с ног, что он, зашатавшись, схватился за деревце и вырвал его с корнем.

Но важнее всего, по мнению Пони, было то, что наступавшие люди получили предупреждение. Вспышка сразу показала им, где их подстерегают враги. Вместе с тем Пони выдала и свое присутствие. От удара вспыхнули и запылали деревья, потрескивая, словно свечи. Великан, не столько покалеченный, сколько разъяренный, полез в свой огромный мешок за новым булыжником.

Пони намеревалась было произвести второй удар, но графит требовал особого напряжения сил, а значит, этот удар должен оказаться более направленным. Женщина перебирала камни, видя, как рука великана взметнулась вверх для броска. Оставалось лишь уповать на то, что он промахнется.

Последовала еще одна вспышка, но на этот раз Пони воспользовалась бриллиантом, чтобы высветить великана и его сподручных, а заодно на какое-то мгновение отвлечь внимание злобной громадины.

Вспышка длилась не более двух секунд, но для Пони этого времени оказалось вполне достаточно. Теперь настал черед магнетита. Она сосредоточилась на магических свойствах камня, пытаясь с помощью энергии определить, что из оружия и амуниции врагов сможет наилучшими образом притянуть удар. Пони «увидела» мечи поври, пряжку на ремне одного из карликов. В ее мозгу ясно запечатлелась фигура великана, в особенности его поднятая

рука с булыжником.

У великана на руках были металлические латные рукавицы!

Пони быстро сконцентрировала энергию магнетита так, что теперь вся она была направлена только на поднятую великанью руку, точнее на рукавицу. Высвобожденный энергетический сгусток вырвался наружу. Скорость и сила его полета многократно превосходили скорость и силу стрел, выпущенных из лука Элбрайна.

Великан вновь поднял руку с булыжником, намереваясь метнуть его туда, откуда мелькнула недавняя вспышка. Но вдруг его правое запястье обожгло нестерпимой болью. Камень выпал из руки, ударил чудовище в плечо и скатился вниз, никому не причинив вреда.

Великан вряд ли почувствовал рану на плече, поскольку кисть правой руки и сама рука были полностью раздроблены и в них застряли куски металлической рукавицы. Два пальца болтались на лоскутах кожи, а третий бесследно исчез.

Чудовище шатаясь попятилось назад, ослепленное яростью и болью.

Новый удар опрокинул ревущего великана и швырнул его оземь. Теряя сознание, он слышал, как его уцелевшие сотоварищи улепетывали в ночную тьму.

Пони покинула свое укрытие и выехала в долину, пробираясь между деревьями. Она выхватила свой меч и, поравнявшись с поверженным скорчившимся великаном, не встретила никакого сопротивления.

Меч подвел окончательный итог его жизни.

Элбрайн не сомневался в умении Пони оценивать обстановку. Подсветив бриллиантом цель, он вновь нырнул во тьму и продолжил свой путь в северном направлении, пересекая позиции армии беженцев и армии захватчиков.

Он увидел, как несколько человек пробирались сквозь папоротники. Двое гоблинов, притаившись на нижней ветке дерева, держали наготове свои варварские пики, выжидая момент для нанесения удара.

Элбрайн вскинул Крыло Сокола, и тут же один из гоблинов шумно рухнул на землю.

— Ты чё? — недоуменно спросил второй, обернувшись и пытаясь понять, зачем его сотоварищ прыгнул вниз.

Вторая стрела Полуночника угодила ему прямо в висок, и гоблин испустил дух, не успев долететь до земли.

Люди в зарослях папоротника отпрянули, не понимая, что и откуда упало рядом.

Полуночник быстро бросился к ним. Один из беженцев поднялся, держа наготове лук.

— Кто здесь? — настороженно спросил он. Услышав ответ, он шепотом передал его остальным: — Полуночник.

— Идемте со мной, — велел Элбрайн. — Я поведу вас, для меня темнота — не помеха.

— Это же Полуночник, — повторил лучник из отряда.

— Какой еще Полуночник? — спросил кто-то.

— Он — наш друг, — быстро пояснил лучник, и небольшой отряд, состоявший из пяти мужчин и трех женщин, отправился вместе с Защитником.

Вскоре Элбрайн заметил во тьме еще одну группу беженцев и повел своих воинов туда. Неожиданным образом его сила возросла в двадцать раз. Элбрайн был знаком с особенностями ночного боя в темном лесу и знал, какое огромное преимущество давал кошачий глаз ему самому и его воинам. Вокруг царила неразбериха. Слышались крики и возгласы отчаяния. Лучники стреляли наугад. Свои и чужие неизбежно натыкались друг на друга, и нередко свои вступали в сражение со своими и только потом спохватывались и убеждались, кто есть кто. Где-то позади раздался скрежещущий голос поври, за которым прогремел сильный взрыв. Полуночник понял, что еще один враг, сам того не ведая, натолкнулся на Пони.

Элбрайн закусил губу и подавил неотступное стремление броситься назад и проверить, не случилось ли беды с его любимой. Надо доверять ей, она умеет сражаться и днем и ночью, а помимо мастерского владения мечом Пони владеет магией камней. Она сумеет постоять за себя, — постоянно твердил себе Элбрайн.

В другом конце леса тоже завязался бой: отряд гоблинов натолкнулся на остатки отряда беженцев, находившегося в северной стороне. На сей раз трудно было понять, на чьей стороне перевес. Воздух разрывали яростные возгласы и предсмертные крики и тех и других. К месту битвы стали стягиваться силы с обеих сторон. Шум и крики нарастали. Люди и гоблины метались по лесу, не видя, где и по кому наносить удар. Элбрайн велел своему отряду занять оборонительную позицию и обойти вокруг место сражения. Все люди, что встречались им, тут же вливались в отряд, и вскоре его численность уже превышала тридцать человек. Когда Элбрайн замечал врагов, он выхватывал их из тьмы вспышкой бриллианта, а его лучники наносили по ним внезапный смертельный удар.

Когда вблизи не осталось живых гоблинов и поври, Полуночник велел бойцам своего отряда двигаться дальше в тесном строю, чтобы прикосновением руки каждый мог направлять своего соседа.

В отдалении в нескольких местах мерцали факелы, откуда-то слышались крики, но нигде не чувствовалось боя, в который Элбрайн мог бы влиться вместе с отрядом. Его бойцы сохраняли спокойствие и организованность, продолжая двигаться в тесном строю. Неутомимый Элбрайн появлялся то на одном фланге, то на другом, не давая людям сбиться с пути. В кустах он неоднократно замечал крадущихся врагов, но сражения пока не начинал, не желая выдавать присутствие своих бойцов. Пока еще не время.

Вскоре звуки сражения стихли и в лес вернулась привычная ночная тишина. Вдалеке вспыхнул факел. Поври, сообразил Полуночник. Самоуверенные гномы, решившие было, что сражение окончилось. Элбрайн подошел к ближайшему из своих бойцов и велел передать остальным, что очень скоро они нанесут удар.

После этого отряд Элбрайна вновь занял оборонительную позицию, а сам он отправился на разведку. Он был знаком с тактикой поври и потому сразу понял, что место, где светился факел, было центром, своеобразной ступицей их боевого порядка. От нее расходились невидимые спицы, и на конце каждой находилось по несколько поври. До факела оставалось еще не менее двухсот футов, когда Элбрайн натолкнулся на конец одной из «спиц» — двоих гоблинов, укрывшихся под молодыми березками.

Полуночник искусно обогнул ничего не подозревающую парочку, пройдя у них за спиной. Он хотел было подсветить их, чтобы лучники увидели цель и скосили гоблинов ударами стрел, но передумал. С гоблинами он справится и сам. Дюйм за дюймом он стал приближаться к ним.

Левой рукой он зажал рот одному гоблину, ударив мечом другого. Элбрайн выпустил меч, позволив ему упасть вместе с мертвым гоблином, а сам правой рукой схватил его сотоварища за волосы. Левую руку он сместил пониже и подпер ею подбородок гоблина. Прежде чем тот успел вскрикнуть, Элбрайн свел свои руки крест-накрест, затем молниеносно поменял положение рук.

Крикнуть гоблин не смог. Единственным раздавшимся звуком был негромкий хруст его шейных позвонков, напоминавший хруст сухой веточки, на которую наступили ногой.

Элбрайн подхватил меч и продвинулся в глубь вражеского боевого порядка, почти к самому центру. Все было именно так, как он предполагал. Стараясь как можно точнее составить общую картину, он неслышно вернулся к своим бойцам.

— Там, где факел, скрываются трое поври, — сообщил он.

— Тогда двинемся на них, и дело с концом, — заявил один ретивый лучник, и его слова подхватили другие бойцы.

— Не все так просто, — возразил Элбрайн. — Это ловушка. В темноте затаились остальные поври и гоблины, а за деревьями скрываются двое великанов.

— Что же тогда нам делать? — спросил другой боец, и в его голосе ощущалась растерянность.

Элбрайн обвел глазами свой отряд и широко улыбнулся. Судя по их лицам, люди не верили, что смогут одолеть врагов. Но у Полуночника, которому на всем пути из Барбакана без конца приходилось сражаться с этой нечистью, было другое мнение.

— Вначале мы разделаемся с великанами, — спокойно произнес он.

Стоя на холме, Белстер и Томас всматривались в темноту и вслушивались. Бывший трактирщик без конца нервозно потирал руки, пытаясь предугадать происходящее в лесу. Может, нужно передислоцироваться? Или наоборот, усилить наступление?

Но в его ли это силах? Когда составляешь планы, они кажутся такими разумными и легко выполнимыми, а если понадобится, поддающимися изменениям. Однако у сражения своя правда, не совпадающая с планами, особенно если сражение происходит в ночной темноте.

Томаса Джинджерворта одолевали те же мысли. Он был крепким и закаленным в боях человеком. Но при всей ненависти к этому отродью Томас понимал, насколько глупо было бы вступать с ними в затяжное сражение.

Он, как и Белстер, не знал, что же на самом деле происходит в лесу. Оттуда долетали отдельные крики, чаще крики гоблинов и поври, изредка крики людей. Он видел вспышки света. Две из них были неожиданно яркими, на что они с Белстером сразу обратили внимание. Никакой факел не в состоянии так светить. Белстер сразу понял, что это разряды магической энергии. Однако ни он, ни Том не знали, которая из сторон применила магию. У их небольшой армии не было ни самоцветов, ни людей, сведущих в использовании магической силы камней. В равной степени гоблины, поври и великаны, насколько известно, тоже не владели подобной магией.

— Надо это выяснить. И побыстрее, — произнес подавленным голосом Томас.

— Вскоре должен вернуться Янсен Бриджес, — ответил Белстер. — Но ты прав: мы должны узнать, кто же применил магию.

— Уже давно мы не видели новых вспышек, — продолжал Томас. — Тут одно из двух: либо магические силы исчерпаны, либо тот, кто наносил эти удары, уже мертв.

— Но кто?

— Возможно, Роджер Не-Запрешь, — ответил Томас. — У этого парня всегда есть в запасе какой-нибудь трюк.

Белстер не был в этом уверен, хотя не удивился бы, если бы Роджер действительно немного владел секретами магии. Возможно, рассказы о подвигах Роджера и преувеличены, но эти его вспышки (если, конечно, это он) были впечатляющими.

— Пора отходить, — наконец решил Томас. — Надо подать сигнал и послать гонцов с приказом. Сражение окончено.

— Но Янсен…

— Мы не можем ждать, — перебил его Томас. — Пора отходить.

Белстер пожал плечами. Спорить было бессмысленно: Томас прав. Однако прежде чем они успели подать сигнал к отходу, на холм взбежал запыхавшийся Янсен.

— Полуночник! — крикнул он, — Полуночник и Эвелин Десбрис!

Белстер бросился ему навстречу.

— Ты уверен?

— Я собственными глазами видел Полуночника, — ответил Янсен, громко стараясь отдышаться. — Это мог быть только он, поскольку никто не способен двигаться с таким изяществом. Я видел, с какой легкостью и уверенностью он прикончил гоблина. Взмах влево, взмах вправо — и гоблина не стало.

Произнося эти слова, Янсен рукой повторял мастерские выпады Элбрайна.

— Про кого это он говорит? — спросил подошедший Томас.

— Про Элбрайна, нашего друга, — ответил Белстер и тут же задал Янсену новый вопрос: — А что Эвелин? Ты говорил с ним?

— Это может быть только Эвелин. Вспышка молнии, обезумевшие от страха поври, сбитые с ног великаны. Значит, они оба вернулись к нам!

— Не надо обольщаться раньше времени, — заметил ему прагматичный Томас и добавил, обращаясь к Белстеру: — Как ты считаешь, это действительно правда? Если Янсен ошибается…

— То все равно у нас, похоже, появились могущественные союзники, — договорил за него Белстер. — Как бы там ни было, пора зажигать факелы, производить смотр и выяснять, насколько же сильнее мы стали.

Белстер проворно сбежал с холма, втайне надеясь, что его старые друзья из Дундалиса вернулись и пришли им на подмогу.

Бойцами отряда Элбрайна владели смешанные чувства. Одни оживленно кивали в знак согласия, другие колебались, третьи глядели с недоверием.

— Поймите, факел — это центр боевого порядка поври, — быстро начал объяснять Полуночник. — Если мы будем действовать достаточно тихо и разумно, ничто нам не помешает. Мы должны нанести сильный и направленный удар.

— По факелу? — недоверчиво спросил кто-то.

— Не по факелу, а по центру боевого порядка поври, — растолковал ему Элбрайн. — Я говорю о нескольких поври, находящихся в центре.

— Но если мы ударим в центр, то сами окажемся в окружении, — возразил спросивший, и ропот недоверия пронесся среди бойцов.

— Если мы с достаточной силой ударим в центр и уничтожим великанов, остальные, в особенности гоблины, не осмелятся на нас напасть, — убежденно возразил Элбрайн.

— Факел — это всего лишь приманка, — возразил боец столь громким голосом, что Элбрайн и остальные жестами велели ему говорить потише.

— Ты прав: действительно, факел поставлен для приманки, — согласился Элбрайн. — Но враги располагаются по краям, как бы по ободу большого колеса. Если мы выступим без промедления, путь к центру для нас открыт, поскольку враги не ожидают атаки.

Сомневающийся боец хотел было продолжить спор, но его товарищи, ощущая все большее доверие к Элбрайну, не позволили ему говорить.

— Двигаться тихо, по трое в ряду, — пояснил Полуночник. — Тогда мы окружим вражеский центр кольцом и расправимся с поври раньше, чем появится подкрепление.

И вновь на лицах некоторых бойцов появилось недоверие.

— Мне пришлось много месяцев сражаться с поври, и верьте мне, я хорошо изучил их повадки, — терпеливо объяснил Элбрайн.

Его тон, исполненный абсолютной уверенности, воодушевляюще подействовал на ближайших к нему бойцов, а их настроение передалось и все остальным.

Отряд Полуночника выступил без промедления. Дойдя до места, где он убил двоих гоблинов, Элбрайн не увидел чьих-либо следов: после него здесь никого не было. Силы врага были немногочисленны, а «спиц» на их «колесе» совсем мало. Во всяком случае, на том пространстве, которое охватывал свет факела, Элбрайн не увидел ни гоблинов, ни поври.

Полуночник повел отряд напрямик, затем, не доходя до поври каких-нибудь тридцать футов, рассыпал бойцов веером. Великаны по-прежнему оставались на том же месте. Они стояли, подпирая с обеих сторон дуб и прячась за его широкой листвой от света факела.

Элбрайн действовал собранно и спокойно. Он обошел свой отряд, велев всем быть наготове. Пальцы его сжимали бриллиант. Слева, чуть поодаль от троих поври, он заметил дерево с толстой нижней веткой. Элбрайн медленно двинулся туда и, стараясь не произвести ни малейшего шороха, забрался на ветку и стал перемещаться по ней к стволу.

Поближе к великанам.

Полуночник сосредоточился на камне, собирая его энергию, но пока не давая ей выхода.

Еще, еще — рука его дрожала от пульсирующей магической энергии, требовавшей выхода.

Элбрайн побежал по ветке. Поври встрепенулись, обернувшись в направлении звука.

Но в следующее мгновение их ослепила вспышка нестерпимо яркого белого света, превосходящего дневной.

Полуночник пробежал над головами оцепеневших поври и устремился к тому великану, что был ближе к нему. Сейчас он находился вровень с его головой. Элбрайн

понимал, что у него немного времени для атаки. Он схватил рукоятку Урагана обеими руками и пошел в атаку, замирая на каждом шагу и вкладывая всю свою силу в единственный разящий удар.

Лезвие меча, оставив за собой световой шлейф, едва различимый в сиянии бриллианта, раскроило великану лоб. Заревев от боли, великан схватился за голову и повалился на спину.

Второй великан устремился к нему, но был встречен градом разящих стрел.

Полуночник изменил направление, взобравшись повыше.

Поври и гоблины завопили и высыпали из своих укрытий, и лучники были вынуждены направить на них свои стрелы.

Второй великан не особо пострадал от стрел. Разъярившись, он приналег на дерево, пытаясь вырвать его с корнем. Тем самым он рассчитывал поймать и раздавить Элбрайна, эту жалкую крысу, ухитрившуюся смертельно ранить его сородича. Он вскинул голову, рыча от боли и ярости, и вдруг затих, увидев Элбрайна, глядящего прямо на него и держащего наготове свой странный лук.

Полуночник до предела натянул тетиву Крыла Сокола. Все его тело напряглось. Руки сжимали лук. Ноги обвились вокруг ветки и ствола. Он сохранял это положение до тех пор, пока великан не оказался прямо под ним и не задрал голову.

Тогда Элбрайн отпустил тетиву, и стрела впилась великану в лицо, практически исчезнув внутри.

У великана беспомощно свесились руки. Он упал на колени и повалился возле своего сородича, испустив дух. Первый великан еще продолжал корчиться.

Полуночнику было некогда смотреть на это зрелище. Он взбирался вверх, понимая, что внизу он слишком уязвим. Выбрав новое место, он взглянул вниз и внимательно оглядел поле боя. Он тщательно выбирал цели, разя своими стрелами тех врагов, которые с высоты были видны ему, но незаметны для его бойцов.

— В укрытие! — скомандовал Элбрайн и тут же погасил свет бриллианта. Вновь стало темно, если не считать упавшего и неотвратимо угасающего факела.

Полуночник закрыл глаза, затем медленно открыл их вновь, позволяя привыкнуть к темноте и переключиться на зрение с помощью кошачьего глаза. Он сразу же понял, что вражеские силы далеко еще не разбиты. Несколько групп объединились и упрямо двигались вперед, наступая преимущественно с южной стороны. Нужно было быстро принимать решение. Возможности неожиданного и внезапного нападения были исчерпаны, число врагов значительно превосходило число бойцов его отряда.

— Двигайтесь в северном направлении, — приказал он, стараясь говорить как можно тише. — Обязательно держитесь вместе, что бы ни случилось. Я догоню вас, как только смогу.

Когда его воины скрылись в кустах, Элбрайн вновь повернулся на юг, откуда наступали враги, раздумывая, как бы их задержать. Возможно, он увлечет их в длительную и изматывающую погоню за собой и тем самым уведет еще дальше на юг. Однако, взглянув поверх вражеских рядов, он увидел голубое свечение, окружавшее всадницу на коне.

— Бегите отсюда! Бегите что есть мочи! — закричал он людям.

Сам Элбрайн начал быстро взбираться вверх по дереву, опасаясь отнюдь не арбалетов поври.

Зная, что Дар сам найдет путь между деревьев, Пони пустила коня вскачь. Она пронеслась мимо двоих гоблинов, которые завопили и пустились за ней, и усилила защитный серпентиновый покров.

Гоблины окружали ее со всех сторон. Они бежали вслед, радуясь скорой добыче.

Но в считанные секунды все гоблины, поври и деревья превратились в живые факелы.

Напрягая все свои силы, чтобы удержать защитный покров, Пони проехала через охваченную огнем местность. Поравнявшись с массивным дубом, стоявшим там, где пролегала граница пожара, Пони даже заморгала от удивления. Стремительно перескакивая с ветки на ветку, вниз спускался Полуночник.

Пони направила коня прямо под дерево, а вскоре сюда спрыгнул и Элбрайн, который тут же стал кататься по земле, сбивая язычки пламени. Он вскочил на ноги и, пошатываясь, подошел к ней.

— Ты бы хоть предупредила меня! — укоризненно сказал он. От его кожаной туники поднимались тонкие струйки дыма.

— Ничего, ночь теплая, — усмехнулась Пони.

Она наклонилась вбок и протянула ему руку. Элбрайн схватился за руку, и как только их пальцы сомкнулись, он оказался под защитным покровом и устроился на спине коня позади Пони.

— Надо быть осторожнее со своими ударами, — проворчал Элбрайн.

— А тебе надо получше выбирать место для укрытия, — возразила Пони.

— Помимо самоцветов есть другие возможности, — не сдавался Элбрайн.

— Тогда научи меня би'нелле дасада, — тут же предложила Пони.

Элбрайн умолк, прекрасно зная, что в подобных разговорах последнее слово всегда оставалось за ней.

ГЛАВА 8
ПО ВЕЛЕНИЮ СОВЕСТИ

Примерно в двадцати милях к востоку от Ландсдауна, на лугу близ дороги, монашеский караван в последний раз сменил лошадей. Человек по имени Пемблтон, монах в миру, который привел лошадей для замены, принес также тревожные новости.

— В таком случае мы должны отклониться на восток, — подытожил брат Браумин Херд. Произнося эти слова, он глядел на северо-запад (а именно туда, согласно расчетам, они должны были направиться), словно ожидая появления лавины гоблинов, поври и великанов.

Брат Фрэнсис опасливо покосился на Браумина, ибо со свойственной ему амбициозностью воспринимал малейшее изменение в его планах и расчетах как личное оскорбление.

— Успокойся, брат Фрэнсис, — посоветовал магистр Джоджонах, заметив, как тот от волнения закусил губу. — Ты же слышал вести, принесенные нам добрым Пемблтоном. Все земли между Ландсдауном и Вайлдерлендсом кишмя кишат этими тварями.

— Мы можем укрыться от них, — возразил брат Фрэнсис.

— А скольких магических усилий это потребует? — спросил магистр Джоджонах. — И насколько задержит нас?

Джоджонах вздохнул. Фрэнсис с глухим ворчанием удалился. Избавившись хотя бы на время от присутствия ретивого брата, Джоджонах повернулся к Пемблтону — рослому, массивному человеку с густой черной бородой и кустистыми бровями.

— Прошу тебя, добрый Пемблтон, посоветуй нам что-нибудь. Ты же знаешь эти места гораздо лучше нас.

— А куда вы держите путь? — спросил тот.

— Этого я сказать не могу, — ответил магистр Джоджонах. — Скажу лишь, что мы держим путь через Тимберленд и дальше на север.

Монах поскреб подбородок.

— Есть тут одна дорога, ведущая на север, но она пересекает Тимберленд с востока, а не с запада, как у вас было намечено. Дорога хорошая; правда, ездят по ней мало.

— А как обстоят дела с гоблинами и поври? — поинтересовался брат Браумин.

Пемблтон пожал плечами.

— Пока ничего не слышно, — ответил он. — Судя по всему, эти твари явились откуда-то с северо-запада, прошли Тимберленд и успели понатворить разных безобразий во всех тамошних городах: и в Дундалисе, и в Сорном Лугу, да и На-Краю-Земли тоже досталось. Оттуда они, как я слышал, двинулись дальше, но не на восток, а на юг.

— И это вполне понятно, — уверенно добавил он. — На востоке им нечем поживиться.

Городов там нет, а селения если и есть, то очень малочисленные.

Подошел молодой монах. В руках у него была кожаная сумка, откуда торчали свитки пергамента. Брат Фрэнсис тут же подлетел к нему и выхватил сумку.

— Благодарю тебя, брат Делман, — негромко сказал Джоджонах удивленному монаху и легким кивком головы попросил его вернуться к собратьям.

Брат Фрэнсис начал рыться в свитках, наконец, извлек нужный и развернул его. Он осторожно разложил свиток на пне, вокруг которого расположились магистр Джоджонах, брат Браумин и Пемблтон.

— Наш путь как раз должен пролегать через Сорный Луг, — заявил брат Фрэнсис, проведя пальцем линию на карте.

— Тогда вам придется все время сражаться, искренне заметил Пемблтон. — Нынче Сорный Луг, судя по всему, превратился в форпост поври. Да и великанов там хватает.

— А как проходит дорога, о которой ты говорил? — спросил магистр Джоджонах.

Монах в миру наклонился над картой, всмотрелся в нее, затем провел пальцем незримую линию в восточном направлении, устремил ее на север и повел по восточной оконечности Тимберленда прямо к южным границам Альпинадора.

— Разумеется, вы можете свернуть на запад раньше, чем проедете Тимберленд. Тогда вам придется обогнуть тамошние города с севера.

— А что там за местность? — спросил магистр Джоджонах. — Тебе самому доводилось там бывать?

— Однажды. Это было несколько лет назад, когда после нашествия гоблинов начали вновь отстраивать Дундалис. Сплошные леса по холмам, отсюда и название этого края.

— Через непроходимые леса не слишком-то проедешь на повозках, — возразил брат Браумин.

— Не волнуйтесь, — успокоил его Пемблтон. — Леса там старые. Деревья высокие, с густыми кронами, отчего подлеска немного. Преимущественно олений мох. Там он встречается почти везде.

— Олений мох? — переспросил брат Фрэнсис, вызвав удивление собратьев. Неужели это название ему не известно? Под откровенно недоумевающим взглядом магистра Джоджонаха глаза Фрэнсиса вновь угрожающие сузились.

— В путеводителях он нигде не упоминается, — ответил Фрэнсис на молчаливый вопрос магистра.

— Это такой низенький белый кустарничек, — пояснил Пемблтон. — Лошади без труда пройдут по нему, правда, колеса повозок могут увязнуть. Но кустарников там нет. Кроны деревьев затеняют свет, и внизу ничего не растет. Так что, где бы вы ни решили свернуть к западу, вы все равно сможете проехать.

— Мы поедем тем путем, который наметили, — резко произнес брат Фрэнсис.

Пемблтон учтиво поклонился.

— Прощу прощения, добрый брат. Разве я осмелюсь препятствовать вам? Я лишь предупредил вас.

— За что мы тебе искренне признательны, — поспешно сказал магистр Джоджонах, пристально глядя при этом на Фрэнсиса. — А теперь ответь нам чистосердечно: какую бы дорогу ты выбрал?

Пемблтон поглаживал бороду, размышляя над ответом.

— Я бы поехал на восток, — ответил он. — А дальше — на север, прямо в Альпинадор. Население там редкое, но туземцы достаточно добродушны, хотя помощь от них вы вряд ли получите.

Магистр Джоджонах кивнул. Брат Фрэнсис приготовился возражать.

— Будь любезен, поговори с нашими возницами и расскажи им, где нужно свернуть на восточную дорогу, — попросил Джоджонах Пемблтона. — Нам пора трогаться в путь.

Пемблтон еще раз поклонился и пошел к возницам, несколько раз оглянувшись назад.

— Отец-настоятель… — начал брат Фрэнсис, но магистр Джоджонах поспешно

перебил его:

— Отец-настоятель не едет с нами, а если бы ехал, то согласился бы с новым направлением. Смири гордыню, брат. Она не к лицу монаху твоего уровня.

Брат Фрэнсис промолчал, но буквально захлебнулся в потоке дикой ярости. Он поспешно свернул свиток, грубо измяв пергамент, и удалился. Никогда прежде он не обращался с картами подобным образом.

— Пошел жаловаться отцу-настоятелю, — предположил брат Браумин.

Магистр Джоджонах хмыкнул. Он был уверен, что принял правильное решение. Фрэнсис же слишком ослеплен гневом и страдает от уязвленного самолюбия, и это мешает ему трезво оценить ситуацию.

Вскоре караван уже двигался по восточной дороге. Весь день брат Фрэнсис скрывался внутри своей повозки. Ехавшие с ним монахи поспешили перебраться к соседям — настолько Фрэнсис был сердит.

— В некоторых ситуациях настоятель Маркворт бывает полезен, — шепнул брату Браумину магистр Джоджонах, хитро подмигнув ему.

Браумин широко улыбнулся. Он всегда радовался, когда амбициозного Фрэнсиса ставили на место.

Дорога, как и говорил Пемблтон, оказалась легкой и безопасной. Монахи-разведчики, просматривавшие местность с помощью кварца, не обнаруживали никаких следов гоблинов или поври. Лес — и больше ничего. Магистр Джоджонах велел двигаться не спеша. Теперь поменять животных будет негде. Следующая замена произойдет лишь на обратном пути из Барбакана, когда они снова встретятся на том же самом лугу и Пемблтон вернет им лошадей, которых сегодня они поручили его заботам. Разумеется, если в течение этих недель деревушка уцелеет. Когда вражеское скопище находится в каких-то двадцати милях, остается лишь молиться и уповать на чудо.

Путешествие продолжалось до глубокой ночи. Магистр Джоджонах распорядился применить силу бриллиантов, чтобы освещать путь. Привал устроили прямо на дороге, составив повозки кругом. Особую заботу проявили о лошадях: им вычистили копыта и проверили состояние подков. Затем животных стреножили и отвели пастись на ближайший луг. На охрану лошадей поставили больше братьев, чем на охрану повозок.

Следующий день также прошел без осложнений. Но новый путь был намного длиннее, и караван неизбежно выбивался из графика. Озабоченный этим, брат Фрэнсис решил немедленно переговорить с магистром Джоджонахом, для чего перебрался к нему в повозку.

— Но мы рискуем загнать лошадей! — возразил магистр.

— Не волнуйтесь, есть один способ, — бесстрастным голосом ответил брат Фрэнсис.

Джоджонах все понял. В старых записях Фрэнсис натолкнулся на некую формулу. Она описывала комбинацию магических камней, позволяющую забирать жизненную силу от одного животного и передавать другому. Магистр считал такой способ варварским и надеялся, что у них даже не возникнет необходимости применить его. Он надеялся, что караван будет выдерживать расписание и тогда он сможет отказать докучливому Фрэнсису. Джоджонах понимал: этому настырному и амбициозному брату, конечно же, не терпится испробовать старинный способ хотя бы для увеличения собственной роли в отчете об их путешествии. И сейчас грузный магистр не знал, что делать. Он бросил взгляд на брата Браумина, однако тот мог лишь пожать плечами, ибо тоже не знал ответа. В конце концов, Джоджонах в бессилии развел руками.

— Давай пробуй, — сказал он брату Фрэнсису.

Не скрывая улыбки, ретивый брат кивнул и удалился.

Прошло менее часа, и монахи, руководимые братом Фрэнсисом, с помощью бирюзы и гематита пригнали к повозкам несколько оленей. Несчастных зверей поместили рядом с лошадьми. Вновь применив бирюзу и гематит, братья перекачали жизненные силы оленей и их энергию лошадям.

Вскоре оленей бросили на дороге. Двое из них были мертвы, а трое других изможжены

настолько, что не держались на ногах. Магистр Джоджонах обернулся и с искренним сочувствием проводил их взглядом. Ему все время приходилось твердить себе о важности их миссии, о том, что если не удастся найти ответы и остановить продвижение вражеских сил, то неизмеримо большее количество людей и животных подвергнутся жестоким страданиям.

И все равно зрелище принесенных в жертву оленей глубоко ранило его. Абеликанский орден не должен пятнать себя подобными гнусностями.

Но братья привели новых оленей, а на одной из стоянок им даже удалось добыть большого медведя. Зверь находился под телепатическим контролем и потому не представлял никакой угрозы. Постоянно подкрепляемые чужой энергией, лошади бежали резво и еще до заката сумели одолеть шестьдесят миль. И вновь караван двигался до глубокой ночи.

При изобилии диких зверей в окрестных лесах и отсутствии врагов ни Джоджонах, ни Фрэнсис не сомневались, что, даже двигаясь в обход, они за пару дней сумеют вновь войти в расписание.

— Подумаешь, гоблины!

Произнесший эти слова с размаху опустил свою кружку на дубовый стол. Удар был настолько сильным, что скоба треснула, металлическая ручка отвалилась, и золотистый эль брызнул во все стороны. Человек за столом был рослым и сильным, с мускулистыми руками, широкой грудью, густыми волосами и такой же густой бородой. Однако он ничем не выделялся на фоне остальных тридцати мужчин Тол Хенгора, деревни на юге Альпинадора, собравшихся в питейном заведении. Все они были рослыми и крепкими, закаленными жизнью людьми.

— Какая-то сотня гоблинов, — подхватил его односельчанин. — И уж непременно со своими прихвостнями-великанами. Одного-двух обязательно приведут.

— Ну и без поври-коротышек не обойдутся, — добавил другой. — Морды — точно задница старого пса, а сами — жестче вареного башмака!

— Мразь! Да мы их передавим по одному! — прорычал тот, кто сломал ручку у своей кружки.

В это время дверь заведения распахнулась, и все повернули головы в сторону вошедшего. Человек этот даже по альпинадорским меркам был высоким. Он прожил на свете более шестидесяти зим, но держался прямо, словно двадцатилетний юноша. Ни в его осанке, ни в мышцах не было ни малейших признаков дряблости. В деревне, как и во всем Альпинадоре, ходили слухи, что он находится под властью «волшебных чар». Отчасти так оно и было. У вошедшего были длинные, льняного цвета волосы, ниспадавшие с плеч. Лицо окаймляла аккуратная золотистая борода, подчеркивающая его глаза, лучистые и синие, словно ясное северное небо. При его появлении смолкли все хвастливые возгласы, ибо этого человека здесь очень уважали.

— Ну как, ты их видел? — кто-то спросил вошедшего. Вопрос был дурацким, поскольку вошедший был не кем иным, как Защитником Андаканавaром.

Элбрайн прошел прямо к длинному столу и кивнул. Потом он снял с плеча свой огромный палаш и положил его на стол. Лезвие оружия было густо покрыто пятнами засохшей крови.

— Так нам уже и не осталось чем позабавиться? — со смехом спросил кто-то, и все громко захохотали.

Все, кроме Андаканавара.

— Забавы предостаточно, — мрачно произнес он, и в заведении сразу воцарилась тишина.

— Подумаешь, гоблины! — вновь повторил храбрец, проливший эль.

— Гоблины, а с ними — великаны и поври, — поправил его Элбрайн.

— И сколько великанов? — послышалось с дальнего конца стола.

— Было семеро, — ответил Элбрайн, поднимая сверкающее лезвие палаша. — Осталось пять.

— Не слишком-то и много, — хором заключили двое других храбрецов.

— Слишком много, — возразил Андаканавар уже более громким и суровым голосом. — Пока гоблины и поври будут отвлекать на себя силы наших воинов, пять великанов смогут разнести весь Тол Хенгор.

Одних эти слова встревожили, других — рассердили. Горделивые северяне переглядывались, не зная, что ответить. Они с большим почтением относились к Андаканавару; еще не было случая, чтобы он их обманул. За несколько прошедших месяцев почти все большие и малые селения Альпинадора подверглись вторжению с суши и моря и многие были разрушены. Но там, где рядом оказывался неутомимый Андаканавар, ход событий приобретал большую определенность и поворачивался в пользу альпинадорцев.

— Так что же нам делать? — спросил Брунхельд, предводитель Тол Хенгора.

Он перегнулся через стол, глядя Элбрайну прямо в глаза. Потом сделал знак женщине, стоявшей в ожидании возле полога. Она подошла к могучему Элбрайну с куском ткани.

— Уводить своих людей на запад, — ответил он, передавая женщине палаш. Та с величайшим благоговением принялась оттирать с лезвия кровь.

— И прятаться в лесу, словно мы — бабы или сопливые детишки? — загремел тот, кто сломал ручку кружки. Он вскочил на ноги, но количество выпитого эля дало о себе знать. Захмелевший герой пошатнулся, и сосед быстро усадил его за стол.

— Я продолжу охоту на великанов, — объяснил Элбрайн. — Если мне удастся их уничтожить или хотя бы увести подальше, ты со своими воинами сможешь ударить по остальным врагам и вернуть Тол Хенгор.

— Я не желаю покидать свой дом, — заявил Брунхельд и замолчал. Все вокруг также хранили молчание.

Брунхельд был их предводителем, вождем, и звание это он заслужил в боях. Что бы ни предлагал Андаканавар, жители деревни сделают то, что скажет им предводитель.

— Но я доверяю тебе, дружище, — добавил Брунхельд, кладя руку на плечо Андаканавара. — Разделайся с ними, и побыстрее. Конечно, лучше, чтобы и ноги этих грязных тварей не было в Тол Хенгоре. Ну, а если уж сунутся, мы постараемся, чтобы им пришлось жарко. Не улыбается мне в мои-то годы отсиживаться в холодном и промозглом лесу.

Произнося последние слова, Брунхельд подмигнул. Он был более чем на пятнадцать лет моложе Андаканавара, а все знали, что странствующий Элбрайн жил исключительно в чаще леса.

Андаканавар кивнул предводителю, затем всем остальным. Он взял у женщины ткань и стер последние следы великаньей крови с лезвия палаша. Потом он поднял свое оружие, чтобы все видели блеск лезвия. Палаш был вручен ему эльфами и именовался Сокрушитель Льда. По своим размерам он превосходил все, когда-либо изготовленное из сильвереля. Лезвие палаша не тупилось и не имело зазубрин. В сильных руках Андаканавара палаш был способен единым взмахом перерубать небольшие деревья.

Элбрайн убрал свое оружие в ножны, висевшие на плече, кивнул Брунхельду и исчез.

Магистр Джоджонах вместе с Браумином Хердом стояли на краю высокого утеса. Оттуда открывался вид на широкую и плоскую долину. Там стояли каменные дома небольшого селения. Солнце клонилось к западу, отчего по всей долине тянулись длинные тени.

— Похоже, мы проехали больше, чем планировали, — высказал предположение брат Браумин.

— Селение явно альпинадорское, — согласился магистр. — Действительно, либо мы успели оставить Тимберленд позади, либо эти варвары расселились за пределами своей южной границы.

— Скорее первое, — ответил брат Браумин. — Брат Байюс, а он хорошо владеет секстантом, высказывал такое же мнение.

— Магия, помогающая выкачивать силы из зверей.

Брат Браумин искоса поглядел на своего наставника. Он тоже без восторга относился к выкачиванию сил из ни в чем не повинных зверей, однако это волновало его не столь сильно, как Джоджонаха.

— Даже упрямец Фрэнсис признает, что мы наверстали время, потраченное на объезд, — продолжал магистр. — Правда, он стал поспокойнее после того, как отец-настоятель Маркворт одобрил наш выбор дороги.

— Если брат Фрэнсис с чем-то не согласен, ему не требуется ни поддержка, ни доводы рассудка, — заметил Браумин, на что Джоджонах понимающе усмехнулся. — Теперь он занят нашим новым маршрутом и, что удивительно, прокладывает его с тем же рвением, что и прежний.

— Ничего удивительного, — ответил магистр, понизив голос до шепота, поскольку увидел приближающихся к ним двух молодых монахов. — Брат Фрэнсис готов сделать что угодно, только бы произвести впечатление на отца-настоятеля.

Брат Браумин рассмеялся. Но его улыбка тут же погасла, когда он увидел встревоженные лица подошедших братьев.

— Умоляем простить, что побеспокоили вас, магистр Джоджонах, — сказал брат Делман. Оба монаха непрерывно кланялись.

— Прощаю, прощаю, — нетерпеливо махнул рукой магистр, понимая, что стряслась какая-то нешуточная беда. — Что случилось?

— С запада на деревню движется вражеское полчище, — ответил брат Делман.

— Брат Фрэнсис утверждает, что мы можем легко скрыться от них, — перебил его второй монах. — Неужели мы допустим истребление жителей деревни?

Магистр Джоджонах повернулся к Браумину, который медленно качал головой, словно это известие доставило ему сильную боль.

— Распоряжения отца Марквортa были недвусмысленными и бескомпромиссными, — упавшим голосом произнес безупречный. — До тех пор пока мы не окажемся в Барбакане и не выполним порученное нам задание, мы не имеем права ни на помощь друзьям, ни на отпор врагам. Джоджонах поглядел вниз, туда, где из труб деревенских домов лениво поднимались серые струйки дыма. Он представил, как вскоре они могут превратиться в клубы черной удушливой гари, волнами поднимающейся от горящих жилищ. Как замечутся взрослые и дети, крича от ужаса и боли.

А потом кричать станет некому.

— Скажи, брат Делман, что ты чувствуешь в своем сердце? — неожиданно спросил магистр.

— Я верен отцу-настоятелю Марквортy, — не колеблясь, ответил молодой монах и решительным движением расправил плечи.

— Я спрашиваю тебя не о том, как бы ты поступил, если бы тебе пришлось принимать решение, — объяснил ему магистр Джоджонах. — Я спросил лишь о том, что ты ощущаешь в своем сердце. Как должны поступать монахи Санта-Мир-Абель, столкнувшись с тем, с чем столкнулись мы?

Делман начал было говорить о необходимости защитить жителей деревни, но вдруг сконфузился и умолк. Затем он заговорил о важной цели и о благе для всего мира, но опять в растерянности забурчал что-то себе под нос.

— Абеликанский орден имеет давнюю традицию защиты тех, кто не в состоянии защитить себя сам, — начал говорить второй молодой брат. — В наших местах мы часто предоставляем окрестным жителям убежище за надежными стенами монастыря, что бы ни угрожало людям: вторжение поври или ураган разрушительной силы.

— Но что является большим благом? — спросил магистр Джоджонах, останавливая монаха прежде, чем тот чересчур углубится в заученные истины.

Ответа не последовало. Джоджонах изменил тактику.

— Каково, по-вашему, население этой деревни? — спросил он.

— Человек тридцать, а может быть, и все пятьдесят, — ответил брат Браумин.

— Так стоят ли эти пятьдесят жизней того, чтобы вмешаться, рискуя погубить возложенную на нас ответственную миссию?

И вновь ответом ему было молчание. Молодые монахи без конца переглядывались, и каждый из них хотел переложить поиски правильного ответа на своего собрата.

— Нам известна позиция отца-настоятеля Маркворта, — напомнил брат Браумин.

— Отец-настоятель, естественно, сказал бы, что по сравнению с нашей миссией какие-то пятьдесят жизней — ничто, — резко ответил магистр Джоджонах. — И наверняка подкрепил бы свою точку зрения вескими доводами.

— А мы должны быть верными отцу-настоятелю Маркворту, — поспешно сказал брат Делман, желая этим нехитрым аргументом закончить спор.

Но магистр Джоджонах отнюдь не собирался позволить ему уйти от ответа. Старый монах не хотел, чтобы Делман или кто-либо из братьев уклонялись от принятия решения, которое, как он считал, затрагивало сами основы веры и самую суть его спора с Марквортом.

— Мы верны принципам церкви, а не людям, — поправил он Делмана.

— Отец-настоятель олицетворяет эти принципы, — заявил Делман.

— Хотелось бы надеяться, — ответил магистр.

Он вновь поглядел на брата Браумина, поскольку тот был явно обеспокоен всем ходом затеянных Джоджонахом расспросов.

— А что скажешь ты, брат Браумин? — напрямик спросил магистр. — Ты ведь служишь церкви уже более десяти лет. Ты усердно изучаешь принципы, на которых строится Абеликанский орден. Что они диктуют предпринять в том положении, в котором мы сейчас находимся? Если следовать этим принципам, пятьдесят или сто человеческих жизней стоят того, чтобы ради них рискнуть большим благом?

Браумин застыл от неожиданности: магистр Джоджонах побуждал высказать вслух то, что было у него на сердце. Мысли безупречного закружились вокруг последнего нападения поври на Санта-Мир-Абель. Тогда отец-настоятель воспользовался телом крестьянского парня, обрекая того на верную смерть. Конечно, это было сделано во имя большего блага — решительные действия отца-настоятеля помогли уничтожить множество поври. Но до сих пор при воспоминании об этом Браумин ощущал какой-то отвратительный привкус во рту, а сердце наполнялось чем-то черным и холодным.

— Так стоят эти жизни риска? — не отступал Джоджонах.

— Стоят, — искренне ответил Браумин. — Даже одна жизнь стоит риска. Учитывая важность нашей миссии, мы, разумеется, не должны сами искать попавших в беду, но если Богу угодно свести их с нами, наша священная обязанность — вмешаться.

Двое молодых монахов шумно вздохнули, пораженные такими словами и в то же время довольные. Особенно брат Делман, состояние которого Джоджонах без труда прочитал на его лице.

— А вы двое? — спросил у них Джоджонах. — Каково ваше мнение?

— Я бы постарался спасти деревню, — ответил брат Делман. — Или хотя бы предупредил жителей о неминуемой угрозе.

Второй монах согласно кивнул.

Джоджонах задумался, взвешивая, насколько рискованно затеваемое ими дело.

— Есть ли поблизости еще какие-нибудь шайки этих тварей? — спросил он.

Монахи переглянулись и пожали плечами.

— Сколько их движется на деревню? Ответа вновь не последовало.

— Мы должны все это узнать как можно быстрее, — пояснил магистр Джоджонах. — Иначе нам придется подчиниться распоряжениям настоятеля Маркворта и убраться отсюда, оставив местных жителей на произвол их жестокой судьбы. Ступайте, — велел он молодым монахам, прогоняя их, словно бродячих собак. — Пойдите к братьям-разведчикам. Найдите мне ответы да поживей.

Монахи поклонились и тут же исчезли.

— Вы серьезно рискуете, — заметил брат Браумин, как только они остались одни. — И

больше рискуете собой, нежели миссией.

— А чем рискует моя душа, если я позволю, чтобы совершилась неминуемая бойня? — спросил Джоджонах.

— И все же, если отец-настоятель… — предпринял новую атаку Браумин.

— Отца-настоятеля с нами нет, — напомнил ему Джоджонах.

— Появится, если брат Фрэнсис узнает, что вы задумали сражаться против этих тварей.

— Брата Фрэнсиса я беру на себя, — успокоил его магистр. — И отца-настоятеля — тоже, если ему удастся проникнуть в тело Фрэнсиса.

По тону магистра было ясно: спорить больше не о чем. Несмотря на вполне обоснованные страхи, Браумин Херд улыбался, видя, как Джоджонах решительно шагает впереди него. Браумин понимал: его наставник принял боевую стойку. Когда голос сердца становится громким, ему нужно подчиняться.

Ночь выдалась темная. С вечера взошла полная луна, но вскоре небо заволокло густыми черными тучами. Лучшей ночи для нападения на Тол Хенгор не придумаешь. Почти две сотни злобных тварей, уже успевших опустошить пару деревень, не имели оснований сомневаться, что и эта окажется легкой добычей. Они вошли в долину с запада, двигаясь своим обычным боевым порядком — полукругом. Внешний, защитный, периметр составляли гоблины, каждый из которых нес факел. В центре шли поври и великаны, готовые поддержать любой из флангов или нанести лобовой удар. И хотя их путь пролегал между двух кряжей, захватчики не опасались засад. Как правило, стрельба из лука была не свойственна альпинадорцам. Но даже если бы воины здешней деревни и владели этим искусством, число их, как выяснили разведчики, не превышало сорока человек, и нанести какой-либо ощутимый урон они не могли. К тому же великанам стрелы были нипочем, зато на любую атаку с флангов они ответили бы сокрушительным градом булыжников и валунов, способным уничтожить любую засаду. Главари поври знали: альпинадорцы опасны в ближнем бою и в рукопашной схватке, поскольку обладают огромной силой. А тактические приемы и военная хитрость — не для них. Поэтому захватчики решили двинуться общим войском, вместо того чтобы разбиться на мелкие отряды и пробираться поверху.

Итак, поври уверенно вели свои объединенные силы по широкой долине, и глаза их алчно блестели от предвкушения человеческой крови. Им не терпелось в очередной раз окунуть в нее свои береты, чтобы те стали еще ярче.

Захватчикам было невдомек, что засада на их пути все-таки есть и им неминуемо придется испытать на себе могущественную силу, которой обладали монахи из Санта-Мир-Абель. С каждой стороны долины, на утесах, в ожидании находилось по двенадцать братьев. Действиями северной стороны руководил брат Фрэнсис, южной — брат Браумин. Магистр Джоджонах расположился поодаль от группы Браумина, прижимая к сердцу гематит, самый полезный и имеющий много различных свойств камень. Джоджонах первым вошел в магический транс, высвободив дух из телесных оков и направив его в ночную высь.

Первая его задача была сравнительно легкой. Стремительно невидимый дух магистра направился к западной оконечности долины, навстречу наступавшим захватчикам, чтобы оценить их силу и боевой порядок. Сделав это, дух мгновенно вернулся назад, передав добытые сведения вначале брату Фрэнсису, а затем и брату Браумину. Затем, поразмыслив, магистр Джоджонах вновь покинул свое тело и устремился навстречу наступавшим.

Вторая его задача была намного труднее: магистру предстояло проникнуть внутрь вражеского войска. Невидимый и неслышимый, он миновал цепь гоблинов и оказался в центре. Он хотел было войти в тело одного из поври, но затем благоразумно отказался от этого замысла. Древние рукописи утверждали, что поври обладают особой сопротивляемостью к магии и в особенности — к одержанию. Эти твари отличаются напористостью, смышленостью и сильной волей.

Но и тело гоблина не подходило магистру. Возможно, ему и удалось бы подтолкнуть гоблина на какую-нибудь выходку, но всем известно, что эти твари непредсказуемы и вероломны. Тщедушному гоблину не одолеть крепко сбитого поври и тем более великана.

У магистра Джоджонаха оставался единственный выбор, и здесь он вступал в совершенно неизведанную область. Ему нигде не доводилось читать об одержании великана. За исключением отвратительного характера великанов и их невероятной выносливости в бою, магистр больше ничего не знал об этих существах.

Дух магистра осторожно подобрался к великанам. Судя по всему, один из них, отличавшийся особо внушительными размерами, командовал остальными, рыча на них и требуя двигаться побыстрее.

Джоджонах перебрал в мозгу несколько возможных тактических уловок и пришел к выводу, что лучшим орудием для его замысла будет все-таки не вожак, а кто-то из подвластных ему сородичей. Впрочем, среди великанов никто не отличался особым умом. Просто один из них несколько выпадал из общей массы. Он то и дело подпрыгивал, крутил головой по сторонам, издавал губами шлепающие звуки и при этом хихикал.

Дух Джоджонаха проник в подсознание этого глупыша.

— Чё? — удивился его младенческий разум.

— Отдай мне свое тело! — телепатически приказал Джоджонах.

— Чё?

— Твое тело! — потребовал разум монаха. — Отдай его мне, а сам убирайся!

— Нет! — взревел испуганный великан, и его разум, удерживаемый Джоджонахом, инстинктивно попытался выбросить монаха из подсознания.

— Ты просто не знаешь, кто я, — сказал Джоджонах, пытаясь уговорить великана прежде, чем его сотоварищи заподозрят неладное. — Если бы знал, то не посмел бы меня выталкивать!

— Чё?

— Я твой бог, — объявил ему дух Джоджонаха. — Я — Бестесбулзибар, демон-дракон. Я пришел помочь вам расправиться с людишками. Разве ты не понимаешь, какой честью для тебя является то, что я избрал твое тело?

— Чё? — вновь спросил дух великана, но на этот раз тон его телепатического контакта разительно отличался.

— Освобождай тело, — потребовал Джоджонах, почувствовав слабину, — иначе я найду другое тело и с его помощью расправлюсь с тобой!

— Да, да, мой повелитель, — вслух пробубнил великан.

— Молчать! — потребовал Джоджонах.

— Да, да, мой повелитель, — еще тише повторил великан.

Оказавшись какой-то своей частью в теле великана, Джоджонах получил возможность видеть мир его глазами, слышать, как остальные великаны приставали к своему сотоварищу с расспросами. Когда вожак толкнул в плечо этого не в меру болтливого и шумливого великана, магистр почувствовал, словно это его толкнули в плечо.

Подвластный Джоджонаху великан, вполне уверившийся, что с ним действительно говорил демон-дракон, отчаянно старался повиноваться, хотя почти не понимал, каким образом сможет освободить собственное тело. Джоджонах понимал: надо действовать быстро; одержание — задача не из легких, даже если «вместилище» не сопротивляется. Магистр еще глубже вошел в контакт с гематитом для того, чтобы проникнуть в каждую извилину, в каждую нервную клетку мозга великана. Подсознание великана инстинктивно отреагировало и попробовало дать отпор, но без поддержки со стороны сознания сила его была незначительна.

Джоджонах ощутил все это на себе, когда вожак решил утихомирить его.

— Заткни глотку! — потребовал вожак.

— Чё? Да, господин, — ответил Джоджонах. Тяжелые челюсти и массивные члены тела оказались ужасным испытанием, когда он попытался заговорить и подняться с земли.

Вожак отвесил ему новый удар, и Джоджонах покорно опустил голову.

— Молчу, — выдавил он.

Похоже, его ответ успокоил вожака, поскольку все вновь заняли свои места в боевом

порядке и продолжили путь, не подозревая, кто теперь находился в теле их сотоварища.

Монахи выстроились в ряд по обеим сторонам долины. В каждой цепи находилось по двенадцать человек, и каждый четвертый и десятый брат держал в руках по графиту. Чтобы погасить недовольство брата Фрэнсиса, Джоджонах поручил ему выбрать время для удара и подачу сигнала обеим группам, поэтому в руках у Фрэнсиса был небольшой бриллиант. Удар должен быть сильным и точным, ибо любые ответные меры могут дорого обойтись монахам.

Фрэнсис решил позволить гоблинам пройти вперед. Братья понимали, что залогом победы должно стать быстрое уничтожение поври и нанесение удара по великанам, чтобы лишить их возможности к сопротивлению. Оставшись без командиров, трусливые гоблины вряд ли захотят воевать дальше.

Фрэнсис единственный в своей цепи оставался с открытыми глазами; остальные монахи находились в магическом трансе, слившись с силой двух графитов. Он видел, как всего лишь в двадцати ярдах от него проходят гоблины. За ними маячили силуэты нескольких великанов. Фрэнсис сделал глубокий вздох, затем пробудил силу бриллианта и подал короткий сигнал брату Браумину.

— Пора, братья, — прошептал Фрэнсис. Затем и он включился в общую цепь, передавая свою энергию графитам.

Брат Браумин произнес почти те же слова, обращаясь к своей группе.

Спустя мгновение на головы врагов обрушился первый шквал. Вначале удар нанес четвертый монах в цепи Фрэнсиса, затем — четвертый в цепи Браумина, потом — десятый в цепи Фрэнсиса и далее — десятый в цепи Браумина. Удары магических молний следовали один за другим. Каждый из монахов вливал свою энергию в общий поток цепи. Многие молодые монахи совсем не умели использовать магию камней. Но теперь, соединившись на уровне сознания с Фрэнсисом, Браумином и другими старшими монахами, они стали причастны к магическому действу.

Вся долина сотрясалась от грохота. С каждым ударом число захватчиков неуклонно уменьшалось.

Удары породили сумятицу в самом центре вражеского боевого порядка. Рукотворные молнии несли гибель все новым и новым поври. Еще больше ударов пришлось по великанам, однако эти громадины были невероятно сильны. После первой серии ударов четверо из пяти по-прежнему оставались на ногах. Пятого повергла наземь отнюдь не магия монахов. Его придавило упавшим деревом.

Вожак великанов, не обращая внимания на крики своего попавшего в беду сородича, указывал на северный склон, веля бросать туда камни. Однако его намерение и само выражение лица мгновенно изменились, когда другой великан, находившийся рядом, поднял здоровенный валун и с размаху ударил его по голове.

Магистр Джоджонах почувствовал, как взбунтовался дух плененного им великана. Чего ты боишься? Я убью его, и вожаком станешь ты! — телепатически передал магистр первое, что пришло ему на ум. Эти слова возымели действие на великана. И все же, невзирая на все усилия этой тупой туши отдать собственное тело во власть «дракона», а самому отступить, тупица просто не знал, что надо делать. Поэтому великан хихикал громче обычного, когда Джоджонах велел его рукам снова и снова наносить удары по вожаку. Наконец оглушенный и ничего не понимающий вожак рухнул на землю.

Двое оставшихся в живых великанов с воем устремились к Джоджонаху.

Он прижал к груди булыжник и затем швырнул его в лицо первому из подбежавших, отчего тот зашатался. Второй великан с размаху врезался в Джоджонаха, и они оба повалились на землю, попутно придавив одного из немногих уцелевших поври.

— Эй! — возмутился дух плененного великана, и Джоджонах почувствовал, что этот болван наконец заподозрил неладное. — Эй!

Разум великана вновь попытался восстановить свое главенствующее положение. В это время начался второй шквал ударов.

Джоджонах заставил великана подняться на ноги и направил его прямо под огонь

монахов. Тут он ощутил, как ему обожгло грудь. Магистр вернул искалеченное тело законному обладателю, и дух Джоджонаха воспарил ввысь, чтобы увидеть общую картину битвы.

Вожак, обливаясь кровью, сумел все же каким-то образом подняться на ноги, но его настиг удар магической энергии, а потом — еще один. Великан снова повалился на землю. Силы покинули его, и ему уже было нечего ждать, кроме смерти.

Удары монахов продолжались, но братья почти исчерпали свою магическую энергию, и удары становились все слабее. Однако ответные удары наносить было практически некому. По оценкам магистра Джоджонаха, уцелело менее половины гоблинов, дюжина поври и один великан. Но все они были настолько потрепаны и перепуганы, а главное — так ошеломлены, что уже не думали продолжать наступление. Огоньки редких факелов указывали, что остатки вражеских сил спешно отступали на запад, двигаясь тем же путем, каким недавно входили в долину.

Отступавшие не подозревали, что будут проходить мимо молчаливого наблюдателя, который будет не просто следить за их отходом, а наносить удары с тыла. Тот, кто оказывался рядом с ним, принимал смерть от его огромного меча. Когда Андаканавар обнаружил, что один великан уцелел, он приблизился к ковыляющей громадине и нанес тому несколько яростных ударов. Великан рухнул замертво, не успев даже почувствовать присутствие человека.

Когда, наконец, в долине воцарилась тишина, брат Фрэнсис перевел свою группу на южный склон. Затем все вернулись туда, где стояли повозки и находился магистр Джоджонах. Медлить было нельзя; их присутствие могли обнаружить. Поэтому вскоре караван вновь двинулся в путь.

Андаканавар глядел вслед удаляющимся повозкам со смешанным чувством надежды и изумления.

ГЛАВА 9
ВСТРЕЧА СТАРЫХ ДРУЗЕЙ

— Так значит, это правда! — воскликнул грузный человек, увидев Элбрайна и Пони, которые вошли в лагерь вместе с вернувшимися лучниками.

— Белстер, дружище! — приветствовал его Элбрайн. — Как я рад видеть тебя в добром здравии.

— На здоровье не жалуюсь, — согласился Белстер. — А вот пояса нам всем пришлось затянуть потуже. — При этом он похлопал себя по внушительному животу. — Впрочем, вы и сами в этом убедитесь.

Элбрайн и Пони усмехнулись: еда неизменно стояла у Бел стера О'Комели на первом месте!

— А где же мой старый друг, чей аппетит не уступал моему? — спросил Белстер.

Элбрайн помрачнел. Он обернулся к Пони и увидел, что вопрос этот глубоко ранил ее.

— Но ведь вести, поступавшие из леса, свидетельствовали о применении магии камней, — не унимался Белстер. — Такая магия по плечу лишь Безумному Монаху. Только не говори мне, что он погиб этой ночью! Боже, какая трагедия!

— Эвелин покинул наш мир, — с грустью произнес Элбрайн. — Но это случилось не сегодня. Он погиб в Аиде, уничтожая демона-дракона.

— Но сообщения, поступавшие из лесу… — запинаясь пробормотал Белстер, словно пытаясь опровергнуть слова Элбрайна.

— Сообщения о ходе битвы были правильными, но магия камней — дело рук Пони, — пояснил Элбрайн, кладя руку на плечо жены. — Это она пробуждала и направляла силу самоцветов.

Элбрайн повернулся к любимой и другой рукой провел по копне ее золотистых волос.

— Эвелин хорошо обучил ее.

— Может, оно и так, — недоверчиво сказал Белстер.

Элбрайн отошел от Пони и, глядя Белстеру прямо в глаза, решительно произнес:

— Пони готова продолжать труд, начатый Эвелином. В дымных недрах Аиды Эвелин уничтожил демона-дракона и изменил ход войны, лишив наших врагов объединяющей силы. Нам предстоит завершить его дело и освободить наши земли от этих гнусных тварей.

Собравшимся показалось, что Элбрайн, произнося эти слова, стал даже выше ростом. Белстер О'Комели понимающе улыбнулся. Таким уж было обаяние Элбрайна, мистического Защитника по имени Полуночник. Белстер знал: Элбрайн вдохновит его бойцов на новые сражения, поведет их в едином и крепком строю, нанося сокрушительные удары по слабым местам противника. Несмотря на печальную весть о гибели Эвелина и растущий страх за судьбу исчезнувшего Роджера, Белстеру показалось, что сегодняшней ночью мир стал чуточку светлее.

Результаты ночной битвы впечатляли. По всему лесу валялись мертвые тела гоблинов, поври и великанов. Из бойцов Белстера шестеро были ранены, причем один — смертельно, а еще трое пропали без вести и, скорее всего, погибли. Те, кто принес тяжелораненого бойца в лагерь, не верили, что он доживет до утра. Они лишь хотели, чтобы он попрощался с семьей и был достойным образом похоронен.

Взяв гематит, Пони направилась к нему и несколько часов трудилась, забыв об усталости и с готовностью отдавая раненому свою энергию.

— Она его спасет, — сказал Белстер, когда они с Томасом Джинджервортом разыскали Элбрайна. Тот был занят Даром, протирая коню бока и тщательно вычищая копыта.

— Обязательно спасет, — твердил бывший трактирщик, явно пытаясь убедить себя.

— Шеймус Такер — хороший человек, — добавил Томас. — Он не заслуживает такой участи.

Элбрайн заметил, что, произнося эти слова, Томас глядел прямо на него, и во взгляде почти открыто читался упрек. Полуночнику показалось, что Томас рассматривал исцеление раненого как своеобразное испытание способностей Пони.

— Пони сделает все возможное, — ответил Элбрайн. — В обращении с магическими камнями она обладает почти такой же силой, какой обладал Эвелин. Но, боюсь, значительную часть своей энергии она потратила на битву и для Шеймуса Такера у нее осталось совсем немного. Когда я управлюсь с Даром, я попытаюсь ей чем-нибудь помочь.

— Значит, лошадь для тебя важнее? — в тоне Томаса Джинджерворта звучал неприкрытый упрек.

— Я поступаю так, как велела мне Пони, — спокойно ответил Элбрайн. — Она пожелала начать исцеление одна, чтобы лучше сосредоточиться и установить более тесный контакт с раненым. Я доверяю ее выбору. И вам советую.

Томас вскинул голову и смерил Элбрайна взглядом.

Растерянный Белстер толкнул в бок своего упрямого соратника.

— Не считай нас неблагодарными, — начал было он, желая извиниться.

Раздавшийся в ответ смех Элбрайна искренне удивил Белстера. Он взглянул на Томаса. Тот рассердился, явно считая, будто над ним насмехаются.

— Скажи мне, сколько мы уже живем такой жизнью? — спросил у Белстера Элбрайн. — Сколько месяцев мы провели в лесу, сражаясь и отступая?

— Более чем достаточно, — ответил Белстер.

— Вот именно, — согласился Элбрайн. — За это время я научился понимать многие вещи. И я знаю, в чем причина твоей недоверчивости, досточтимый Джинджерворт, — резко продолжал он, встав напротив Томаса. — Пока мы с Пони не появились здесь, ты был одним из непререкаемых командиров вашего отряда.

— По-твоему, я не в состоянии понять, что является истинным благом для всех нас? Думаешь, желание власти стоит у меня превыше всего? — спросил Томас.

— Я говорю правду, вот и все, — возразил Элбрайн.

Томас едва не задохнулся от этих слов.

— Ты боишься меня, но так и должно быть, — продолжал Элбрайн, вновь поворачиваясь к коню. — На тебе лежит огромная ответственность. И любой человек, будь он на твоем месте, должен был бы настороженно относиться к переменам, даже если, судя по всему, это перемены к лучшему. Слишком уж высоки ставки.

Спрятав улыбку, Белстер следил, как меняется выражение лица Томаса. Простая логика Полуночника, его честность и прямота были поистине обезоруживающими. По лицу Томаса было видно: возбуждение пошло на спад и он начинает успокаиваться.

— Но пойми, — продолжал Элбрайн, — мы с Пони не являемся ни твоими врагами, ни даже твоими соперниками. Мы стремимся помогать там, где можем. У нас та же цель, что и у тебя, — избавить мир от прихвостней демона-дракона после того, как мы помогли ему избавиться от самого дракона.

Томас кивнул со смешанным чувством удовлетворения и недоумения.

— Наш Шеймус будет жить? — спросил Белстер.

— Пони надеется, — ответил Элбрайн. — При помощи гематита она творит чудеса.

— Будем надеяться, — искренне прибавил Томас.

Вскоре Элбрайн управился с Даром и пошел взглянуть на Пони и раненого. Он нашел их под навесом. Раненый безмятежно спал, и его дыхание было сильным и ровным.

Пони тоже спала, лежа поперек раненого. Рука ее по-прежнему сжимала магический камень. Элбрайн собрался взять гематит и тоже помочь Шеймусу Такеру, но затем передумал, рассудив, что сон сейчас является для него лучшим лекарством.

Элбрайн слегка подвинул Пони, чтобы ей было удобнее лежать, и ушел. Он вернулся к Дару, намереваясь улечься возле коня, однако, к своей радости, обнаружил поджидавшего его Белли'мара Джуравиля.

— Я увел их обратно в Кертинеллу, — мрачным голосом пояснил эльф. — Оказалось, что там обретается сотня поври, столько же гоблинов и несколько великанов. И все они не прочь двинуться сюда.

— Великаны? — недоверчиво переспросил Элбрайн, поскольку этим существам было не свойственно собираться большими группами. Элбрайн представил, сколько бед способна причинить такая сила, и у него перехватило дыхание.

— Ты думаешь, они готовятся к наступлению на Палмарис? — спросил он.

Джуравиль покачал головой.

— Скорее всего, они используют города в качестве опорных пунктов для набегов на окрестные земли, — предположил он. — Но мы должны внимательно следить за Кертинеллой. Тамошний вожак поври — фигура непростая. Даже великаны заискивают перед ним. За все время, что я провел в городе, прячась где придется, я не услышал ни единого слова недовольства в его адрес; даже когда начали поступать сведения о потерях в лесу.

— Значит, мы недостаточно сильно ударили по ним, — предположил Элбрайн.

— Не сомневайся, удар был что надо, — ответил Джуравиль, — но это лишь разозлило врагов. Надо контролировать южное направление. Я уверен, что враги вновь двинутся против твоих друзей, но на этот раз их численность будет куда больше.

Элбрайн инстинктивно поглядел на юг, словно из-за деревьев могли вот-вот появиться вражеские полчища.

— Это еще не все, — продолжал эльф. — В плену у поври находится человек.

— У поври полно пленников во всех захваченных ими городах, — ответил Элбрайн.

— Тот, о ком я говорю, отличается от других, — объяснил Джуравиль. — Он знает твоих здешних друзей и пользуется большим уважением. Почти таким же, каким пользовался ты среди жителей Дундалиса и остальных городов в Тимберленде.

На краю опушки, укрывшись за густыми сосновыми ветвями, Белстер О'Комели с любопытством наблюдал за Элбрайном. Том же никак не мог стоять спокойно, и бывшему трактирщику, чтобы не выдать их присутствие, приходилось все время одергивать друга.

Казалось, что Элбрайн разговаривает сам с собой, хотя Белстер догадывался, в чем тут

дело. Элбрайн стоял, задрав голову вверх, и вроде бы говорил с пустой веткой, однако слова до Бел стера и Тома не долетали.

— Твой дружок часом не рехнулся малость? — прошептал Том на ухо Белстеру.

Белстер решительно замотал головой:

— Если бы весь мир мог так рехнуться, как он!

Шепот оказался чересчур громким.

Элбрайн повернулся, вскинул голову, и Белстер, поняв, что игра проиграна, вытащил Томаса из-за ветвей.

— А, вот ты где, Элбрайн, — произнес он. — Мы как раз тебя искали.

— Меня не так-то трудно найти, — спокойно, но с долей подозрения ответил Элбрайн. — Я ходил проведать Пони. Ваш друг крепко спит. Судя по всему, он вне опасности. Ну а потом я вернулся сюда, к Дару.

— К Дару и… — многозначительно сказал Белстер, кивнув в сторону дерева.

Элбрайн не пошевельнулся и не ответил. Он не знал, как воспримет Джуравиля Томас. Белстер, тот уже видел и его, и других эльфов, когда сражался с Элбрайном на севере.

— Давай начистоту, — сказал Белстер. — Я хорошо знаю тебя, Элбрайн, и не верю, что ты способен стоять и разговаривать сам с собой.

«Ты бы увидел меня с Оракулом», — подумал Элбрайн и слегка усмехнулся.

— Если я правильно угадал, ты привел с собой еще одного друга, наделенного особыми талантами, и его таланты сулят всем нам благо, — сказал Белстер.

Элбрайн жестом попросил их приблизиться к дереву, и Белли'мар Джуравиль, поняв намек, грациозно опустился вниз, неслышно взмахивая своими почти прозрачными крыльями.

Том Джинджерворт едва не лишился чувств от изумления и страха.

— Чтоб провалиться мне в самое мрачное подземелье этого странного мира, это еще кто? — взревел он.

— Всего-навсего эльф, — спокойно объяснил Белстер.

— Тол'алфар — так называют этот народ, — добавил Элбрайн.

— Белли'мар Джуравиль к вашим услугам, — произнес эльф, поклонившись Томасу.

Томас лишь глуповато кивнул, неслышно шевеля губами.

— Да успокойся ты, — сказал ему Белстер. — Я же рассказывал тебе об эльфах, которые сражались вместе с нами в Дундалисе. И про катапульты рассказывал, когда брат Эвелин чуть не взлетел в воздух вместо ядра. И про эльфов, которые, прячась на деревьях, косили стрелами наших врагов.

— Я… я… я н-не ож-жидал… — заикаясь пролепетал Томас.

Элбрайн взглянул на Джуравиля, почти утомленного столь знакомым поведением людей, впервые увидевших эльфа.

Громко вздохнув, Томас сумел-таки взять себя в руки.

— Джуравиль побывал в Кертинелле, — начал рассказывать Элбрайн.

— А если бы не побывал, то я непременно бы попросил его это сделать, — поспешно перебил его взволнованный Белстер. — Мы боимся за судьбу одного нашего парнишки по имени Роджер Не-Запрешь. Он ушел в город незадолго до того, как полчища этих тварей двинулись на нас.

— Либо они полезли сюда ловить его, либо, похоже, уже поймали, — прибавил Томас.

— Не похоже, а точно, — сообщил ему Элбрайн. — Джуравиль видел вашего Роджера Не-Запрешь.

— Живого? — разом спросили Белстер и Томас, и в голосе каждого звучала неподдельная тревога.

— Весьма, — ответил эльф. — Правда, он ранен, но не тяжело. Мне не удалось подойти ближе. Поври зорко и надежно его стерегут.

— Роджер для них — сущая заноза с самых первых дней вторжения, — объяснил Томас.

Белстер принялся вспоминать рассказы о приключениях Роджера, припомнив и воровство под носом у поври, и то, как он любил издеваться над врагами, и как ему удавалось сваливать вину за свои ночные проделки на гоблинов. Не забыл бывший трактирщик упомянуть и об освобождении тетушки Келсо.

— Тебе придется здорово постараться, Полуночник, если ты намерен заменить Роджера Не-Запрешь, — скорбно произнес Томас Джинджерворт.

— Заменить его? — переспросил изумленный Элбрайн. — Ты говоришь так, словно парень уже мертв.

— Если он попал в когти к Коз-козио Бегулне, такое вполне возможно, — ответил Томас.

Элбрайн поглядел на Джуравиля, и оба обменялись лукавыми улыбками.

— Это мы еще посмотрим, — сказал Элбрайн.

Белстер чуть не подпрыгнул от радости, а его надежды возросли до небес.

На следующее утро, едва заря тронула восточный край неба, Элбрайн проснулся и с удивлением обнаружил, что Пони уже встала.

— Я-то думал, что работа с камнями утомила тебя и ты проспишь целый день, — сказал Элбрайн.

— Я бы так и сделала, но есть одно важное дело, — ответила Пони.

Элбрайн быстро сообразил, какое это дело, увидев у нее на поясе меч и ощутив боевое состояние, в котором она находилась.

— Ты хочешь учиться танцу меча, — заключил он.

— Как ты и обещал, — сказала Пони.

По лицу Элбрайна было видно, что он вовсе не горит желанием начать обучение.

— Есть кое-какие неотложные дела, — начал объяснять он. — Некто Роджер по прозвищу Не-Запрешь, которого здесь очень любят и ценят, попал в Кертинелле в плен. К тому же надо произвести смотр здешних сил, чтобы выяснить, кто из этих людей действительно способен сражаться.

— И ради всего этого ты намерен пожертвовать своим утренним танцем меча? — поинтересовалась Пони.

Ее логика застала Элбрайна врасплох.

— Где Джуравиль?

— Когда я проснулась, он уже ушел, — ответила Пони. — Но разве ему не свойственно куда-то уходить по утрам?

— Скорее всего, он тоже исполняет свой танец меча, — сказал Элбрайн. — И вдобавок осматривает местность. Многие эльфы тол'алфара любят это предрассветное время.

— Я тоже люблю, — сказала Пони. — Лучшее время для би'нелле дасада.

Дальше сопротивляться было невозможно.

— Пошли, — сказал Элбрайн. — Поищем место, где бы мы могли начать.

Он повел Пони в густой лес, а затем — к неглубокому оврагу, где земля была ровной и где не было кустарников.

— Я видел, как ты сражаешься, но мне еще не доводилось понаблюдать за твоим стилем сражения. Для начала покажи мне несколько боевых выпадов и защитных приемов, — предложил он.

Пони с любопытством поглядела на него.

— Мы будем раздеваться? — хитро спросила она.

Элбрайн горестно вздохнул.

— Ты собираешься дразнить меня? — упавшим голосом спросил он.

— Дразнить? — совершенно невинно переспросила Пони. — Но я же столько раз видела, как ты исполняешь танец меча и…

— Мы будем учиться или играть? — строго спросил Элбрайн.

— Я не хочу тебя дразнить, — столь же твердо ответила Пони. — Я просто стараюсь, чтобы за время этой нескончаемой войны ты не потерял ко мне интерес.

Пони вышла на полянку, извлекла меч и приняла низкую боевую стойку.

Элбрайн подбежал к ней, схватил за плечо и, когда она обернулась, внимательно заглянул ей в глаза.

— Ни я, ни ты не выбирали воздержание просто так, — тихо и серьезно произнес он. — Таковы обстоятельства, которым я могу подчиниться, но восторга во мне они не вызывают. Ни капли. И тебе, любовь моя, незачем бояться, будто я потеряю к тебе интерес. Мое сердце принадлежит тебе и только тебе.

Элбрайн наклонился и нежно поцеловал Пони, но так, чтобы поцелуй не вызвал более страстное чувство.

— Наше время еще наступит, — пообещала ему Пони, когда они разомкнули объятия. — Время, когда уже не надо будет сражаться за то, чтобы мир стал лучше. Когда ты сможешь быть Элбрайном Виндоном, а не Полуночником и когда можно будет не бояться за детей, которых нам подарит любовь.

Так они простояли довольно долго, глядя друг на друга, испытывая блаженство и наслаждение от одного лишь присутствия друг друга. Наконец из-за верхушек деревьев показался краешек солнца, и они вспомнили, зачем пришли сюда.

— А теперь покажи мне свою выучку, — попросил Элбрайн, отойдя в сторону.

Пони вновь приняла ту же стойку, сосредоточилась и последовательно сделала несколько боевых выпадов и защитных маневров. Меч ее рассекал воздух, свидетельствуя о хорошей подготовке. Еще бы, Пони несколько лет провела в королевской армии, оттачивая эти движения и доводя их до совершенства, и сейчас они вызывали неподдельное восхищение.

И все же (Элбрайн это понимал) они оставались традиционными боевыми приемами, распространенными по всему королевству. Гоблины и поври тоже старались подражать этому стилю ведения боя. Бедра Пони беспрестанно двигались, когда с каждым ударом она меняла центр тяжести тела, то делая выпад вперед, то поспешно отступая и защищаясь.

Закончив, Пони повернулась к Элбрайну. Лицо ее раскраснелось от напряжения, а на губах играла горделивая улыбка.

Элбрайн встал рядом и вынул из ножен свой Ураган.

— А теперь ударь по той ветке, — велел он, указывая на нижнюю ветку дерева, находящуюся футах в трех от Пони.

Пони сосредоточилась, сделала шаг, затем другой. Она взмахнула мечом, отвела его назад и потом ринулась вперед.

Где-то на середине этого выпада наперерез ее мечу сверкнуло лезвие Урагана и глубоко вонзилось в ветку. Пони сделала целый шаг, а Элбрайн едва лишь пошевелился, и все равно он с легкостью ее опередил.

— Следи за моей стойкой, — сказал он, сохраняя боевую позу.

Тело его было абсолютно прямым, правая рука вытянута вперед, левая — отведена вместе с плечом назад. Потом он внезапно отступил и за какую-то долю секунды перешел в состояние обороны.

— Твои взмахи и удары, особенно с плеча, великолепны, но к этому ты должна добавить стремительный выпад, который я тебе только что показал. Внезапный, быстрый удар, неожиданный и неотразимый для любого противника, будь то поври или кто-то другой.

Пони молча приняла ту же стойку, что и Элбрайн, приведя тело в совершенное равновесие: колени чуть согнуты, ноги перпендикулярны друг другу. Неожиданно она сделала шаг правой ногой, отведя назад левую руку и выбросив вперед правую. Ей удалось почти полностью повторить выпад Элбрайна.

Элбрайн даже не пытался скрыть свое удивление и одобрение.

— Ты уже начинаешь учиться, — сказал он.

— Как всегда, — ответила Пони, вновь переходя в оборонительную позицию.

— Ты все сделала почти правильно, — заметил Элбрайн, стремясь умерить ее очевидную гордость.

— Почти?

— Тебя вело твое тело, — пояснил Элбрайн. — На самом же деле тебя должен увлекать вперед твой меч.

Пони недоверчиво поглядела на свое оружие.

— Я не понимаю.

— Ничего, поймешь, — с легкой улыбкой сказал Элбрайн. — А теперь пойдем поищем место получше, чтобы можно было должным образом исполнить би'нелле дасада.

Вскоре они нашли удобную полянку. Элбрайн отошел, не желая смущать Пони, когда она будет снимать одежду. Встретились они уже на «боевом поле». У каждого в руках был меч. Элбрайн вел танец, а Пони подражала каждому его движению.

Элбрайн долго наблюдал за нею, видя, как возрастают гибкость и изящество ее движений, и удивляясь, с какой легкостью она входила в танец. Затем он впал в обычное медитативное состояние, и беззвучная песня би'нелле дасада потекла сквозь его тело.

Вначале Пони еще пыталась двигаться с ним в одном ритме, но затем оставила это и лишь наблюдала, завороженная красотой тела Элбрайна, игрой его мышц и тем, как он, непрестанно двигаясь, ухитрялся сохранять совершенное равновесие.

Когда Элбрайн закончил танец, его тело было обильно покрыто капельками пота, как и тело Пони. Ветер нежно обдувал им кожу. Они долго стояли, глядя друг на друга, и им казалось, что они сейчас достигли состояния почти такой же близости, какая бывает при любовном слиянии.

Элбрайн протянул руку и нежно погладил Пони по щеке.

— Вот так будет каждое утро, — сказал он. Но смотри, чтобы Белли'мар Джуравиль не узнал об этом.

— Ты не знаешь, как он это воспримет?

— Не знаю, понравится ли ему это, — признался Элбрайн. — Ведь танец принадлежит к высшим ритуалам тол'алфара, и только эльфы обладают правом посвящать в него других.

— Но Джуравиль согласился, что ты не являешься чужим для тол'алфара, — напомнила ему Пони.

— Я не ощущаю вины, — уверенно произнес Элбрайн. — Я буду тебя учить. Мне просто хочется, чтобы это решение было только моим.

— Ты не хочешь задевать чувства Джуравиля, — догадалась Пони.

— Пойдем одеваться, — с улыбкой сказал Элбрайн. — Боюсь, нам предстоит долгий и тяжелый день.

Пони скрылась в кустах, что росли на краю полянки, сильно уставшая, но довольная результатами этого утра. Сколько недель подряд она испытывала желание попробовать танец меча, и теперь, когда она получила первый опыт, он не принес ей разочарования.

Постижение танца по ощущениям чем-то напоминало постижение секретов магических камней. И здесь Пони чувствовала, что ей передается дар. Она ощущала рост, раскрытие своих возможностей, приближавших ее к Богу.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ
КТО ГЛАВНЕЕ?

И вновь, дядя Мазер, я удивлен стойкостью людей, поставленных, казалось бы, в безвыходное положение. Как когда-то в Дундалисе, здесь тоже есть те, кто готов сражаться и умереть. И среди них — не только мужчины, но и женщины, дети и старики, которых судьба лишила возможности проводить остаток дней в рассказах о славных делах былых времен. Мне довелось видеть ужасные страдания, но я почти не слышал жалоб. Зато я слышал, как от постоянного недоедания урчит у них в желудках.

Общие страдания порождают общую отзывчивость, и это по-настоящему

вдохновляет и воодушевляет меня. Такими же были Полсон, Сверчок, Бурундук, никогда не думавшие, что им придется воевать, но погибшие в сражении. Таким был очаровательный Смотритель, предназначенный совсем для другой жизни. Тоже я могу сказать теперь о Белстере, Томасе, Роджере по прозвищу Не-Запрешь и всех остальных.

Вместе с тем я испытываю страх по поводу непреднамеренного соперничества, которое может возникнуть между мною и предводителями здешнего отряда. Когда после внушительной победы я привел бойцов в лесной лагерь, то почувствовал недоверие и настороженность со стороны Томаса Джинджерворта. До моего появления он был одним из командиров и, скорее всего, его голос являлся самым весомым. Я спокойно и честно поговорил с ним, и мне удалось развеять его опасения, ибо Томас — зрелый и опытный человек. Как только он убедился, что мы оба сражаемся во имя единой цели — ради блага тех, кто вверил ему свою судьбу, — он перестал видеть во мне соперника.

Но, боюсь, мне вряд ли удастся столь же легко и быстро поладить с другим человеком — совсем молодым парнем по имени Роджер. Я еще не видел его. По словам Белстера, Роджер горделив и самолюбив. Он настолько озабочен высотой своего положения среди беженцев, что даже в Белстере и в других выходцах с севера видит скрытых соперников. Какие же тогда мысли возникнут в его голове, когда он увидит нас с Пони? Как он воспримет то уважение, с которым к нам относятся старые друзья, а также те, кому пришлось сражаться с нами бок о бок?

На самом деле, дядя Мазер, мне очень странно, что беженцы воспринимают меня как героя. Ведь когда я видел, какое выражение было на лицах тех мужчин и женщин, которые, быть может, впервые шли в бой, я видел проявление высочайшего героизма. Такой героизм обусловлен не воинской выучкой и не особыми свойствами оружия.

Дядя Мазер, неужели только потому, что я прошел обучение у эльфов тол'алфара и ношу оружие, обладающее огромной силой, я имею больше оснований считаться героем, чем женщина, бросающаяся навстречу опасности ради спасения своих детей? Или крестьянин, сменивший плуг на меч, дабы оборонять свое селение? Неужели оттого, что у меня больше шансов победить в сражении, я в большей степени являюсь героем?

Думаю, что нет, ибо героизм измеряется силой сердца, а не силой оружия. Героизм отличают осознанность принятых решений, бескорыстие, готовность пожертвовать всем и уверенность, что твои усилия позволят другим жить лучше и светлее. Я считаю, героизм — это высшее проявление общности, это чувство принадлежности к чему-то большему, нежели наш бренный мир. Героизм коренится в вере в Бога и даже в простой уверенности, что, когда каждый человек заботится о других, все добрые люди становятся сильнее.

Эта стойкость, внутренняя сила и человеческий дух остаются для меня чем-то удивительным и непостижимым. Я восхищаюсь ими и понимаю: окончательная победа все равно будет за нами. Даже если нам понадобится для этого тысяча лет, мы непременно победим. Враги не могут нас уничтожить, дядя Мазер. Они не могут уничтожить эту стойкость. Им не убить нашу внутреннюю силу.

Они не в состоянии убить человеческий дух.

Я вглядываюсь в лица мужчин и женщин, в лица детей, которые еще слишком малы для подобных испытаний, и в лица стариков, которым уже не по силам держать в руках оружие, и я знаю, что это именно так.

Элбрайн Виндон

ГЛАВА 10
СВЯТЕЙШЕЕ ИЗ МЕСТ

К полудню следующего дня окружающая местность стала более суровой, а дорога — более трудной для путешествия. Магистр Джоджонах неустанно подбадривал собратьев,

напоминая о том, какое благо принесло их вчерашнее вмешательство и сколько страданий оно предотвратило. Однако ночное сражение утомило всех монахов, и сил, чтобы применить магию для всесторонней разведки местности, не было. А сейчас такая магия была бы как нельзя кстати. Но отказаться от применения кварца ни брат Фрэнсис, ни магистр Джоджонах позволить себе не могли. Особенно в этих глухих и диких местах.

Привал устроили рано, еще до захода солнца. Магистр велел братьям как следует выспаться, чтобы назавтра быть бодрыми и внимательно следить за дорогой.

— Если бы мы не ввязались в дело, которое нас не касалось, сегодня мы могли бы ехать до глубокой ночи, — назидательным тоном произнес брат Фрэнсис, как всегда беря на себя роль недремлющего ока, следящего за Джоджонахом.

— Мне казалось, брат, что ты наряду со всеми радовался уничтожению вражеского полчища.

— Я не отрицаю того наслаждения, которое мне доставляет уничтожение врагов моего Господа, — ответил брат Фрэнсис.

Джоджонах удивленно вскинул брови, услышав столь высокопарные слова.

— Однако, — продолжил брат Фрэнсис, не дав грузному магистру раскрыть рта, — мне известны требования отца-настоятеля Маркворта.

— И это для тебя — главное?

— Да.

Магистр Джоджонах мысленно посетовал по поводу слепой веры ретивого брата, столь распространенной нынче в Абеликанском ордене. Но в этом была и его собственная вина; ведь он сам многие годы поддерживал такую веру. Наряду с другими магистрами и безупречными Санта-Мир-Абель магистр Джоджонах знал, что кораблю, нанятому для плавания к острову Пиманиникуит, по возвращении оттуда грозила неминуемая гибель. Он знал, что, едва выйдя из гавани Санта-Мир-Абель, корабль и все матросы будут уничтожены. Но вместе с остальными (исключением явился лишь Эвелин Десбрис) принял такой ужасный исход, как меньшее из двух зол, ибо монахи не могли отпустить живыми тех, кто узнал местоположение этого тропического острова. Знал Джоджонах и о том, что брату Пеллимару позволили умереть от нагноения раны, полученной им все на том же острове, хотя старшие монахи могли бы его спасти, применив силу магического камня и усердно поработав над его раной. Причина была проста: Пеллимар не умел держать язык за зубами, и кое-что порассказал об экспедиции. И вновь тогда смерть собрата показалась Джоджонаху меньшим из двух зол.

Эти воспоминания не позволяли сейчас Джоджонаху слишком уж сильно упрекать Фрэнсиса за его рвение.

— Вчерашней ночью мы спасли жизни многих людей. И здесь мне не о чем сожалеть. Наша миссия ничуть не пострадала, — сказал магистр.

— Просим прощения, магистр Джоджонах, — послышалось сзади.

Обернувшись, Джоджонах и Фрэнсис увидели, как к ним осторожно приближались трое молодых монахов, в числе которых был и брат Делман.

— Я обнаружил, что мы здесь не одни, — сказал брат Делман и, увидев, как мгновенно изменились лица старших братьев, быстро добавил: — Но это не гоблин и не великан. Какой-то человек, который следит за каждым нашим шагом.

Магистр Джоджонах откинулся назад. Его не столько интересовало неожиданное известие, сколько личность этого молодого монаха. В последнее время брат Делман изо всех сил старался быть полезным везде и во всем. Он трудился усерднее, чем любой из братьев. Джоджонаху нравилось выражение глаз брата Делмана и его идеалистические устремления. Все это свидетельствовало о его скрытых возможностях.

— Человек? — переспросил брат Фрэнсис, удивленный молчанием магистра. — Откуда? Посланник церкви? Гонец из Палмариса? Местный житель? — нетерпеливо допытывался он.

Фрэнсис тоже отмечал усердие брата Делмана, но не знал, что движет молодым

монахом.

— Так кто он и откуда? — не унимался Фрэнсис.

— Судя по всему, альпинадорец, — ответил брат Делман. — Сильный и рослый человек с длинными льняными волосами.

— Явно из той деревни, — сказал брат Фрэнсис, адресуя упрек магистру. — Похоже, вы рано обрадовались, магистр Джоджонах, — язвительно добавил он.

— Он — всего лишь человек, — возразил магистр. — Возможно, пытается выяснить, кто мы такие и почему спасли его деревню. Мы отошлем его обратно, и дело с концом.

— А если он лазутчик? — предположил брат Фрэнсис. — Шпион, посланный разузнать о наших уязвимых сторонах? Альпинадор никогда не был союзником Абеликанского ордена. Или я должен напомнить вам о трагедии в Фалдберроу?

— Не надо мне ничего напоминать, — сердито ответил Джоджонах.

Он прекрасно понимал, куда клонит брат Фрэнсис. Когда-то монастырь Сент-Прешес направил своих миссионеров в Фалдберроу — альпинадорское селение, более крупное, чем то, которое они видели вчера. Почти год все шло хорошо, но затем абеликанские миссионеры навлекли на себя гнев туземцев. Вероятно, какие-то слова или поступки монахов северяне расценили как оскорбление их божества. После этого миссионеры бесследно исчезли. Сент-Прешес обратился за помощью к собратьям из Санта-Мир-Абель. С помощью магических камней удалось обнаружить души пропавших. Оказалось, что миссионеры были зверски убиты.

Но эта трагедия случилась почти сто лет назад. К тому же отправка миссионеров в земли язычников всегда была делом опасным.

— Давайте-ка побыстрее избавимся от этого шпиона, — произнес брат Фрэнсис, поднимаясь на ноги. — Сейчас я…

— Сейчас ты ничего не сделаешь, — перебил его Джоджонах.

Брат Фрэнсис отпрянул, словно ему дали пощечину.

— Странно, что перед вчерашним сражением мне не удалось связаться с отцом-настоятелем, — многозначительно проговорил он, с ехидной усмешкой поглядев на Джоджонаха. — А говорят, что для гематита расстояние значения не имеет.

— Возможно, ты не настолько сведущ и силен в магии камней, как тебе кажется, — сухо ответил магистр Джоджонах.

Но и он, и брат Фрэнсис прекрасно знали, в чем причина. У магистра Джоджонаха имелся небольшой, но мощный солнечный камень, обладающий противомагическими свойствами. Он-то и пресек попытку брата Фрэнсиса донести отцу-настоятелю о решении защищать альпинадорскую деревню от вторжения.

— Так что же нам делать с этой докучливой тенью? — требовательным тоном спросил Фрэнсис.

— И в самом деле, что? — только и мог ответить магистр Джоджонах.

— Он знает о нас, а потому представляет угрозу, — продолжал давить брат Фрэнсис. — Если он — шпион, а я полагаю, что именно так оно и есть, он наведет на наш след вражеские силы. Мы, разумеется, можем великодушно сохранить ему жизнь, особенно учитывая то, что платой за нашу щедрость будут жизни десятков других людей.

Фрэнсис умолк, и Джоджонаху показалось, что ретивый брат почти рад такому исходу дела, словно он уже успел убедить себя в необходимости сохранить незнакомцу жизнь.

Но в следующее мгновение магистр понял, что Фрэнсис верен себе.

— Даже если он и не шпион, — продолжал неистовый Фрэнсис, — он все равно опасен. Представьте, что его захватят поври. И вы думаете, он не разболтает про нас этим тварям в надежде на их милосердие?

Магистр Джоджонах взглянул на трех молодых монахов. Те стояли с недоумевающими лицами, не понимая истинной причины накалявшейся обстановки.

— Оставьте нас, — велел им магистр. — А ты, брат Делман, молодец. Продолжай работать с камнями, но сейчас воспользуйся магическим камнем, чтобы получше следить за

нашим незваным гостем.

— Незваным и нежелательным, — процедил сквозь зубы брат Фрэнсис, когда монахи отошли и поравнялись с идущим сюда Браумином Хердом.

— Не надо недооценивать этого альпинадорца, — заметил подошедший брат Браумин. — Если бы не магический камень, мы бы так и не узнали, что он следовал за нами по пятам. Даже сейчас он прячется всего лишь в полусотне ярдов от нашей стоянки.

— Шпионы прекрасно обучены подобным уловкам, — заявил брат Фрэнсис.

Джоджонах и Браумин поморщились.

— А ты что думаешь? — спросил магистр Браумина.

— Мне кажется, он из той деревни, — ответил безупречный, — хотя, в отличие от нашего брата, я не нахожу в этом ничего угрожающего.

— Наша миссия предельно важна, чтобы мы позволили себе потерять бдительность, — не сдавался Фрэнсис.

— Разумеется, — согласился магистр Джоджонах.

Он пристально поглядел на брата Браумина.

— Войди в этого человека, — распорядился он. — Убеди его покинуть нас, а если не удастся, примени силу, чтобы увести его тело как можно дальше отсюда. Пусть сознание вернется к нему где-нибудь в чаще Тимберленда, когда он будет утомлен и бессилен.

Брат Браумин поклонился и ушел. Ему не улыбалась перспектива совершить одержание, но он был рад, что брату Фрэнсису не удалось настоять на своем. Не для того он проделал столько миль, чтобы становиться убийцей человека.

Вначале брат Браумин направился к Делману и велел ему передать всем остальным, чтобы прекратили осмотр местности с помощью кварца. Самому брату Делману он велел прекратить работать с магическим камнем. Одержание и так было достаточно трудным делом, а присутствие рядом чьего-либо развоплощенного духа лишь усугубляло эту трудность. Затем Браумин удалился к себе в повозку и стал готовиться сам.

Андаканавар притаился в кустах. Он был уверен, что надежно спрятался и никто из находящихся поблизости монахов не обнаружит его. По крайней мере, не увидит. Элбрайну была знакома лишь магия эльфов, и он ничего не знал о силе и возможностях самоцветов.

Однако Андаканавар был очень чуток и восприимчив ко всему, что окружало его, и потому он ощутил чье-то неуловимое присутствие. Он почувствовал, что за ним следят.

Ощущение это значительно усилилось, когда дух брата Браумина направился прямо к Элбрайну и попытался проникнуть внутрь Андаканавара.

Андаканавар огляделся, обегая глазами каждую тень и выискивая хоть малейший намек на то место, где мог бы скрываться незнакомец. Элбрайн знал, что он здесь не один, и в то же время внешние чувства говорили об обратном. Если верить им, рядом не было никого.

Никого.

Но что-то вторгалось в него все сильнее и сильнее, и Элбрайн едва не закричал, невзирая на все свое самообладание. Это состояние удивило его, и он с ужасом заключил, что кто-то пытается силой овладеть им.

Андаканавару доводилось участвовать в собраниях всего народа эльфов, когда тол'алфар сливался в одно гармоничное целое. Но тогда ощущение было приятным; он испытывал блаженство, чувствовал общность мыслей и свою тесную связь с собравшимися. А сейчас…

Элбрайн вновь чуть не закричал, но сдержался, понимая, что именно этого и добивается его противник. Он ждет, когда Андаканавар закричит от страха и сдастся.

Элбрайн порылся в памяти, пытаясь вспомнить состояние, которое хотя бы отдаленно напоминало нынешнее. Он вспомнил песню, которую пели все эльфы. Тогда сотня голосов сливалась воедино, и дух каждого из поющих гармонично соединялся с духом общины. Но это…

Это было насилием.

Элбрайн припал к земле и тихо зарычал, начав обороняться единственным доступным

ему образом. Он окружил себя стеной бешеной ярости, красной стеной, препятствующей любым действиям противника. Андаканавар полностью владел своей волей. Он решил применить силу би'нелле дасада — танца меча, которым овладел за годы обучения в Кер'алфаре. Яростная решимость и предельная сосредоточенность воли помогли ему увидеть своего духовного противника и узнать, откуда исходила чужеродная воля. В мозгу Андаканавара возникло подобие карты, карты собственного разума, и он стал возводить заграждения на всех тропах, где только мог появиться враг.

Вскоре враг в образе воли брата Браумина ясно обозначился перед мысленным взором Андаканавара. Между ним и монахом вспыхнула битва. Теперь они сражались на равных и преимуществ внезапного нападения не было ни у кого. Брат Браумин, также обладавший сильной волей и привыкший обращаться с магическими камнями, сражался умело, однако Элбрайн оказался все-таки сильнее. Вскоре монах почувствовал, что силы его на исходе, и поспешил отступить.

Андаканавар не на шутку перепугался, столкнувшись с неведомой для него магией, но с присущим ему мужеством не упустил представившуюся возможность. Он ощутил туннель, след, оставленный удалившимся духом, и послал вдогонку свой собственный дух, свободно вылетевший из тела.

Вскоре Элбрайн увидел повозки монахов и затем очутился в одной из них. Там он воочию увидел своего противника — монаха примерно тридцати зим от роду. Тот сидел, скрестив ноги и находился в глубоком трансе.

Не мешкая, Андаканавар двинулся дальше по незримой тропе, последовав за духом прямо в тело монаха. Сражение возобновилось, но здесь Элбрайну приходилось труднее. Это поле битвы было более знакомо его противнику, однако Элбрайн не сдавался, сосредоточив всю свою волю. Лишь на мгновение у него мелькнула мысль: если он овладеет чужим телом, не окажется ли его собственное уязвимым для вторжения?

Элбрайн не знал ответа, и промедление едва не остановило битву. Однако затем, применив всю ту же яростную решимость, которая все эти годы помогала ему выстоять в любых переделках под суровым небом Альпинадора, он десятикратно усилил натиск и вторгся прямо в разум монаха. Андаканавар вытеснял его оттуда беспощадно, проникая во все уголки чужого сознания, во все чужие надежды и страхи.

Ощущение было не из приятных. Он оказался в чужом мире, и нынешнее состояние угнетало благородного Элбрайна. Несмотря на все рассуждения, которыми он пытался защитить свою душу, и все напоминания о долге перед соплеменниками, Андаканавар все же не мог полностью избавиться от чувства вины. Какими бы ни были причины, овладение чужим телом глубоко противоречило его понятиям о чести и справедливости.

Однако Андаканавар держался стойко и ощущал странный покой, исходящий от небольшого круглого серого камня, который держала рука монаха. Андаканавар понял: камень является проводником, тропою для духов. Пока камень находится у него, точнее, пока духовно и физически он обладает этим камнем, доступ в его тело для других закрыт. Привыкая к новому телу, Элбрайн подвинулся к задней стенке повозки и стал разглядывать стоянку монахов, внимательно вслушиваясь во все доносившиеся разговоры. Так он провел некоторое время, отвечая на приветствия обращавшихся к нему. Элбрайн с огромной благодарностью вспоминал эльфов, потрудившихся научить его языку людей Хонсе-Бира. Почувствовав себя увереннее, он решил покинуть повозку и пошел навстречу чужестранцам.

Андаканавару удалось без труда разобраться в том, какое положение занимал каждый из встречных. Было ясно, что у монахов оно зависело от возраста, а Элбрайн всегда легко умел определять возраст людей. По собственным впечатлениям и по уважительной манере, в какой обращались к нему, Андаканавар убедился, что тот, в теле которого он сейчас находился, занимает очень высокое положение.

— Магистр Джоджонах желает поговорить с вами, — произнес один из молодых монахов.

Вскоре другой монах передал ему те же слова, но Андаканавар, разумеется, и понятия

не имел о том, кто такой этот таинственный магистр Джоджонах. Поэтому Элбрайн продолжал бродить по месту стоянки, запоминая все сведения, какие слышал. Вскоре он сообразил, что занимаемое им тело движется в каком-то определенном направлении, ведомое духом хозяина. Этот дух не прекращал попыток вернуться назад, и, хотя Андаканавар отражал все его наскоки, он понимал, что слабеет и вряд ли сможет продержаться долго.

Он заметил человека, который был намного старше остальных монахов. Скорее всего, это и был магистр Джоджонах, желавший с ним говорить. Рядом с ним стоял другой монах почти одинакового возраста с тем, чей дух Элбрайн изгнал из тела. Лицо второго монаха было сердитым.

— Уже закончил? — спросил магистр Джоджонах, подходя к нему.

— Да, магистр Джоджонах, — почтительно ответил Андаканавар, надеясь, что его догадка и тон ответа верны.

— Значит, мы избавились от шпиона? — резко спросил второй монах.

Андаканавар едва удержался от сильного желания ударить этого надменного человека по лицу. Он смерил монаха долгим и пристальным взглядом, намеренно игнорируя вопрос в надежде узнать что-нибудь еще.

— Брат Браумин, — обратился к нему магистр Джоджонах. — Этот альпинадорец ушел?

— Что ты от меня хочешь? — сурово спросил Андаканавар, направляя свой гнев на более молодого монаха. Ему не составило труда понять, что этот гордец и тот, в чьем теле он находился, не особо ладили между собой.

— То, что хочу от тебя я, не имеет значения, — ответил брат Фрэнсис, бросив предательский взгляд на магистра.

— Поскольку у тебя не было времени, чтобы увести альпинадорца подальше отсюда, я полагаю, ты умел достаточно убедительно внушить ему, что он должен удалиться, — спокойно произнес Джоджонах.

— Возможно, нам стоило бы позвать его сюда, — осмелился ответить Андаканавар. — Он уж наверняка хорошо знает здешние места и мог бы служить нам проводником.

Говоря эти слова, Элбрайн не спускал глаз с брата Фрэнсиса и понял, как в том нарастает подозрение. Лицо Фрэнсиса выражало неописуемое удивление, и даже ужас.

— Я думал о такой возможности, — признался магистр Джоджонах. — Однако мы должны подчиняться распоряжению отца-настоятеля.

Брат Фрэнсис хмыкнул.

— Если бы мы позвали его сюда, он стал бы задавать вопросы, — продолжал магистр Джоджонах, совершенно не обращая на него внимания, из чего Андаканавар заключил, что старый монах привык к выходкам молодого.

— Да, вопросы, на которые мы не имеем права отвечать, — повторил Джоджонах. — Будет лучше, если мы побыстрее проедем через Альпинадор, не привлекая внимания северян. Незачем бередить старые раны; это не нужно ни нашей церкви, ни туземцам.

Андаканавар не стал продолжать разговор, хотя был рад узнать, что миссия этих непростых монахов никоим образом не угрожала Альпинадору.

— Ступай и проследи за нашим любопытствующим другом, — распорядился магистр Джоджонах. — Убедись, что он последовал твоим внушениям.

— Я займусь этим, — вмешался брат Фрэнсис.

Элбрайн благоразумно сдержал свой первый порыв, иначе его ответ получился бы слишком резким, настойчивым и даже безрассудным. У него не было желания воевать сегодня еще с одним духом.

— Я в состоянии завершить возложенное на меня задание, магистр, — сказал он, обращаясь к брату Фрэнсису.

Ошеломленный вид этого монаха красноречиво показывал, что Элбрайн допустил промах. Только сейчас он сообразил, что старый монах был единственным, кто имел такое звание. Гнев брата Фрэнсиса сменился подозрительностью. Сузив глаза, он внимательно

разглядывал Элбрайна, пребывавшего в чужом теле. Андаканавар попытался спасти положение, быстро повернувшись к старому монаху, являвшемуся настоящим магистром, но лицо Джоджонаха также выражало сомнение.

— Брат, прошу тебя, отдай мне камень, — сказал магистр Джоджонах.

Андаканавар колебался, обдумывая возможные последствия. Сможет ли он без камня вернуться в свое тело? Не собирается ли магистр с помощью камня раскрыть обман?

Дух брата Браумина, словно почувствовав внезапное замешательство Элбрайна, воспользовался им, чтобы вновь ринуться в атаку.

Элбрайн понимал: пора уходить.

У брата Браумина задергались глаза и стали подкашиваться ноги. Магистр Джоджонах и брат Фрэнсис бросились, чтобы подхватить его падающее тело. Брат Фрэнсис немедленно вытащил из его руки гематит.

Однако дух Андаканавара без труда нашел свое тело и вошел в него. Почти сразу же Элбрайн вскочил на ноги, хотя плохо представлял, где сможет укрыться от магии камней.

Брат Браумин постепенно приходил в себя. Обхватив руками колени, он пытался успокоить дыхание.

— Что произошло? — спросил магистр Джоджонах.

— Почему ты не мог совладать с неподготовленным варваром? — набросился на него брат Фрэнсис, но свирепый взгляд магистра заставил его умолкнуть.

— Он сильный, — глотая воздух, ответил брат Браумин. — Этот человек, этот альпинадорец обладает силой воли и быстротой мысли.

— А что тебе еще остается говорить? — сухо произнес Фрэнсис.

— Иди и попробуй сам поохотиться за ним с камнем, — огрызнулся брат Браумин. — Может, хоть немного научишься смирению.

— Довольно пререканий! — требовательно произнес магистр. Увидев, что к ним направляются другие монахи, он понизил голос: — Что ты сумел узнать? — спросил он Браумина.

Тот пожал плечами:

— Боюсь, что вышло наоборот: это он узнал от меня.

— Замечательно, — саркастически заметил брат Фрэнсис.

— И что же он узнал? — допытывался магистр Джоджонах.

Брат Браумин вновь пожал плечами.

— Готовимся в путь, — велел магистр Джоджонах. — Надо отъехать как можно дальше от этого места.

— Я найду шпиона, — вызвался брат Фрэнсис.

— Мы вместе будем искать его, — поправил ретивого брата Джоджонах. — Если этот человек сумел одолеть брата Браумина, не тешь себя иллюзиями, что он тебе по силам.

Брат Фрэнсис вспыхнул, пытаясь найти ответ. Он повернулся, словно собираясь уйти.

— Так ты будешь участвовать в поисках? — резко спросил его магистр Джоджонах.

— Я не вижу в этом необходимости, — раздался звучный голос.

Все как один монахи обернулись и увидели рослого альпинадорца, уверенно шагавшего к ним. Он спокойно миновал кольцо повозок и едва взглянул на монахов, охранявших стоянку.

— Я более не настроен вести сегодня духовные битвы. Давайте говорить прямо и открыто, как люди.

Магистр Джоджонах и брат Фрэнсис обменялись недоверчивыми взглядами. Когда же они повернулись к брату Браумину, единственному, кому довелось по-настоящему вступить в контакт с Элбрайном, они обнаружили, что тот вовсе не удивлен. Но и особой радости он тоже не выказывал.

— А он — человек чести, — довольно уверенно сказал магистр. — Ты согласен?

Брат Браумин был слишком поглощен, чтобы отвечать. Он и Андаканавар не сводили глаз друг с друга, и у каждого во взгляде светилась почти неприкрытая ненависть. Их

сражение было недоступно внешнему зрению; то было сражение душ, погруженных в ненависть. Андаканавар ненавидел монаха за то, что тот пытался силой войти в его тело. Брат Браумин ненавидел Элбрайна, поскольку тот оказался сильнее и сумел проникнуть в потаенные уголки его сознания, отчего монах испытывал неподдельный стыд.

Так они стояли и глядели друг на друга, а собравшиеся глядели на них. Даже брат Фрэнсис не делал попыток вмешаться, признавая необходимость этого противостояния.

Затем брат Браумин преодолел свой гнев, напомнив себе, что этот человек всего лишь защищался. Постепенно черты лица монаха смягчились.

— Моя попытка убедить тебя представлялась мне более безопасным способом, — в качестве извинения произнес он. — И прежде всего — для тебя.

— А мне кажется, что толпа великанов менее опасна, чем то, что ты попытался сделать со мною, — ответил Андаканавар.

Но и он тоже слегка кивнул в знак примирения и обратился к магистру:

— Мое имя — Андаканавар, — сказал он. — Моя земля — у вас под ногами. У меня множество титулов, но для вас будет достаточно помнить, что я — хранитель Альпинадора.

— Высокий титул, — заметил брат Фрэнсис.

Элбрайн пропустил его слова мимо ушей. Андаканавара удивило, что к тому монаху, который попытался завладеть его телом, он испытывал больше симпатии и даже определенное уважение. А к этому…

— Я — не шпион, и в моих действиях нет ничего угрожающего. Я шел вслед за вами от самой долины, ибо я видел вашу силу и не мог позволить вам беспрепятственно передвигаться по моей земле. Ваша сила, какую я видел в долине, могла бы принести огромные бедствия моему народу.

— Мы не являемся врагами Альпинадора, — ответил магистр Джоджонах.

— Я убедился в этом, — сказал Андаканавар. — Поэтому я пришел к вам открыто, как друг и, быть может, союзник, не держа в руках оружия.

— Мы не просили о помощи, — ледяным тоном отчеканил брат Фрэнсис, заработав очередной свирепый взгляд магистра Джоджонаха.

— Я — магистр Джоджонах из монастыря Санта-Мир-Абель, — быстро произнес магистр, чтобы не дать бестактному Фрэнсису вмешаться снова.

— Твоя родина мне известна. Величественная крепость, если верить сказаниям, — сказал Элбрайн.

— Сказания не лгут, — угрожающим тоном произнес брат Фрэнсис. — И каждый из нас прекрасно владеет воинскими искусствами.

— Ты сказал, — согласился Элбрайн, вновь оборачиваясь к магистру Джоджонаху, который казался ему куда более рассудительным человеком.

— Ты знаешь, что я находился среди вас, войдя в его тело, — объяснил он магистру. — И таким образом я узнал, что вы намереваетесь пересечь мою страну. Думаю, здесь вам могла бы пригодиться моя помощь. Никто не знает эти земли лучше Андаканавара.

— Смиренного Андаканавара? — кольнул его брат Фрэнсис. — В числе твоих титулов значится такой?

— Знаешь ли, мне начинают надоедать твои оскорбления, — сказал ему Элбрайн. — Советую попридержать язык, иначе твоим губкам придется очень больно.

Гордость не позволила Фрэнсису снести такую угрозу. Он решительно двинулся прямо на Элбрайна.

Ответный выпад Андаканавара произошел столь быстро, что никто из монахов не успел и вскрикнуть. Элбрайн достал из-за пояса небольшой боевой топор, наклонился и метнул его низом. Топор вращаясь пролетел прямо между ног ошеломленного брата Фрэнсиса, затем взмыл вверх, пролетел еще не менее двадцати футов и врезался в дощатый бок повозки.

Все монахи, словно завороженные, повернули головы туда, где застрял топор, затем вновь перевели глаза на Андаканавара. По их лицам чувствовалось, что они испытывают глубокое уважение к Элбрайну.

— Я бы мог пустить топор чуть повыше, — подмигнув, сказал Элбрайн, — и тогда бы твой голос звучал чуть пронзительнее.

Хорошо, что брат Фрэнсис сумел удержать дрожь, вызванную яростью и страхом. Однако лицо его побелело, и это выдавало его истинное состояние.

— Отойди-ка прочь, брат Фрэнсис, — без обиняков велел ему Джоджонах.

Фрэнсис покосился на старого монаха, затем злым взглядом ответил на лукавую усмешку Андаканавара. После этого он двинулся прочь, делая вид, будто едва сдерживает свой гнев, хотя все прекрасно знали, что он рад вмешательству магистра Джоджонаха.

— Как видите, я тоже немного владею тем, что вы называете воинскими искусствами. Однако я предпочитаю использовать их против поври, великанов и прочей нечисти. Ваша церковь и мой народ никогда не были друзьями, и я не вижу смысла менять такое положение вещей сейчас. Однако если поври — ваши враги, тогда имя Андаканавара будет в числе ваших союзников. Если вам нужна моя помощь, то знайте, что я помогу вам проехать по моей земле самым быстрым и безопасным путем. А если не нужна, скажите прямо, и я уйду.

Здесь Андаканавар озорно взглянул на брата Браумина, усмехнулся и закончил:

— И знайте, что я могу сам, без вашей помощи, уйти очень и очень далеко.

Брат Браумин густо покраснел.

Магистр Джоджонах посмотрел на двух своих помощников. Как и следовало ожидать, каждый из них беззвучно взывал к нему, и мнения их полностью расходились. Затем он вновь повернулся к чужестранцу, зная, что окончательное решение придется принимать самому.

— Я не волен рассказывать тебе о цели нашего путешествия, — объяснил он.

— А кто об этом спрашивает? — усмехнулся Андаканавар. — Вы намерены ехать в северо-западном направлении, а затем покинуть пределы страны. Если вы собираетесь придерживаться этого направления, могу показать вам самый быстрый и легкий путь.

— А если мы не собираемся придерживаться этого направления? — вмешался брат Фрэнсис.

Он бросил на магистра Джоджонаха сердитый взгляд, красноречиво свидетельствующий о том, как сам Фрэнсис относится к Элбрайну и его предложениям.

— Нет, очень даже собираетесь, — ответил Элбрайн, спокойно выдерживая молнии, которые метали глаза брата Фрэнсиса. По моим предположениям, вы направляетесь в Барбакан, точнее, к горе Аиде.

Сказалась долголетняя монастырская выучка, и никто из троих старших монахов ни единым намеком не отреагировал на прямолинейность догадки Элбрайна. Однако Андаканавару было достаточно взглянуть на раскрытые рты молодых братьев, чтобы понять правильность своих подозрений.

— Это — единственное твое предположение? — спокойно спросил магистр Джоджонах, допуская, что Элбрайн смог узнать об этом, когда находился в теле брата Браумина.

Старый монах понял, что альпинадорец намного опаснее, чем он думал. Ему стало страшно при мысли, что, возможно, он должен был бы позволить брату Фрэнсису действовать по-своему и убить этого благородного человека.

— И потом, это — всего лишь твое предположение, — произнес Джоджонах.

— Мое умозаключение, — пояснил Андаканавар. — Если вы собираетесь наносить удары по тылам всех этих тварей, которые нападают на ваши земли, то зачем тогда вы так далеко заехали на северо-восток? Вам еще до границ Альпинадора надо было бы повернуть на запад. Трудно представить, чтобы с вашей магией вы могли так грубо ошибиться в направлении. Посему мне ясно: вы едете в Барбакан. Вы хотите разузнать о тамошнем взрыве и об огромном облаке серого дыма, которое больше недели заслоняло солнце. Пепел от него остался и на моей земле.

Опасения Джоджонаха уступили место любопытству.

— Так значит, там действительно произошел взрыв? — напрямую спросил он, невзирая

на страх дать чужестранцу излишние сведения.

Стоявший рядом брат Фрэнсис едва не задохнулся от злости.

— Да, величайший взрыв, какой знавал мир с того времени, как я в нем пребываю, — подтвердил Элбрайн. — Земля дрожала у меня под ногами, хотя я находился за сотни миль от Барбакана. От взрыва горы в небо поднялись целые тучи обломков.

Магистр Джоджонах переварил услышанное и обнаружил, что попал в крайне затруднительное положение. Распоряжения отца-настоятеля Маркворта на этот счет были достаточно ясными, однако в глубине сердца Джоджонах знал, что альпинадорец не является врагом и действительно может оказаться им очень полезен. Магистр обвел взглядом своих собратьев (к этому времени вокруг них собрались все монахи) и под конец остановил его на брате Фрэнсисе. От него всегда можно было ждать каких-нибудь выходок.

— Я заглянул к нему в сердце, — после долгого и тягостного молчания произнес брат Браумин.

— В основном потому, что мне это пришлось по вкусу, — сухо заметил Элбрайн.

— И мне тоже, — ответил монах, слабо улыбнувшись.

Брат Браумин вновь повернулся к Джоджонаху и, отбрасывая остатки своей неприязни к альпинадорцу (он понимал всю абсурдность их стычки), сказал:

— Пусть он проведет нас через Альпинадор.

— Он слишком много знает! — возразил брат Фрэнсис.

— Больше, чем мы сами? — парировал удар брат Браумин.

— Отец-настоятель… — угрожающе начал Фрэнсис, но Браумин быстро перебил его:

— Отец-настоятель не мог предвидеть такого. Этот альпинадорец — добрый человек, могущественный союзник, и он знает путь. Путь, с которого нам самим легко сбиться среди здешних гор и долин, — эти слова брат Браумин произнес намеренно громко, чтобы все слышали. — Один неверный поворот среди этих гор может погубить нашу миссию или стоить нам недели блужданий.

Брат Фрэнсис начал возражать, но магистр Джоджонах жестом показал, что сыт по горло его возражениями. Ощущая груз своих лет, магистр потер лицо руками, потом взглянул на своих собратьев и на Элбрайна.

— Раздели с нами трапезу, Андаканавар из Альпинадора, — предложил он. — Я не стану говорить о цели нашего путешествия, но скажу, что мы действительно должны пересечь твои земли в северо-западном направлении, и как можно быстрее.

— Неделя, если ехать без задержек, — сказал Элбрайн.

Магистр Джоджонах кивнул, зная, что с помощью магии этот срок удастся сократить более чем наполовину.

К полудню следующего дня у магистра Джоджонаха не осталось никаких сомнений в том, что они поступили благоразумно, позволив альпинадорцу быть проводником каравана. Дорога оставалась тяжелой. Западный Альпинадор был суровым краем, страной оставленных ледником валунов и испещренных зазубринами гор. Однако Элбрайн прекрасно знал эти места. Ему была знакома каждая тропа и все препятствия на ней. Хорошо отдохнувшие монахи помогали движению, используя силу камней. Малахит, имеющий левитационные свойства, облегчал вес повозок. Удары молний расчищали дорогу от завалов. А чтобы восполнять силы лошадей, монахи все так же приводили диких животных.

Андаканавар не сразу разобрался, в чем здесь дело. Поначалу его заинтересовал столь необычный способ, и он решил, что так монахи заманивают добычу. Однако когда они бросили на дороге пару оленей, умирающих от изможденья, Элбрайн удивился и не на шутку встревожился. Он направился к животным и внимательно их оглядел.

— И как это у вас называется? — спросил он брата Браумина, который по распоряжению магистра Джоджонаха пошел вслед за любопытным альпинадорцем.

— Мы используем жизненную силу диких животных, — честно признался монах. — Она восполняет силу наших лошадей.

— И потом вы оставляете зверей умирать?

Брат Браумин беспомощно пожал плечами.

— А что еще нам остается делать?

Элбрайн глубоко вздохнул, изо всех сил стараясь подавить гнев. Он достал из висевших на поясе ножен длинный нож с толстым лезвием и уверенными движениями твердой руки убил обоих оленей. Затем он опустился на колени и помолился за их души.

— Возьми-ка вон этого, — велел он брату Браумину.

Сам он подхватил за ноги более крупного оленя и взвалил себе на плечо.

Вскоре они догнали неспешно катившиеся повозки. Андаканавар сбросил тушу на виду у всех. Магистр велел остановиться и вылез из своей повозки.

— Вы что же, забираете у них жизненную силу, а их самих бросаете умирать? — с упреком спросил он.

— Печальная необходимость, — развел руками Джоджонах.

— Не такая уж необходимость, — ответил Элбрайн. — Если уж вам приходится их убивать, так возьмите от каждого из них все, что возможно, иначе вы обидите зверей.

— Мы же не охотники, — ответил магистр Джоджонах.

Он недовольно покосился на брата Фрэнсиса: сейчас опять влезет со своими речами.

— Я покажу вам, как снимать с них шкуру и выделывать кожу, — предложил Андаканавар.

— У нас нет на это времени! — запротестовал брат Фрэнсис.

Магистр Джоджонах закусил губу, не зная, как продолжить этот разговор. Ему хотелось отчитать Фрэнсиса — они не могли лишиться столь ценного проводника.

— Либо вы найдете время, либо вы больше не убьете ни одного из моих зверей, — объявил Элбрайн.

— А почему это твои звери? — недоверчиво спросил брат Фрэнсис.

— Я уже говорил вам, что вы находитесь на моей земле, — сказал Элбрайн. — И звери тоже находятся под моей защитой.

Он вплотную подошел к Джоджонаху.

— Я не стану мешать вам охотиться, ибо и сам тоже охочусь. Но если вы забираете у зверя жизненную силу, то не должны бросать его подыхать на дороге. По всем представлениям о совести это оскорбительно и жестоко.

— Надо же, варвар читает нам проповедь о жестокости, — высокомерно процедил брат Фрэнсис.

— Если нуждаешься в уроке, не имеет значения, кто и где преподаст его тебе, — парировал Андаканавар.

— Нам не нужны ни мясо, ни шкуры, — стал объяснять магистр Джоджонах. — А вот жизненные силы для наших лошадей — это все. Если они не смогут довезти нас до места и привезти обратно, мы погибли.

— Но почему вам надо выжимать из зверей все соки и лишать их жизни?

— А как узнать, когда остановиться?

— Я могу сказать это твоим людям.

Магистр Джоджонах широко улыбнулся. Ему всегда претило убийство невинных животных.

— Андаканавар, друг мой, если ты сможешь показать нам, как можно черпать столь необходимые для успеха нашего дела жизненные силы и при этом не уморить ни одно животное, я буду навеки тебе признателен.

— Для этого понадобится больше оленей, — ответил Элбрайн. — Что касается убитых сегодня, могу сказать, что у вас будет обильный ужин. Да и шкуры вам пригодятся, когда вы окажетесь в более северных краях, где даже в разгар лета ночной ветер пробирает до костей.

Андаканавар показал монахам, как надо снимать шкуру и разделывать тушу. Вскоре караван вновь двинулся в путь. Через какое-то время опять сделали остановку, и монахи привели очередных оленей. Но теперь Андаканавар внимательно следил за каждым

животным и при первых признаках изможденияя велел прекращать выкачивание жизненных сил. Потом утомленных, но вполне живых оленей отпускали обратно в лес.

С новым порядком не желал согласиться один лишь брат Фрэнсис. Но, как показалось магистру Джоджонаху и брату Браумину, даже чванливый Фрэнсис в глубине души был доволен, что бессмысленные убийства прекратились.

— Замечательная уловка, если все делать правильно, — сказал Андаканавар магистру Джоджонаху, когда они вновь были в пути. — Но еще лучше, если бы вам удалось заарканить одного или двух лосей. Вот тогда бы ваши лошади полетели!

— Лосей?

— Это такие большие олени, — слегка улыбнувшись, пояснил Элбрайн.

— Мы уже приводили несколько больших… — начал было магистр Джоджонах, но Андаканавар перебил его.

— Еще больше, — сказал Элбрайн, спрыгнул с повозки и скрылся в лесу.

— Какой проворный старик, — заметил брат Браумин.

Не прошло и часа, как Андаканавар вернулся.

— Скажите вашим братьям, которые умеют гулять в духе, чтобы посмотрели вон там, — сказал он, указывая на лощину к западу от дороги. — Пусть поищут большого бурого зверя с развесистыми рогами шириной в человеческий рост.

Джоджонах и Браумин недоверчиво переглянулись.

— Просто прикажите им это сделать, — упорствовал Андаканавар, — и тогда вы увидите, что я не лгу.

Вскоре, когда на тропе показался здоровенный лось-самец, усмиренный силой магических камней, оба монаха мысленно попросили прощения за свои сомнения.

И действительно, с какой резвостью понеслись лошади, оставив на обочине утомленного лося!

Караван двигался весь день, проделав долгий и нелегкий путь. Ближе к ночи, на стоянке, монахи собрались у костра послушать северные сказания. Природный юмор Андаканавара и яркие повествования завоевали сердца всех слушателей, включая и брата Фрэнсиса, который даже не удосужился исполнить свою угрозу пожаловаться отцу-настоятелю.

На четвертый день Элбрайн объявил, что на ближайшей стоянке покинет их, и это известие опечалило всех.

— Не унывайте, — сказал Андаканавар. — Я покажу вам дорогу в Барба…

Он не договорил и усмехнулся.

— Если, конечно, вы направляетесь туда, — лукаво добавил он.

— Подтвердить этого я не могу, — тут же ответил магистр Джоджонах и тоже улыбнулся.

Он проникся полным доверием к Андаканавару. Он заглянул Элбрайну в сердце и убедился, что тот живет по принципам своей веры. Разумеется, этот могучий человек знал, куда направляются монахи. Куда еще можно направляться, заехав в такую глушь?

— Дорога прямая и надежная, — продолжал Элбрайн, — и, если на вашем пути не попадется ни поври, ни великанов, вы доберетесь туда, куда вам надо, и довольно скоро.

— По моим картам цель нашего путешествия отстоит на многие мили от западной границы Альпинадора, — сообщил брат Фрэнсис. Теперь он говорил с Элбрайном более уважительно. — Боюсь, нам придется еще долго ехать.

Андаканавар махнул рукой, и брат Фрэнсис развернул пергамент с картой мест, о которых шла речь. Разглядывая ее, Элбрайн даже приподнял брови — настолько подробной и точной оказалась монашеская карта.

— Ваши карты все верно показывают, — согласился Андаканавар. — Но мы миновали западную границу Альпинадора еще позавчера, прежде чем остановились на ночь. Так что мужайтесь, друзья мои, вы почти у цели! Мне бы тоже пришлось мужаться, если бы я отправлялся туда, где, как говорят, гнездится демон.

Элбрайн надкусил свой палец и кровью начертил на карте дорогу в Барбакан, пометив крестиком место, где они сейчас находились.

Возвратив карту Фрэнсису и отвесив прощальный поклон, Андаканавар со смехом побежал и скрылся в кустах.

— Если бы не его рост, я бы подумал, что он — эльф, — сказал брат Браумин. — Если, конечно, эльфы действительно существуют.

Последние пояснения Андаканавара утешили опечаленных монахов, лишившихся такого замечательного проводника. Братья вновь поужинали вкусным оленьим мясом, помолились на ночь и крепко уснули. Однако сон был недолгим; еще до восхода солнца караван двинулся дальше.

Они продолжали ехать по пересеченной местности. Гор стало меньше, зато по обе стороны тянулся густой лес. Ориентируясь по линии, которую Элбрайн начертил своей кровью на карте, монахи вскоре выехали на широкую дорогу. Повозки остановились, и Джоджонах с помощниками вышли, чтобы осмотреть окрестности.

— Дорогу проделала армия всех этих чудищ, когда они двигались на юг, — высказал предположение магистр Джоджонах.

— В таком случае, двигаясь по ней вглубь, мы дойдем до места, откуда выходила эта армия, — сказал брат Браумин.

— Опасный путь, — заметил брат Фрэнсис, оглядываясь по сторонам. — Мы видны как на ладони.

— Зато, вне всякого сомнения, быстрый, — возразил брат Браумин.

Магистр Джоджонах не стал особо долго размышлять над этим. Больше всего его изумляло, с какой точностью Андаканавар вывел их на эту дорогу.

— Пусть разведчики как следует просмотрят местность, — распорядился он. — Ровная дорога будет приятной переменой и для лошадей, и для повозок.

Брат Фрэнсис велел взять все кварцы и гематиты, которые у них были, и потребовал от монахов произвести самую тщательную проверку близлежащих и дальних мест. Он опасался, как бы караван не натолкнулся прямо на вражеский лагерь.

Прошло два дня, но им по-прежнему не встретился ни один поври или великан, хотя караван проделал более сотни миль. Впереди высились горы, кольцом окружавшие Барбакан. Монахи опасались, что вскоре повозкам придется преодолевать горные кручи.

Но дорога ничуть не изменилась. Она дошла до подножья гор, откуда начинался широкий горный перевал. Останавливаться на ночлег здесь было жутковато, но, как и раньше, никаких вражеских нападений не последовало. Разведчики, просматривая местность с помощью кварца, почти не обнаружили в округе ни зверей, ни птиц. Земли выглядели мертвыми, и зловещая тишина лишь усугубляла это ощущение. На следующий день, ближе к полудню, монахи увидели, что горы заканчиваются. Впереди маячил лишь один уступ, преграждавший путь. Магистр Джоджонах велел остановиться и жестом велел Браумину и Фрэнсису присоединиться к нему.

— Нам стоит отправить туда наш дух, — сказал брат Фрэнсис.

Предложение было разумное и здравое, но магистр Джоджонах отрицательно покачал головой. Он чувствовал: там, впереди, находится что-то очень важное, которое нужно увидеть не только духом, но также душой и телесными глазами. Магистр подозвал Браумина и Фрэнсиса к себе, велев присоединиться и остальным безупречным, потом стал подниматься вверх по уступу.

Вслед за старшими, держась чуть поодаль, вверх потянулись и молодые монахи.

Когда магистр Джоджонах перелез через последнюю скалу, его взору открылась обширная долина — сердце Барбакана. Зрелище наполнило его душу одновременно возвышенными и тягостными чувствами. Монахи разбрелись по сторонам. Они едва замечали друг друга, ошеломленные увиденным. Долина являла собой место чудовищной катастрофы, разрушившей едва ли не все вокруг. Там, где когда-то стоял лес, среди холмов серого пепла чернели обгорелые стволы. Все в этой долине имело сероватый оттенок и было

лишено жизни. Воздух наполняли тяжелые сернистые испарения. Монахам казалось, что именно так должен выглядеть конец света, или место, которое их церковь называла адом. Сильнее всех были потрясены молодые монахи. У нескольких даже вырвались возгласы отчаяния.

Но затем отчаяние уступило место принятию случившегося, и в головах братьев начали появляться совсем другие, более обнадеживающие мысли. Разве могло что-либо уцелеть в этом аду? Возможно, их предположения и надежды относительно «обезглавленной» вражеской армии оправдались. Если демон-дракон, считавший Барбакан своим домом, действительно находился здесь в момент взрыва, он, несомненно, погиб.

Даже брат Фрэнсис был настолько ошеломлен увиденным, что в течение долгого времени не мог произнести ни слова. Наконец, совладав с собой, он подошел к магистру Джоджонаху.

— Можем ли мы считать увиденное достаточным доказательством того, что демон-дракон уничтожен? — спросил магистр.

Фрэнсис устремил взгляд на покрытую пеплом долину. Определить место взрыва было нетрудно: посреди серого поля стояла одинокая гора со срезанной вершиной. Над нею по-прежнему вилась тонкая струйка дыма.

— Я не верю, что это было природным явлением, — сказал Фрэнсис.

— Здесь когда-то были вулканы, — возразил магистр Джоджонах.

— И что же, они пробудились в заданное время? — недоверчиво спросил брат Фрэнсис. — Разумно ли полагать, что какой-то вулкан начал извергаться именно тогда, когда требовалось, и именно в том месте, где находилось это чудовище?

— Ты сомневаешься в божественном вмешательстве? — вопросом на вопрос ответил магистр.

Голос его звучал серьезно, но самого Джоджонаха тоже одолевали сильные сомнения. В их ордене были фанатики, которым казалось, будто десница Божья способна покарать противников церкви везде и всегда. Джоджонах слышал, как во время недавней осады Санта-Мир-Абель один монах, стоя на прибрежной стене, непрестанно призывал Бога прийти на помощь и обрушить на наступавших свою карающую десницу. Магистр Джоджонах тоже верил в силу Бога, но считал ее аналогичной силе добра. Он верил, что любая крупная битва непременно окончится победой добра, ибо оно по своей природе сильнее зла. Джоджонах полагал, что и Фрэнсис обладает схожими воззрениями. Несмотря на прочие недостатки, он был мыслящим человеком, хотя немного рационалистом, постоянно поверяющим веру логикой.

Фрэнсис хитро поглядывал на магистра.

— Бог был на нашей стороне. В наших сердцах, в силе, направляющей наше оружие, и конечно же в магии, сокрушающей наших врагов. Но это… — он указал кивком на долину и выразительно развел руками, — это, быть может, и было деянием Божьим, но исполненным рукой благочестивого человека. Или же — следствием злоупотребления земной магией, к которой прибегал демон-дракон.

— Скорее последнее, — ответил магистр Джоджонах, хотя его упования были совсем иными. Он надеялся, что здесь не обошлось без участия брата Эвелина.

Подошедший брат Браумин услышал последние слова, заставившие его внимательно поглядеть на брата Фрэнсиса. Его искренне удивил ответ этого ретивого монаха. Затем Браумин, не переставая изумляться, взглянул на магистра Джоджонаха. Его наставник лишь улыбнулся и кивнул, сам будучи не особо удивлен. Магистр Джоджонах вдруг обнаружил, что брат Фрэнсис не настолько безнадежен, как ему казалось, и кое-что в нем даже понравилось старому монаху. Он помолчал еще немного, обдумывая, возможно ли направить брата Фрэнсиса по новому пути.

— Что бы здесь ни случилось, это исходило из той горы, — рассудил брат Фрэнсис. — Аида, так ее называют.

Эти слова вызвали любопытные взгляды его спутников.

— Именно так назвал ее альпинадорец, — продолжал Фрэнсис. — И то же имя встречается на многих старых картах, которые я изучал. Аида, одиноко стоящая гора в центре кольца, логово демона.

— Нелегко будет туда добраться, — сказал брат Браумин.

— А можно ли было ожидать чего-то иного? — со смехом спросил брат Фрэнсис.

И вновь его спутникам оставалось лишь переглянуться и пожать плечами. Им показалось, что взрыв не только избавил мир от демона-дракона, но, быть может, заодно избавил и брата Фрэнсиса от нескольких его внутренних демонов.

Что ж, пусть будет так, подумали они, принимая доброе расположение духа брата Фрэнсиса как благодать. Оставалось лишь надеяться, что оно сохранится и впредь.

Вопреки опасениям путешествие по засыпанному пеплом полю оказалось нетрудным. Ветер, наметая холмы пепла в одних местах, полностью сдувал его с других.

Уже вблизи самой горы возница первой повозки сделал ужасающее открытие. На его крик сбежались монахи и увидели несколько тел, торчащих из пепла по обочинам змеящейся тропы.

— Поври, — заключил брат Браумин, подойдя и оглядев трупы. — И один гоблин.

— А там… там, похоже, великан, — сказал другой монах, указывая туда, где над грудой пепла возвышалась огромная нога.

— Значит, наши враги были здесь, — отметил магистр Джоджонах.

— Были, — повторил брат Фрэнсис, делая упор на этом слове.

Доехав до самого подножья разрушенной горы, караван остановился, образовав круг из повозок. Магистр Джоджонах распорядился, чтобы половина братьев занялась устройством стоянки, а другая половина тщательно осмотрела окрестности, сосредоточившись, прежде всего, на поисках какого-либо входа внутрь горы или тропы, позволяющей подняться наверх. Уже вечером, взяв факелы и один бриллиант, несколько монахов отправились к извилистой пещере, ведущей в недра Аиды. Менее чем через час они возвратились назад, сообщив, что проход завален крупным обломком скалы.

— Несомненно, до взрыва этот проход был намного длиннее, — сообщил магистру Джоджонаху брат Делман.

— Будем надеяться, что не все проходы столь сильно завалены, — ответил магистр, стараясь предать своему голосу бодрый и уверенный тон. Однако, глядя на развороченную взрывом Аиду, ему пришлось умерить свой оптимизм.

Брат Делман повел монахов в другой проход, а когда и тот внезапно оборвался, он без колебаний направился в третий.

— У него хорошие задатки, — сказал Джоджонаху брат Браумин, когда Делман отправился на разведку в третий раз.

— У него есть сердце, — согласился Джоджонах.

— И вера, — добавил брат Браумин. — Сильная вера, иначе он не стал бы браться за порученное дело с такой решимостью.

— Неужели кто-то своей решимостью способен превзойти брата Фрэнсиса? — спросил магистр Джоджонах.

Оба взглянули в сторону Фрэнсиса, который склонился над картами, до мельчайших подробностей изучая Барбакан.

— Брат Фрэнсис тоже обладает верой, — согласился Браумин. — Жаль, что она ведет его не по тем дорогам. Возможно, он все же отыщет правильный путь. Похоже, что время, проведенное в обществе славного альпинадорца, пошло ему на пользу.

Магистр Джоджонах не ответил, а продолжал сидеть, внимательно глядя на Фрэнсиса. Кажется, действительно веселый дух Андаканавара немного разгладил внутренние морщины этого человека. Но Джоджонах не торопился утверждать, будто Фрэнсис переменился.

— Если мы не найдем проход к центру горы, где же нам тогда еще искать? — спросил брат Браумин. — И что будем делать, если и ее плоская вершина не поведает нам ничего важного?

— Тогда мы продолжим поиски с помощью гематита, — ответил магистр.

— Думаю, нам стоило бы так поступить с самого начала.

Магистр Джоджонах кивнул, ничуть не удивившись этому заявлению. Он и сам понимал: первоначальный осмотр Аиды прошел бы намного легче, если бы монахи использовали магические камни. Но Джоджонах отказался от такого решения, вспомнив опыт общения брата Браумина с Андаканаваром. Ведь никто не знал наверняка, покинул дух демона-дракона эти места или продолжает витать где-то рядом. И если не сведущий в магии альпинадорец сумел посредством духовного контакта выйти к месту их стоянки, то что же тогда говорить про демона-дракона!

— Будем пока полагаться на свой разум и умение, — ответил Джоджонах. — Если этого окажется недостаточно, тогда пустим в ход магические камни.

Брат Браумин вполне доверял своему наставнику и потому согласился с таким решением.

— Когда брат Фрэнсис должен установить связь с отцом-настоятелем? — спросил он.

— Я велел ему обождать до утра. Думаю, эта дыра — неподходящее место для духа отца-настоятеля, и было бы неразумно открывать ему доступ сюда.

Сказанное многое объяснило брату Браумину, в особенности — причину хорошего настроения брата Фрэнсиса.

— Пусть все идет своим чередом, — решил брат Браумин. Он положил руку на широкое плечо магистра Джоджонаха и пошел заниматься делами, которых всем хватало.

Прошло часа три, и монахов начало беспокоить долгое отсутствие брата Делмана и тех, кто ушел вместе с ним. Еще через час магистр Джоджонах решил, что пора прибегнуть к помощи гематитов. Он уже был готов отдать соответствующее распоряжение, когда монахи, несущие дозор с западной стороны лагеря, крикнули, что видели свет факела.

Вскоре магистр Джоджонах увидел, как из прохода у подножия Аиды появилась фигура человека и со всех ног побежала в сторону лагеря.

— Это брат Делман, — сообщил Браумин, когда бежавший несколько приблизился. Он стремительно несся вниз по склону, постоянно рискуя потерять равновесие и споткнуться.

— Всем собраться и приготовиться к обороне! — скомандовал магистр Джоджонах.

Монахи привычно распределились: одни взяли в руки магические камни, другие — оружие, а третьи направились, чтобы защищать лошадей.

Брат Делман запыхавшись вбежал в лагерь.

— Где остальные? — тут же спросил магистр Джоджонах.

— Там… внутри, — хватая ртом воздух, ответил Делман.

— Они живы?

Молодой монах выпрямился и запрокинул голову, глотая воздух и стараясь прийти в себя. Когда он взглянул на Джоджонаха, страхи магистра значительно уменьшились.

— Да, живы, — спокойным голосом ответил брат Делман. — Если только не случится обвал, других опасностей там нет.

— Тогда почему ты убежал оттуда? И почему так взбудоражен? — спросил Джоджонах.

Мы там обнаружили… странное существо, — ответил брат Делман. — Человек… вернее, наполовину человек, наполовину лошадь.

— Кентавр? — спросил брат Браумин.

Брат Браумин пожал плечами, впервые услышав это слово.

— У кентавра туловище, плечи, руки и голова — человеческие, — объяснил брат Фрэнсис. — А в остальном он напоминает лошадь: четыре ноги и вообще все, что присуще лошадям.

— Да, кентавр, — согласился брат Делман. — Он находился в пещере, когда на него обрушилась гора. Целые глыбы камней.

— Вы его откопали? — спросил магистр Джоджонах.

— Мы не знаем, откуда начинать, — ответил брат Делман.

— Несчастное создание, — сочувственно произнес брат Браумин.

— Так оставьте его в этой могиле, — отрезал брат Фрэнсис, и всем показалось, что он вновь стал прежним Фрэнсисом. Джоджонах и Браумин лишь беспомощно пожали плечами.

— Но, брат Фрэнсис, — возразил Делман, — этот кентавр жив!

— Ты ведь только что сказал… — напомнил ему магистр Джоджонах.

— Да, глыбы камней, — договорил за него брат Делман. — По всем признакам он должен быть мертв. Должен! Никто не смог бы пережить такую чудовищную тяжесть. Внешне он и выглядит, словно мертвый: весь покалеченный и высохший. Но он жив! Он открыл глаза и умолял меня, чтобы я его убил!

Трое старших монахов застыли с раскрытыми ртами; младшие братья взволнованно перешептывались.

— Ну а ты? — наконец спросил магистр Джоджонах.

— Я не смог, — ответил брат Делман, которого, судя по всему, ужасала сама эта мысль. — Я представляю, как он мучается от боли. Но я не мог лишить его жизни.

— Бог не посылает нам непосильных испытаний, — отчеканил брат Фрэнсис.

Магистр Джоджонах бросил на него неодобрительный взгляд и поморщился. Временами эта старая фраза использовалась всего лишь как отговорка, которую отцы церкви привычно твердили прозябающим в нищете крестьянам, хотя сами жили в роскоши.

Однако Джоджонах сознавал, что сейчас не время для дебатов, и потому никак не отозвался на замечание Фрэнсиса.

— Ты поступил правильно и справедливо, — сказал он Делману. — Остальные братья находятся возле кентавра?

— Да, возле Смотрителя, — ответил брат Делман.

— Как ты сказал?

— Смотритель. Так зовут этого кентавра. Я оставил братьев возле него, чтобы хоть как-то облегчить его страдания.

— Пойдемте посмотрим, что мы в состоянии сделать, — сказал магистр Джоджонах и, обращаясь к брату Браумину, добавил: — Собери все камни, кроме двойных, и возьми с собой, брат Фрэнсис, — громко произнес он, чтобы слышали все, — ты возглавишь охрану повозок.

Теперь уже брат Фрэнсис скорчил гримасу, но магистру Джоджонаху было не до него. Старый монах двинулся вслед за братом Делманом, желая поскорее увидеть Смотрителя — создание в какой-то степени бессмертное.

Путь не был длинным, да и брат Делман шел быстро. К тому времени, когда впереди показались огни факелов, Джоджонах вовсю пыхтел, сопел и отирал с лица пот. Молодые монахи почтительно расступились перед магистром, и он опустился на колени перед искалеченным телом кентавра.

— Ты же по всем признакам должен быть мертв, — сухо произнес магистр Джоджонах, изо всех сил стараясь скрыть ужас.

Удивительно, что каменные глыбы пощадили человеческое туловище и переднюю часть конской половины кентавра. Все остальное было придавлено гигантской каменной плитой, поднимавшейся из низкого коридора прямо к вершине разрушенной горы. Но и неповрежденная часть Смотрителя была жутким образом повернута так, что его глаза все время смотрели на каменную могилу. Некогда мускулистые руки кентавра сейчас висели как плети, словно от голода его тело пожирало само себя. Магистр Джоджонах приблизился и наклонился настолько, насколько позволяло его грузное тело, изучающе и сочувственно глядя на кентавра.

— Можешь не сомневаться, я и чувствую себя мертвым, — ответил Смотритель.

Его голос, когда-то густой и звучный, теперь дрожал от истощения.

— По крайней мере, все к тому идет. Тебе не понять, насколько мне больно.

Кентавру удалось-таки повернуть голову, чтобы разглядеть магистра. Затем он удивленно наклонил голову, уставился на Джоджонаха и горько усмехнулся.

— Почему ты смеешься? — спросил его магистр.

— А, значит, у тебя есть сын? — спросил Смотритель.

Магистр Джоджонах оглянулся через плечо на брата Браумина, который беспомощно развел руками. Почему это странное создание в такое время и в таких условиях вдруг задает подобный вопрос — было недоступно пониманию их обоих.

— Нет, — просто ответил магистр Джоджонах. — У меня нет ни сына, ни дочери. Мое сердце отдано Богу, а не женщине.

Кентавр сдавленно рассмеялся.

— Сколько же ты потерял, — сказал он, подмигнув магистру.

— А почему ты спрашиваешь об этом? — удивился магистр Джоджонах. Что, если здесь — не просто случайное совпадение? — подумал он.

— Да ты напоминаешь мне одного человека, — ответил Смотритель, и по его тону чувствовалось, насколько ему дороги и приятны воспоминания о старом друге.

— Монаха? — уже настойчивее спросил Джоджонах.

— Безумного монаха, как он сам себя именовал, — ответил кентавр. — Не дурак выпить, но все равно хороший человек он был… или есть, если ему удалось выбраться из этого проклятого места.

— А как было его имя? — спросил магистр Джоджонах.

— Он был мне братом, — продолжал кентавр, разговаривая больше с собой, чем с окружающими. Складывалось ощущение, будто он находится где-то далеко. Может, он впал в забытье или бредил.

— Если не по крови, то братом по делам, — произнес Смотритель.

— Его имя? — громким голосом напомнил брат Браумин, подходя ближе и наклоняясь к самому лицу Смотрителя.

— Эвелин, — тихо ответил кентавр. — Эвелин Десбрис. Самый замечательный из всех людей.

— Его необходимо спасти во что бы то ни стало, — раздался голос сзади.

Все монахи обернулись и увидели брата Фрэнсиса, в руке которого ярко светился бриллиант.

— Тебе было поручено возглавить защиту лагеря, — сказал ему магистр Джоджонах.

— Я не подчиняюсь приказам магистра Джоджонаха, — послышался ответ, и тогда Джоджонах понял, что отец-настоятель Маркворт воспользовался телом Фрэнсиса и появился среди них.

— Мы должны вытащить его отсюда, — продолжал Маркворт, осматривая каменную глыбу.

— У вас не хватит сил поднять гору, — сухо сказал Смотритель. — Как и мне не хватило сил удержать ее, пока мои друзья выбегали отсюда.

— Твой друг Эвелин? — торопливо спросил Маркворт.

— Другие мои друзья, — ответил кентавр. — Не успел спросить их имен.

Он умолк и сморщился, поскольку, когда он поворачивался, чтобы взглянуть на собравшихся, скала немного подвинулась, причинив ему боль.

— Нет, вам ее не поднять, — простонал кентавр.

— Это мы еще посмотрим, — сказал отец-настоятель. — Почему ты до сих пор жив?

— Откуда я знаю!

— Остается только допустить, что ты — бессмертное существо, — с иронией и упреком продолжал Маркворт.

Он раздвинул собравшихся и опустился на корточки рядом с магистром Джоджонахом.

— Забавная мысль, — подхватил Смотритель. — Мне всегда говорили, что я малость упрямый. Может, просто я отказался умирать.

Маркворту такой ответ явно не понравился.

— Взять моего отца, так он умер, — продолжал кентавр. — И мама тоже умерла больше двадцати лет назад. Молнией ее ударило — вот такая странная смерть у нее

приключилась! Выходит, я — вовсе не бессмертный.

— Возможно, в твое тело вселился бессмертный дух, — не унимался Маркворт.

— А разве не все духи бессмертные? — решился перебить его Джоджонах.

Колючий взгляд Маркворта положил конец разговорам на эту тему.

— Некоторые духи, — отчеканил он, глядя на Смотрителя, но адресуя слова Джоджонаху, — способны входить в тело и поддерживать его жизнь, хотя телу давным-давно надлежало бы быть мертвым.

— Дух во мне — мой собственный, правда, он не слишком твердо держится на ногах, — заявил кентавр, с трудом улыбаясь и подмигивая. — А вот хороший глоток «болотного вина», если у вас есть с собой, чуть-чуть уменьшил бы мою боль.

Лицо Маркворта ничуть не изменилось.

— Я взаправду не знаю, почему не умер, — уже серьезным голосом признался кентавр. — Наверное, я умер, когда глыба придавила мне ноги и потащила вниз. Честно скажу, у меня желудок больше недели все время стонал и просил меня умереть.

Отец-настоятель Маркворт едва слушал речь Смотрителя. Он достал другой камень, небольшой, но мощный гранат, который позволял распознавать малейшее проявление магии. С помощью этого камня Маркворт обследовал плененного кентавра и почти сразу нашел ответ.

— На тебе какая-то магия, — объявил он Смотрителю.

— Либо это, либо удача, — вставил магистр Джоджонах.

— Скорее неудача, — заметил кентавр.

— Магия, — вновь с уверенностью произнес отец-настоятель. — У тебя на правой руке.

Смотрителю стоило немалых усилий повернуть голову настолько, чтобы увидеть правое предплечье.

— Проклятый дракон и все его чертовы сестрички, — проворчал он, увидев кусок красной ткани, которой Элбрайн обвязал ему руку почти у самого плеча. — Элбрайн думал, что делает мне добро. Два месяца страданий, два месяца полной голодухи, а эта проклятая тряпка не дает мне помереть!

— Что это такое? — спросил магистр Джоджонах.

— Целебная ткань эльфов, — ответил Смотритель. — Эта чертова штука затягивает мои раны с той же скоростью, с какой эта чертова гора наносит их мне! Оказывается, даже без воды и пищи можно жить!

— Эльфов? — повторил брат Браумин, выразив общее недоумение всех присутствующих.

Смотрителя, в свою очередь, удивила реакция монахов.

— Вы, значит, не верите в эльфов? — спросил он. — И в кентавров — тоже? А как насчет поври или парочки великанов?

— Довольно, — прервал его Маркворт. — Нам вполне понятно твое недоумение. Просто нам не доводилось встречать эльфов, а до сего дня — и кентавров.

— Тогда мир стал более приятным местом, — сказал Смотритель и вновь подмигнул, но тут же поморщился от боли.

Маркворт поднялся и велел остальным отойти от кентавра.

— Будет непросто вытащить его оттуда, — сказал он, когда монахи отошли настолько, чтобы Смотритель не слышал их разговор.

— Я бы даже сказал, невозможно, — заметил брат Браумин.

— Можно попытаться с помощью малахитов приподнять глыбу, — предложил магистр Джоджонах. — Правда, боюсь, всех наших сил не хватит, чтобы сдвинуть такую махину.

— Меня больше волнует другое. Когда мы приподнимем глыбу, из кентавра может хлынуть кровь, и ни его магическая повязка, ни наши усилия не успеют ее остановить, — сказал отец-настоятель.

— Но мы все равно должны попытаться, — не отступал брат Браумин.

— Разумеется, — согласился Маркворт. — Этот кентавр — слишком ценный узник, чтобы мы позволили ему умереть. Благодаря ему мы сможем узнать не только о том, что здесь произошло, но и о судьбе брата Эвелина.

— Я больше имел в виду сострадание, — осмелился высказаться брат Браумин.

— Я знаю, что ты имел в виду, — мгновенно ответил Маркворт. — Когда побольше узнаешь, начнешь думать по-другому.

Отец-настоятель поспешно вышел, жестом велев остальным следовать за ним. Брат Браумин и магистр Джоджонах недовольно переглянулись, однако сейчас от них мало что зависело.

По приказу Маркворта, который все сильнее уставал от пребывания в чужом теле и нуждался в отдыхе, дальнейшие действия были отложены до вечера следующего дня.

Монахи успели хорошо отдохнуть и подготовить свой разум и сознание. На следующий день вечером Маркворт вновь вошел в тело брата Фрэнсиса и повел их в пещеру, держа в руках малахит и гематит.

Взявшись за руки, все монахи каравана, кроме магистра Джоджонаха, у которого также был гематит, направили свою общую энергию в глубины камня, а затем передали ее малахиту. Когда энергия достигла высшей точки, отец-настоятель Маркворт высвободил ее, направив на каменную глыбу, придавившую Смотрителя.

Только сейчас магистр Джоджонах сообразил, какому риску подвергал Маркворт… нет, не себя самого, ибо в Санта-Мир-Абель телу настоятеля ничего не угрожало. Рисковали монахи каравана. Едва каменная глыба вздрогнула, приподнятая магической силой, в проход посыпались мелкие камни, и его заволокло клубами пыли. Джоджонах опасался, что камнями может завалить весь проход. Разумнее было бы потратить несколько дней на устройство подпорок. Все это лишь зримее показывало магистру, с каким неистовством отец-настоятель стремился найти Эвелина Десбриса.

Усилиями монахов удалось еще немного сдвинуть глыбу. Смотритель вскрикнул и задергался. Джоджонах бросился к нему, подхватил кентавра под широкие плечи и изо всех сил потащил наружу.

К своему ужасу, магистр понял, что не в состоянии сдвинуть кентавра с места. Даже искалеченный и изможденный, Смотритель весил более четырехсот фунтов. Джоджонах схватился за гематит, но не для того, чтобы исцелить раны кентавра, как намеревался ранее. Магистр внедрился в мысли остальных монахов, умоляя их отдать часть энергии кентавру, чтобы он сумел вытащить Смотрителя из каменной ловушки.

Задача была не из легких. Джоджонах боялся, что глыба вновь рухнет вниз. Однако Маркворт, повелевавший могучей силой самоцветов, приказал монахам направить часть левитационной энергии на кентавра.

Джоджонах вытащил Смотрителя и сразу же переключил свое внимание на гематит, чтобы немедленно заняться ранами кентавра. Он не заметил, что Маркворт и монахи подхватили их обоих и потащили наружу, стремясь поскорее выбраться из опасного прохода.

Теперь к усилиям Джоджонаха присоединился дух Маркворта, дух брата Браумина и еще нескольких братьев. Все вместе они осматривали раны кентавра.

Прошло более пяти часов. Совершенно обессиленный, магистр Джоджонах лежал на земле у подножия Аиды. Рядом с ним лежал брат Браумин. Они проспали здесь всю ночь и, проснувшись поздним утром, увидели стоящего над ними брата Фрэнсиса. Сейчас это был настоящий Фрэнсис.

— Где кентавр? — спросил магистр Джоджонах.

— Отдыхает и чувствует себя намного лучше, — ответил брат Фрэнсис. — Мы покормили его. Вначале дали самую малость, но затем он съел несколько фунтов мяса, половину наших запасов оленины и выпил огромное количество воды. Ну и сила у этой повязки, если он выздоравливает на глазах.

Магистр Джоджонах с чувством истинного облегчения кивнул.

— Мы нашли путь к вершине горы, — добавил брат Фрэнсис.

— А нужно ли теперь туда забираться?

— Думаю, вам будет интересно увидеть то, что мы обнаружили под пеплом, — резко произнес брат Фрэнсис.

Магистр Джоджонах воздержался от дальнейших вопросов, разглядывая Фрэнсиса. Не осталось и следа перемен, происходивших с этим братом. Все бесследно исчезло. Возможно, тому содействовало появление отца-настоятеля. Лицо брата Фрэнсиса вновь стало холодным, смех в глазах угас. И кроме знакомой деловитости — ничего.

— Мне нужно отдохнуть, — наконец сказал магистр Джоджонах. — Сегодня я хочу поговорить со Смотрителем. Забраться на Аиду мы сможем и завтра.

— У нас нет времени, — отрезал брат Фрэнсис. — И никому не позволено говорить с кентавром до тех пор, пока мы не вернемся в Санта-Мир-Абель.

Магистру Джоджонаху не понадобилось спрашивать, от кого исходит приказ. Ему становилась все более понятной перемена в настроении брата Фрэнсиса. Когда они впервые увидели разрушенный Барбакан, Фрэнсис, помнится, утверждал, что катастрофа могла быть либо делом рук благочестивого человека, либо результатом действия магических сил, вырвавшихся из-под контроля демона-дракона. Теперь, когда стало известно о причастности брата Эвелина, магистр Джоджонах был полностью уверен, что после объяснений отца-настоятеля Фрэнсис перестал считать Эвелина благочестивым.

— Мы поднимемся на гору сегодня, — продолжал брат Фрэнсис. — Если вы не в состоянии, пусть вместо вас отправится брат Браумин. После этого мы сразу же уезжаем отсюда.

— Когда мы спустимся с горы, уже стемнеет, — сказал брат Браумин.

— Мы будем безостановочно ехать днем и ночью, пока не возвратимся в Санта-Мир-Абель, — заявил брат Фрэнсис.

Распоряжение показалось магистру Джоджонаху довольно глупым. Разгадка, возможно, где-то поблизости. Поспешное возвращение в Санта-Мир-Абель — бессмыслица, если только оно не вызвано глубоким недоверием отца-настоятеля Маркворта лично к нему. Появление свидетеля меняло ход событий. Естественно, Маркворт не допустит, чтобы в нынешней щекотливой ситуации Джоджонах принимал самостоятельные решения.

Магистр взглянул на брата Браумина. Мысли у обоих были сходными: не настало ли время открыто выступить против отца-настоятеля и самой церкви?

Джоджонах едва заметно покачал головой. Им не удастся победить.

Когда, вернувшись к повозкам, магистр увидел Смотрителя в цепях, это не удивило его, но вызвало болезненное сострадание. Зато он немало удивился тому, как быстро к кентавру возвращались силы.

— Вы бы хоть волынку мне дали, — попросил кентавр.

Магистр Джоджонах повернулся туда, куда был устремлен тоскливый взор Смотрителя, и на козлах соседней повозки увидел запыленную волынку. Он хотел ответить, но брат Фрэнсис не дал ему произнести ни слова.

— Достаточно того, что его кормят и возятся с его ранами, — сказал Фрэнсис. — Как только он вполне выздоровеет, мы снимем и повязку.

— Нет, Эвелин был гораздо лучше всех вас вместе взятых, — ответил на это Смотритель.

Затем он прикрыл глаза и стал что-то напевать себе под нос. Лишь один раз он сердито подмигнул монахам и пробормотал:

— Ворюги.

Джоджонах, дождавшись, пока Фрэнсис уйдет, сходил за волынкой и подал ее кентавру. Смотритель с благодарностью посмотрел на него и начал играть. Музыка была чарующе прекрасной, и все монахи, за исключением упрямого брата Фрэнсиса, буквально заслушались игрой кентавра.

Магистр все же нашел в себе силы, чтобы после полудня отправиться с Фрэнсисом и шестью другими монахами на вершину Аиды. Правда, вершина нынче представляла собой

широкую черную чашу. Пепел и застывшие потоки каменной лавы успели затвердеть, и монахи шли без особых затруднений.

Брат Фрэнсис указал место, где из-под пепла виднелась высохшая человеческая рука. Пальцы были согнуты, словно прежде они что-то удерживали.

Магистр Джоджонах наклонился и внимательно оглядел руку и пальцы. Он узнал их! Он почувствовал, кто здесь лежит, ощутил величие этого места, состояние умиротворенности и присутствие благочестивой силы.

— Брат Эвелин, — прошептал он.

У всех, кроме Фрэнсиса, едва не подкосились ноги.

— Это лишь наше предположение, — тут же заговорил брат Фрэнсис. — Похоже, что Эвелин находился в сговоре с драконом и был уничтожен вместе со своим покровителем.

Магистр Джоджонах чуть не задохнулся от гнева, услышав такую явную ложь. Он выпрямился и резко повернулся к брату Фрэнсису, обуреваемый сильным желанием ударить ретивого монаха.

Но не ударил. Он понимал, что отцу-настоятелю выгодно распространять ложь и клевету в отношении Эвелина. Если раскроется, что Эвелин погиб, уничтожая дракона (а Джоджонах знал, что именно так оно и было), тогда многие притязания Маркворта и его положение в церкви могут оказаться под угрозой. По той же причине отец-настоятель распорядился не допускать разговоров с кентавром, пока караван не возвратится в Санта-Мир-Абель и Смотритель не окажется во власти Маркворта.

Магистр Джоджонах заставил себя сдержаться. Битва только начиналась, еще рано выступать в открытую.

— Как по-вашему, что находилось у него в руке? — спросил брат Фрэнсис.

Джоджонах поглядел на высохшую руку и отрицательно покачал головой.

— Вблизи этого человека ощущается магическое присутствие, — пояснил Фрэнсис. — Может, один-два камня.

— Мы это установим, когда выкопаем тело. Правда, Эвелин похитил столько самоцветов, что от них должна исходить огромная сила.

Выкопаем тело. Сама эта мысль ужаснула Джоджонаха. Это место необходимо сделать священной гробницей, местом, где укрепляется вера и закаляется характер. Магистру захотелось накричать на Фрэнсиса и надавать ему по губам только за то, что он осмелился высказать подобную богохульную мысль. Но Джоджонах опять сказал себе, что время битвы еще не настало и вести ее надо не таким способом.

— Тело покоится под камнем, — высказал свой довод Джоджонах. — Разрушить его будет нелегко.

— У нас есть графит, — напомнил ему брат Фрэнсис.

— Если внизу разлом или пропасть, то от нашего вмешательства самоцветы, скорее всего, провалятся туда и исчезнут навеки.

Брат Фрэнсис не на шутку встревожился.

— Так что вы предлагаете? — резко спросил он.

— Осмотреть место с помощью гематита и граната, — ответил магистр Джоджонах. — Вряд ли так уж сложно установить, есть ли какие-либо самоцветы вблизи этого человека и какие именно. Направь свет бриллианта прямо в трещину возле руки, а затем пусть твой дух произведет осмотр.

Брат Фрэнсис, скорее всего, не догадывался, что у отца-настоятеля могли быть более веские причины для разрушения этой гробницы, и потому он, недолго думая, согласился. Согласился он и на то, чтобы магистр также направил свой дух в трещину. Отец-настоятель очень устал вчерашней ночью и вряд ли скоро вернется в его тело. К тому же Джоджонах был единственным, кто мог опознать брата Эвелина. Сам Фрэнсис видел этого человека всего лишь раза два; он вступил в орден незадолго до того, как Эвелин бежал из монастыря.

Вскоре магистр Джоджонах подтвердил, что обнаруженный ими человек — это действительно Эвелин и что поблизости от него находится только один самоцвет —

солнечный камень. Правда, Джоджонах ощутил слабые магические излучения, исходившие от другого камня — огромного аметиста. Магистр ничего не сказал Фрэнсису про аметист.

Ему не составило труда убедить ретивого брата, что простой солнечный камень, которого в Санта-Мир-Абель полным-полно, не стоит того, чтобы задерживаться и так рисковать, поднимая тело из-под завала.

Во главе с Фрэнсисом монахи покинули вершину Аиды.

Магистр Джоджонах уходил последним. Он задержался и еще раз оглядел место последнего упокоения Эвелина, размышляя о вере и вспоминая своего ученика, у которого он столь многому научился.

Когда они возвратились в лагерь, Джоджонах тайком вложил бриллиант в руку брата Браумина и велел ему своими глазами увидеть священное место. Он шепотом объяснил, как туда добраться.

— Я сумею задержать брата Фрэнсиса, пока ты не вернешься, — пообещал Джоджонах.

Брат Браумин не все понял, однако по тону наставника почувствовал всю важность этого посещения. Он уже готов был уйти, когда магистр Джоджонах остановил его.

— Возьми с собой брата Делмана, — попросил Джоджонах. — Он тоже должен увидеть и это место, и этого человека.

У брата Фрэнсиса здорово испортилось настроение, когда он узнал, что из-за обнаруженной поломки колеса отъезд придется отложить.

И все же перед рассветом караван двинулся в обратный путь. Кентавр, судя по всему, вполне окреп, хотя Фрэнсис пока не решался снять повязку. Наигрывая на волынке, Смотритель бежал рысью за повозкой Фрэнсиса, к которой его приковали цепью. Несколько монахов должны были бдительно следить за ним.

Магистр Джоджонах, братья Браумин и Делман за всю ночь и весь следующий день не произнесли ни слова. Посещение Аиды, казалось, лишило их дара речи. Каждый из них знал, что увиденное останется с ним до конца дней. Все трое размышляли о вере и собственном предназначении.

ГЛАВА 11
ТОТ САМЫЙ РОДЖЕР

Корчась от боли, Роджер стиснул зубами кусок деревяшки. Он оторвал рукав рубашки, крепко обмотал им ногу чуть пониже колена и привязал концы к другому куску дерева. Теперь он изо всех сил пытался затянуть жгут как можно туже.

Несколько раз Роджер терял сознание, проваливаясь в небытие и вновь возвращаясь в реальность своей темницы. Парень постоянно твердил себе: если он надолго потеряет сознание, то наверняка умрет от кровотечения. Рана от укуса крэгготской овчарки была глубокой, и оттуда не переставая, лилась кровь.

Наконец ему все-таки удалось остановить кровотечение, и Роджер, дрожа от холода и стуча зубами, весь в поту, привалился к земляной стене своей камеры. Место было ему знакомо — главный погреб, находящийся неподалеку от центра города. Знал Роджер и о том, что вход, а значит и выход, здесь был только один — люк на потолке, там, куда вела шаткая деревянная лестница. Сейчас оттуда, из щелей, пробивались лучи тусклого дневного света. Роджер догадался, что день клонится к вечеру и, когда стемнеет, надо будет что-то придумать и выбраться отсюда.

Он тут же понял всю глупость своих планов. О каком ночном побеге может идти речь, если у него едва хватило сил отползти от стены? Горестно усмехнувшись над бессмысленностью своей затеи, он повалился на пол и проспал всю ночь. Неизвестно, сколько бы еще длился его сон, но дверь в темницу с лязгом отворилась, и в подвал полился свет утренней зари.

Роджер застонал и попытался распрямиться.

По лестнице спускался поври, за которым шел сам Коз-козио Бегулне. Первый подошел

к Роджеру и рывком поставил его на ноги. Роджер больно ударился спиной о стену. Он зашатался, но сумел сохранить равновесие. Если он упадет, эта тварь вновь заставит его встать, и новая встряска окажется еще больнее.

— Кто у вас применяет магию? — спросил Коз-козио Бегулне, подойдя к Роджеру.

Предводитель поври ухватился за лохмотья окровавленной рубашки и притянул парнишку к себе. Лицо Роджера находилось в каком-то дюйме от грубого, морщинистого и до невозможности отвратительного лица карлика. Парню стало душно от зловонного, обжигающего дыхания Коз-козио.

— Какую магию? — переспросил Роджер.

— Давайте собак! — крикнул Коз-козио.

Услышав лай, Роджер снова застонал.

— Кто у вас применяет магию? — требовательно повторил вопрос Коз-козио. — Сколько человек ею владеют? Сколько у них камней?

— Камней? — повторил Роджер. — Я не знаю ни о каких камнях и тем более о магии.

Сверху опять послышался лай.

— Я говорю правду, — срывающимся голосом прибавил Роджер. — Ведь я бы мог солгать и назвать любое первое попавшееся имя, и вы бы так и не узнали, что это ложь. Вы бы стали искать человека, которого нет. Но я не хочу лгать. Я действительно ничего не знаю ни о какой магии. Ничего!

Коз-козио, не выпуская Роджера, что-то негромко прорычал. Роджер испугался, что свирепый поври вот-вот откусит ему нос. Но вместо этого Коз-козио отшвырнул парня к стене и повернулся к лестнице. Похоже, нехитрые доводы Роджера его убедили.

— Свяжи-ка его хорошенько! — приказал Коз-козио своему подручному. — Сделай ему узел смирения. Мы желаем, чтобы наш гость чувствовал себя как дома.

Роджер не вполне представлял, что может означать «узел смирения», но, судя по злорадным усмешкам поври, предвкушавшим новую забаву, это не сулило ему ничего хорошего. Подручный достал тонкую ворсистую веревку и приблизился к парню.

Роджер сполз на пол. Карлик пнул его в живот, затем грубо заломил ему руки за спину.

— Эй, там, да убери ты этого чертового пса, — приказал Коз-козио Бегулне поври, который стоял у края люка и держал на коротком поводке крэгготскую овчарку. — Этот жалкий человечишка слаб и того и гляди сдохнет.

Коз-козио поднялся на несколько ступенек и оглянулся.

— Но прежде чем я дам ему умереть, я еще малость позабавлюсь с ним.

— Как мне повезло, — едва слышно пробормотал Роджер, отчего карлик еще туже затянул веревку.

«Узел смирения» был воистину дьявольской выдумкой поври. Руки Роджера оказались не просто привязанными к спине, но согнутыми в локтях таким образом, что пальцы почти касались затылка. Далее веревка переходила через плечи и, стягивая грудь, опускалась ниже, больно врезаясь в пах, откуда вновь шла по спине вверх и наконец делала петлю возле горла. Поври связал Роджера так крепко и умело, что малейшее движение не только отзывалось резкой болью в паху, но и мгновенно перекрывало дыхание.

— Ну что, замочных дел мастер, поглядим, сумеешь ли ты развязать этот узелок!

Поври расхохотался. Потом он всадил факел в торчавшую из стены скобу, зажег его и подошел к лестнице.

— Эй, Коз-козио приказал стеречь эту человеческую тварь как следует! — крикнул он кому-то из своих.

— Двойной запор, что ли? — спросили сверху.

— Ага, двойной запор, — подтвердил поври. — И не забудьте посадить пса прямо на дверь! Да, пусть меня сменят к концу дня. Мне не улыбается пропустить ужин, сидя здесь с этим вонючим человечишкой.

— Будет тебе скулить, — ответил поври наверху и с шумом захлопнул тяжелый люк.

Когда дверь перетягивали цепями и запирали на замки, Роджер внимательно

прислушивался к доносящимся звукам. Потом присмотрелся к своему тюремщику.

«А ты допустил одну ошибку, Коз-козио Бегулне, — мысленно упрекнул главаря поври Роджер. — Ты отправил сюда эту образину вместе с оружием».

Поври встал рядом со связанным Роджером.

— Лежать тихо, — велел он и для подкрепления сказанного сильно пнул Роджера в ребра.

Роджер дернулся, но ему стало еще хуже; он чуть не задохнулся.

Смеясь, поври прошел в другой угол и уселся под факелом. Он стащил с головы кроваво-красный берет и выразительно повертел на пальце, словно желая показать Роджеру, что вскоре берет станет еще краснее от его крови. Затем поври заложил крючковатые пальцы за голову, прислонился к стене и закрыл глаза.

Роджер провел немало времени, пытаясь собраться с мыслями и решить, что же делать дальше. Превозмогая тошноту и боль, он стал соображать, как ему выпутаться из веревок. Эта часть задачи была еще не самой трудной. Но если он высвободится, завладеет оружием поври и убьет эту тварь, куда ему бежать? Люк заперт и перетянут цепями, а о том, кто лежит и поджидает его наверху, он не забывал ни на минуту.

Задача казалась безнадежной, однако Роджер заставил себя успокоиться и сосредоточиться, пытаясь мыслить последовательно. К вечеру сторожившего Роджера поври сменил новый.

Он принес немного еды и воду. Поври просто окунул голову парня в миску с водой, отчего тот едва не захлебнулся. После этого новый стражник занял место предыдущего.

Не прошло и часа, как поври шумно захрапел.

Решив, что он достаточно «нагостился» у Коз-козио Бегулне и не намерен проводить здесь еще одну ночь, Роджер начал действовать. Не распыляться, — твердил он, упираясь плечом в стену. Он должен был выбрать правильный угол, чтобы при ударе сработал вес его тела. Оглянувшись на тюремщика, он убедился, что тот по-прежнему беспробудно спит. Тогда парень закрыл глаза и собрал в кулак всю свою волю.

Роджер резко качнулся к стене и с силой ударил по ней плечом. Удар сдвинул его руку еще немного за спину. Мышцы его напряглись, и Роджер вновь качнулся к стене. Он услышал, как громко щелкнуло вывихнутое плечо, и волны боли прокатились по всему телу, отчего Роджер едва не упал. Волевым усилием он подавил боль. Скрюченная рука помогла ослабить узлы, и теперь он смог сбросить веревку с плеча.

В следующее мгновение Роджер, выпутавшийся из «узла смирения», лежал на полу, ловя ртом воздух. После минутной передышки он снова начал действовать. Роджер опять ударил плечом о стену, но уже по-другому, чтобы вправить плечо. Старая уловка. За несколько лет этот способ не раз выручал Роджера, и он довел этот трюк до совершенства. Подождал, пока утихнет боль, затем смотал веревку и направился к спящему поври.

— Ты чего? — удивился карлик, открыв заспанные глаза и увидев, что пленник стоит, держа в руке его собственный короткий меч.

— Драться со мной вздумал? — спросил стражник, вскакивая на ноги и доставая из-за голенища кинжал.

Оба противника понимали, что, даже с оружием в руках, тщедушный парень не мог соперничать с закаленным в сражениях поври.

Роджер отскочил к дальней стенке и упал на пол. Поври взревел и бросился на него, занеся руку с кинжалом.

Но тут веревка стянула запястье поври тугой петлей, и Роджер привязал второй ее конец к корню, что торчал из стены неподалеку от места, где еще минуту назад восседал поври.

— Что? — пробормотал карлик, но было поздно. Веревка натянулась, заставив руку с кинжалом опуститься прямо между ног. Поври споткнулся и тяжело грохнулся на спину.

Роджер отделился от стены и быстро очутился позади своего врага.

— Что? — вновь заревел карлик, но тут рукоятка меча со всей силой ударила его по

голове. Поври дернулся, пытаясь высвободить застрявшую руку и схватить Роджера другой рукой.

Роджер продолжал колотить его по голове рукояткой меча, пока, наконец, упрямый поври не затих. Парень чуть не падал от боли и утомления, то и дело рискуя потерять сознание.

— Времени в обрез, — без конца повторял Роджер, заставляя себя встать.

Карлик дернулся. Роджер снова ударил его, а потом нанес еще один удар.

— Времени в обрез, — опять повторил Роджер, уже более решительным голосом, удивляясь силе и выносливости своего противника.

Самое трудное ожидало его впереди. Роджер прокрутил в мозгу весь план действий, стараясь учесть все препятствия и найти способы их преодоления. Он вынул кинжал из руки поври, отстегнул пояс и потуже затянул веревку. После этого он двинулся к лестнице, прикидывая, насколько прочны доски люка. С внутренней стороны, почти по центру, для большей прочности к доскам было прибито толстое бревно. С него Роджер и начал, проковыряв отверстие, чтобы туда можно было пропустить веревку и устроить петлю. Затем он занялся досками, подстругивая их с обоих концов возле перекладин. В какой-то момент он услышал настороженное рычание крэгготской овчарки, и ему пришлось долго ждать, пока зловредный пес успокоится.

Роджер сосредоточенно отстругивал от досок одну лучинку за другой, расшатывая и вынимая деревянные гвозди. Однако ему вновь пришлось прекратить работу. Начала дергаться больная нога, и он вынужден был спуститься вниз. Кое-как успокоив боль, он заметил, что поври приходит в себя. Пришлось вновь шмякнуть этого упрямца по голове. После этого Роджер опять принялся за работу, и наконец ему удалось расшатать доски по обе стороны от центральной перекладины.

Настал решающий момент. Только бы силы его не оставили, только бы не потерять сознание от боли!

Роджер опять спустился вниз и взял у оглушенного поври то, что могло пригодиться. Затем он еще раз мысленно проанализировал свои дальнейшие действия и в последний раз проверил снаряжение: меч, кинжал, язычок от поясной пряжки, кожаные шнурки от башмаков карлика и, наконец, вонючий башмак. После этого Роджер глубоко вздохнул и стал подниматься по лестнице. Он слегка надавил на расшатанные доски, чтобы лучше понять, с какой стороны находится собака. Разумеется, если она там не одна и поблизости находятся поври, игра закончится быстро и, скорее всего, ему будет очень больно. Это Роджер понимал, но все равно решил не отступать и попытать счастье. Терять ему было нечего. Коз-козио Бегулне ни за что не выпустит его отсюда. Роджер не заблуждался насчет того, чем должно окончиться его пребывание в плену. Как только предводитель поври поймет, что из него ничего не вытрясти, Роджера будет ждать мучительная смерть.

Он уже обвязал балку двери, пропустив веревку справа налево, но сообразил, что собака находится ближе к левому краю, и поменял направление. Потом он спустился вниз и подвинул оглушенного поври к основанию лестницы, перевернув его на левый бок.

Вернувшись наверх и стоя под дверью люка, Роджер беспокойно потирал руки, без конца напоминая себе, как важно правильно выбрать время. С помощью лучинок прямо под правой доской он соорудил силок. Затем Роджер взял в одну руку башмак, а другой со всей силой уперся в правую доску, надавив в том месте, где находился силок.

Он еще раз глубоко вздохнул и со всей силой надавил на доску, отогнув ее вверх. Звук был достаточные громким, чтобы разбудить ищейку, а отверстие — вполне широким для ее морды.

Роджер не ошибся: ищейка тут же вцепилась мертвой хваткой в просунутый башмак. Тогда он, держа башмак обеими руками за другой конец, устремился вниз, увлекая за собой упрямого пса прямо в расставленный силок.

Уловка сработала великолепно. Собака мгновенно угодила в силок и, падая, затянула петлю у себя на шее и запуталась одной из лап. Так они оба достигли пола: Роджер,

кувыркаясь и стискивая от боли зубы, а крэгготская ищейка — до предела натянув веревку. Поскольку другим концом веревка была привязана к поври, тот от резкого толчка оказался на коленях, потянув веревку на себя, в результате чего собака повисла в воздухе, едва касаясь задними лапами пола.

Ищейка продолжала сжимать в челюстях башмак. Она отчаянно трясла головой из стороны в сторону и как будто даже не замечала, что висит. Заметив это, Роджер моментально подскочил к ней, крепко обмотал ей морду кожаным шнурком и надежно связал концы.

— Теперь можешь гавкать, — издевательски произнес Роджер и щелкнул собаку по носу.

Потом он оглянулся на поври и на всякий случай еще раз ударил его по голове. После этого Роджер направился к лестнице.

Наверху все было тихо. Роджер понимал, что с больной ногой ему будет очень непросто выбраться через проделанную щель. Но иного выхода не существовало, и он просунул в щель руки, чтобы нащупать цепи и замки. Как всегда радуясь собственной предусмотрительности, улыбающийся Роджер достал узкий язычок от пряжки поври и принялся за работу.

Полуночник дождался условного свиста, затем бесшумно и быстро взобрался на дерево, где расположился эльф. Отсюда им была видна почти вся Кертинелла, и теперь Элбрайн убедился, что подсчет числа врагов, сделанный Джуравилем, был весьма скромным.

— Ты хоть представляешь, где они его держат? — спросил Элбрайн.

— Я же тебе сказал, что слышал, как они говорили о нем, но его самого я не видел, — ответил эльф. — Он может оказаться в любом доме, а вероятнее всего, после событий минувшей ночи он уже мертв.

Элбрайн собрался было возразить, но сдержался. Логика была на стороне Джуравиля. Прошел целый день. Они с эльфом не могли рисковать, появившись в Кертинелле средь бела дня. Зато Коз-козио Бегулне получил достаточно времени, чтобы разобраться в причинах поражения его армии в лесной битве и свалить всю вину на своего узника.

— Нам нужно было бы отправиться туда сразу же, как только кончилось сражение, — продолжал Джуравиль. — В нашем распоряжении оставалось два или три предрассветных часа.

— Пони не могла бросить раненого, — ответил Элбрайн.

— Ее и сейчас здесь нет, — заметил эльф.

Элбрайн рассчитывал, что Пони присоединится к ним, но она все еще не пришла в себя, израсходовав столько сил на магические действия. После их утреннего танца меча она проспала почти весь день и, скорее всего, будет спать и ночью.

— Зато со мной этот камень, — ответил Элбрайн, доставая гематит. — Роджеру Не-Запрешь он может понадобиться.

— Скорее этому Роджеру понадобится могила, — сухо проговорил эльф.

Элбрайну не понравился сарказм в словах друга, но он опять промолчал, лишь показав кивком головы, что им пора переменить наблюдательный пункт.

Эльф тут же исчез. Вскоре раздался его свист, и Элбрайн переместился туда. Здесь они задержались, наблюдая, как толпа, состоявшая из поври и великанов, вышла из города и двинулась в западном направлении, чуть отклоняясь к северу.

— Чем меньше их осталось в городе, тем больше у нас шансов, — заметил Джуравиль, понизив голос до шепота, ибо теперь их могли услышать.

Элбрайн кивнул и жестом показал Джуравилю, что пора перемещаться дальше. Следующую остановку они сделали возле изгороди загона, после чего оказались за сараем на северо-восточной окраине города. Теперь они шли вместе, и каждый держал в руках лук. И вдруг замерли, услышав голоса. В сарае несколько гоблинов сетовали, что их заставили работать, а один ворчал по поводу сломанной цепи.

— Быть может, он там, — тихо произнес Джуравиль.

Элбрайн сомневался, чтобы главарь поври, которого считали умным и хитрым, допустил такую глупость, как поместить столь важного узника на окраине города. Однако в любом случае он не хотел, чтобы на обратном пути из Кертинеллы у них были дополнительные сложности. Поэтому он слегка натянул тетиву и кивком головы показал в сторону сарая.

Они прошли вдоль сарая и завернули за угол. Здесь были двустворчатые двери, находившиеся на уровне головы Элбрайна. Двери предназначались для того, чтобы выбрасывать из сарая охапки сена коровам. Ни Элбрайн, ни Джуравиль так и не обратили бы на эти двери внимания, если бы они вдруг не распахнулись. Одной створкой ударило Элбрайна в плечо, другая проскрипела над самой головой Джуравиля. Несчастный гоблин, которому наконец-то удалось открыть двери, так и не понял, что кто-то снаружи этому мешал. Он даже не успел сообразить, что снаружи кто-то есть, как Джуравиль, пригнувшись под створкой, развернулся и пустил стрелу, вонзившуюся гоблину между глаз. Взмахнув крыльями, эльф подпрыгнул, схватил умирающего гоблина за края рваной одежды и впихнул внутрь.

Полуночник, ворча и охая, наконец обогнул грубо сработанную створку и увидел Джуравиля, который, выпятив губы, настойчиво показывал пальцем внутрь.

Элбрайн молча подобрался к краю открывшегося пространства и заглянул внутрь. Он увидел еще одного гоблина, возившегося с цепью для подъема тюков с сеном. Возможно, гоблинов было больше, но внутри сарая громоздились стойла, тюки сена, повозка и множество других предметов, мешавших обзору. Прислонив свой лук к стене, Элбрайн выхватил меч, осторожно обошел мертвого гоблина, затем ухватился за скобку, служившую для запирания створок, и пробрался внутрь. Двигаясь бесшумно, словно кошка, он подкрался сзади к гоблину, продолжавшему возиться с подъемной цепью.

— Тебе помочь? — спросил Элбрайн.

Гоблин обернулся и застыл, широко раскрыв глаза.

Меч Элбрайна помог им закрыться насовсем.

В сарае действительно был еще один гоблин. Он выбежал из находящегося поблизости стойла, намереваясь проскочить мимо Элбрайна. Но сначала одна стрела, а затем другая заставили его дернуться и споткнуться. Он упал на колени.

Элбрайн подхватил это тщедушное существо, зажал ему рот рукой и пригнул к полу.

— Где пленник? — прошептал он на ухо гоблину.

Гоблин заерзал и попытался кричать, но Полуночник зажал ему рот. Подошел Джуравиль. Он приставил свой лук почти вплотную к голове гоблина, уперев стрелу прямо в висок. Это значительно охладило его пыл.

— Закричишь — тебе конец, — пообещал Элбрайн, убирая свою руку со рта гоблина.

— Боляво мне, боляво мне! — жалобно скулил гоблин.

Друзья не удивились: одна из стрел Джуравиля застряла у гоблина в плече, другая угодила в бедро. Однако Элбрайн вновь зажал ему рот.

— Узник, — напомнил он, отводя руку. — Где узник?

— Коз-козио Бегулне владействует многими узниками.

— Новый узник, — подсказал Элбрайн. — Тот, кого Коз-козио больше всего ненавидит.

— Поганая стрела, поганый эльф!

— Говори, — зарычал Элбрайн, — иначе мой друг всадит в тебя еще одну стрелу!

— Внизу, — проскрипел гоблин. — В дыре, внизу.

— В могиле? — с тревогой спросил Элбрайн. — Коз-козио убил его?

— Не в могиле, — ответил гоблин. — Жив пока. В комнате, в дыре.

Элбрайн взглянул на Джуравиля.

— Погреб для припасов, — пояснил он, догадавшись, о чем идет речь. — Когда я был мальчишкой, у нас в Дундалисе тоже были такие.

— Главный погреб, — согласился эльф, и они оба повернулись к гоблину.

— Где эта дыра? — спросил Элбрайн, встряхивая гоблина.

Гоблин покачал головой. Тогда Элбрайн сильнее сдавил ему голову.

— Ты скажешь… — начал было Элбрайн, но Джуравиль, выглянув из небольшого окошка, выходившего прямо на город, прервал его.

— Времени мало, — сказал эльф. — Поври так и рыщут.

— Даю тебе последний шанс, — обратился к гоблину Элбрайн. — Где эта дыра?

Но гоблин боялся Коз-козио Бегулне сильнее, чем угроз человека и эльфа. Он дернулся и начал кричать. Когда же Элбрайн вновь зажал ему рот ладонью, гоблин укусил Элбрайна и отчаянно попытался вырваться. Однако вырваться из сильных рук Элбрайна он не мог и потому вновь стал кусаться и кричать, хотя намного глуше.

Точный удар маленького меча Джуравиля положил этому конец. Гоблин рухнул на пол и испустил дух.

— Как же мы теперь будем искать Роджера? — спросил Полуночник.

— Гоблин все равно ничего бы нам не сказал, даже если бы и знал, — ответил эльф. — Он прекрасно понимал, что я убью его, как только он выдаст нужные сведения.

Элбрайн с любопытством поглядел на своего спутника.

— А если бы взамен мы пообещали ему сохранить жизнь?

— Тогда с нашей стороны это было бы ложью, — спокойно ответил эльф. — Не говори мне о пощаде по отношению к гоблинам, Полуночник. Я не пощажу ни одного гоблина. А ты, пережив бойню в Дундалисе и все, что было потом, — как ты можешь говорить о милосердии?

Элбрайн взглянул на мертвого гоблина. Джуравиль, разумеется, был прав, говоря так об этом порочном народце. Но в том, что этого гоблина они взяли в плен и потребовали от него сведений, было что-то другое. Да, сами гоблины отличались жестокостью и бессердечием. Вся их жизнь была направлена на разрушение и уничтожение. Там, где гоблины были уверены в собственной победе, они нападали на всех людей без разбору, включая и детей. Прежде всего на детей. Элбрайн никогда не испытывал угрызений совести, убивая гоблинов. Но если бы он пообещал этому гоблину жизнь в обмен на сведения о Роджере, он бы сдержал свое слово.

Мысль была довольно необычной, но все необычные рассуждения придется отложить до лучших времен. Элбрайн это понял, выглянув в то же самое окошко, в которое недавно смотрел эльф. Джуравиль не солгал: целая толпа поври, среди которых маячили великаны, двигалась через город, направляясь на север. У Элбрайна сложилось четкое впечатление, что они кого-то ищут.

— Что ты делаешь? — изумленно воскликнул Элбрайн, увидев, что эльф носится по сараю, собирая факелы и скобы, в которые они вставлялись.

Джуравиль даже не потрудился ответить. Он привязал скобы к доске и приладил ее поперек балки так, чтобы она находилась параллельно окну. Теперь зажженные факелы оказались прямо над большой копной сена.

— На случай отступления, — догадался Элбрайн.

— Если понадобится, — добавил эльф.

Полуночник кивнул и не стал донимать друга дальнейшими расспросами, ибо доверял его предусмотрительности. Вскоре они покинули сарай, выйдя через те же сенные двери, которые привели их внутрь, и тщательно закрыли за собой створки. Ползком они добрались до края здания и огляделись по сторонам. Вражеские силы были велики и состояли в основном из поври. У многих в руках были зажженные факелы.

— Положение не из приятных, — пробормотал Элбрайн.

Однако он нашел способ пробраться к центру города. Используя возможности кошачьего глаза, он повел эльфа за собой. Они добрались до стены другого здания, затем нырнули в узкий проход между двумя домами. Не доходя до угла, они натолкнулись на поври.

Полуночник ударил сплеча, и его меч вонзился прямо в шею поври. Меч Джуравиля

пронзил врагу ребра и метнулся вверх, чтобы оборвать ему дыхание. Но несмотря на согласованность и быстроту действий, дворф успел испустить предсмертный крик.

Этот крик заставил обоих друзей обменяться тревожными взглядами.

— Давай уходить отсюда, и побыстрее, — потребовал эльф.

Двигаясь быстрым шагом, Элбрайн смотрел больше вниз, чем вверх, выискивая какой-нибудь навес или что-то в этом роде, что могло бы указывать на погреб. Джуравиль прыгал из стороны в сторону, следя за появлением врагов. Поскольку внимание Элбрайна было сосредоточено на поисках погреба, он немало удивился, когда сверху послышалось:

— Никак что-то ищете?

Элбрайн поднял голову и замахнулся. Но меч застыл в воздухе. Голос принадлежал не гоблину, не поври и не великану. То был голос человека, невысокого и худощавого, пристроившегося на узком козырьке над задней дверью дома. Элбрайн быстро оглядел фигуру человека, отметив рану на ноге, след от затянувшейся раны на лице и несколько царапин, а также пораненную руку. И все же, невзирая на очевидную боль и свой шаткий «насест», человек этот явно чувствовал себя довольно уютно и держался свободно и уверенно. Возможных ответов на эту загадку было только два, но первый из них Элбрайн сразу же отбросил: едва ли кто-нибудь из людей был способен войти в сговор с поври. Оставался второй.

— Надо полагать, ты и есть тот самый Роджер, которого Не-Запрешь? — тихо спросил Элбрайн.

— Как видно, молва обо мне распространилась широко, — ответил парень.

— Нам надо спешить, — напомнил нервничающий Джуравиль, выйдя из затененного места.

При виде эльфа у Роджера широко распахнулись глаза. Он разинул рот и, потеряв равновесие, повалился вниз. Парень мог бы сильно удариться, но Элбрайн подхватил его и помог встать на ноги.

— Это кто? — выдохнул Роджер.

— Ответы будут после, — сурово сказал Элбрайн.

— Нам надо спешить, — добавил эльф. — Эти твари сжимают кольцо вокруг нас. Они прочесывают все подряд.

— Им меня не поймать, — с уверенностью заявил Роджер.

— Поври слишком много, — сказал эльф. — И у них достаточно факелов, чтобы здесь стало светло как днем.

— Им все равно меня не поймать, — повторил Роджер.

— Ты забыл о великанах, которым не нужны лестницы, чтобы искать по крышам, — добавил Джуравиль.

— Говорю же вам, им меня не поймать, — в третий раз произнес беспечный воришка и прищелкнул пальцами.

Ночную тишину нарушил громкий лай.

— А как насчет собак? — спросил Элбрайн.

— Только не это! — быстро сник Роджер. — Прошу вас, помогите мне выбраться из этого проклятого места!

Они двинулись в глубь переулка. Поскольку Роджер был не в состоянии не то что быстро идти, а вообще едва держался на ногах, Элбрайн для поддержки подставил свое сильное плечо.

— Найдите мне какую-нибудь палку, — попросил Роджер.

Элбрайн покачал головой, понимая, что палка не особо поможет парню. Вместо этого он нагнулся, схватил Роджера за руку и взвалил себе на плечи.

— Давай, и как можно быстрее, — сказал он эльфу.

Джуравиль метнулся к углу, огляделся по сторонам, затем немедленно перебежал к другому дому, потом к третьему и так далее. Они услышали голос великана, и хотя тот вряд ли заприметил их, Джуравиль, а за ним и Элбрайн опрометью пустились бежать. Эльф на

бегу достал стрелу, вставил ее в лук, и, когда они поравнялись с сараем, он остановился, прицелился и пустил стрелу в окошко. Стрела ударила по свисающей доске, на которую Джуравиль прикрепил горящие факелы, и те упали прямо в сено. Едва беглецы успели завернуть за угол сарая, как из окошка вырвалось яркое пламя, а когда они бежали вдоль ограды загона, языки пламени уже пробивались сквозь трещины в крыше.

Вскоре они оставили загон позади и оказались в лесу. Несмотря на то что Элбрайну приходилось нести на себе Роджера, он бежал впереди, не снижая скорости. Сзади, из Кертинеллы, доносились шум и крики. Вокруг метались поври, гоблины и великаны. Хриплые, срывающиеся голоса выкрикивали приказы. Одни требовали воды для тушения пожара, другие — погони за сбежавшим человеком. Потом беглецы услышали вой нескольких ищеек, пущенных по следу и явно приближавшихся к ним.

— Беги прямо в лагерь, — велел Джуравиль Элбрайну. — Я избавлюсь от собак.

— Это будет непросто, — подпрыгивая на спине Элбрайна, сказал Роджер.

— Только не для того, у кого есть крылья, — ответил эльф и подмигнул.

Элбрайн побежал вперед и вскоре скрылся в темноте ночного леса. Джуравиль отбежал назад и остановился. Он прикинул, насколько успел удалиться Элбрайн, и вслушался в лай приближавшихся собак. Эльф присмотрел высокий раскидистый дуб, под которым почти не было кустарников. Он несколько раз обежал вокруг него, чтобы оставить ищейкам свой запах, потом взмахнул крыльями и поднялся на нижнюю ветку. Там Джуравиль как следует потер руками кору, чтобы его запах остался и здесь. Затем он поднялся на другую ветку, а с нее — еще выше. Джуравиль успел добраться до середины дуба, когда внизу появилась первая ищейка. Она принюхалась и взвизгнула, затем встала на задние лапы и отчаянно завыла.

Джуравиль окликнул ее сверху, чтобы подразнить, и вдобавок пустил стрелу, вонзившуюся в землю рядом с собакой.

На его зов прибежали другие собаки, которые тоже стали принюхиваться и кружить вокруг ствола.

Эльф забирался все выше и выше, пока не очутился там, где ветви едва могли выдержать даже его маленькое тело. Он помедлил, оглядывая темные вершины других деревьев. Затем, убедившись, что овчарки будто приклеились к месту, где он оставил свой запах, Джуравиль перелетел на другое дерево. Для его изящных крыльев полет был долгим и нелегким, но он понимал, что задерживаться нельзя, и перебрался на новое дерево. Так он перелетал до тех пор, пока лай и завывание ищеек не остались далеко позади. Тогда Джуравиль опустился вниз, чтобы дать отдых крыльям, и продолжил путь на своих легких ногах.

Подойдя к лагерю беженцев, Джуравиль убедился, что Элбрайн и Роджер благополучно добрались сюда. Несмотря на поздний час, вокруг них было полно людей, слушавших рассказ о спасении, который в устах Роджера звучал как рассказ о его побеге. Удовлетворенный, Джуравиль забрался поглубже в лес, под мягкие и густые ветви сосны, где и устроился на ночлег.

Проснувшись на рассвете, эльф с удивлением обнаружил, что Элбрайн и Пони уже встали и ушли из лагеря.

Эльф понимающе улыбнулся, думая, что влюбленным необходимо побыть наедине друг с другом.

Он был недалек от истины, ибо в то утро Элбрайну и Пони действительно требовалось остаться наедине, но совсем по иной причине, нежели представлялось Джуравилю. Они направились на свою тайную полянку, чтобы упражняться в би'нелле дасада.

Начиная с того утра, каждый раз, когда они танцевали, Пони старалась чуть дольше следовать за движениями Полуночника. Она знала: чтобы достичь его уровня совершенства, если такое вообще возможно, ей понадобятся годы. Но она не унывала, потому что с каждым днем ее боевые выпады становились чуть быстрее, а удары — чуть точнее.

По прошествии нескольких дней Элбрайн уловил едва заметные, но несомненные

перемены в танце своей любимой. Если поначалу он тревожился, что, взявшись обучать Пони, он нарушил целостность этого особого дара тол'алфара, то сейчас он осознал удивительные результаты этого. С каждым днем они с Пони становились все более слаженными в танце, все тоньше чувствовали движения друг друга, учась дополнять и поддерживать каждое из этих движений.

Их танец становился воистину прекрасным, объединяя их сердца, души и прежде всего — их взаимное доверие.

ГЛАВА 12
НЕЖДАННЫЕ ГОСТИ

Такого быть не может! Это какая-то бессмыслица, — без конца твердил себе Добринион Калислас, настоятель палмарисского монастыря Сент-Прешес. Монахи сообщали, что в монастырской часовне его ожидает… глава Абеликанского ордена, отец-настоятель Далеберт Маркворт.

— Маркворт слишком стар для путешествия в Палмарис, — громко произнес отец Добринион.

Он спускался из своих апартаментов по винтовой лестнице, наступая на полы сутаны.

— Нет, он заблаговременно известил бы о своем прибытии. Лицо столь высокого сана не отправится в дальний путь без должных приготовлений! Лицо столь высокого сана не должно сваливаться как снег на голову!

Добринион недолюбливал отца-настоятеля Маркворта. Вот уже несколько лет отношения между ними оставались довольно напряженными из-за вопроса о канонизации одного, ныне покойного, монаха из Сент-Прешес. Будучи вторым старейшим аббатством после Санта-Мир-Абель, Сент-Прешес не имел своего святого. Настоятель Добринион всеми силами стремился исправить эту трагическую оплошность, а настоятель Маркворт всеми силами противился его замыслу с тех самых пор, как впервые в этой связи было произнесено имя покойного брата Аллабарнета.

Добринион толкнул тяжелую дверь часовни, и здесь его монолог прервался. Его круглые щеки пылали; он опасался, что стоящий перед ним Далеберт Маркворт мог его слышать.

В том, что перед ним находился действительно Маркворт, не было никаких сомнений. В прошлом настоятель Добринион довольно часто встречался с ним, и, хотя они не виделись уже более десятка лет, он без труда узнал отца-настоятеля Санта-Мир-Абель. Добринион оглядел сопровождавших Маркворта, пытаясь понять, чем могло быть вызвано его внезапное появление. В часовне находилось трое монахов, и один из них — местный. Прибывшие с Марквортом монахи были молоды. Один был худощавым и нервозным, другой напоминал медведя и явно отличался большой силой. Оба монаха стояли возле отца-настоятеля в одинаковых позах: скрестив на груди руки так, что пальцы каждой руки обхватывали другую чуть выше локтя. Словно приготовились обороняться, — отметил про себя Добринион, глядя на гостей, которые больше напоминали телохранителей, чем свиту отца-настоятеля. Когда иерарх такого ранга отправлялся в путешествие (неважно, был это Маркворт или кто-либо из его предшественников), его сопровождало не менее пятидесяти монахов, и среди них — немалое число магистров и даже аббатов. Эти же, судя по возрасту, находились в монастыре от силы четыре года, и им было еще далеко даже до безупречных.

— Добро пожаловать, отец-настоятель, — подобающим в таких случаях тоном произнес Добринион и отвесил уважительный поклон.

— Приветствую вас, отец Добринион, — ответил Маркворт своим гнусавым голосом. — Прошу простить мне вторжение в вашу прекрасную обитель.

— Ну что вы, — только и мог выговорить заплетающимся языком ошеломленный настоятель.

— Меня вынудила необходимость, — продолжал Маркворт. — В нынешние времена…

думаю, вы понимаете, что, когда вражеская армия оккупирует наши земли, часто мы вынуждены действовать экспромтом.

— Ну что вы, — повторил Добринион, и ему захотелось ущипнуть себя за столь дурацкий ответ.

— Я прибыл сюда, чтобы встретить караван, — сообщил отец-настоятель. — Он возвращается в Санта-Мир-Абель, и я распорядился изменить маршрут ввиду неотложных обстоятельств.

«Значит, он отправлял караван из Санта-Мир-Абель куда-то далеко, а я ничего об этом не знал!» — подумал Добринион.

— Караван возглавляет магистр Джоджонах, — продолжал Маркворт. — Полагаю, вы помните его; ведь вы с ним вместе проходили обучение.

— Мне кажется, он был двумя или тремя годами младше меня, — ответил настоятель Добринион.

Впоследствии они с Джоджонахом встречались на церковных соборах, а однажды даже пропьянствовали всю ночь. Тогда в их компании был еще один магистр, горбоносый монах по имени Сигертон.

— А в составе каравана есть еще магистры? — спросил Добринион. — Например, Сигертон?

— Магистр Сигертон мертв, — бесстрастным тоном ответил Маркворт. — Его убили.

— Поври? — решился спросить Добринион, но по выражению лица Марквортa понял, что тот не хочет вдаваться в подробности.

— Нет, — только и ответил Маркворт. — Но довольно о неприятных вещах; тем более это случилось давно. Джоджонах — единственный магистр в составе каравана, и у него трое помощников из числа безупречных. Всего двадцать пять братьев и с ними — весьма особый пленник. От вас требуется, чтобы нас никто не тревожил: ни меня, ни моих собратьев по Санта-Мир-Абель и, прежде всего, чтобы никто не тревожил пленника.

— Я сделаю все, что смогу, — сказал настоятель Добринион.

— Уверен, что так оно и будет, — поспешно оборвал его Маркворт.

Кивком головы он указал на своих телохранителей:

— Пусть кто-нибудь из особо надежных ваших подчиненных разъяснит этим братьям все, что касается нашего размещения. Вряд ли мы задержимся здесь надолго. Полагаю, что не более чем на неделю.

Лицо Марквортa сделалось предельно серьезным. Он приблизился к Добриниону и произнес негромким и даже несколько угрожающим голосом:

— Я хочу получить от вас заверения в том, что не будет даже попытки вмешательства в наши дела.

Добринион отшатнулся, немало удивленный услышанным. Значит, отец-настоятель Санта-Мир-Абель предпринял что-то на здешней территории, даже не поставив его об этом в известность и не получив его согласия! Такое противоречило церковному этикету. Что же это за таинственная миссия, и почему ему ничего не сообщили? И что за узник? Неужели отец-настоятель Маркворт забыл, что с помощью гематита можно было заранее сообщить Добриниону обо всем?

И все же настоятель Добринион благоразумно промолчал. Как-никак Маркворт являлся главой Абеликанского ордена, а в Хонсе-Бире шла затяжная война.

— Мы сделаем все, что от нас потребуется, — уверил он своего старшего брата, отвесив еще один уважительный поклон. — Сент-Прешес в вашем распоряжении.

— Пока мы будем здесь находиться, я размещусь в ваших апартаментах, — объявил Маркворт. Прибывшие со мной братья помогут перенести все, что вам понадобится, в другое помещение.

Добриниону словно влепили пощечину. Вот уже тридцать лет он являлся настоятелем Сент-Прешес и занимал отнюдь не второстепенное положение в иерархии церкви. Сент-Прешес был третьим по величине монастырем после Санта-Мир-Абель и расположенной в

Урсале обители Сент-Хонс. Поскольку Палмарис находился на границе того, что было принято называть «подлинно цивилизованным миром», влияние Сент-Прешес на прихожан имело особое значение. В течение тридцати лет никто не вмешивался в правление настоятеля Добриниона. Санта-Мир-Абель больше заботили магические самоцветы и общее учение церкви, а Сент-Хонс — политические дела и отношения с королевским двором. Единственным, кто мог бы оспаривать власть Добриниона в северных провинциях Хонсе-Бира, был палмарисский барон Рошфор Билдеборох. Однако барон являлся не только близким другом Добриниона, но и, подобно своему отцу, держался в стороне от притязаний на власть. До тех пор, пока ничто не угрожало его богатству, Рошфор Билдеборох предпочитал ни во что не вмешиваться. Даже теперь, когда война вплотную подступила к Палмарису, он переложил заботу об обороне города на командира городской стражи и поручил тому держать настоятеля Добриниона в курсе всех событий. Сам же барон укрывался за надежными стенами своего дворца-крепости Чейзвинд Мэнор.

Естественно, настоятель Добринион не привык, чтобы с ним разговаривали повелительным тоном. Однако он вновь напомнил себе о том, какое место он занимал в иерархии Абеликанской церкви — пирамиде, на вершине которой находился отец-настоятель Маркворт.

— Как скажете, — смиренно ответил Добринион и, поклонившись в последний раз, направился к выходу.

— Кстати, возможно, у нас найдется время поговорить насчет брата Аллабарнета, — бросил ему вдогонку Маркворт.

Добринион остановился, поняв, что ему только что бросили кость. Точнее, помахали перед носом морковкой, получение которой зависело от его пособничества Маркворту. Первым желанием Добриниона было швырнуть эту «морковку» назад. Настоятель Сент-Прешес был стар; пусть не так стар, как Маркворт, но он опасался, что тот его переживет. По расчетам Добриниона, единственное, что ему осталось выполнить в этой жизни, — это добиться причисления брата Аллабарнета к лику святых. Однако без помощи отца-настоятеля Марквортa это было трудной, а то и вовсе невыполнимой задачей.

— В Сент-Прешес? — недоверчиво переспросил брат Браумин, услышав от брата Фрэнсиса об изменении их маршрута. Новость удивила не только его, но и магистра Джоджонаха.

— Отец-настоятель хочет как можно быстрее поговорить с кентавром, — продолжал брат Фрэнсис. — Он встретит нас в Палмарисе. Он связывался со мной, находясь на пути туда. Полагаю, что он уже прибыл в Сент-Прешес.

— Ты в этом уверен? — спокойно спросил магистр Джоджонах. — Действительно ли это был сам Маркворт, сообщивший тебе о перемене направления?

— Вы допускаете, что кто-то другой мог найти доступ в мой разум?

— Я принимаю в расчет то, что мы побывали в логове демона, — объяснил магистр, стараясь говорить без тени упрека или недоверия.

Что ж, если отец-настоятель действительно передал через брата Фрэнсиса свой новый приказ, у Джоджонаха не осталось ничего, как только подчиниться.

— Это действительно был отец-настоятель, — уверенно подтвердил брат Фрэнсис. — Может, мне стоит вновь связаться с ним? Я бы мог предоставить ему свое тело, чтобы он лично повторил вам это.

— Довольно, брат, — ответил магистр, примирительно махнув рукой. — Я не сомневаюсь в правоте твоих слов. Я просто хотел узнать, уверен ли ты сам.

— Уверен.

— Пусть будет так, как ты сказал, — согласился Джоджонах. — Итак, мы направляемся в Сент-Прешес. Ты составил наш новый маршрут?

— Братья сверяются с картами, — ответил Фрэнсис. — Здесь не далеко. Как только мы пересечем Тимберленд, выйдем на прямую и удобную дорогу.

— Дорогу, кишащую всеми этими тварями, — сухо заметил брат Браумин. — Там

постоянно идут сражения.

— Мы будет двигаться быстро и незаметно, никто нас не обнаружит, — сказал брат Фрэнсис.

Магистр Джоджонах лишь кивнул. Если отцу-настоятелю нужно, чтобы они направились в Палмарис, значит, туда они и поедут во что бы то ни стало. Лично для Джоджонаха главной проблемой было не путешествие, а то, что находилось в конце его. И этой проблемой был Далеберт Маркворт.

Как всегда деловито, брат Фрэнсис составил новый маршрут, и караван двинулся в сторону Палмариса. За пару дней они оставили позади города Тимберленда. И хотя монахам на пути и встречались враги, те либо вовсе не видели караван, либо спохватывались слишком поздно: догнать стремительных коней было невозможно.

— Целый караван монахов, — повторил Роджер Не-Запрешь.

Парень уже выздоровел, поскольку Пони усердно потрудилась, исцеляя с помощью гематита его раны и собачьи укусы. И хотя Пони трудилась более двух часов, Роджер едва ее поблагодарил; буркнул что-то под нос и ушел. В течение четырех дней ни Элбрайн, ни Пони не видели его. И только сейчас он появился, принеся эту новость.

— Я уж знаю монахов, можете быть уверены!

Элбрайн и Пони мрачно переглянулись, подозревая, что дело явно связано с братом Эвелином и что монахи, скорее всего, ищут самоцветы, которые в данный момент находятся у них.

— Они ехали так быстро, так быстро, — говорил ошеломленный Роджер. — Сомневаюсь, чтобы Коз-козио Бегулне вообще знал об их появлении в этих местах. В любом случае ему не угнаться за ними. Должно быть, сейчас они уже на полпути к Палмарису.

Элбрайн хотел было возразить, поскольку Роджер видел караван всего лишь два часа назад. Но он понимал, что какой бы ни была скорость каравана, Роджер верил в то, что говорил.

— Жаль, что мы не узнали об этом раньше, — сокрушался Белстер О'Комели. — Возможно, эти божьи люди могли бы нам чем-то помочь или дать утешение. В конце концов, они могли бы взять больных и отвезти их на юг, в более спокойные края.

— Да если бы не я, ты бы вообще о них не узнал, — сердито ответил Роджер, услышав в словах Белстера упрек.

— А почему же великий Полуночник ничего не знал о них? Или эта женщина, которая заявляет, что она — великая чародейка?

— Хватит, Роджер! — перебил его Элбрайн. — Белстер не винит тебя, а просто сожалеет об упущенной возможности. Действительно досадно, что нам не удалось воспользоваться помощью столь могущественных союзников. Если они неслись с такой скоростью, а я не сомневаюсь, что ты верно определил ее, — быстро добавил Элбрайн, заметив, как парень скорчил кислую мину, — значит, эти монахи хорошо владеют магией.

Здесь он говорил не совсем то, что думал. Он и сам был бы рад отправить малолетних детей и дряхлых стариков в Палмарис. Но считать монахов союзниками? В этом он очень сомневался.

— Они ехали даже быстрее, чем вы думаете, — воспрянул духом Роджер. — Мне не рассказать, какой была их скорость. Ноги у лошадей так и мелькали, а один всадник, что ехал позади повозки, двигался так быстро, что мне показалось, будто он сам — наполовину лошадь.

Эти слова взволновали беженцев из Дундалиса, всех, кто знал Лесного Духа, кто сражался рядом со Смотрителем и наслаждался чарующими звуками его волынки. Однако Элбрайн и Пони не позволили себе поддаться общим чувствам. Ведь они собственными глазами видели конец кентавра.

— Как ты думаешь, они и сейчас продолжают ехать? — спросил Элбрайн у Роджера.

— Сейчас они уж точно на полпути к Палмарису.

— Тогда и говорить о них бесполезно.

Однако Элбрайн решил следить за монахами. Если караван был послан на поиски Эвелина и камней и, если с помощью магии монахам удалось кое-что узнать, тогда их обоих и в самом деле могут объявить вне закона.

Караван прибыл в Сент-Прешес практически незаметно для тамошних монахов. Даже настоятель Добринион не пришел приветствовать вернувшихся братьев. Эту обязанность возложил на себя Маркворт, который вместе со своими телохранителями тихо встретил караван у задних ворот монастыря.

Магистр Джоджонах не удивился, увидев, кого отец-настоятель взял с собой в Палмарис. Он знал, что Юсефа и Данделиона готовили на роль Карающих Братьев и им предстояло заменить покойного брата Квинтала. Из всех младших монахов Санта-Мир-Абель Джоджонах симпатизировал этой паре меньше всего. Брат Юсеф, монах третьего года, был родом из Юманефа, родного города Эвелина, но на этом их сходство заканчивалось. Невысокого роста, худощавый, он умел зло и напористо драться во время учебных состязаний и не брезговал ничем, лишь бы выйти победителем. Брат Данделион, пробывший в монастыре около двух лет, был полной его противоположностью: эдакий медведь с ручищами толстыми, как бревна. На состязаниях его часто приходилось удерживать, ибо он, добившись преимущества, был готов покалечить своего собрата. В прежние времена подобные действия грозили изгнанием из монастыря, но в нынешнее мрачное время отец-настоятель лишь посмеивался над прытью молодого монаха. Маркворт неоднократно отмахивался от сетований магистра Джоджонаха по поводу брата Данделиона, уверяя его, что они найдут подходящее место для этого дикаря.

Джоджонах часто удивлялся, каким образом Данделион с Юсефом сумели пройти нелегкий отбор и оказаться в монастыре. Ведь из каждой тысячи или даже двух тысяч желающих вступить в обитель оставалось не более двадцати пяти человек. Джоджонах не сомневался, что среди сотен отвергнутых юношей было немало таких, кто по своему характеру, уму и благочестию оказался бы более пригоден для пути монаха.

Однако этих двоих приняли по непосредственному распоряжению отца-настоятеля. Данделион, по словам Марквортa, был сыном его «дорогого друга». Магистр Джоджонах понимал, что дело в другом. Данделиона приняли в монастырь из-за того, что он обладал необычайной физической силой. Других причин не существовало. Он стал одним из личных телохранителей Марквортa, заменив собой Квинтала.

По поводу Юсефа отец-настоятель объяснил, что с исчезновением Эвелина в Санта-Мир-Абель вообще не осталось выходцев из Юманефа, и, чтобы сохранить контроль над этим городком, нужно было исправить подобную оплошность.

Магистру Джоджонаху оставалось лишь вздыхать; он не мог что-либо изменить.

Повозки поставили во внутренний двор. Прибывших разместили по кельям, предусмотрительно отделив их от местных собратьев. Магистру Джоджонаху отвели тихую келью в дальнем конце громадного здания, позаботившись, чтобы рядом не было никого из его спутников и в особенности — брата Браумина. Того разместили в другой части монастыря. Зато рядом с ним оказался брат Фрэнсис, и магистр понимал, что это — отнюдь не случайность.

И все-таки в ту же ночь Джоджонаху удалось незаметно выскользнуть из кельи и встретиться с братом Браумином на трифории — подобии балкона в главной часовне монастыря.

— Подозреваю, что его держат в подземелье, — сказал магистр.

Он провел руками по статуе брата Аллабарнета, которого здешние монахи называли братом Яблочное Семечко. Магистр ощущал, с какой любовью сделана эта статуя, и понял: вот истинная работа, вдохновленная Богом.

— И, конечно же, в цепях, — отозвался брат Браумин. — Великий грех ложится на плечи отца-настоятеля за подобное обхождение с героическим кентавром.

Магистр Джоджонах жестом велел ему умолкнуть. Как бы ни был силен гнев, нельзя

допустить, чтобы кто-то услышал их речи, направленные против отца-настоятеля.

— Вы спрашивали у него? — поинтересовался брат Браумин.

— Маркворт теперь мало что рассказывает мне, — ответил Джоджонах. — Он знает, что происходит в моем сердце, хотя нельзя сказать, чтобы в своих поступках я чересчур сопротивлялся распоряжениям настоятеля. Он назначил мне встречу утром, на рассвете.

— Чтобы поговорить о Смотрителе?

Джоджонах покачал головой.

— Сомневаюсь, что о кентавре будет произнесено хоть слово. Нам предстоит говорить о моем отъезде. Я так считаю, ибо отец-настоятель намекнул, что я поеду вперед каравана.

Брат Браумин уловил тревогу в голосе Джоджонаха, и его мысли сразу же обратились к двоим прислужникам Маркворта. Не задумал ли отец-настоятель убить Джоджонаха по дороге? Эта мысль ужаснула Браумина и показалась предельно нелепой. Однако как он ни старался, прогнать ее не удавалось. Браумин не решился заговорить об этом вслух, поскольку не сомневался, что и самого Джоджонаха посещают схожие мысли.

— Что требуется от меня? — спросил брат Браумин.

Магистр усмехнулся и как-то неопределенно развел руками.

— Не сворачивай с пути, друг мой, — сказал он. — Храни истину в своем сердце. Едва ли нам по силам что-либо еще. Я не согласен с направлением нашего ордена, но отец-настоятель не одинок. Да, приверженцы нынешнего курса значительно превосходят нас, считающих, что церковь сбилась с пути.

— Наши ряды возрастут, — решительно проговорил брат Браумин.

После того что он увидел и пережил на вершине разрушенной Аиды, он говорил эти слова с глубокой уверенностью. Рука Эвелина со сжатыми пальцами, поднимавшаяся среди каменного хаоса, связала для него воедино все слова, все рассказы об Эвелине и все намеки о заблуждении, в которое впала нынешняя церковь. Стоя у могилы Эвелина, брат Браумин понял свое дальнейшее предназначение. Он знал, что, скорее всего, это приведет его к столкновению с верховными иерархами, но был готов сражаться.

Брат Браумин расправил плечи и уверенно произнес:

— Наш путь — это самый благочестивый путь.

Магистру Джоджонаху было нечего возразить в ответ на эти слова. Добро и справедливость непременно восторжествуют. Он не имел права сомневаться в этом, ибо таков был основополагающий принцип его веры. Но сколько веков еще пройдет, прежде чем Абеликанская церковь вернется на свой истинный путь, и какими неисчислимыми страданиями придется за это заплатить?

— Храни истину в своем сердце, — повторил Джоджонах. — Кротко распространяй слово, но не против отца-настоятеля и подобных ему, а слово во имя Эвелина и тех, кто обладает таким же щедрым сердцем и такой же мудростью души.

— Трудно говорить о кротости, когда кентавра держат в цепях, — возразил брат Браумин. — Отец-настоятель может вынудить нас на открытое выступление против него, когда мы уже не сможем молчать.

— Есть разные степени молчания, брат, — ответил магистр Джоджонах. — А теперь ступай к себе и не бойся за меня. Я спокоен.

Брат Браумин долго глядел на своего дорогого наставника, затем низко поклонился, поцеловал его руку и ушел.

Магистр еще долго пробыл на тихом трифории, разглядывая статуи святых и недавно изготовленную статую брата Аллабарнета. Более века назад этот монах прошел немало миль, сажая яблони для пропитания будущих поселенцев. Настоятель Добринион неустанно хлопотал о канонизации Аллабарнета, мечтая дожить до этого момента.

Магистр Джоджонах помнил немало сказаний о добром и щедром Аллабарнете. Несомненно, этот монах заслуживал такой чести. Однако при нынешнем состоянии церкви сказания о щедрости и самопожертвовании, скорее всего, могли обернуться против брата Аллабарнета.

Магистр Джоджонах не зря тревожился за Смотрителя. Кентавра действительно поместили в подземелье Сент-Прешес, приковав к стене в одном из темных и сырых помещений. Смотритель был изможден до предела. Во-первых, он не успел как следует оправиться после своего ужасного заточения под каменной глыбой. Во-вторых — дорога в Палмарис буквально выжала из него все соки. Монахи применяли магию, заставляя его бежать как можно быстрее.

Кентавр был изможден не только физически. Неудивительно, что отец-настоятель Маркворт, в ту же ночь явившийся в подземелье с гематитом, застал его врасплох.

Не говоря ни слова, Маркворт призвал силу камня, высвободил свой дух из телесной оболочки и вторгся в разум кентавра.

Глаза Смотрителя широко распахнулись, когда он ощутил внутри себя чье-то присутствие. Он забился в цепях, но цепи были крепкими. Тогда он попытался дать отпор на уровне сознания. Именно попытался, поскольку даже не представлял, с чего начать.

Маркворт, этот злой и коварный старик, уже копался у него в мыслях.

— Расскажи мне об Эвелине, — вслух потребовал отец-настоятель.

Смотритель не собирался ничего рассказывать, но одно лишь упоминание этого имени вызвало в его сознании образ Эвелина. Потом на память пришел их поход на Аиду, лица Пони и Элбрайна, Белли'мара Джуравиля, Тантан, а также лица многих других, сражавшихся против прихвостней дракона под Дундалисом. Даже Дар, и тот промелькнул перед мысленным взором кентавра.

Постепенно Смотрителю удалось погасить поток мыслей, но к тому времени отец-настоятель успел узнать очень много. Он узнал, что Эвелин мертв, а камни исчезли. Однако тем двоим, Элбрайну и Пони, судя по всему, удалось выбраться. Если их и ранило, то они явно остались в живых. Маркворт сумел разузнать, что оба они были родом из городка Дундалис, что в Тимберленде, но давно покинули этот город.

Узнал отец-настоятель и о том, что Пони, или Джилсепони Альт, какое-то время жила в Палмарисе.

— Гадина! — вскипел Смотритель, когда наконец Маркворт убрался из его сознания.

— Ты бы мог рассказать мне обо всем этом более простым и легким способом, — ответил отец-настоятель.

— Это тебе-то? — взвился кентавр. — Прав был Эвелин, когда говорил о таких, как ты, и о твоей вонючей церкви!

— А где именно жила эта Джилсепони в Палмарисе?

— И вы еще зоветесь божьими людьми? Но никакой Бог не одобрит ваших делишек, — ответил ему Смотритель. — Ты украл мои мысли, гадина, и ты за это поплатишься!

— А что ты можешь сказать про эльфов? — невозмутимо продолжал расспрашивать Маркворт. — Тол'алфар — так, кажется, называют это племя?

Смотритель плюнул на него.

Маркворт взял другой камень, графит, и ударил строптивого кентавра электрическим разрядом.

— Есть пути легкие, и есть пути трудные, — все так же спокойно произнес Маркворт. — Я пойду тем путем, который ты мне откроешь.

Отец-настоятель направился в приземистый сводчатый проход, соединявший темницу кентавра с остальным подземельем.

— Тебе еще придется говорить со мной, — пригрозил он.

Но оба понимали сомнительность этой угрозы. Кентавр обладал сильной волей. Больше он не допустит, чтобы его застали врасплох, и Марквортy вряд ли удастся снова внедриться в его сознание.

Однако Смотритель опасался, что и без того выдал слишком много сведений о своих друзьях.

— Вы даже отдаленно не понимаете важности этого! — гремел отец-настоятель, встретившись утром с настоятелем Добринионом.

Они были одни в кабинете Добриниона, но теперь за громадным дубовым столом восседал Маркворт.

Палмарис — большой город, — спокойно отвечал Добринион, стараясь не раздражать Маркворта. Тот, не вдаваясь в подробности, сообщил настоятелю Сент-Прешес, что ему нужны сведения о некой молодой женщине лет двадцати, известной под именем Пони или Джилсепони.

— Я не знаю никого с таким именем, за исключением конюха, но у него это не имя, а прозвище.

— А Джилсепони?

Добринион беспомощно пожал плечами.

— В свое время она пришла в Палмарис с севера, — продолжал давить Маркворт. — Сирота.

Последнее слово навело настоятеля на некоторые мысли.

— Можете ли вы описать мне, как она выглядит? — попросил он, изо всех стараясь не показывать, будто ему хоть что-то известно.

Поскольку Смотритель, сам того не желая, дал Маркворту очень ясный образ женщины, ему не составило труда описать ее Добриниону: густые золотистые волосы, синие глаза, полные губы.

— Так что? — не отставал отец-настоятель, заметив, как на круглом лице Добриниона что-то промелькнуло.

— Нет, ничего, — признался настоятель. — Была здесь одна девушка. Ее звали Джилл. Она пришла с севера, осиротев после вторжения гоблинов. Но это было лет десять назад, может, даже больше.

— И что с ней сталось?

Я отдал ее замуж за господина Коннора Билдебороха, племянника барона, — ответил настоятель Добринион. — Но она отказала своему мужу в исполнении супружеских обязанностей и за это была объявлена вне закона. Ее отдали в королевскую армию.

Добринион надеялся, что его последние слова прекратят дальнейшие расспросы Маркворта. Настоятель отнюдь не был в восторге от всего происходящего, равно как и от завесы таинственности, окружавшей главу Санта-Мир-Абель.

Маркворт отвернулся и поскреб свой острый подбородок. Только сейчас он обнаружил, что очень давно не брился. Итак, эта женщина служила в армии; что ж, слова Добриниона лишь подтверждали воспоминания кентавра.

Кусочки мозаики складывались в общую картину.

Разговор с Добринионом окончился, и настоятель Сент-Прешес покинул собственный кабинет, оставив в нем Маркворта. Следующим посетителем отца-настоятеля был брат Фрэнсис. Здесь распоряжения Маркворта были простыми и предельно конкретными: не допускать никого, включая и Добриниона, к кентавру, а самого Смотрителя держать в изможденном состоянии. Сегодня Маркворт намеревался вновь наведаться в подземелье и продолжить допрос.

После Фрэнсиса настал черед магистра Джоджонаха.

— Мы должны обсудить ваше обращение с кентавром, — с порога заявил тот, даже не произнеся официального приветствия.

Маркворт усмехнулся.

— Кентавр вас никак не касается, — вскользь заметил он.

— Смотритель — герой, — отважился сказать магистр Джоджонах. — Он вместе с Эвелином Десбрисом участвовал в уничтожении дракона.

— Вы заблуждаетесь, — ответил Маркворт, усиленно стараясь говорить без раздражения в голосе. — Эвелин явился к дракону, это правда. С ним был и Смотритель, и еще двое — некто Элбрайн и Пони. Но они пришли не сражаться с драконом, а для того, чтобы стать его союзниками.

— Разрушенная гора свидетельствует об обратном, — с сарказмом возразил магистр.

Маркворт снова усмехнулся.

— Они переступили границы магии и границы разума, — заявил он. — Они завладели аметистом, который Эвелин украл из Санта-Мир-Абель, и, соединив силу камня с дьявольской силой демона-дракона, уничтожили самих себя.

Ложь была наглой и грубой. Магистр Джоджонах знал Эвелина, пожалуй, лучше, чем кто-либо в Санта-Мир-Абель. Эвелин никогда бы не перешел на сторону зла. Но Джоджонах не знал, как пробить густую завесу лжи Маркворта, чтобы правда об Эвелине увидела свет.

— У меня для вас есть поручение, — объявил Маркворт.

— Да, вы намекали, что мне придется вернуться в Санта-Мир-Абель раньше остальных, — резко ответил магистр Джоджонах.

Маркворт покачал головой, не дав тому договорить.

— Да, вы раньше нас покинете Сент-Прешес, — сказал он. — Но я сомневаюсь, что вы увидите Санта-Мир-Абель раньше нас. Ваш путь лежит на юг, в Урсал, в монастырь Сент-Хонс.

От изумления магистр Джоджонах потерял дар речи.

— Вам надлежит встретиться с настоятелем Джеховитом и обсудить с ним вопросы канонизации покойного брата Аллабарнета, обретавшегося в здешней обители.

На лице Джоджонаха отразилось полное недоумение. Ведь не кто иной, как настоятель Маркворт был главным противником канонизации. Если бы не его возражения, Аллабарнета давным-давно причислили к лику святых! Почему вдруг такая перемена? Джоджонах подумал, что теперь Маркворт пытается наладить более тесные отношения с Добринионом, а заодно найти удобный предлог, чтобы убрать его, Джоджонаха, с пути.

— В нынешние времена великих испытаний церковь для воодушевления народа особенно нуждается в новом святом, — продолжал отец-настоятель.

Магистру Джоджонаху хотелось спросить: неужели канонизация Аллабарнета важнее всего того, с чем им пришлось столкнуться, важнее войны? Почему нельзя было направить в Урсал кого-нибудь помладше? Наконец, почему изменилась позиция самого Маркворта?

Но Джоджонах понимал, что ему не найти ответа на все эти вопросы. Отец-настоятель Маркворт шел собственным путем. Ему нужно во что бы то ни стало вернуть похищенные Эвелином самоцветы и заклеймить монаха-отступника. Джоджонах глянул на отца-настоятеля, и ему почудилось, что тот стремительно катится вниз, в черную бездну, и что каждое произнесенное Марквортом слово уводит его все дальше от Божьего пути.

— Я пойду собирать вещи, — сказал магистр Джоджонах.

— Они уже собраны и ожидают вас у задних ворот монастыря, — ответил Маркворт.

— Тогда я пойду и поговорю с…

— Вы пойдете прямо к задним воротам, — тихо и властно проговорил Маркворт. — Все необходимые приготовления уже сделаны, я имею в виду провиант и прочее.

— А камни?

— Друг мой, — улыбнулся Маркворт, вставая и выходя из-за стола, — ваш путь будет пролегать по цивилизованным землям. Помощь магических камней вам не понадобится.

Магистру Джоджонаху показалось, что настал поворотный момент в его жизни. Его отправляли в Урсал, лишив помощи самоцветов, поручив миссию, которая может растянуться надолго, ибо процесс канонизации всегда был сопряжен с изрядной долей канцелярского крючкотворства. Все это означало, что в течение года, а то и больше он не увидит Санта-Мир-Абель, где именно сейчас так необходимо его присутствие. Единственным выходом было бы прямо здесь, в этом кабинете, бросить Маркворту вызов; может, сделать это во всеуслышание и потребовать доказательств того, что брат Эвелин Десбрис отправился к Аиде ради союза с демоном-драконом.

Джоджонах понимал, что его сторону примут единицы. Брат Браумин, возможно, юный Делман поддержат его. А настоятель Добринион и полторы сотни монахов Сент-Прешес?

Нет, Маркворт нанес упреждающий удар, и магистр это понимал. Его отправляли решать столь дорогой и близкий для Сент-Прешес вопрос канонизации первого святого из их

монастыря. И Добринион не пойдет против Маркворта.

Магистр долго глядел на морщинистого старика, бывшего некогда его наставником, а теперь ставшего вершителем его судьбы. У Джоджонаха не было выхода из сложившегося положения. Возможно, и мужества у него тоже не было. Он ощущал себя безмерно старым и давным-давно утратившим способность действовать.

У задних ворот монастыря Джоджонах увидел лишь свои пожитки. Он понял, что придется идти пешком. Маркворт не посчитал нужным дать ему повозку или хотя бы осла. Магистр зашагал по улицам Палмариса и покинул город через южные ворота.

ГЛАВА 13
НОВЫЙ ВРАГ

На исходе десятого дня пребывания в лагере беженцев Элбрайн обратился к Оракулу, с которым не общался более недели. Появление в этих местах монашеского каравана до сих пор не давало ему покоя. К этому добавились новые обстоятельства. Сегодня утром в лагерь вернулся Роджер Не-Запрешь и привел с собой пятнадцать бывших пленников Коз-козио Бегулне. Разведав, что их переправили из Кертинеллы в Ландсдаун, парень воспользовался представившейся возможностью, пробрался в менее охраняемый город и вывел оттуда людей.

И все же, невзирая на явную ошибку предводителя поври, решившего переместить пленников в менее укрепленное место, дерзость Роджера едва не погубила и его самого, и их. Крэгготская ищейка, охранявшая пленников, бросилась по следу, и только появление Джуравиля позволило Роджеру и остальным благополучно добраться до лагеря.

Эту деталь Роджер намеренно опустил, когда красочно описывал взволнованным беженцам события минувшей ночи.

Элбрайн чувствовал: появление его и Пони в лагере беженцев вызывало недовольство и было чревато не слишком-то приятными последствиями. Поэтому он отправился поговорить с дядей Мазером.

— Дядя Мазер, происходит то, чего я опасался, — начал Элбрайн, когда в темноте чащи увидел изображение в зеркале. — Соперничество с Роджером Не-Запрешь все больше грозит бедой. Не далее как сегодня утром он вернулся в лагерь в сопровождении пятнадцати человек — пленников поври, которых он освободил минувшей ночью. Разумеется, весь лагерь радостно встретил освобожденных. Но когда я поговорил с ними, то понял, насколько Роджер рисковал своей жизнью и жизнью этих людей, отправившись их освобождать. Конечно, мы искренне желаем освободить из-под гнета поври всех пленников, однако в таком поспешном и отчаянном шаге сейчас не было особой необходимости. По всем признакам, пленникам ничто не угрожало, по крайней мере в тот момент. Мы могли бы разработать более обширный план действий, который бы позволил не только освободить этих людей, но и уничтожить Коз-козио Бегулне и всех его злодеев-приспешников.

Вместе с тем я понимаю, что именно заставило Роджера отправиться прошлой ночью в город. И Пони это тоже понимает. Парень вбил себе в голову, будто в глазах беженцев он утратил былые позиции. Ему кажется, что там, где прежде превозносили его, теперь превозносят меня.

Элбрайн умолк и воспроизвел в памяти встречу с Роджером, когда тот только что вернулся. Он вспомнил, как парня буквально распирало от гордости, как он выпячивал грудь, рассказывая о своем подвиге. Элбрайн вспомнил, с каким видом Роджер, живописуя свои дерзкие действия, смотрел при этом на собравшихся, особенно на Пони.

«Пони», — с глубоким вздохом произнес Элбрайн.

Он вновь перевел взгляд на призрачное изображение в зеркале. Пони. Роджер буквально влюбился в нее. А может, он просто воспринимает ее отношение к нему как высшее подтверждение собственной значимости. Все знают, что Пони — моя подруга. Роджеру кажется, что если ему удастся завоевать ее благосклонность, то тем самым он

займет более высокое положение, нежели я.

Одновременно с «влюбленностью» Роджера в Пони Элбрайн видел, насколько опасной вскоре может сделаться обстановка в лагере. Роджер с его очевидными дарованиями мог бы стать очень полезным, однако его ребячливость способна навлечь на всех большие беды.

— Нам с ним придется сражаться, — тихо произнес Элбрайн. — Боюсь, что все к этому идет.

Вскоре Элбрайн выбрался из своего укрытия. Стемнело. Неподалеку ярко горели костры беженцев. Элбрайн пошел туда, и чем ближе он подходил, тем отчетливее слышал громкие голоса собравшихся.

— Мы должны по ним ударить, — с жаром заявил Томас Джинджерворт. — И со всей силой! Выгнать их с наших земель назад, во мрак их горных пещер.

Подойдя к огню, Элбрайн увидел, что большинство сидевших одобрительно закивали головами. Рядом с Томасом сидела Пони. На ее лице была написана тревога.

При появлении Элбрайна все почтительно умолкли и обернулись к нему, словно ожидая услышать его суждение. Обменявшись взглядами, Элбрайн и Томас поняли, что в этом споре они придерживаются разных точек зрения.

— Там сейчас нет пленников, — сказал Томас. — Самое время ударить по ним.

Элбрайн молчал, с искренним сочувствием глядя на этого человека. Он вспоминал собственные чувства, когда враги сожгли дотла родной Дундалис. Тогда и у него было лишь одно отчаянное желание: мстить.

— Я понимаю… — начал Элбрайн.

— Тогда строй бойцов в шеренгу, — прорычал ему Томас, и множество голосов подхватило эти слова.

— Я боюсь лишь, что ты недооцениваешь силу наших врагов, — невозмутимо продолжил Элбрайн. — Сколько нас и наших друзей сложат головы в этом походе?

— Ну и что, если Кертинелла будет свободной! — крикнул кто-то из беженцев.

— И Ландсдаун! — воскликнула женщина, явно беженка оттуда.

— А если нет? — спокойно спросил Элбрайн. — Если произойдет то, чего я опасаюсь, и нас отбросят и поубивают во время отступления?

— И что будет с теми, кто не в состоянии сражаться? — добавила Пони.

Эти простые слова, напомнившие об ответственности за детей и стариков, несколько охладили пыл собравшихся.

Спор продолжался и в конце концов утомил собравшихся, так и не достигших согласия. Элбрайн и его друзья все-таки одержали небольшую победу, поскольку никаких планов предстоящего сражения так и не было намечено. Элбрайн понимал состояние этих людей, возбужденных чередой радостных событий: появлением троих могущественных союзников, победой в лесной битве, благополучным возвращением Роджера Не-Запрешь и вызволением последних узников Коз-козио. Неудивительно, что теперь беженцами овладело желание отвоевать родные города и покарать захватчиков, бесчинствующих в Кертинелле и Ландсдауне. Ничего — как только пыл поутихнет, эмоции уступят место логике.

Пони вполне понимала и разделяла доводы Элбрайна.

Поэтому, когда они встретились с Джуравилем в сосновой роще неподалеку от лагеря, ее немало удивили слова Элбрайна:

— Сейчас самое время нанести сокрушительный удар по врагу.

— Ты же только что говорил обратное, — напомнила ему Пони.

— Наши враги понесли ощутимые потери и утратили слаженность действий. Стремительное нападение могло бы обратить их в бегство, — сказал Элбрайн.

— Могло бы, — мрачно повторил Джуравиль. — А могло бы погубить немало наших воинов.

— Вся наша жизнь — риск, — ответил Элбрайн.

— Нам вначале следовало бы отправить всех, кто не в состоянии сражаться, в Палмарис, а уж потом строить планы нападения на Кертинеллу и Ландсдаун, — высказал

свою точку зрения эльф. — В южных городах мы даже могли бы найти союзников.

— У нас есть там союзники, — ответил Элбрайн. — Но они более озабочены охраной собственных границ, и это вполне понятно. Нет, если сейчас мы сможем со всей силой ударить по Коз-козио и выбить его из городов…

— А сумеем ли мы удержать эти города? — с иронией спросил эльф.

Разношерстное и плохо обученное войско беженцев, способное держать оборону, — это действительно выглядело смехотворным.

Элбрайн опустил голову и тяжко вздохнул. Он понимал, что Джуравиль не хотел обескуражить его, а своими доводами и замечаниями пытался заставить его быть внимательным к высказываемым идеям и продумывать их до мелочей. Но для тех, кто глядел на мир глазами людей, прагматичные и высокомерные взгляды эльфов часто выглядят несколько обескураживающими. Джуравиль не мог понять, какое отчаяние владеет Томасом и остальными и насколько опасным это отчаяние вскоре может стать.

— Если мы выбьем Коз-козио Бегулне и его приспешников из обоих городов, — начал Элбрайн, медленно выговаривая каждое слово, — то весьма возможно, что многие союзники поври просто разбегутся и даже прекратят войну. Ни гоблины, ни великаны не питают никакой любви к поври. Они ненавидят карликов так же, как ненавидят людей. Думаю, что только власть главаря заставляет их держаться вместе. И хотя великаны и гоблины в прошлом были союзниками, между ними никогда не существовало симпатий. Мы знаем, что подчас великаны не прочь закусить гоблинами. Давайте уничтожим главаря, эту связующую силу, и тогда увидим, каковы будут последствия.

Теперь уже эльф вздохнул.

— Ты всегда стремишься к максимально возможному, — тихо сказал он, словно примирившись с позицией Элбрайна. — И всегда достигаешь предела.

Элбрайна это задело: надо же, эльф взялся его критиковать.

— Разумеется, — сказал Джуравиль и вдруг широко улыбнулся. — Разве не этому учили тебя эльфы?

— Значит, мы договорились? — радостно спросил Элбрайн.

— Я так не говорил, — заметил Джуравиль.

— Если мы не ударим по ним, — почти прорычал Элбрайн, — если не воспользуемся создавшимся преимуществом… тогда, скорее всего, мы окажемся в том же безвыходном положении, из какого нам однажды уже пришлось выпутываться. Коз-козио перегруппирует и усилит свое войско и вернется. Он опять навяжет нам лесное сражение, потом еще одно, и рано или поздно мы выдохнемся. Коз-козио, несомненно, взбешен недавним поражением, а также исчезновением пленных.

— У него даже могут возникнуть подозрения, что в здешних краях появился воитель Полуночник, — добавила Пони, вызвав удивление ее собеседников.

— Коз-козио Бегулне помнит нас еще по Дундалису, — пояснила Пони.

Джуравиль кивнул. Он вспомнил засаду, однажды устроенную этими тварями для Полуночника. Чтобы выманить его из леса, они вырубили его любимую сосновую рощу. Правда, в ловушку попали устроители засады — так всегда случалось, когда поври, гоблины и великаны придумывали что-то против Полуночника и его сильных и умных друзей.

— Может статься, что монашеский караван, о котором говорил Роджер, поспешно бежал от кого-то, — продолжал Элбрайн.

— Мы могли бы воспользоваться нашим временным преимуществом, чтобы обойти города и пробираться на юг, — предложил Джуравиль.

Он сразу же заметил, как тревожно переглянулись Элбрайн и Пони, услышав такое предложение.

— Что еще? — напрямую спросил эльф.

— Если что-то заставило монахов, владеющих магией, улепетывать со всех ног, это что-то должно обладать значительной силой, — сказала Пони, однако ее слова отнюдь не убедили проницательного эльфа.

— Тем больше доводов в пользу того, что и мы, подобно монахам, должны бежать на юг, — не унимался Джуравиль.

Он вновь заметил тревожные взгляды своих спутников.

— Давайте напрямую, — потребовал Джуравиль. — Я хорошо знаю тебя, Полуночник. Ведь неспроста этот монашеский караван не дает вам обоим покоя.

Элбрайн усмехнулся, уступая напору друга.

— Нам с Пони нельзя здесь оставаться, — признал он. — Но и на юг нам тоже нельзя.

— Камни брата Эвелина, — догадался Джуравиль.

— Вполне вероятно, что монахи, о которых рассказывал Роджер, ищут нас, — сказала Пони. — Точнее, ищут камни, которые теперь находятся у меня. Когда Карающий Брат разыскивал Эвелина, он использовал вот такой камешек.

Пони извлекла из сумки красный гранат и показала Джуравилю.

— Этот камень обнаруживает применение магии, и потому действия Эвелина навели Карающего Брата на его след.

— То есть ты ощущаешь, что твоя магия может навести монахов на твой след? — спросил Джуравиль.

Пони кивнула.

— Пойми, мы не имеем права рисковать.

— Брат Эвелин доверил нам эти священные камни. Это было последнее, что он успел сделать в своей жизни. И мы не посрамим его доверия, — решительно произнес Элбрайн.

— В таком случае нам троим, наверное, пора подумать о себе, — сказал Джуравиль. — Скажите, эти камни важнее беженцев?

Элбрайн взглянул на Пони, но она молчала.

— По меркам истории вполне может быть и так, — сказал он.

Из кустов донеслось сердитое ворчание. Все трое насторожились. Джуравиль, подняв лук, скрылся в направлении звука и вскоре появился в сопровождении разъяренного Роджера Не-Запрешь.

— Значит, вы считаете свои камешки важнее людей, которыми вы вроде бы взялись командовать! — зло выпалил парень.

Говоря, он чуть попятился от Джуравиля. Роджер явно чувствовал себя неуютно рядом с эльфом.

— Тебе незачем бояться его, — сухо заметила Пони.

Ей было странно, что Роджер испытывал какую-то неприязнь к одному из тех, кто вызволил его из жестоких когтей Коз-козио Бегулне. Она понимала, что тогдашнее нежелание Роджера обнять Джуравиля было продиктовано чем-то большим, нежели обычный страх.

— Белли'мар Джуравиль и тол'алфар — наши союзники.

— Теперь я начинаю понимать, что ты подразумеваешь под этим, — огрызнулся Роджер.

Пони хотела ответить ему, но Элбрайн выступил вперед.

— Как я говорил Джуравилю, — произнес он ровным тоном, в упор глядя на Роджера, — эти камни столь же важны…

— Нет, ты сказал «более важны», — перебил его Роджер.

— Что ты вообще знаешь об этих камнях? — крикнул Элбрайн ему прямо в лицо.

Он заметил неодобрительное выражение на лице Джуравиля и подавил гнев.

— Эти камни значат гораздо больше, чем даже скрытая в них сила, — уже спокойно продолжил Элбрайн. — Может статься, что они важнее моей жизни, важнее, чем жизнь Пони, твоя жизнь или жизни всех людей в нашем отряде.

— Это все твои глупые рассуждения, — заорал Роджер, но Элбрайн резко остановил его, взмахнув рукой. Движение было столь внезапным и грозным, что дальнейшие слова Роджера превратились в сдавленное бормотание.

— Однако, — спокойно продолжал Элбрайн, — каким бы ни было мое отношение к

камням, я не могу оставить ваших людей в том же положении, в каком их застал. Я должен благополучно довести их до южных земель или, по крайней мере, убедиться, что дальнейший их путь не сулит опасности.

— И ты провозгласил себя предводителем отряда, — с упреком произнес Роджер.

— Следовательно, ты хочешь нанести удар, причем сокрушительный удар по Коз-козио Бегулне, — подытожил Джуравиль, пропустив мимо ушей мелочное возражение Роджера. — Если мы ударим по этим тварям и выбьем их из обоих городов в леса, беженцы смогут уйти на юг и без помощи Полуночника.

Учитывая, что Полуночнику не слишком-то разумно появляться в южных краях, — сказала Пони и, пристально взглянув на своего любимого, добавила: — Однако ты только что возражал против такого хода событий.

— Возражал, — согласился Элбрайн. — И до сих пор возражаю против сражения, когда всем воинам — или большинству из них — пришлось бы атаковать города.

Ответ удивил Пони, но затем она догадалась, в чем дело. Однажды Элбрайн уже побывал в Кертинелле, вызволяя Роджера. Теперь он собирался отправиться туда снова, но лишь в сопровождении своих могущественных друзей, чтобы тем самым поколебать равновесие сил.

Джуравиль тоже понял, о чем идет речь.

— Ночью я отправлюсь в Кертинеллу на разведку, — сказал он.

— Я могу пойти, — сказал Роджер.

— Джуравиль лучше подходит для этой задачи, — быстро возразил Элбрайн.

— Вы, наверное, забыли, что я побывал в Кертинелле позапрошлой ночью, — возразил Роджер. — Забыли, что я привел оттуда пленников?

Трое друзей внимательно смотрели на него.

— Если бы пленники оставались в Кертинелле, вы бы даже не подумали напасть на город! — заключил Роджер.

С этим Элбрайн не мог не согласиться. В самом деле, дерзкий поступок Роджера создал условия для предполагаемого удара. И все же, особенно после разговора с освобожденными пленниками и их рассказов о том, как им пришлось бежать со всех ног по темному лесу, Элбрайн оставался при своем мнении: Белли'мар Джуравиль лучше подходил для разведки. Эльф потом рассказывал ему, что, по крайней мере, одна из овчарок уцелела. Если бы этот пес двинулся дальше по следу, то ни Роджер, ни пленники не достигли бы лагеря.

— В город пойдет Джуравиль, — спокойно объявил Элбрайн.

По лицу Роджера было видно, что по его репутации и по его неимоверной гордыне был нанесен еще один удар.

— Если ищейки нападут на твой след, ты сможешь ускользнуть от них, перелетая с дерева на дерево? — резко спросил Элбрайн, не дав Роджеру и рта раскрыть.

Роджер закусил нижнюю губу. Казалось, он сейчас бросится на Элбрайна с кулаками. Вместо этого парень лишь топнул ногой и повернулся, намереваясь уйти.

— Постой! — крикнула Пони, удивив всех остальных.

Она окончательно раскусила этого парня. Нет, Пони не испытывала к нему неприязни. Просто она отчетливо поняла, что Роджер еще слишком юн, слишком горделив и исполнен непрошибаемого чувства собственной значимости.

Роджер резко обернулся. Глаза его были широко распахнуты и сверкали от гнева.

Пони достала один из самоцветов, сжала в руке, чтобы парень не увидел камень, и подошла к нему.

— Ты подслушал разговор, который не предназначался для твоих ушей, — сказала она.

— И что же, теперь ты прикажешь мне хранить его в тайне? — вызывающим тоном спросил Роджер. — Ты что, моя повелительница? Не прикажешь ли встать перед тобой на колени?

— Даже в твоем возрасте у тебя должно хватать ума, чтобы при всей своей неопытности все же уметь отличать друзей от врагов, — резко сказала Пони.

Первым ее намерением было сказать Роджеру всю правду о недостатках его характера и предвзятом отношении к ним троим. Но затем она сообразила: чтобы Роджер усвоил этот урок, одних объяснений мало. Парень должен прочувствовать урок на себе.

— Однако, как я вижу, ты почему-то решил, что мы не являемся твоими друзьями. Значит, так тому и быть.

Пони запустила руку в другую сумку. Роджер отскочил, но не слишком далеко. В руке Пони мелькнуло какое-то желтое растение, которым она провела крест-накрест по лбу Роджера. Потом она подняла другую руку, сжимавшую самоцвет, и произнесла несколько фраз, очень похожих на древнее заклинание.

— Что ты со мною сделала? — испуганно спросил Роджер. Едва сделав шаг, он чуть не упал.

— Если ты не предашь нас, тебе ничего не грозит, — спокойно ответила Пони.

— Я тебе ничем не обязан, — недоуменно пробормотал он.

— И я тоже ничем тебе не обязана, — сурово ответила Пони. — Я просто внесла изменения в наши отношения с тобой. Ты подслушал разговор, который не предназначался для твоих ушей. Теперь тебе нужно забыть все, что ты слышал. Либо тебе придется молчать об этом, — продолжала Пони, — либо тебе несдобровать.

— О чем ты говоришь? — ошеломленно спросил парнишка. Но Пони в ответ лишь зловеще улыбнулась. Тогда Роджер обратился к Элбрайну:

— Что она со мною сделала?

Элбрайн и сам не знал, поэтому вполне искренне пожал плечами.

— Говори! — закричал Роджер прямо в лицо Пони.

Когда парень угрожающе двинулся в ее сторону, Элбрайн прикрыл глаза, ожидая, что сейчас его любимая хорошим ударом проучит этого дуралея. Но Роджер остановился, сжав от бессилия кулаки.

— Я наложила на тебя заклятие, — ответила Пони. — Но это заклятие — особого свойства.

— Что значит «особого свойства»? — сердито, но с некоторым испугом спросил Роджер.

— А вот что. До тех пор, пока ты действуешь правильно и молчишь о том, чего тебе не следовало знать, с тобой не произойдет никакой беды, — спокойным голосом начала Пони.

Неожиданно выражение ее лица изменилось; оно стало мрачным и грозным. Женщина приблизилась к Роджеру и резко поднялась на цыпочки, буквально нависнув над тщедушным парнишкой.

— Но только попробуй предать нас… — От ее голоса даже у Элбрайна волосы стали дыбом, а у Роджера затряслось все тело. — …и наложенное мною магическое заклятие расплавит твои мозги, и они вытекут у тебя из ушей.

У Роджера округлились глаза. Он почти ничего не знал о магии, но, как ни странно, поверил, что Пони действительно способна осуществить свою угрозу. Он попятился назад, чуть не упал, потом повернулся и бросился бежать.

— Пони! — с упреком произнес Элбрайн. — Как ты могла сделать такое?

— Я всего-навсего пометила ему лоб одуванчиком, — ответила Пони. — Я часто рисовала этот знак на твоем подбородке, когда в детстве мы играли в лютики.

— Так значит… — Элбрайн умолк и негромко рассмеялся, удивленный поведением своей любимой.

— Неужели в этом действительно была необходимость? — сухо спросил Белли'мар Джуравиль.

Пони серьезно кивнула.

— Он мог бы разболтать об этом. А я не хочу, чтобы все узнали, что для Абеликанской церкви мы являемся изгоями.

— Неужели это уж такая страшная тайна? — спросил Элбрайн. — Я привык доверять этим людям.

— Таким, как Тол Юджаник? — Пони упомянула имя предателя, выдавшего их и жителей Дундалиса накануне похода на Аиду.

Пони знала, что эти слова больно ранили Элбрайна. Поэтому она добавила:

— Я тоже доверяю и Белстеру, и Томасу, и всем остальным. Но хвастун Роджер мог бы все переиначить и, боюсь, выставил бы нас в нежелательном свете. Кто знает, какая молва могла бы разнестись о нас, когда беженцы оказались бы в Палмарисе.

Элбрайн, которому тоже стал теперь понятен характер Роджера, не мог не согласиться с нею.

— Ты правильно поступила, — признал Джуравиль. — Время слишком тревожное, чтобы рисковать. Возможно, Роджеру будет нелегко усвоить этот урок, но, думаю, ты великолепно ему помогла, нарисовав на лбу ориентир.

Элбрайн усмехнулся.

— Мне всегда казалось, что порядочность каким-то образом связана с совестью.

— Мне тоже, — сказала Пони.

— В идеальном случае — да, — добавил Джуравиль. — Однако не стоит недооценивать силу страха. Ваша церковь более тысячи лет удерживала в повиновении своих прихожан, угрожая им посмертными мучениями в пламени ада.

— Это не моя церковь, — ответил Элбрайн. — И не та церковь, которой служил Эвелин.

— Разумеется, не эта церковь преследовала монаха-отступника, чтобы задушить его свободолюбивые идеалы и вернуть похищенные камни, — искренне ответил Джуравиль.

Пони кивала в такт словам эльфа. Элбрайн усмехнулся и добавил:

— И не та церковь, которая преследует нас с Пони.

— Монахи ехали на юг, причем, если верить Роджеру, они буквально летели, — сказала Пони. — Я проверила окрестности с помощью граната, но не обнаружила никакого магического присутствия. Поэтому, думаю, Роджер был прав насчет их скорости.

— Надеюсь, что их путь лежит дальше Палмариса, — сказал Элбрайн. — Но в любом случае нам здесь нельзя долго оставаться. И я рассчитываю с пользой потратить оставшееся время.

— На Кертинеллу и Ландсдаун, — предположил Джуравиль.

Лицо Элбрайна было серьезным и даже мрачным. Он кивнул, затем сказал:

— Мы встретимся с тобой в сумерках, на этом же месте. Возможно, мы выступим еще до рассвета.

— Как желаешь, друг мой, — сказал эльф. — Я отправляюсь в города на разведку. Готовь нападение и хотя бы немного помирись в Роджером Не-Запрешь. Если верить Белстеру О'Комели, парень действительно совершил немало героических поступков и сможет совершить немало других, если не позволит гордости помыкать собой.

— Мы присмотрим за Роджером, — пообещала Пони.

— Смотри, чтобы его ориентир не потускнел, — со смехом произнес Джуравиль.

Он прищелкнул пальцами и исчез, скрывшись в кустах.

Пони недоверчиво озиралась вокруг — неужели можно так быстро скрыться? Элбрайна, лучше знавшего и тол'алфар, это не удивляло.

— Это он, — настаивал Коз-козио Бегулне. — Я же знаю повадки этого мерзавца!

Мейер Дек долго подбирал слова. Он всегда так делал, даже если говорил о совсем незначительных вещах. Этот массивный фомориец сильно отличался от своих сородичей и физически, и умственно. Конечно, он не был таким сообразительным, как предводитель поври. По уму он уступал даже Готре, правившему гоблинами в прошлом. Мейер Дек понимал свои недостатки, поэтому не спешил, медленно и внимательно обдумывая сказанное.

Молчание великана еще больше злило беспокойного Коз-козио Бегулне, который и так находился в дурном настроении. Главарь поври вышагивал по полу просторного амбара, одной рукой ковыряя в носу, а другой ударяя себя по бедру.

— Может, есть и другие люди, как Полуночник, — предположил великан.

Коз-козио Бегулне презрительно фыркнул:

— Если бы они были, нас бы сейчас безостановочно гнали к Аиде!

— Ну, тогда всего один такой, как он.

— Надеюсь, что нет, — ответил поври. — И думаю, что нет. Это он. По запаху чую этого мерзавца. Можешь не сомневаться, это штучки Полуночника. Так отдаешь мне пленников или нет?

Мейер Дек вновь погрузился в долгие и тщательные размышления. Вместе с тремя сородичами он только что вернулся с юга, где они вели тяжелую битву против королевской армии. Сражение происходило к западу от Палмариса. Там полегло немало великанов и еще больше людей. Мейер Дек вместе с уцелевшими великанами захватили в плен несколько десятков человек. «Ходячая еда» — так называл их главарь великанов. И действительно, на пути к Кертинелле из сорока человек десять было съедено жестокими и прожорливыми фоморийцами. Теперь Коз-козио Бегулне хотел использовать остальных в качестве приманки для Полуночника. Говоря по правде, Мейер Дек был не ахти какой любитель человеческого мяса. Зато великан живо помнил ужасное сражение в сосновой долине, куда главарь поври и его военачальники заманили человека по имени Полуночник. Неужели Коз-козио и впрямь хотел привести его сюда?

— Ты должен отдать их мне, — вдруг заявил Коз-козио. — Тогда мы разделаемся с Полуночником раньше, чем разбежится половина нашей армии. Гоблины уже вовсю скулят о возвращении домой, да и мои молодцы затосковали по Островам Непогоды.

— Так и пойдем все по домам, — ответил великан.

Война не была его страстью, и на юг, в Хонсе-Бир, он тогда пошел без всякого желания. До того как дракон пробудился, Мейер Дек жил себе поживал в горах к северу от Барбакана. Восемь десятков соплеменников, двадцать самок для удовлетворения всех его желаний и прихотей и полным-полно гоблинов, чтобы вволю поохотиться и сытно поесть.

— Рано еще по домам, — резко возразил поври. — Пусть прежде этот проклятый человек заплатит за все наши беды.

— А ты никогда не любил Улга Тик'нарна, — выпалил великан, вопреки обыкновению не потрудившись обдумать свои слова.

— Неправда! — закричал Коз-козио Бегулне. — Улг Тик'нарн был нашим вождем, и хорошим вождем! Но Полуночник убил его, и теперь я намерен убить Полуночника.

— И потом по домам?

— И потом по домам, — согласился поври. — И когда мы оставим позади земли людей, никто из поври не станет защищать этих вонючих гоблинов от твоего брюха.

Это было главное, что хотел услышать Мейер Дек.

К тому времени, когда Джуравиль возвратился из разведки, Элбрайну и Пони удалось полностью убедить беженцев отложить нападение. Это было делом нелегким, поскольку люди до сих пор находились под впечатлением ночной битвы в лесу, возвращения Роджера и освобождения пленных. Беженцы горели желанием поскорее провести новое сражение, чтобы впоследствии было что вспомнить и что приукрасить в рассказах, уютно расположившись у огня. А если штурм Кертинеллы и Ландсдауна сулил их скорое поселение в спокойном и безопасном Палмарисе, люди вдвойне были готовы идти в бой.

Пони осталась с беженцами обсуждать подробности предстоящей атаки на оба города, а Элбрайн возвратился в сосновую рощу.

Едва Элбрайн увидел спускающегося с дерева Джуравиля, он сразу же понял: случилось нечто непредвиденное.

— Значит, они укрепили свои позиции, — заключил Элбрайн.

— Вот именно, — ответил Джуравиль. — На окраинах города появились три новые дозорные башни: на севере, юго-западе и юго-востоке. Вдобавок они возвели заграждение из бочек, обломков стен и всего, что попадалось под руку. Это заграждение опоясывает весь город. Внешне оно выглядит довольно внушительно, почти в рост человека, однако не

слишком плотное.

— Достаточно, чтобы затруднить атаку, — сказал Элбрайн.

— Возможно, ненадолго, — признал эльф, которого, похоже, не особо волновали или впечатляли фортификационные усилия врагов. — Думаю, что с появлением новых союзников у них отпала нужда в подобных сооружениях.

— Опять поври? — спросил Элбрайн.

— Великаны, — возразил Джуравиль. — И среди них — самое огромное и отвратительное по жестокости чудовище, каких мне доводилось видеть. Его зовут Мейер Дек, и поври, даже сам Коз-козио Бегулне, относятся к нему с большим почтением. Подозреваю, что на нем доспехи особого свойства. Возможно, даже магические, потому что там чувствуется внутренний огонь.

Элбрайн кивнул. Ему уже приходилось сражаться с великанами в таких доспехах. Имя Мейера Дека он помнил еще по Тимберленду. Доспехи обладали силой земной магии и были выкованы демоном-драконом для своих лучших солдат.

— Нельзя позволить отряду Белстера и Томаса идти на Кертинеллу, — продолжал эльф. — Мы могли бы обойти город под покровом ночи либо — нанести удар по Ландсдауну, чей гарнизон слабее. Но глупо посылать людей, которых и воинами-то не назовешь, против великанов, особенно учитывая тамошнее подкрепление. Даже твои планы сражения становятся рискованными.

Элбрайну было нечем возразить Джуравилю. На его счету было достаточно сражений с великанами, чтобы не понимать, какой катастрофой грозили подобные действия.

— Если мы попытаемся обойти города, вся эта нечисть, надо думать, бросится за нами вдогонку, — рассуждал Элбрайн. — Мы рискуем не добраться до Палмариса.

— А если пойти кружным путем? — спросил эльф, понимая, что его друга будет не так-то легко убедить.

— Можно попробовать, — неуверенно ответил Элбрайн.

— Но сам ты по-прежнему намерен отправиться в город и сражаться, — сделал вывод Джуравиль.

— Если этот Мейер Дек действительно настолько силен и пользуется таким уважением, то я должен с ним говорить, — объяснил Элбрайн.

— Говорить? — удивленно переспросил Джуравиль.

— На языке оружия, — пояснил Элбрайн. — Представляешь, каким ударом для наших врагов была бы гибель Мейера Дека и Коз-козио Бегулне?

— Сокрушительным, нечего и говорить, — согласился эльф. — Не знаю, что еще может удерживать вместе гоблинов и великанов, а тем более поври, как не железное правление этой пары. Но будь благоразумен, друг мой. Не так-то просто подступиться к этим главарям. Даже если тебе это удастся и никого из их приспешников не окажется рядом, они вполне могут тебя одолеть. Спроси себя: что беженцы станут делать без Полуночника?

— До недавнего времени они неплохо обходились без Полуночника, — напомнил ему Элбрайн. — Наконец, у них останется Джуравиль.

— Которому до всего этого нет дела!

— Который все-таки предпочел прийти на помощь людям, — со скрытой усмешкой ответил Элбрайн.

— Который предпочел последовать за своим подопечным по имени Полуночник и убедиться, что этот молодой воин не наделает глупостей, — поправил эльф, широко улыбнувшись.

Улыбка подсказывала Элбрайну, что Джуравиль — на его стороне.

— Я слишком много лет потратил на твое обучение. Ты носишь меч эльфов и лук, сделанный моим отцом. Я просто не могу позволить, чтобы тебя убили.

— Одни называют это глупостью, другие — храбростью, — заметил Элбрайн.

— Возможно, это одно и то же, — добавил Джуравиль.

Элбрайн хлопнул эльфа по плечу, и они от души засмеялись. В это время в рощице

появилась Пони.

— Ты принес хорошие новости из городов? — поинтересовалась она.

— Нет, — хором ответили Элбрайн и Джуравиль.

От удивления Пони вздрогнула, совершенно не понимая причину их веселья.

— Мы тут как раз обсуждали непроходимую глупость намерений твоего Элбрайна, — пояснил Джуравиль. — Представляешь, он хочет отправиться прямо в логово врага, уложить обоих главарей, невзирая на то что один — стойкий и упрямый поври, а второй — великан чудовищной силы.

— И вам обоим от этого смешно? — спросила Пони у Элбрайна.

— Разумеется.

Женщина покачала головой и всерьез подумала, не начали ли сказываться на ее любимом тяготы последних месяцев.

— Я же не собираюсь идти прямо сейчас, — объяснил ей Элбрайн, взглянув в упор на эльфа. — Я отправлюсь туда крадучись, тихий, словно тень, и незваный, словно смерть.

— И мертвый, словно кусок дерева, — договорил Джуравиль, и они оба вновь захохотали.

Пони, понимавшей, что в этой болтовне есть какая-то доля правды, было вовсе не до смеха.

— Хватит дурачиться, — сердито сказала она. — Сотня воинов готова ринуться в бой и встретить смерть этой ночью. Они ждут твоего приказа.

— Мой приказ — и я буду на нем настаивать, — чтобы они оставались на месте, — серьезно ответил Элбрайн.

— Не уверена, что они послушаются, — возразила Пони.

За то время, что Элбрайн провел с Джуравилем, беженцы опять распалились и вновь были готовы изгнать вражеских тварей из родных городов.

— Нам нельзя атаковать города, — объяснил Элбрайн, — ибо поври заимели новых союзников и у одного из них — доспехи, изготовленные драконом. Они наделены земной магической силой.

Пони оставалось лишь вздыхать и надеяться, что люди прислушаются к таким доводам. Она помнила эти доспехи со времени битвы в Барбакане и понимала: любого, кто выступит против великана, облаченного в них, ждет быстрая гибель. Она взглянула на Элбрайна. Он тоже был встревожен.

— Нужно лишь объяснить беженцам, что они должны выждать один-два дня, пока мы не поймем, насколько велика сила наших новых врагов, — предложил Элбрайн.

— А ты по-прежнему намерен отправиться в город и этой же ночью дать бой? — спросила Пони.

— Я хочу уничтожить этого великана и Коз-козио Бегулне, — признался Элбрайн. — Для врагов это оказалось бы огромным ударом. Мы могли бы воспользоваться их замешательством, чтобы добить остальных и увести беженцев в Палмарис.

— Тогда давайте думать, как мы сможем это сделать, — спокойно произнесла Пони.

Она пододвинулась к Джуравилю, взяла прутик, подала его эльфу, а сама очистила пятачок земли от сосновых иголок.

— Для начала нарисуй карту, — попросила эльфа Пони.

Джуравиль и Элбрайн переглянулись. Их обоих удивило, как это несговорчивая Пони вдруг с такой легкостью согласилась. Особенно если учесть появление в городе новых великанов. Джуравиль недоумевал: не изменил ли такой поворот событий что-то в мыслях Элбрайна? Неужели он по-прежнему намерен вовлечь свою любимую в столь опасное дело?

Как бы в ответ на незаданный вопрос Элбрайн мрачно кивнул. Они с Пони слишком долго находились вместе, и он не мог даже думать о том, чтобы оставить ее в стороне от столь важной битвы. Зато Элбрайн стремился уберечь Джуравиля. Лук и меч эльфа были слабым оружием против великанов. Элбрайн собирался напасть на город вдвоем с Пони.

К этому времени уже стемнело. Пони достала свой бриллиант и направила небольшое

пятно света на землю. Вскоре перед ними был нарисованный Джуравилем план Кертинеллы.

— Трудно с уверенностью сказать, где окажется Коз-козио Бегулне, — пояснил эльф. — Но в городе есть только три здания, достаточно вместительных для великана.

Джуравиль крестиками пометил каждое из них.

— Амбары, — сказал он. — И, видимо, именно в этом находится предводитель великанов.

Прутик остановился возле большого амбара неподалеку от центра города.

— Насколько я понял, у них нет организованной обороны, — продолжал эльф. — Только заграждения да несколько сторожевых башен.

— Поври не свойственна беспечность, — возразила Пони. — Скорее всего, они тщательно замаскировались.

— Но их и не особо беспокоили в последнее время, — ответил Джуравиль.

— Если не считать битвы в лесу, — напомнил Элбрайн.

— И похищения пленников, — добавила Пони.

— Я не об этом. Настоящего нападения на город не было, — сказал эльф, — Сомневаюсь, что они его ожидают. Когда фоморийцы маячат по улицам, кто решится напасть?

— Но учитывая, что им знакомы вылазки Роджера, который мог появляться и исчезать, когда ему заблагорассудится, их предводители, скорее всего, окружены плотным кольцом охраны. В особенности Коз-козио Бегулне, — предположила Пони.

— И именно в это кольцо я и намерен отправиться, — сказал Элбрайн.

— Непростое это дело, — напомнил ему эльф.

— А оно никогда и не было простым.

— И все равно ты намерен идти, — заключил эльф.

Элбрайн взглянул на Пони.

— Этой же ночью. Вначале я хочу переговорить с Белстером и Томасом, рассказать им о наших планах и о том, как им действовать в зависимости от нашего успеха или неуспеха.

— А моя роль? — поинтересовался эльф.

— Ты будешь моим связным, — ответил Элбрайн. — Ты сумеешь быстро оценить исход битвы, я в этом не сомневаюсь, и чем раньше Белстер о нем узнает, тем лучше сможет действовать.

Джуравиль окинул Элбрайна долгим и пристальным взглядом. Народ эльфов наградил этого человека именем Полуночник. И все же Тантан с ее сомнениями была неправа, когда первоначально назвала Элбрайна «кровью Мазера», вложив немало иронии в эти слова. Тантан не верила, что он возмужает и станет настоящим воином-Защитником. Она считала его глупым и разбросанным. Правда, Тантан убедилась в обратном и отдала за Элбрайна жизнь. А ведь эльфам редко свойственно такое самопожертвование в отношении людей! Джуравиль знал: если бы Тантан оказалась сейчас здесь и увидела спокойную решимость и истинное чувство долга, с какими Элбрайн готовился к предстоящему, исключительно опасному сражению, она, быть может, вновь сказала бы о нем: «кровь Мазера», но на сей раз — с искренним восхищением.

— Тебе в этом сражении предстоит сосредоточиться только на камнях, — сказал Элбрайн Пони, когда они медленно двигались в сторону Кертинеллы.

Белстер и Томас согласились отложить битву до тех пор, пока не будут собраны дополнительные сведения, однако они не подозревали, что Элбрайн намерен вести битву сам.

Пони недоверчиво посмотрела на него.

— Я ведь постоянно и усердно упражняюсь, — сказала она.

— И небезуспешно.

— Но ты не доверяешь мне сражаться с мечом в руках?

Элбрайн замотал головой, не дав ей договорить.

— Пойми, ты сейчас находишься в промежутке между двумя стилями боя. Разум диктует тебе одно, а тело привыкло действовать по-другому. Ты начнешь раздумывать, сделать выпад или нанести удар сплеча, и пока ты будешь думать, тебя настигнет вражеский удар.

Пони закусила губу, пытаясь найти какое-нибудь разумное возражение. Она вполне освоила танец меча, но в танце ее движения были медленнее, чем в настоящем бою. Каждый раз, когда в конце танца Пони ускоряла движения, она теряла согласованность и оказывалась, как говорил Элбрайн, «где-то посередине между мыслями и памятью тела».

— Уже скоро ты сможешь сражаться, — пообещал ей Элбрайн. — А пока никто лучше тебя не владеет силой камней.

Пони не стала спорить.

Джуравиль ожидал их на холме к северо-востоку от Кертинеллы. С высоты город был как на ладони. Как и говорил эльф, возведенные заграждения опоясывали все центральные строения. Однако сейчас взгляды всех троих были прикованы к огромному костру, полыхавшему в юго-восточной части города.

— Я разузнаю, что это за костер, — вызвался эльф.

Элбрайн кивнул и обратился к Пони:

— Поищи их с помощью камня. — Затем добавил, обращаясь к Джуравилю: — Если Коз-козио Бегулне и Мейер Дек находятся в амбаре, мы с Пони направимся прямо туда. Ты будешь следить за нашим продвижением, потом вернешься сюда, забрав с собой Дара, поскольку коня, судя по всему, мне придется оставить. А после этого тебе останется лишь ждать и наблюдать.

— Вначале ждать придется тебе, — поправил его эльф, который не собирался отказываться от своего замысла. — Костер они разожгли неспроста, поэтому будет лучше, если ты попытаешься разузнать, зачем они это сделали, а потом уже отправишься в город.

— Это сможет увеличить наши шансы, — сказала Пони, соглашаясь с предложением Джуравиля. — Надо удостовериться, что мы правильно выбираем время.

— Только побыстрее, — сказал Элбрайн.

Прежде чем Джуравиль успел ответить, тишину ночи разорвал громогласный крик, донесшийся из города.

— Еще одного в костер! — рокотал великан. — Ты видишь это, Полуночник? Видишь, как из-за тебя гибнут люди?

Все трое повернулись туда, где вдали пылал костер. Возле него они разглядели силуэты двоих поври и одного человека. Поври с ужасом наблюдали, как несчастного заживо бросили в огонь.

Воздух наполнили предсмертные крики жертвы.

Элбрайн сердито зарычал, обернулся и ссадил Пони с коня, одновременно выхватив свой лук.

— Нет, Элбрайн! — остановил его Джуравиль. — Они именно этого и ждут от тебя!

— И дождутся! — ответил тот. — Ты своими стрелами будешь указывать мне путь прямо к стене!

С этими словами Элбрайн пришпорил Дара, и могучий жеребец понесся вниз по холму в направлении города.

Следом туда устремились Джуравиль и Пони. Эльф наполовину бежал, наполовину летел. Пони на ходу поменяла камни, убрав в сумку гематит.

Полуночник на полном скаку вынырнул из-за деревьев и проскакал по полянке, примыкавшей к заграждению. Крыло Сокола, его лук, был наготове. Первая стрела ударила в голову ничего не подозревавшего гоблина, сбив его с ног. Вторая угодила другому гоблину в грудь, так и не дав ему метнуть пику.

Но на этом внезапность атаки кончилась. С другой стороны заграждения сбежались гоблины и поври. Элбрайн взревел от ярости. Сейчас было не до того, чтобы искать какой-либо другой путь. Поэтому он припал к спине Дара и двинулся дальше.

И вдруг конь споткнулся и едва не упал вместе с всадником. Неподалеку в стену с громким звуком ударила молния, разнеся в щепы часть заграждения и разметав в разные стороны врагов.

Элбрайн мгновенно пришел в себя. Подскочив к стене, могучий жеребец ударил копытами землю и перемахнул через шестифутовое заграждение, подминая под себя мертвых и оглушенных врагов. Скачка продолжалась. Вдогонку летели стрелы. Элбрайн резко повернул коня вправо и поскакал между двух домов. Затем вновь срезал угол, увидев выбегавших навстречу врагов. Переулок вывел его на городскую площадь. Однако здесь ему пришлось поворотить назад, ибо это место кишело поври. Он заметил другой переулок и устремился туда.

Поравнявшись с приземистой крышей, Полуночник перекинул лук на плечо, выхватил меч и встал в стременах, разведя ноги и нагнувшись, чтобы сохранить равновесие. Войдя с конем в телепатический контакт, он приказал Дару двигаться ровным шагом, держась ближе к дому, что находился справа.

На пути Полуночника появился гоблин. Удар Урагана почти снес ему голову. Элбрайн быстро выдернул меч и, заметив второго гоблина, нанес тому удар в шею.

После этого он вновь уселся в седло, пристроив меч возле бедра, и сдернул с плеча лук. Откуда-то выпрыгнул поври, еще один оказался на крыше слева. Полуночник избрал цель, что была повыше, и пустил стрелу ему в грудь в тот самый момент, когда тот метнул копье. Со вторым карликом расправился Дар. Конь сбил его с ног и чуть не споткнулся сам, но сумел удержать равновесие.

Элбрайну удалось загородиться луком и частично отклонить метко пущенное копье, и этот защитный маневр явно спас ему жизнь. Однако копье все же ударило его в плечо, зацепившись за рубашку и порвав ткань. Полуночник с ворчанием вырвал копье, собираясь бросить его.

Однако вместо этого он подхватил копье, словно пику, поскольку заметил притаившегося в проеме двери, готового напасть поври. Поври вскинул щит, но опоздал, и конец копья со всего размаху ударил вопящего карлика в рот, выбив зубы, затем прошел сквозь затылок и наконец впился в дерево косяка.

Элбрайн выпустил из рук копье и даже не стал оборачиваться. Поври умирал стоя, корчась и извиваясь.

Полуночник срезал один угол, потом другой, направляясь к северо-восточной части города. Возле следующего поворота его поджидала беда в лице двух великанов. Этих было не свалить ни стрелой, ни ударом копыт Дара.

Когда Джуравиль добрался до развороченного заграждения, там было пусто. Те немногие гоблины и поври, которые уцелели после нападения Элбрайна и удара Пони, рассыпались по улицам Кертинеллы, пытаясь догнать быстрого и недосягаемого Дара. Взмах крыльев перенес Джуравиля через стену, прямо на крышу одного из домов, примыкавшего к заграждению. На крыше он увидел гоблина. Тот, подпрыгивая, следил за передвижением Элбрайна и сообщал об этом другим гоблинам, находившимся внизу.

Джуравиль прополз несколько шагов, держа в руке лук. Затем он припал на одно колено, чтобы лучше прицелиться. Пущенная стрела пробила гоблину череп и застряла у него в голове. Гоблин перелетел через карниз и со всего размаху упал на спину. К этому времени он уже был мертв.

Шорох, раздавшийся за спиной, заставил эльфа быстро обернуться. Он собирался выстрелить снова, но, к счастью, не отпустил тетиву. Через карниз на крышу проворно влезал не гоблин и не поври, а не кто иной, как Роджер.

— А ты что здесь делаешь? — прошептал эльф, когда Роджер скрючился рядом.

— То же самое я мог бы спросить и у тебя, — ответил парень.

Он не сводил глаз с цепочки пленников.

— Их там, должно быть, человек тридцать, — сказал Роджер и тут же двинулся к юго-восточному углу крыши.

Джуравиль не стал его удерживать, но и не присоединился к нему. Чем больше мест, откуда враги получат удары, тем в большем замешательстве они окажутся, и их замешательство — это единственное, что позволит глупому Элбрайну выбраться отсюда живым!

Эльф бесшумно перепорхнул на другую крышу, удалившись к северу, и там его стрелы нашли свои цели. Он выстрелил трижды: в поври, в великана и еще в одного поври, подвернувшегося сбоку, никого не убив, хотя последняя стрела сильно ранила карлика. Зато крики пришедшего в ярость поври помогли отвлечь внимание от Элбрайна. И действительно, на крик со всех сторон начали сбегаться гоблины и поври.

Джуравиль взлетел в ночную темноту, затем несколько изменил направление и приземлился на крышу другого дома. Потом он добежал до противоположного конца, на всякий случай пустил стрелу в зазевавшегося гоблина и перелетел на крышу большого амбара.

Эльф прислушался. Из темноты доносились крики и вой врагов, которые уже не верили, что Элбрайн явился в город один.

Земля полетела из-под копыт Дара, когда Элбрайн, резко повернув коня, попытался объехать великанов справа. Тот, кто был ближе к нему, поднял свою палицу, но Элбрайн оказался проворнее. Он выхватил меч и ударил по поднятой руке великана ниже локтя.

Великан заревел от боли. Ему было не до ответного удара. Элбрайн проскакал мимо него, считая, что дальнейший путь свободен. Однако теперь дорогу загородил другой великан. Хуже всего, что дорога сужалась и Полуночнику было никак не объехать эту глыбу. Опустив меч, Элбрайн схватился за лук, мгновенно приладив стрелу и натянув тетиву.

Он сможет выстрелить только один раз. Промахнуться нельзя.

Стрела, пущенная с расстояния пятнадцати футов, угодила великану прямо в глаз. Ну и вой сотряс ночной воздух! Великан закрыл лицо руками и отвернулся, не переставая кричать и завывать.

— Вперед! — приказал коню Элбрайн.

Он вновь выхватил меч, плотно обхватил ногами бока Дара, и тот, понимая приказ и всю безысходность их положения, помчался во весь опор, ударив по великану.

Одновременно Элбрайн нанес свой удар. Меч со всей силой опустился на шею великана. Тот рухнул на землю. Дар споткнулся, но не потерял равновесия. Полуночник резко натянул поводья, чтобы развернуть коня, поскольку навстречу двигались еще двое великанов.

— Следи за этим и не давай ему влезть в бой, — приказал Элбрайн Дару.

Он бросил меч на землю и взял лук, соскользнув с коня. Спрыгивая, он успел приладить стрелу и, оказавшись на земле, выстрелил. Стрела глубоко вонзилась великану в плечо, однако тот едва обратил на это внимание.

Элбрайн ясно представил себе лица несчастных пленников, собранных на другом конце города, людей, заживо сжигаемых на кострах поври. Внутри поднялась волна ярости, и ярость дала ему силу. Он протянул руку, и волшебный меч, повинуясь его молчаливому приказу, сам влетел к нему в ладонь, дрожа от внутренней силы. Элбрайн ринулся в лобовую атаку.

Для великанов его нападение явилось неожиданностью, и это позволило Элбрайну, припав на колено, увернуться от бокового удара одного из них. Полуночник вытащил меч и ударил великана по коленной чашечке. Тот инстинктивно приподнял ногу и обхватил руками рану. Элбрайн бросился вперед, проскочив под тяжеленным великаньим сапогом. Он забежал за вторую ногу великана и оказался вне досягаемости другого чудища, поспешившего на помощь соплеменнику.

Полуночник повернулся и нанес два удара по ягодицам великана. Тот закачался. В одной руке великан держал палицу, а другой попеременно хватался то за плечо, в котором застряла стрела, то за раненое колено, то за проколотые ягодицы.

Палица едва не задела проворного Элбрайна. Он присел на корточки, позволив ей

просвистеть у себя над головой, потом резко выпрямился и нанес несколько сильных ударов по запястью великана.

Чудище взвыло, палица полетела на землю.

Но этот маневр не прошел бесследно для Полуночника. Он не смог увернуться от палицы великана. Она ударила его в плечо. Он несколько раз перекувырнулся в воздухе и повалился на землю, отчаянно пытаясь смягчить удар.

Элбрайн пришел в себя и изучающе оглядел своего врага. Такого отвратительного великана ему еще не приходилось видеть. Одна губа у того была разорвана, а лоб украшала гнусная татуировка, изображавшая разорванного пополам гоблина. Правого уха не было, в левом болталась тяжелая золотая серьга. Злорадно ухмыляясь, великан посмотрел на своего раненого сородича. Тот кивнул, давая понять, что еще способен сражаться. Тогда одноухий великан медленно двинулся на Элбрайна.

Даже для обученного эльфами воина два великана были выше его возможностей.

Хорошо, что их оставалось хотя бы двое. Полуночник бросил быстрый взгляд на Дара. Лежащий возле коня великан все еще пытался подняться, но Дар каждый раз ударял по нему передними копытами.

Ослепший на один глаз великан отчаянно пытался встать и, едва конь отвернулся, начал подниматься.

Дар позволил ему это сделать, но лишь затем, чтобы с силой лягнуть. Задние ноги коня ударили великана по лицу, и тот растянулся на земле. После этого конь опять начал бить его передними ногами по голове.

Этого Полуночник уже не видел. Его заботило, как увернуться от внезапных ударов ближайшего к нему великана. Тот наносил удары сплеча. От каждого из них дрожала земля. Здесь уже не пригнешься и не проползешь низом.

Второй великан нащупал свою палицу, но, судя по всему, не торопился присоединяться к соплеменнику.

Однако кольцо преследователей сжималось. Полуночник слышал, как они подходят со всех сторон, и понимал, что отпущенное ему время подходит к концу.

Меж тем Пони не сидела сложа руки. После нанесенного ею удара, сделавшего пролом в заграждении и очистившего путь для Элбрайна и Джуравиля (а также и для Роджера, о чем она не подозревала), она сбежала с холма и устремилась на север. Пони старалась быть ближе к Элбрайну, определяя по вражеским крикам и по звону меча его местонахождение. Она не сомневалась, что и ее любимый тоже продвигается в северном направлении.

Пони перемещалась короткими перебежками, от укрытия к укрытию, постоянно оглядываясь и стараясь хоть как-то разобраться в происходящем. Она увидела головы двоих великанов, потом увидела, как один из них вдруг дернулся и взвыл от боли. Значит, они столкнулись с Полуночником. Однако когда над приземистыми домами замаячила голова третьего великана, Пони сообразила, что ее мужу грозит серьезная опасность.

Она полезла в сумку с самоцветами, стараясь найти тот, который мог бы сейчас помочь. Рубин был бесполезен, поскольку ей не хватит времени пробраться к Элбрайну. Можно было бы воспользоваться графитом и пустить молнию поверх крыш. Однако Пони опасалась, что удар коснется и ее любимого, особенно если он ведет ближний бой.

— Малахит, — решила женщина, доставая зеленый обрамленный камень.

Она поднимет одного из великанов в воздух и тем самым внесет некоторую определенность в сложившуюся ситуацию.

Доставая малахит, Пони натолкнулась на другой камень — магнетит — и подумала, что разумнее будет воспользоваться им.

Она подняла руку и сконцентрировала зрение, взглянув через магический камень в поисках какого-нибудь металлического предмета, на который она смогла бы направить удар.

Ничего. Великаны не носили доспехов, а их палицы были деревянными.

Пони закусила губу, вгляделась пристальнее. Снова ничего. Она уже собиралась вернуться к малахиту, когда сердце радостно забилось: она увидела, как еще один великан

упал, и наконец, камень засек металлический предмет на голове оставшегося великана, возле его уха.

Полуночник отпрыгнул в сторону, увернувшись еще от одного удара сплеча. Он выхватил меч, намереваясь сделать внезапный выпад, но великан успел повернуться и оказался вне досягаемости.

Элбрайн понял: у этого есть опыт. Он бросил беспокойный взгляд и увидел, что второй великан следит за ним.

Начался второй круг сражения с гнусным великаном, и опять победителей не оказалось, хотя Полуночнику удалось нанести удар. Однако и в этот раз великан только взвыл, но не от боли, а от смеха. Да и сотоварищ его, похоже, очухался и был готов присоединиться.

— А-аа, сейчас я тебя! — прорычал гнусный великан.

И вдруг слова разом оборвались: голова великана с хрустом наклонилась вбок. Потом она вновь выпрямилась, но глаза его больше не видели Элбрайна. Их застилала темнота. Великан рухнул, упав лицом на землю.

Элбрайн заметил, что у его противника исчезла серьга. Впрочем, не исчезла. Ее вдавило прямо в череп великана, прямо в его мозг!

Не теряя времени, Элбрайн повернулся к последнему великану, нанес стремительный удар и издал торжествующий клич. Фоморием упал навзничь, придавив собой поври, который заворачивал в это время за угол, пытаясь улизнуть.

Происшедшее не стало загадкой для Элбрайна. Он кратко поблагодарил Пони, ибо знал, что помощь пришла от нее. Затем он рассек мечом надвое череп великана и стер с магнетита запекшуюся кровь.

— Дар! — позвал он и побежал за своим луком.

Конь заржал и повернулся, помедлив лишь затем, чтобы нанести последний двойной удар по измолоченному лицу великана. Потом он легким галопом подбежал к Полуночнику. Элбрайн вскочил к нему на спину, примостив у бедра меч и выхватив лук.

Он пустил стрелу в поври, придавленного великаном и упрямо пытавшегося встать на ноги. На всякий случай Элбрайн проехался конем по ним обоим. Потом он устремился в проход и повернул в другой переулок. Погоня продолжалась.

В отличие от Элбрайна, Роджер Не-Запрешь делал все возможное, чтобы не привлекать к себе внимания. Этот проворный воришка осторожно перескакивал с крыши на крышу, если дома стояли близко, или неслышно спускался на землю и подымался вновь, если перепрыгнуть не удавалось. Дважды он, сам того не желая, оказывался на одной крыше с врагом. Но в обоих случаях он вел себя предельно осторожно и двигался неслышно, словно тень. Ни гоблин, ни поври даже не заметили его, поскольку их внимание было поглощено погоней за Элбрайном.

Свет костра все время направлял Роджера и безошибочно вел через город, пока парень не оказался на очередной крыше всего лишь в двадцати футах от пленников. Их было около тридцати. Одежда их давно превратилась в лохмотья, а сами они в глубоком отчаянии сидели на земле, скованные цепью друг с другом. Вокруг толпились враги, но особое внимание Роджер сосредоточил на двоих. Один был великан, такой громадный, какого парню еще не доводилось видеть. Другой — сам Коз-козио Бегулне. Роджер заметил, что все внимательно глядели на главарей.

— Мы обречены! — выл Коз-козио. — Полуночник добрался и сюда. Весь мир стал проклятым местом!

Великан покачал своей огромной головой и спокойным голосом велел поври замолчать.

— Не ты ли хотел, чтобы он сюда пришел?

— Ты ничего не знаешь! — взвился Коз-козио. — Тебя не было там, в долине, в разгар боя, когда он убивал нас.

— Жаль, что не убил, — сухо ответил великан.

Роджер чуть не подпрыгнул. Великан с мозгами? От одной этой мысли парня пробрала дрожь. Обычно считалось, что единственное слабое место у великанов находится над бровями.

Пожав плечами, парень спустился на землю с обратной стороны амбара, куда не достигал свет костра. Роджер обогнул амбар, на цыпочках подобрался к пленникам и примостился между двумя из них. Те немало удивились, но ничем не выдали своего состояния, и Роджер, достав отмычку, принялся за их кандалы.

А я тебе говорю, мы обречены! — снова завыл Коз-козио. — Мы оба!

— Ты наполовину прав, — все так же спокойно ответил великан.

Мейер Дек вдруг сгреб Коз-козио в охапку, поднял в воздух и швырнул отбивавшегося поври прямо в огонь. Карлик взвыл и хотел было выбраться, но языки пламени упрямо поползли за ним. Они охватили его одежду, волосы и добрались до тела. Даже магические браслеты, которые карлик снял с убитого Улга Тик'нарна, не спасли Коз-козио Бегулне от ужасной смерти.

Возникла полная сумятица. Кто-то требовал смерти пленников. Поври орали, призывая расправиться с великаном.

Эта шумиха ничуть не мешала Роджеру заниматься своей работой. Он перемещался между пленниками, последовательно отпирая кандалы и уговаривая людей сохранять спокойствие, пока он не освободит всех.

— Слушать меня! — загремел Мейер Дек.

По правде говоря, на сотню ярдов вокруг не было такого места, куда бы не долетал его громозвучный голос, и не слушать великана было просто невозможно.

— Это всего-навсего один человек, один хлипкий человечишка. Тысячу золотых королевских монет и десять пленников тому, кто принесет мне голову Полуночника!

Эти слова заставили врагов подпрыгивать и кричать от волнения. Многие тут же бросились на поиски Полуночника.

На какое-то мгновение Роджер обрадовался при мысли, что эти твари схватят и убьют Элбрайна. Но потом, сдавленно вскрикнув, парень тут же выбранил себя за одну эту мысль и про себя поблагодарил его. Еще бы: погоня за Элбрайном позволяла Роджеру тихо завершить работу с кандалами. Отпирая очередной замок, Роджер молился о том, чтобы Элбрайн остался цел и невредим.

Элбрайн прижался к стене дома, чувствуя приближение погони.

— Я с тобой, Полуночник, — послышалось сверху, и Элбрайн искренне обрадовался этому голосу.

Затем он услышал пение тетивы, тихий шорох крыльев, а через несколько секунда Белли'мар Джуравиль с луком в руке уже восседал позади него на спине Дара.

— Ты стреляй по тем, кто появится спереди, а я буду прикрывать фланги и тыл, — предложил эльф, пустив при этом очередную стрелу. Джуравиль не промахнулся: стрела попала великану прямо в лицо, но тот лишь зарычал и отшвырнул ее прочь.

— Правда, я боюсь, что растрачу все свои стрелы, пытаясь убить хотя бы одного великана, — добавил эльф.

Впрочем, это было не особо важно, поскольку никто из преследователей не смог бы приблизиться к стремительно несущемуся Дару. Наклонив голову и раздувая ноздри, жеребец на скаку взрывал копытами землю. Благодаря телепатической связи с конем Элбрайну не требовались поводья. Любой из врагов, оказывавшихся на пути, получал стрелу из волшебного лука Полуночника, а копыта Дара довершали дело. Вскоре Элбрайн и Джуравиль свернули в проезд, тянувшийся вдоль западной окраины Кертинеллы и ведущий прямо к заграждению.

Здесь Дар резко остановился.

— Нам не подобраться к ним, — сказал Джуравиль, оглядываясь на костер.

На пути туда кишмя кишели враги.

Полуночник что-то проворчал и собрался пришпорить коня.

— Нет! — остановил его Джуравиль. — Ты храбро и не без пользы проехался по городу, но повторять это было бы совершенной глупостью. Какие надежды останутся тем людям, если Полуночник падет сраженным у них на глазах? Надо уходить из города. Слышишь? Это единственный выход.

Элбрайн огляделся по сторонам. Он слышал, как сзади и с востока приближались его преследователи. Он не стал спорить с эльфом, а натянул поводья и развернул коня на запад, в сторону заграждения, за которым расстилалась ночная тьма.

Стоя всего в нескольких футах от стены, Пони находилась в замешательстве, отчаянно пытаясь что-либо предпринять. Она не знала, где именно находится Элбрайн, хотя была полностью уверена, что он добрался до этой части города. У нее не оставалось времени на поиски с помощью кварца или гематита. Ударить молнией наобум было бы непозволительным риском.

Но что тогда?

В руке она держала бриллиант, источник света и тепла. Пони знала, что магия этого камня обладает тонким равновесием; свет и тьма внутри его не были абсолютны, а различались по степени того и другого. Поэтому свет бриллианта мог быть и ослепительно ярким, и приглушенным. Пони задумалась: а что, если сдвинуть равновесие в другую сторону?

— Нашла время для игры, — саркастически прошептала она, попадая под магическую силу камня.

Равновесие ей представлялось в виде кружка, надетого на кончик вязальной спицы. Если поднять краешек этого кружка вверх, появится свет.

Вместо этого Пони опустила его вниз.

Костер неожиданно потускнел, огни факелов замигали и начали слабеть, пока не превратились в искорки света. Поначалу Полуночник подумал, что это порыв ветра. Наверное, ветер дул где-то в вышине, предположил он, поскольку его кожа не ощущала дуновения. Мысль показалась ему нелепой: какой ветер смог бы с такой легкостью потушить огромный костер?

Затем опустилась полная мгла, и Дар, по-прежнему державший путь к западной стене, сбавил шаг, не видя заграждения и не зная, где ему перепрыгивать.

— Это Джилсепони с ее камешками, — предположил Джуравиль, хотя сам эльф опасался, что причина неожиданной мглы может оказаться иной и свидетельствовать о появлении демона-дракона.

Эльфу однажды уже пришлось столкнуться с этим исчадием, когда он покинул идущего на Аиду Элбрайна и повел беженцев под прикрытие Эндур'Блоу Иннинес. Тогда демона-дракона окружало облако тьмы. Правда, та тьма отличалась от нынешней, и скорее, была сравнима с волной отчаяния, подступившей к сердцу, чем с отсутствием света для глаз.

— Они ослеплены, — сказал Элбрайн, заметив, как лихорадочно мечутся враги на всем протяжении дороги. Полуночник понял, что они потеряли из виду не только его, но и землю под ногами, и стены вокруг.

— Я тоже ничего не вижу, — быстро отозвался Джуравиль.

Элбрайн задумался. Он надеялся, что Пони действительно удалось с помощью магии ослепить врагов. Эльф говорит, что тоже перестал видеть. Но почему сам он видит?

Кошачий глаз — вот и ответ. Самоцвет, вделанный в обруч, что был надет у него на голове. Как бы там ни было, Полуночник не собирался упускать открывавшуюся возможность. Он телепатически приказал Дару повернуться и скакать назад, туда, где находился костер и узники. Как уже прежде не раз бывало, Элбрайн стал «глазами» коня и, общаясь с ним при помощи бирюзы, направлял его бег.

— Держись крепче, — велел Элбрайн Джуравилю, и тот охотно подчинился, ибо стрелять в кромешной мгле из лука он не мог.

Они приближались к центру города. Полуночник старался изо всех сил, помогая Дару

объезжать бредущих ощупью гоблинов и поври и держаться подальше от двух великанов, маячивших возле домов. Внезапно конь вылетел из тьмы и оказался прямо перед костром. Большинство врагов продолжало блуждать в потемках, разыскивая Элбрайна, но громадный Мейер Дек стоял возле огня, поигрывая тяжелым мечом.

Бросив взгляд в сторону, Элбрайн заметил среди цепочки пленников Роджера, лихорадочно пытавшегося открыть замок кандалов.

— Долго же мне пришлось ждать, — спокойно и лениво произнес великан.

— Мне тоже, — угрожающим тоном ответил Элбрайн.

Самое главное сейчас — подольше удержать внимание великана и всех остальных.

— И мне тоже! — раздалось за спиной у Элбрайна.

С этими словами Джуравиль пустил стрелу прямо в лицо Мейеру Деку.

Великан отшатнулся, но с таким же успехом он мог оставаться неподвижным; метко пущенная стрела в последнее мгновение отклонилась и пролетела мимо.

— Быть этого не может, — пробормотал Джуравиль.

Полуночник лишь тяжело вздохнул. Он понял, в чем дело, поскольку уже видел такое прежде. Когда он сражался в лесу с Улгом Тик'нарном, Элбрайн тоже никак не мог понять, почему его стрелы не попадают в поври.

Судя по всему, земная магия оберегала и Мейера Дека. Даже если бы великан сражался, будучи голым и не имея никакого оружия, кроме собственных рук, такая магическая защита обеспечивала ему серьезные преимущества. Полуночник не сомневался в этом.

— Ну что, Полуночник, пошли! — прогремел великан.

Он запрокинул голову и затрясся от издевательского смеха.

Однако веселье разом оборвалось, когда послышались тревожные крики сотоварищей Мейера Дека. Все пленники, а с ними и Роджер разбежались в разные стороны. Некоторые напали на ближайших к ним врагов и завладели их оружием, другие побежали со всех ног прочь или взобрались на заграждения.

— Это еще что? — заревел великан, озираясь вокруг. — Забудьте о них! — чуть ли не выл он, указывая на Элбрайна. — Забудьте обо всех, кроме этого! Это Полуночник! Мне нужна его голова!

Элбрайн пришпорил коня. Нет, он не поскакал прямо на Мейера Дека. Было бы глупо затевать с ним бой прямо сейчас. Вместо этого Полуночник пустил Дара вкруговую. Конь поскакал, давя копытами врагов. Звенел меч Элбрайна, нанося смертельные удары, а Джуравиль вновь пускал стрелы из своего маленького лука. Сейчас требовалось создать замешательство, и двое всадников на великолепном коне мастерски справлялись с этой задачей.

Элбрайн содрогнулся, увидев человека, раздробленного молотом поври, затем другого, расплющенного палицей великана. Однако большинству пленников удалось бежать, перебравшись через заграждения и скрывшись в лесу. На стене, напротив костра, Полуночник заметил Роджера. Парень улыбнулся ему, помахал рукой и скрылся из виду.

Наведенная магической силой тьма рассеялась. Элбрайн пустил коня по проезду в направлении окраины, расправляясь с ошеломленными врагами, которые оказывались поблизости. Затем он резко развернулся и вновь поскакал к центру города, стараясь привлечь внимание к себе и отвести угрозу от пленников.

Полуночник продолжал кружить, и казалось, что Дар всегда бежал на один шаг впереди своих преследователей, в числе которых находился и разъяренный Мейер Дек. Джуравиль запел насмешливую песенку, сопровождая каждую строчку мастерски пущенными стрелами.

Так прошло несколько минут. Дар тяжело дышал. Кольцо преследователей сжималось, и Элбрайн благоразумно решил, что пора кончать эту игру. Он направил коня к ближайшему участку заграждения. Перебравшись через него, всадники устремились в ночь. Полуночник решил двинуться на юго-восток, затем, дав большой крюк, повернуть к лагерю беженцев. Пленников придется вручить заботам Роджера и Пони.

Однако Элбрайну пришлось изменить свои замыслы, когда на южной окраине он

заметил массивную фигуру Мейера Дека. Великан переступил через заграждения и побежал в лес.

Значит, сражения с великаном не избежать.

— Мы должны держать их в замешательстве, — сказал Джуравиль, перебираясь со спины Дара на ветку ближайшего дерева.

— Этим придется заняться тебе, — ответил Элбрайн. — У меня неотложное дело на юге.

— Великан? — недоверчиво спросил Джуравиль. — Но он же заколдован!

— Я уже видел подобную магию, — сказал Элбрайн, — и я знаю, как с ней справляться. Он хочет со мной сражаться. Что ж, он это получит!

Джуравиль ничего не сказал вослед удаляющемуся Элбрайну.

Погоня за пленниками едва ли даже могла называться погоней. Гоблины и поври кружили по лесу, не зная толком, куда двигаться. Вскоре многие прекратили это занятие, во-первых, потому, что не понимали, за кем гонятся, а во-вторых — им вовсе не улыбалось столкнуться один на один с Полуночником.

Только упрямый Мейер Дек продолжал идти вперед, призывая Элбрайна выйти и сразиться с ним.

Благодаря этим призывам Полуночник достаточно точно знал, где находится великан. Его порадовало, что погоня захлебнулась, и ослепленный яростью Мейер Дек остался один. Но вначале, подумал Элбрайн, ему необходимо разыскать Пони.

— Солнечный камень, — пробормотал он.

Элбрайн вспомнил, как с помощью этого камня Эвелин сломил магическую защиту Коз-козио Бегулне. Но он тут же вспомнил, что в сумке Эвелина солнечного камня не оказалось; самоцвет исчез в момент взрыва Аиды.

Тогда Полуночник взглянул на свой меч. В его рукоятку был вделан особый камень, представлявший собой сочетание различных самоцветов, включая и солнечный камень.

Впереди появилась массивная фигура фоморийца. От лужайки, где находился Элбрайн, его отделяли лишь кустарники да несколько сосен.

— Помоги мне, Ураган, — прошептал Элбрайн.

Он объехал лужайку, скрываясь за деревьями, и появился с противоположного ее конца, когда великан был уже на полпути.

Мейер Дек несколько опешил, удивившись, что человек осмелился открыто выйти ему навстречу.

— Ты отправился сюда искать меня, — спокойным голосом произнес Элбрайн. — Ты меня нашел. Так давай кончать с этим.

— Кончать с тобой! — послышался громогласный ответ.

Мейер Дек подозрительно озирался по сторонам.

— Я здесь один, — уверил его Элбрайн. — Насколько мне известно, разумеется. Ты все время пытался идти за мной по следу, но я сам вышел на твой след.

Полуночник телепатически передал Дару несколько приказов, велев коню прийти ему на помощь, если подведет солнечный камень. Затем он спрыгнул с седла, держа в руке меч, и медленным, твердым шагом пошел навстречу фоморийцу.

С каждым его шагом злорадная улыбка на лице Мейера Дека становилась все шире. Великан предполагал, что по возвращении в город у него могут быть кое-какие неприятности. Еще бы: ведь он швырнул вожака поври в костер. Но разве все они — великаны, гоблины и даже упрямые поври — не склонятся почтительно перед ним, когда он войдет в город с головой Полуночника? Мейер Дек не допускал даже мысли о собственном поражении. На нем были особые браслеты с шипами — подарок демона-дракона, и потому никакому оружию не одолеть их магической силы.

Однако, к полному удивлению великана, Полуночник стремительно пробежал последние пятнадцать футов, подпрыгнул и сделал быстрый выпад, сильно ударив его в живот. Сверкающий меч прорвал одежду и кожаный пояс и почти наполовину вошел в глубь

живота Мейера Дека.

Элбрайн сразу же вытащил меч и сплеча ударил великана по колену. Как он и предполагал, нога великана дернулась, и Элбрайн, проскользнув под массивными, словно стволы деревьев, бедрами великана, упал и покатился головой вперед. Тяжеленный меч великана ударил по траве, не причинив ему вреда.

Сделав пол-оборота и поджав под себя ноги, Полуночник вновь прыгнул на великана, когда тот лишь начал поворачиваться, и нанес ему еще один удар, глубоко ранив подколенное сухожилие. После этого Элбрайн соскочил и обежал вокруг великана, затем резко повернулся, чтобы находиться с Мейером Деком лицом к лицу.

Великан явно испытывал боль и замешательство. Одной рукой он крепко прижимал вываливающиеся из раны кишки.

— Ты верил, что доспехи твоего демона спасут тебя от моих ударов, — сказал Элбрайн. — Однако подарок Бестесбулзибара обернулся против тебя, Мейер Дек, ибо моя магия, магия милосердного Бога, несравнимо сильнее!

В ответ Мейер Дек зарычал и бросился на Элбрайна.

Полуночник выпрыгнул вперед, вскинул над головой меч, словно намеревался парировать удар. На самом деле он даже не надеялся остановить сокрушительный удар меча великана, и Элбрайн это прекрасно сознавал. Поэтому он в последний момент отскочил в сторону, позволив вражескому мечу полоснуть воздух, а потом вновь ударил Мейера Дека в живот.

Мейер Дек сумел довольно быстро зажать в руке тяжелую рукоятку своего меча и частично отвести удар. Затем он резко отвел руку в сторону. Рукоятка ударила юркого Элбрайна в его раненое плечо, и тот кувырком полетел на землю.

Элбрайн не потерял равновесия и тут же вскочил на ноги. Однако после тяжелого удара правое плечо саднило и дергалось. Мейер Дек, увидев, что получил небольшое преимущество, бросился вслед за Элбрайном, бешено размахивая мечом.

Великан сделал неторопливый выпад, проверяя оборону Элбрайна. Меч Полуночника со звоном ударился о массивное лезвие великаньего меча, потом еще раз, отводя его в сторону.

— А ты хорошо умеешь махать своим тощим мечом, — заметил великан.

— К сожалению, только не тогда, когда он находится у тебя в брюхе, — ответил Элбрайн.

Как и следовало ожидать, Мейер Дек свирепо зарычал и взмахнул своим мечом, нацелившись снести Элбрайну голову с плеч.

Однако Полуночник к этому моменту уже находился на коленях и, едва массивное лезвие просвистело у него над головой, сразу же поднялся. Его меч метнулся влево, вправо, потом опять влево, после чего он нанес три лобовых удара, нацеленных великану в живот.

Элбрайн тут же нырнул вниз, потому что великан внезапно изменил направление и ударил слева. На этот раз лезвие прошло так низко, что Полуночнику пришлось распластаться на земле.

Мейер Дек бросился вперед, поднял свою ножищу и с силой топнул, рассчитывая тяжеленным сапогом вдавить Элбрайна в землю.

Элбрайн откатился, потом еще раз. Великан продолжал надвигаться. Откатившись в третий раз, Полуночник поджал под себя ногу. Когда Мейер Дек вновь занес свою огромную ногу, Элбрайн распрямился, словно пружина, схватил обеими руками рукоятку Урагана, уперев ее в грудь, и с силой вонзил меч в подошву великаньей ноги прежде, чем тот успел топнуть.

Лезвие пропороло кожу сапога, как бумагу, и вонзилось в ногу. Мейер Дек пытался высвободиться, но Элбрайн не сдавался.

Вся поляна содрогнулась, когда Мейер Дек с размаху повалился на спину. Великан ощущал, как Элбрайн, вспрыгнув на его бедро, стал подниматься вверх по туловищу. Мейер Дек попытался схватить его своей свободной рукой, но взмахом меча ему отсекло фалангу

одного пальца и ранило другие.

Полуночник добрался до массивной груди великана, затем подпрыгнул, оказавшись над его плечом, и нанес удар в шею. Затем он отскочил назад и, оказавшись на ногах, обежал корчащегося великана, стараясь не зацепиться за его огромный меч.

Элбрайн успел отбежать на двадцать футов, когда Мейер Дек шатаясь поднялся на ноги. Кровь фонтаном хлестала у него из шеи. Исход всего этого был ясен.

— Нет, ты заплатишь мне за все, жалкая крыса! — зарокотал Мейер Дек. — Я раскрою тебя надвое. Я…

Великан замолчал, приложил покалеченную руку к шее, затем поднес к лицу, с удивлением увидев, что она залита кровью. Мейер Дек оторопело оглянулся на Элбрайна.

Тот, убрав меч в ножны, садился на коня.

— Ты мертв, Мейер Дек, — объявил Элбрайн. — Единственное, что могло бы тебя спасти, — это магия милосердного Бога. Но вряд ли Бог будет милосерден к тому, кто совершил столько отвратительных преступлений.

Полуночник развернул коня и поскакал прочь.

Мейер Дек хотел было двинуться вслед за ним, но остановился и вновь поднял руку, проведя ею по шее. Когда он убедился, что кровь безостановочно струится из его шейной раны, он крепко зажал ее и бросился в сторону Кертинеллы.

Но, еще не успев пересечь поле, великан почувствовал, как у него холодеет тело. Он ощутил прикосновение смерти и увидел, как глаза заволакивает тьма.

ГЛАВА 14
ПРАВЫЕ И ВИНОВАТЫЕ

— Да что ж это делается, господин священник? — стуча зубами и заикаясь, спрашивала женщина. — Я так и не возьму в толк, что вам понадобилось от бедной старой Петтибвы.

Отец-настоятель Маркворт недоверчиво посмотрел на женщину, зная, что она — отнюдь не такая дурочка, какой старается казаться. Естественно, она сильно напугана, вот и несет разную чушь. Еще бы! Ее вместе с мужем Грейвисом и сыном Греди вытащили прямо из принадлежавшего им маленького трактира «У доброго друга», что в бедном квартале Палмариса, и привели сюда.

Маркворт отметил про себя: надо будет поговорить с братьями Юсефом и Данделионом. Принуждение должно быть скрытым, незаметным для принуждаемых. А эти своими жестокими действиями лишь насторожили всех троих, и теперь вытянуть из них какие-либо сведения будет намного труднее. Не окажись там самого Маркворта, его подручные явно покалечили бы это семейство, а то и вовсе убили бы их сына Греди.

— Не волнуйтесь, госпожа Чиличанк, — с притворной улыбкой произнес отец-настоятель. — Мы просто разыскиваем одного из наших собратьев, только и всего. У нас есть основания полагать, что этот человек встречался с вашей дочерью.

— Киска? — воскликнула женщина, и от Маркворта не ускользнуло, что в ней что-то шевельнулось, хотя он и не представлял, о какой «Киске» идет речь.

— Я говорю о вашей приемной дочери, — вновь сказал он. — О сироте из Тимберленда.

— Киска, — искренне согласилась Петтибва. — Бродячая Киска, так мы ее звали, вы же знаете.

— О таком имени я не слыхал, — признался отец-настоятель.

— Ну, Джилл, так ее звали по-настоящему, — пояснила трактирщица. — Точнее, это часть ее имени. О, как бы я хотела снова увидеть мою Джилли!

Джилли. Маркворт несколько раз мысленно повторил это имя. Джилли… Джилсепони… Пони. Да, все прекрасно совпадает.

Если вы нам поможете, то, скорее всего, увидите ее, — пообещал довольный Маркворт. — У нас есть все основания полагать, что она жива и здорова.

— И служит в королевской армии, — добавила Петтибва.

Маркворт ловко скрыл свою досаду. Если Петтибва и ее семейство не знают ничего нового, то вряд ли от них будет много толку.

— Я же говорила другому вашему священнику, что не знаю, куда отправили мою девочку, — продолжала трактирщица.

— Другому священнику? — повторил отец-настоятель.

Неужели брат Квинтал уже успел ее порасспросить? — с удивлением и надеждой спросил себя Маркворт. Если это так, значит, Квинтал обязательно должен был обнаружить связь между Эвелином и семьей Чиличанк.

— Вы, наверное, имеете в виду кого-нибудь из монахов Сент-Прешес? — осторожно спросил Маркворт.

— Нет, здешних братьев я знаю почти всех. Как-никак отец Добринион сам венчал мою Джилли, — с гордостью произнесла Петтибва. — А у того священника была такая же темно-коричневая сутана, как ваша. И выговор у него был такой, как у людей из восточных земель. Санта-Мир-Абель, так вы назвали ваше место? Припоминаю, он тоже был оттуда.

Отец-настоятель придумывал способ удостовериться, что это был действительно Квинтал, не вызвав подозрений Петтибвы. Однако словоохотливая женщина сама пришла ему на помощь.

— Он был такой большой и толстый, клянусь вам! — сказала она. — Вы, должно быть, хорошо кормите их у себя в Санта-Мир-Абель. Скажу вам по правде, и вам самому не мешало бы чуточку поправиться!

На какое-то мгновение Маркворт опешил: на мускулистом теле Карающего Брата не было ни складки жира.

И вдруг он понял и теперь едва сдерживал волнение:

— Брат Эвелин? — прошептал он. — С вами говорил брат Эвелин из Санта-Мир-Абель?

— Эвелин, — сорвалось с языка Петтибвы. — Да, господин, вы правы. Брат Эвелин приходил расспросить меня о моей Джилли.

— Она тогда жила с вами?

— Нет, к тому времени она уже давно находилась в армии, — вздохнула Петтибва. — А он хотел разыскать ее. Расспрашивал, откуда она родом и как оказалась у нас с Грейвисом. До чего ж обходительный мужчина!

— И вы рассказали ему?

— А как же! Все и рассказала, — призналась Петтибва. — Я не собираюсь гневить церковь!

— Советую вам хорошенько помнить эти слова, — сухо произнес отец-настоятель.

Он понимал, что кусочки мозаики начинают складываться в цельную картину и между ними не остается пустых мест. Скорее всего, Эвелин повстречал эту Пони, или Джилли, где-то возле Пирет Талме, после вторжения поври, и затем отправился с ней через Палмарис на север. Там они встретились с кентавром. Маркворт предполагал, что девчонка уцелела после взрыва на Аиде, равно как и ее таинственный дружок по кличке Полуночник, которого, сам того не желая, живописал Смотритель. И теперь камни находились у них.

— Я могла бы приготовить вам замечательную жирную поджарочку, — лепетала Петтибва, когда Маркворт вернулся к разговору.

Судя по ее пышным формам, подумал он, еда занимала в ее жизни одно из важнейших мест.

— Я бы не отказался, — ответил отец-настоятель. — Но только не сейчас.

— Уж конечно, не сейчас, — согласилась Петтибва. — Приходите к нам в трактир сегодня вечером или когда сможете, и я на славу угощу вас.

— Боюсь, что сегодня вы не вернетесь в трактир, — объявил ей Маркворт, поднимаясь из-за массивного стола отца Добриниона и делая знак брату Данделиону, который скрывался в тени просторного кабинета. — И в ближайшее время тоже, — добавил он.

— Но…

— Вы только что сказали, что не собираетесь гневить церковь, — перебил ее Маркворт. — Я помню эти слова, любезная Петтибва Чиличанк. Наше дело — исключительно важное и безотлагательное, и оно не идет ни в какое сравнение с доходами вашего жалкого трактира.

— Жалкого? — повторила Петтибва настороженным и сердитым тоном.

— Брат Данделион проводит…

— А я так не считаю! — огрызнулась трактирщица. — Я, господин отец-настоятель, не враг церкви, но у меня есть своя жизнь и своя семья.

Маркворт не стал отвечать; он порядком устал от этой болтливой женщины и был достаточно раздосадован ее словами. По сути дела, она лишь подтвердила то, что он и так знал. Он вновь сделал знак брату Данделиону. Тот подошел к Петтибве и схватил ее за круглый локоть.

— А ну-ка пустите меня! — закричала трактирщица, пытаясь вырваться.

Данделион вопросительно взглянул на Марквортa.

Отец-настоятель кивнул. Тогда монах вновь схватил Петтибву, уже сильнее. Она попыталась вырваться, но хватка Данделиона была железной.

— Поймите же, госпожа Чиличанк, — ледяным тоном произнес Маркворт, приблизив к ней свое старческое морщинистое лицо. — Вы все равно пойдете с братом Данделионом, какие бы действия ему ни пришлось для этого применить.

— И после этого вы еще называете себя благочестивым человеком? — бросила ему Петтибва, однако ее злость прошла, уступив место обыкновенному страху.

Она вновь попыталась вырваться, но брат Данделион сильнее сжал пальцы и больно ударил ее, заставив замолчать.

От нестерпимой боли у трактирщицы подкосились ноги. Тогда Данделион просунул ей руку под мышку и обвил плечо. Так он повел Петтибву из кабинета, не переставая сдавливать ее пальцы.

Маркворт, безразличный к страданиям трактирщицы, вернулся за стол.

Едва Данделион и его жертва скрылись в дверях, в кабинет вошел порядком рассерженный настоятель Добринион.

— Это так вы обращаетесь с моими прихожанами? — сурово спросил он.

— Так церковь обращается с теми, кто не желает ей помогать, — холодно ответил отец-настоятель.

— Не желает? — недоверчиво повторил Добринион. — Или не может? Семейство Чиличанк — исключительно честные и порядочные люди, кого ни спросите. Если они не могут помочь в ваших поисках…

— В моих поисках? — загремел Маркворт, вскакивая на ноги и ударяя кулаком по столу. — Вы думаете, будто я один заинтересован в них? Да вы хоть в состоянии понять важность всего этого?

Добринион замахал рукой, пытаясь успокоить распалившегося старика. Однако примирительный жест лишь подбавил масла в огонь.

— Мы нашли еретика Эвелина, — пролаял он. — Представьте, мы нашли его. Мертвого, чего он и заслуживал, погибшего при взрыве на Аиде. Вероятно, против него восстал его же союзник — демон-дракон. Или он слишком переоценил собственную власть и силу, ибо гордыня всегда была в числе его многочисленных грехов!

Настоятель Добринион едва ли был способен хоть как-то ответить. Его в равной степени ошеломили слова Марквортa и беспредельная ярость, с какой тот их произносил.

— А эта женщина, — продолжал отец-настоятель, указывая костлявым пальцем на дверь, в которую вышли Петтибва и Данделион, — и ее коварное семейство могут располагать кое-какими ответами, касающимися местонахождения наших камней. Наших камней, дарованных Богом Санта-Мир-Абель и украденных вором и убийцей Эвелином Десбрисом, да будет проклято его злое имя! Известно ли вам, отец Добринион, какое

количество самоцветов он похитил? Если эти камни попадут в руки врагов церкви, война станет повсеместной, можете не сомневаться!

У Добриниона возникло подозрение, что здесь отец-настоятель передергивает. Он успел поговорить с магистром Джоджонахом, и того пропавшие камни вовсе не волновали так, как Маркворта. Но Добринион и сам был старым человеком, чье время в этом мире быстро приближалось к концу. Он понимал значимость репутации. Превыше всего Добриниону хотелось, пока он еще возглавлял Сент-Прешес, добиться канонизации брата Аллабарнета. И здесь он вполне поддерживал упорное стремление Маркворта вернуть камни.

Пожалуй, он мог бы сейчас сказать обо всем этом отцу-настоятелю. Но того было не остановить. Маркворт вошел в раж и начал вдруг излагать учение церкви, затем заговорил о магистре Сигертоне — прекрасном человеке, убитом Эвелином. С Сигертона он перескочил на семейство Чиличанк и с пафосом заявил, что владельцы трактира могут быть единственной нитью, способной привести к вероломной девчонке и похищенным самоцветам.

— И не надейтесь, что здесь я отступлюсь, — закончил Маркворт, понизив голос до угрожающего шепота. — Если попытаетесь мне помешать, я отплачу вам в тысячекратном размере.

У Добриниона даже вытянулось лицо. Он не привык, чтобы ему угрожал человек, входивший с ним в один орден.

— Как вам известно, магистр Джоджонах отправился в Сент-Хонс для улаживания дел, связанных с канонизацией брата Аллабарнета, — уже спокойным тоном произнес Маркворт. — Я в любой момент могу вернуть его и зарубить канонизацию на корню.

Добринион уперся ногами в пол и расправил плечи. Ему показалось, что отец-настоятель переступил очень опасную грань.

— Я признаю, что вы являетесь главой Абеликанской церкви и человеком, облеченным огромной властью, — произнес Добринион. — Но вопрос канонизации простирается за пределы вашей личной власти и подлежит решению всеми аббатами, а не одним лишь отцом-настоятелем Санта-Мир-Абель.

Маркворт засмеялся, не дав ему договорить.

— Зато я мог бы рассказать удивительные истории про брата Аллабарнета, — со злорадной усмешкой сказал он. — Позабытые свидетельства, обнаруженные в подземельях Санта-Мир-Абель. Скажем, дневник этого досточтимого брата, где он описывает свои странствия по восточным землям. Чего там только нет! И шумные скандалы, и разные непотребства с женщинами, и обильные возлияния. Даже мелкая кража!

— Это невозможно! — вскричал Добринион.

— Очень даже возможно, — не колеблясь, мрачным голосом возразил Маркворт. — Сфабриковать подобные истории и придать этим записям соответствующий внешний вид — пара пустяков.

— Ложь не выдержит испытания временем, — не сдавался Добринион. — Такую же клевету изливали и на святого Гвендолина Морского, но это не помешало причислить его к лику святых!

— Но оттянуло канонизацию почти на двести лет, — бесцеремонно напомнил ему отец-настоятель. — Возможно, ложь не выдержит испытания временем, впрочем, как и ваши старые кости, друг мой.

Добринион с трудом удержался, чтобы не упасть. У него было чувство, будто его жестоко избили.

— Я намерен собирать сведения всеми необходимыми для этого средствами, — бесстрастно произнес Маркворт. — В данный момент Грейвис, Петтибва и Греди Чиличанк задержаны по подозрению в заговоре против церкви и самого Бога. Возможно, мне придется говорить и с этим Коннором Билдеборохом, чтобы выяснить, не является ли и он причастным к заговору.

Добринион хотел было ответить, однако решил удержать свои мысли при себе. Коннор Билдеборох — любимый племянник палмарисского барона, и барон относится к нему как к сыну и наследнику. А Рошфор Билдеборох обладает немалой силой и влиянием. Но пусть отец Маркворт убедится в этом сам, решил Добринион. Этот старый мерзавец рискует нажить себе очень могущественного и опасного врага.

— Как желаете, отец-настоятель, — ответил Добринион и с кратким поклоном вышел из кабинета.

Когда за ним закрылась дверь, Маркворт насмешливо фыркнул, считая, что поставил Добриниона на место.

В тот вечер Коннор Билдеборох направился в трактир «У доброго друга». Интересно, думал он, удастся ли ему сегодня узнать от Дейнси Окоум что-нибудь новенькое. Служанка трактира отнюдь не была красавицей, да и умом не блистала, но отличалась достаточной наблюдательностью. Это было на руку Коннору, который не раз пользовался ее простодушием в своих целях.

Племянник барона частенько наведывался в этот трактир, хотя, сказать по правде, после разрыва его брака с Джилл отношения между ним и Петтибвой Чиличанк стали достаточно натянутыми. Однако ее сын Греди по-прежнему был рад считать молодого аристократа своим другом, и даже Грейвис не слишком винил Коннора за расстроившийся брак. Как-никак, ведь это Джилл отказала ему в выполнении супружеских обязанностей.

И потому Коннор продолжал бывать в трактире «У доброго друга», хотя человек его положения, несомненно, встретил бы радушный прием в лучших тавернах Палмариса. Но там он был лишь одним из знатных посетителей, а здесь, среди привычного шума и гама, он ощущал свое превосходство во всем.

К удивлению Коннора и многих завсегдатаев трактира, заведение оказалось закрытым. Освещены были только две комнаты для постояльцев, находившиеся на втором этаже, и кухня. Коннор заметил, что лучик света выбивался и из-за ставен небольшой комнатки в задней части дома, где когда-то жила Джилл, а теперь обитала Дейнси.

Он осторожно постучал в дверь и негромко позвал девушку:

— Дейнси, выйди и объясни, что у вас происходит.

Ответа не было.

— Дейнси Окоум, — уже громче позвал Коннор. — Ты бы видела, сколько народа околачивается на улице. Нас что, так и будут мариновать?

— Дейнси здесь нет, — ответила девушка, неумело стараясь изменить голос.

Коннор отпрянул. Его удивило, что в голосе звучал какой-то страх.

— Черт побери, да что здесь происходит? — спросил он.

Опять молчание.

— Дейнси, это Коннор… Коннор Билдеборох, племянник барона, — уже жестче произнес он. — Я знаю, что ты прячешься за дверью и слышишь каждое мое слово. Я требую, чтобы ты объяснила мне, что здесь происходит!

Вместо ответа послышалось негромкое всхлипывание.

Это еще более взволновало и насторожило Коннора. Здесь явно что-то случилось, и, быть может, нечто ужасное.

— Дейнси! — теперь уже закричал он.

— Ой, господин Билдеборох, прошу вас, ступайте отсюда, — послышался умоляющий голос. — Я не сделала ничего плохого. Уж и не знаю, какими прегрешениями хозяин с хозяйкой могли так разозлить церковь. За моей дверью нет греха. И сплю я всегда одна… ну, было с вами… и всего-то два, нет, три раза.

Коннор лихорадочно пытался разобраться в услышанном. Прегрешения против церкви? Со стороны семейства Чиличанк?

— Быть этого не может! — громко произнес племянник барона.

Он намеревался со всей силой ударить в дверь, но сдержался и решил поступить по-иному. Девчонка напугана, и явно не без причины. Если он напугает ее еще сильнее, то из

Дейнси вряд ли удастся что-нибудь вытянуть.

— Дейнси, — тихим и ласковым голосом заговорил Коннор, стараясь успокоить ее. — Ты же меня знаешь, и знаешь, что я — друг семьи Чиличанк.

— Не припомню, чтобы хозяйка ставила вас так высоко, — резко ответила Дейнси.

— Но ты же знаешь, в чем причина, — сказал Коннор, изо всех сил стараясь говорить спокойно. — Тебе известно, что я не виню Петтибву за то, что она терпеть меня не может. Но я по-прежнему прихожу сюда и считаю это место своим домом. Я не враг семейству Чиличанк и не враг тебе.

— Как же, рассказывайте!

— Подумай, ведь я бы мог поступить по-иному, — изменил тактику Коннор. — Я бы мог привести солдат, и эта дверь недолго оставалась бы запертой.

— Дейнси здесь нет, — послышалось из-за двери. — Я ее сестра и не знаю, о чем таком вы говорите.

Коннор застонал и ударил дверь лбом.

— Ну что ж, ладно, — сказал он. — Я ухожу. И тебе не советую здесь засиживаться и ждать, пока эти монахи явятся за тобой.

Чуть отойдя от двери, Коннор зашагал на месте. С каждым шагом он ступал все тише, и создавалось впечатление, что он удаляется. Как он и предполагал, дверь вскоре приоткрылась. Коннор быстро просунул в щель ногу и со всей силой уперся плечом в дверной косяк.

Дейнси была горячей девчонкой, а тяжелые подносы, которые ей приходилось таскать, сделали ее сильной. Поэтому без потасовки не обошлось. Наконец Коннору все же удалось пробраться в комнату и быстро закрыть за собой дверь.

— Я буду кричать! — пригрозила испуганная Дейнси, отступая вглубь комнаты.

Под руку ей попалась сковорода, стоявшая на ночном столике. Дейнси схватила ее и перевернула, забыв про находившиеся там разбитые яйца. Те с брызгами полетели на пол.

— Убирайтесь! — потребовала она, размахивая сковородкой.

— Дейнси, да что с тобой? — спросил Коннор.

Он сделал шаг вперед, но под натиском мелькавшей в воздухе сковороды поспешно отступил и поднял обе руки.

— Где семья Чиличанк? Ты должна мне сказать.

— А то вы не знаете? — с упреком сказала Дейнси. — Небось, ваш дядюшка с ними заодно!

— Заодно… в чем? — спросил ошеломленный Коннор.

— Да в том, что хозяина с хозяйкой арестовали! — заплакала Дейнси, и слезы потекли по ее пухлым щекам.

— Арестовали? — повторил Коннор. — Так они арестованы? Городской стражей?

— Нет, — всхлипнула Дейнси. — Теми монахами.

Услышанное столь поразило племянника барона, что он не мог говорить.

— Арестовали? — наконец спросил он. — Ты в этом уверена? Значит, их не просто пригласили в Сент-Прешес, чтобы уладить какой-то пустяк?

— Молодой хозяин пытался спорить, — сказала Дейнси. — Говорил, что он — ваш друг, и все такое, но они только смеялись. А когда господин Греди хотел схватить свой меч, один монах… ну, костлявый такой, как вдарит ему, и молодой хозяин упал как подкошенный. И тут появился старый монах, злющий-презлющий…

— Отец Добринион?

— Нет, старше его на целую коровью жизнь, — ответила Дейнси. — Старый, весь высохший, и лицо в морщинах. А сутана была как у Добриниона, только позатейливее. Красивый наряд, даже на таком противном, сморщенном старике. Но лицо у него отвратительное…

— Дейнси, — строгим голосом произнес Коннор, пытаясь вернуть ее к главному.

— Так вот, старик сильно накричал на молодого, а потом как взглянет на господина

Греди и говорит, что если он еще какую глупость сделает, то ему руки повырвут. Этот шутить не будет. Молодой хозяин тоже это понял. Весь побледнел и задрожал.

Коннор доплелся до постели и уселся в полном оцепенении, пытаясь хоть как-то разобраться в услышанном. Где-то пару лет назад в трактире вдруг появился невероятно толстый монах из Санта-Мир-Абель и завел разговор с Петтибвой. Но тогда все проходило спокойно, хотя этот человек говорил о Джилл и чем-то расстроил обычно веселую Петтибву. Тем не менее, монах вел себя довольно учтиво и был обходителен с хозяйкой.

— Они хоть сказали, зачем сюда явились? — спросил Коннор. — В каких прегрешениях обвинили твоих хозяев? Ты должна сказать мне, я настаиваю.

— Они расспрашивали насчет хозяйской дочки, — ответила Дейнси. — Сначала они подумали, что это я, и двое молодых монахов уже хотели меня схватить. Но старик сказал им, что они ошибаются, да и хозяин с хозяйкой тоже сказали, что я им не дочка.

Коннор подпер рукой подбородок, отчаянно и безуспешно стараясь переварить слова Дейнси. Джилл. Они искали Джилл? Но зачем?

— Потом они стали говорить, что хозяева, наверное, прячут свою дочку, и пошли шарить по всему дому, понаделав беспорядку, — продолжала Дейнси. — А после всех троих увели.

Коннор Билдеборох был человеком находчивым и изобретательным. Друзья и доверенные лица имелись у него повсюду: от дворца и монастыря до «Дома Бэтлброу» — наиболее знаменитого в городе борделя. Он принадлежал едва ли не к самому могущественному и влиятельному роду.

Он понял: настало время прибегнуть к помощи друзей и добыть хоть какие-то ответы.

Если церковь с такой силой ополчилась на семейство Чиличанк из-за Джилл, то он сам тоже может попасть под подозрение. Времена были опасные, и Коннор, проживший все свои тридцать лет среди тех, кто властвовал и повелевал, прекрасно знал, насколько серьезными могут оказаться подобные интриги.

— Ты, Дейнси, оставайся здесь, — сказал он девушке. — Дверь держи на запоре и никому, кроме меня, даже не отвечай, кто бы ни позвал.

— А как же я узнаю, что это вы зовете?

— У нас с тобой будет особое слово, — загадочно произнес Коннор и понял, что завладел вниманием Дейнси.

Лицо ее просветлело и разгладилось, сковородка вернулась на ночной столик, а сама Дейнси плюхнулась на кровать рядом с Коннором.

— Ой, как интересно-то, — с восторгом сказала она. — А что за слово такое?

Коннор ответил почти не раздумывая:

— Это слово — «нубожемой».

Он хитро улыбнулся, увидев, как густо покраснели щеки Дейнси.

— Еще не забыла это слово?

Дейнси захихикала и покраснела еще гуще. Разумеется, она хорошо знала это слово и частенько повторяла его, когда они с Коннором оставались вдвоем в ее комнатке.

Коннор слегка пощекотал ей подбородок, затем поднялся и подошел к двери.

— Ни с кем не говорить, — на прощание велел он. — Если хозяева вернутся…

— Их-то уж я впущу, — вставила Дейнси.

— Разумеется, впустишь, — сухо ответил Коннор. — И скажешь Греди, чтобы разыскал меня. Не забудешь?

Дейнси радостно закивала.

— Нубожемой, — подмигнув ей, произнес Коннор, выходя из комнаты.

Дейнси еще долго сидела на постели и хихикала.

— Ты думаешь, что это игра? — закричал Маркворт, вплотную приблизившись к несчастному Греди Чиличанку.

Глаза старика, налитые кровью, так и сверлили пленника.

Греди приковали к стене за запястья, причем кандалы находились настолько высоко,

что молодому человеку приходилось стоять на цыпочках. Здесь, в одном из подвальных помещений Сент-Прешес — тесной и приземистой комнатенке, — было жарко от полыхавшего в очаге огня. Рядом лежали мехи, чтобы раздувать пламя.

— Я терпеть ее не мог, — выдавил пленник, брызгая слюной и обливаясь потом. — Я не просил у родителей сестру!

— Тогда говори, где она? — гремел Маркворт.

— Если бы я знал, то сказал бы, — ответил Греди.

Ему удалось совладать со своим голосом, но не с волнением.

— Вы должны мне поверить!

Отец-настоятель Маркворт повернулся к находившимся вместе с ним в застенке Фрэнсису и Данделиону. Последний был облачен в плащ с капюшоном, что вполне соответствовало мрачной обстановке этого места.

— Ты ему веришь? — спросил у Фрэнсиса Маркворт.

— Кажется, он говорит искренне, — честно ответил брат Фрэнсис.

Он сознавал, что лицемерит, поскольку просто не хотел продолжения допроса — самого жестокого из всех, когда-либо виденных им. Фрэнсис был готов поверить Греди и надеялся, что Маркворт сделает то же самое.

Лицо узника просветлело, и тень улыбки тронула уголки его рта.

— Кажется? — недоверчиво переспросил Маркворт. — Дорогой мой брат Фрэнсис, считаешь ли ты, что в столь важном деле мы можем довольствоваться видимостью правды?

— Конечно же нет, отец-настоятель, — бессильно вздохнув, ответил Фрэнсис.

Маркворт кивнул закутанному в плащ Данделиону.

— Мы должны быть уверены, — сказал он и отошел от пленника.

Вслед за ним отошел и брат Фрэнсис.

Данделион тут же оказался возле Греди и ударил его своим тяжелым кулаком по проступающим под кожей ребрам.

— Прошу вас, — пробормотал Греди, но удары продолжали сыпаться на него один за другим, пока слова узника не превратились в нечленораздельные стоны.

— Когда закончишь, сходи наверх за кочергой и положи в очаг, пусть погреется, — велел Данделиону Маркворт. — Мы должны проверить искренность этого молодца, а заодно — преподать ему урок послушания церкви.

— Нет! — закричал Греди, но еще от одного сильного удара у него перехватило дыхание.

Маркворт не оглядываясь вышел из помещения. Брат Фрэнсис, наоборот, задержался и оглянулся. Греди Чиличанк оказался не единственным, кому сейчас преподали урок.

Снова удар, и снова жалобный стон. Фрэнсис поспешил прочь, догоняя Марквортa.

— Отец-настоятель, вы же не станете на самом деле пытать этого дурня раскаленной кочергой? — спросил он.

От взгляда Марквортa лицо брата Фрэнсиса побелело.

— Я сделаю то, что сочту нужным, — спокойно ответил он. — Пойдем. Мне кажется, старый Чиличанк того и гляди упадет без чувств. Попробуем магический камень, может, удастся влезть к нему в мысли.

Маркворт умолк и изучающе посмотрел на брата Фрэнсиса. На лице молодого монаха явно читалось сомнение.

— Когда то, чем нам приходится заниматься, становится невыносимым, думай о большем благе, и этого будет достаточно, — наставительно произнес Маркворт.

— Но если они все-таки говорят правду… — осмелился возразить Фрэнсис.

— Тогда их, конечно, жаль, — согласился Маркворт. — Но насколько значительнее будут наши сожаления, если окажется, что эти трое упорно лгали, а мы не решились копнуть глубже? Можешь себе представить последствия? Помни о том, что является большим благом, брат Фрэнсис. Большим благом.

Но в глубине сердца Фрэнсису все равно было трудно примириться с недавним

зрелищем. Однако он ничего не сказал, а достал магический камень и покорно поплелся за своим наставником в следующий застенок.

Прошло чуть более часа, принесшего немало мучений Греди и Грейвису. Фрэнсис и Маркворт скрылись за массивной дверью, выходящей на узкую каменную лестницу, которая вела в часовню монастыря. На верхней ступеньке их поджидал настоятель Добринион.

— Я должен знать, чем вы занимаетесь там, внизу, — потребовал взбешенный Добринион. — Это мои прихожане, послушные церкви.

— Послушные? — переспросил Маркворт. — Они покрывают преступников.

— Если бы они знали…

— Они прекрасно это знают! — рявкнул Маркворт прямо в лицо настоятелю. — И можете не сомневаться, они сознаются в этом!

Неистовство Маркворта и неподдельная свирепость в его голосе заставили Добриниона отступить на несколько шагов. Он пристально глядел на отца-настоятеля, стараясь прочесть по лицу или просто угадать, насколько далеко все зашло.

— Отец-настоятель, — наконец заговорил Добринион, кое-как справившись с бурлившим внутри гневом, — я не сомневаюсь в важности ваших дознаний, но я не намерен стоять в стороне, тогда как вы…

— Тогда как я начинаю процесс канонизации нашего дражайшего Аллабарнета из Сент-Прешес? — договорил за него Маркворт.

Добринион умолк. В голове у него бешено неслись мысли. Нельзя позволить Марквору превратить канонизацию в орудие давления на него.

— Брат Аллабарнет заслуживает… — начал возражать настоятель.

— Как будто это имеет значение! — выплюнул слова Маркворт. — Их сотни — тех, кто заслуживает. Так, отец Добринион? И только считанные единицы причисляются к лику святых.

Добринион затряс головой, словно отметая каждое слово.

— Довольно! — сказал он. — Хватит! Канонизация брата Аллабарнета должна определяться его жизнью и делами, а не тем, согласен или нет нынешний настоятель Сент-Прешес с вашими методами запугивания! Семья Чиличанк — семья добросердечных и добропорядочных людей.

— Да что вы вообще знаете обо всем этом? — взорвался Маркворт. — Когда враги церкви камня на камне не оставят от Сент-Прешес или когда ржавчина, проникшая в церковь, сгноит вас внутри стен, которые вы привыкли считать священными; когда гоблины начнут свободно разгуливать по улицам Палмариса, может, тогда настоятель Добринион пожалеет, что не позволил отцу-настоятелю Марквору взяться за дело железной, но справедливой рукой? Вы хоть немного представляете последствия, которые могут вызвать украденные камни? Есть ли у вас хотя бы зачаточное понимания того, какую силу они способны дать нашим врагам?

Маркворт покачал головой и сделал презрительный жест рукой.

— Меня начинают утомлять попытки вразумить вас, настоятель Добринион, — сказал он. — Поэтому хочу вас предупредить. Дело это слишком важное, чтобы позволить вам совать туда свой нос. Ваши действия не останутся незамеченными.

Добринион расправил плечи и в упор посмотрел на старика. Кое-что в словах Марквора о возможной угрозе поколебало уверенность настоятеля, однако сердце ему подсказывало, что варварские действия по отношению к семье Чиличанк и кентавру нельзя считать оправданными. Но у него сейчас не было никаких веских аргументов против Марквора. Иерархия Абеликанской церкви не позволяла ему, простому настоятелю, даже в стенах его собственной обители оспаривать власть и действия отца-настоятеля. Добринион коротко поклонился и ушел.

— Кто в Сент-Прешес является вторым по рангу после Добриниона? — спросил Маркворт у брата Фрэнсиса, как только они остались одни.

— Вы имеете в виду возможных претендентов на сан настоятеля? — уточнил Фрэнсис.

Маркворт кивнул. Фрэнсис покачал головой и пожал плечами.

— Никого, — ответил он. — Сейчас у них нет даже ни одного магистра.

Маркворт поморщился от удивления.

— У них было два магистра, — пояснил Фрэнсис. — Один погиб во время сражения на севере, а другой несколько месяцев назад умер от лихорадки.

— Забавная пустота, — отметил отец-настоятель.

— По правде говоря, сейчас в Сент-Прешес нет никого, кто бы мог заменить Добриниона, — добавил брат Фрэнсис.

Услышав это, Маркворт злорадно улыбнулся. У него в Санта-Мир-Абель есть вполне подходящий магистр, который мог бы стать здешним настоятелем. Да и рука у того не менее железная, чем у Маркворта.

— Лишить Добриниона его сана будет очень трудно, — сказал Фрэнсис, заметив направление мыслей отца-настоятеля.

— Что? — настороженно спросил Маркворт, словно подобная мысль никогда не приходила ему в голову.

— Учитывая то обстоятельство, что в Сент-Прешес у Добриниона нет непосредственных преемников, Коллегия Аббатов не согласится сместить его.

— В Санта-Мир-Абель достаточно магистров, вполне готовых принять сан настоятеля, — ответил Маркворт. — Да и в Сент-Хонс тоже.

— Но история ясно свидетельствует, что Коллегия Аббатов обычно не идет на смещение действующего настоятеля, если в стенах монастыря нет того, кто смог бы принять этот сан, — стал спорить брат Фрэнсис. — Двенадцатая Коллегия, проходившая в Сент-Аргрен, оказалась в схожем положении. Но тогда речь шла о настоятеле, чьи преступления были просто вопиющими.

— Разумеется, я не оспариваю твою осведомленность в этих вопросах, — довольно нетерпеливо прервал его отец-настоятель.

Маркворт, сохраняя на лице все ту же улыбку, посмотрел на дверь, за которой скрылся Добринион.

— Жаль, — пробормотал он.

Затем отец-настоятель покинул часовню. Брат Фрэнсис, как и внизу, не сразу последовал за ним. Молодой монах не без удивления обнаружил, что отцу-настоятелю в чем-то даже импонируют мысли о смещении Добриниона. Однако лишение настоятеля своего сана — дело очень и очень сложное! За тысячелетнюю историю церкви такое происходило раз пять или шесть. В двух случаях настоятели были повинны в серьезных преступлениях. Один из них совершил несколько изнасилований, включая и нападение на настоятельницу женского монастыря Сент-Гвендолин. Другой был повинен в убийстве. Остальные случаи смещения настоятелей относились к ранним дням Абеликанского ордена, когда этот сан нередко являлся предметом купли-продажи и политических интриг.

Брат Фрэнсис глубоко вздохнул, успокаивая нервы, и вновь покорно направился вслед за Марквортом, напоминая себе, что идет война и потому церковь и все королевство переживают тяжелейшие времена.

Настроение у брата Браумина Херда было довольно скверным. Вниз его, естественно, не пускали, но он знал о том, что творится в застенках монастыря. Хуже того, он сознавал собственное бессилие. Решись он сейчас выступить против отца-настоятеля Маркворта — он окажется в одиночестве. Магистр Джоджонах давно уехал. Все случилось так, как и предрекал его наставник. Маркворт знал своих врагов и обладал значительной властью, с которой не намеревался расставаться.

Брат Браумин избегал общения с собратьями, опасаясь, что они тут же донесут Маркворту о любых разговорах. Поэтому он проводил время в обществе монахов Сент-Прешес. Он обнаружил, что здешние братья намного жизнерадостнее замкнутых и серьезных монахов из Санта-Мир-Абель. На их веселость не повлияли даже военные действия, которые уже много недель велись довольно близко от Палмариса. И вообще в Сент-Прешес дышалось

легче. Может, думал брат Браумин, это связано с климатом, поскольку солнце в Палмарисе светило гораздо чаще, чем на берегах залива Всех Святых. Может, дело было еще и в том, что Сент-Прешес стоял на более высоком месте и имел больше окон и балконов, по которым гулял ветерок. А может, просто здешние монахи были менее отгорожены от мирской жизни; ведь их монастырь стоял в самом центре большого города.

Существовало еще одно возможное объяснение, и его брат Браумин считал наиболее достоверным. Каждый из двух монастырей отражал настроение своего настоятеля. Ему представлялось, что более легкая атмосфера, царившая в Сент-Прешес, объяснялась личностью самого Добриниона Калисласа. Здешний настоятель был человеком улыбчивым, а его раскатистый смех знали во всем Палмарисе. Знали и о его любви к вину. Как говорили, Добринион предпочитал «болотное вино» эльфов. Не чурался он и азартных игр, но лишь в кругу друзей. А еще настоятель Сент-Прешес любил устраивать пышные свадьбы, на которые не жалел средств.

Маркворт улыбался редко. Когда же на его лице появлялась улыбка, тем, кто находился у него в немилости, становилось просто дурно.

Сейчас брат Браумин Херд стоял в устланной коврами передней, перед дверью, ведущей в покои настоятеля Добриниона. Много раз он поднимал руку, готовый постучаться в дверь, но тут же опускал ее. Браумин понимал, насколько он рискует, если решится на разговор с Добринионом и расскажет ему обо всех опасениях по поводу Маркворта, а также о тихой оппозиции, существующей против отца-настоятеля. Браумин понимал, что при нынешних обстоятельствах выбирать ему особо не из чего. Магистр Джоджонах уехал, и возможно, на несколько лет. Браумин был бессилен бороться против решений отца-настоятеля Маркворта и прежде всего — против решения услать Джоджонаха. Поэтому союз с Добринионом, который и сам не был в восторге от действий Маркворта, значительно укрепил бы силы их обоих.

Вместе с тем Браумин Херд был вынужден признать, что не слишком-то хорошо знал настоятеля Добриниона и его намерения. Возможно, Добринион и Маркворт пререкались из-за пленников всего лишь потому, что каждый из них жаждал славы и мечтал заявить о возвращении похищенных камней. А может, Добринион просто был недоволен тем, что Маркворт явился в Сент-Прешес и узурпировал значительную часть его власти.

Брат Браумин простоял в передней не менее получаса, размышляя о своих действиях. Но, в конце концов, решающими оказались мудрые слова магистра Джоджонаха. Он вспомнил, как его любимый наставник на прощанье сказал: «Кротко распространяй слово, но не против отца-настоятеля и подобных ему, а слово во имя Эвелина и тех, кто обладает таким же сердцем и щедростью души».

Терпение, — напомнил себе брат Браумин. Он знал, что людям предстоит еще долгая война — внутренняя битва между добром и злом. И сторона, на которой он находился — сторона добра и благочестия, — в конечном итоге победит. Ему необходимо в это верить.

Пусть сейчас ему плохо и очень одиноко, но таков тяжкий груз истины, хранимой в его сердце. И потому он не пойдет к настоятелю Добриниону. Слишком опасные нынче времена.

Впоследствии брат Браумин Херд не раз пожалел, что не постучал тогда в дверь покоев настоятеля Сент-Прешес.

ГЛАВА 15
ГОРДЫНЯ

— Оба наших главных врага Мейер Дек и Коз-козио мертвы, — сказала Пони, довольная исходом сражения в Кертинелле.

Они с Элбрайном, а также Белстер О'Комели и Томас Джинджерворт сидели у костра в лагере беженцев и с нетерпением ожидали возвращения Роджера Не-Запрешь и других разведчиков. Тем предстояло в полной мере оценить результаты недавнего удара по врагам. Все ждали хороших новостей. Помимо двух вражеских главарей было убито немало

гоблинов и поври. Враги лишились связующей силы. Особого внимания заслуживало то, что Мейер Дек уничтожил Коз-козио прямо на глазах у его солдат! До появления демона-дракона великанов и поври едва ли можно было назвать союзниками. Они ненавидели друг друга так же, как ненавидели людей. Бестесбулзибар приостановил эту вражду, однако с падением дракона альянс между великанами и поври продолжался лишь по необходимости, поскольку обе армии глубоко вторглись в земли людей.

Но все равно отношения между теми и другими оставались напряженными, и требовался лишь какой-нибудь повод, чтобы былая вражда вспыхнула вновь.

— Даже если бы мы убедили Мейера Дека присоединиться к нам, он бы не сумел помочь нам больше, чем уже помог, — с усмешкой заметил Элбрайн. — Когда я увидел, как Коз-козио полетел в огонь, мои надежды воспарили.

— Теперь, когда и Мейер Дек, и трое других великанов мертвы, можно ожидать, что поври, обозленные на великанов, одержат верх, — добавила Пони.

— Верно, только вот гоблины лучше относятся к великанам, чем к этим поганым карликам, — заметил Томас Джинджерворт. — Хотя великаны частенько закусывают гоблинами!

— Что верно, то верно, — согласился Элбрайн. — Возможно, сейчас силы равны, поскольку в Кертинелле полно гоблинов. Но если не появится новый главарь, причем скоро, они сцепятся между собой.

— Будем надеяться, что эти твари перебьют друг друга до последнего, — заявил Белстер О'Комели.

С этими словами он поднял кружку с элем (кружка была одним из трофеев, уворованных Роджером в Кертинелле) и залпом осушил ее.

— Они понесли потери, а наши силы возросли на двадцать настоящих бойцов, готовых сражаться, — вставил Томас.

— Готовых помочь остальным обойти города и двигаться на юг, — поправил его Элбрайн. — Все мы достаточно навоевались.

— В Палмарис! — загремел Белстер, закончив призыв громкой отрыжкой.

Мысли Томаса Джинджерворта были иными.

— Месяц назад, даже неделю назад… да что говорить, каких-нибудь пару дней назад я был бы удовлетворен таким ходом событий, — сказал он. — Но Кертинелла — наш родной город, и теперь, когда враги ослабели, возможно, настало время отбить его. У нас ведь был такой замысел, а? Дождаться удобного момента и ударить!

Элбрайн и Пони беспокойно переглянулись, затем с пониманием и симпатией посмотрели на решительного Томаса.

— Об этом мы поговорим позже, — спокойно сказал Элбрайн, — Пока мы не знаем, намерены ли враги оставаться в Кертинелле надолго.

Томас хмыкнул.

— Тебе это лучше знать. Насколько сокрушительнее было бы нападение, если бы наши воины сражались бок о бок с тобой!

— Боюсь, оно оказалось бы сокрушительнее для обеих сторон, — сказала Пони. — Мы уничтожили великанов и освободили пленников лишь благодаря внезапным действиям. Если бы Мейер Дек увидел приближающийся отряд, он приказал бы убить всех пленных, а оборона Кертинеллы была бы куда ожесточеннее.

Томас снова хмыкнул, не желая выслушивать мрачные предположения. Ему казалось: если Элбрайн и Пони вместе с их маленьким другом Джуравилем, а также Роджер смогли нанести такой ущерб врагам, тогда с участием его воинов победа была бы окончательной.

Элбрайн и Пони вновь переглянулись и молча условились больше не трогать эту тему. Они понимали чувства Томаса: ему необходимо верить, что родной дом для него не потерян. Но он достаточно рассудителен и способен прислушаться к их доводам, если окажется, что разумнее будет обойти города и двигаться на юг.

Белстер О'Комели, опасаясь нарастающей напряженности, увел беседу в другое русло,

заговорив о судьбе вражеской армии.

— Если мы отчаянно бьем их здесь, сдается мне, что в других местах люди тоже не зевают. А это значит, что к следующей весне я вернусь в Дундалис и вновь открою «Унылую Шейлу». Клянусь! — закончил он, опрокидывая очередную кружку эля.

— Вполне возможно, — откровенно согласился Элбрайн, немало удивив своим оптимизмом Пони. — Если вражеская армия распадется, король пожелает быстрого возвращения Тимберленда.

— И «Унылая Шейла» вновь будет полным-полна! — пробасил захмелевший Белстер.

Сейчас он начисто позабыл все обещания провести остаток своих дней в тишине и спокойствии Палмариса. Его состояние передалось и другим беженцам, которые с едой и напитками потянулись к костру.

Разговор принял совсем иное направление. Стали вспоминать истории прежних счастливых времен, и ожидание новостей от разведчиков превратилось в празднование победы. Элбрайн и Пони говорили мало, предпочитая слушать других. Они часто переглядывались и кивали друг другу. Вечером они уже встречались с Джуравилем на лугу, возле сосен. Рассказ эльфа помог им оценить истинную силу врагов в обоих городах и принять свое решение.

Время шло. Костры догорали, и большинство беженцев отправилось спать. Разведчики вернулись только под утро. Впереди шел сияющий Роджер.

— Все великаны убрались, — возвестил парень. — Все до единого! Поври их выставили, а те даже не стали сопротивляться!

— Прежде всего, великанов не слишком-то сюда и тянуло, — заметила Пони. — Им куда приятнее в Вайлдерлендсе, в своих горных норах.

Томас Джинджерворт издал победный клич.

— А как насчет гоблинов? — спокойно спросил Элбрайн, не давая разгореться новому празднованию.

Элбрайну не хотелось, чтобы возбуждение Роджера передалось Томасу и остальным беженцам и вновь заставило их строить гибельные планы. Даже без великанов силы врага оставались достаточными.

— У них произошла стычка, и часть гоблинов поубивали, — ответил Роджер, не давая застать себя врасплох. — Другие разбежались по лесу.

— А третьи остались с поври, — заключил Элбрайн.

— Да, но…

— И убитых поври можно пересчитать по пальцам, так? — не отступал Элбрайн.

— Оставшиеся гоблины разбегутся при первых звуках битвы, — убежденно произнес Роджер. — И эти-то пока остаются лишь из-за страха перед «красными шапками».

— Нередко страх заставлял армии одерживать величайшие победы, — сухо заметила Пони.

Роджер сверкнул на нее глазами.

— Да их хоть сейчас можно брать голыми руками, — ответил он.

— А мы пока повременим делать подобные утверждения, — быстро вмешался Элбрайн.

Он махнул рукой Томасу, уже готовому что-то сказать, и встал перед Роджером.

— На нас лежит слишком большая ответственность, чтобы делать такие поспешные суждения.

— А не ты ли их сделал, отправившись в Кертинеллу один? — тут же нашелся парень.

— Я сделал то, что считал необходимым, — спокойно ответил Элбрайн.

Он чувствовал, как взгляды собравшихся остановились на нем и Роджере. Любой конфликт сейчас был бы крайне нежелателен. Эти люди любили Роджера и привыкли доверять ему. Действительно, за время изгнания он немало сделал для них. Но если сейчас он ошибался и желание повести отряд на бой затмевало здравый смысл, тогда все его прежние подвиги были ни к чему, ибо подобное сражение явно грозило гибелью всем

беженцам.

— Не я ли спас тридцать пленных солдат? — громко и сердито спросил Роджер.

— Один, без чьей-либо помощи? — тут же напомнила ему Пони.

Элбрайн поднял руку, чтобы успокоить Пони и всех остальных.

— Пока еще слишком рано решать, нападать нам на города или обойти их, — заявил он. — Дождемся дня, тогда положение дел станет намного яснее.

Надеясь, что спор на этом прекратится, Элбрайн повернулся и пошел прочь.

— Мы вернем Кертинеллу, — провозгласил Роджер Не-Запрешь, и немало голосов поддержало его. — И Ландсдаун тоже, — продолжал парень. — Когда оба города вновь станут нашими, мы пошлем гонца в Палмарис и попросим подкрепления у королевской армии.

— Королевская армия не пойдет сюда, — возразила Пони. — Во всяком случае, не стоит ставить нашу жизнь в зависимость от их подмоги. Сейчас не то время. Пока враг не окажется у стен Палмариса, они никуда не двинутся.

— Откуда ты знаешь? — недовольно спросил Роджер.

— Я служила в королевской армии, а также в береговой охране. Я знаю, что является предметом их первостепенной заботы. Палмарис — второй по величине город в Хонсе-Бире, ворота Мазур-Делавала. Если Палмарис падет, врагам открывается прямая дорога на столицу королевства. А до Кертинеллы и Ландсдауна королевским войскам пока нет дела.

Эти слова несколько умерили пыл Роджера. Он ерзал на месте, обдумывая ответ, но в это время заговорил Томас Джинджерворт:

— Мы все устали, — громко произнес он, обращая на себя внимание собравшихся. — Говорят, что хорошие новости могут быть столь же утомительными, как и плохие, и сил они забирают не меньше, чем неделя тяжелого труда.

— Это уж точно, — согласился Белстер О'Комели.

— Мы все воспрянули духом. У нас появились новые надежды, — продолжал Томас. — Но Элбрайн с Джилсепони правы. Сейчас не время принимать решение.

— Наши враги лишились командиров и готовы разбежаться, — упирался Роджер.

— И, по крайней мере, один-два дня будут находиться в таком состоянии, — резко ответил Томас. — Мы все равно не станем нападать на города при свете дня. Так давайте как следует отдохнем, а утром, я надеюсь, картина прояснится.

Элбрайн встретился глазами с Томасом и молча поблагодарил его за разумные и взвешенные слова. Потом он махнул Пони, и они направились на лужайку, чтобы встретиться с Джуравилем и узнать свежие новости.

Роджер немного обождал и, убедившись, что никто не обращает на него внимания, поспешил за ними вслед.

Он догнал Элбрайна и Пони на лужайке, окаймленной соснами. Увидев, как они крепко обнялись и поцеловались, парень густо покраснел и усомнился, надо ли ему было сюда идти. Когда же пара разомкнула объятия, он вздохнул с облегчением.

Будь Роджер повнимательнее к своим чувствам и честнее с самим собой, ему пришлось бы признать, что этот поцелуй задел его сильнее, чем он ожидал. Ему пришлось бы сознаться и в том, что ему вовсе не хочется подглядывать за личной жизнью других людей и в особенности — следить за этой красивой женщиной. Но Роджер был слишком молод для подобных углубленных размышлений и вдобавок — не мог беспристрастно относиться к Элбрайну и Пони. Поэтому, как только они перестали обниматься, парень подполз ближе и ничуть не удивился, когда откуда-то сверху, с сосновой ветки, раздался мелодичный голос эльфа.

— В эту ночь судьба благоволила к нам, — сказал Джуравиль. — Все великаны ушли, да и немалое число гоблинов — тоже. Лучше этого могла бы быть лишь открытая схватка между великанами и поври.

— Однако ее не произошло, — ответил Элбрайн. — Значит, надо думать, силы поври по-прежнему значительны.

— Именно так, — подтвердил Джуравиль. — Хотя их главаря и изжарили на костре!

— Беженцам хочется напасть на Кертинеллу и отвоевать свой родной город, — сообщила Пони.

— Это правда, Роджер Не-Запрешь? — спросил Элбрайн, чувствуя, что парень прячется где-то поблизости.

Роджер нагнулся еще ниже, зарывшись лицом в траву.

— Меня начинает утомлять его шпионство, — заметил Джуравиль, слетая с дерева.

— Давай выходи, — обратилась к парню Пони. — Раз уж ты хотел услышать, о чем мы будем говорить, надо хотя бы присоединиться к нашему разговору.

Роджер без конца твердил себе, что он невидим для них, а Элбрайн с Пони даже не подозревали, что он отправился сюда.

— Ну что ж, лежи по уши в траве, — усмехнулся Элбрайн и сказал, обращаясь к Джуравилю:

— Я против нападения на город.

— И ты прав, — согласился эльф. — Если бы война близилась к концу, еще можно было бы подумать о нанесении такого удара. Но не сейчас. Мы знаем, что Кертинелла — не более чем временное пристанище для поври и остающихся там гоблинов и не рассматривается ими как важный опорный пункт или место пополнения своих запасов. Однако не будем недооценивать силы, которые по-прежнему сосредоточены там. Сама мысль отвоевать город и удержать его кажется мне предельно глупой. Напав на Кертинеллу, мы ничего не приобретем. Зато рискуем потерять все.

— Мне думается, разумнее обойти город и продвигаться на юг, — добавил Элбрайн.

— Похоже, что сейчас дорога на Палмарис открыта, — сказал Джуравиль. — Но мы не знаем, как долго она будет оставаться открытой.

— Будет непросто убедить людей бросить их родные места, — заметила Пони.

— Но мы должны это сделать, — твердо сказал Элбрайн.

Сказав это, он поглядел туда, где прятался Роджер, полагая, что эти слова заставят парня выскочить из укрытия.

— Видно, вам было наплевать на ваш родной город! — закричал Роджер, вскочив на ноги и подбежав к Элбрайну. — Но мы верны Кертинелле!

— Вы обязательно вернетесь в Кертинеллу, — спокойно ответил Элбрайн. — Война близится к концу, и как только земли вокруг Палмариса будут очищены от врагов, мне думается, король пошлет армию на север.

— И что мы здесь найдем? — спросил Роджер, надвигаясь на Элбрайна, который был намного крупнее, нежели он. — Обгорелые стены домов?

— Вы построите новые дома, — все так же спокойно ответил Элбрайн.

При этих словах Роджер презрительно фыркнул.

— Когда-то и наш Дундалис был разрушен дотла, — вмешалась Пони. — Потом Белстер и другие отстроили город заново. Сейчас Дундалис опять разрушен.

— И будет отстроен еще раз, — решительно заявил Элбрайн. — На месте сожженного дома можно построить новый, а погибших людей уже не вернешь.

— Во время нападения погибла вся моя семья, — сказала Пони, осторожно беря парня под локоть.

— И моя тоже, — добавил Элбрайн. — Все наши друзья кого-то да потеряли.

Лицо Роджера смягчилось, однако затем он резко выдернул руку, и глаза вновь наполнились гневом.

— Что вы мне рассказываете про свои горести? — огрызнулся он. — Думаете, я не знаю, как теряют родных и друзей? Но сейчас меня не испугаешь. Моя родная Кертинелла занята карликами. Я отправлюсь туда и перебью их всех до единого! Вы задержали атаку, но после ее успеха вам уже будет не остановить нас. Люди пойдут за мной, Полуночник, — заявил Роджер, ударяя себя в грудь. — Ты считаешь себя главарем. Но не ты, а Роджер освободил пленников во время последнего нападения. И прежде только Роджер кормил

беженцев, воруя еду прямо из-под носа глупого Коз-козио Бегулне. Я! — закричал он, вновь ударяя себя в грудь. — И ты не помешаешь нашим людям атаковать Кертинеллу. Они пойдут за мной!

— Себе на погибель, — спокойно сказал Элбрайн, — И вообще, Роджер, дело в Кертинелле или в том, кто стоит во главе?

Роджер презрительно махнул рукой.

— Мы еще не кончили этот разговор, Полуночник, — процедил он, с презрением выговаривая имя, которое Элбрайну дали эльфы.

Затем он повернулся и зашагал к лагерю.

Разгневанная Пони хотела догнать его, но Элбрайн ухватил ее за руку.

— Он молод, и в голове у него — изрядная путаница. Он думал, что прочно завоевал себе определенное положение в лагере беженцев, а тут появились мы.

— Роджер никогда и не был командиром отряда, — возразил Джуравиль. — Если кого называть командирами, так это Томаса Джинджерворта и Белстера О'Комели. Роджер действовал, что называется, сам по себе. Поэтому твое появление никак не повлияло на его положение.

— По его собственному разумению, он был героем отряда, — сказала Пони.

— Он и в самом деле герой, — поправил ее Элбрайн.

— Верно, — согласился Джуравиль. — Но он не понимает, что могут быть и другие герои.

— Роджер Не-Запрешь, вернись! — громко позвал Элбрайн.

К этому времени Роджер был уже на дальнем конце лужайки. Он остановился и обернулся.

— Ради блага всех беженцев этот разговор должен быть закончен здесь и сейчас, — сказал Элбрайн.

Несмотря на его решительный тон, по лицу Элбрайна чувствовалось, что он обеспокоен.

— Отдай Джуравилю свой меч, — с тяжким вздохом велел он Пони.

Пони внимательно поглядела на него.

— Сейчас не время, — возразила она.

— Нет, это надо сделать сейчас, — сказал Элбрайн. — Отдай Джуравилю свой меч.

Взгляд Элбрайна переместился с Пони на приближающегося Роджера. Он изо всех сил старался понять, что еще могло двигать этим парнем.

— Покинь нас, — попросил он Пони. — Тебе незачем присутствовать при всем этом. Так будет лучше для него.

Пони достала из ножен свой маленький меч и подала эльфу. При этом она не сводила с Элбрайна глаз.

— Если ты причинишь ему вред… — предупредила она и, не договорив, пошла к соснам.

Элбрайну стало как-то не по себе от этой недоконченной фразы.

— Будь осторожен, — предостерег его Джуравиль. — Если ты сильно заденешь его достоинство, последствия могут быть самыми печальными.

— Надеюсь, до этого у нас не дойдет, — искренне сказал Элбрайн. — Я ведь тоже опасаюсь таких последствий. Но дальше этот раскол между нами продолжаться не может. Мы же не можем в подобной ситуации предложить людям выбрать между Роджером и мной.

— Думаешь, Роджер будет тебя слушать?

— Я заставлю его слушать, — уверил эльфа Элбрайн.

— Ты вступаешь на тонкую грань, Полуночник, — сказал Джуравиль.

— Вы с Тантан в свое время хорошо показали мне эту грань, — ответил Элбрайн.

Джуравиль кивнул.

— Пусть начинает он, — посоветовал эльф. — Если дойдет до этого.

Элбрайн кивнул и выпрямился во весь рост. Роджер, как всегда дерзкий и

решительный, подошел и вызывающе встал напротив него.

— Слушай же, Роджер Не-Запрешь, претендующий на роль главнокомандующего, — начал он. — Последнее нападение на Кертинеллу показало, что мы прекрасно можем действовать сообща.

— Оно показало, что мои, а не твои цели идут на пользу людям, — ответил парень.

Элбрайн пропустил обиду мимо ушей, уловив за внешней бравадой отчаяние Роджера.

— Мы оба сделали в Кертинелле немало важного и нужного, — тихо и спокойно сказал Элбрайн. — Ты освободил пленников, и за это каждый из нас, и я в том числе, тебе искренне благодарен. Я одолел Мейера Дека, и от этого удара наши враги опомнятся не скоро.

— Если бы ты не полез в город, я бы выполнил свою задачу легче! — с упреком бросил парень. — Разве ты позвал меня с собой? Как же, великий Полуночник даже не удосужился спросить, пойду ли я вместе с ним! Он не подумал, что мои способности могут оказаться там крайне необходимыми!

— Я даже не знал, что у врагов были пленные солдаты, — честно признался Элбрайн. — Иначе мои замыслы были бы совершенно иными.

— Твои замыслы, — сплюнул на землю Роджер. — С тех пор как ты здесь появился, я только и слышу о твоих замыслах!

— А разве они не строятся во имя всех нас?

Роджер снова плюнул, на этот раз прямо на ногу Элбрайна.

— Я не нуждаюсь в тебе, Полуночник, — процедил он. — Я хочу, чтобы ты вместе со своим диковинным дружком вернулись туда, откуда пришли.

— Джилсепони, стало быть, ты позволяешь остаться, — заметил Джуравиль.

Лицо Роджера побагровело.

— И она тоже! — не слишком уверенно добавил он.

Элбрайн понял, что в этом щекотливом вопросе нельзя оставлять никаких недомолвок.

— Однако мы не собираемся уходить, — сказал он. — Во всяком случае, до тех пор, пока беженцы не окажутся в Палмарисе, или пока армия не двинется на север, чтобы отвоевать города, я буду частью твоей жизни, Роджер Не-Запрешь. И, если я оказываюсь в главенствующем положении, которое я заслужил своим походом на север и боевым опытом, знай, что я не откажусь от этого положения ради твоей дурацкой гордыни.

Роджер подался вперед, словно собирался ударить, но сдержал свою злость. Только лицо его продолжало пылать.

— Я отвечаю перед людьми, а не перед тобой, — спокойно пояснил Элбрайн. — В отряде есть место и для тебя, очень важное место.

— В качестве твоего прислужника?

— Сознавая свою ответственность, — продолжал Элбрайн, не обратив внимание на глупое замечание парня, — в данный момент я буду возражать против любого сражения за Кертинеллу. Самое правильное сейчас — увести людей из этих земель. Я ожидаю и требую, чтобы ты поддержал меня в этом решении.

Роджер поедал глазами Элбрайна, явно изумленный тем, что Элбрайн осмелился приказывать ему.

— На меньшее с твоей стороны, Роджер Не-Запрешь, я не соглашусь.

— Ты мне угрожаешь? Как Пон… Джилсепони со своим идиотским заклятием?

— Я говорю тебе правду, и только, — ответил Элбрайн. — Все это чрезвычайно важно.

Прежде чем Элбрайн успел договорить, Роджер дернулся с явным намерением ударить его в челюсть. Ничуть не удивившись, Элбрайн вскинул руку и слегка шевельнул ею. Этого было достаточно, чтобы удар Роджера пришелся мимо. Затем Элбрайн с силой ударил парня по лицу, оттолкнув его назад.

Роджер выхватил кинжал и двинулся вперед, но был вынужден тут же остановиться, увидев грозное сияние Урагана.

— Сражение между нами было бы бессмыслицей, — сказал Элбрайн. — Как ты сам признавался, тебе еще не приходилось никого убивать. Я же, к великому сожалению,

слишком давно держу в руках этот меч.

С этими словами Элбрайн убрал меч в ножны.

— Я могу сражаться! — выкрикнул Роджер.

— Не сомневаюсь, — ответил Элбрайн. — Но настоящие твои способности — не в этом. Ты — прекрасный разведчик и умеешь здорово дурачить врагов.

— Ты все равно не доверяешь мне никаких важных решений!

Элбрайн покачал головой.

Сражение отличается от воровства под носом у поври.

— Значит, я, по-твоему, — обыкновенный воришка?

— Ты ведешь себя, как капризный ребенок, — ответил Элбрайн. — Если ты нападешь на меня и убьешь или я убью тебя, что останется делать людям, ожидающим от нас помощи и защиты?

— А я не собираюсь тебя убивать, — сообщил ему Роджер. — Я лишь проучу тебя!

С кинжалом в руке он двинулся на Элбрайна.

Левая рука Элбрайна скользнула под лезвие кинжала и схватила руку Роджера. Раньше чем парень успел шевельнуться, Элбрайн загородился правой рукой, а левую вместе с рукой Роджера резко повернул в обратную сторону. Роджер ощутил, как что-то ужалило его в ладонь, затем почувствовал, что Элбрайн убрал свою руку. Парень устоял на ногах и попытался было нанести ответный удар, но только сейчас заметил, что его кинжал находится в правой руке у Элбрайна.

Левой рукой Элбрайн влепил ему три пощечины.

— Попробуешь еще раз? — спросил Элбрайн, протягивая кинжал Роджеру, который тот поспешно схватил.

— Его достоинство, — прошептал за спиной Элбрайна Джуравиль.

Сообразив, что он, должно быть, зашел слишком далеко и действительно задел чувство собственного достоинства Роджера, Элбрайн протянул руку и взял от Джуравиля меч Пони. Затем он бросил оружие под ноги Роджера.

— Если желаешь продолжать, так возьми настоящее оружие, — сказал он.

Роджер потянулся было за мечом, но остановился и поднял глаза на Элбрайна.

— Я могу сражаться, — сказал он. — Но у нас разное оружие. Ты предлагаешь мне обыкновенный меч Пони, а у самого — меч, имеющий магическую силу.

Прежде чем Роджеру удалось закончить свои возражения, Элбрайн быстро выхватил Ураган и воткнул меч в землю, а сам взял меч Пони.

— Это необходимо завершить здесь и сейчас, — отчеканивая каждое слово, произнес он. — Лучше бы без сражения, но если дело доходит до него… Так что бери мой меч, Роджер Не-Запрешь. Или отказывайся от боя. Но в любом случае знай, что мое решение относительно Кертинеллы останется неизменным. Тебе оно известно: обойти этот город, равно как и Ландсдаун, стороной и повести беженцев в Палмарис.

Роджер уже не слушал Элбрайна. Он не отдавал себе отчета, что по-настоящему им движет не столько желание освободить Кертинеллу, сколько собственная гордыня, желание главенствовать. По мысли Роджера, он заслужил право на это. Было и еще одно потаенное обстоятельство, в чем Роджер не решался себе признаться, — его чувства к Пони.

Парень оборвал поток мыслей, не желая углубляться в них. Он лишь мельком взглянул на Элбрайна и дотронулся до рукоятки Урагана, металл которой обтягивала голубая кожа. Роджеру казалось: наступает переход к зрелости, когда от него зависит, проявит он мужество или окажется трусом, будет властвовать или окажется подвластным — и не Элбрайну, а собственным страхам.

Роджер вытащил из земли меч и встал в боевую стойку.

— До первой крови? — спросил он.

— До тех пор, пока один из вас не сдастся, — к удивлению парня, ответил Джуравиль.

По правилам подобных дуэлей первая кровь обычно означала конец поединка, однако сейчас Джуравиль хотел убедиться, что Роджер усвоил весьма ценный для него урок.

Элбрайн спокойно принял стойку. По лицу Роджера было ясно, что он нанесет удар первым, со всей доступной ему силой. Так оно и случилось: Роджер сделал короткий выпад, и меч в его руке описал широкую дугу.

Элбрайн прикрылся своим мечом, направив лезвие вниз. Он мастерски «поймал» Ураган лезвием собственного меча и отвел руку, чтобы частично погасить силу удара, опасаясь, что в противном случае Ураган рассечет его меч пополам. Затем Элбрайн, подняв руку, плавно повернул лезвие вверх, и потому меч Роджера просвистел у него над головой, не причинив вреда.

Теперь Элбрайн мог бы сделать выпад и коротким ударом положить конец сражению. Он уже собирался так поступить, но вспомнил предупреждение Джуравиля и отступил назад.

Роджер ринулся в атаку, даже не понимая, что уже проиграл поединок. На этот раз его движения носили обманный характер. Рука с мечом устремилась вверх, затем упала вниз, еще ниже и после ложного броска вверх вновь оказалась внизу.

Элбрайн просто слегка наклонил голову, чтобы избежать первого удара, затем ударил плашмя по лезвию Урагана, упреждая два других, после чего прыжком отразил еще один удар. Едва он встал на ноги, как сразу же предпринял контратаку. Он рванулся вперед, меч описал широкую дугу перед Роджером, давая парню возможность отразить удар.

Элбрайн старался изо всех сил, нарочито растягивая свои движения, что позволяло юркому Роджеру отражать каждый удар. Роджер даже сумел нанести два ответных удара, первый из которых удивил Элбрайна и чуть не прорвал его оборону. Он быстро спохватился, ударив левой рукой по плоскости лезвия Урагана и поранив тыльную сторону ладони.

— Вот и первая кровь! Я уже победил, — хвастливо заявил Роджер.

Элбрайн пропустил задиристые слова парня мимо ушей. У него не было ни времени, ни желания продолжать эту утомительную игру. Его волновали не победа или поражение; он заботился только о том, чтобы ни он сам, ни Роджер не пострадали в этой битве. Поэтому Элбрайну приходилось тщательно обдумывать каждое движение.

Начался новый круг. В воздухе замелькали мечи. Роджер постепенно обретал преимущество. Элбрайн последовательно отступал. Разгоряченный своим успехом, парень еще упорнее лез вперед, размахивая мечом в разные стороны и непроизвольно ослабляя свою оборону.

Элбрайн не воспользовался этим зримым преимуществом. Он продолжал отступать и даже чуть нагнулся, позволяя низкорослому Роджеру казаться выше.

Парень испустил радостный возглас и двинулся дальше, нанеся нижний косой удар.

Элбрайн резко выпрямился, перебросил меч в левую руку и отразил удар Роджера. После этого он молниеносно занес лезвие над остановившимся мечом Роджера, тут же опустил свой меч вниз и с такой силой ударил по Урагану, что оружие выпало из руки парня. При этом Элбрайн позволил и своему мечу упасть на землю.

Роджер бросился к своему мечу. Элбрайн метнулся ему наперерез, перекувырнулся в воздухе и, приземлившись, отскочил вправо. Роджер потянулся за мечом, откинув назад и согнув в локте правую руку. Но в это время правая рука Элбрайна оказалась под нею. Прежде чем парень сумел что-либо сделать своей свободной левой рукой, левая рука Элбрайна проскользнула ему под мышку и обвилась вокруг шеи. Одновременно Элбрайн двинул ногой и поддел Роджера коленом. Они с шумом повалились на землю. Элбрайн восседал на Роджере. Руки парня оказались прижатыми к земле.

— Сдавайся, — потребовал Элбрайн.

— Так нечестно! — пожаловался Роджер.

Элбрайн поднялся и рывком поставил Роджера на ноги, а затем отпустил его, слегка толкнув вперед. Парень немедленно схватился за Ураган.

Элбрайн собрался было отдать молчаливый приказ своему мечу и вернуть его себе. Но не отдал. Роджер схватился за рукоятку и быстро обернулся, пристально поглядев на Элбрайна.

— Нечестно, — вновь выдохнул Роджер. — Это поединок на мечах, а не силовая

борьба.

— Захват был лишь продолжением поединка на мечах, — ответил Элбрайн. — Ты, может, предпочел бы быть пронзенным?

— Это был запрещенный прием! — упирался Роджер. — Из-за твоего удара мы оба лишились оружия!

Элбрайн повернулся к Джуравилю и увидел, что тот признаёт победу за ним. Однако эльф сказал:

— Парень прав.

Элбрайн, поняв, что Роджер так и не усвоил урок, разгадал истинный смысл слов Джуравиля и согласился:

— Сражение не окончено.

— Подними свой меч, — сказал Роджер Элбрайну.

— Нет, — вмешался Джуравиль, и слишком веселый его тон не понравился Элбрайну.

— Оба меча упали, и ты должен поднять свое оружие первым. Воспользуйся преимуществом, Роджер! — добавил эльф.

Элбрайн недовольно поглядел на своего друга, считая, что эльф, возможно, передергивает.

Роджер сделал три шага, и его меч оказался вровень с лицом Элбрайна.

— Сдавайся, — широко улыбаясь, потребовал парень.

— Потому что у тебя есть преимущество? — возразил Элбрайн. — Такое же, как тогда с кинжалом?

Напоминание обожгло парня, и он прыгнул вперед, однако Элбрайн тоже прыгнул и, перелетев через Роджера, пружинисто вскочил на ноги и ухватил меч прежде, чем парень успел повернуться и помешать ему.

Взбешенный собственной ошибкой, Роджер пошел напролом, яростно размахивая мечом. Металл со звоном ударялся о металл. Элбрайн спокойно отводил почти каждый удар.

Роджер быстро выдыхался. Он попробовал один из приемов Элбрайна, перебросив меч в левую руку и ударив плашмя.

Боковой удар Элбрайна буквально заставил его перекувырнуться, и, когда Роджер, встав на ноги, загородился мечом, Элбрайна перед ним не было.

В следующее мгновение он ощутил, как сзади в шею уперлось острие меча.

— Сдавайся, — потребовал Элбрайн.

Роджер напрягся, рассчитывая вывернуться, однако Элбрайн чуть сильнее надавил на его шею, разом прекратив все размышления.

Парень бросил меч, отошел на шаг и обернулся, метнув яростный взгляд на Элбрайна. Лицо Роджера помрачнело еще больше, когда Элбрайн вдруг неожиданно рассмеялся.

— А ты хорошо сражался! — одобрительно сказал он. — Я и не думал, что ты так здорово владеешь мечом. Надо же, сколько в тебе способностей, Роджер Не-Запрешь.

— Ты слишком легко одолел меня, — огрызнулся в ответ парень.

Элбрайн продолжал улыбаться.

— Не так-то легко, как тебе могло показаться, — сказал он и взглянул на Джуравиля: — «Призрачный прыжок», — пояснил он.

— Верно, — ответил эльф.

Джуравиль припомнил, как однажды во время учебного состязания эльф по имени Талларейш Иссиншайн победил Элбрайна, применив этот маневр.

— В двух случаях из трех этот маневр срабатывает, — сказал он, обращаясь к Роджеру. — По крайней мере в двух попытках из трех он не приводит к абсолютному краху.

Джуравиль вновь обернулся к Элбрайну.

— Моему старому сердцу тяжко видеть, как ты, Полуночник, которого эльфы обучили вершинам своего боевого мастерства, был вынужден прибегнуть к столь отчаянному средству, чтобы не оказаться побежденным молодым парнем, почти еще ребенком! — недовольным тоном произнес он.

Затем Элбрайн и эльф оба взглянули на Роджера, полагая, что их уловка удалась и теперь вопросы о походе на города и о том, кто из двоих главнее, окончательно разрешились.

Роджер сверкнул на них сердитыми глазами, затем плюнул под ноги Элбрайну и поспешил прочь.

Элбрайн тяжело вздохнул.

— Роджер не из тех, кого легко убедить, — сказал он.

— Наверное, он, как и я, быстро разгадал твой обман, — сделал вывод эльф.

— Какой обман?

— Ведь ты бы мог одолеть его в любой момент и любым способом, — резко ответил Джуравиль.

— В двух случаях из трех, — поправил его Элбрайн.

— Возможно, если бы ты сражался с таким бойцом, как Талларейш, — быстро возразил Джуравиль. — Кстати, тогда Талларейш пошел на этот маневр из чистого отчаяния, ибо ты явно одерживал над ним верх.

— А сейчас?

— Сейчас ты применил «призрачный прыжок», чтобы Роджер сумел сохранить хотя бы часть своего достоинства.

— Не уверен, что это даст хорошие результаты.

— Как же так? — подумал Элбрайн. Разве не об этом предупреждал его эльф перед началом сражения? Так почему теперь Джуравиль сомневается в результатах?

— Смотри, как бы твой «урок» не породил в Роджере ложное чувство всемогущества, — предупредил Джуравиль. — Если он вступит в поединок с поври, то вряд ли выйдет оттуда живым.

Элбрайн согласился. Он посмотрел в том направлении, в котором скрылся Роджер. Что там поври! Хуже, что позиция Роджера не изменилась и, учитывая это, будет нелегко убедить беженцев двинуться в обход городов.

— Пойди и верни Пони ее меч, — сказал ему Джуравиль.

Элбрайн был слишком занят мыслями о том, как же все-таки повлиять на Роджера, поэтому он не ответил, а просто вложил в ножны Ураган, взял меч Пони и зашагал в темноту ночи.

— А я тем временем пойду и потолкую с Роджером, — негромко произнес Джуравиль, после того как Элбрайн скрылся из виду.

Вскоре эльф обнаружил Роджера на опушке, под тяжелыми ветвями раскидистого вяза.

— Правила поединка и простая вежливость требуют, чтобы ты поблагодарил победителя, — сказал Джуравиль, взобравшись на ветку над головой Роджера.

— Убирайся прочь, эльф, — огрызнулся парень.

Джуравиль спрыгнул на землю и оказался лицом к лицу с Роджером.

— Убираться прочь? — изумленно переспросил он.

— Да, и побыстрее!

— Попридержи свои угрозы, Роджер Не-Запрешь, — спокойно ответил эльф. — Я видел, как ты сражаешься, и я отнюдь не восхищен увиденным.

— Я почти прижал распрекрасного Полуночника, — заявил Роджер.

— Он в любое время мог бы одолеть тебя, — перебил парня эльф. — И ты это знаешь.

Роджер вытянулся во весь рост. Невысокий по человеческим меркам, он все же был выше эльфа.

— Полуночник обладает редкостной среди людей силой, — продолжал эльф. — Народ тол'алфар научил его в совершенстве владеть мечом. Он — настоящий воин, и если бы он захотел, то легко бы смог обратить любой твой выпад против тебя же самого. Или просто схватить тебя за руку и сломать ее своей железной хваткой.

— Что еще можно услышать от эльфа-прислужника! — выкрикнул Роджер.

Джуравиль даже опешил от бессмысленности подобных слов.

— Ты уже позабыл свою первую атаку?

Роджер с любопытством сощурился на эльфа.

— Ну-ка вспомни, что произошло, когда ты бросился на Элбрайна с кинжалом? — спросил Джуравиль. — Тебе довольно доказательств?

И тут Роджер бросился на Джуравиля. Эльф вышел навстречу удару, поймал парня за запястье, заломил ему руку за спину, а другой рукой схватил его за волосы. Двойной захват заставил Роджера повернуться, и Джуравиль быстро ударил его лицом о ствол дерева.

— Учти, я — не Полуночник, — предупредил Джуравиль. — Я не принадлежу к племени людей и не питаю сострадания к глупцам!

С этими словами Джуравиль вновь ударил Роджера лицом о ствол вяза, затем повернул его к себе и боковым ударом усадил на землю.

— Ты знаешь, кто на самом деле прав, Роджер Не-Запрешь, — отчеканил эльф. — Ты знаешь, что Полуночник намного опытнее и разумнее тебя в подобных вещах, и ему решать дальнейшую судьбу беженцев. Но ты настолько ослеплен своей дурацкой гордыней, что ради нее готов погубить своих соплеменников!

— Гордыней? — крикнул в ответ Роджер. — А разве не я отправился в Кертинеллу, чтобы спасти…

— А зачем ты отправился в Кертинеллу? — перебил его Джуравиль. — Только ли для того, чтобы спасти несчастных пленников? Или ты боялся, что иначе все почести достанутся Элбрайну и он станет новым героем?

Роджер начал что-то бормотать в ответ, но Джуравиль даже не слушал.

— Он мог бы одолеть тебя в любое время и любым способом, — вновь сказал эльф.

Потом он повернулся и ушел, оставив побитого и униженного Роджера сидеть под вязом.

ГЛАВА 16
РАДИ СПОКОЙСТВИЯ ОТЦА-НАСТОЯТЕЛЯ

— Беспокойство настоятеля Добриниона начинает переходить всякие границы, — заявил Маркворту брат Фрэнсис.

Молодой монах был не на шутку возбужден; каждое слово давалось ему с трудом. Он как будто был охвачен и страхом, и ужасом. Фрэнсис понимал: еще бы отцу Добриниону не беспокоиться, когда пришельцы из Санта-Мир-Абель превратили подземелье его святой обители в застенок, где истязают его же прихожан!

— Возможно, не мое дело говорить об этом, — продолжал Фрэнсис, постоянно умолкая и пытаясь предугадать, что скрывается за бесстрастием Маркворта, — но я боюсь…

— Что Сент-Прешес — неподходящее место для нашего дела, — договорил за него отец-настоятель.

— Простите меня, — смиренно произнес брат Фрэнсис.

— Простить? — удивленно повторил Маркворт. — Простить твою наблюдательность? Твою настороженность? Мы же на войне, мой юный глупец. Неужели ты до сих пор не уразумел этого?

— Конечно, отец-настоятель, — склоняя голову, ответил Фрэнсис. — Поври и гоблины…

— Забудь о них! — перебил его Маркворт. — Забудь про великанов и даже про демона-дракона. Война становится намного опаснее любых угроз, которые представляют эти чудища.

Брат Фрэнсис поднял голову и долго не отрываясь, смотрел на своего наставника.

— Это война за сердце Абеликанской церкви, — продолжал Маркворт. — Я без конца твержу тебе об этом, а ты все никак не можешь понять. Это война между традициями, насчитывающими тысячи лет, и еретическими идеями, жалкими новомодными верованиями, и она затрагивает самую суть природы добра и зла.

— Но разве добро и зло не являются вневременными категориями? — решился

спросить весьма сконфуженный брат Фрэнсис.

— Естественно, являются, — обезоруживающе усмехнувшись, ответил Маркворт. — Но, похоже, что кое-кто в нашем ордене, например магистр Джоджонах, уверен, будто он способен переиначить эти понятия на потребу собственным воззрениям.

— А настоятель Добринион?

— О нем мне расскажешь ты, — объявил Маркворт.

Брат Фрэнсис молчал, обдумывая возможные последствия своих слов. Он не знал наверняка, как в свете только что сказанного отец-настоятель относится к Добриниону. В Санта-Мир-Абель Маркворт часто спорил с магистром Де'Уннеро, и иногда их споры бывали ожесточенными. Но при всех различиях во взглядах Де'Уннеро оставался его ближайшим советником, как и сам Фрэнсис.

— Этот еретик Эвелин имел обыкновение каждый вопрос обдумывать со всех сторон, — заметил Маркворт. — Он не мог просто рассказать о том, что у него на сердце. Боюсь, это его и сгубило.

— Настоятель Добринион будет сопротивляться нам, — выпалил брат Фрэнсис. — Я не доверяю ему и думаю, что его представления о добре и зле ближе к представлениям магистра Джоджонаха, чем к вашим… то есть нашим.

— Сильно сказано, — лукаво заметил Маркворт.

Брат Фрэнсис побледнел.

— Но не без доли правды, — продолжал Маркворт, и брат Фрэнсис вздохнул с облегчением. — Настоятель Добринион всегда был идеалистом, даже когда его идеалы рассыпались в прах под напором реальной действительности. Я рассчитывал, что его озабоченность канонизацией брата Аллабарнета позволит мне заручиться его поддержкой. Увы, он оказался малодушнее, чем я предполагал.

— Он будет сопротивляться нам, — уже настойчивее повторил брат Фрэнсис.

— Разумеется. Добринион будет добиваться освобождения семьи Чиличанк, — объяснил Маркворт. — Он обратится к барону Билдебороху, возможно, даже к самому королю и уж конечно же — к другим настоятелям.

— Имеем ли мы право удерживать этих троих? — решился спросить брат Фрэнсис.

— А что важнее: судьба Абеликанского ордена или судьба троих людей? — резким вопросом ответил отец-настоятель.

— Конечно, судьба ордена, отец-настоятель, — ответил Фрэнсис, снова поклонившись.

Когда Маркворт так просто сопоставлял главное и второстепенное, молодому монаху легко удавалось игнорировать собственные чувства по поводу обращения с пленниками. Для него ставки и в самом деле были высоки, даже слишком высоки, чтобы поддаваться дурацкому состраданию.

— И что же нам следует сделать? — спросил отец-настоятель, хотя брату Фрэнсису было очевидно, что у Маркворта уже есть наготове решение.

Фрэнсис вновь помедлил, тщательно обдумывая свои слова.

— Коллегия Аббатов, — начал он, имея в виду собрание церковной иерархии.

Если отец-настоятель намерен сместить Добриниона, этого этапа ему не миновать.

— Собор обязательно состоится, — ответил Маркворт, — но его созовут не раньше середины калембра.

Фрэнсис прикинул: калембр был одиннадцатым по счету месяцем, и до его наступления оставалось более четырех месяцев.

— В таком случае мы должны немедленно покинуть Сент-Прешес, — наконец сказал он, правильно угадав, что отец-настоятель начинает терять терпение, добиваясь от него ответов. — Мы должны забрать пленников в Санта-Мир Абель, где Добринион уже не сможет выговаривать нам за жестокое обращение с ними.

— Отлично, — похвалил Маркворт. — Мы действительно завтра должны отсюда уехать, прихватив с собою кентавра и семью Чиличанк. Займись приготовлениями и составь маршрут.

— Он будет самым прямым и коротким, — заверил брат Фрэнсис.

— И пусть все вокруг узнают о нашем отъезде, — продолжал отец-настоятель. — Да проследи за тем, чтобы схватили Коннора Билдебороха. Уж эта новость мгновение разлетится по городу.

На лице брата Фрэнсиса появилось сомнение.

— Это может вызвать вмешательство правительственных войск, — предостерег он.

— В таком случае мы его освободим, — ответил Маркворт. — А пока он будет находиться у нас, слух о его аресте может достичь ушей девчонки, которую мы разыскиваем.

— Вряд ли она станет рисковать из-за Билдебороха, — предположил брат Фрэнсис. — Их союз был скоротечным и неудачным, если верить разговорам.

— Но она может рискнуть из-за своих приемных родителей, — пояснил Маркворт. — И из-за этого уродца кентавра. Арест молодого Билдебороха нужен нам лишь затем, чтобы выставить в определенном свете остальных наших пленников.

Немного подумав, брат Фрэнсис кивнул.

— А как насчет настоятеля Добриниона? — спросил он.

— Не такая это уж большая заноза, как тебе думается, — быстро ответил Маркворт, и Фрэнсису показалось, что у старика уже есть замысел относительно досточтимого настоятеля Сент-Прешес.

Коннор Билдеборох мерил шагами комнату, которую он снимал в небогатом квартале Палмариса. Несмотря на то, что он принадлежал к аристократическому роду, Коннор предпочитал полную приключений жизнь портовых улочек и грязноватых таверн. Единственным развлечением во дворце его дяди была охота на лис, которую Коннор считал глупым и тщеславным занятием, недостойным даже называться охотой. Живой ум и быстрый меч молодого Билдебороха требовали иного. Ему по вкусу была хорошая драка в каком-нибудь заведении или стычка с грабителями в темном закоулке.

В поисках приключений он провел немало времени в сражениях, что велись к северу от Палмариса. Там, в столкновениях с гоблинами, поври и великанами, он приобрел репутацию храброго воина. В самом начале этой войны дядя сделал ему замечательный подарок, вручив тонкий и необычайно изящно сработанный меч. Сверкающее лезвие меча было изготовлено из какого-то особого сплава серебра, названия которого никто не знал. В золотую оплетку рукоятки было вставлено несколько крошечных магнетитов, облегчавших отражение ударов противника. Защитник — так назывался этот меч. Коннор не знал, откуда он появился у дяди. Домыслов на этот счет хватало, но подтвердить их было невозможно. Большинство легенд сходилось на том, что меч сделали в кузнице первого короля Хонсе-Бира. Поговаривали, будто его выковал какой-то умелец-поври, сбежавший с Островов Непогоды. Были и другие легенды, утверждавшие, что меч является творением таинственного народа тол'алфар. Наконец, существовали и вовсе невероятные предания, согласно которым к созданию меча в одинаковой мере были причастны поври, эльфы и люди.

Но как бы там ни было, Коннор понимал, что обладает редкостным и необычным оружием. С Защитником в руках он всего лишь неделю назад повел королевских солдат против могущественных великанов. Невзирая на внушительные потери (иного при сражении с великанами нельзя было и ожидать), Коннор своим мечом уничтожил двоих великанов. А какую славу он снискал себе в этих сражениях!

Однако теперь, слушая настоятеля Добриниона, своего доброго друга, Коннор понимал, что ему грозят опасности совсем иного рода.

— Это связано с Джилл, — утверждал Добринион. — Отец-настоятель Маркворт убежден, что она завладела самоцветами, похищенными из Санта-Мир-Абель.

Джилл. Это имя больно ударило Коннора по сердцу и пробудило немало воспоминаний. Он вспомнил, как несколько месяцев ухаживал за ней. То были удивительные месяцы. А потом — брак, распавшийся после считанных часов. Когда Джилл отказала ему в выполнении супружеских обязанностей, Коннор был готов потребовать для нее смертной

казни.

Разумеется, он этого не сделал, поскольку искренне любил смелую, хотя и непредсказуемую Джилл. Он скрепя сердце принял решение суда, отправившего ее в королевскую армию. И как страдал он потом, когда его Джилли покинула Палмарис.

— Я слышал, что ее отправили куда-то очень далеко, — с грустью произнес молодой аристократ. — В береговую охрану, не то в Пирет Талме, не то в Пирет Данкард.

— Возможно, так оно и было, — согласился Добринион. — Откуда нам знать? Однако Маркворт ее разыскивает. Он считает, что она вернулась в Дундалис, а может, отправилась еще дальше в сопровождении Эвелина, монаха из Санта-Мир-Абель, похитившего самоцветы.

— Вы знаете этого человека? — вдруг спросил Коннор, вспомнив о монахе, побывавшем у Петтибвы Чиличанк.

— Я с ним ни разу не встречался, — ответил настоятель Добринион.

— А хоть как он выглядел? — допытывался Коннор.

— Рослый, широкая кость и, как рассказывали, необъятный живот, — ответил настоятель. — Так мне его описывал магистр Джоджонах.

Коннор кивнул, обдумывая слова Добриниона. Все совпадало: монах, навестивший тогда Петтибву, действительно был рослым и толстым. Неужели Джилл в сопровождении этого человека однажды прошла через Палмарис и отправилась дальше? Неужели она находилась так близко, а он даже не знал об этом?

— Коннор, этой женщине грозит опасность, и немалая, — сурово произнес настоятель Добринион. — Если ты что-нибудь знаешь о ней, и если эти камни действительно находятся у нее, Маркворт доберется и до тебя. А манера допроса у него отнюдь не из приятных.

— Да как я могу что-либо знать о Джилл? — искренне удивился Коннор. — В последний раз я ее видел на суде, после которого ее отправили в королевскую армию.

Коннор говорил правду: в последний раз они действительно виделись в суде, где был расторгнут их брак. В дальнейшем Коннор часто отлучался из Палмариса — он сражался на севере, зарабатывая себе репутацию доблестного воина. В те дни многим казалось, будто война пошла на убыль. До него доходили сведения о каком-то разношерстном отряде, действовавшем на севере, вблизи Кертинеллы и Ландсдауна. Говорили, что своими дерзкими выходками и применением магии этот отряд сеял панику среди вражеских войск. Может, вся эта магия исходила от Джилл и монаха Эвелина с их камнями?

Свои подозрения Коннор предпочел оставить при себе, не поделившись ими даже с Добринионом.

— Отец-настоятель намерен ее найти, — сказал Добринион.

— Если Джилл навлекла на себя беду, я здесь мало чем могу помочь, — признался Коннор.

— Но одно то, что ты был обручен с нею, навлекает беду и на тебя.

— Какая глупость, — сказал Коннор и вдруг осекся.

Дверь в комнату с шумом распахнулась, и в ней появилось четверо монахов: Данделион, Юсеф, Фрэнсис и сам отец-настоятель Маркворт.

Данделион направился прямо к Коннору. Тот потянулся за мечом, но меч уже выскользнул из ножен и устремился к нему. Коннор ухватился за рукоятку и вдруг почувствовал, как что-то тянет меч вверх. В следующее мгновение он вытянулся во весь рост, потом встал на цыпочки, но все равно никак не мог заставить меч опуститься.

Данделион нанес молодому Билдебороху быстрый и резкий удар, выбил рукоятку меча из его руки и крепко обхватил Коннора с правого бока. Меч словно пушинка плавал в воздухе. Коннор не понимал, в чем тут причина, пока не заметил, что один из монахов (это был брат Фрэнсис) держит в руках зеленый самоцвет.

— Не надо сопротивляться, господин Коннор Билдеборох, — властно произнес Маркворт. — Мы всего-навсего желаем поговорить с вами по одному чрезвычайно важному делу, касающемуся безопасности положения вашего дяди.

Коннор инстинктивно попытался высвободиться из объятий Данделиона, но осознал тщетность своих усилий. Данделион был слишком силен и опытен, чтобы допустить какой-либо промах. К тому же рядом наготове стоял второй молодой монах с небольшой, но тяжелой палкой в руках.

— Мой дядя обязательно узнает об этом, — пригрозил Маркворту Коннор.

— Ваш дядя согласится с моим решением, — убежденно ответил отец-настоятель.

Он кивнул своим подручным, и те выволокли Коннора из комнаты.

— Вы вступаете на опасную тропу, — заявил Маркворту настоятель Добринион. — Влияние барона Рошфора Билдебороха — вовсе не пустяк.

— Один из нас действительно вступает на опасную тропу, — равнодушно ответил Маркворт.

— Вы знали, что мы разыскиваем Коннора Билдебороха, — недовольно произнес брат Фрэнсис, забирая плававший в воздухе меч. — И, тем не менее, вы явились сюда, чтобы предупредить его?

— Я хотел найти его, — поправил Фрэнсиса Добринион. — Сказать ему, что он должен прийти в монастырь, поговорить с вами и сообщить все, что может оказаться важным для ваших поисков. Могу уверить вас, он ничего не знает.

Слушая это не вполне искреннее признание Добриниона, отец-настоятель ехидно посмеивался.

— Удивительная вещь — слова, — заметил он, когда Добринион закончил. — Мы произносим их, чтобы рассказать о правде фактов, но скрыть правду намерений.

— Вы мне не верите? — спросил настоятель.

— Вы весьма четко и недвусмысленно обозначили свою позицию в этом деле, — ответил Маркворт. — Я знаю, зачем вы искали Коннора Билдебороха. Я знаю, что вы желаете предпринять. И еще я знаю, что наши цели расходятся.

Добринион вспыхнул и с вызывающим видом направился к двери.

— Барон должен узнать об этом, — бросил он.

Брат Фрэнсис грубо схватил Добриниона за руку, и тот обернулся, рассерженный и удивленный дерзкой выходкой молодого монаха.

Фрэнсис, в свою очередь, посмотрел на него с такой убийственной ненавистью, что Добриниону показалось, будто сейчас он набросится на него. Но увидев протестующий жест Марквортa, Фрэнсис выпустил руку настоятеля, снова продолжая неотрывно глядеть на него.

— Важно, как это будет преподнесено барону, — сказал Добриниону Маркворт. — Потрудитесь ему объяснить, что его племянник не обвиняется ни в каких грехах или преступлениях, а добровольно согласился ответить на наши вопросы по одному исключительно важному делу.

Настоятель Добринион поспешно вышел.

— Думаю, он не замедлит сообщить барону, как обошлись с его племянником, — сказал брат Фрэнсис, припомнив действия Данделиона.

— Ну и пусть сообщает, — спокойно отозвался отец-настоятель.

— Барон может оказаться серьезным противником, — не унимался брат Фрэнсис.

Похоже, что и это обстоятельство не слишком-то тревожило отца-настоятеля.

— Посмотрим, — сказал он. — К тому времени, когда Рошфор Билдеборох узнает о случившемся, мы сумеем вытащить из Коннора все, что ему известно. Разумеется, тем самым мы выдадим свое присутствие, а вместе с молодым Билдеборохом станут известны личности и других пленников. После этого Коннор перестанет меня интересовать.

Отец-настоятель покинул комнату. Брат Фрэнсис ненадолго задержался, чтобы подумать о превратностях происшедшего и о нарастающей напряженности между Марквортом и Добринионом, а также о том, что для настоятеля Сент-Прешес это может иметь тяжелые последствия. Затем он поспешил вслед за Марквортом.

— Вы хотите, чтобы мы начали бой прямо на улицах Палмариса? — налетел на Добриниона раздосадованный брат Фрэнсис.

Они едва успели начать допрос Коннора Билдебороха (причем говорили с ним вежливо и по-дружески), когда у ворот Сент-Прешес появилось несколько десятков солдат с требованием освободить молодого аристократа.

— Я же предупреждал вас, что арест племянника барона Билдебороха так просто не пройдет, — столь же резко ответил Добринион. — Вы не верили, что его дядя применит силу?

— Замолчите вы оба, — потребовал Маркворт. — Приведите ко мне посланника барона Билдебороха, чтобы мы могли уладить дело.

Добринион и Фрэнсис оба направились к двери, затем остановились, бросая друг на друга свирепые взгляды.

Маркворт сделал жест Фрэнсису, велев ему идти и выполнять поручение.

— А вам, настоятель Добринион, надлежит повидать кентавра. Он хочет с вами поговорить.

— Мое место здесь, отец-настоятель, — ответил Добринион.

— Ваше место там, где я укажу, — возразил старик. — Ступайте к этому несчастному созданию.

Добринион недовольно посмотрел на Маркворта. Настоятель вовсе не возражал против беседы со Смотрителем, однако помещение, в котором держали кентавра, находилось совсем в другом конце монастыря, глубоко в подземелье. Даже если Смотритель скажет ему всего несколько слов, за то время, пока Добринион туда доберется и вернется обратно, разговор Маркворта с людьми Билдебороха давно окончится.

Однако Добринион повиновался и, поклонившись Маркворту, быстро ушел.

Вскоре появился брат Фрэнсис.

— Брат Юсеф ведет сюда баронского посланника.

— Отправляйся прямо к Коннору Билдебороху, — сказал Маркворт, бросая Фрэнсису магический камень. — Либо останься где-нибудь поблизости, но так, чтобы он тебя не видел. Вначале войди к нему в духе и не церемонься. Обшарь все закоулки его разума; мало ли, какие тайны там скрываются. Потом приведешь его ко мне. Я постараюсь задержать солдат барона как можно дольше. Впрочем, они и так не уйдут отсюда без Коннора.

Брат Фрэнсис поклонился и выбежал из кабинета. Буквально сразу же после него в дверях появился посланник барона.

— Где здесь настоятель Добринион? — резко спросил солдат, отпихнув брата Юсефа и встав прямо перед Марквортом.

Посланник был плотным, крепко сбитым человеком, полностью облаченным в кожаные доспехи с изображением орла — фамильного герба баронов Билдеборохов. Тот же герб красовался на его металлическом щите и на гребне блестящего шлема. Шлем плотно сидел на его голове, закрывая уши. Спереди узкая полоса металла защищала нос.

— А ты кто? — спросил Маркворт.

— Посланник барона Билдебороха, — грозно ответил человек. — Мы пришли освободить его племянника.

— Ты говоришь так, словно господина Коннора арестовали, — невинным тоном произнес Маркворт.

Бравый воин даже пошатнулся, застигнутый врасплох дружественной манерой отца-настоятеля.

— Мы лишь попросили племянника барона прийти в Сент-Прешес и ответить на несколько вопросов касательно его неудачного брака, — продолжал Маркворт. — Он свободен покинуть это место, когда ему заблагорассудится, ибо господин Коннор не совершил никаких преступлений против государства и церкви.

— Но ведь нам сказали…

— Как видишь, вас ввели в заблуждение, — усмехнувшись, перебил его Маркворт. — Прошу тебя, сядь и отведай вина из личных запасов настоятеля Добриниона. Отличное вино эльфов — «болотное», так его, кажется, у вас называют? Я уже послал за господином

Коннором. Через несколько минут он будет здесь.

Солдат с недоумением оглядывался по сторонам, не зная, что предпринять в ответ на услышанное. Он ведь привел в монастырь более полусотни закованных в латы и вооруженных бойцов, готовых, если понадобится, сражаться за освобождение Коннора Билдебороха.

— Садись, — вновь пригласил его Маркворт.

Посланник барона выдвинул из-под бокового столика стул, а отец-настоятель раскрыл шкаф и достал оттуда бутылку.

— Мы ведь не враги, — самым невинным тоном заявил отец-настоятель. — Церковь — союзница короля, и этот союз длится не одну сотню лет. Меня удивляет, что барон проявил такую поспешность и направил в монастырь вооруженных до зубов солдат.

С этими словами Маркворт откупорил бутылку и почти до краев наполнил бокал посланника. Себе же он плеснул самую малость.

— Там, где дело касается племянника, барон Билдеборох не пожалеет ничего, — сказал солдат.

Он глотнул из бокала и даже заморгал — настолько крепким было вино.

— Пусть так, но вы же явились сюда, готовые сражаться, — возразил ему Маркворт. — Ты знаешь, кто я?

Посланник сделал еще один глоток, более продолжительный, чем первый, затем уставился на морщинистое лицо старика.

— Наверное, тоже настоятель, из другого монастыря. Как его там… Сент-Мер-Аболь, что ли?

— Санта-Мир-Абель, — поправил Маркворт. — Это главный монастырь всей Абеликанской церкви.

Посланник осушил бокал и потянулся к бутылке, но Маркворт быстрым движением убрал ее. Лицо отца-настоятеля приняло крайне суровое выражение.

— Ты ведь принадлежишь к нашей церкви? Отвечай! — потребовал он.

Захмелевший солдат несколько раз моргнул, затем кивнул.

— Так знай, что ты сейчас говоришь с самим отцом-настоятелем Абеликанского ордена! — рявкнул Маркворт. — Мне достаточно пошевелить пальцем — и ты будешь разжалован и опозорен! Достаточно одного моего слова твоему королю — и тебя объявят вне закона.

— Но за какие преступления? — возразил удивленный посланник.

— За те, которые я назову! — выкрикнул ему в ответ Маркворт.

В это время в кабинет вошли брат Фрэнсис и Коннор Билдеборох. Племянник барона выглядел несколько встревоженным, однако нельзя было сказать, чтобы его мучили или пытали.

— Господин Коннор! — вскричал солдат и встал с такой поспешностью, что опрокинул стул.

Маркворт тоже встал и вплотную подошел к явно испуганному посланнику.

— Не забывай о том, что я тебе сказал, — проговорил старик. — Достаточно одного слова.

— Теперь вы угрожаете солдатам моего дяди? — резко спросил Коннор.

Его появление и решимость, звучавшая в голосе, приободрили солдата. Тот выпрямился и сердито посмотрел на Марквортa.

— Угрожаю? — повторил отец-настоятель, и в его смехе послышались зловещие нотки. — Я отнюдь не угрожаю, мой молодой и глупый Коннор. Но полагаю, что и вам, и вашему дяде, и его солдатам ради собственного блага будет полезно уразуметь: то, чем мы занимаемся, выше их понимания. И вмешательства.

— Меня не удивляет, что такой своевольный и горделивый молодой человек, как вы, не желает видеть дальше собственного носа и потому не понимает всей тяжести нынешней ситуации, — продолжал Маркворт. — Однако меня сильно удивляет, что барон Билдеборох

отваживается на такую вопиющую глупость и посылает несколько десятков солдат против главных лиц Абеликанского ордена.

— Дядя думал, что эти главные лица действовали неподобающим и опасным образом, — сказал в ответ Коннор.

Он изо всех сил старался не выглядеть так, будто пришел сюда оправдываться. В конце концов, ни он, ни дядя не сделали ничего дурного. Если уж и говорить о преступных действиях, то они исходили не от рода Билдеборохов, а от старика, что стоял рядом.

— Дядя думал… вы думали, — уже мягче сказал Маркворт. — Складывается впечатление, что вы судите и действуете так, словно Господь Бог наделил вас особым видением.

— Вы намерены отрицать, что силой привели меня сюда? — удивился Коннор.

— Вы нам понадобились, — ответил Маркворт. — Скажите, господин Коннор, с вами дурно обходились? Вас пытали?

Услышав эти слова, посланник барона выпятил грудь и стиснул челюсти.

— Нет, — ответил Коннор, и солдат облегченно вздохнул. — А как насчет семьи Чиличанк? — тут же спросил он. — Вы станете отрицать, что удерживаете их и обращаетесь с ними совсем не так, как со мной?

— Не стану, — возразил Маркворт. — Деяния сделали их врагами церкви.

— Клевета!

А это мы увидим, — ответил отец-настоятель.

— Вы ведь намереваетесь увезти их из Палмариса, — с упреком сказал Коннор.

Ответа не последовало.

— Я вам этого не позволю!

— Вы наделены соответствующими полномочиями? — с издевкой спросил Маркворт.

— Я говорю от имени своего дяди.

— Очень впечатляюще, — усмехнулся Маркворт. — И что же, господин Коннор, мы будем сражаться на улицах Палмариса, чтобы весь город узнал, как их барон пошел на раскол с церковью?

Коннор умолк, обдумывая возможные последствия такого шага. Его дядя пользовался большим уважением, однако простой люд в Палмарисе, как и в любом другом городе Хонсе-Бира, очень боялся вызвать гнев церкви. Однако сейчас на карту была поставлена судьба семьи Чиличанк, а это Коннор уже никак не мог считать пустяком.

— Будем, если понадобится, — резко ответил он.

Маркворт продолжал смеяться, и смех помог ему незаметно сунуть руки в сумочку, спрятанную на поясе сутаны, и извлечь оттуда магнетит. Отец-настоятель вскинул вверх руку, и в следующее мгновение энергия магнетита ударила в металлическую полоску, защищавшую нос посланника. Солдат взвыл и схватился за лицо. Из ноздрей хлынула кровь. Солдат скорчился от боли, припав на одно колено.

В тот же момент брат Юсеф выскочил вперед, выставил ладонь и ударил ничего не подозревавшего Коннора Билдебороха по почкам. У него подкосились ноги, и он тоже оказался на коленях.

— Одержи его, — велел Фрэнсису Маркворт. — Используй его глотку, чтобы приказать солдатам не чинить нам препятствий с отъездом.

Затем он повернулся к Юсефу.

— Пленники подготовлены к отъезду?

— Брат Данделион проследил за погрузкой каравана. Все повозки находятся на заднем дворе, ответил Юсеф. — Но настоятель Добринион, прежде чем пойти в подземелье, направил во двор немало солдат.

— Они не выступят против нас, — уверил его Маркворт.

После того как отец-настоятель убрал магнетит, посланник барона застонал и попытался встать, однако Юсеф был начеку. Он несколько раз резко и жестоко ударил солдата по лицу, и тот затих, растянувшись на полу.

Маркворт заметил, что брат Фрэнсис просто глядит на Коннора, не предпринимая никаких действий.

— В чем дело, брат Фрэнсис? — сердито спросил он.

— Я вошел в его мысли, — объяснил тот, — и узнал кое-что действительно важное.

— Ну и… — торопил его Маркворт, уловив в голосе Фрэнсиса замешательство.

— Но это длилось не более секунды, пока он был застигнут врасплох. У этого человека сильная воля. Он вытолкнул меня обратно, даже не зная, откуда исходит нападение.

Отец-настоятель кивнул, затем подошел к Коннору, по-прежнему находившемуся в оглушенном состоянии. Старческий кулак с силой ударил Коннора по голове, отчего голова свесилась набок, а сам он повалился на пол.

— Давай совершай одержание, — нетерпеливо потребовал Маркворт. — Теперь это будет совсем несложно!

— Но в таком его состоянии я ничего не узнаю, — возразил брат Фрэнсис.

И он был прав: совершить одержание над оглушенным или находящимся без сознания человеком не составляло труда. Однако чужой воле подчинялось только тело: доступа к памяти или мыслям не было. Когда возвращалось сознание, противоборство возобновлялось с новой силой.

— Нам больше незачем копаться в его памяти, — пояснил Маркворт. — Сейчас нам нужны лишь его тело и голос.

— Посмотри, что делается, — прошептал брат Браумин, обращаясь к брату Делману.

Они стояли во дворе Сент-Прешес, окруженные другими монахами. Поблизости находилось и четверо пленников. Брата Браумина не удивил внезапный приказ готовить повозки к отъезду. От него не ускользнуло то, как отец-настоятель и его прислужник Фрэнсис держали себя с Добринионом. Поэтому естественно, что они торопились покинуть Сент-Прешес.

Зато Браумина немало удивило присутствие вооруженных солдат, расставленных у всех монастырских ворот. Он понял, что эти люди явились сюда затем, чтобы помешать им уехать и увезти с собой пленников. Монахи шептались о новом пленнике, каком-то аристократе, которого никто, кроме Маркворта, брата Фрэнсиса и двух телохранителей отца-настоятеля, не видел. Но раз уж в монастыре появились воинственно настроенные солдаты, отец-настоятель, скорее всего, перешел все допустимые границы.

— Зачем здесь солдаты? — шепотом спросил брат Делман.

— Не знаю, — ответил Браумин, не желая посвящать этого молодого и честного монаха в суть монастырских интриг.

Он опасался: если солдаты попытаются помешать их отъезду, Палмарис увидит, что такое сила магии и какие разрушения она способна принести.

— Что же мне делать? — думал кроткий брат Браумин.

Если отец-настоятель Маркворт прикажет сражаться с солдатами, какую линию поведения избрать?

— У тебя встревоженный вид, брат, — заметил Делман. — Боишься, что солдаты нападут на нас?

— Я боюсь как раз противоположного, — удрученно ответил брат Браумин.

Он что-то пробормотал сквозь зубы и ударил по стенке повозки. Как ему сейчас не хватало магистра Джоджонаха!

— Успокойся, брат, — сказал Делман, положив ему руку на плечо.

Браумин резко повернулся к молодому монаху, взял его за плечи и заглянул прямо в глаза.

— Будь внимателен, брат Делман, — сказал он.

В ответ Делман удивленно и непонимающе посмотрел на него.

Браумин Херд вздохнул и отвернулся. Не мог он сейчас сказать этому юноше, что во всем повинен отец-настоятель. Рано. Надо дождаться, пока доказательства не станут неопровержимыми. Сейчас же подобное обвинение и раскрытие лживой сущности всего

того, что Делман привык считать святым, могло бы сломать его или, хуже того, заставить броситься к Маркворту за утешением.

Что было бы потом, предугадать нетрудно: все тайное в сердце Браумина стало бы явным, и его ожидала бы участь, схожая с участью магистра Джоджонаха.

Теперь он понял, что будет делать, если последует приказ. Он будет сражаться вместе с собратьями или, по крайней мере, делать вид, что сражается. Время раскрыть то, что на сердце, еще не пришло.

— Простите меня, магистр Джоджонах, — прошептал Браумин и поспешно добавил: — Прости меня, брат Эвелин.

Вскоре суровые солдаты барона Билдебороха отступили, подчинившись приказу того, кого они явились вызволять, и караван выкатился из задних ворот монастыря Сент-Прешес. В одной из повозок везли семью Чиличанк, связанных и с кляпами во рту. Брат Юсеф следил за каждым их движением. Брат Данделион уселся верхом на измученного Смотрителя. Человеческая часть кентавра была надежно скрыта под попоной. Монахи привязали Смотрителя к повозке, следующей впереди, а безжалостный Данделион заставил его согнуться и наклониться таким образом, чтобы не вызывать ни малейших подозрений.

Отец-настоятель Маркворт и брат Фрэнсис также предпочли не показываться на глаза. Маркворт считал, что солдатам незачем видеть его, а Фрэнсис был сосредоточен на одержании Коннора Билдебороха. Добравшись до восточной части Палмариса, примыкавшей к порту, караван повернул на север. Фрэнсис повелел телу Коннора вернуться со двора в монастырь, после чего прекратил одержание. Племянник барона, еще не успевший оправиться от ударов Маркворта, рухнул на пол.

Караван беспрепятственно выехал за пределы Палмариса, покинув город не через восточные, а через северные ворота. После этого Маркворт сразу же повелел свернуть на восток. Вскоре монахи покинули земли, на которые распространялась власть барона Билдебороха. Как и прежде, сила малахита помогла им пересечь бурные воды пролива Мазур-Делавал в стороне от тщательно охраняемой паромной переправы.

Добравшись до подземелья, где держали Смотрителя, Добринион узнал, что люди Маркворта увели кентавра более часа назад. Настоятель почувствовал: наверху творится что-то неладное. Первым его побуждением было броситься по каменной лестнице вверх и позвать солдат.

Однако трезво мыслящий Добринион никуда не бросился и никого не стал звать. Он честно спросил себя: что он в состоянии предпринять? Даже если он сумеет оказаться во дворе до отъезда каравана, он что, возглавит сражение против монахов Маркворта?

Добринион заметил молоденького монаха, почти мальчишку, и узнал в нем одного из новых послушников монастыря.

— По вашему приказанию, мой настоятель, нахожусь на охране помещений! — радостно выкрикнул тот, подбегая к старому и усталому Добриниону.

Настоятель представил мысленную картину: удар рукотворной молнии — и от мальчишки остался только дымящийся почерневший труп. У Маркворта есть магические камни, и у брата Фрэнсиса — тоже. А помимо камней у Маркворта есть Юсеф и Данделион, хорошо обученные убийцы, или — как церковь именовала подобных людей — Карающие Братья.

Сколько десятков из «отряда» Добриниона окажутся убитыми, если он сейчас пойдет наверх и помешает отъезду Маркворта? И даже если они одолеют монахов из Санта-Мир-Абель, что потом?

Далеберт Маркворт — отец-настоятель Абеликанского ордена. И этим все сказано.

— Незачем стеречь пустоту, — тихо сказал Добринион молодому монаху. — Пойди-ка лучше отдохни.

— А я совсем не устал, — широко и невинно улыбнувшись, ответил монах.

— Тогда сделай это ради меня, — вполне серьезно попросил его Добринион и стал

медленно подниматься по ступеням каменной лестницы.

ГЛАВА 17
ПО ВЕЛЕНИЮ СВЫШЕ

Элбрайн протяжно вздохнул и беспомощно посмотрел на Пони. Он знал, что Джуравиль сейчас тоже наблюдает за ним, хотя эльф и держался поодаль от костра, возле которого собрались командиры отряда.

— Как только мы овладеем Кертинеллой и Ландсдауном, — сказал Томас Джинджерворт, явно пытаясь потрафить несговорчивому Элбрайну, — мы пойдем за тобою на юг. Во всяком случае, те из нас, кому не по силам остаться, чтобы защищать наши родные места.

Элбрайну захотелось схватить этого человека за плечи, тряхнуть как следует и крикнуть ему прямо в лицо, что планы его бессмысленны. Даже если они овладеют городами, в живых останется лишь горстка бойцов. Элбрайн хотел напомнить Томасу и другое: если нападение захлебнется, гоблины и поври бросятся за ними в погоню, и тогда гибель будет угрожать всем: бойцам, старикам, детям. Однако Элбрайн не произнес ни слова. В прошлом он без конца приводил им эти доводы, постоянно и на разные лады повторял одно и то же, но все это, как видно, было впустую. Элбрайну было горестно сознавать, что все усилия не допустить повторения трагедии, обрушившейся в свое время на его родной город и унесшей жизни родных и друзей, оказываются тщетными из-за пустой самонадеянности командиров отряда. Им хочется вернуться в родные дома, но можно ли называть родным домом место, в котором небезопасно жить?

Белстер О'Комели заметил его подавленное состояние.

— Ты даже не хочешь спорить? — спросил он.

Элбрайн взглянул на старого друга и бессильно поднял руки.

— Тогда вставай в наши ряды, — заключил Томас, и его слова вызвали одобрительные возгласы собравшихся.

— Нет, — вдруг резко возразила Пони.

Все, включая Элбрайна, повернулись к ней.

— Я не пойду, — твердо заявила она.

Возгласы удивления сменились недовольным перешептыванием.

— Вы знаете, я никогда не пряталась от опасности, — продолжала Пони, решительно скрестив на груди руки. — Но согласиться пойти вместе с вами сражаться за города — значит согласиться, что вы избрали правильный путь. Я не согласна с вашим выбором, и вы знаете, что Полуночник тоже его не поддерживает. Я не стану вновь повторять доводы, которые все эти дни вы пропускали мимо ушей, но и не пойду вместе с вами на убой. Желаю вам успеха в вашей глупости, а я останусь рядом с детьми и стариками и попытаюсь хоть как-то защитить их, когда поври бросятся из Кертинеллы в леса и некому будет противостоять их толпам.

Возможно, Элбрайн и Пони несколько преувеличили опасность, но решительные слова женщины вызвали новую волну перешептываний. Одни были рассержены, других сказанное заставило усомниться в разумности предстоящей атаки на города. До сих пор Элбрайн думал, что ему все же придется участвовать в этом нападении, а Пони обязательно поддержит нападающих силой разрушительных магических ударов. Однако ее решительный отказ застал Элбрайна врасплох. Он знал, что Пони не станет бросаться словами впустую. После недолгих размышлений он присоединился к ее позиции.

— Я тоже не пойду с вами, — объявил Элбрайн, вызвав новый всплеск рассерженных и удивленных возгласов. — Я не могу согласиться с твоим решением, досточтимый Джинджерворт. Я останусь вместе с Пони, чтобы защитить слабых и немощных от возможного набега поври и, если удастся, увести их в безопасное место.

Томас Джинджерворт, весь дрожа от гнева, с упреком взглянул на Белстера.

— Прошу тебя, подумай хорошенько, — обратился Белстер к Элбрайну. — Друг мой, я ведь тоже по горло сыт этой войной и тоже хотел бы отправиться в Палмарис, подальше от поври. Но решение принималось честно, и люди высказались за него. Они хотят вернуться в свои родные дома, и мы, будучи их союзниками, обязаны им помочь.

— Даже если принятое решение неразумно? — спросила Пони.

— Ты уверена в этом? — возразил Белстер. — Ваше недавнее нападение на Кертинеллу многим тоже казалось неразумным, однако оно послужило всеобщему благу.

Элбрайн и Пони переглянулись. Решительность Пони придала юноше силы. Он знал: Пони не станет менять принятого решения. И его место — рядом с нею.

— Я не могу участвовать в этом сражении, — спокойно ответил Элбрайн. — Когда я в прошлый раз отправился в Кертинеллу, мои действия не угрожали безопасности тех, кто остался в лагере.

Белстер взглянул на Томаса и пожал плечами, не зная, что возразить на столь простой довод.

В это время в лагере появился Роджер Не-Запрешь. Его одежда, руки и лицо были перепачканы. Парень пристально посмотрел на Элбрайна, и все собравшиеся, в том числе и сам Элбрайн, подумали, что сейчас он воспользуется моментом и обвинит Элбрайна в трусости и предательстве.

— Полуночник прав, — неожиданно сказал Роджер.

Он прошел мимо ошеломленных Элбрайна и Пони и встал так, чтобы его слышали все собравшиеся.

— Я только что из Кертинеллы, — громко объявил он. — Нам нельзя атаковать.

— Ты что, Роджер? — попытался было возразить Томас.

— Поври усилили свои позиции, — продолжал парень. — Они превосходят нас по численности в два, а то и в три раза. Они значительно укрепили город. Вдобавок они поставили на улицах самострелы и хорошо замаскировали их. Даже если Полуночник и Пони присоединятся к нам, нас всех перебьют.

Мрачные новости на какое-то время умерили пыл собравшихся. Затем беженцы вновь стали перешептываться, но былого возбуждения и гнева уже не чувствовалось. Постепенно взгляды всех собравшихся сосредоточились на Томасе Джинджерворте.

— Наши разведчики ничего не говорили об этом, — заметил Роджеру Томас.

— А твои разведчики были в самом городе? — спросил в ответ Роджер.

Томас посмотрел на Белстера и других командиров, но все они беспомощно качали головами.

— Если вы решите сражаться, я тоже останусь вместе с Полуночником и Пони, — закончил Роджер и встал рядом с Элбрайном.

Этого было достаточно для Томаса и его горделивых и упрямых соратников.

— Веди нас в Палмарис, — смирившись с обстоятельствами, сказал он Элбрайну.

— На рассвете будем сниматься с места, — ответил тот.

Когда беженцы стали расходиться, Элбрайн взглянул на Роджера и одобрительно кивнул. Роджер в ответ не улыбнулся и не кивнул; он сделал то, что должен был сделать, и не более. Избегая встречаться с ним глазами и не сказав ни слова Пони, парень зашагал прочь.

Элбрайн и Пони остались у костра одни, и из темноты к ним вышел Джуравиль.

— Что ты ему сказал? — спросил Элбрайн, догадываясь, что эльф побеседовал с Роджером наедине.

— То же, что однажды у корыта сказал тебе, когда ты был ослеплен гордыней.

Элбрайн густо покраснел и отвел глаза от Пони и эльфа. Он очень живо помнил тот, не самый приятный, момент своей жизни… Он только что закончил сражение с Тантан — настоящий бой, а не учебное состязание. Рассерженный Элбрайн стал обвинять девушку, что она сражалась нечестно и из-за нее ему досталась холодная еда. Тантан наголову разбила его, однако юный Элбрайн, ослепленный гневом и гордыней, не желал признать поражение. Он

наговорил Тантан дерзостей и даже стал угрожать. Тогда Белли'мар Джуравиль, его наставник и едва ли не единственный из эльфов, кого он мог назвать другом, задал ему хорошую трепку, несколько раз окунув в корыто с холодной водой.

— Болезненный урок, — наконец сказал Джуравиль. — Зато ты помнишь его до сих пор.

Элбрайн не мог отрицать справедливости этих слов.

— Из Роджера будет толк, — продолжал эльф. — Для него ох как трудно было прийти сюда и встать на твою сторону, хотя он и знал, что ты прав.

— Он взрослеет, — согласилась Пони.

Джуравиль кивнул.

Ночью я проверю путь, по которому нам предстоит идти, — сообщил эльф.

— Желательно, чтобы он пролегал как можно дальше от поври, — сказала Пони.

Эльф снова кивнул.

— Последний вопрос, — обратился к Джуравилю Элбрайн, прежде чем юркий эльф успел исчезнуть в зарослях. — Поври действительно укрепили свои позиции?

— А это как-то меняет дело? — спросил Джуравиль.

— Ни в коем случае.

Эльф улыбнулся.

— Насколько могу судить, и думаю, что я не ошибаюсь, Роджер Не-Запрешь вообще не ходил сегодня в Кертинеллу.

Элбрайн и сам подозревал это, и слова эльфа лишь заставили его вдвойне порадоваться за сделанный Роджером выбор.

Никаких признаков погони; как и предполагал отец-настоятель, барон Билдеборох, настоятель Добринион, да и все в Палмарисе были счастливы избавиться от присутствия монахов из Санта-Мир-Абель. Переехав Мазур-Делавал, караван устроил привал. В ночной дали, на другом берегу пролива, светились огоньки Палмариса.

Побеседовав с братом Фрэнсисом и узнав о том, что именно последнему удалось выведать во время недолгого проникновения в мысли Коннора Билдебороха, Маркворт провел немало времени в одиночестве. Он расхаживал взад-вперед, стремясь подавить нараставшую тревогу. В каких-то двадцати футах отсюда, за составленными в круг повозками, горел костер, и слышались голоса монахов, радовавшихся скорому возвращению домой. Отцу-настоятелю было не до веселья. Оказалось, Коннор Билдеборох знал, что они разыскивают эту Пони. Более того, племянник барона был уверен: она принимает участие в сражениях, что идут к северу от Палмариса, и использует силу магических камней. В мыслях Коннора всплыло слово «Кертинелла». Карты подтвердили, что на дороге, ведущей в Тимберленд, есть городишко с таким названием. Направляясь в Палмарис, караван проезжал неподалеку от Кертинеллы.

Цель была близка, совсем близка. Вот и конец нечестивых деяний, связанных с Эвелином Десбрисом. Доброе имя Далеберта Маркворта будет восстановлено и займет подобающее место в анналах Абеликанской церкви. Юсеф и Данделион завершат начатое и вернут ему камни. Тогда Марквортy останется лишь публично изобличить еретика Эвелина. Он разрушит легенду — как взрыв на Аиде разрушил самого нечестивца.

И все снова будет хорошо, как прежде.

— Или не будет? — вслух спросил себя отец-настоятель.

Он глубоко вздохнул и мысленно представил себе всю череду сложностей, вызванных экспедицией в Барбакан и пребыванием в Сент-Прешес… Джоджонах ему отнюдь не союзник, а скорее наоборот. Этот магистр дошел до того, что осмелился вслух восхвалять Эвелина и скорбеть о его гибели! И настоятель Добринион — его отношение ко всему этому теперь не назовешь даже нейтральным. Его, конечно же, взбесило похищение семьи Чиличанк и то, как братья из Санта-Мир-Абель обращались с его персоной. Особенно последнее, предположил Маркворт, считая, что Добриниона более удручала уязвленная

гордость, нежели истязание своих прихожан.

А что говорить о бароне Билдеборохе, готовом ради своего племянника устроить битву с церковью?

Маркворт продолжал мысленно перечислять свои заботы и тяготы, и они представлялись ему какими-то диковинными черными зверями, разраставшимися и набиравшими силу. Наконец они превратились в черные стены; они обступили Маркворта со всех сторон, угрожая задушить и похоронить под собой!

Старик топнул ногой и сдавленно вскрикнул. Неужели весь мир и вся церковь обратились против него? Неужели он одинок в своем понимании истины? Какие заговоры уже плетут против него злодей Джоджонах и этот глупец Добринион, не говоря уже о заразе, появившейся в церкви стараниями Эвелина?

Разум Маркворта лихорадочно работал, пытаясь отыскать бреши в черных стенах и стремясь хоть как-то рассеять эту черноту. Надо вернуть Джоджонаха. Нечего ему делать в Урсале; пусть возвращается в Санта-Мир-Абель, где Маркворт сможет следить за каждым его шагом. Да, так он и сделает.

Необходимо немедленно отправить Юсефа и Данделиона на поиски камней, похищенных Эвелином, чтобы поскорее вернуть самоцветы на их законное место.

Остаются Коннор и Добринион. Их нужно либо переубедить, либо…

Отец-настоятель замер, стоя на маленькой поляне и успокаивая дыхание. Его сердце вновь наполнилось силой. В нем проснулась воля продолжать борьбу и сделать все необходимое, чтобы достичь желанного завершения. Постепенно он пришел в себя, открыл глаза и разжал плотно стиснутые кулаки.

— Отец-настоятель!

Кто-то звал его. Голос знакомый, это не мог быть враг.

Маркворт обернулся и увидел крайне встревоженного брата Фрэнсиса, который внимательно глядел на него.

— Что с вами, отец-настоятель? — спросил Фрэнсис.

— Иди и скажи Юсефу и Данделиону, чтобы пришли сюда, — велел ему Маркворт. — А сам возвращайся к костру и присоединись к беседе. Я должен знать настроение своих собратьев.

— Да, отец-настоятель, — ответил Фрэнсис. — Но как вы здесь один? Вдруг какие-нибудь твари…

— Ступай! — рявкнул Маркворт.

Брат Фрэнсис скрылся за повозкой. Вскоре из тьмы возникли две фигуры, одна рослая, другая поменьше, и неслышно приблизились к отцу-настоятелю, отвесив поклоны.

— Настало время исполнить то, к чему вас готовили, — обратился к ним Маркворт. — Отныне вам присваиваются звания Карающих Братьев. Это единственное имя, которое вы должны знать и с которым должны обращаться друг к другу. Вам не понять необычайной важности поручаемого вам дела. Судьба всей церкви будет зависеть от ваших действий в течение ближайших нескольких дней. Брат Фрэнсис установил, что похищенные самоцветы находятся в руках одной молодой женщины по имени Джилсепони Альт, которую друзья называют Джилл или Пони, — продолжал старик. — Мы полагаем, что сейчас она находится где-то возле Кертинеллы — города, лежащего к северу от Палмариса, на дороге, которая ведет в Тимберленд.

— Мы немедленно отправляемся, — ответил Юсеф.

— Вы отправитесь утром, — возразил Маркворт. — Одежду смените, чтобы никто не заподозрил в вас монахов. Переправитесь на пароме, затем доберетесь до Палмариса. Там вы задержитесь на один день.

— Да, отец-настоятель, — дружно ответили оба брата, заставив тем самым Маркворта задуматься.

— Или на пять дней, если понадобится, — продолжал он. — У меня в Палмарисе осталось одно незавершенное дело.

Маркворт вновь умолк, задумавшись над тем, что предстояло выполнить Карающим Братьям. Возможно, их стоило бы отправить по отдельности. Тогда, если один потерпит неудачу, другой сумеет вернуть камни. Может, надо велеть им обойти Палмарис и двигаться прямо на север, на поиски камней. Они добудут камни, и потом можно будет послать их вторично.

Нет. К тому времени заговор против него наберет силу. Возможно, заговорщики даже ожидают вмешательства с его стороны. Хуже того, Коннор, зная об угрозе, нависшей над Пони, может разыскать ее раньше монахов.

— Коннор Билдеборох, — неожиданно произнес Маркворт. — Он стал помехой для меня и для всей церкви. Он стремится заполучить самоцветы для собственных корыстных целей, — солгал отец-настоятель.

— Помеху надо устранить, — подвел итог брат Юсеф.

— Не оставляя следов, — договорил Маркворт.

После долгой паузы Карающие Братья поклонились и повернулись, чтобы уйти.

Маркворт даже не заметил этого. Он был поглощен тем, что сказал: не оставляя следов.

Возможно ли это при подозрительности настоятеля Добриниона? Добринион вовсе не глуп. Да и слабым его не назовешь; как-никак у него имеются несколько камней, в том числе и один магический камень. В случае чего он ведь даже сможет найти душу Коннора, прежде чем она покинет мир, и узнать правду.

Но Добринион один. В Сент-Прешес больше нет никого, кто бы умел пользоваться гематитом для столь трудного дела.

— Карающие Братья! — позвал Маркворт.

Двое монахов мгновенно вернулись назад.

— Помеха, о которой я сказал, гораздо серьезнее, ибо Коннор Билдеборох находится в сговоре с другим человеком и в руках того человека камни способны наделать немало бед, — пояснил Маркворт. — Если он завладеет камнями, то начнет добиваться главенствующего положения в церкви, а также в нашем монастыре.

Это была чудовищная нелепица, но братья, над разумом которых искусно потрудился магистр Де'Уннеро, жадно впитывали каждое слово отца-настоятеля.

— Мне невероятно больно решаться на это, — снова солгал Маркворт, — однако у меня нет иного выбора. В Палмарисе вам предстоит убить двоих людей, и второй из них — Добринион Калислас, настоятель монастыря Сент-Прешес.

На беспокойном лице брата Юсефа промелькнула лишь тень удивления. Брат Данделион воспринял приказ с такой легкостью, словно Маркворт приказывал убрать объедки со стола.

— Все должно выглядеть как несчастный случай, — пояснил Маркворт. — Или, быть может, как нападение какого-нибудь гоблина или поври. Ошибки недопустимы. Вам понятно?

— Да, отец-настоятель, — незамедлительно ответил брат Данделион.

Маркворт внимательно поглядел на Юсефа, лицо которого скривилось в злорадной улыбке. Юсеф кивнул, и старику показалось, что тот испытывает изрядное наслаждение от порученного дела.

— Ваша награда будет ждать вас в Санта-Мир-Абель, — закончил напутствие Маркворт.

— Наша награда, отец-настоятель, — в служении и в исполнении порученного, — заявил брат Юсеф.

Теперь злорадная улыбка появилась и на лице самого Маркворта. Ему стало гораздо лучше. Он вдруг начал яснее понимать общую картину событий, словно погрузился на более глубинный уровень, позволявший отбросить любые опасения и игнорировать все отвлекающие обстоятельства. На этом уровне любые сложные задачи решались быстро и логично. Нет, он не станет отзывать магистра Джоджонаха. Пусть отправляется в Урсал. Там он и останется до скончания дней служить своим идеалам. Без поддержки со стороны

Добриниона Джоджонах, судя по всему, не будет представлять реальной угрозы.

Итак, если Карающие Братья успешно выполнят его поручения, устранив двух опасных людей и вернув самоцветы, все встанет на свои места, включая и его место в истории Абеликанской церкви. Отец-настоятель вновь ощутил волнение. Он знал, что ночью ему будет не уснуть. Надо чем-то отвлечься, найти что-то такое, что оправдает его действия во имя достижения заветной цели. Маркворт направился к брату Фрэнсису, приказав ему привести Греди Чиличанка. Когда Фрэнсис исполнил приказ, таща за собой упирающегося Греди, Маркворт повелел следовать за ним и отошел достаточно далеко от повозок.

— Это не опасно? — осмелился спросить брат Фрэнсис.

— Юсеф и Данделион оберегают каждый наш шаг, — солгал Маркворт.

Его мало заботили гоблины или поври, хотя он знал, что где-то неподалеку бродит эта нечисть. Подобно снизошедшим на него откровениям, он почему-то знал, что сейчас ему ничего не угрожает.

Увы, несчастный Греди Чиличанк этого сказать не мог.

— Ты же не один год был ее братом, — сказал ему Маркворт.

— Но не по собственному выбору и уж тем более не по крови, — ответил Греди, с презрением выговаривая каждое слово.

— По обстоятельствам, что не снимает с тебя вины, — поспешно добавил Маркворт.

Греди кашлянул и отвернулся, однако Фрэнсис тут же подскочил к нему и силой развернул голову молодого человека так, чтобы он глядел Маркворту прямо в глаза.

— Что-то не видно в тебе раскаяния, — бросил Маркворт.

Греди вновь попытался отвести взгляд, но на этот раз Фрэнсис не только повернул его голову. С силой ударив ногой по коленным сухожилиям, он заставил Греди опуститься на колени перед Марквортом. Держа пленного за волосы, Фрэнсис запрокинул ему голову, чтобы тот уже не мог отвести взгляда от отца-настоятеля.

— Я ни в чем не повинен! — крикнул Греди. — И мои родители — тоже. А вы — грешный человек!

Греди Чиличанк никогда не был храбрецом. Он любил роскошную жизнь и потому с готовностью прислуживал тем, кто принадлежал к высшим слоям общества, в особенности — Коннору Билдебороху. Это значительно облегчало ему жизнь. Не был Греди и заботливым сыном. Родительские хлопоты по содержанию трактира давным-давно не занимали его, а сам трактир интересовал его лишь как источник поступления денег для собственного кармана… Но сейчас в нем, оказавшемся в безнадежном положении, беспомощном в руках сильных и жестоких монахов, что-то изменилось, и в Греди пробудилось нечто вроде чувства ответственности. Его мало заботила собственная участь. Мозг сверлила одна-единственная мысль: эти «божьи люди» мучают и истязают его родителей. Мир словно сошел с ума. Греди догадывался, что никакие слезы и мольбы, никакое пособничество не спасут его и уж тем более — его отца и мать. Ощущение безысходности разожгло в нем гнев, а гнев толкнул трусливого Греди на невозможный в иное время поступок. Он плюнул Маркворту в лицо.

Маркворт лишь невозмутимо рассмеялся, однако Фрэнсис, испуганный тем, что какой-то простолюдин осмелился так обойтись с отцом-настоятелем, резко ударил Греди локтем в голову. Молодой человек застонал и повалился на землю, а Фрэнсис несколько раз с силой ударил его ногой по голове. Этого ретивому брату показалось мало. Он взгромоздился на Греди, перевернул его на живот и больно заломил руки за спину.

Греди молчал. Он находился в полубессознательном состоянии и потому не мог вымолвить ни слова.

— Довольно, брат Фрэнсис, — спокойно произнес Маркворт, махнув рукой. — Действия этого молодца лишь подтверждают, что он отвернулся от Абеликанской церкви и сошел с благочестивого пути.

Лежавший ничком Греди был способен лишь тихо стонать.

— Похоже, что сегодня мы не узнаем от него ничего существенного, — заметил

Маркворт.

— Простите меня, отец-настоятель, — встревоженно проговорил брат Фрэнсис.

Но Маркворт не собирался его упрекать. Разворачивающиеся события привели его в превосходное расположение духа, и он просто не хотел, чтобы что-то портило ему настроение.

— Верни его на место, пусть отлежится, — велел он Фрэнсису.

Брат Фрэнсис кое-как поставил Греди на ноги и потащил к повозке, затем остановился, сообразив, что Маркворт не пошел за ними.

— Я хочу насладиться ночным покоем, — объяснил отец-настоятель.

— Один? — спросил Фрэнсис. — В этом месте?

— Ступай, — приказал ему Маркворт. — Мне здесь ничего не угрожает.

Фрэнсис понял: спорить с отцом-настоятелем бесполезно. Он медленно двинулся к повозкам, постоянно оглядываясь и всякий раз видя, что Маркворт продолжает стоять на том же месте.

Отец-настоятель был абсолютно уверен в своей безопасности. Маркворт и не знал, что он здесь не один. Этой ночью рядом с ним витал дух Бестесбулзибара, получая истинное удовольствие от замыслов отца-настоятеля и направляя его решения.

Маркворт еще долго простоял в ночной тишине, затем отправился спать. Сон его был настолько крепким, что, когда на рассвете Фрэнсис пришел его будить, отец-настоятель прогнал брата и велел дать выспаться и остальным братьям.

Маркворт проспал еще несколько часов, а проснувшись, обнаружил, что большинство монахов уже встали, а не на шутку встревоженный брат Фрэнсис расхаживает взад-вперед возле повозок, в каждой из которых держали по одному члену семьи Чиличанк.

— Он не просыпается, — сказал Фрэнсис, когда Маркворт встал и подошел узнать, в чем дело.

— Кто?

— Греди, — пояснил брат Фрэнсис, показав головой в сторону повозки, в которой находился молодой человек.

Маркворт заглянул в повозку, и лицо его помрачнело.

— Похоронишь его близ дороги, — сказал отец-настоятель. — Неглубокая могила, без ритуала освящения земли.

С этими словами он прошел мимо Фрэнсиса так, словно ничего особенного не случилось, словно все это касалось чего-то обыденного. Сделав несколько шагов, Маркворт повернулся к Фрэнсису.

— Проследи за тем, чтобы ни его родители, ни этот коварный кентавр не узнали о случившемся. И еще, брат Фрэнсис, ты сам похоронишь его после того, как караван тронется в путь.

Фрэнсис в панике посмотрел на него, на что Маркворт лишь усмехнулся и пошел дальше, оставив его наедине с содеянным.

У Фрэнсиса голова пошла кругом. Он убил человека! Вчерашней ночью он переусердствовал, когда бил Греди и пинал его ногами. Брат Фрэнсис вновь и вновь проигрывал в памяти недавние события, пытаясь понять, как же это случилось. Наверное, надо было сдержаться. Думая обо всем этом, он изо всех сил старался не закричать.

Брат Фрэнсис дрожал, глаза его блуждали. Он чувствовал, как по лбу ползут струйки пота. Затем он увидел приближающегося отца-настоятеля.

— Успокойся, брат, — сказал Маркворт. — Это был несчастный случай.

— Но я ведь убил его, — судорожно глотая воздух, выдохнул Фрэнсис.

— Ты защищал своего отца-настоятеля, — ответил Маркворт. — Когда мы вернемся в Санта-Мир-Абель, я совершу обряд отпущения грехов. Уверяю тебя, твоя епитимья будет легкой.

Пытаясь скрыть усмешку, Маркворт ушел.

Однако брат Фрэнсис никак не мог успокоиться. Он понимал доводы Маркворта: ведь

как-никак этот простолюдин дерзнул плюнуть в лицо отцу-настоятелю Абеликанской церкви. И хотя разум Фрэнсиса соглашался с тем, что это действительно был несчастный случай, и оправдывал его, Фрэнсиса, действия, сердце их не принимало и не оправдывало. Смерть Греди сбросила ретивого брата с пьедестала, лишив его успокоительной убежденности, что он — непогрешим. Разумеется, Фрэнсис и прежде совершал ошибки и знал о них, но никогда еще он не доходил до таких крайностей. Он припомнил все события своей жизни, когда считал, будто он — единственное реальное существо, а все и вся вокруг — лишь часть грез его сознания.

Теперь же он неожиданно почувствовал, что он — один из многих, ничтожный актер, участвующий в гигантском представлении.

После того как караван тронулся в путь, брат Фрэнсис похоронил Греди Чиличанка, забросав землей его бледное лицо. Где-то в глубине сердца он знал, что совершил тяжкий грех.

Но душой и сердцем брат Фрэнсис инстинктивно устремился к отцу-настоятелю, ибо в глазах Маркворта содеянное вовсе не являлось преступлением или грехом. В мире, каким его видел Маркворт, брат Фрэнсис мог по-прежнему предаваться своим иллюзиям.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ
ДЕМОН ВНУТРИ

Я оплакивал смерть Карающего Брата.

Разумеется, его по-настоящему звали не так. Его звали Квинтал. Не знаю, было ли это именем, фамилией и было ли у него какое-то другое имя. Квинтал — и все.

Дядя Мазер, не думаю, чтобы я убил его. По крайней мере, не тогда, когда он находился в человеческом облике. Мне кажется, смерть его тела была вызвана неким диковинным медальоном, который он носил при себе. Эвелин обнаружил, что этот медальон являлся магическим связующим звеном со злейшим из демонов.

Но все равно я скорбел об этом человеке и оплакивал его смерть, в которой я сыграл столь значительную роль. Я защищал Эвелина, Пони и себя самого. Окажись я вновь в подобной ситуации, я действовал бы аналогичным образом и сражался с Карающим Братом без малейших угрызений совести.

И все же я скорблю об этом человеке, обо всех его возможностях и способностях, растраченных понапрасну и обращенных на службу зла. Когда я думаю об этом сейчас, то испытываю неподдельную печаль, чувство утраты, ибо в каждом из нас горит свеча надежды, свет единства и самопожертвования; в каждом из нас скрыта возможность творить великие дела на благо всего мира. В каждом из нас, будь то мужчина или женщина, таится возможность достичь величия.

Сколь ужасающими были деяния высших лиц из монастыря Эвелина, совершенные по отношению к Квинталу, если им удалось превратить этого человека в чудовище, названное ими Карающим Братом.

После смерти Квинтала у меня впервые возникло чувство, будто мои руки запятнаны кровью. До него мне приходилось сражаться с людьми лишь один раз. То были трое бродяг, которых я пощадил, и мое милосердие было щедро вознаграждено! Но в отношении Квинтала о милосердии не могло быть и речи. Даже если бы он уцелел после пущенной мною стрелы и последующего падения, даже если бы демон-дракон через магический медальон не похитил бы душу из его тела, милосердие было невозможно. Только смерть могла помешать Карающему Брату исполнить свою миссию и убить Эвелина. Эта цель захватила все его существо, вплавилась в каждую его мысль вследствие тех долгих и жутких приготовлений, которые искореняли и ломали свободную волю человека до тех пор, пока не убили в Квинтале совесть и не обратили к мраку его сердце.

Наверное, потому-то демон-дракон и нашел этого человека и, что

называется, поработил его целиком.

Как жаль, дядя Мазер, что так случилось. Сколько возможностей погибло вместе с Квинталом!

За все годы, что я прожил, будучи Защитником, и даже прежде, в сражении за Дундалис, мне пришлось убить множество врагов — гоблинов, поври, великанов. Однако я никогда не уронил по ним ни единой слезы. Я долго и напряженно думал об этом в связи с моими чувствами по поводу гибели Квинтала. Были ли эти чувства ощущением превосходства человеческой расы над всеми остальными? Если так, то не являлись ли они наихудшим проявлением высокомерия?

Однако могу с уверенностью сказать, что в равной степени оплакивал бы гибель кого-либо из народа тол'алфар, если бы жестокая судьба заставила меня обнажить меч против эльфа. Я считал бы его смерть столь же трагичной, как смерть человека.

Так в чем же тогда состоит различие?

Наверное, все дело в совести. Мне думается, эльфы, как и люди (а может, даже в большей степени), наделены склонностью выбирать пути добра. Этого не скажешь о гоблинах и уж тем более — о злобных поври. Не могу безоговорочно отнести сюда и великанов. Возможно, они слишком тупы, чтобы даже отдаленно понять, сколько страданий причиняют своими воинственными выходками. Но в любом случае, я не проливал слез и не чувствовал угрызений совести, когда эти твари падали под ударами Урагана или гибли от стрел Крыла Сокола. Злодеяниями они заслужили эту смерть. Эти прихвостни дракона — воплощенного зла — убивали людей, а нередко и друг друга просто потому, что само убийство доставляло им удовольствие.

Я много говорил об этом с Пони, и она высказала интересную мысль. Если взять детеныша гоблина и воспитывать его среди людей или среди эльфов, в окружении красоты и величия Эндур'Блоу Иннинес, вырастет ли он столь же злобным, как и его соплеменники? Является ли их злодейство врожденным и неистребимым, или же оно проистекает от воспитания?

Услышав такой вопрос, твой и мой друг Белли'мар Джуравилъ рассказал, как давным-давно эльфы взяли детеныша гоблина в свою зачарованную страну и воспитывали так, как воспитывают маленьких эльфов. Но когда этот гоблин вырос, он оказался столь же злобным, исполненным ненависти и опасным, как и его сверстники, росшие в мрачных норах далеких гор. Изумленные эльфы попробовали взять на воспитание детеныша поври, однако результаты были еще печальнее.

Поэтому, дядя Мазер, я не собираюсь оплакивать гоблинов, поври и великанов. У меня нет слез для прихвостней дракона. Однако я оплакиваю Квинтала, павшего жертвой злодеяний. Я оплакиваю возможности, погибшие в этом человеке, и тот ужасный выбор, толкнувший его во мрак.

И мне кажется, дядя Мазер, что, оплакивая Квинтала или любого другого человека или эльфа, которого мне вдруг пришлось бы убить по велению безжалостной судьбы, я тем самым сохраняю человечность.

А этот боевой шрам, боюсь, навсегда останется незаживающим.

Элбрайн Полуночник

ГЛАВА 18
ВРАГИ ЦЕРКВИ

У них было лишь два самоцвета: гранат, улавливающий действие магических камней, и солнечный камень, обладающий противомагическими свойствами. На самом деле никто из них двоих не был особо сведущ в использовании самоцветов. Те немногие годы, что они провели в Санта-Мир-Абель, в основном были посвящены разнообразным телесным упражнениям и особому подавлению умственных способностей. То и другое было

необходимо, чтобы они смогли по праву называться Карающими Братьями.

Утром караван покатил дальше на восток, а двое монахов, сменив сутаны на одежду простых крестьян, поспешили на юг, к переправе. На рассвете следующего дня они сели на первый из трех паромов, постоянно курсирующих через Мазур-Делавал, и днем уже были в Палмарисе. Не теряя времени, монахи отправились к северной окраине города, но, не доходя ворот, перелезли через городскую стену. Когда солнце начало клониться к западу, Юсеф и Данделион заприметили свою первую цель — троих поври и гоблина. Менее чем в десяти милях от Палмариса, среди валунов, эти твари устроили свой лагерь. Монахи сразу догадались, что гоблин был рабом, ибо он выполнял большую часть работы. За всякое промедление кто-то из поври тут же награждал гоблина шлепком по затылку, заставляя пошевеливаться. Что еще важнее, гоблин был привязан веревкой за ногу.

Юсеф повернулся к Данделиону и кивнул. Они сумеют этим воспользоваться.

Когда солнце садилось, гоблин вышел из лагеря в сопровождении поври, державшего в руках другой конец веревки. Придя в лес, гоблин принялся собирать хворост для костра. Поври стоял поблизости и следил за ним. Тихо, словно тени, которые становились все длиннее в последних лучах солнца, Юсеф и Данделион подкрались ближе. Проворный Юсеф забрался на дерево, а плотный Данделион, прячась за стволами, стал подбираться к поври.

— Эй, шевелись-ка, дурак поганый! — выругался тот, ударяя башмаком по земле. — Мои дружки сожрут всего кролика, а мне останется только кости глодать!

Измученный гоблин быстро оглянулся и подхватил новую порцию хвороста.

— Господин, пощади, — заскулил он. — У меня и так руки полные и спина болявит.

— Пасть заткни! — зарычал на него поври. — Разве этого хватит на костер? Или ты хочешь, чтобы я всю ночь таскался с тобой за дровами? Шевелись, а не то спущу твою красную шкуру, скотина!

Юсеф спрыгнул с дерева и приземлился рядом с изумленным поври, тут же накинув ему на голову плотный мешок. Подоспевший Данделион ударил карлика сзади, потом, сдавив его тело в своих медвежьих объятиях, подбежал к дереву и с размаху ударил свою жертву лицом о ствол.

Коренастый поври пытался сопротивляться и даже ударил локтем Данделиона в глотку. Рослый монах почти не ощутил его удара. Он еще сильнее придавил поври к дереву. Заметив подошедшего Юсефа, он задрал вверх руку поври, обнажив его ребра.

Юсеф метко ударил жертву кинжалом. Лезвие скользнуло между двух ребер и воткнулось упрямому карлику в сердце. Данделион, удерживая бьющегося в конвульсиях поври, ухитрился высвободить одну руку и перевязать рану, чтобы не пролилась кровь.

Кровь им понадобится в другом месте.

Тем временем Юсеф повернулся к гоблину.

— Свободен, — прошептал он, показывая рукой в глубь леса.

Гоблин, готовый вскрикнуть, изумленно взглянул на странного человека, затем на хворост, который все еще держал в руках. Дрожа от волнения, он швырнул охапку на землю, выдернул ногу из веревочной петли и опрометью бросился прочь в сумерки леса.

— Мертв? — спросил Юсеф, видя, как Данделион опускает обмякшее тело поври на землю.

Рослый монах кивнул и покрепче стянул рану. Это было исключительно важно, ибо ни капли крови не должно пролиться, когда они вернутся в Палмарис и в особенности — когда окажутся в стенах Сент-Прешес. Юсеф взял оружие поври — угрожающего вида кривой кинжал, лезвие которого было в зазубринах, а Данделион запихнул мертвеца в плотный мешок с подкладкой. Оглядевшись и удостоверившись, что оставшиеся поври не устроили им засаду, монахи вышли на дорогу и бегом пустились обратно в Палмарис. Крепкий и выносливый Данделион почти не ощущал тяжести мешка.

— Может, надо было взять гоблина? Сгодился бы для Коннора Билдебороха, — сказал Данделион, когда впереди показалась северная стена Палмариса и они замедлили шаг.

Юсеф изо всех сил постарался не рассмеяться: прошло более часа, как они отпустили

гоблина в лес, а этот дурковатый медведь только сейчас вспомнил про него!

— Нам хватит и одного, — убедил его Юсеф.

Отец-настоятель с предельной ясностью рассказал Юсефу, что от них требуется. Что бы ни случилось с Добринионом, это должно выглядеть либо как обыкновенный несчастный случай, либо как нечто, никак не связанное с Марквортом. Если выявится хоть какая-то причастность Санта-Мир-Абель к этому делу, последствия для отца-настоятеля могут быть самыми трагическими. Поэтому любые подозрения нужно отвести как можно дальше от него.

Что касается Коннора Билдебороха, с ним будет меньше возни и осложнений. Даже если его дядя и заподозрит церковь в убийстве племянника, он, не зная о вражде монастырей, скорее всего, обвинит Сент-Прешес. А уж если он вздумает обвинить в этом Санта-Мир-Абель, рукам барона не дотянуться до залива Всех Святых.

Монахам-убийцам не составило труда вновь перебраться через городскую стену и пройти мимо изнывавшей от скуки городской стражи. Линия фронта была теперь далеко, и хотя вокруг города рыскали отдельные шайки, вроде той, что повстречалась Юсефу и Данделиону, они не представляли особой угрозы для палмарисского гарнизона, усиленного недавно полком королевских пехотинцев из Урсала.

Оказавшись в городе, Карающие Братья вновь облачились в монашеское одеяние и, смиренно склонив головы, неспешно побрели по улицам. Никто не обратил на них внимания, за исключением какого-то уличного попрошайки. Тот увязался за ними следом, клянча серебряную монету. Нищий настолько обнаглел, что даже стал им угрожать. Тогда брат Данделион спокойно схватил его и ударил о стену.

В Сент-Прешес давно прошло время вечерней молитвы, и обитель была темна и тиха. Но монахи знали: это только внешне, ибо люди их ордена были намного бдительнее горластых стражников. Правда, и здесь отец-настоятель все предусмотрел.

Южная сторона главного монастырского здания являлась как бы продолжением общей стены вокруг Сент-Прешес, а потому не имела ни окон, ни дверей. На первый взгляд так оно и было. И все же здесь существовала одна потайная дверь, через которую монастырские повара выносили помои и объедки, остававшиеся после трапез. Брат Юсеф воспользовался гранатом и нашел эту дверь, которая была не только магическим образом спрятана от глаз, но и магическим образом закрыта от проникновения извне.

Дверь запиралась также и на обычный засов. По крайней мере, должна была бы запираться. Однако перед отъездом из Сент-Прешес брат Юсеф навестил кухню под предлогом взять провиант, а на самом деле — чтобы сломать замок. Теперь этот Карающий Брат мог лишь поражаться предусмотрительности отца-настоятеля: оказывается, Маркворт еще тогда знал, что им понадобится незаметно проникнуть в монастырь.

С помощью солнечного камня Юсеф снял слабенькую магическую защиту и осторожно распахнул дверь. В монастырской кухне находилась лишь молодая женщина, которая, напевая, терла кастрюлю, склонившись над лоханью с горячей водой.

Юсеф мгновенно оказался за спиной кухарки. Он подождал, слушая беззаботное пение и наслаждаясь злой ситуацией момента.

Внезапно женщина умолкла, почувствовав, что в кухне кто-то есть.

Ее испуг доставил Юсефу истинное удовольствие, однако время торопило. Поэтому он схватил кухарку за волосы и запихнул ее голову в лохань. Женщина отбивалась, только где ей было справиться с обученным убийцей! Когда ее тело безжизненно соскользнуло на пол, Юсеф улыбнулся. В монастыре из него готовили бесчувственного убийцу, послушное орудие для выполнения воли отца-настоятеля. Но Юсеф обнаружил, что ему нравится убивать. Он наслаждался страхом жертвы и своей абсолютной властью. Глядя на мертвую кухарку, он жалел, что у них времени в обрез; а то бы он мог вдоволь наиграться в удивительную игру, когда объятая ужасом жертва стала бы умолять о смерти.

По сравнению с предсмертными муками сама смерть была слишком легким и даже мягким действом.

В монастыре царила полная тишина, словно обитель отдыхала после всего, что учинил в ней отец-настоятель и его подручные. Юсеф и Данделион — Карающие Братья — неслышно крались по коридорам. Дюжий Данделион тащил на плече мешок с мертвым поври. На всем пути к покоям настоятеля Добриниона они увидели лишь одного монаха, но тот их не заметил.

Возле двери Юсеф припал на колено и достал небольшой ножик. Он мог бы легко выбить простенький замок, однако монах изрезал и исцарапал дерево вокруг замка, а сам замок выломал. Теперь все выглядело так, словно в дверь ломились.

Они вошли в переднюю и через другую дверь, обыкновенную и даже незапертую, попали в спальню Добриниона.

Настоятель мгновенно проснулся. Он закричал и вдруг умолк, увидев вошедших и щербатое лезвие кинжала, подрагивающее в нескольких дюймах от его лица. Металл блестел в мягком лунном свете, лившемся из единственного окна спальни.

— Ты ведь знал, что мы явимся за тобой, — издевательски произнес Юсеф.

Добринион покачал головой.

— Я могу поговорить с отцом-настоятелем. Здесь какое-то недоразумение, — умоляющим тоном сказал он.

Юсеф, злорадно улыбаясь, поднес к губам палец, но настоятель не унимался.

— Семейство Чиличанк — преступники, это очевидно, — запинаясь, лепетал Добринион.

Он ненавидел слова, которые произносил, и ненавидел себя за трусость. Сейчас в нем происходила ожесточенная битва между совестью и инстинктом самосохранения.

Карающие Братья созерцали его мучения, и Юсефу это зрелище явно нравилось.

Потом Добринион затих и в упор взглянул на Юсефа. С лица настоятеля вдруг исчез страх.

— Ваш Маркворт — злодей, — сказал Добринион. — Он никогда не был истинным отцом-настоятелем Абеликанского ордена. И сейчас я призываю вас во имя торжественного обета нашего ордена, во имя благочестия, достоинства — свернуть с пути злодеяний, чтобы вновь обрести свет…

Последние слова потонули в булькающих звуках. Юсеф, из которого давным-давно выбили способность выслушивать подобные взывания к совести, полоснул кривым кинжалом по горлу настоятеля.

Теперь настал через заняться поври. Данделион развязал мешок. В это время Юсеф осматривал спальню. Наконец ему на глаза попался ножичек, которым Добринион срезал печати с писем. Лезвие было узким, зато идеально входило в смертельную рану поври.

— Стащи его с кровати, — велел Юсеф Данделиону.

Тот поволок тело Добриниона к столу. Юсеф пошел рядом, нанося мертвому настоятелю несколько ран поменьше. Создавалось впечатление, что настоятель отчаянно боролся за свою жизнь.

Дело было сделано. Две тени выплыли из спящего Сент-Прешес и растворились во мраке ночи.

Утром весть об убийстве настоятеля Добриниона разлетелась по городу. Укрепленные стены сотрясались от отчаянных криков. Солдаты с заплаканными глазами винили себя за то, что позволили поври пробраться в город. Палмарис наполнился зловещими слухами. Они расползались по улицам и перекресткам, проникали в таверны и трактиры. Их многократно повторяли, и каждый прибавлял что-то от себя.

Коннор Билдеборох провел эту ночь в Бэтлброу — палмарисском борделе, пользующемся дурной славой. Когда слухи достигли его ушей, речь уже шла о целой армии поври, подступивших к окраинам Палмариса и готовых ворваться в город, чтобы убивать всех без разбора.

Коннор полуодетым выскочил на улицу, остановил первую попавшуюся на глаза повозку и велел везти его прямо в Чейзвинд Мэнор.

Ворота были закрыты. Более десятка солдат с оружием наготове окружили повозку. Лошадь остановилась как вкопанная, и Коннор вместе с перепуганным кучером повалились на землю.

Узнав Коннора, стражники успокоились и помогли молодому аристократу встать, а кучеру недвусмысленно велели побыстрее убираться отсюда.

— Как мой дядя? — встревоженно спросил Коннор, входя в ворота.

— Сильно расстроился, господин Коннор, — ответил один из стражников. — Подумать только: поври сумел миновать все наши посты и убить настоятеля Добриниона! И все это — когда в монастыре еще не успели очухаться от недавних напастей! Ну и мрачные времена выпали на нашу долю!

Коннор не ответил, а лишь внимательно вслушивался в слова солдата, ощущая за ними невысказанные и даже неосознанные пока последствия. Он быстро прошел комнаты и залы, полные охраны, и очутился в дядином кабинете.

Возле письменного стола барона Рошфора Билдебороха стоял тот самый бравый солдат, что явился за Коннором в монастырь. Плотная повязка закрывала его лицо и в особенности — нос, сильно покалеченный ударом магической энергии, нанесенным не кем иным, как самим отцом-настоятелем Далебертом Марквортом.

— Дядя знает о моем появлении? — спросил Коннор.

— Он сейчас придет, — ответил стражник.

Голос его звучал глухо и невнятно, ибо рот солдата также пострадал от удара магнетита.

Не успел солдат договорить, как в кабинет из боковой двери вошел дядя Коннора. При виде племянника его лицо просветлело.

— Слава богу, ты цел и невредим, — радостно произнес барон.

Коннор всегда был его любимым племянником, и поскольку своих детей у барона не было, в Палмарисе считали, что баронский титул по наследству перейдет к Коннору.

— А что мне сделается? — как всегда небрежно, спросил племянник.

— Ты же знаешь, убили настоятеля Добриниона, ответил Рошфор, усаживаясь напротив Коннора.

От молодого Билдебороха не ускользнуло, с каким трудом его дядя садился в кресло. Рошфор был грузен и страдал от сильных болей в суставах. Вплоть до прошлогоднего лета он при любой погоде ежедневно садился на коня и ездил верхом. В этом году он покидал дворец всего пару раз. Глаза Рошфора также говорили о том, что барон быстро стареет. Их серый цвет потускнел и подернулся пеленой.

Коннор мечтал о баронском титуле с тех пор, как подрос и начал понимать славу и величие, которые он давал. Но сейчас, чувствуя, как приближается это время, молодой Билдеборох вдруг понял, что готов ждать еще многие годы. Коннор был счастлив оставаться в своем нынешнем положении, только бы его любимый дядя, заменивший ему родного отца, был жив и здоров.

— Подумай, с какой стати этим тварям за мной охотиться? — спокойно ответил Коннор. — Настоятель, понятное дело, был заметной целью для врагов. Но я-то?

— Помимо настоятеля, барон — тоже заметная цель, — напомнил Рошфор.

— Я очень рад, что ты принял все меры предосторожности, — тут же сказал Коннор. — Ты еще можешь являться целью для врагов, но вовсе не я. В их понимании я не более чем обыкновенный трактирный гуляка.

Рошфор кивнул, судя по всему успокоенный словами племянника. Однако он как заботливый отец боялся не столько за себя, сколько за Коннора.

Самому же Коннору его рассуждения отнюдь не казались убедительными. Поври, сумевший пробраться в монастырь в столь напряженное время, причем буквально сразу после отъезда этого жуткого Маркворта и его своры — такое для Коннора было слишком простым объяснением. Глядя на покалеченное лицо главного дядиного защитника, молодой аристократ ощущал все большее беспокойство.

— Я хочу, чтобы ты оставался в Чейзвинд Мэнор, — сказал Рошфор.

Коннор покачал головой.

— Не могу, дядя. У меня дела в городе. К тому же я провел немало месяцев в сражениях с поври. Не бойся за меня.

С этими словами он дотронулся до ножен, в которых находился его верный Защитник.

Рошфор пристально и долго глядел на молодого Билдебороха. Уверенность и храбрость — эти качества он больше всего ценил в своем племяннике. В молодости он сам был очень похож на Коннора: сиживал в тавернах, захаживал в бордели и сполна наслаждался каждым мгновением жизни, не исключая опасных ее сторон. Какая ирония судьбы, думал он, что теперь, постарев и утратив былой интерес к радостям жизни, он вынужден больше заботиться о собственной безопасности. А его племянник, которому есть что терять, почти не думает о возможной угрозе, считая себя неуязвимым и бессмертным.

Барон засмеялся и отказался от мысли удержать Коннора при себе; ведь в таком случае Коннор лишился бы тех качеств, которые он так ценил в племяннике.

— Возьми хотя бы одного из моих солдат, — предложил он в качестве компромисса.

Коннор снова решительно покачал головой.

— Вот тогда меня действительно будет легче выследить, — возразил он. — Пойми, дядя, я хорошо знаю город. Знаю, где добыть сведения и где спрятаться.

— Сдаюсь! Сдаюсь! — со смехом воскликнул барон. — Но знай, на тебе лежит ответственность не только за свою жизнь.

Рошфор Билдеборох поднялся с большей легкостью, нежели садился, и, обойдя вокруг стола, несколько раз сильно потрепал Коннора по плечу. Затем своей могучей рукой он обнял племянника за шею.

— Ты живешь в моем сердце, мальчик, — с чувством произнес барон. — Если тебя постигнет участь Добриниона, знай, что это разобьет его, и я умру.

Коннор верил в искренность каждого дядиного слова. Он крепко обнял барона, потрепал по плечу, затем решительным шагом вышел из кабинета.

— Вскоре он будет вашим бароном, — сказал Рошфор солдату.

Тот вытянулся по стойке смирно и кивнул, явно одобряя выбор.

— Открой крышку.

— Но, господин Коннор, я не вижу причины нарушать покой усопшей, — ответил монах. — Брат Талюмус, старший по званию в нашем монастыре, благословил гроб…

— Открой крышку, — повторил Коннор, сверля молодого монаха неотступным взглядом.

Тот продолжал колебаться.

— Может, привести сюда моего дядю?

Монах закусил губу, но угроза подействовала, и он склонился, чтобы снять деревянную крышку. Еще раз оглянувшись на решительно настроенного Коннора, монах сдвинул крышку. В гробу лежала женщина. Синева покрывала ее мертвое лицо.

К ужасу монаха, Коннор взял покойницу под мышки, поднял и перевернул труп. Он внимательно разглядывал женщину, безразличный к тяжелому запаху.

— Ее ранили? — спросил он.

— Захлебнулась, — объяснил монах. — В лохани, да еще и вода была горячей. Поначалу у нее все лицо было красным, но сейчас лицо стало бескровным и безжизненным.

Коннор осторожно перевернул покойницу на спину и отошел, кивком показав монаху, чтобы закрыл гроб. Потом он поднес руку ко рту и стал водить ногтем большого пальца между зубов, пытаясь разобраться, в чем дело. Монахи Сент-Прешес очень обрадовались, когда он появился у монастырских ворот. Он знал, что они ошеломлены и испуганы убийством их настоятеля и присутствие столь важного представителя барона Билдебороха помогло им хоть как-то прийти в себя.

Осмотр спальни Добриниона почти не дал Коннору никаких подсказок. Оба трупа по-прежнему находились здесь: тело настоятеля монахи тщательно обмыли и уложили на

постель, а мертвого поври оставили лежать там, где его обнаружили. Вопреки стараниям отмыть спальню в ней по-прежнему осталось немало следов крови. Превозмогая душевные муки, монахи подробно описали Коннору сцену борьбы, которая, как они представляли, произошла между настоятелем и поври. По их словам, настоятель, скорее всего, был застигнут врасплох во время сна. Вначале поври несколько раз ранил его. Горловая рана оказалась смертельной, но все равно храбрый Добринион сумел добраться до стола и схватить свой ножик.

Как горды были монахи, что их настоятель сумел отомстить убийце!

Однако Коннору, имевшему опыт сражения с поври, показалось странным, как это настоятелю удалось одним ударом хлипкого ножичка уложить эту тварь наповал. Не менее странным было и то, что Добринион с перерезанным горлом каким-то образом сумел подобраться к столу. Понимая, что в предсмертной схватке может быть всякое, Коннор оставил свои мысли при себе. Он просто кивнул и кратко высказал свое восхищение мужеством Добриниона.

Спросив о том, как поври удалось проникнуть в монастырь, Коннор узнал о второй жертве — несчастной кухарке, на которую поври напал в кухне. Для монахов все же оставалось загадкой, каким образом нападавший оказался в кухне. Дверь, через которую он проник, имела магическую защиту от доступа извне и практически сливалась с кирпичной стеной здания. Либо глупая кухарка вошла в сговор с поври, либо, что более вероятно, тот ее одурачил, и она впустила карлика в кухню. Других объяснений у монахов не было.

Такое тоже было вполне допустимо, хотя и с определенной натяжкой. Однако после того, как Коннор осмотрел покойницу и не обнаружил никаких телесных повреждений, его подозрения значительно усилились. Но и здесь он промолчал; лишившиеся настоятеля монахи мало чем могли ему помочь.

— Несчастная, — только и пробормотал Коннор, поднимаясь вместе с монахом из подвала.

Ниже располагалось то самое подземелье, где держали семью Чиличанк, о чем Коннор постоянно себе напоминал.

— Ваш дядя поможет нам защитить монастырь от угрозы новых вторжений? — спросил монах, ожидавший их в часовне.

Коннор спросил пергамент и перо и быстро написал прошение о помощи.

— Отнесите это в Чейзвинд Мэнор, — велел он монахам. — Можете не сомневаться: семейство Билдеборох сделает все, что в его силах, для обеспечения безопасности Сент-Прешес.

Он простился с монахами и пошел по палмарисским улицам, вслушиваясь в разговоры людей. Возможно, здесь, в средоточии слухов и домыслов, он отыщет истину.

Вопросы, теснившиеся в сознании Коннора, не давали ему покоя весь день. Зачем поври понадобилось нападать на Добриниона, который почти не имел отношения к войне? Правда, горстка монахов Сент-Прешес участвовала в битвах на севере, но они не задавали тон ни в одном из боев. Монахи занимались преимущественно врачеванием раненых, и потому маловероятно, чтобы какие-либо действия Добриниона могли толкнуть поври на столь дерзкое нападение.

Единственным объяснением, которое удалось построить Коннору, было следующее: по слухам, монашеский караван прибыл в Палмарис с севера, где им пришлось сражаться с поври и уничтожить немало этих тварей. Сами того не желая, монахи сделали Добриниона предметом для отмщения.

Однако, пообщавшись с Марквортом, Коннор не верил в подобное развитие событий. Всякий раз, когда он воскрешал в памяти детали увиденного или пытался делать выводы, внутри у него эхом отдавалось: «слишком уж гладко».

Вечером Коннор направился в таверну «У доброго друга». Накануне он убедил Дейнси вновь открыть заведение. Когда хозяева вернутся, объяснил он, им не понравится, что дела пришли в упадок. Правда, сам он не верил, что семья Чиличанк когда-нибудь вернется в

Палмарис… Трактир бурлил; только и разговоров было о том, что случилось с настоятелем Добринионом и кухаркой Келли Ли. Коннор хранил молчание, предпочитая слушать. Он пытался выудить в этом море слухов хоть какие-то мало-мальски достоверные и важные сведения, но не мог. Коннор изо всех сил стремился не привлекать к себе внимания, однако завсегдатаи часто его узнавали и приставали с расспросами. Им казалось, будто он, человек благородного происхождения, непременно знает больше, чем они.

На все расспросы Коннор лишь улыбался и качал головой:

— Я знаю ровно столько, сколько услышал, придя сюда.

Бесцельно тянулся вечер. Раздосадованный Коннор прислонился к стене и прикрыл глаза. Дрема его продолжалась до тех пор, пока кто-то из сидящих рядом не произнес слово «новички». Значит, в трактире появились люди, которых прежде здесь не видели.

Коннор встрепенулся и повернул голову. У входа он увидел двоих: одного крепкого и рослого, другого невысокого и тощего. Походка и манеры обоих выдавали в них хорошо обученных воинов. У Коннора округлились глаза. Он узнал этих людей и увидел, насколько нелепо сидит на них крестьянская одежда.

Куда же они дели свои сутаны?

От одного взгляда на Юсефа Коннор ощутил боль в почках. Вспомнив свою недавнюю встречу с этими монахами, племянник барона посчитал благоразумным скрыться в толпе. Но вначале он махнул Дейнси, стоявшей за стойкой, подзывая ее к себе.

— Узнай, что им надобно, — велел он, указывая на переодетых монахов. — И скажи им, что уже целая неделя, как я не показывался в трактире.

Дейнси кивнула и вернулась на свое место, а Коннор стал пробираться к боковой стене. Как он и предполагал, монахи направились к стойке. Коннор хотел услышать, о чем они будут говорить с Дейнси, но их слова тонули в гуле голосов.

И вдруг Дейнси (ну что за прелесть!) повысила голос и почти крикнула:

— Откуда я знаю, он уже целую неделю не показывался здесь!

Подозрения Коннора оправдались: монахи разыскивали его, и нетрудно было догадаться зачем. Теперь он понял, почему на теле Келли Ли не было ранений. Насколько Коннор знал, ни один поври не упустит случая окунуть свою шапку в человеческую кровь, но у этих «поври» не было шапок.

Он решился бросить мимолетный взгляд на Дейнси. В ответ девушка посмотрела на него краешком глаза, а затем «ненароком» задела рукой воротник кофты. Кофта распахнулась, и все, кто был поблизости (включая и монахов), обернулись в сторону Дейнси.

Молодец девчонка, — подумал Коннор и, воспользовавшись замешательством, начал пробираться к выходу. Но одолеть двадцать футов пространства, битком набитого посетителями, было не так-то легко. Прошло не менее минуты, прежде чем ноздри Коннора ощутили солоноватый запах палмарисской ночи, а глаза увидели ясное ночное небо.

Он оглянулся на трактир: судя по возгласам и движениям в толпе, кто-то пробирался к выходу. Коннор и так знал, кто это. Если монахи уловили ответный взгляд Дейнси, они поняли, куда им двигаться дальше. Коннор забежал за угол трактира и оглянулся на дверь.

Так оно и есть: Юсеф и Данделион выбрались из заведения на улицу.

Коннор бросился бежать по переулку. В мозгу лихорадочно крутились мысли. Не теряя времени, он выбрался из канавы, влез на крышу и замер, распластавшись на животе. От удивления он даже замотал головой: монахи уже заворачивали за угол. Тогда он тихо отполз от края крыши.

Отсюда небо казалось совсем близким. Внизу блестели огоньки Палмариса. На какое-то мгновение Коннор словно выпал из времени. Когда-то это место было любимым местом Джилл, где она пряталась от всего мира. Она часто приходила сюда посидеть наедине со своими мыслями и разобраться в событиях, которые были чересчур сложны и тяжелы для ее юного неокрепшего ума.

Лязг металла отвлек его от мыслей о Джилл. Один из монахов, по-видимому Юсеф, полез на крышу.

Коннор метнулся к дальнему концу крыши и перескочил на крышу соседнего дома. Там он полез по скату вверх, перебрался на другую сторону и соскользнул к самому краю. Ухватившись за выступ крыши, Коннор спрыгнул на землю. Теперь он побежал со всех ног, подгоняемый страхом. Он бежал и думал о Джилл и о том безумии, что неожиданно вторглось в его привычный мир.

Настоятель Добринион убит. Убит! И поври здесь ни при чем.

Нет, его убили эти двое — прихвостни Далеберта Маркворта, главы всей Абеликанской церкви. Маркворт приказал убить Добриниона, потому что тот оказал ему сопротивление. Теперь убийцы настоятеля шли по следу Коннора.

Чудовищность происходящего наконец-то со всей силой обрушилась на Коннора, и от рассуждений, неожиданно выстроившихся в одну четкую линию, он едва не споткнулся на бегу. Куда теперь? Под защиту стен дворца?

Коннор отбросил эту мысль, опасаясь навлечь беду на дядю. Если Маркворт сумел разделаться с Добринионом, может ли теперь кто-нибудь, включая барона, чувствовать себя в безопасности? Коннор понимал: монахи — могущественные враги. Даже если бы все полки королевской армии вдруг обратились против него, они и то были бы менее опасны, чем монахи Абеликанской церкви. Да, отец-настоятель во многом обладает большей властью, чем сам король, и не последнюю роль в этом играют таинственные магические способности, о которых Коннор почти не имел представления.

Это немыслимо: Маркворт приказал (приказал!) убить Добриниона. Тяжесть случившегося глубоко задела все чувства молодого Билдебороха, заставляя его лихорадочно искать выход.

Коннор понимал: прятаться в городе бесполезно. Эти двое (а может, их больше?) — профессиональные убийцы. Они все равно найдут и убьют его.

Коннор отчаянно нуждался в ответах, и ему вдруг показалось, что он знает, где сможет их получить. К тому же не только он находился в опасности и являлся живой мишенью для гнева Маркворта.

Коннор повернул к Чейзвинд Мэнор, миновал ворота и оказался во дворе, но во дворец не пошел, а свернул к конюшне. Там он быстро оседлал Грейстоуна — свою любимую пегую охотничью лошадь с длинной белой гривой, сильную и выносливую. Еще до полуночи Коннор покинул Палмарис, выехав из города через северные ворота.

ГЛАВА 19
САМОВОЛЬНОЕ ВОЗВРАЩЕНИЕ

Путешествие было легким или, по крайней мере, должно было бы быть таковым, ибо дорога, тянущаяся по западному берегу Мазур-Делавала, являлась лучшей мощеной дорогой в мире. Джоджонаху удалось присоединиться к каравану, шедшему безостановочно день и ночь. Так он пропутешествовал два дня. Однако это не доставляло магистру никакого удовольствия. Его старые кости нещадно ломило, и, не успев отъехать и двухсот миль от Палмариса, Джоджонах почувствовал, что заболел всерьез. Его одолевали колики, приступы тошноты, а также начинающаяся лихорадка, заставлявшая магистра без конца потеть.

Дурная пища, предположил Джоджонах, и искренне понадеялся, что болезнь и путешествие не сведут его в могилу. Ему еще надо многое успеть в жизни. В любом случае Джоджонаху не улыбалась перспектива умереть одному, где-то на полпути между Палмарисом и Урсалом — городами, к которым он никогда не питал особых симпатий. И потому престарелый магистр с обычным своим стоицизмом продолжал ковылять дальше. Он шел медленно, тяжело опираясь на крепкую палку и кляня себя за то, что позволил себе разболеться.

— Благочестие, достоинство, бедность, — с сарказмом повторял Джоджонах.

Он вряд ли мог назвать свою жизнь особо достойной, а что касалось обета бедности — здесь он, наоборот, зашел слишком далеко. С благочестием было еще сложнее…

Джоджонаху думалось, что это слово потеряло для него всякий смысл. Что значит быть благочестивым? Слепо следовать за отцом-настоятелем Марквортом? Или следовать велению своего сердца и быть верным тем понятиям, какие в это вкладывал Эвелин?

Последнее, решил Джоджонах, но, по сути, это мало что меняло. Магистр не знал наверняка, какой курс он должен избрать, чтобы в мире действительно что-то поменялось. Скорее всего, дело кончится тем, что его понизят в звании, возможно, даже выгонят из ордена, а то и сожгут как еретика. Церковь имела давнюю традицию набрасываться, словно хищный зверь, на тех, кого объявляла еретиками, забивая их до смерти. У Джоджонаха по спине поползли мурашки, и эта мысль показалась ему неким мрачным предзнаменованием. Да, Маркворт в последнее время пребывал в скверном настроении, которое портилось еще сильнее, если кто-либо упоминал имя Эвелина Десбриса! Магистр почувствовал, что на долгом пути в Урсал у него появился новый враг — уныние. И тем не менее он упорно продолжал шагать вперед.

Проснувшись на шестой день, он обнаружил, что небо затянуто густыми облаками. Ближе к полудню пошел холодный дождь. Поначалу Джоджонах даже обрадовался прохладе, потому что вчера солнце немилосердно палило весь день. Но когда пошел дождь, пробиравший его до костей, Джоджонаху стало совсем плохо, и он даже подумал, не вернуться ли в селение, где ночевал вчера.

Однако магистр не поворотил назад, а продолжал плестись дальше, обходя многочисленные лужи. Его внимание было обращено в прошлое; он размышлял об Эвелине и Марквортe, о пути церкви и о том, что он сам мог бы сделать для избрания правильного пути. Так прошел час, потом второй. Магистр настолько глубоко погрузился в свои мысли, что даже не услышал, как сзади приближается повозка.

— С дороги! — крикнул возница, туго натягивая поводья и резко сворачивая в сторону.

Повозка качнулась вбок, едва не задев Джоджонаха и окатив его целым фонтаном брызг. От испуга и удивления магистр упал на раскисшую землю.

Съехав с дороги, повозка увязла в грязи, и только это уберегло ее от падения, пока возница отчаянно пытался совладать с лошадьми. Наконец те остановились, и колеса повозки окончательно увязли в придорожной жиже. Возница спрыгнул с козел, лишь мельком взглянув на застрявшую повозку, затем поспешил туда, где сидел Джоджонах.

— Прошу прощения, — пробормотал магистр, увидев перед собой стройного парня лет двадцати. — Из-за дождя я не расслышал, что ты едешь сзади.

— Не надо извинений, — дружелюбно ответил возница, помогая Джоджонаху встать и пытаясь хоть как-то очистить от грязи его насквозь промокшую сутану. — Этого дождя я опасался с тех самых пор, как выехал из Палмариса.

— Палмарис, — повторил Джоджонах. — Я тоже пустился в путь из этого великолепного города.

Монах заметил, что парень сморщился при слове «великолепный», и потому умолк, посчитав более благоразумным не говорить, а слушать.

— Просто я ехал быстрее, — ответил парень и бросил безнадежный взгляд на свою повозку. — До сих пор, — тоскливо добавил он.

— Боюсь, нам не удастся вытащить твою повозку, — согласился Джоджонах.

Возница кивнул.

— В трех милях отсюда есть селение. Пойду туда за подмогой.

— Люди в здешних местах отзывчивые, — ободряюще сказал Джоджонах. — Наверное, я пойду вместе с тобой. Как-никак монаху они скорее помогут. Я ночевал там вчера, и они по-доброму отнеслись ко мне. И когда мы вытащим твою повозку, я надеюсь, ты возьмешь меня с собой. Мне надо в Урсал, а до него еще очень далеко. Да и тело мое, боюсь, не выдержит пешего перехода.

— Я тоже еду в Урсал, — объявил возница. — Может, вы мне поможете с моим поручением. Оно касается вашей церкви.

Джоджонах навострил уши и поднял брови.

— И какое же у тебя поручение? — спросил он.

— Дожили мы до печального дня, — продолжал парень. — Куда уж печальнее: убили настоятеля Добриниона.

У Джоджонаха округлились глаза. Он зашатался и, чтобы не упасть, схватился за рукав возницы.

— Добриниона? Как?

— Поври, — ответил возница. — Гнусная двуногая крыса. Пролез в церковь и убил настоятеля.

Джоджонах не верил своим ушам. В мозгу вихрем понеслись мысли, однако магистр был слишком слаб и сломлен болезнью. Он вновь опустился на мокрую и грязную дорогу, закрыл лицо руками и зарыдал. Джоджонах не знал, кого он оплакивает: настоятеля Добриниона, себя или свой возлюбленный орден.

Возница положил магистру руку на плечо, желая его утешить. Они вместе отправились в селение. Парень пообещал, что, даже если и удастся вытащить повозку, они все равно не двинутся в путь раньше завтрашнего дня.

— Я довезу вас до Урсала, — обнадеживающе улыбнулся возница. — Мы раздобудем покрывало, чтобы вам было тепло, святой отец, и запасемся провизией на дорогу.

В одном из домов, куда их взяли на ночлег, Джоджонаха уложили в теплую постель. Но уснуть ему не удавалось, поскольку в дом набилось полно народа. Всем хотелось услышать рассказ возницы о гибели настоятеля Добриниона. Джоджонах тихо лежал, прислушиваясь к разговорам. Наконец, продолжая все так же дрожать и потеть, он провалился в сон.

Юсеф и Данделион не вернулись вместе с караваном.

Магистр Джоджонах мгновенно проснулся. В доме было тихо и темно — совсем темно. Джоджонах прищурился, оглядываясь по сторонам.

— Кто здесь? — спросил он.

Юсеф и Данделион не вернулись вместе с караваном! — вновь услышал он, теперь уже громче и настойчивее.

Впрочем, нет, не услышал. Джоджонах сообразил, что никаких внешних звуков, за исключением стука крупных капель дождя по крыше, он не слышал. Эти слова он ощутил где-то в глубине разума и узнал человека, произносившего их.

— Брат Браумин? — спросил Джоджонах.

Я опасаюсь, что отец-настоятель отправил их за вами, звучало в его мыслях. Мой друг и наставник, берегитесь! Возвращайтесь в Палмарис, если вы еще не успели отойти далеко, под защиту настоятеля Добриниона, и скажите, чтобы Юсефа и Данделиона ни в коем случае не допускали в Сент-Прешес.

Контакт был слабым. Джоджонах знал, что Браумин не слишком искусен в обращении с гематитом. Да и условия для передачи, вероятно, были не самыми благоприятными.

— Где ты? — телепатически спросил Джоджонах. — В Санта-Мир-Абель?

Магистр Джоджонах, умоляю вас! Вы должны меня слышать! Юсеф и Данделион не вернулись вместе с караваном!

Контакт становился все слабее. Джоджонах понимал: Браумин устает. Затем связь резко оборвалась, и он испугался, что, должно быть, Маркворт или Фрэнсис каким-то образом подслушали сообщение Браумина.

Если это действительно был Браумин, — напомнил себе Джоджонах. Может, все это — бред, вызванный его лихорадкой?

— Они еще не знают, — прошептал затем магистр, ибо только сейчас до него дошло, что в сообщении Браумина ничего не говорилось о Добринионе. Кряхтя, Джоджонах выбрался из постели и, стараясь ступать тихо, побрел в общую комнату. В темноте он чуть не споткнулся о хозяйку. Уступив магистру свою кровать, та спала на полу в общей комнате, подстелив несколько одеял. Магистру не хотелось будить добрую женщину, но одну вещь он должен был выяснить прямо сейчас.

— Где возница? — спросил он. — Он ночует здесь или где-нибудь в другом доме?

— Здесь, где же еще, — ответила женщина, стараясь говорить как можно любезнее. — Спит вместе с моими мальчишками. В тесноте, да не в обиде, как у нас говорят.

— Пойди и разбуди его, — велел магистр Джоджонах.

— Как скажете, святой отец, — ответила хозяйка.

Она вылезла из-под одеял и ощупью куда-то побрела.

Вскоре женщина вернулась вместе с заспанным возницей.

— Вам бы спать да спать, — зевая, проговорил парень. — Час-то совсем поздний. Еще простынете.

— Я забыл у тебя кое-что спросить, — махнув рукой, объяснил ему Джоджонах. — Когда убили настоятеля Добриниона, где находился караван из Санта-Мир-Абель?

Парень удивленно вскинул голову.

— Ты ведь наверняка знаешь, что монахи из моего монастыря находились у вас в Сент-Прешес, — не унимался Джоджонах.

— Находились — это еще мягко сказано, — презрительно усмехнулся возница. — Столько бед понатворили.

— Это верно, — согласился Джоджонах. — Но где они были, когда поври убил настоятеля Добриниона?

— Уехали.

— Из города?

— Выехали через северные ворота, хотя я слыхал, что они пересекли пролив, и совсем даже не на пароме, — ответил возница. — Настоятеля убили дня через полтора после их отъезда.

Магистр Джоджонах отпрянул назад, ущипнув себя за подбородок. Кучер стал говорить что-то еще, но Джоджонах лишь махнул рукой.

— Ложитесь, — сказал он парню и хозяйке. — И я пойду лягу.

После этого магистр долго лежал с открытыми глазами не в состоянии уснуть. Теперь он не сомневался, что контакт с Браумином не привиделся ему в горячечном сне. Магистру было о чем подумать. В отличие от Браумина, он не боялся, что Юсеф и Данделион посланы для расправы с ним. Маркворт был слишком близок к своей цели (по крайней мере, этому одержимому старику так могло казаться), чтобы заставлять убийц делать крюк. Нет, убив Добриниона, те отправились прямо на север, на поиски камней. В Палмарисе эти двое задержались лишь ненадолго — ровно настолько, чтобы устранить одну небольшую помеху на пути Марквортa.

Магистр Джоджонах подбежал к одному из окон комнаты, отодвинул ставни и раскрыл створки окна. Его вытошнило прямо на траву, росшую под окном. Тошнотворной была сама мысль, что отец-настоятель приказал уничтожить другого настоятеля!

Уму непостижимо! Но каждая мелочь, встававшая в памяти Джоджонаха, подтверждала, что все действия Марквортa вели именно к этому. И все-таки, может, своими суждениями он сгущает краски? — задавался вопросом Джоджонах. Но ведь Браумин не лгал: Юсеф и Данделион не вернулись вместе с караваном!

Браумин еще не знает, что настоятель Добринион встретил свой безвременный конец.

Магистру Джоджонаху искренне хотелось надеяться, что он все же ошибается, что у него разыгралось бредовое, горячечное воображение. Он хотел надеяться, что глава Абеликанского ордена не мог решиться на подобное. И в этом водовороте мыслей ясным для Джоджонаха было только одно: ему теперь незачем ехать в Урсал. Надо возвращаться в Санта-Мир-Абель.

Наконец все двести беженцев двинулись в путь, обойдя стороной Ландсдаун и Кертинеллу. Элбрайн постоянно отправлял вперед разведчиков и держал наготове отряд из сорока лучших бойцов. Из общего числа беженцев лишь меньше половины были способны в случае чего взяться за оружие. Остальные были слишком стары, малы или немощны, чтобы сражаться. Правда, стараниями Пони и при помощи ее драгоценного камня никто особо сильно не хворал.

Засевшие в двух городах поври даже не пытались напасть на караван беженцев. К вечеру пятого дня люди одолели почти половину расстояния до Палмариса.

— Всего в миле отсюда — крестьянский дом с амбаром, — сообщил Элбрайну вернувшийся из разведки Роджер. — Все строения целы, и я даже слышал кудахтанье кур.

От одной мысли о свежих яйцах беженцы, слышавшие эти слова, вздохнули и зачмокали губами.

— А самих кур ты видел? — недоверчиво спросил Элбрайн.

— Во дворе — нет, — ответил парень, несколько сконфуженный собственной недогадливостью; ведь мог же он разузнать все поподробнее. — Но я там не задерживался, — поспешно добавил он. — Если бы я там замешкался, ты бы все равно туда отправился и мог бы оказаться под прицелом тварей, если они скрываются внутри.

Элбрайн с улыбкой кивнул.

— Ты правильно поступил, — сказал он. — Теперь оставайся здесь и наблюдай за обстановкой, а мы с Пони съездим туда и разузнаем, что к чему.

Роджер кивнул и помог Пони усесться на коня позади Элбрайна.

— Поставьте дозорных по границам лагеря, особенно с северной стороны, — велел парню Элбрайн. — Разыщи Джуравиля и скажи ему, где нас искать.

Роджер молча выслушал приказания, кивнул в ответ и легонько шлепнул Дара по крупу. Конь поскакал к постройкам, а Роджер отправился готовить лагерь к обороне.

Разыскать постройки не составило труда. Теперь настал черед Пони. Воспользовавшись камнем, она вышла из тела и осмотрела вначале амбар, а затем и сам дом.

— В доме хозяйничают поври, — объявила она, проведя разведку. — Трое. Один из них спит в задней комнате. В амбаре — гоблины, но все какие-то вялые и ленивые.

Элбрайн прикрыл глаза, погружаясь в состояние глубокого спокойствия и почти зримо переходя в свое второе «я» — воина, воспитанного и обученного эльфами. Слева от амбара он заметил несколько деревьев. Элбрайн спрыгнул с коня и помог слезть Пони. Оставив Дара здесь, они осторожно двинулись под тень деревьев. Дальнейший путь Элбрайн проделал один. Прячась за пнями, потом за корытом с водой, он приблизился к дому. Вскоре он достиг стены, оказавшись рядом с окном. В руке он держал лук. Осмотревшись и затем взглянув туда, где осталась Пони, он кивнул ей и приладил стрелу.

Элбрайн резко повернулся и пустил стрелу прямо в окно, прицелившись в затылок поври, который беспечно что-то стряпал на плите. Тот потерял равновесие и угодил лицом прямо в шипящий жир на сковороде.

— Очумел, что ли? — заорал второй поври, бросившись к плите.

Увидев торчащее древко стрелы, он замер, а обернувшись, столкнулся с Полуночником, поджидавшим его с мечом в руке.

Поври потянулся за своим оружием, но взмах могучего меча опередил его, и левая рука карлика повисла как плеть. Однако упрямый поври двинулся прямо на Элбрайна.

Удар Урагана пришелся ему прямо в сердце. Меч вошел в тело по самую рукоятку. Отчаянно дернувшись несколько раз, поври замертво упал на пол.

— Чего шумите? И так меня разбудили! — рявкнул из задней комнаты третий поври.

Полуночник улыбнулся, затем, немного обождав, неслышно пробрался к двери. Там он выждал еще некоторое время и, убедившись, что поври повернулся на другой бок, медленно открыл дверь.

На кровати, спиной к нему, лежал третий поври.

Вскоре Элбрайн покинул дом и помахал Пони. Взяв в руки Крыло Сокола, он стал осторожно огибать амбар. Вверху находился сеновал. Дверь туда была приоткрыта, и из нее свешивалась веревка.

Элбрайн быстро оглянулся и заметил, что Пони передвинулась на другое место, позволявшее ей одновременно следить за воротами амбара и сеновалом. Как здорово, что у него такая опытная и смышленая помощница, подумал Элбрайн. Ведь если он попадет в беду, Пони всегда придет на выручку.

Они оба знали, что делать дальше. Разумеется, Пони могла бы нанести удар по амбару и с помощью серпентина и взрывной силы рубина сжечь его дотла. Однако дым от такого пожара лишь выдал бы их присутствие. Вместо этого Пони избрала магнетит и графит, чтобы поддержать действия Элбрайна.

Полуночник понимал, какой силы воли и самодисциплины это стоит Пони. Каждое утро они продолжали совершать танец меча, и движения Пони становились все совершеннее. Ей хотелось сражаться бок о бок с Элбрайном. Но Пони была терпеливой и послушной. Элбрайн пообещал ей, что скоро у нее появится возможность испробовать полученные навыки. Оба знали, что она почти готова.

Но не сейчас.

Полуночник проверил крепость веревки, затем тихо и осторожно начал подниматься на сеновал. Почти у самой двери он задержался, прислушался и поднял вверх палец, чтобы видела Пони.

Элбрайн добрался до двери, осторожно поставил ногу в небольшую выемку, не отпуская при этом веревки. Судя по всему, двигаться придется быстро, и вряд ли он сумеет воспользоваться оружием.

Он вновь сделал глубокий вдох, сосредоточиваясь и достигая внутреннего покоя. Затем он зацепился ногой за нижнюю часть двери и резко распахнул ее. Элбрайн буквально влетел на сеновал и оказался прямо перед гоблином, беззаботно стоящим на дозоре.

Гоблин закричал, но его крик мгновенно захлебнулся, ибо Элбрайн своей сильной рукой зажал гоблину рот, а другой — сдавил его правую руку. Еще несколько быстрых движений — и гоблин оказался на коленях.

Раздавшийся снизу крик подсказал Элбрайну, что времени мало.

Полуночник рывком поставил гоблина на ноги, потом согнул пополам и швырнул с высоты десяти футов вниз. Гоблин ударился оземь и застонал, затем попытался подняться и позвать на помощь. Тут он заметил Пони, спокойно стоявшую с вытянутой рукой.

Удар магнетита пришелся прямо по металлическому амулету, висевшему на шее гоблина. В свое время он наверняка сорвал это украшение с какой-нибудь женщины, напрасно умолявшей сохранить ей жизнь.

Стоя на сеновале, Полуночник сбивал стрелами гоблинов, лезущих по лестнице наверх. Неожиданно он обнаружил, что вместе с его стрелами во врагов летят маленькие стрелы Джуравиля.

— Роджер рассказал мне о ваших замыслах, — пояснил эльф. — Хорошее начало! — сказал он, пуская стрелу в очередного гоблина, который по дурости тоже полез наверх.

Убедившись, что на лестнице их поджидает смерть, остальные гоблины широко раскрыли ворота и попытались выбежать из амбара.

Удар рукотворной молнии швырнул почти всех их на землю.

Эльф, расположившись у двери сеновала, стрелял по тем, кто еще шевелился.

Элбрайн соскользнул по лестнице вниз, перекувырнулся, избежав удара копьем, пущенным одним из гоблинов, и схватился за лук. Стрела ударила вражину прямо в лицо, другая остановила еще одного, побежавшего к двери.

Внутри амбара воцарилась тишина, однако Полуночник чувствовал, что он не один. Он положил лук на пол, взял меч и медленно двинулся к копне сена, ступая неслышно. Крики за стенами амбара почти смолкли. Элбрайн подошел к самой копне, приник к ней и прислушался.

Он уловил чье-то дыхание.

Элбрайн метнулся вдоль, желая удостовериться, что за копной прячется гоблин, а не какой-нибудь несчастный пленник. Одним ударом меч отсек голову последней твари. Элбрайн вышел из амбара и увидел, что Пони и Джуравиль идут ему навстречу, ведя Дара. Сражение окончилось.

Элбрайн и эльф остались охранять новое место стоянки, а Пони поспешила к беженцам, чтобы привести их сюда.

— Нет, не могу я вернуться назад, — ответил возница, когда на следующее утро Джоджонах объявил ему о своих планах. — Я бы рад вам помочь. Но у меня же поручение…

— И важное поручение, — договорил за него Джоджонах.

— Лучше всего вам будет вернуться на корабле, — продолжал парень. — Летом они плывут на север и дальше, в открытое море. Я бы и сам был не прочь сесть на какой-нибудь корабль, но на юг в это время они идут редко.

Магистр Джоджонах поскреб свой покрывшийся щетиной подбородок. Денег у него не было, но, возможно, он что-нибудь придумает.

— Тогда довези меня до ближайшего порта, — попросил он возницу.

— Это на юго-востоке. Бристоль, так он называется. Там лишь чинят корабли да нагружают их припасами, и больше ничего нет. Отсюда не так и далеко.

— Ты меня этим очень обяжешь, — сказал Джоджонах.

После обильного завтрака, которого хватило бы на троих, они выехали из селения. Только теперь, когда повозка загрохотала по дороге, магистр Джоджонах понял, насколько лучше он себя чувствует. Дорожная тряска не помешала его желудку в полной мере переварить завтрак. Вчерашние новости и возможные последствия, которые оказывались мрачнее, чем он представлял, словно вновь наполнили силой его дряхлое тело. Сейчас он просто не мог позволить себе быть слабым.

Бристоль оказался совсем крошечным портом и довольно странным по своему расположению. По берегу тянулись длинные причалы, способные принять до десятка крупных судов. Домов же было совсем немного, включая два небольших складских помещения. Только когда повозка въехала в самый центр Бристоля, Джоджонах начал понимать особенность этого порта.

Корабли, идущие в обоих направлениях, не пополняли здесь своих запасов, ибо путь от Урсала до Палмариса не был таким уж длинным. Но матросы были не прочь сделать краткую передышку, и потому корабли причаливали сюда для пополнения запасов иного рода.

Из семи зданий, стоявших почти впритык, в двух находились таверны, а в двух других — бордели.

Магистр Джоджонах прочитал краткую молитву, однако это его не особенно заботило. Он был терпимым человеком, всегда готовым простить слабости плоти. Что бы там ни было, главное — это сила духа.

Он простился с возницей, искренне сожалея, что не в состоянии заплатить этому доброму человеку ничем, кроме слов благодарности. Затем Джоджонах отправился на поиски судна, которое доставило бы его в Палмарис. У причала стояло три корабля, четвертый приближался к Бристолю с юга. Монах спустился на берег, и его сандалии громко застучали по длинному дощатому настилу.

— Мир вам, добрые люди, — сказал он, подойдя к ближайшему кораблю и увидев двоих матросов, склонившихся за гакабортом.

Матросы, вооружившись молотками, возились с какой-то неисправностью, но гакаборт мешал разглядеть, с какой именно. Поскольку их корабль стоял в ряду первым, Джоджонах посчитал, что вскоре они отплывут.

— Мир вам, добрые люди! — уже громче крикнул Джоджонах, размахивая руками.

Стук прекратился, и один из старых морских волков, человек с бронзовым морщинистым лицом и беззубым ртом, поднял голову.

— И вам тоже, святой отец, — сказал он.

— Куда держите путь? — поинтересовался Джоджонах. — Случайно не в Палмарис?

— В Палмарис и дальше, в открытое море, — ответил матрос. — Но мы еще не скоро отчалим. Якорная цепь стала совсем негодной, вот и латаем.

Теперь Джоджонаху стало ясно, почему корабль был так странно повернут по отношению к причалу. Магистр оглянулся на складские помещения. Неужели там не найдется новой якорной цепи? Даже в гавани Санта-Мир-Абель, которая не шла ни в какое сравнение с этой, имелся запас таких необходимых вещей, как якоря и цепи. Однако

Бристоль предназначался не для починки кораблей, а, так сказать, для «починки» команды.

— Сюда из Урсала должен прийти еще один корабль, — продолжал старый моряк. — Где-то через пару дней будет здесь. А вам надо в Палмарис?

— Да, но я не могу ждать так долго.

— Ну что ж, мы довезем вас за пять золотых королевских монет, — пообещал матрос. — Божеская цена, святой отец.

— И в самом деле божеская, только, увы, мне нечем платить, — ответил Джоджонах. — И ждать я не могу!

— Два дня не подождать? — удивился морской волк.

— Никак не могу, — ответил Джоджонах.

— Прошу прощения, святой отец, — послышался голос с соседнего корабля — широкой и ладной каравеллы. — Мы сегодня отплываем на север.

Магистр Джоджонах махнул двоим матросам и подошел к каравелле. Человек, окликнувший его, был высоким, худощавым и темнокожим. Но кожа его потемнела не под солнцем, а была такой от рождения. Он был бехренцем, и, судя по цвету лица, уроженцем южного Бехрена, находившегося далеко на юге, за двойной горной грядой, которая называлась Пояс-и-Пряжка.

— Мне нечем будет вам заплатить, — признался ему Джоджонах.

Темнокожий человек улыбнулся, обнажив белые зубы.

— Зачем же, святой отец, вам непременно платить золотом?

— Тогда я могу отработать свой проезд, — предложил магистр.

— Думаю, всем на моем корабле не повредит хорошая молитва, — ответил бехренец. — И в особенности после нашей краткой стоянки в Бристоле. Мы не собирались сниматься с якоря раньше вечера, но у меня на берегу лишь один матрос, да и того можно легко разыскать. Если вы торопитесь, и мы тоже поторопимся!

— Щедрое предложение, любезный господин…

— Альюмет, — представился бехренец. — Альюмет, капитан превосходного корабля «Сауди Хасинта».

Джоджонах вскинул голову, удивленный диковинным названием.

— В переводе на ваш язык — «Жемчужина пустыни», — пояснил Альюмет. — Так я немного подшутил над отцом, который хотел, чтобы я странствовал не по волнам, а по песчаным барханам.

— И мой отец хотел, чтобы я разносил пиво, а не возносил молитвы, — смеясь ответил Джоджонах.

Магистра немало удивило, что темнокожий бехренец являлся капитаном урсальского парусника. Но еще более его удивило, что этот капитан с таким почтением отнесся к монаху Абеликанского ордена. В южном царстве, откуда был родом Альюмет, церковь Джоджонаха не пользовалась влиянием. Миссионеров, посылаемых в те края, нередко убивали за попытки навязать свои представления о Боге тамошним горячим и нетерпимым священникам, по-бехренски — ятолам.

Капитан Альюмет помог Джоджонаху подняться по сходням, а затем отправил двоих матросов на берег за их товарищем.

— Где вы оставили свои вещи? — спросил он магистра.

— Это все, что у меня есть, — ответил Джоджонах.

— В какое же место на севере вам надобно?

— В Палмарис, — ответил Джоджонах. — На самом деле мне надо на другой берег, но туда я переправлюсь на пароме. Мне необходимо вернуться в Санта-Мир-Абель по очень важному делу.

— Мы будем проходить через залив Всех Святых, — сказал капитан Альюмет. — Но это займет у вас никак не меньше недели.

— Тогда мне достаточно добраться до Палмариса, — сказал магистр.

— А мы как раз туда и направляемся, — ответил капитан Альюмет и, не переставая

улыбаться, указал на дверь каюты, расположенной на полуюте, под кормовой палубой.

— У меня две каюты, — пояснил он. — И я с удовольствием на пару дней пути отдам вам одну из них.

— Ты абеликанец?

Улыбка Альюмета стала еще шире.

— Уже три года, — ответил он. — Я обрел вашего Бога в монастыре Святого Гвендолина Морского, и это самый удачный улов, какой выпал на долю Альюмета.

— И еще одно огорчение для твоего отца, — заключил Джоджонах.

Альюмет приложил к губам палец.

— Ему незачем об этом знать, святой отец, — лукаво сказал он. — Но на просторах Мирианского океана, когда бушуют ураганы и накатывают волны, что в два раза выше человеческого роста, я молюсь своему Богу, — подмигнув, добавил он. — И потом, знаете, Бог моей земли и вашей — они не слишком-то различаются. Перемените одеяние — и священник станет ятолом.

— Стало быть, ты обратился в нашу веру по соображениям удобства, — с некоторой укоризной произнес Джоджонах.

Альюмет пожал плечами.

— Я молюсь своему Богу.

Джоджонах кивнул и ответил широкой улыбкой, затем стал пробираться в капитанскую каюту.

— Мой юнга вам все покажет, — крикнул ему вслед капитан.

Когда магистр открыл дверь каюты, юнга сидел на полу и играл сам с собой в кости. Увидев незнакомца, мальчишка, которому было не более десяти лет, засуетился и с виноватом видом собрал кости. Еще бы, его застали отлынивающим от своих обязанностей.

— Мэтью, помоги нашему другу устроиться, — послышался голос Альюмета, — И позаботься о нем.

Джоджонах и Мэтью долго и неспешно разглядывали друг друга. Одежда мальчика была поношенной, как почти у всех матросов на кораблях. Однако все сидело на нем очень ладно, лучше, чем на большинстве матросов, которых доводилось встречать магистру. И, в отличие от большинства юнг, этот мальчик был чище. Его выбеленные солнцем волосы были аккуратно подстрижены. Кожу юнги покрывал золотистый загар. Единственным, что сразу бросалось в глаза, была черная нашлепка на его предплечье.

Джоджонах представил себе величину раны и подумал: ох и больно же тогда было мальчишке. Нашлепка появилась в результате применения одной из «медицинских» жидкостей, имевшихся на каждому корабле, — смолы. Таких жидкостей насчитывалось три: ром, смола и моча. Ром помогал убивать червей, неизбежно заводившихся в провизии, а также коротать длинные и праздные часы плавания. Мочу использовали для мытья тела, головы и стирки. Но какой бы отвратительной ни была эта жидкость, ее запах отступал перед мучениями, связанными с жидкой смолой. Смолой заливали раны и порезы. Вот и Мэтью где-то поранил предплечье, и матросы, не имея других снадобий, залили его рану смолой.

— Можно мне посмотреть твою рану? — ласково спросил Джоджонах.

Мэтью помешкал, но не осмелился перечить и осторожно поднял вверх руку.

Искусная работа, отметил про себя магистр. Смола была залита вровень с кожей, и нашлепка скорее представляла собой аккуратную черную заплатку.

— Болит? — спросил Джоджонах.

Мальчик решительно затряс головой.

— Он не разговаривает, — объяснил недоумевающему Джоджонаху появившийся Альюмет.

— Твоя работа? — спросил Джоджонах, указывая на черный круг.

— Нет, это Коуди Беллауэй, — ответил Альюмет. — Когда мы в море, он у нас за лекаря.

Магистр Джоджонах кивнул и больше не стал задавать вопросов. Но черная нашлепка

на предплечье Мэтью не давала ему покоя. Сколько гематитов лежит мертвым грузом в Санта-Мир-Абель? Пятьсот? Тысяча? Во всяком случае, число их значительно, и Джоджонах это знал. В свои молодые годы он занимался подсчетом этих камней — самых распространенных среди самоцветов, привезенных за все годы экспедиций на Пиманиникуит. Большинство мелких магических камней обладали гораздо меньшей силой, чем те, которые караван брал с собой, отправившись в Барбакан. Но сколько добра они способны были бы принести, если бы их раздать по кораблям и обучить одного-двух человек из команды использовать их целительные силы. Будь у него гематит, Джоджонах с легкостью мог бы исцелить рану Мэтью с помощью магии, а не смолы. Незначительное усилие, а сколько страданий и боли мог бы избежать этот мальчишка.

Размышления увели Джоджонаха еще дальше. Почему бы в каждом селении не иметь по гематиту? Если не в каждом, то хотя бы в одном на округу. И почему бы не найти среди местных жителей тех, кто способен к целительству, и не научить их пользоваться силой камней?

Джоджонах никогда не говорил об этом с Эвелином. Но почему-то он знал: если бы выбор принадлежал Эвелину Десбрису, тот распорядился бы раздать мелкие гематиты по городам и селениям и открыл бы некоторые секреты магии для простых людей. Во всяком случае, он согласился бы отдать камни, слишком слабые для разного рода дьявольских нужд, например таких, как одержание. Словом, те камни, которые годились для добрых дел и были слишком слабы для злодеяний.

Джоджонах знал: будь у Эвелина такая возможность, он сделал бы это, однако Маркворт никогда не дал бы ему подобной возможности!

Магистр провел рукой по белобрысой голове мальчика и попросил, чтобы тот проводил его в каюту. Альюмет покинул их и пошел готовиться к отплытию.

Вскоре «Сауди Хасинта» вышла из Бристоля. Ветер быстро надул паруса каравеллы и погнал ее против сильного течения пролива. Альюмет заверил Джоджонаха, что плавание будет удачным: ветры дуют с юга, ничем не предвещая шторм, и чем дальше, тем Мазур-Делавал становится шире, а сила течения ослабевает.

Большую часть дня магистр провел в своей каюте. Он спал, набираясь сил, которые, как чувствовал Джоджонах, скоро ему понадобятся. Потом он ненадолго проснулся и дружеским жестом предложил Мэтью сыграть в кости, убедив мальчика, что капитан не станет возражать, если юнга немного передохнет от тягот службы.

Жаль, что мальчик не говорил и даже не смеялся, играя с ним в кости. Джоджонаха интересовало, откуда он и как в столь нежном возрасте оказался на корабле.

Впрочем, магистр и так знал ответ. Скорее всего, родители-бедняки продали мальчишку. Джоджонах даже вздрогнул от этой мысли. Но ведь именно так и появлялись юнги на многих кораблях. Джоджонах лишь надеялся, что Альюмет не купил мальчика. Капитан называл себя верующим, а верующий человек не позволит себе подобного.

Ночью пошел мелкий дождь, но ничто не мешало бегу «Сауди Хасинты». Команда была опытной и знала каждый изгиб пролива. Корабль плавно скользил по воде. Нос разрезал волны, и пенные брызги светились в лунном сиянии. И в эту ночь, когда прекратился дождь, магистр Джоджонах, стоя у палубного ограждения, в полной мере принял истины, рождавшиеся у него в сердце. Он стоял один, во тьме. В лицо ударяли долетавшие на палубу брызги. Где-то на берегу раздавались крики ночных зверей. В парусах шелестел ветер. И вдруг Джоджонах почувствовал, что его жизненное плавание становится яснее.

Словно сам Эвелин находился с ним сейчас, паря над ним и напоминая слова обета — не те, привычно произносимые три слова, но стоящий за ними смысл, направлявший всю жизнь Абеликанского ордена.

Джоджонах провел на палубе всю ночь и отправился спать уже на рассвете, предварительно уговорив заспанного Мэтью принести ему поесть.

Он проснулся лишь к обеду, который и разделил с капитаном Альюметом. Тот

сообщил, что ранним утром они подойдут к Палмарису.

— Наверное, вам не захочется опять простоять на палубе всю ночь, — с улыбкой сказал капитан. — Утром вы сойдете на берег, и если не выспитесь, какой же из вас путешественник?

Однако вечером капитан Альюмет снова застал Джоджонаха на том же месте. Глаза магистра смотрели в темноту, а внутренний взор был обращен в сердце.

— А вы — мыслящий человек, — сказал капитан, подходя к нему. — Мне это нравится.

— Ты говоришь так только потому, что я стою здесь один? — спросил Джоджонах. — Я ведь могу просто стоять и ни о чем не думать.

— Только не возле этого ограждения, — возразил капитан, вставая рядом с магистром. — Мне знакомо возвышенное состояние, которое появляется, когда здесь стоишь.

— Откуда у тебя Мэтью? — вдруг спросил Джоджонах, произнеся слова раньше, чем подумал о них.

Удивленный Альюмет искоса поглядел на него. Потом перевел взгляд на белую пену разлетающихся брызг и улыбнулся.

— Вам очень не по душе мысль, что я, человек, принадлежащий к вашей церкви, мог купить мальчика у родителей, — сказал проницательный капитан. — Однако именно так и обстояло дело, — добавил он, выпрямляясь и пристально глядя на магистра.

Джоджонах отвел глаза.

— Этот мальчишка — из семьи нищих, что жили возле Сент-Гвендолин и кормились объедками со стола ваших абеликанских братьев, — продолжал капитан, и тон его голоса становился все мрачнее и суровее.

Теперь уже Джоджонах сердито взглянул на Альюмета.

— Между прочим, это та самая церковь, в которую пришел и ты, — сказал он.

— Но это не значит, что я соглашаюсь со всеми теми, кто нынче распространяет ее учение, — спокойно ответил Альюмет. — А кто касается Мэтью, да, я купил его, причем за хорошую цену, потому что он мне — как сын. Мальчишка постоянно крутился в порту, точнее, всякий раз, когда ему удавалось сбежать от своего злобного папаши. Мэтью не было еще и семи лет, а его спина хорошо знала, что такое отцовские побои. Этот мерзавец лупил его без всякого повода. Вот я и купил мальчишку, взял на корабль и стал учить достойному ремеслу.

— Тяжкая у него жизнь, — заметил Джоджонах, но в его голосе уже не звучало ни упрека, ни враждебности.

— Это верно, — согласился бехренец. — Одним жизнь моряка по нраву, другие ее ненавидят. Когда Мэтью подрастет и начнет разбираться, что к чему, пусть сам решает. Если к тому времени он, как и я, полюбит море, что ж, тогда лучшего выбора, чем остаться на корабле, и не придумаешь. Я надеюсь, что он останется со мной. «Сауди Хасинта» явно переживет меня. Я буду только счастлив, если Мэтью продолжит мое дело.

Альюмет повернулся к магистру и замолчал, дожидаясь, пока Джоджонах взглянет ему в глаза.

— А если окажется, что запах моря и шторма ему не по душе, пусть идет своей дорогой, — искренне сказал капитан. — И какой бы путь в жизни он ни выбрал, я позабочусь, чтобы Мэтью начал его по-доброму. Даю вам честное слово, магистр Джоджонах.

Джоджонах поверил словам этого человека и чистосердечно улыбнулся в ответ. Капитан Альюмет разительно отличался от большинства грубых и не всегда честных своих собратьев по ремеслу.

Некоторое время оба молчали, глядя на брызги за бортом и слушая шум ветра.

— Я знал настоятеля Добриниона, — нарушил молчание Альюмет. — Хороший был человек.

Джоджонах удивленно посмотрел на него.

— Парень, который привез вас в Бристоль, успел нам рассказать, пока вы ходили и искали корабль, — пояснил капитан.

— Да, Добринион и в самом деле был хорошим человеком, — ответил Джоджонах. — Какая потеря для церкви.

— Огромная потеря для всего мира, — добавил Альюмет.

— А откуда ты его знаешь?

— Я знаю многих отцов церкви. При моей профессии это неудивительно. Я провел немало времени в разных храмах и часовнях. Бывал я и в Сент-Прешес.

— А в Санта-Мир-Абель тебе приходилось бывать? — спросил Джоджонах.

Сам он, однако, сомневался в этом, иначе он запомнил бы бехренца.

— Однажды мы проходили вблизи от вас, — ответил капитан. — Но погода менялась, и я не решился зайти в вашу гавань. К тому же было не так уж и далеко до Сент-Гвендолин.

Джоджонах улыбнулся.

— А вот с вашим отцом-настоятелем я встречался, — продолжал капитан. — Правда, один раз. Было это не то в восемьсот девятнадцатом году, не то в восемьсот двадцатом. Годы мелькают так быстро, что и не упомнишь. Отец-настоятель Маркворт искал корабль для плавания в открытое море. Я ведь привык плавать по морю, а не по таким лужам. Просто в прошлом году нас долбанули поврн со своей «бочки». Проходу не стало от этих поганых тварей. Вот и простояли в порту дольше обычного.

— Так значит, ты предложил отцу-настоятелю свой корабль, — догадался Джоджонах.

— Да, только он выбрал другой, — коротко и как бы нехотя ответил Альюмет. — Наверное, причина была в цвете моей кожи. Думаю, ваш отец-настоятель не доверял бехренцу, который к тому же еще не был тогда членом вашей церкви.

Джоджонах утвердительно кивнул: уж Маркворт явно не доверил бы плавание на Пиманиникуит человеку, принадлежащему к религии дальних южных земель. По странной иронии судьбы это уберегло Альюмета и его корабль от предрешенного трагического конца.

— Оказалось, что вашему Марквортy лучше подходил капитан Аджонас и его «Бегущий по волнам», — признался Альюмет. — И то сказать: он плавал по Мирианскому океану уже тогда, когда я зеленым мальчишкой только сел на весла.

— И ты знаешь, что случилось с капитаном Аджонасом дальше? — спросил Джоджонах. — Ты слышал о гибели «Бегущего по волнам»?

— Любой матрос с Извилистого Берега знает об этой утрате, — ответил капитан Альюмет. — Рассказывают, что они потонули на самом выходе из залива Всех Святых. Точнее, их накрыло волной, хотя меня это удивляет: Аджонас был настоящим морским волком, и чтобы потонуть на мелководье…

В ответ Джоджонах только кивнул. Он не мог решиться поведать Альюмету страшную правду, что Аджонас и его матросы были попросту убиты монахами той самой церкви, в которую бехренец пришел по доброй воле. Оглядываясь назад, магистр Джоджонах с трудом мог поверить, что и он когда-то соглашался с этой жестокой и бесчеловечной традицией. Неужели, как утверждала церковь, так было всегда?

— Замечательный был корабль, и команда тоже, — почтительно произнес Альюмет.

Джоджонах кивнул, хотя, по правде говоря, он не знал матросов с погибшего корабля. Он встречался лишь с капитаном Аджонасом и его помощником Бункусом Смили, но тот ему совсем не понравился.

— Вам бы лучше поспать, святой отец, — сказал капитан Альюмет. — Завтра вам предстоит нелегкая дорога.

Джоджонах тоже решил, что сейчас — самое время закончить беседу. Альюмет, даже не подозревая об этом, дал магистру немало тем для размышлений. С его помощью былые воспоминания предстали перед Джоджонахом в новом свете. «Но это не значит, что я соглашаюсь со всеми теми, кто нынче распространяет учение церкви». Так сказал ему Альюмет, и слова капитана звучали поистине пророчески для разочарованного магистра.

Спал Джоджонах хорошо, лучше, чем когда-либо с тех пор, как караван прибыл в Палмарис и мир вокруг покатился неведомо куда. На заре его разбудил крик матроса, увидевшего огонь портового маяка. Магистр собрал свои нехитрые пожитки и поспешил на палубу, надеясь увидеть палмарисский причал.

Однако его взору предстала лишь серая пелена густого тумана. Все матросы сгрудились на палубе. Большинство из них стояли возле ограждения и размахивали фонарями, всматриваясь в рассветный сумрак. Наверное, боятся налететь на скалы или столкнуться с другим кораблем, подумал Джоджонах, и у него по спине пробежали мурашки. Правда, присутствие капитана Альюмета успокоило его. Высокий бехренец держался спокойно, словно все шло так, как и должно быть. Джоджонах подошел к нему.

— Я слышал, что кто-то из матросов увидел маяк, — объяснил магистр. — Хотя сомнительно, чтобы в таком тумане можно было бы что-то разглядеть.

— Мы действительно его видели, — с улыбкой успокоил его капитан. — Мы совсем близко, и с каждой секундой подходим все ближе к берегу.

Джоджонах устремил взгляд туда, куда смотрел капитан, — в пелену тумана. Он чувствовал: что-то здесь не так, словно произошел какой-то сбой во внутренних ощущениях. Он простоял довольно долго, пытаясь разобраться и сориентироваться по солнцу, едва просвечивавшему впереди.

— Мы подходим к восточному берегу, — наконец объявил магистр, поворачиваясь к Альюмету. — Но ведь Палмарис лежит на западном.

— Я решил сберечь вам несколько часов и избавить от утомительного плавания на переполненном пароме, — пояснил Альюмет. — Хотя сомневаюсь, чтобы какой-нибудь паром решился плыть в таком мраке.

— Капитан, но ведь не стоило из-за меня…

— Пустяки, друг мой, — ответил Альюмет. — Нам все равно не разрешат зайти в палмарисский порт, пока не рассеется туман. Поэтому, вместо того чтобы встать на якорь, мы решили завернуть в Эмвой. Пусть там причал поменьше, зато правила помягче.

— Вижу землю! — раздался крик с мачты.

— Подходим к эмвойскому причалу! — подхватил другой.

Джоджонах взглянул на Альюмета, который лишь улыбнулся и подмигнул магистру.

Вскоре «Сауди Хасинта» плавно причалила к берегу, и проворные матросы быстро выбросили канат и привязали корабль к причальной тумбе.

— Желаю вам доброго пути, магистр Джоджонах, — сказал на прощание Альюмет, помогая ему спуститься по сходням на берег. — Пусть утрата досточтимого Добриниона укрепит всех нас.

С этими словами капитан крепко пожал Джоджонаху руку, и магистр повернулся, готовый ступить на пристань.

На последней ступеньке он вдруг задержался. Внутри его происходила отчаянная борьба совести с благоразумием.

— Капитан Альюмет, — наконец позвал он, поворачиваясь назад.

Джоджонах заметил, что матросы тоже подняли головы. Он понимал: они услышат каждое его слово, но это не остановило магистра.

— В грядущие месяцы ты, скорее всего, услышишь о человеке по имени Эвелин Десбрис. Брат Эвелин был монахом в Санта-Мир-Абель.

— Такое имя мне неизвестно, — ответил капитан Альюмет.

— Ты о нем обязательно услышишь, — с убеждением сказал Джоджонах. — И услышишь отвратительные истории об этом человеке. Будут говорить, что он — вор, убийца и еретик. Ты услышишь, как неоднократно его имя будут предавать проклятию.

Капитан Альюмет молчал. Джоджонах тоже приумолк; слова давались ему с трудом.

— Но говорю тебе со всей откровенностью, — продолжал магистр, понимая, что сейчас он переступает очень тонкую грань. Он опять замолчал, с трудом проглатывая слюну, — Эти истории — ложь. Либо их станут рассказывать так, чтобы опорочить брата Эвелина. Уверяю

тебя, все поступки этого человека были продиктованы совестью, а совесть его всегда вдохновлялась свыше. Не побоюсь сказать, что она вдохновлялась Богом.

Матросы пожали плечами, посчитав, что к ним эти слова не имеют никакого отношения. Но капитан Альюмет почувствовал, как тяжело дается Джоджонаху каждое слово, и понял, что для магистра настал поворотный момент в его жизни. Бехренец был достаточно проницательным, чтобы понять: истории об этом не известном ему монахе действительно могут иметь какое-то отношение к нему самому и ко всем, кто связан с Абеликанской церковью. Капитан кивнул в ответ.

— Никогда еще в недрах Абеликанской церкви не появлялось столь честного и достойного человека, как Эвелин Десбрис, — твердо произнес Джоджонах и сошел с трапа «Сауди Хасинты».

Он понимал, чем рискует. Может случиться, что однажды корабль зайдет в Санта-Мир-Абель, и капитан Альюмет, а скорее — кто-нибудь из матросов, слышавших слова Джоджонаха, заведет разговор с монахами или даже с самим отцом-настоятелем Марквортом. Глупо было бы теперь пытаться как-то смягчить сказанное или, хуже того, отказаться от своих слов. Он сказал об Эвелине во всеуслышание. Значит, так тому и быть.

Слова, произнесенные Джоджонахом, продолжали звучать в его ушах, когда он шагал по Эмвою. Душу магистра переполняли сомнения. Джоджонаху удалось найти повозку, направлявшуюся на восток. Возница оказался членом церкви и, подобно капитану Альюмету, человеком дружелюбным и щедрым. И все же, когда через три дня они расстались в нескольких милях от ворот Санта-Мир-Абель, Джоджонах не решился рассказать ему правду об Эвелине.

Сомнения магистра рассеялись лишь тогда, когда впереди выросла громада монастыря. Санта-Мир-Абель был внушительным и впечатляющим местом с его древними крепкими стенами, являвшимися как бы продолжением прибрежных гор. Всякий раз, когда Джоджонах глядел на монастырь издали, он вспоминал о долгой истории церкви, о традициях, сложившихся задолго до Маркворта и доброго десятка отцов-настоятелей, правивших до него. И вновь у Джоджонаха появилось ощущение, словно над ним парит ясно осязаемый дух Эвелина. Сомнения сменились желанием проникнуть как можно глубже в прошлое ордена и узнать, как все происходило многие века назад. Магистр Джоджонах не верил, что церковь в ее нынешнем состоянии могла бы сделать свое учение господствующим. Сегодня люди приходили в церковь по привычке, становились «верующими», поскольку таковыми были их отцы, деды, прадеды и так далее. Таких, как Альюмет, обратившихся к вере по велению сердца, а не по привычке, были единицы.

Но не могло же быть так в те давние, изначальные времена, — рассуждал Джоджонах. И если бы горстка людей сегодня приняла сердцем вероучение современной церкви, им бы ни за что не удалось построить громадное и впечатляющее здание Санта-Мир-Абель.

Воодушевленный своим новым пониманием, магистр Джоджонах подошел к массивным воротам монастыря. Здесь он провел две трети своей жизни. Но сейчас это место казалось ему лишь красивой декорацией. Он пока еще не нащупал истину, однако с помощью духа Эвелина, направлявшего его действия, намеревался ее отыскать.

ГЛАВА 20
ПО СЛЕДУ

Оставив позади знакомую и до недавнего времени вполне безопасную жизнь в Палмарисе, Коннор Билдеборох не испытывал ни малейшего волнения. Он часто бывал в глуши северных земель и потому не сомневался, что сумеет избежать любых неожиданностей, связанных с враждебными тварями. А их в этих местах хватало. Но великанов со смертоносными булыжниками почти не осталось; что же касается гоблинов и поври — лошадей у них отродясь не было, и потому им просто не угнаться за быстроногим Грейстоуном.

Когда Коннор, отдалившись от Палмариса миль на тридцать, остановился на ночлег, он и тогда особо не тревожился. Прятаться он умел, а летом можно обойтись и без костра. Он устроился под густыми ветвями какого-то кустарника. Рядом пасся Грейстоун, изредка нарушая тишину негромким ржанием.

Следующий день и ночь также прошли без треволнений. Коннор избегал ехать прямо по дороге, но с пути не сбивался и двигался достаточно быстро.

Настал третий день путешествия. Когда расстояние, отделявшее Коннора от Палмариса, перевалило за сотню миль, ему попались развалины крестьянского дома и амбара. Для опытного следопыта не составило труда понять, что в минувшие дни здесь побывало не менее двух десятков гоблинов. Однако куда они направились, сказать было сложно. Эта неопределенность, а также низкие тучи, предвещавшие дождь, заставили молодого аристократа не мешкая продолжить путь. Он избрал легкую дорогу и где-то под вечер догнал отряд гоблинов. К этому времени пошел легкий дождь. Хорошо хоть, что отряд состоял из одних гоблинов. Но в своих предположениях Коннор ошибся: гоблинов было в два раза больше — вооруженных и обладающих неким подобием боевой дисциплины. Они двигались на северо-запад, и Коннор счел благоразумным поехать вслед за ними. Если слухи верны, тогда, глядишь, эти придурковатые твари выведут его к отряду, действующему на севере, и к тому человеку, который владеет силой магических камней.

Коннор остановился на ночлег в полумиле от лагеря гоблинов. Когда совсем стемнело, он отважился приблизиться к самой границе лагеря. И вновь его поразила выучка этих обычно расхлябанных тварей. Коннору удалось подойти настолько близко, что слышались обрывки разговоров. В основном это были жалобы и сетования, но ему удалось подслушать и кое-что поинтереснее. Коннор узнал, что большинство великанов убралось восвояси, а поври слишком озабочены собственными проблемами и судьба гоблинов их не волнует.

Двое гоблинов заспорили о том, куда идти дальше. Коннор сообразил, что один из них намерен отправиться в сторону занятых врагами городов — в Кертинеллу и Ландсдаун.

— А-аа! — завопил другой. — Ты чё, не слыхивал про Коз-козио? Мейер Дек спалил его в костре, а потом и того порешили! Да там никого, окромя Полуночника и его головорезов! Дурняк ты, крышка ихним городам. Валяй туда, ежели хотишь огненным шаром схлопотать!

Коннор широко улыбнулся. Он вернулся к месту своего ночлега и даже сумел на несколько часов вздремнуть, но уже до рассвета вновь был на ногах. Он опять двинулся вслед за отрядом гоблинов, намереваясь вместе с ними дать широкий крюк на запад, а затем вернуться и обследовать местность близ Кертинеллы и Ландсдауна.

Снова пошел дождь, и сильнее, чем вчера, но Коннора это заботило мало.

Беженцы славно отдохнули на отвоеванной у врагов крестьянской усадьбе. В колодце была чистая вода. Удалось полакомиться не только свежими яйцами, но даже свежим молоком. В амбаре они обнаружили повозку и пару волов, а также точильные камни и вилы. Томас подумал, что вилы окажутся подходящим оружием, если придется сражаться с каким-нибудь великаном. Роджер, обшаривший все закутки амбара, наткнулся на тонкую, но прочную веревку и небольшой подъемный механизм с колесиком. Парень не очень представлял себе, где может пригодиться эта находка. Может, если придется вытаскивать повозку из грязи. Но на всякий случай он взял подъемный механизм с собой.

Ближе к ночи беженцы покинули усадьбу, чувствуя себя отдохнувшими и готовыми к последнему этапу их перехода в Палмарис.

Роджер с Джуравилем, как всегда, отправились на разведку. Эльф путешествовал по нижним ветвям деревьев, а неутомимый Роджер двигался по мху и хвое, чуткий к малейшим признакам опасности.

— Хорошо у тебя сегодня получилось, — вдруг сказал Джуравиль, и его слова застали Роджера врасплох.

Парень с удивлением уставился на эльфа. С того момента, как Джуравиль задал ему взбучку, их разговоры ограничивались лишь обсуждением планов совместной разведки.

— Обнаружив усадьбу, ты безоговорочно принял ту роль, которую отвел тебе Полуночник, — пояснил Джуравиль.

— А что еще мне оставалось делать?

— Ты мог бы увязнуть в спорах, — ответил эльф. — Роджер, которого я встретил вначале, отнесся бы к распоряжению охранять караван как к пренебрежению его истинными способностями. Тот Роджер начал бы ворчать и спорить или все равно отправился бы туда. По сути, прежний Роджер даже не стал бы сообщать такую новость ни Полуночнику, ни другим, пока не попытался бы расправиться с гоблинами и поври самостоятельно.

Роджер призадумался и понял, что возразить ему нечем. Когда он наткнулся на крестьянскую усадьбу, что-то внутри подталкивало его провести более тщательную разведку, а если удастся, то и слегка поразвлечься. Но какой-то другой голос кричал, предупреждая об опасности, и не столько для самого Роджера, сколько для беженцев. Даже если бы его не поймали (а парень считал наиболее вероятным именно такой исход), ему пришлось бы затаиться где-нибудь и сидеть не шевелясь. Никто не предупредил бы беженцев, и никто не знает, сколько крови пролилось бы напрасно.

— Теперь ты понимаешь, — продолжал эльф.

— Я знаю, как я действовал, — коротко ответил Роджер.

— И знаешь, что действовал правильно, — сказал Джуравиль и с лукавой улыбкой добавил: — Ты быстро учишься.

Глаза парня сузились, и он бросил на эльфа сердитый взгляд. Ему явно не требовалось напоминаний об «уроке».

Джуравиль все так же продолжал улыбаться, и его улыбка победила гордость Роджера. Парень понимал, что им с эльфом придется научиться взаимопониманию. Да, он усвоил тот урок. Поведи он себя как прежде, за провал пришлось бы заплатить не только собственной жизнью, но гораздо дороже. Поэтому он должен был принять распоряжение тех, кто опытнее его. Роджер погасил свой недовольный взгляд, заставив себя кивнуть и кое-как улыбнуться.

Вдруг Джуравиль навострил уши.

— Кто-то приближается, — произнес он и с этими словами почти мгновенно скрылся в листве.

Роджер тоже поспешил укрыться. Вскоре он догадался, кто это, и с облегчением вздохнул. То была одна из их разведчиц. Когда парень внезапно выскочил из-за дерева, она не на шутку перепугалась и едва не ударила его кинжалом в грудь.

— Мне кажется, ты уже была чем-то напугана, — понимающе сказал он.

— Враги, — ответила женщина. — К югу от нас, движутся в западном направлении.

— И сколько их?

— Порядочно. Наверное, четыре десятка наберется.

— А кто они? — прозвучало сверху.

Женщина вскинула голову, хотя прекрасно знала, что все равно не увидит неуловимого эльфа, друга Полуночника. Лишь немногие из разведчиков видели его, однако мелодичный голос Джуравиля время от времени слышали многие.

— Гоблины, — ответила женщина. — Всего лишь гоблины.

— Возвращайся на свое место, — велел ей эльф. — Найди следующего в цепи разведчиков, пусть он найдет следующего и так далее, чтобы можно было побыстрее передать вести.

Разведчица кивнула и исчезла.

— Можно было бы и пропустить их, — предложил Роджер, когда Джуравиль вновь оказался на нижней ветке.

Эльф глядел не на него, а куда-то вдаль.

— Иди и скажи Полуночнику, чтобы подготовил сюрприз, — сказал он Роджеру.

— Полуночник сам же говорил, что нам не обязательно ввязываться в сражение, — возразил Роджер.

— Всего лишь гоблины, — ответил Джуравиль. — Если они — лишь часть более

крупного отряда, тогда они смогут окружить нас, а потому их надо уничтожить, и побыстрее. Скажи Полуночнику, что я настаиваю на сражении.

Роджер смерил эльфа пристальным взглядом, и на мгновение Джуравилю подумалось, что парень откажется выполнять приказ. Но Роджер совладал с собой, кивнул и собрался бежать к Элбрайну.

— Постой, Роджер! — позвал его Джуравиль.

Парень, не успевший сделать и пяти шагов, остановился и обернулся.

— Скажи Полуночнику, что это был твой план, — объявил Джуравиль, — и что я полностью его одобрил. Скажи, что, по твоему мнению, мы должны нанести по гоблинам сокрушительный удар. Не стесняйся, это твой план.

— Но это ложь, — возразил Роджер.

— Неужели? — удивился эльф. — А когда ты услышал про гоблинов, разве ты не подумал о нападении? И не было ли твое повиновение Элбрайну единственным, что помешало тебе высказать свое мнение?

Парень выпятил губы, задумавшись над справедливостью этих слов.

— В твоем несогласии нет ничего дурного, — уверил его Джуравиль. — Ты неоднократно доказал весомость своего мнения в подобных делах. Полуночник это понимает. И Пони. И я тоже.

Роджер вновь повернулся и бросился в лагерь, но в этот раз — куда быстрее.

— Мой малютка! — закричала женщина. — Нет, не трогайте его, умоляю!

— Чё? — спросил предводитель гоблинов.

От неожиданности он запустил руку в волосы и поскреб голову. Эти гоблины пришли из Вересковых Пустошей и плохо знали здешний язык. Правда, пообщавшись с поври и набравшись от них достаточно слов, общий смысл они кое-как понимали.

Гоблин увидел, как его воинство заволновалось. Все жаждали крови, хотя никто не был настроен сражаться по-настоящему. А тут легкая добыча словно сама шла им в руки: чик — и готово.

В это время сквозь тучи проглянула луна и залила ночной лес ярким светом.

— Прошу вас, — умолял невидимый женский голос. — Они же совсем дети!

Дальше гоблинам было уже не сдержаться. Не успел их вожак вымолвить и слова, как гоблины со всех ног бросились в лес. Каждый стремился первым добраться до жертвы и убить ее.

Из темноты раздался новый крик, но ничуть не ближе, чем предыдущий. Гоблины продолжали наносить удары вслепую, продираясь сквозь кусты и спотыкаясь о жилистые корни деревьев. Однако упрямые твари подымались и бежали дальше. Наконец все они добрались до опушки. На противоположном конце ее громоздились валуны. Слева опушку окаймляли сосны, а справа — раскидистые дубы и клены.

Откуда-то из-за сосен вновь послышался женский голос, но то был не неистовый крик отчаяния или боли, а дерзкая песенка:

Ну-ка, гоблины, скажите:
Вы куда стремглав бежите?
Игр беспечных прошел черед —
Каждый смерть свою найдет!

— Чё? — снова спросил у вожака кто-то.

Песенку подхватил мелодичный и звонкий голос эльфа, раздавшийся откуда-то с дуба:

Удар стрелой, удар мечом,
Удар магическим лучом.
Нет, не сносить вам головы;
За всех, кого убили вы,

Ждет ночью месть любого из вас,
Чтоб утро настало — светлый час.

Зазвучали и другие голоса. Когда слышались особо оскорбительные для гоблинов слова, раздавался дружный смех. Наконец зазвучал глубокий и сильный голос. Слова лились спокойно и неотвратимо, и лес замер, вслушиваясь в них:

Судьбу накликали вы сами,
Но силой моей и моими руками
Она свершится. И нет пощады.
Скосить вас под корень мы будем рады.

Закончив, певец выехал из-за валунов на своем жеребце, черная кожа которого блестела в лунном свете. Гоблины оцепенело взирали на всадника.

— Полуночник, — зашептались гоблины, и каждый из них понял, что они обречены.

Коннор Билдеборох с неослабевающим интересом следил за разворачивающимся действом. Он находился неподалеку, на вершине холма. Его буквально заворожил женский голос, такой знакомый. Голос, который он когда-то слушал в течение многих удивительных месяцев.

— Я мог бы позволить вам сдаться, — объявил гоблинам Элбрайн. — Только боюсь, мне некуда вас отправить, да и повадки смердящих гоблинов мне не по нраву.

Предводитель гоблинов, сжимая оружие, храбро выступил вперед.

— Ты — главарь этой шайки? — спросил Элбрайн.

Ответа не было.

— Вот тебе за неповиновение! — вскричал Полуночник, указывая пальцем на шлем гоблина. — Умри! — повелел он.

Оскорбленные гоблины повскакали на ноги, и тут их взору открылось удивительное зрелище. Голова вожака резко дернулась в сторону, и этот крепкий, сильный гоблин упал замертво!

— А кто у вас теперь за главаря? — угрожающим тоном спросил Элбрайн.

Гоблинов охватила паника. Они толкались и налетали друг на друга. Большинство попытались ретироваться тем же путем, каким явились сюда. Однако отряд Элбрайна не терял времени даром. Пока звучали куплеты песенки, лучники сумели зайти к гоблинам в тыл. Едва устремившись к деревьям, твари попали под град разящих стрел. Они попытались отступить в другом направлении, но из-за сосен ударила молния, ослепив многих из них, а нескольких уложив замертво.

Полуночник и его воины устремились в атаку на ошеломленных и утративших всякий боевой порядок врагов.

В атаку устремился и Коннор Билдеборох со сверкающим Защитником в руке. Он понял: время песен и зрелищ кончилось, теперь и для него настал черед действовать. На полном скаку он бросился в гущу врагов, и имя Джилли звучало у него на устах.

Казалось, что Полуночник появлялся везде, где наиболее требовалась его помощь. Едва только гоблины хоть где-то начинали одерживать верх, Элбрайн тут же спешил на подмогу.

Расположившись на дубе, меткий Белли'мар Джуравиль пускал во врагов свои маленькие стрелы. Ему даже удалось ранить некоторых из тех, кто подошел достаточно близко.

По другую сторону опушки находилась Пони с ее магическими камнями. Она берегла силу, думая, что, возможно, ей придется применять камень для исцеления раненых.

К тому времени, когда Коннор оказался вблизи опушки, он был искренне восхищен увиденным. Нечего сказать — разношерстный отряд! Удары молний, стрелы, точно рассчитанная засада. Оставалось лишь сожалеть, что королевские солдаты уступают этим

воинам в выучке. Будь они столь же искусными, эта война давным-давно бы окончилась!

Коннор надеялся отыскать Джилли, но на опушке ее не было, а у него не оставалось времени на поиски — людям требовалась его помощь. Пустив Грейстоуна вскачь, Коннор ударом плашмя уложил одного гоблина и раздавил конскими копытами другого, свалившего одного из бойцов.

Лошадь поскользнулась, молодой аристократ упал и больно ударился о землю. Пустяки, подумал Коннор, ссадины и царапины не в счет. Он тут же вскочил на ноги и приготовился сражаться дальше.

Однако удача в эту ночь явно обходила Коннора стороной, ибо несколько гоблинов решили прорваться в лес именно здесь, и племянник барона оказался у них на пути. Коннор поднял меч и храбро занял оборонительную позицию, направив свои мысли в рукоятку меча, чтобы пробудить в магнетитах силу притяжения.

В воздухе мелькнул меч гоблина, но на его пути оказался Защитник, и оба лезвия со звоном ударились друг о друга. Когда гоблин попытался вырвать свой меч, то обнаружил, что лезвие словно приросло к мечу его противника.

Искусный взмах, дуга, описанная Защитником, сила магнетитов его рукоятки — и меч гоблина вылетел из его рук.

Но самому Коннору приходилось туго: на него напирали другие гоблины, у которых вместо металлического оружия были толстые деревянные палицы.

Откуда-то сзади вылетела небольшая стрела и ударила одного из гоблинов в глаз. Коннор даже не успел обернуться, чтобы узнать, кто же этот стрелок, как рядом с ним появился всадник на могучем жеребце. От меча в руке всадника исходило магическое сияние.

Гоблины заметались, отчаянно вопя: «Полуночник!» и «Нам конец!» Им было все равно, куда бежать, только бы скрыться от двоих воинов с их разящими без промаха мечами.

Через считанные минуты сражение окончилось. Раненых оказалось мало, и всего один или два человека пострадали серьезно. Их быстро унесли под полог сосен.

Коннор направился к своему коню, внимательно оглядел его ноги и с глубоким облегчением вздохнул, убедившись, что Грейстоун не пострадал.

— Кто ты? — спросил Коннора подъехавший на черном жеребце человек. В голосе его не звучало ни угроз, ни подозрительности.

Коннор увидел, что окружен воинами, смотревшими на него с явным любопытством.

— Прости нас, но в здешних пустынных местах нам нечасто встречаются союзники, — спокойно добавил Элбрайн.

— Я тоже не отсюда. Я — ваш друг из Палмариса, — ответил Коннор. — Приехал поохотиться на гоблинов.

— Один?

— Путешествие в одиночку имеет свои преимущества.

— Что ж, тогда рады от всей души приветствовать тебя, — сказал Элбрайн, спрыгивая с Дара и становясь рядом с Коннором.

Он крепко пожал руку молодого аристократа.

— У нас найдется еда и питье, но долго задерживаться здесь мы не будем. Наш путь лежит в Палмарис, и мы рассчитываем уже ночью отправиться в путь.

— Вам решать, — довольно сухо ответил Коннор, глядя на валяющихся мертвых гоблинов.

— Добро пожаловать в наш лагерь, — сказал Элбрайн. — Почтем за честь разделить трапезу с человеком, оказавшим нам такую услугу.

— Признаться честно, в этом бою толку от меня было мало, — признался Коннор. — Никакого сравнения с тем, кого называют Полуночником, — с улыбкой добавил он.

Элбрайн в ответ тоже улыбнулся и повел Коннора за собой. Дойдя до убитого предводителя гоблинов, он наклонился и отбросил в сторону покореженный и пробитый шлем.

— Далеко ли до города? — спросил другой боец, невысокий и довольно тщедушный парень.

— Три дня пути, — ответил Коннор. — Четыре, если среди вас есть те, из-за кого приходится двигаться медленнее.

— Значит, четыре, — сказал парень.

Коннор вовремя перевел взгляд с этого парня на Элбрайна, поскольку тот извлекал из размозженной головы гоблина какой-то самоцвет.

— Так это ты владеешь силами магических камней? — спросил он.

— Нет, не я, — ответил Элбрайн. — Я умею пользоваться силой лишь нескольких камней, да и то совсем немного. Я не иду ни в какое сравнение с…

— Женщиной? — почти шепотом перебил его Коннор.

Элбрайн повернулся и встал во весь рост, глядя прямо на Коннора. Молодой аристократ понял, что его вопрос затронул какую-то чувствительную струну и Элбрайн наверняка уловил в нем угрозу. При всем своем нетерпении у Коннора хватило разума не расспрашивать дальше. В глазах церкви эти люди, по крайней мере женщина, владевшая силой камней, являлись преступниками. Скорее всего, они об этом знали и с немалым подозрением относились ко всякому, кто задавал слишком много опасных вопросов.

— Просто я слышал песню, которую пела женщина, — продолжал Коннор, скрывая свое истинное намерение. — Мне доводилось видеть магические действия, но таких удивительных, как сегодня, я еще не видел.

Элбрайн не ответил, однако его взгляд несколько смягчился. Он огляделся по сторонам, желая убедиться, что его воины прекратили страдания всех раненых гоблинов. Затем распорядился, чтобы взяли все ценное и нужное, что обнаружат у мертвых врагов.

— Пойдем, — сказал он незнакомцу. — Нужно подготовить людей к дальнейшему переходу.

Он повел Коннора, вслед за которым шел и Роджер, в лес — туда, где подлесок был не таким густым. Там горело несколько костров, чтобы не собираться в путь впотьмах, и возле одного из них Коннор увидел ее.

Джилли исцеляла раненых. Его Джилли, столь же прекрасная… нет, даже более прекрасная, чем когда-то была в Палмарисе. Теперь ее светлые волосы ниспадали до самых плеч. Даже при тусклом пламени костра ее глаза сияли глубокой синевой.

Тонкое лицо Коннора побледнело, и он, не обращая внимания на Элбрайна, словно во сне побрел к ней.

Элбрайн тут же подскочил к нему и схватил за руку.

— Ты ранен? — спросил он.

— Я знаю ее, — выдохнул Коннор. — Я знаю ее.

— Пони?

— Джилли.

Элбрайн вновь удержал его на месте, на этот раз крепче, чем прежде. Он развернул Коннора лицом к себе и пристально, в упор, поглядел на него. Элбрайн знал про недолгий брак Пони с каким-то палмарисским аристократом, а также про ужасные последствия этого брака.

— Как тебя зовут, господин? — требовательно спросил он.

Незнакомец распрямился и громко произнес:

— Коннор Билдеборох из Чейзвинд Мэнор.

Элбрайн не знал, как ему себя вести. Он хотел ударить этого человека по лицу и сбить с ног… Но за что? За то, что тот когда-то причинил зло Пони? Нет, причина не в этом. Признаваться было трудно, даже себе самому: он хотел ударить Коннора из ревности, только потому, что когда-то этот человек завладел сердцем Пони. Возможно, она не любила Коннора так, как сейчас любит его, Элбрайна. Они ведь даже не были близки. И все равно, когда-то она дарила Коннору Билдебороху свою нежность и даже согласилась выйти за него замуж!

Элбрайн ненадолго прикрыл глаза, стараясь взять себя в руки. Понравится ли Пони, если он сейчас отколошматит Коннора? А что будет с нею при встрече с этим человеком?

— Лучше обождать, пока она не закончит помогать раненым, — спокойно объяснил Элбрайн.

— Я должен увидеть ее и поговорить с ней, — стуча зубами, произнес Коннор.

— И помешать тем, кто получил раны в бою с гоблинами и кому она сейчас помогает, — твердо ответил Элбрайн. — Ты лишь отвлечешь ее внимание, досточтимый Билдеборох, а работа с камнями требует абсолютной сосредоточенности.

Коннор вновь глянул в сторону Пони и даже сделал шаг в ее сторону, однако Элбрайн ухватил его и потащил назад с такой силой, что племянник барона даже испугался. Он повернулся лицом к Элбрайну и понял: к Джилли его сейчас не допустят, и, если понадобится, этот человек применит силу.

— Где-то через час она закончит, — сказал Коннору Элбрайн. — Тогда ты и повидаешь ее.

Коннор изучающе поглядел на Элбрайна и только сейчас понял, что между ним и женщиной, бывшей когда-то его женой, существует нечто большее, нежели дружба. Сделав такое открытие, он сравнил себя с Элбрайном на случай, если у них дойдет до рукопашной.

Сравнение было явно не в пользу Коннора.

И потому он последовал за Элбрайном, занятым подготовкой к дальнейшему переходу. Коннор часто оглядывался на Джилли, равно как и Полуночник. Они оба не сомневались, что и мысли у них одинаковые. Наконец Коннор отошел от Элбрайна и направился в дальний конец лагеря беженцев, чтобы быть как можно дальше от Джилли. Один вид этой женщины, осознание того, что она вновь совсем близко, заставили молодого аристократа вспомнить ужасы их брачной ночи, когда он чуть было не изнасиловал свою строптивую невесту. А затем он заплатил за признание его брака недействительным и обвинил Джилл в отказе выполнять супружеские обязанности. Благодаря его обвинениям Джилл разлучили с приемными родителями и отправили служить в королевскую армию. Что почувствует она теперь, увидев его снова? Это волновало и тревожило Коннора, ибо он не верил, что в ответ на его тоскливую улыбку она улыбнется радостно.

Прошло не менее получаса с тех пор, как караван беженцев снялся с места. Только теперь у Коннора хватило мужества приблизиться к Джилл, ехавшей на Даре. Элбрайн шагал рядом с нею.

Юноша первым заметил его приближение.

— Я здесь, чтобы поддержать тебя, — сказал он девушке. — Любым способом — даже если ты захочешь, чтобы я оставил тебя в покое.

Пони изумленно посмотрела на него, затем услышала цокот конских копыт. Она знала, что в битве участвовал какой-то незнакомец, аристократ из Палмариса. Но Палмарис — большой город, и она никак не предполагала, что этим незнакомцем окажется…

Коннор.

При виде этого человека Пони чуть не свалилась с коня. У нее обмякли руки и ноги, у нее перехватило дыхание. Над нею захлопали черные крылья воспоминаний и боли, угрожая полностью накрыть ее своим ужасным покровом. Пони не хотелось вспоминать этот отрезок своей жизни, который она мечтала навсегда забыть. Она преодолела боль и не хотела переживать все это заново, особенно сейчас, когда будущее столь неопределенно и полно неожиданностей.

И все же ей было не отделаться от видений той ночи… Ее подмяли, словно животное. С нее содрали одежду и больно прижали к постели руки и ноги. А затем, когда этот человек, поклявшийся любить ее, так и не смог овладеть ею, ее, отвергнутую, буквально выволокли из спальни. Но и этого ему оказалось мало. И тогда Коннор… да, тот самый любезный Коннор, который так удивительно выглядел, восседая на своей ухоженной и упитанной скаковой лошади, с драгоценными камнями, сверкавшими в рукоятке меча, в одежде, сшитой из лучшей ткани… он приказал обеим горничным вернуться к нему ради его услад, тем

самым жестоко уколов ее прямо в сердце.

И теперь он снова был рядом, снова восседал на лошади, и на его несомненно красивом лице играла улыбка.

— Джилли, — охваченный волнением, пробормотал он.

ГЛАВА 21
В НЕДРАХ САНТА-МИР-АБЕЛЬ

— И ты позволишь, чтобы из-за какой-то девчонки-преступницы, которую ты называешь приемной дочерью, замучили твоего любимого муженька? — спросил Петтибву отец-настоятель Маркворт.

Вид у Петтибвы Чиличанк был самый плачевный. Под глазами чернели круги. Она похолодела. Еще бы, ведь за многие дни бывшая трактирщица не проспала и нескольких часов, особенно с тех пор, как в пути умер ее Греди. Петтибва многие годы была полной, но двигалась с изяществом, а при ходьбе слегка пританцовывала. Все это изменилось. Сейчас, сломленная и истерзанная, она страдала от ночных кошмаров и от своих тюремщиков, которые по жестокости превосходили любые сны.

— Вначале мы отрежем ему нос, — продолжал Маркворт, — и смотри, до каких пор.

Палец настоятеля прочертил по лицу линию.

— Сама понимаешь, каким жутким сделается его лицо. Не сомневаюсь, что после этого бедняга Грейвис станет отверженным.

— Вы творите зверства и еще называете себя «божьим человеком»? Почему? — закричала Петтибва.

Она знала, что этот старик не лжет; он непременно исполнит свои угрозы. Всего лишь несколько минут назад он побывал в застенке у Грейвиса. Их двоих, а также Смотрителя держали в самом дальнем углу южной части монастырского подземелья. Прежде здесь располагались склады, но помещения срочно переделали под тюрьму. Первым Маркворт наведался к Грейвису, и сквозь глинобитные стены до Петтибвы долетали душераздирающие крики ее мужа.

Теперь несчастная женщина стонала и постоянно осеняла себя знаком еловой ветки — символом Абеликанского ордена.

Маркворт оставался бесстрастным и неумолимым. Вдруг он подался вперед, и его хитрое, злобное лицо почти вплотную придвинулось к лицу Петтибвы.

— Ты спрашиваешь почему? — прорычал он. — Из-за твоей дочки, дура! Из-за того, что твоя дражайшая Джилл, действуя заодно с опасным еретиком Эвелином, могла погубить весь мир!

— Джилли — честная девушка! — крикнула ему в ответ Петтибва. — Она никогда не сделала…

— Сделала! — перебил ее Маркворт и продолжал, с завыванием произнося каждое слово: — Она украла самоцветы. Жаль, конечно, Грейвиса, но я сделаю все необходимое, чтобы вернуть их. Тогда пусть Петтибва полюбуется на своего безносого муженька и будет помнить, что своим упрямством покалечила его, как прежде своим же упрямством погубила собственного сына!

— Это вы убили его! — закричала Петтибва, и из ее глаз хлынули слезы. — Вы убили моего сына!

Лицо Марквортa по-прежнему оставалось холодным и непроницаемо каменным, и от этого бывшая трактирщица словно примерзла к месту, пойманная взглядом отца-настоятеля.

— Уверяю тебя, — ровно и суховато произнес Маркворт, — что вскоре твой муж, а за ним и ты позавидуете вашему Греди.

Женщина застонала и повалилась назад. Она непременно упала бы, если бы ее не подхватил брат Фрэнсис.

— Что вам надо от бедной Петтибвы? — заплакала она. — Я скажу! Я все скажу!

По лицу отца-настоятеля пробежала злорадная улыбка. И все же ему очень хотелось лишить носа этого дуралея Грейвиса.

Санта-Мир-Абель словно загородился от внешнего мира внушительной охраной. Каждый участок стены стерегли молодые монахи с арбалетами. Им помогали братья постарше, готовые обрушить на врага мощь графитов или рубинов. Тем не менее магистру Джоджонаху, которого все знали и многие любили, удалось без труда проникнуть в монастырь.

Весть о возвращении магистра опережала его самого, и потому неудивительно, что в главном зале, едва Джоджонах успел туда войти, его встретил раздосадованный брат Фрэнсис. В зале хватало и других монахов, которым не терпелось узнать о причине возвращения Джоджонаха.

— Отец-настоятель еще будет говорить с вами об этом, — сухо бросил Фрэнсис, отводя взгляд.

Слова его предназначались не столько магистру, сколько собравшимся монахам и должны были показать, что именно Фрэнсис, а отнюдь не Джоджонах пользуется благосклонностью Маркворта.

— Ты, кажется, позабыл об уважении к тем, кто старше тебя, — ответил магистр Джоджонах, не отступая ни на шаг.

Фрэнсис усмехнулся и приготовился что-то сказать, но Джоджонах не дал ему и рта раскрыть.

— Должен предупредить тебя, брат Фрэнсис, — сурово произнес он. — Во-первых, я болен, а во-вторых — достаточно попутешествовал и немало лет прожил на свете. Я знаю: ты корчишь из себя приемного сына Маркворта. Но если ты и дальше будешь так относиться к тем, кто занимает более высокую ступень, нежели ты, и кто по своим познаниям и просто по возрасту заслуживает твоего уважения, я заставлю тебя отвечать перед Коллегией Аббатов. Возможно, отец-настоятель попытается защитить тебя, но в конце концов узнает такое, что придет в полное замешательство и обрушит на тебя весь свой гнев.

В зале установилась мертвая тишина. Магистр Джоджонах прошел мимо оцепеневшего брата Фрэнсиса и вышел. До покоев Маркворта он мог дойти и сам, без сопровождения.

Брат Фрэнсис молчаливо озирался по сторонам, ловя на себе взгляды монахов, в которых вдруг появились насмешка и презрение. В ответ Фрэнсис угрожающе сверкал глазами, однако на этот раз магистр Джоджонах вышел явным победителем. Фрэнсис поспешно удалился, чувствуя, как молодые монахи смотрят ему в спину.

Магистр Джоджонах негромко постучал и, не став дожидаться ответа отца-настоятеля, с шумом открыл дверь и направился прямо к столу, за которым восседал Маркворт.

Старик отодвинул в сторону листы пергамента и откинулся в кресле, вопросительно глядя на магистра.

— Я посылал вас по важному делу, — заявил отец-настоятель. — Ваше возвращение свидетельствует лишь о том, что миссию в Урсале вы не выполнили.

— Я не добрался до Урсала, — признался магистр Джоджонах, — поскольку в пути меня одолела болезнь.

— По вашему виду не сказал бы, что вы больны, — не слишком-то дружелюбным тоном заметил Маркворт.

— На пути я повстречал человека, везшего известие о трагедии, которая случилась в Палмарисе.

Произнося эти слова, Джоджонах не отрывал глаз от Маркворта: вдруг отец-настоятель, сам того не желая, выдаст своим поведением, что гибель настоятеля Добриниона не является для него неожиданностью.

Увы, старик был слишком умен и хитер.

— Не такая уж это и трагедия, — ответил Маркворт. — Все решилось с бароном полюбовно, и племянник вернулся к нему.

Магистр Джоджонах понимающе усмехнулся.

— Я говорю не об этом, а об убийстве настоятеля Добриниона.

У Маркворта округлились глаза, и он подался вперед.

— Добриниона? — повторил он.

— Значит, эта весть еще не достигла стен Санта-Мир-Абель, — заключил Джоджонах, прекрасно понимая, что Маркворт его обманывает. — Хорошо, что я вернулся.

В комнату ворвался брат Фрэнсис.

— Да, отец-настоятель, — продолжал Джоджонах, не обращая внимания на Фрэнсиса. — Поври. Трудно сказать, сколько их было. Им удалось пробраться в Сент-Прешес и убить настоятеля Добриниона.

За спиной Джоджонаха сопел брат Фрэнсис, и магистру показалось, что новость явилась полной неожиданностью для ретивого брата.

— Едва услышав об этом, я поспешил вернуться в Сан-та-Мир-Абель, — сказал Джоджонах. — Не хватало только, чтобы нас застали врасплох. Судя по всему, наши враги наметили себе жертвы, и если одной из них был настоятель Добринион, несложно догадаться, что отец-настоятель Абеликанского ордена…

— Хватит, — перебил его Маркворт, обхватывая руками голову.

Старик понял, что сейчас произошло. Джоджонах — далеко не дурак и на ложь Маркворта ответил собственной, безусловно оправдав самовольное возвращение в Санта-Мир-Абель.

— Да, хорошо, что вы вернулись, — произнес наконец отец-настоятель, поднимая глаза на Джоджонаха. — Столь безвременная кончина настоятеля Добриниона — это, конечно же, трагедия. Но здесь для вас дел нет, так что снова готовьтесь в путь.

— Здоровье не позволяет мне отправиться в Урсал, — возразил Джоджонах.

Маркворт недоверчиво взглянул на него.

— К тому же вряд ли разумно ехать туда теперь, после гибели главного радетеля за канонизацию брата Аллабарнета. Без поддержки Добриниона это дело рискует растянуться на годы.

— Если я прикажу вам отправиться в Сент-Хонс, значит, вы туда поедете, — ответил Маркворт, едва сдерживая раздражение, первые признаки которого уже появились на его лице.

Однако магистр Джоджонах не собирался сдаваться.

— Разумеется, отец-настоятель, — ответил он. — И если в уставе Абеликанского ордена вы найдете статьи, оправдывающие ваше решение послать больного магистра за тридевять земель, я охотно поеду. Но сейчас надобность в поездке отпала, и вам нечем ее оправдать. Скажите спасибо, что мне удалось вовремя вернуться и предупредить вас об угрозе, исходящей от поври.

Самодовольно улыбаясь, Джоджонах резко обернулся и встретился глазами с братом Фрэнсисом.

— Посторонись-ка, брат, — угрожающе произнес он.

Фрэнсис глядел мимо него, прямо на отца-настоятеля.

— Этот молодой монах стремительно движется к опасной черте, за которой его ждет разбирательство в Коллегии Аббатов, — спокойно сказал Джоджонах.

Маркворт незаметно для магистра подал Фрэнсису знак отойти. После того как Джоджонах ушел, отец-настоятель велел взбешенному брату закрыть дверь.

— Вам следовало бы немедленно снова отправить его в путь, — тут же выпалил брат Фрэнсис.

— Ради твоего спокойствия? — язвительно спросил Маркворт. — Я ведь являюсь в Абеликанском ордене не своевольным диктатором, а управителем, которого назначили и который обязан действовать в пределах допустимого. Я не могу взять и приказать магистру отправиться в путь, особенно если этот магистр болен.

— Но однажды вы уже сделали это, — не сдавался осмелевший Фрэнсис.

— Тому было оправдание, — объяснил Маркворт, поднимаясь и выходя из-за стола. —

Тогда канонизация представлялась вполне осуществимой. Однако магистр Джоджонах справедливо подметил, что главным радетелем являлся настоятель Добринион.

— Так это правда, что настоятеля Добриниона убили?

Маркворт поморщился.

— Похоже, что так, — ответил он. — А потому магистр Джоджонах был прав, вернувшись в Санта-Мир-Абель, и прав в своем нежелании отправляться в новое путешествие.

— По виду магистра не скажешь, что он слишком уж болен, — заметил брат Фрэнсис.

Маркворт почти не слушал сетования молодого брата. События разворачивались не совсем так, как он рассчитывал. Он надеялся, что Джоджонах доберется до Урсала раньше, чем известие о гибели Добриниона достигнет ушей магистра. Тогда можно было бы направить послание настоятелю Джеховиту и попросить его использовать магистра по своему усмотрению. Скажем, дать ему какое-нибудь временное задание, которое, по разумению Марквортa, грузный магистр выполнял бы до самой своей смерти. Впрочем, изменившиеся обстоятельства тоже не грозили ему особыми неприятностями. Конечно, Джоджонах был для него занозой в теле, которая с каждым днем саднила все сильнее. Зато здесь, по крайней мере, он сможет следить за магистром.

Выходило, что особых причин для беспокойства нет. Юсеф и Данделион исполнили часть порученного им. В Палмарисе это было их самым опасным заданием. По словам того же Джоджонаха, в убийстве был повинен поври. Итак, один опасный враг перестал существовать, а другой не имел доказательств причастности Марквортa. Сейчас оставалось лишь вернуть украденные камни, и тогда ничто больше не будет угрожать положению отца-настоятеля. Затем он доберется и до Джоджонаха и, если понадобится, раздавит магистра.

— Я попытаюсь войти в контакт с Карающими Братьями, — объявил брат Фрэнсис. — Надо узнать, как обстоят у них дела.

— Нет! — вдруг резко ответил Маркворт. — Тот, у кого находятся похищенные камни, может перехватить ваш разговор.

Маркворт солгал, чтобы как-то успокоить удивленного Фрэнсиса. На самом деле он собирался сам воспользоваться камнем для общения с Юсефом и Данделионом. Отец-настоятель не хотел, чтобы кто-либо еще, включая и Фрэнсиса, входил в контакт с Карающими Братьями. Вдруг кто-то случайно узнает правду об их деяниях в Палмарисе!

— Ты должен постоянно следить за магистром Джоджонахом и знать, о чем он ведет разговоры, — велел брату Фрэнсису Маркворт. — То же относится и к твоему одногодке Браумину Херду. Я хочу знать, с кем они ведут беседы в часы досуга. Мне нужен полный список.

Брат Фрэнсис не сразу ответил утвердительным кивком на слова своего наставника. Он вдруг осознал, что вокруг происходит много такого, о чем он почти ничего не знает. Но одновременно Фрэнсис (а это было неотъемлемой чертой его характера) увидел новую возможность произвести впечатление на отца-настоятеля, новую возможность продвинуться. И это придало ему уверенности в успехе порученного дела.

Итак, Коннору Билдебороху удалось уйти. Он словно сквозь землю провалился. Возможно, прячется где-нибудь на городском дне. А может, отправился на север. Брат Юсеф опасался, что это известие огорчит отца-настоятеля, но тот отнесся к исчезновению племянника барона достаточно спокойно.

Отправляйтесь за камнями — такое телепатическое распоряжение получил брат Юсеф от Марквортa. Отец-настоятель передал ему четкий образ женщины, известной под именами Джилл, Джилли, Пони и Бродячей Киски. Петтибва хорошо помогла им в то утро. Забудьте про племянника барона.

Получив от Юсефа подтверждение, утомленный отец-настоятель тут же разорвал контакт, позволив духу вернуться в тело.

Но Марквортa не покидало странное ощущение…

Он чувствовал, что здесь присутствует еще некто. Старый монах испугался, подумав,

что, солгав Фрэнсису насчет подопечной Эвелина, способной распознать магию камня, он был не так уж далек от истины.

Однако Маркворт достаточно быстро успокоился, почувствовав, что «некто» — всего-навсего часть его собственного подсознания. Монахи традиционно пользовались магическими камнями для достижения глубочайших состояний сосредоточения и внутреннего видения. Правда, сейчас об этом как-то стали забывать. Марквортy показалось, что он непроизвольно вернулся к старой традиции.

Отец-настоятель решил воспользоваться этим, рассчитывая прояснить собственные потаенные чувства и, возможно, достичь столь необходимых ему мгновений истины.

Перед его мысленным взором появился магистр Джоджонах и более молодой монах по имени Браумин Херд. Они готовили заговор против отца-настоятеля. Это ничуть не удивило Марквортa; разве случайно он приказал брату Фрэнсису следить за ними?

Потом возникла новая картина: магистр Джоджонах, сжимая в руке камни, идет к двери… к его, Марквортa, двери. И теперь у него в руке… графит.

Джоджонах ударом ноги распахнул дверь и высвободил чудовищный заряд энергии, направив его прямо на сидевшего в кресле Марквортa. Отец-настоятель увидел вспышку, ощутил, как его обожгло, затем ударило. Бешено заколотилось сердце в теле, из которого стала вытекать жизнь…

Марквортy понадобилось некоторое время, чтобы отделить плод воображения от реальности и осознать, что перед ним была лишь мысленная картина, а не действительное событие. Но до этой всщышки просветления он никогда не представлял, насколько опасен Джоджонах и сколь коварны сподвижники грузного магистра!

Ничего, он будет следить за ними самым пристальным образом и, если потребуется, пойдет на самые жестокие и решительные действия.

Но они станут сильнее, — твердил ему внутренний голос. Когда закончится война со всеми этими тварями, о малоизвестных пока событиях на Аиде начнут вначале перешептываться, а потом заговорят открыто, и тогда стараниями Джоджонаха Эвелин Десбрис может превратиться в героя. Подобное было для Марквортa просто невыносимо. Нет, нужно действовать быстро против самой памяти об этом воре и убийце Эвелине. Нужно нарисовать черный и отталкивающий портрет этого еретика, вступившего в сговор с демоном-драконом. И тогда пусть шепчутся — но теперь уже о междоусобице на Аиде, благополучно уничтожившей обоих злодеев.

Да, он должен до конца развенчать Эвелина, чтобы этот еретик занял свое истинное место и в людских умах, и в анналах истории церкви.

Маркворт разом вышел из транса и только сейчас обнаружил, с какой силой его пальцы сжимают камень — высохшая кожа на костяшках даже побелела от напряжения.

Отец-настоятель улыбнулся, подумав, что поступил мудро, войдя в состояние предельной сосредоточенности, затем убрал камень в потайной ящик стола. Ему стало намного лучше, и его совсем уже не заботил внезапно исчезнувший Коннор. Сейчас этот человек не в состоянии причинить ему никакого вреда. Добринион — вот тот действительно представлял для него в Палмарисе угрозу, но о настоятеле «позаботились» Карающие Братья. Истинная природа Джоджонаха и его приспешников теперь ему ясна. Когда Карающие Братья вернут похищенные камни, положение отца-настоятеля вновь станет прочным и надежным. И тогда он легко сможет справиться с любыми кознями Джоджонаха. И все же, решил отец-настоятель, он не станет терять времени и вскоре нанесет по магистру упреждающий удар. Он переговорит с Джеховитом, своим давнишним другом, который предан делу сохранения ордена не менее его самого. А там, думал Маркворт, через посредничество настоятеля Сент-Хонс он сможет рассчитывать на помощь короля.

Бестесбулзибар, дух демона-дракона, находившийся на другом конце прерванного контакта, был вполне доволен. Сейчас этот так называемый предводитель рода человеческого находился у него в когтях и принимал все мысли и представления Бестесбулзибара за свои собственные.

Демон до сих пор переживал поражение на Аиде и утрату своего телесного облика. Он пока не решил, как и каким образом восстановить этот облик. Возможность управлять, словно марионеткой, отцом-настоятелем Абеликанской церкви, всегда являвшейся злейшим врагом демона, стала для Бестесбулзибара весьма приятным развлечением, которое позволяло забыть о поражении.

Точнее, почти забыть.

— Зачем мы пришли сюда? — спросил брат Браумин, беспокойно оглядываясь на колеблющиеся тени, порожденные неровным светом факела.

Со всех сторон их окружали ряды полок, забитых пыльными древними фолиантами. Сверху давил массивный низкий потолок.

— Здесь я рассчитываю найти ответы, — спокойно ответил магистр Джоджонах, совершенно равнодушный к огромным скалам, нависшим у них над головой.

Оба монаха стояли в подземном хранилище рукописей — старейшей части монастыря. Она находилась ниже всех более поздних этажей, почти на уровне вод залива Всех Святых. В давние времена отсюда существовал выход прямо на скалистый берег — туннель, соединяющийся с коридором и подъемными дверями, возле которых магистр Де'Уннеро отражал нападение поври. Потом монастырь стал расти вверх, появились новые этажи, и туннель заделали наглухо.

— Теперь, когда настоятель Добринион мертв, а канонизация, в лучшем случае, отложена, у отца-настоятеля нет оснований отсылать меня из Санта-Мир-Абель, — объяснил Джоджонах. — Но он конечно же придумает для меня какое-нибудь занятие, чтобы у меня было как можно меньше свободного времени, а брат Фрэнсис или кто-нибудь еще будет непременно таскаться за мной по пятам.

— Но брат Фрэнсис не так-то скоро здесь появится, — предположил брат Браумин.

— Еще как скоро, — возразил магистр Джоджонах. — Ведь он совсем недавно уже бывал здесь. В этом хранилище старины Фрэнсис нашел карты и описания, которыми мы пользовались в нашем путешествии к Аиде. И некоторые карты, друг мой, были вычерчены самим братом Аллабарнетом из Сент-Прешес.

Брат Браумин вскинул голову, не совсем понимая, как это связано с их нынешним приходом в хранилище.

— Я возьму на себя роль главного радетеля в приготовлениях к канонизации брата Аллабарнета, — пояснил магистр Джоджонах. — Так у меня появится возможность освободиться от вмешательства отца-настоятеля. Уж можешь быть уверен: он собирается загрузить меня работой настолько, чтобы ни на какие, образно говоря, шалости времени у меня не оставалось. Когда я во всеуслышание объявлю, что берусь продолжать дело канонизации Аллабарнета, отец-настоятель не захочет осложнять отношения с Сент-Прешес и будет вынужден предоставить мне время для занятий. Ему даже придется освободить меня от повседневных обязанностей.

— Чтобы вы проводили целые дни в этой духоте? — недоверчиво спросил брат Браумин.

Ну что можно здесь найти? Едва они сюда пришли, Браумину захотелось сразу же покинуть это место и выбежать на яркий дневной свет или хотя бы подняться в верхние, более светлые и приятные помещения монастыря. По представлениям Браумина, хранилище рукописей напоминало склеп. Впрочем, здесь действительно располагался склеп — совсем рядом, в нескольких соседних помещениях! Хуже того, в дальнем углу хранилища находился шкаф с древнейшими рукописями по колдовству и демонической магии, запрещенные церковью. Эти рукописи специально сохранялись для того, чтобы лучше распознавать действия врагов. Все остальные экземпляры безжалостно сожгли. Браумин сожалел, что и эти манускрипты не попали в огонь; от одного их наличия у него по спине ползли мурашки, и он ощущал, как рядом витает холодное, словно лед, зло.

— Здесь мне и место, — проговорил Джоджонах.

Изумленный Браумин развел руками.

— Да что вы собираетесь здесь искать? — спросил он, инстинктивно оглядываясь на шкаф с дьявольскими писаниями.

— Честно сказать, не знаю, — ответил Джоджонах.

Он заметил испуганный взгляд брата Браумина, но не придал ему значения, ибо демонические рукописи в намерения магистра не входили. Завладев вниманием собрата, Джоджонах подошел к ближайшей полке и с почтением приподнял внушительный фолиант, чей переплет был едва скреплен толстой веревкой.

— Вот здесь, в истории церкви, я найду ответы, — добавил магистр.

— Ответы?

— Я посмотрю на историю так же, как Эвелин, — попробовал объяснить Джоджонах. — Воззрения и принципы, какие я наблюдаю сегодня среди, казалось бы, святых людей, разительно отличаются от воззрений и взглядов основателей нашего ордена. Кто пошел бы сейчас за Марквортом, если бы не традиции, которым более тысячи лет? Кто стал бы придерживаться учений нынешних отцов Абеликанского ордена, если бы вдруг духовно прозрел и увидел в них просто людей, безуспешно пытающихся уничтожить высший порядок, установленный Богом?

— Смело сказано, магистр, — тихо заметил брат Браумин.

— Возможно, настало время, когда кто-то должен произнести эти смелые слова, — ответил Джоджонах. — Столь же смелые, как деяния Эвелина.

— Деяния брата Эвелина навлекли на него обвинения в воровстве и убийстве, — напомнил молодой монах.

— Но мы-то знаем, что это ложь, — быстро возразил магистр.

Он вновь поглядел на старинный фолиант и смахнул пыль с истрепанного переплета.

— И я верю, они тоже посчитали бы это ложью. Я говорю об основателях ордена — тех мужчинах и женщинах, которым впервые воссиял Божий свет. Непременно посчитали бы.

Джоджонах умолк, а брат Браумин долго обдумывал услышанное. Он понимал, что место Джоджонаха — действительно здесь. Однако, допуская возможность самых ужасающих результатов поисков, он не мог не спросить:

— А если ваши поиски обнаружат, что церковь всегда была такой, какая есть сейчас?

При этих словах брат Браумин заметил, как ссутулились широкие плечи его наставника.

— Тогда придется признать, что я напрасно прожил жизнь, — сказал Джоджонах. — И в заблуждении своем следовал не священным, а мирским законам.

— Подобные слова обычно произносили еретики, — предостерег брат Браумин.

Магистр повернулся и остановил на нем свой пристальный взгляд, полный неистовой решимости. Браумин никогда бы не подумал, что этот грузный и обычно веселый человек способен так глядеть.

— Нам остается лишь надеяться, что еретики ошибались, — мрачно проговорил он.

Магистр вновь повернулся к фолиантам, а Браумин молчал, словно желая, чтобы услышанное улеглось в его сознании. Дальнейшие расспросы будут ни к чему: магистр избрал путь, откуда нет возврата. И этот путь приведет его либо к озарению и подтверждению собственных воззрений, либо к отчаянию.

— С тех пор как мы вернулись из Сент-Прешес, брат Делман задает много вопросов, — сказал Браумин, пытаясь направить разговор в другое русло.

Наконец-то лицо Джоджонаха осветилось улыбкой.

— Он спрашивает о действиях отца-настоятеля по отношению к нашим пленникам, считая эти действия недопустимыми и несовместимыми с нашими принципами, — продолжал брат Браумин.

— Пленниками? — перебил его Джоджонах. — Маркворт привез их сюда?

— Семью Чиличанк и кентавра. Но мы не знаем, где они содержатся.

Магистр Джоджонах умолк. Этого следовало ожидать. Просто весть об убийстве Добриниона заставила его почти забыть о несчастных пленниках.

— И в Сент-Прешес не воспротивились насильственному увозу палмарисских граждан? — спросил он.

— По слухам, настоятеля Добриниона это буквально взбесило, — ответил Браумин. — Говорят, у Маркворта возникла стычка с солдатами барона Билдебороха, явившимися освобождать его племянника. Этот племянник был якобы женат на женщине, которая сопровождала брата Эвелина. Многие считают, что Добринион состоял с бароном Билдеборохом в заговоре против отца-настоятеля.

Джоджонах беспомощно усмехнулся. Разумеется, слухи эти были вовсе не беспочвенны, и сейчас он был еще более уверен, что никакой поври не убивал настоятеля Добриниона. Магистр едва не сказал об этом брату Браумину, но благоразумно удержался. Подобные вещи могли бы сломать безупречного или толкнуть на безрассудные поступки.

— Говоришь, брат Делман внимательно относится к происходящему? — спросил Джоджонах.

— Он задавал множество вопросов, — повторил брат Браумин. — Некоторые граничили с открытой критикой отца-настоятеля. И, разумеется, мы все озабочены, что двое братьев не вернулись в Санта-Мир-Абель. Не секрет, что они пользовались огромной благосклонностью отца-настоятеля, и их поведение всегда обсуждалось молодыми монахами.

— Нам надо зорко следить за ищейками Маркворта, — серьезно сказал Джоджонах. — Не доверяйте ни Юсефу, ни Данделиону. А теперь возвращайся к своим обязанностям. Со мной будешь видеться только в самых крайних случаях, когда узнаешь что-нибудь предельно важное и безотлагательное. Появится возможность — я сам тебя найду. Мне будет интересно узнать об успехах брата Делмана. Попроси брата Виссенти, пусть подружится с ним. Виссенти достаточно далек от меня, и его беседы с братом Делманом будут незаметны для отца-настоятеля. И прошу тебя, брат Браумин, разузнай о пленниках: где их содержат и как с ними обращаются.

Брат Браумин поклонился и уже готовился уйти, как магистр остановил его.

— И не забывай, друг мой, — предостерег Джоджонах, — что брат Фрэнсис и иные, не столь заметные ищейки Маркворта всегда где-то поблизости.

Браумин ушел. Магистр Джоджонах остался один в окружении старинных фолиантов Абеликанского ордена — книг и пергаментных свитков. Многих из них столетиями не касалась ничья рука. У Джоджонаха было такое ощущение, словно души его собратьев по церкви до сих пор витают в темных помещениях склепа. Магистр остался наедине с историей, наедине с тем, чему он посвятил жизнь и принимал как божественное водительство.

Он молился о том, чтобы эта история не обманула его чаяний.

ГЛАВА 22
ДЖИЛЛИ

— Джилли, — как можно нежнее и ласковее повторил Коннор.

На лице Пони были написаны удивление и ужас. Такое выражение бывает у ребенка, когда он сталкивается с чем-то немыслимым и страшным.

Элбрайн, не спускавший с любимой глаз, однажды уже видел ее лицо таким, но лишь однажды. Тогда их первый поцелуй на холме близ Дундалиса был прерван звуками погибающего города.

Увидев, что Пони потеряла равновесие и вот-вот упадет с коня, Элбрайн подхватил ее. Но ее замешательство продолжалось недолго. Пони отбросила прочь нахлынувшие чувства и вновь обрела ту внутреннюю решимость, которая многие годы помогала ей проходить через превратности жизни.

— Джилсепони, — поправила она Коннора. — Меня зовут Джилсепони, Джилсепони Альт.

Она бросила взгляд на Элбрайна, черпая силу в его неизменной любви.

— Точнее, Джилсепони Виндон, — добавила она.

— А когда-то — Джилсепони Билдеборох, — тихо сказал Коннор.

— Этого не было, — поспешно и с неожиданной для себя резкостью возразила Пони. — Ты уничтожил это сочетание, провозгласив перед законом и перед Богом, что подобного никогда не было. Или благородному Коннору теперь вдруг понадобилось заявить права на то, от чего он в свое время поспешил избавиться?

Элбрайн снова дотронулся до нее, пытаясь успокоить.

Слова Пони больно обожгли Коннора, но он принял их как нечто заслуженное.

— Я был молод и глуп, — ответил он. — Наша брачная ночь… твое поведение… все это оскорбило меня, Джилли… Джилсепони, — быстро поправился Коннор, увидев гримасу на ее лице. — Я…

Пони махнула рукой, требуя, чтобы он замолчал, потом взглянула на Элбрайна. Насколько же мучителен для него этот разговор, только сейчас сообразила она. Зачем ему страдать от воспоминаний о ее несостоявшейся брачной ночи с другим человеком?

Однако Элбрайн оставался спокойным, и в его светлых глазах не было ничего, кроме симпатии к женщине, которую он так горячо любил. Он не позволил, чтобы в них вспыхнули огоньки гнева и ревности, ибо это было бы оскорбительным для Пони.

— Вам есть о чем поговорить, — сказал он. — А мне надо следить за караваном.

Он вновь дотронулся до Пони, но на этот раз мягко, почти игриво, желая показать, что уверен в их любви. Затем, чтобы разрядить напряжение, он столь же игриво подмигнул ей и отошел.

Пони с нежностью следила, как он удаляется. Оглянувшись и убедившись, что поблизости нет чужих любопытных глаз и ушей, она пустила Дара шагом. Коннор поехал рядом.

— Поверь, я ничего не затевал против тебя, — попытался объяснить Коннор, когда они остались одни. — Я не намеревался причинить тебе зло.

— Я отказываюсь говорить о той ночи, — твердо и бесповоротно сказала она.

Пони прекрасно знала, что Коннор намеревался причинить ей зло, и знала причину: гордость, уязвленная ее отказом в интимной близости.

— И ты можешь с такой легкостью выбросить из памяти все? — спросил Коннор.

— Иначе мне пришлось бы без конца возвращаться к тому, что не нуждается в объяснениях и способно принести лишь боль, — ответила Пони. — Будущее важнее прошлого.

— Ты отказываешься от прошлого. Хорошо. Но позволь мне рассчитывать на прощение, — сказал Коннор.

Пони пристально посмотрела на него, заглянув в серые глаза молодого аристократа. Она конечно же помнила все, что предшествовало той жуткой брачной ночи. До этого они были близкими друзьями.

— Ты помнишь, когда мы впервые встретились? — спросил Коннор, уловив ее мысли. — Помнишь, когда я бросился в тот закоулок, чтобы спасти тебя, и меня окружила целая шайка каких-то подонков?

Пони через силу улыбнулась. Да, были и хорошие воспоминания, причем немало, но конец все равно оставался тяжким и мучительным.

— Но это не было любовью, Коннор, — честно призналась она.

Племянник барона посмотрел на Пони так, словно она огрела его мокрым полотенцем.

— Я не знала, что такое любовь, пока вновь не встретилась с Элбрайном, — добавила Пони.

— Но мы же были близки, — возразил Коннор.

— Мы были друзьями, — ответила Пони. — И я буду ценить нашу дружбу, продолжавшуюся до тех пор, пока мы не попытались превратить ее в нечто большее. Обещаю тебе.

— Значит, мы ио-прежнему можем оставаться друзьями, — заключил Коннор.

— Нет.

Ответ прозвучал раньше, чем Пони подумала о своих словах.

— Ты дружил с другим человеком — с неуверенной девчонкой, не знавшей, откуда она пришла и куда идти дальше. Я давно уже стала другой. Джилли больше нет, как, по правде говоря, нет и Джилсепони. Есть Пони, спутница, возлюбленная и жена Элбрайна Виндона. Мое сердце принадлежит ему и только ему.

— И в этом сердце не найдется места для твоего друга Коннора? — осторожно спросил молодой аристократ.

Пони вновь улыбнулась, но теперь уже спокойнее.

— Ты ведь даже не знаешь меня, — ответила она.

— Знаю, — возразил Коннор. — Даже когда ты была, как ты только что сказала, неуверенной девчонкой, в тебе и тогда был огонь. При всей твоей растерянности и незащищенности, в твоих прекрасных глазах ощущалась сила, какая встречается лишь у немногих.

Пони понимала, что сейчас испытывает Коннор. Их отношения оборвались на горькой ноте, и это заслоняло прекрасные месяцы, проведенные вместе. И теперь его простые слова несли ощущение завершенности и успокоения.

— Зачем ты оказался здесь? — спросила она.

— Я далеко не впервые в этих краях, — ответил Коннор с оттенком бравады, чувствуя, как его голос обретает прежнюю уверенность. — Воевал с гоблинами, с поври. Могу похвастаться: даже уложил нескольких великанов!

— Зачем ты сюда приехал? — не отставала проницательная женщина.

Она прочла по лицу, что их встреча — отнюдь не такая неожиданность для Коннора, как для нее самой. Странно, если учесть, что они давно потеряли друг друга из виду.

— Ты что-то знал обо мне, да?

— Догадывался, — признался Коннор. — До меня доходили слухи, что в здешних краях кто-то сражается с врагами, применяя магию, и что ты имеешь отношение к магическим самоцветам.

Пони не знала, что сказать.

— Позови своего… мужа, — попросил Коннор. — Ты сказала, что готова забыть о прошлом и обратиться к будущему. Действительно, у меня была причина отправиться сюда, Джилл… Пони. И не только ради того, чтобы вновь тебя увидеть, хотя и для этого я бы мог проехать Хонсе-Бир вдоль и поперек.

Услышав последние слова, Пони удивилась: почему же Коннор не сделал этого за все годы, что она находилась в армии? Ладно, незачем теперь ворошить прошлое и бередить старые раны.

Вскоре появился Элбрайн. Дальнейший разговор происходил под деревом, в листве которого удобно устроился Джуравиль.

— Ты помнишь настоятеля Добриниона Калисласа? — начал Коннор.

До этого он долго и беспокойно расхаживал взад-вперед, не зная с чего начать.

— Конечно, — кивнула Пони. — Это настоятель монастыря Сент-Прешес.

— Бывший, — коротко ответил Коннор. — Его убили несколько дней назад, ночью, в собственной спальне.

Молодой аристократ умолк, наблюдая за тем, какое впечатление произвели на собравшихся его слова. Похоже, что новость не особо встревожила этих людей. Неудивительно, ведь они ничего не знали о Добринионе и о его щедром сердце, а также о его далеко не полюбовных отношениях с церковью.

— Утверждают, что это сделали поври, — продолжал Коннор.

— Воистину мрачные наступили времена, если какая-то тварь сумела проникнуть в здание, которое должно было бы являться самым неприступным во всем городе, — заметил Элбрайн.

— Я думаю, что настоятель был убит церковью, которой служил, — пристально глядя на Элбрайна, напрямую заявил Коннор.

Теперь уже Элбрайн подался вперед, удивленный такими словами.

— В Палмарисе останавливались монахи из Санта-Мир-Абель, — пояснил молодой аристократ. — Более двух десятков, во главе с самим отцом-настоятелем. По слухам, отец-настоятель встречал в Палмарисе монашеский караван, вернувшийся издалека, чуть ли не из Барбакана.

Собравшиеся внимательно слушали Коннора.

— Помните, Роджер рассказывал про какой-то караван, пронесшийся мимо Кертинеллы и Ландсдауна? — подсказала Пони.

— Они ищут тебя, — без обиняков сказал Коннор, указав на Пони. — И все из-за самоцветов, которые, как утверждают церковники, были украдены из Санта-Мир-Абель.

У Пони округлились глаза. Некоторое время она бормотала какие-то бессвязные слова, затем повернулась к Элбрайну, ища у него поддержки.

— Именно этого мы и боялись, — признался Элбрайн. — Потому мы и хотели переправить беженцев в Палмарис, где им ничего не угрожало бы. Нам с Пони нельзя оставаться с ними — риск слишком велик. Поэтому мы лишь доведем их до безопасного места, а дальше двинемся своим путем.

— Риск больше, чем вам кажется, — возразил Коннор. — Отец-настоятель и большинство монахов отбыли восвояси, а двое остались. Может, их и больше, но двое — это точно. Двое хорошо натасканных убийц. Я считаю, что именно они убили настоятеля Добриниона. Они охотились и за мной, ибо знали, что я имею отношение к Пони. Но мне удалось скрыться. Теперь они будут охотиться за Пони.

— Карающий Брат, — произнес Элбрайн, вздрогнув при мысли, что вновь придется иметь дело с человеком, подобным Квинталу. И в этот раз — с двумя.

— Зачем они убили Добриниона? — спросила Пони. — И зачем им понадобился ты, да еще в такой связи?

— Потому что мы противились методам отца-настоятеля, — ответил Коннор. — Потому что…

Он умолк и бросил на Пони полный сочувствия взгляд. Ей явно не понравится эта новость, но она должна знать.

— Потому что мы не одобрили его обращение с семьей Чиличанк. Отец-настоятель собирался проделать то же самое и со мной, пока не вмешался мой дядя.

— Обращение? — переспросила Пони, вскакивая на ноги. — Какое обращение? О чем ты говоришь?

— Отец-настоятель похитил их, Пони, — рассказал Коннор. — Повез в цепях в Санта-Мир-Абель вместе с кентавром по имени Смотритель.

Теперь уже на ноги вскочил изумленный Элбрайн. Он был настолько взволнован, что даже не мог говорить.

— Смотритель мертв, — прозвучал сверху голос Джуравиля.

Коннор обернулся, но никого не увидел.

— Он погиб во время взрыва на Аиде, — добавил эльф. — Тогда же, когда был уничтожен демон-дракон.

— Он не погиб, — стоял на своем Коннор. — Если кентавр и был мертв, значит, монахи нашли способ его оживить. Я видел его собственными глазами. Жалкий, измученный, но вполне живой.

— И я тоже его видел, — заявил Роджер Не-Запрешь, который вышел из-за деревьев и присоединился к собравшимся.

Парень подошел к Элбрайну и положил руку на его могучее плечо.

— Я же рассказывал, как он скакал в конце каравана.

Элбрайн кивнул, припомнив рассказ Роджера и чувства, которые возникли у него, когда он услышал про монашеский караван, проехавший мимо двух городов. Он повернулся

к Пони, пристально глядевшей на него, и увидел огоньки, ярко блиставшие в ее синих глазах.

— Мы должны добраться до них, — сказала она.

Элбрайн кивнул; их дальнейший путь вдруг стал предельно ясным.

— До монахов? — спросил непонимающий Роджер.

— Давно пора, — вмешался Коннор. — Я отправлюсь вместе с вами.

— Это тебя не касается, — вдруг сказал Элбрайн.

Ему тут же захотелось взять эти слова обратно, ибо они были продиктованы желанием держать Пони как можно дальше от Коннора.

— Настоятель Добринион был моим другом, — возразил молодой аристократ. — И семья Чиличанк — тоже, все трое. Ты знаешь об этом.

Последние слова были обращены к Пони. Коннор рассчитывал на ее поддержку и обрадовался, когда женщина кивнула.

— Но вначале мы должны обезопасить убийц. Не относитесь к ним легковесно. Они сумели проникнуть к Добриниону и обставили его убийство как нападение поври, заметая собственные следы. Они хитры и смертельно опасны.

— Мертвыми они уже не будут опасны. А мертвыми им быть, и довольно скоро, — произнес Элбрайн с такой решимостью, что никто не осмелился усомниться в его словах.

На следующее утро пришло время прощаться с беженцами.

— Мы еще встретимся, — заверил Элбрайн Белстера О'Комели, крепко пожимая ему руку.

Элбрайн знал, что Белстер едва сдерживает слезы. Видно, предчувствует, что больше они не увидятся.

— Когда война закончится и ты вновь откроешь в Дундалисе свой трактир, знай, Полуночник обязательно явится туда, чтобы попить твоей водички и попугать твоих посетителей.

Белстер тепло улыбнулся, хотя и не верил, что вернется в Дундалис, даже если в ближайшее время со всеми этими тварями будет покончено. Он был немолод, и боль воспоминаний сильно давила на него. Он ведь покинул Палмарис исключительно из-за долгов. Других причин не было. Но теперь ему казалось, что все это происходило многие века назад. Он был вполне уверен, что сумеет открыть в Палмарисе новое заведение и не бояться напоминаний о прошлом. Правда, незачем сейчас рассказывать о его замыслах Элбрайну. Еще рано. Поэтому он лишь продолжал улыбаться.

— Будь им хорошим предводителем, Томас, — сказал Элбрайн человеку, стоявшему рядом с Белстером. — По всем расчетам, ничто не должно мешать вашему переходу до Палмариса. Но если вдруг попадете в беду, не сомневайтесь, я приду на помощь.

Томас Джинджерворт мрачно кивнул и ударил по земле черенком вил — своего нового оружия.

— Мы в долгу перед тобой, Полуночник, — сказал он. — А также в долгу перед Пони и перед вашим маленьким невидимым другом.

— Роджера не забудь, — быстро добавил Элбрайн. — Он для жителей Кертинеллы и Ландсдауна, пожалуй, сделал больше всех.

— Роджер не позволит нам забыть о нем! — вмешался Белстер, и его радостный голос чем-то напомнил Элбрайну голос Эвелина.

Все засмеялись, и это было наилучшим завершением прощания. Они пожали друг другу руки и расстались друзьями. Томас побежал к началу каравана, чтобы дать сигнал к отправлению.

Вскоре к Элбрайну подошли Пони, Коннор и Джуравиль, чтобы поглядеть, как уходит караван. Однако вскоре из толпы идущих отделилась ловкая фигурка и бросилась назад.

— Роджер Не-Запрешь, — без особого удивления сказала Пони.

Караван меж тем двинулся дальше.

— Тебе же предстояло быть главным проводником у Томаса, — сказал Элбрайн, когда Роджер вновь оказался с ними.

— У него найдутся и другие, которые неплохо справятся с этой ролью, — ответил парень.

Взгляд Элбрайна был суровым и непреклонным.

— А почему он остается здесь? — возразил Роджер, указывая на Коннора. — И почему вы оба не отправились в Палмарис, когда до города только три дня пути? Разве в эти тяжкие времена Элбрайн и Пони не оказались бы ценной находкой для палмарисского гарнизона?

— Есть другие причины, которых тебе не понять.

— И они касаются его? — спросил Роджер, вновь указывая на Коннора.

Молодой аристократ с трудом сдерживался, чтобы не отвесить дерзкому мальчишке хорошую оплеуху.

Элбрайн нахмурился.

— Лучше бы ты отправился вместе с беженцами, Роджер, — по-дружески сказал он. — Нам туда идти нельзя, ибо существует причина и ее нужно устранить, прежде чем мы сможем показаться в городе. Но поверь мне: тебе здесь оставаться опасно, и эта опасность гораздо серьезнее, чем мы можем себе представить. Так что беги догонять Томаса и Белстера.

Роджер решительно замотал головой.

— Нет, — ответил он. — Если вы должны остаться здесь, чтобы сражаться дальше, то и я останусь.

— Тебе больше не нужно ничего завоевывать, — сказала Пони. — Твое имя и так известно, а положение — прочно.

— Имя? — сморщился Роджер. — В Палмарисе я довольно скоро вновь сделаюсь Роджером Биллингсбери. Просто Роджером Биллингсбери: сиротой, бродягой, отщепенцем.

— Мой дядя — барон, и он сумеет оценить твои способности, — предложил Коннор.

— Вот когда ты сам вернешься к дяде и расскажешь обо мне, я отправлюсь с тобой, — быстро и насмешливо ответил парень.

Но вдруг его беспечность испарилась, и он очень серьезно взглянул на Элбрайна.

— Не заставляй меня возвращаться к беженцам, — попросил Роджер. — Возвращаться, чтобы опять стать Роджером Биллингсбери? Здесь, сражаясь с гоблинами и поври, я открыл в себе нечто такое, о чем даже не подозревал. Какую-то иную часть себя. Мне понравилась эта часть, и я боюсь потерять ее в сонной жизни благополучного города.

— Не такого уж благополучного, — чуть слышно произнес Коннор.

— Ты не утратишь ее, — серьезно и убедительно сказал Элбрайн. — И никогда уже не будешь тем мальчишкой, каким был, пока враги не вторглись в твой родной город. Ты даже не представляешь, насколько хорошо мне это известно. Скажу тебе честно: в Палмарисе ты останешься Роджером Не-Запрешь, героем сражений на севере.

Элбрайн взглянул на Пони, мысленно взвесил всю тяжесть ответственности, вспомнил об обете целомудрия, который они с любимой были вынуждены принять под давлением обстоятельств, и добавил:

— Лавры героя, Роджер, не столь уж восхитительны, как ты думаешь.

Парень расправил плечи и заставил себя кивнуть, но общее выражение его лица не изменилось. Чувствовалось, что Роджер хочет остаться, и окончательное решение ложилось на плечи Элбрайна.

Элбрайн взглянул на Пони. Та кивнула.

— За нами с Пони охотятся два человека, — начал Элбрайн. — И за Коннором тоже. Они уже пытались убить его в Палмарисе, и потому ему пришлось покинуть город и отправиться на поиски нас.

— Он вас знает? — спросил Роджер, указав на Коннора. — Вы были знакомы раньше?

— Он знает меня, — пояснила Пони.

— Коннор искал того, кто владеет магией камней, хотя и не знал, кто это, — объяснил парню Элбрайн. — Мы с Пони оба находимся вне закона; мы — изгои. Ты помнишь, мы говорили об этом с Джуравилем вскоре после того, как монашеский караван проехал мимо

городов. Церковь хочет вернуть магические камни, но клянусь могилой нашего друга Эвелина, мы их не отдадим. Теперь церковь послала по нашему следу обученных убийц. Боюсь, они уже неподалеку.

Но при всей мрачности этих слов на лице Элбрайна мелькнула ободряющая улыбка.

— И, если Роджер Не-Запрешь решит присоединиться к нам, наша задача окажется намного легче.

Роджер улыбнулся во все лицо.

— Но помни, что тогда и ты в глазах церкви станешь изгоем, — предупредила его Пони.

— Когда все кончится, мой дядя исправит это положение, — быстро добавил Коннор.

— Вы собираетесь скрыться от них или сражаться с ними на своих условиях? — решительно спросил Роджер.

— Я не собираюсь прятаться от гнусных убийц, — ответил Элбрайн таким тоном, что у Коннора похолодела спина. — Пусть они прячутся от меня.

Дух Пони летел по густому лесу. Она увидела, как Белли'мар Джуравиль перебирается с ветки на ветку, и пронеслась прямо над ним. Восприимчивый эльф навострил уши, и хотя дух Пони был невидим и двигался бесшумно, Джуравиль все же что-то почувствовал.

Затем Пони опустилась ниже и полетела, легкая, как ветер. Она увидела Коннора на его рыжей лошади, объезжавшего границы их небольшого лагеря. Она увидела даже собственное тело, сидевшее поодаль. А еще дальше рос громадный раскидистый вяз, у подножья которого чернел вход в небольшую пещеру. Там сейчас находился Элбрайн, разговаривавший с Оракулом, и Пони не осмелилась нарушить его покой.

Мысли ее вновь вернулись к Коннору, и Пони попыталась разобраться в произошедшем. Ей было спокойнее оттого, что он сейчас оберегал их лагерь. Ее действительно тронуло, что молодой аристократ отправился сюда с намерением разыскать и предупредить ее. Значит, он давно знал о том, что она владеет силами магических камней, или, по крайней мере, догадывался об этом. Понимая, что церкви прежде всего нужны эти камни, Коннор мог бы скрыться от убийц не здесь, а в южных, более населенных землях. Или мог бы просто спокойно жить в Палмарисе — ведь церковь не считала его своим врагом. Но Коннор поступил по-иному: он поехал на север, дабы предостеречь ее. А до этого он вступился за семью Чиличанк.

Пони не питала ненависти к Коннору даже тогда, на следующее утро после их ужасной свадьбы. Да, он поступил отвратительно, и в этом Пони не сомневалась. Но его действия были продиктованы неподдельным отчаянием, и Пони сознавала, что сама повинна в этом. Если возвращаться к событиям той ночи, она знала: Коннор не посмел бы силой овладеть ею. Он слишком много заботился о Пони, чтобы поступить так.

Пони уже давно простила Коннора, с самых первых дней своей службы в королевской армии.

Но что она испытывала сейчас, глядя на человека, бывшего когда-то ее мужем?

Между ними не было любви. Теперь Пони это понимала, ибо знала, какие чувства просыпаются в ней, когда она смотрит на Элбрайна. Это нечто особое и совсем другое. А о Конноре она просто по-дружески заботилась. Он стал ей другом, когда она остро нуждалась в дружбе. Он был нежен, ухаживая за ней, и Пони начала избавляться от кошмаров своих воспоминаний. Коннор помог ее чувствам исцелиться. Если бы их брачная ночь кончилась иначе, она осталась бы его женой, родила бы ему детей и…

Цепь размышлений Пони внезапно оборвалась, когда она сообразила, что больше не жалеет о тех событиях. В первый раз она вдруг осознала позитивный смысл того, что привыкла считать ужасным моментом в своей жизни. Та ночь помогла Пони стать тем, кем она была сейчас. В армии, куда попала девушка, она получила отличную выучку и развила свои природные бойцовские качества. Дальнейшие обстоятельства жизни свели ее с Эвелином, благодаря которому она узнала иные, более значительные и глубокие истины,

повлиявшие на ее духовный рост. В конце концов, события, произошедшие в Палмарисе, помогли ей вновь встретиться с Элбрайном. И только сейчас, сопоставив свои чувства к Элбрайну с тем, что она когда-то испытывала к другому человеку, Пони осознала, насколько удивительна и необычна их любовь.

За месяцы сражений им с Элбрайном пришлось потерять многих дорогих друзей. Теперь явная опасность грозила ее приемным родителям и еще одному другу. Лишь сейчас Пони вдруг осознала, кто она и каково ее место в жизни. Нередко ее жизненные уроки бывали горькими, но без этих необходимых кирпичиков она не смогла бы построить нынешнюю Пони.

У нее потеплело на душе при виде Коннора Билдебороха, самоотверженно охранявшего ее и Элбрайна. И Пони отпустила мысли о прошлом.

Но времени на благодушное созерцание у нее не было. Пони вновь устремила свой дух в глубь леса. Она отыскала Роджера, потом скрывавшегося в ветвях Джуравиля и двинулась дальше.

Дядя Мазер, я боюсь могущества церкви, — признался Элбрайн.

Он сидел в крохотной пещере, прислонившись к камню и глядя в глубины едва различимого зеркала. Сколько еще убийц она пошлет по нашему следу?

Элбрайн откинулся назад и вздохнул. Церковь не откажется от своих замыслов — в этом он не сомневался. И тогда однажды, в каком-нибудь пустынном месте, их с Пони настигнет смерть. А может, они погибнут в стенах Санта-Мир-Абель, куда непременно должны отправиться ради спасения Смотрителя и семьи, удочерившей Пони.

Но я должен продолжать битву, — сказал он духу своего дяди. Мы должны продолжать сражаться во имя памяти Эвелина, во имя истины, обнаруженной им в лабиринтах своего ордена. И вскоре нам предстоит сражение в самом паучьем логове.

Однако сперва… ах, дядя Мазер, один Карающий Брат уже чуть не погубил меня, Пони и Эвелина. Как нам распознать замыслы и уловки двоих опытных убийц?

Элбрайн потер глаза и вгляделся в зеркало. Перед ним пронеслась картина его первого сражения с церковью, когда Квинтал, ровесник Эвелина, с которым они когда-то вместе начинали обучение и который стал Карающим Братом, устроил им битву в пещере. Вначале этот головорез покрыл пещеру завесой, препятствующей магическому воздействию. Квинтал воспользовался солнечным камнем. Точно такой же камень был вделан в рукоятку меча Элбрайна.

Чтобы найти Эвелина, Квинтал применил силу граната.

Гранат…

Лицо Элбрайна озарила улыбка. Вот он, ответ. Элбрайн рывком поднялся со складного стула и выбрался из пещеры. Добежав до Пони, он принялся изо всех сил трясти ее, чтобы вывести из транса.

Дух Пони, почувствовав это, вернулся назад, и через несколько мгновений она заморгала и открыла глаза.

Возле нее стоял Элбрайн. Спешившийся Коннор тоже подошел, желая узнать, что происходит.

— Нам больше нельзя пользоваться магическим камнем, — рассказал о своем открытии Элбрайн.

— Двигаясь в духе, я могу разведать гораздо больше, чем другие, — возразила Пони.

— Но если наши враги применят гранат, они уловят твои магические вибрации, — объяснил Элбрайн.

Пони кивнула; они уже как-то говорили об этом.

— У нас ведь тоже есть гранат, — сказал Элбрайн. — Тот, что мы забрали у Квинтала. Представляешь, насколько успешнее будут поиски, когда ты применишь этот камень? Ведь он расширяет видение.

— Но лишь в том случае, если враги используют магию, — заметила Пони.

— А как же еще они рассчитывают найти нас на этих просторах? — не сдавался Элбрайн.

Пони замолчала и изучающе взглянула на него. На ее лице появилось любопытство.

— Ты вдруг стал очень уж уверенным в себе, — сказала она.

Улыбка Элбрайна сделалась еще шире.

— Квинтал был исключительно опасным врагом, — напомнила ему Пони. — Он едва не одолел нас.

— И лишь потому, что подготовил поле битвы так, как это требовалось ему, — ответил Элбрайн. — Он действовал в расчете на неожиданность, да еще в том месте, которое сам выбрал и приготовил. Несомненно, эти двое убийц — сильные и опасные противники во время битвы. Однако если мы сделаем ставку на неожиданность и сами выберем место сражения, не сомневаюсь, битва с ними закончится быстро.

Доводы Элбрайна вовсе не убедили Пони.

— В расчетах Квинтала была одна прореха — его высокомерие, — пояснил Элбрайн. — Он слишком рано раскрыл карты, ибо чувствовал, что в боевой выучке ему нет равных.

— Здесь он был недалек от истины, — сказала Пони.

— Однако выучка Квинтала и наших нынешних врагов значительно отличается от той, которую прошел я у эльфов. Она отличается от выучки, полученной тобой от меня и от Эвелина, а также от нашего совместного опыта, приобретенного за месяцы сражений. Вдобавок у нас есть могущественные союзники. Нет, мой страх предстоящей встречи с этими убийцами значительно уменьшился. Если нам удастся с помощью граната напасть на их след, мы заманим их туда, куда нам надо, и дадим им бой, к которому они не готовы.

Теперь слова Элбрайна убедили Пони, и она поверила, что действительно сможет навести убийц на нужный след, применяя описанную им тактику. Магию можно обнаружить только с помощью магии. Монахи наверняка сделают это и тем самым выдадут свое присутствие.

— Как только мы обнаружим их, естественно, они сразу же обнаружат нас, — продолжал Элбрайн. — Мы-то будем знать, куда они движутся, но им будет невдомек, куда мы их ведем.

— Итак, время и место мы выберем сами.

С этими словами Пони немедленно принялась за работу и вскоре установила, что кто-то поблизости применяет магию. Скорее всего, монахи воспользовались гранатом. Но магическое присутствие было недолгим. По-видимому, решила Пони, эти двое засекли ее магию и поменяли направление.

Открыв глаза, она увидела, что рядом стоит Джуравиль.

— Думаю, они постараются устроить защитный покров с помощью солнечного камня, — объяснила она, обращаясь к эльфу.

— Но разве это не магия? — удивился тот. — Разве ты не сможешь обнаружить и этот маневр?

Рассуждения эльфа при всей их простоте были неверными.

— Здесь все происходит несколько по-другому, — попыталась объяснить Пони. — Солнечный камень имеет противомагические свойства. Я могла бы воспользоваться солнечным камнем, что вделан в рукоятку Урагана, и тогда гранат наших врагов окажется беспомощной игрушкой.

Джуравиль недоверчиво покачал своей изящной головкой, не поверив ни единому ее слову.

— Эльфы считают, что все в мире имеет магические свойства. Каждое растение, каждое животное наделены магической энергией.

Пони пожала плечами. Спорить она не собиралась.

— Если солнечный камень одолеет всю остальную магию, в пространстве возникнет дыра, — продолжал свои объяснения Джуравиль. — Пустое место. Разрыв в магическом

покрывале, окутывающем весь мир.

— Мне не понять… — возразила было Пони.

— Потому что ты не училась видеть мир глазами эльфов, — перебил ее Джуравиль. — Соединись со мной духом, как ты соединялась с Эвелином. Тогда мы сможем искать вместе. Мы найдем эту дыру, а значит — и наших врагов.

Пони задумалась. Когда она объединялась с Эвелином через гематит, это делало ее чрезвычайно уязвимой. Правда, объединение с эльфом не несло в себе никакой угрозы. Она сомневалась, что Джуравиль прав; просто он на все смотрел по-другому. Однако Пони все же достала гематит, а затем они вместе с эльфом устремились на поиски, воспользовавшись гранатом.

Внезапно изменившийся мир привел женщину в искреннее изумление. От каждого растения и животного исходило магическое сияние. И очень скоро Пони обнаружила дыру, о которой говорил Джуравиль, и засекла местонахождение монахов с такой легкостью, словно у них в руках был не солнечный камень, а гранат.

— Веди меня, — прозвучали в ее мозгу слова Джуравиля.

Пони ощутила, что он вернулся в свое тело и двинулся навстречу врагам.

Когда спустя три часа эльф появился в лагере, его рассказ о монахах превзошел все ожидания Элбрайна. Джуравиль обнаружил их и хорошенько рассмотрел, спрятавшись в ветвях. Особое внимание он обратил на их оружие, но оно было самым обыкновенным: один или два небольших кинжала да магические камни. Джуравилю даже удалось подслушать обрывки их разговоров, откуда он заключил, что монахи намеревались захватить Пони живой и доставить к отцу-настоятелю Маркворту.

Элбрайн улыбнулся. Имея луки и магические самоцветы, нанести ответный удар не составит труда. Разговоры о взятии в плен показывали, что монахи просто не понимали, с какой силой им придется иметь дело.

— Веди их к нам, — сказал он Пони. — А мы как следует подготовимся.

Они нашли идеальное место для устройства лагеря: небольшое плато на каменистом холме, имеющее только один подход, да и тот крутой и достаточно опасный на вид. Горевший костер с трех сторон окружали скалы, а с четвертой — небольшая роща.

Брат Юсеф злорадно ухмыльнулся: его гранат показывал, что именно там, наверху, находится та, за которой они охотились. Он убрал камень в мешочек, что висел на веревочном поясе его сутаны. Покинув город, они с братом Данделионом вновь облачились в монашеские одеяния. Затем Юсеф достал солнечный камень и велел Данделиону дать ему руку, чтобы они смогли объединить усилия и создать более мощный противомагический покров.

— Они попытаются применить против нас магию, — пояснил Юсеф туповатому спутнику. — Несомненно, это у них главное оружие. Но если мы сможем отразить их удар, обычное оружие окажется пустяком в сравнении с тем, чему нас учили.

Данделион, сильный и обученный зверюга, улыбнулся, предвкушая, что наконец-то удастся поразвлечься в настоящей рукопашной схватке.

— Вначале мы убьем спутников этой девчонки, — продолжал объяснять ему Юсеф. — Затем уже займемся ею. Если придется убить и ее, что ж, так тому и быть. Если нам повезет, захватим ее живой, заберем камни и пустимся в обратный путь.

— Сперва в Палмарис? — спросил Данделион, которому не терпелось устроить новый круг охоты на Коннора Билдебороха.

Юсеф, понимая всю важность возложенной на них миссии, покачал головой.

— Через город пройдем незаметно и прямиком в Санта-Мир-Абель.

Он положил свою вторую руку поверх руки Данделиона.

— Сосредоточивайся, — приказал Юсеф.

Вскоре защитный покров был выстроен, и монахи с легкостью начали двигаться вверх по каменистому склону, уверенно и бесшумно.

Оказавшись вблизи плато, оба довольно заулыбались: рядом с этой Джилл, Пони, или

как ее еще там, сидел сам Коннор Билдеборох. Все яйца в одной корзине!

Согласовав свои движения, монахи быстро перемахнули через уступ и почти бесшумно приземлились, немедленно заняв оборонительную позицию.

— Добро пожаловать! — насмешливо крикнул им Коннор, ошеломив монахов. — Помните меня?

Юсеф перемигнулся с Данделионом и резко метнулся вперед, преодолев едва ли не треть расстояния, отделявшего его от Коннора, который даже не пошевелился. Неожиданно монах пошатнулся, почувствовав, как сзади в икру ноги попала маленькая стрела, угодив прямо в сухожилие.

— Мои друзья не позволяют вам приблизиться, — весело произнес Коннор.

— Вы даже не понимаете, в каком безнадежном положении оказались, — добавил Роджер, появляясь из-за камней, что находились позади Пони и Коннора. — Кстати, не доводилось ли вам встречаться с тем, кого называют Полуночником?

Слова Роджера были условным сигналом, и теперь из рощицы выехал на Даре Элбрайн с луком в руке.

— Что будем делать? — шепнул собрату Данделион.

Юсеф метнул полный злобы взгляд на Коннора.

— Ты опозорил и обесчестил своего дядю и весь ваш род, — прорычал он. — Теперь ты — такой же преступник, как и эти оборванцы, которых ты называешь друзьями.

— Для человека в твоем положении сказано смело, — небрежно бросил ему Коннор.

— Ты так думаешь? — спросил внезапно успокоившийся Юсеф.

Рукой, которой он зажимал рану, монах незаметно подал знак Данделиону.

Коннор поднялся и вытащил свой меч. В это мгновение Данделион бросился на молодого аристократа, не ожидавшего такого нападения. Ударив плашмя, этот медведь в сутане выбил из руки Коннора меч, а затем сбил его с ног подлым ударом плеча по горлу. После этого он метнулся дальше, вынудив Роджера спрятаться за камнями.

Прыгая на здоровой ноге, Юсеф мигом оказался позади Данделиона, намереваясь вцепиться в Пони мертвой хваткой и обеспечить себе отход. Но Юсеф вновь недооценил тех, кто противостоял ему. Он не представлял, насколько искусно Пони умеет пользоваться силой магических камней. Покров, сооруженный монахами, был по-прежнему силен, хотя и не в прежней степени, поскольку монахи утратили согласованность действий. Но даже если бы они сейчас усердно сосредоточились на своем солнечном камне, им все равно было бы не сокрушить силы Пони.

Юсеф почувствовал, как земля уходит из-под ног, но вместо падения он взмыл в воздух. Сила инерции понесла его прямо на Пони, но когда он оказался совсем рядом, то упал головой вперед и наполовину перекувырнулся. Что-то резко обожгло его спину — это Пони ударила монаха обеими ногами, отправив его в обратном направлении. Юсеф перелетел через скалу и беспомощно повис в воздухе.

Загнанный нападением Данделиона за камни, Роджер не смог прийти на помощь Коннору, а в это время монах вторично ударил молодого аристократа, который попытался встать на ноги. Затем Данделион навалился на Коннора и пригвоздил его к земле. Монах поднял ручищу и сложил пальцы. Он метил прямо в шею беззащитного Коннора.

Коннор захрипел, пытаясь закричать. Одновременно он пытался выскользнуть из-под монашеской туши. Потом он на какое-то мгновение закрыл глаза.

Удара не последовало. Коннор вновь открыл глаза и увидел, что Данделион очумел от того, что кто-то смог с такой силой сжать его руку.

Полуночник мертвой хваткой держал монаха за запястье.

Данделион с удивительным проворством повернулся, подобрал под себя ноги и дернул плечом, чтобы сбить Элбрайна с ног. Но и тот тоже повернулся. Он пронырнул под рукой Данделиона и резким движением вывихнул ему руку в локте.

Заревев от боли, Данделион обернулся и нанес яростный удар, который не достиг цели, ибо Полуночник отскочил в сторону. После этого на лицо и грудь монаха обрушился целый

шквал ударов.

Медведь в сутане, рыча и снося удары, упрямо лез вперед, рассчитывая обхватить Элбрайна и задушить его в своих смертельных объятиях.

Одной рукой Элбрайн схватил Данделиона за подбородок, другой — за волосы, чтобы отшвырнуть в сторону. Но остановился, увидев, как у того из груди что-то торчит. Поначалу Элбрайн подумал, что монах обманул его и подстроил какую-то ловушку с кинжалом, но когда он оглянулся назад и увидел рядом с собой Коннора Билдебороха, он понял.

Меч Коннора пронзил Данделиона насквозь, и монах обмяк в руках Элбрайна.

— Ублюдок, — пробормотал Коннор, вынимая меч, отчего мертвый Данделион скатился на землю.

Полуночник отошел от рухнувшего тела, вскочил на Дара, схватил лук, приладил стрелу и устремил все свое внимание на Юсефа. Элбрайн прицелился и натянул тетиву.

Однако угроза миновала. Монахи проиграли эту битву, и Элбрайн не мог себе позволить просто так убить человека.

— Не надо, — сказала Пони, полностью разделяя намерение мужа.

Элбрайн убрал стрелу.

— Я прикончу его, — мрачно произнес Коннор, которому наконец удалось вытащить меч из массивного тела мертвого Данделиона.

— Когда он беспомощно висит в воздухе? — недоверчиво спросила Пони.

Коннор ударил ногой по земле.

— Так брось его прямо на камни, — сказал он, но уже без прежнего запала.

Коннору, как и Элбрайну, было не по душе убивать безоружного монаха.

Пони это обрадовало.

— Мы намерены разыскать наших друзей, — сказал Юсефу Элбрайн. — Тех, кого твой отец-настоятель незаконно взял в плен.

Юсеф презрительно хмыкнул; утверждение Элбрайна показалось ему неимоверной глупостью.

— И ты поведешь нас туда, прямо в монастырь, — закончил Элбрайн.

— В Санта-Мир-Абель? — недоверчиво переспросил Юсеф. — Глупец. Ты даже представить себе не можешь силу этой крепости.

— Как и вы оба не представляли, какая сила ожидала здесь вас, — спокойно ответил Элбрайн.

Эти слова больно задели Юсефа. Он зло сощурил глаза.

— Сколько вы еще намерены держать меня здесь? — спросил он ровным и на удивление спокойным голосом. — Убейте меня сейчас, идиоты, иначе я вам отомщу.

Спокойствие разом покинуло Юсефа, когда чья-то маленькая фигурка устремилась к нему и закружила его в воздухе. Монах размахивал руками, пытаясь отогнать это непонятное существо, и вдруг обнаружил, что лишился солнечного камня. Выпрямившись, он увидел крылатого эльфа, который мягко опустился на кромку скалы рядом с остальными.

— Как ты и предполагал, Полуночник, — солнечный камень, — сказал Джуравиль, показывая похищенный у монаха самоцвет. — Скорее всего, гранат находится у него в поясном мешочке, если только не остался у мертвеца.

Слушая Джуравиля, Элбрайн внимательно следил за Юсефом и увидел, что слова эльфа раздражают монаха.

— Возможно, у него есть другой камень, — вмешалась Пони. — Ему же надо каким-то образом поддерживать связь со своим главарем.

— Его связям настал конец, — с усмешкой произнес Коннор. — Но я не согласен с твоим решением, — сказал он, обращаясь к Элбрайну. — Он поведет нас не в Санта-Мир-Абель, а вернется в Сент-Прешес, где будет отвечать за убийство настоятеля Добриниона. Я сам доставлю его в Палмарис. Роджер мне поможет. И пусть церковь узнает правду о своем отце-настоятеле!

Элбрайн пристально глядел на Коннора, думая о том, что спас жизнь этому человеку.

Если бы он чуть замешкался, то Коннор, принесший столько горя Пони, был бы сейчас тоже мертв.

Элбрайн мысленно отругал себя за подобные мысли.

Он знал: если бы потребовалось, он не раздумывая подставил бы себя под смертельный удар монаха, только бы спасти Коннора или любого из своих спутников.

Элбрайн вновь посмотрел на Юсефа и понял справедливость слов Коннора. Он вспомнил неистовство первого Карающего Брата. Нет, Юсеф не будет покорным проводником, чем бы это ему ни грозило. Если поступить так, как предлагает Коннор, то они, во всяком случае, не будут одиноки в борьбе за освобождение друзей. Неужели церковь ради спасения репутации отца-настоятеля возьмет на себя вину за совершенные преступления? Едва ли.

Предложение Коннора было здравым.

— Давайте его сюда, — велел Элбрайн, указывая на монаха.

Джуравиль поднялся в воздух, подлетел к болтавшемуся Юсефу и, действуя своим луком, словно палкой, начал подгонять монаха к уступу скалы. Поначалу Юсеф не оказывал сопротивления, но когда он приблизился к сидящим и увидел, что до земли не так уж и далеко, монах внезапно повернулся и попытался схватить эльфа. Схватить ему удалось только маленький лук, который Джуравиль предусмотрительно отпустил. Юсефу не удалось преодолеть силу инерции, и он продолжал кружиться в воздухе.

На краю уступа его поджидал Элбрайн с поднятым кулаком.

Удар перекувырнул монаха, отбросив его от края, и здесь сознание покинуло его.

Джуравиль со смехом вытащил свой лук и вновь стал подгонять теперь уже безвольного монаха к краю уступа.

ГЛАВА 23
ДРУГОЙ БРАТ ФРЭНСИС

Из всех работ, какими приходилось заниматься молодым монахам Сайта-Мир-Абель, эта была для брата Делмана самой тяжкой. Вместе с двумя другими братьями он упирался в рукоятки громадного колеса подъемного механизма. Согнув спины, кряхтя и охая, молодые монахи вращали эту громадину, врезаясь в землю по самые щиколотки и поминутно рискуя споткнуться под тяжестью ее веса.

Где-то внизу, на большой глубине, покачивалась на тяжелых цепях, весивших более тысячи фунтов, каменная глыба. Отличный строительный камень, надежный и прочный, добытый в подземных каменоломнях, расположенных прямо под двором в южной оконечности Санта-Мир-Абель. Каменоломни соединялись с туннелями нижнего яруса монастыря, с которого он когда-то и начинался. Магистр Джоджонах, уединившийся в подземном книгохранилище, временами слышал удары, которые производили монахи, добывающие камни. Поскольку камни требовались для верхних стен, их поднимали наверх кратчайшим путем, используя подъемный механизм.

Многие магистры и отец-настоятель считали физическое напряжение и боль в мышцах полезными для воспитания молодых монахов.

В другое время брат Делман, возможно, согласился бы с этим. Телесное истощение благотворно влияло на душу. Но не сейчас, когда он совсем недавно вернулся из длительного и тяжелого путешествия. Сейчас он жаждал лишь одного: свернуться калачиком на койке в своей крошечной, не более восьми квадратных футов келье.

— Давай-ка поживей, брат Делман, — резким голосом прикрикнул на него магистр Де'Уннеро. — Уж не собираешься ли ты заставить Каллана и Сеймо делать за тебя работу?

— Нет, магистр Де'Уннеро, — пробурчал брат Делман.

Он изо всех сил уперся в рукоятку и попытался заставить упрямое колесо повернуться. Напряжение болью отозвалось в мышцах спины и ног. Он закрыл глаза и тихо застонал.

Кажется, колесо стало еще тяжелее, а его рукоятки вдруг начали медленно ползти в

обратную сторону. Глаза Делмана широко раскрылись.

— Держи его, брат! — услышал Делман крик Каллана.

Затем он увидел, что Каллан лежит на земле, а Сеймо, потеряв равновесие, стремительно падает в сторону.

— Поставьте стопор! — закричал магистр Де'Уннеро, призывая неведомо кого загнать в колесо массивный деревянный клин, чтобы остановить вращение.

Несчастный Делман сопротивлялся как мог, изо всех сил упираясь в рукоятку. Но его ноги неумолимо скользили по изборожденной земле. Почему Каллан не возвращается к колесу? И почему Сеймо никак не может встать? Почему оба брата еле шевелятся?

Делман подумал, не отскочить ли и ему от колеса, однако он знал, что это невозможно. Предоставленное самому себе, колесо быстро начнет вращаться в обратную сторону и просто раздавит его своими рукоятками.

— Стопор! — вновь услышал он крик Де'Уннеро.

Но почему братья едва двигаются?

Колесо поползло назад. Мышцы Делмана напряглись, готовые лопнуть.

Затем его потащило в обратную сторону, перекрутило и будто вывернуло наизнанку все суставы. Послышался хруст, словно где-то переломился прут, и одна нога Делмана буквально взорвалась от боли. Он повалился на спину. Одна рука несчастного брата, согнувшись, зацепилась за колесо, и Делмана пошло крутить, как на дьявольской карусели. Наконец колесо отшвырнуло его в сторону, и он с размаху ударился о корыто с водой, повредив бок и раздробив плечо.

Брат Делман лежал, промокший насквозь, перепачканный землей и кровью, и сознание едва теплилось в нем.

— Отнесите его ко мне, — послышался чей-то голос.

Кажется, это был Де'Уннеро.

Затем он увидел, как магистр склонился над ним, и лицо Де'Уннеро выражало искреннюю тревогу.

— Не бойся, брат Делман, — сказал Де'Уннеро.

Как ни пытался он успокоить раненого, в голосе у него проскальзывали прежние злобные нотки.

— Со мною Бог, и сила Его поможет мне исцелить твое покалеченное тело.

Неожиданно боль усилилась — это Каллан и Сеймо подхватили его под мышки и подняли. По телу несчастного Делмана покатились волны нестерпимой боли. Каждая мышца в теле пылала обжигающим огнем. Затем он начал проваливаться в непроницаемую темноту.

Магистр Джоджонах перестал замечать, как проходят дни, ибо для него они слились воедино. Сейчас время не имело для него никакого значения. Подземное хранилище он покидал лишь тогда, когда тело напоминало о своих неизбежных потребностях, и магистр торопился как можно быстрее сюда вернуться. Пока среди груд рукописных книг и пергаментных свитков Джоджонах не обнаружил ничего стоящего, однако он чувствовал, что близок к цели. Он ощущал это душой и сердцем.

Магистр часто оглядывался на шкаф с запрещенными книгами. Неужели во всех — только ритуалы и заклинания, способные принести зло? А если среди них находятся те, что содержат правду, чрезвычайно опасную для нынешних правителей Абеликанского ордена? Магистр Джоджонах не раз думал об этом, порываясь подойти к этому шкафу. Однажды он даже встал и направился туда. И вдруг остановился, громко рассмеявшись над собственной навязчивой идеей. Он же знал, что это за книги, поскольку давным-давно, еще не достигнув уровня безупречного, занимался составлением их описи. Там не было никакой сокрытой правды. Только зло: ритуалы демонической земной магии, способы применить силу священных камней для различных злодеяний вроде вызывания демонов и оживления трупов. Обратив эту силу во зло, можно было напустить чуму или погубить урожай. Последнее считалось одним из самых тяжких злодеяний, недопустимых даже во время войны. Между тем как-то на встрече в узком кругу магистров Джоджонах узнал, что однажды церковь

прибегла-таки к массовому уничтожению посевов. Это произошло в Год Господень шестьдесят седьмой по счету, когда Бехрен и Хонсе-Бир увязли в затяжной войне за контроль над переходами через двойную горную цепь, имеющую странное название Пояс-и-Пряжка. Голод повернул ход событий в нужную для церкви сторону, но ценой этому стало немалое количество невинно загубленных жизней и непрекращающаяся с тех пор враждебность южного соседа. Теперь, по прошествии веков, было ясно, что королевство потеряло гораздо больше, чем приобрело.

Нет, в книгах, собранных в дальнем углу подземного хранилища, не было той правды, что искал Джоджонах. Точнее, там была правда об ужасающих ошибках прошлого, из которых надлежало извлекать уроки.

Магистру приходилось весьма часто напоминать себе об этом, видя, как день за днем проходит в безуспешных поисках. Кроткий Джоджонах сознавал и другое, и такое осознание все сильнее будоражило его чувства, отвлекая от цели. Участь пленников Маркворта. Они ведь платили неимоверную цену за это копание в книгах и свитках. А может, уже расплатились сполна? Совесть Джоджонаха буквально кричала, требуя, чтобы он разузнал, в каком состоянии они сейчас.

Но нет, Джоджонах не мог позволить себе бросить поиски. Пусть его тревога и беспокойство за судьбу узников обретут иное направление. Возможно, его поиски среди пыльных свитков позволят спасти людей и кентавра или, по крайней мере, заставят церковь в будущем отказаться от подобных зверств.

Наконец магистр стал хотя бы понимать, где надо искать. Подземная библиотека отнюдь не была хаотичным нагромождением книг, как он поначалу думал. Она имела свои разделы, подчинявшиеся пусть несовершенному, но все же хронологическому порядку, начиная от самых ранних дней церкви до материалов полуторавековой давности. К тому времени уже построили новую библиотеку, а здешние помещения превратили в своеобразный архив. Джоджонаху повезло: здесь хранилось большинство материалов, имеющих отношение к брату Аллабарнету. По крайней мере, все то, что попало в Санта-Мир-Абель извне.

Разобравшись в общем принципе устройства хранилища, магистр Джоджонах обратился к древнейшим рукописям. Они были написаны еще до Первого Года Господня — времени Великого Крещения, времени Обновления, разделившего церковь и отделившего Старый Канон от Нового. Джоджонаху представлялось, что ответы следует искать именно там — в эпохе, предшествующей Обновлению, когда церковь в ее нынешнем виде только зарождалась. Ведь именно тогда жил основатель церкви, чьим именем назван и этот монастырь.

Однако Джоджонах не нашел там ответов. Сохранившихся материалов было совсем немного и еще меньше таких, где удавалось что-то прочитать. В основном магистру попались обрывки песнопений, восхваляющих славу Бога. Некоторые были написаны на столь ветхом пергаменте, что Джоджонах не решился к ним притронуться. Иные были высечены на каменных скрижалях. То, что написал сам святой Абель, давно хранилось на почетном месте в верхней библиотеке. Джоджонах знал эти писания наизусть и сейчас, перебирая их в памяти, не находил там каких-либо ключей к своим поискам. Собрание мудрых изречений, касающихся общих вопросов нравственности и дающих простор для различных истолкований. Тем не менее, магистр пообещал себе вновь обратиться к ним, когда представится время, дабы прочесть их в новом свете, с новым пониманием. Вдруг там отыщется какой-то намек на истинные принципы его церкви.

Больше всего Джоджонаху хотелось бы разыскать здесь Кодекс Аббата, составленный в судьбоносный год Великого Крещения, но желание было невыполнимым. Магистр знал, что стараниями Абеликанского ордена первоначальный Кодекс Аббата еще несколько веков назад был «утерян».

Джоджонах продолжал искать среди доступных ему материалов, перейдя к временам, непосредственно следовавшим за созданием Нового Канона. Ничего. Снова ничего.

Окажись на месте магистра кто-то менее решительный, он давно бы оставил эти изматывающие поиски, однако такая мысль даже не приходила Джоджонаху в голову. Он продолжал поиски и среди записок древних отцов-настоятелей нашел кое-что любопытное. Ему попались фразы, которые невозможно было бы представить в устах Маркворта.

Затем Джоджонах наткнулся на самое интересное из того, что встречалось ему до сих пор. То была небольшая книжечка в красном матерчатом переплете, собственноручно написанная молодым монахом братом Фрэнсисом Гульяром в 130 году — через год после первого плавания на Пиманиникуит с момента Великого Крещения.

Дрожащими от волнения руками Джоджонах осторожно листал страницы. Брат Фрэнсис (сколь ироничным показалось магистру это совпадение!) был одним из Собирателей. И он, вернувшись, описал свое путешествие!

Это обстоятельство глубоко задело Джоджонаха. Сегодня монахам, возвратившимся с Пиманиникуита, не то что не позволяли, им навсегда строжайше запрещали рассказывать о том острове. Смерть брата Пеллимара, не пожелавшего держать язык за зубами, была вовсе не случайной. Но в прошлом, во времена Фрэнсиса Гульяра, Собирателей священных камней, если верить его словам, чуть ли не заставляли подробно рассказывать о путешествии!

В сумрачном хранилище было прохладно, однако у Джоджонаха весь лоб покрылся капельками пота, и магистр постоянно следил, чтобы ни одна из них не упала на хрупкие листы. Слова были написаны по правилам старинной орфографии и выглядели довольно странно. Пальцы Джоджонаха продолжали трястись. Он с осторожностью перевернул страницу и прочел дальше:

> …отыщи же наименьшие среди камней цвета серого и красного, дабы сумел ты надлежащим образом приготовить их к дарованию Божьего исцеления всему миру.

Магистр Джоджонах откинулся назад и сделал глубокий вдох, чтобы успокоить волнение. Теперь он понял, почему в монастыре скопилось такое огромное количество мелких гематитов — «камней цвета серого и красного»! Дальнейшие строки, в которых брат Фрэнсис Гульяр писал о своих спутниках, и вовсе потрясли магистра:

> Тридцать три брата, мужей молодых и сильных, облеченных доверием и весьма искусных в ремесле своем, составили команду судна «Абель-мореплаватель», дабы доставить нас, двоих Собирателей, на остров Пиманиникуит и обратно.
>
> Впоследствии все они в количестве тридцати одного человека (двое братьев умерли во время наших странствий) присоединились к нам в трудах описания камней и их приготовления.

— Братья, — пробормотал себе под нос Джоджонах. — На судне «Абель-мореплаватель». Значит, в те времена команда судна состояла из монахов…

У магистра перехватило дыхание, к горлу подкатил комок. При воспоминании о судьбе «Бегущего по волнам» и несчастной команды корабля Джоджонаха захлестнул поток слез. Ведь «Бегущим по волнам» управляли не монахи, а простые матросы, среди которых была и одна женщина. Магистру понадобилось немало времени, чтобы успокоиться и продолжить чтение. Брат Гульяр писал тяжеловесным стилем; многие слова Джоджонах просто не понимал. К тому же молодой монах описывал события не в строго хронологическом порядке, а писал о том, что в данный момент вставало в его сознании. После событий на острове он вдруг вернулся к моменту отплытия из Санта-Мир-Абель и стал описывать начало путешествия.

Джоджонах узнал о напутственной речи отца-настоятеля Бенуто Конкаррона, благословляющей команду и корабль. В этой же речи отец-настоятель требовал, чтобы

Абеликанский орден, наряду со словом Божьим, распространял в мире и другой Божий дар — самоцветы.

Благочестие, достоинство, бедность.

Джоджонах не стеснялся своих слез: вот она, церковь, в которую он может верить. Церковь, оставшаяся в людях, чистых сердцем, таких как Эвелин Десбрис. Так что же произошло потом? Что заставило церковь изменить свой путь? Почему же камни цвета серого и красного остались в хранилище Санта-Мир-Абель? Куда исчезло милосердие?

— И где оно ныне, милосердие? — вслух произнес магистр, вспомнив о судьбе несчастных пленников.

Куда исчезла церковь времен брата Фрэнсиса Гульяра и отца-настоятеля Бенуто Конкаррона?

— Будь ты проклят, Маркворт, — прошептал магистр Джоджонах, вложив в эти слова все свои чувства.

Он спрятал книжку под просторной сутаной и покинул хранилище, направившись прямо к себе. Джоджонах подумал, не зайти ли к брату Браумину, но потом решил, что их встреча подождет. У магистра было другое дело, неотступное и неотложное, которое уже несколько дней не давало ему покоя.

Вскоре Джоджонах вновь спустился в нижний ярус монастыря, но теперь он находился в другом конце величественного строения и держал путь к помещениям, которые отец-настоятель Маркворт превратил в застенки. Его не удивило, когда навстречу ему выступил совсем молодой монах и загородил дорогу.

— Я не стану тратить время на препирательства с тобою, юный брат, — загремел Джоджонах, стараясь говорить как можно более властным тоном. — Сколько лет миновало с тех пор, как ты прошел через Строй Добровольного Страдания?

В глазах испуганного юнца грузный магистр и в самом деле выглядел внушительным и властным.

— Один год, магистр, — чуть слышно пробормотал он. — И четыре месяца.

— Один год? — грозно переспросил магистр. — И ты еще осмеливаешься преграждать мне путь? Я стал магистром раньше, чем ты появился на свет, а ты имеешь дерзость путаться у меня под ногами со своими запретами!

— Отец-настоятель…

С магистра Джоджонаха было довольно. Он отпихнул монаха и прошел мимо него, грозно сверкнув на мальчишку глазами, словно подзадоривая: попробуй-ка еще раз остановить меня.

Юный монах пробормотал что-то невнятное, затем топнул ногой от досады и отчаяния, а Джоджонах продолжил свой путь вниз по ступеням. Когда он спустился, двое других молодых монахов попытались остановить его. Однако Джоджонах так решительно прошел мимо, что монахи не осмелились до него дотронуться. Один увязался следом, на каждом шагу выкрикивая запреты, а второй бросился доносить о случившемся Маркворту.

Джоджонах понимал: он вступает на опасную тропу. Терпение отца-настоятеля не беспредельно. Но найденная в хранилище книга лишь подхлестывала готовность магистра выступить против чинимых Марквортом беззаконий. Джоджонах поклялся себе: он не отступит, не свернет назад, каким бы наказанием это ни грозило. Он проведает несчастных узников, поскольку должен собственными глазами убедиться, что они живы и не подвергаются истязаниям. Магистр изрядно рисковал. Рассуждая логически, он мог бы доказать себе, что во имя большего блага ему следовало бы оставаться в тени и продолжать свои занятия. Однако его занятия ничем не помогут ни бедным Чиличанкам, ни героическому кентавру. Большее благо! Излюбленный довод людей, подобных Маркворту, которым они часто пользуются для оправдания своих нечестивых и трусливых делишек.

Джоджонаха ничуть не волновало, что своими действиями он может не на шутку разгневать Маркворта. Он продолжал путь: прошел через очередную дверь, миновал очередного испуганного юнца и стал спускаться еще по одной лестнице. Внезапно

Джоджонах остановился. Перед ним стоял брат Фрэнсис.

— Вам сюда нельзя, — бросил ему Фрэнсис.

— Кто это еще выдумал?

— Отец-настоятель Маркворт, — спокойно ответил Фрэнсис. — Помимо отца-настоятеля право спускаться вниз имеют лишь магистр Де'Уннеро и я.

— Достойная компания, — язвительно произнес магистр Джоджонах. — А с чего такой приказ, брат Фрэнсис? Чтобы мучить невинных пленников, так сказать, в узком кругу?

Эти слова Джоджонах произнес громко. Ему доставило некоторое удовольствие слышать, как беспокойно заерзал на месте стоявший неподалеку молодой монах.

— Невинных? — недоверчиво переспросил Фрэнсис.

— Вы что же, так стыдитесь своих деяний, что предпочитаете заниматься ими в подземелье, подальше от любопытных глаз? — говорил Джоджонах, делая еще один шаг. — Мне известно, что произошло с Греди Чиличанком.

— Несчастный случай в пути, — возразил Фрэнсис.

— Как ни скрывай своих грехов, брат Фрэнсис, они все равно останутся грехами!

Фрэнсис пренебрежительно усмехнулся.

— Вам не понять значимость войны, которую нам приходится вести, — заявил он. — Вы жалеете преступников, а невинным жертвам приходится дорого платить за преступления этой шайки против Бога и человечества!

Ответ магистра был краток: он с силой ударил брата Фрэнсиса левой рукой. Однако для ретивого брата такой выпад не явился полной неожиданностью. Фрэнсису удалось увернуться, и кулак Джоджонаха лишь оцарапал ему лицо. Промашка стоила магистру потери равновесия. Фрэнсис немедленно оказался у него за спиной, сцепил руки в замок, лишая Джоджонаха воздуха, и резко дернул на себя.

Магистр Джоджонах начал вырываться, но его сопротивление продолжалось недолго. Кровь перестала поступать в его мозг, и грузный монах потерял сознание.

— Брат Фрэнсис! — завопил молоденький дозорный.

Изрядно перепугавшись, мальчишка бросился вперед, пытаясь разнять старших братьев. Фрэнсис охотно отпустил Джоджонаха, и магистр с шумом плюхнулся на пол.

Он услышал шаги, мерные удары ног по деревянному полу. Раз-два, раз-два. Джоджонах подчинился ритму этих шагов, и их звук постепенно возвращал его к жизни. После стольких дней, проведенных в темноте подземелья, свет сильно резал ему глаза. Как только они стали различать очертания окружающих предметов, Джоджонах сразу понял, где находится. Он сидел на стуле в покоях Маркворта.

Маркворт и брат Фрэнсис стояли рядом, и вид у каждого был далеко не дружелюбный.

— Вы позволили себе напасть на своего собрата, — резко начал отец-настоятель.

— Нельзя прощать молодым их дерзость и наглость, — ответил Джоджонах, протирая затуманенные глаза. — Этот брат буквально напрашивался на хорошую взбучку.

Маркворт взглянул на самодовольного брата Фрэнсиса.

— Возможно, — согласился он, но лишь затем, чтобы немного остудить пыл Фрэнсиса. — Однако, — продолжал Маркворт, вновь поворачиваясь к Джоджонаху, — он выполнял мои распоряжения.

Джоджонах едва сдерживался. Ему отчаянно хотелось отбросить свою привычную осмотрительность и высказать Маркворту, этому злобному старику, все, что он думает о нем и о его церкви, зашедшей неведомо куда. Магистр совладал с собой и лишь закусил губу, слушая, что будет дальше говорить Маркворт.

— Вы позабыли о порученном вам деле — вы же сами вызвались поддержать и продолжить подготовку канонизации брата Аллабарнета, — горячился Маркворт. — Достойное занятие, как мне казалось, особенно если принять во внимание судьбу несчастного Добриниона. В эти мрачные времена монахи Сент-Прешес особенно нуждаются в моральной поддержке. Но вы злоупотребили предоставленной вам свободой и оказались совсем на другом конце монастыря, попытавшись вмешаться в дела, которые вас не

касаются.

— Меня не касается то, что мы держим невинных пленников в застенках, подвешивая их на цепях? — твердым и сильным голосом спросил Джоджонах. — Меня не должно касаться, что люди, за которыми не числится никаких грехов и преступлений, а также кентавр, который вполне может оказаться героем, в стенах святой обители подвергаются пыткам?

— Пыткам? — взвился отец-настоятель. — Откуда вам это известно?

— Поэтому я и хотел все увидеть своими глазами, — парировал Джоджонах. — Но вы отказываете мне в этом, ибо посторонние глаза вам мешают.

Маркворт вновь почти закричал:

— Я не собираюсь выставлять обезумевших от страха Чиличанков и этого Смотрителя, от которого неизвестно, чего ожидать, на обозрение любопытствующих собратьев. Они — это моя ответственность.

— Ваши пленники, — поправил его Джоджонах.

Маркворт умолк и глубоко вздохнул.

— Пленники, — повторил он. — Да, пленники. По вашим словам, за ними — никаких грехов, однако они находятся в сговоре с ворами, завладевшими украденными самоцветами. Никаких преступлений, утверждаете вы, хотя у нас есть все основания считать кентавра действовавшим заодно с демоном-драконом. И лишь случайное разрушение Аиды помешало ему в числе прочих двинуться в истребительный поход против всех благочестивых людей!

— Надо же, случайное разрушение, — с сарказмом произнес Джоджонах.

— Таковы выводы моего расследования! — вдруг закричал Маркворт.

Он почти вплотную подошел к сидящему магистру, и Джоджонаху на мгновение показалось, что отец-настоятель сейчас ударит его.

— Вы же предпочли избрать для себя другую дорогу, — докончил Маркворт.

Дорогу истины, — мысленно ответил Джоджонах. Как хорошо, что он успел спрятать старинную книжку прежде, чем решил отправиться к пленникам.

— Однако даже по этой дороге вам почему-то не идется! — продолжал Маркворт. — И пока вы преспокойно сидели, зарывшись в старинные манускрипты, от которых в нынешние опасные времена никакого толку, один из наших молодых братьев едва не погиб!

Джоджонах навострил уши.

— Это случилось во дворе, — сообщил Маркворт. — Во время работы, за которой обычно присматривал магистр Джоджонах, а в этот раз был вынужден присматривать магистр Де'Уннеро, кому и так хватает хлопот. Именно поэтому он не смог вовремя прийти на помощь, когда троим молодым братьям не удалось удержать колесо подъемного механизма. Двоих отшвырнуло в сторону, а третьего, несчастного Делмана, громада колеса едва не сломала пополам.

— Делмана! — воскликнул Джоджонах, почти вскакивая со стула, что заставило Марквортa отпрянуть.

Первым, о ком в панике подумал магистр, был брат Браумин, с которым они не виделись несколько дней. Значит, снова «несчастный случай»? Сколько же их еще будет?

Джоджонах моментально сообразил: его взволнованность по поводу Делмана лишь указала Марквортy на еще одного потенциального противника. Магистр постарался взять себя в руки. Он сел и уже более спокойным голосом спросил:

— Это тот самый брат Делман, который ездил вместе с нами в Барбакан?

— У нас есть лишь один брат Делман, — резко ответил Маркворт, которому стала понятна уловка Джоджонаха.

— Как жаль, — заметил Джоджонах. — Но он хоть остался жив?

— Чудом, да и то вряд ли протянет долго, — ответил отец-настоятель и вновь зашагал взад-вперед.

— Я навещу его.

— Только вас там не хватало! — огрызнулся Маркворт. — О Делмане заботится

магистр Де'Уннеро. А вам я запрещаю даже разговаривать с несчастным братом. Он не нуждается в ваших извинениях, магистр Джоджонах. Пусть вина за ваше отсутствие ляжет на вашу совесть. Возможно, происшедшее вернет вас к вашим повседневным обязанностям.

Сама мысль об ответственности Джоджонаха была, разумеется, предельно нелепой, однако магистр понял скрытый за ней тонкий намек. Маркворт воспользовался ранением Делмана как предлогом, чтобы держать Джоджонаха подальше от молодого монаха, а того — от влияния магистра. Зато теперь Делман оказался во власти Де'Уннеро, который весьма искусно поработал над умами братьев, посланных по следу Эвелина и его союзников.

— Ты — мой свидетель, брат Фрэнсис, — сказал Маркворт. — Предупреждаю вас, магистр Джоджонах: если я только услышу, что вас видели вместе с братом Делманом, последствия будут самыми тяжкими и для вас, и для него.

Джоджонаха удивило, что Маркворт вдруг решил открыто угрожать ему. События и так разворачиваются в угодном отцу-настоятелю направлении. Зачем же делать такой серьезный выпад? Этого Джоджонах не понимал.

Магистр не сказал более ни слова. Он молча кивнул и ушел, не имея намерения в ближайшее время переступать проведенную Марквортом черту. Для брата Делмана будет даже лучше, если Джоджонах на какой-то период прервет с ним все контакты. К тому же магистр только начал по-настоящему свою работу. Джоджонах наскоро перекусил, зашел к себе и с немалым облегчением вздохнул, обнаружив, что принесенная им книжка на месте. Затем он вновь направился в подземное хранилище, надеясь обнаружить новые фрагменты, которые помогут ему разгадать эту волнующую загадку.

Двери хранилища были опечатаны и забиты толстыми досками. На посту стоял молодой монах, лицо которого Джоджонаху было незнакомо.

— Что это значит? — спросил магистр.

— Доступ в хранилище в настоящее время закрыт, — заученно пробубнил монах. — По приказу…

Не дослушав, магистр Джоджонах поспешил наверх, поднимаясь через две ступеньки. Его не удивило, что Маркворт поджидал его, теперь уже один.

— Вы ничего не сказали об окончании моей работы, — начал магистр Джоджонах.

Возможно, сейчас ему предстоит решающее сражение, но бросаться в бой очертя голову не стоит.

— Сейчас не то время, чтобы беспокоиться о причислении брата Аллабарнета к лику святых, — спокойно ответил отец-настоятель. — Я не могу допустить, чтобы один из моих магистров понапрасну растрачивал в подземелье драгоценное время.

— Странный подбор слов, — ответил ему Джоджонах, — учитывая, что немалое число самых доверенных ваших братьев понапрасну тратят время в подземельях иного рода.

В глазах старика вспыхнули гневные огоньки, но Маркворт быстро овладел собой.

— Канонизация подождет до конца войны, — сказал он.

— Судя по всему, война может вскоре окончиться, — быстро возразил ему Джоджонах.

— И до тех пор, пока не исчезнет угроза для нашего ордена, — добавил Маркворт. — Если какой-то поври сумел проникнуть в спальню настоятеля Добриниона, никто из нас не может чувствовать себя в безопасности. Наши враги пришли в отчаяние. Они понимают, что проигрывают войну. Разумно предположить, что они могут начать волну зверских убийств наиболее влиятельных лиц.

Джоджонаху стоило громадных усилий сдержаться и не назвать Марквортa единственным виновником убийства Добриниона. Магистр более не заботился о своем благополучии. Он готов открыто и во всеуслышание заклеймить Марквортa. Он готов начать борьбу, которая, скорее всего, будет стоить ему жизни. Но он не один. Эту фразу Джоджонах мысленно повторил несколько раз. А что будет с другими — с Делманом, Браумином Хердом, Мальборо Виссенти и несчастными пленниками? Если не ради себя, то ради них магистр не мог сейчас себе позволить сражаться с Марквортом в открытую.

— Канонизация Аллабарнета подождет, пока не будут возвращены похищенные

камни, — продолжал Маркворт.

— Выходит, мне придется праздно сидеть на верхних этажах монастыря и терять время зря, — осмелился подытожить Джоджонах.

— Зачем же, у меня на вас другие виды, — ответил Маркворт. — Дело для вас есть. Раз вы позволили себе напасть на другого монаха, значит, вы вновь вполне здоровы. Так что готовьтесь в путь.

— Но вы только что сказали, что канонизация может подождать, — возразил Джоджонах.

— Верно, — согласился Маркворт. — Но в Сент-Хонс вы теперь не поедете. Вы отправитесь в Палмарис, дабы присутствовать при назначении нового настоятеля.

Джоджонаху не удалось скрыть своего удивления. В Сент-Прешес не было монаха надлежащего уровня, готового сделаться настоятелем. Насколько ему было известно, вопрос преемственности даже не обсуждался. Это предстояло решить очередной Коллегии Аббатов, которая соберется в конце года.

— Им станет магистр Де'Уннеро, — ответил на незаданный вопрос Маркворт.

— Де'Уннеро? — не поверил своим ушам Джоджонах. — Самый младший из всех магистров Санта-Мир-Абель, преждевременно возведенный в эту степень в связи со смертью магистра Сигертона?

— С убийством магистра Сигертона, совершенным Эвелином Десбрисом, — поспешно напомнил Маркворт.

— И он примет на себя управление Сент-Прешес? — продолжал Джоджонах, даже не ощущая боли от последнего словесного шипа, который вонзил в него Маркворт. — Ведь это очень ответственная должность, учитывая, что Палмарис все еще близок к арене сражений.

— Потому я и выбрал Де'Уннеро, — спокойно ответил Маркворт.

— Вы выбрали? — повторил Джоджонах.

Подобный выбор едва ли имел прецеденты в истории. Назначение нового настоятеля, даже если он был из того же монастыря, являлось значительным событием и решалось на Коллегии Аббатов.

— Созвать Коллегию раньше срока невозможно, — пояснил Маркворт. — В равной степени мы не может ждать до середины калембра, когда соберется Коллегия. Поэтому, вынужденный действовать в условиях, которые я считаю чрезвычайными, я назначил на место Добриниона магистра Де'Уннеро.

— Временно, надо понимать, — сказал Джоджонах.

— Постоянно, — последовал суровый ответ. — А вы, магистр Джоджонах, будете его сопровождать.

— Я совсем недавно возвратился из многонедельного путешествия, — начал возражать Джоджонах.

Он знал, что проиграл, и понял свою ошибку. Незачем ему было отправляться к узникам и пытаться загнать Маркворта в угол. Теперь ему придется расплачиваться. Маркворт имел полное право приостановить подготовку к канонизации, а вопрос о том, подходит Де'Уннеро на роль настоятеля или нет, будет решаться на Коллегии Аббатов, и никак не раньше. И никакие оправдания и увертки Джоджонаха сейчас не помогут.

— Вы останетесь в Сент-Прешес в помощь магистру… аббату Де'Уннеро и будете его помощником, — продолжал Маркворт. — Если он сочтет нужным, вам будет позволено приехать вместе с ним в Санта-Мир-Абель для участия в Коллегии.

— Но я же старше его.

— По возрасту — да, а по званию — уже нет, — ответил Маркворт.

— Я… Коллегия этого не примет! — возразил Джоджонах.

— Это будет решаться в середине калембра, — ответил Маркворт. — Если другие настоятели и их помощники, имеющие право выбирать, посчитают целесообразным отменить мое решение, тогда, возможно, настоятелем Сент-Прешес будет избран Джоджонах.

Магистр знал: к этому времени Маркворт, скорее всего, получит назад долгожданные камни, а все те, кто принадлежал к «кружку» Джоджонаха или хотя бы симпатизировал его взглядам, будут, словно сорная трава, вырваны из Санта-Мир-Абель, став жертвами очередных «несчастных случаев» вроде того, что произошел сегодня с братом Делманом. Либо, действуя с помощью лжи и угроз, их заставят думать в угодном Марквортy направлении. Особо стойких и убежденных отец-настоятель спровадит с миссией куда-нибудь в дальние и опасные края.

До сегодняшнего дня магистр Джоджонах не вполне понимал, каким коварным и опасным врагом окажется Маркворт.

— Возможно, мы еще встретимся, — произнес отец-настоятель, жестом показывая, что разговор окончен. — Однако ради спокойствия нас обоих надеюсь, что этого не произойдет.

Вот и конец, — подумал Джоджонах.

ГЛАВА 24
РАЗВЯЗКА

Вдали виднелись домики, в основном крестьянские усадьбы, и отсюда было не так уж далеко до северных окраин Палмариса. Зрелище было отрадным: значит, люди покидают укрепленный город и возвращаются к родным очагам.

— Жизнь входит в привычное русло, — сказал Коннор.

Он ехал рядом с Пони, которая вместе с Джуравилем восседала на Даре. Элбрайн и Роджер шли впереди, ведя брата Юсефа, руки которого были плотно связаны за спиной.

— Скоро, скоро наступят мирные времена, — пообещал Коннор, выражая чувства, которые владели всеми.

И в самом деле, на пути сюда им не встретилось ни одной враждебной твари.

— Похоже, что Кертинелла и Ландсдаун остались последним оплотом врагов, — подвел итог Элбрайн. — Вряд ли это будет представлять серьезную угрозу для палмарисского гарнизона.

Элбрайн умолк и, взяв Дара под уздцы, остановил коня. Он взглянул на друзей, и Пони с эльфом поняли его без слов.

— Мы не рискнем появляться в городе, — сказал Коннору Элбрайн. — И попадаться на глаза здешним крестьянам тоже не стоит.

Он посмотрел на брата Юсефа и договорил:

— Кто знает, может, даже знакомство с нами навлечет опасность на этих людей.

— Еще бы! Вы прекрасно сознаете, что являетесь преступниками, — резко бросил брат Юсеф. — Вы надеетесь, что церковь оставит вас в покое?

Он злорадно рассмеялся, давая понять, что вовсе не ощущает себя пленником.

— Может статься, что у церкви появятся более неотложные дела, когда она узнает, какие гнусности вы оба натворили в Сент-Прешес, — вмешался Коннор, вклиниваясь на лошади между монахом и Элбрайном.

— И у тебя есть доказательства этих нелепых обвинений? — спросил ничуть не смутившийся брат Юсеф.

— Мы их найдем, — ответил Коннор и продолжал, обращаясь к Элбрайну, Пони и эльфу: — Мы с Роджером отведем его к моему дяде. А прежде чем пытаться выяснять, насколько церковь заодно с этим псом и его хозяевами, мы воспользуемся светскими каналами власти.

— Это чревато небольшой войной, — сказала Пони.

Все знали, что церковь обладает не меньшей властью, чем государство, а те, кому довелось видеть магические действия монахов Санта-Мир-Абель, считали церковь более могущественной.

— Если подобной войне суждено начаться, то ее зачинщиками будем не мы с дядей, а те, кто убил настоятеля Добриниона, — убежденно заявил Коннор. — Я лишь должным

образом отвечаю на это злодейство и защищаю свою жизнь.

— Мы будем ждать вестей, — вмешался Элбрайн, не желавший углубляться в разговор на эту тему.

— Мы с Роджером сразу же вернемся к вам, — пообещал Коннор. — Я же знаю, что время подгоняет.

Здесь молодой аристократ вовремя прикусил язык. Незачем знать этой гадине, что Элбрайн с друзьями собираются двинуться прямо в Санта-Мир-Абель. После того как он собственными глазами видел, насколько монахи искусны в магии, Коннор считал, что Элбрайн поступил опрометчиво, объявив Юсефу о своих намерениях освободить пленников. Чем меньше знает этот опасный человек, тем лучше для всех.

Коннор махнул рукой Элбрайну, и Элбрайн, отделившись от остальных, подъехал к нему.

— Если мне не суждено будет вернуться к вам, тогда прощай, Полуночник, — со всей искренностью произнес молодой аристократ.

Элбрайн заметил, что Коннор пристально глядит на Пони.

— Я был бы лжецом, если бы стал утверждать, что не завидую тебе, — продолжал Коннор. — Я ведь тоже любил ее. Да и кто останется равнодушным, увидев, как она красива?

Элбрайн не знал, что ответить, а потому промолчал.

— Но не надо быть особо проницательным, чтобы понять, кому принадлежит сердце Джилли… сердце Пони, — произнес после долгого и напряженного молчания Коннор, — Оно отдано тебе, — сказал он, глядя Элбрайну в глаза.

Теперь Элбрайн понял смысл его слов.

— Тебе не хочется возвращаться к нам? Выбор за тобой. Доставишь монаха, а потом можешь остаться в Палмарисе.

Коннор неопределенно пожал плечами.

— Мне больно видеть ее, — сознался он. — Больно и сладостно одновременно. И я пока не разобрался, какое из этих чувств сильнее.

— Прощай, — сказал Элбрайн.

— И ты прощай, — сказал Коннор.

Он вновь глянул в сторону Пони.

— Могу я попрощаться с нею наедине? — спросил Коннор.

Элбрайн лишь улыбнулся, показывая, что не ему решать. Если Пони захочет поговорить с Коннором наедине, она все равно это сделает, и он здесь ни при чем. Понимая чувства Коннора и испытывая к нему искреннюю симпатию, Элбрайн решил ему помочь. Он подошел к Пони и передал ей просьбу молодого аристократа. Пони подождала, пока Джуравиль слезет с коня, затем подъехала к Коннору.

— Возможно, я не вернусь, — сказал ей Коннор.

Пони кивнула. Она до сих пор не могла понять, что именно заставило Коннора разыскать их.

— Я должен был увидеть тебя снова, — продолжал он, уловив молчаливый вопрос. — Должен был убедиться, что с тобою все в порядке. Я хотел…

Он умолк и глубоко вздохнул.

— Что теперь тебе понадобилось от меня? — резко спросила Пони. — Разве мы не все сказали друг другу?

— Я прошу меня простить, — вырвалось у Коннора.

Он отчаянно пытался объяснить, чего же ему надо сейчас от Пони. — Я был задет… вернее, моя гордость. Я не хотел отсылать тебя из Палмариса. Но это было невыносимо: видеть тебя, зная, что ты меня не любишь…

Улыбка Пони заставила его замолчать.

— Я ни в чем не винила тебя, поэтому мне нечего прощать, — тихо ответила она. — Я поняла, что случившееся было трагедией для нас обоих. У нас была удивительная дружба, и

я навсегда сохраню память о ней.

— Но то, что я сделал с тобой… тогда, ночью… — не унимался Коннор.

— Как раз то, чего ты не сделал, и позволило мне не обвинять тебя, — сказала Пони. — Ты мог бы силой овладеть мной, и тогда я ни за что не простила бы тебя. Ведь я могла с помощью магии запросто лишить тебя жизни еще там, на поле, едва увидев!

Пони понимала, что говорит неправду. Чувства чувствами, но она не решилась бы использовать силу камней — этих священных Божьих даров — для отмщения.

— Мне жаль, — искренне признался Коннор.

— Мне тоже, — ответила Пони.

Она наклонилась и поцеловала его в щеку.

— Прощай, Коннор Билдеборох, — сказала она. — Теперь ты знаешь, кто твои враги. Будь храбр в бою.

С этими словами она повернула коня и поскакала к Элбрайну.

Вскоре Пони, Элбрайн и Джуравиль уже ехали в обратном направлении. Они были исполнены надежд. Но предстоящее путешествие, о котором они говорили, было отнюдь не радужным, и они это знали. Их грядущий поход к стенам Санта-Мир-Абель рисовался им столь же тяжелым, как и поход к Аиде. Все трое надеялись, что миссия Коннора окажется быстрой и плодотворной и что король, а также все благочестивые и порядочные члены Абеликанского ордена (если таковые остались) восстанут против коварного отца-настоятеля, незаконно захватившего в плен семью Чиличанк и Смотрителя. Кто знает, может, освобождение пленников наступит раньше, еще до их появления в Санта-Мир-Абель.

Однако житейский опыт подсказывал обратное: когда подобные дела становятся предметом политики, их решение может растянуться на месяцы, а то и на годы. Пленники не могут ждать и не заслуживают такой участи. Поэтому все трое рассчитывали немедленно отправиться к заливу Всех Святых, как только Роджер и, быть может, Коннор вернутся обратно.

Такая же решимость владела Роджером и Коннором, ведущими пленного брата Юсефа в Палмарис. Коннор возлагал большие надежды на своего дядю Рошфора. Он с детства знал, что дядя слов на ветер не бросает. Барон во многом определял ход жизни в городе. И сколько бы раз Коннор ни оказывался в беде, дядя своими спокойными и решительными действиями приходил ему на помощь.

Брат Юсеф внимательно следил за самоуверенным Коннором. Он слушал, как молодой аристократ с бравадой говорил о том, что предпримет его дядя; видел, как горделиво восседает Коннор в седле.

— Стоило бы подумать, господин Билдеборох, чем тебе грозит сговор с предателями, — язвительно произнес монах.

— Если не заткнешься сам, я вгоню тебе в рот кляп, — пообещал ему Коннор.

— Представляю, в какое замешательство придет твой почтенный дядюшка! — не унимался Юсеф. — То-то будет весело, когда король узнает, что племянник барона Билдебороха спутался с преступниками.

— Я ведь не шучу, — сказал Коннор, глянув на него сверху. — Заткнись.

Брат Юсеф ничуть не испугался.

— Твои обвинения, конечно же, смехотворны, — продолжал он. — Твой дядя быстро убедится в этом. Ему еще придется чуть ли не на коленях просить прощения у церкви. Может, церковь и примет его искреннее раскаяние и не станет отлучать его.

Коннор презрительно усмехнулся. Слова коварного монаха не произвели на него никакого впечатления. Он не собирался верить во все эти бредни. Однако в следующее мгновение где-то внутри, в мыслях, у Коннора шевельнулся страх за себя и за дядю. Он попытался загородиться своей верой в могущество барона Билдебороха, но одновременно твердил себе, что нельзя недооценивать могущество церкви.

— Возможно, вас двоих могли бы даже простить, — елейным голосом продолжал Юсеф.

— Простить за то, что мы себя защищали? — усмехнулся Роджер.

— Вы оба непричастны, — ответил Юсеф. — Виновны лишь девчонка да ее дружок. Возможно, и их спутник-эльф. Мы не подозревали о том, что эльфы действительно существуют. Во всяком случае, его судьбу еще предстоит решить.

Коннор вновь усмехнулся. Этот монах выслеживал его в трактире, намереваясь схватить и убить, и теперь он болтает о его, Коннора, непричастности! Что за чушь!

— Ах да, я забыл про девчонку, — продолжал брат Юсеф.

Он переменил тон и краешком глаза поглядывал на Коннора, прикидывая, как поведет себя молодой аристократ.

— Это будет сладостная добыча, — похотливо произнес монах. — Прежде чем передать ее моим начальникам, я сумею вдоволь поразвлечься с нею.

Юсеф намеренно вызывал Коннора на удар и даже не подумал уклоняться. Он позволил Коннору ударить себя по затылку. Удар был не слишком сильным, но для монаха он пришелся как нельзя кстати. Юсеф заранее рассчитал свое падение и упал прямо на левое плечо. Он услышал, как что-то щелкнуло. Его обдало болью, и он вскрикнул. На самом деле Юсеф еще плотнее свел руки, чтобы ослабить стягивающую их веревку.

— Мы почти уже в городе! — укоризненно сказал Роджер. — Зачем ты его ударил?

— А разве тебе не захотелось бы сделать то же самое? — вопросом ответил Коннор.

Роджер не знал, что сказать. Он подошел к лежащему Юсефу, а вслед за ним к монаху подошел и спешившийся Коннор.

Руки монаха были связаны таким образом, чтобы лишить его всякой возможности пошевелить ими. Теперь положение изменилось. В считанные секунды Юсеф высвободил левую руку, однако пока продолжал держать ее на прежнем месте, не обращая внимания на отупляющую боль в левом плече.

Роджер наклонился первым, чтобы помочь Юсефу подняться.

Юсеф выжидал — парень не представлял для него особой опасности.

Затем подошел Коннор и стал помогать Роджеру поднять монаха.

Они и представить не могли, что Юсеф мгновенно вскочит на ноги. Веревка, еще недавно стягивавшая ему руки, развязалась. Правая рука качнулась, пальцы согнулись и застыли. Юсеф вцепился Коннору в горло, заставив молодого аристократа застыть на месте, разорвал кожу и устремился дальше, прямо к трахее.

Монах бросил на Коннора безучастный немигающий взгляд и разорвал ему горло.

Коннор Билдеборох упал, ухватившись руками за горло, безуспешно хватая ртом воздух и столь же безуспешно пытаясь остановить кровь, которая темно-красным потоком хлынула наружу, а затем через разорванную трахею устремилась в легкие.

Юсеф обернулся и ударил ошеломленного Роджера. Парень упал.

Роджер быстро сообразил, что Коннору теперь не поможешь, а с изощренным монахом ему не справиться. Едва оказавшись на земле, он начал отползать в сторону, и пока Юсеф глумился над умирающим Коннором, Роджеру удалось добраться до лошади.

— Думаю, что следующим, кого я убью, будет твой дядюшка, — со злорадной усмешкой процедил Юсеф.

Коннор слышал эти слова, но они доносились уже издалека. Он куда-то падал. Ему было холодно и одиноко. Звуки исчезли. Окружающий мир сузился, превратившись в отдельные вспышки света.

И вдруг ему стало светло и тепло.

Он обрел место великого покоя, единственное место надежды. Он наконец-то помирился с Джилл.

Все остальное ушло, остались только свет и тепло. И дух Коннора устремился им навстречу.

Роджер крепко ухватился за стремя испуганной лошади Коннора, которая потащила его вперед. Позади слышались шаги приближавшегося монаха. Расправившись с Коннором, Юсеф не собирался упускать вторую жертву.

Буквально рыча от боли, Роджер подбежал к лошади. Он ухватился за седло, затем потянулся и сильно ударил Грейстоуна, заставив пуститься вскачь. Кое-как Роджер сумел обернуться назад и увидел догоняющего их Юсефа. Тот бежал быстро, и расстояние между ними сокращалось.

Роджер из последних сил старался взобраться на лошадь. Когда его ноги перестали волочиться по земле, лошадь почувствовала облегчение и поскакала быстрее, оставляя монаха позади.

Он даже не попытался как следует сесть в седло, а так и остался сидеть поперек, свесив голову и морщась от каждой выбоины на дороге, доставлявшей ему болезненную встряску.

Вскоре Грейстоун оторвался от брата Юсефа.

Раздосадованный брат Юсеф со всей силой ударил каблуком по земле. Он глядел то в одном, то в другом направлении, не зная, куда ему направиться. Можно вернуться в Палмарис. Теперь, когда Коннор мертв, некому обвинить его в убийстве Добриниона. А показания каких-то бродяг никто не сочтет веским обвинением против монаха Абеликанского ордена.

Юсеф не боялся ни барона Билдебороха, ни монахов Сент-Прешес. Однако при мысли о том, что придется сообщить о случившемся отцу-настоятелю Маркворту, у него встали дыбом волосы. Коннор Билдеборох, доставивший им столько хлопот, наконец-то мертв. Но ведь и Данделион тоже мертв. И приказ вернуть камни все еще не выполнен.

Юсеф посмотрел на север, куда ускакал Роджер. Нет, надо опередить мальчишку и не дать ему встретиться со своими сообщниками. Теперь уже он застигнет их врасплох, когда выскочит из засады и набросится на эту Джилли, или Пони. Он должен расправиться с ними. В первый раз он потерпел поражение лишь потому, что эти оборванцы все разнюхали заранее, но зато сейчас…

Вот тогда он сможет отчитаться перед отцом-настоятелем.

Брат Юсеф бросился бежать. Его сильные ноги двигались без устали, покрывая милю за милей.

Роджер не особо гнал лошадь. Он знал, что монах не откажется от погони и сделает все, чтобы помешать ему добраться до Элбрайна и Пони. Впрочем, парень не слишком тревожился, ибо на лошади он все равно доберется быстрее.

Увы! Въехав на холм и оглянувшись назад, Роджер увидел вдалеке монаха. Хотя расстояние между ними было значительным, Юсеф упрямо продолжал бежать!

— Невероятно, — пробормотал Роджер.

По его подсчетам, он проехал более пяти миль. А монах бежал с такой скоростью, словно только что пустился в погоню!

Роджер вновь забрался в седло и пришпорил Грейстоуна. Между тем лошадь устала. Рыжий круп был весь в капельках пота, однако Роджер не мог позволить Грейстоуну двигаться медленнее. Все его надежды и мольбы были об одном: только бы опередить монаха. Роджер скакал прямо по дороге, даже не думая, что Юсеф может его увидеть. Быстрее, еще быстрее. Какими бы дьявольскими способностями ни обладал этот монах, за лошадью ему не угнаться.

Посчитав, что теперь он оставил своего преследователя далеко позади, Роджер сбавил скорость. Он обдумывал, как лучше добраться до своих друзей, с которыми условился встретиться в заброшенном крестьянском доме. До цели оставалось не более десяти миль, когда лошадь неожиданно споткнулась.

Роджер оглянулся: на обочине дороги что-то блестело. Грейстоун потерял подкову и теперь еле плелся прихрамывая.

Парень соскочил вниз, быстро схватил подкову и вернулся, чтобы узнать, с какой ноги она свалилась. Ответ был очевиден и так: Грейстоун прихрамывал на левую заднюю ногу. Роджер осторожно согнул ее и осмотрел копыто. Он мало разбирался в лошадях, но все же понял, что без подковы нечего и думать продолжать путь верхом. А как поставить подкову на место, он не знал.

— Поври тебе в бок, — выругался Роджер.

Он то и дело оглядывался в сторону дороги. Собрав в кулак всю силу воли, Роджер отогнал нараставший страх и заставил себя думать спокойно и последовательно. Продолжить путь бегом? Эту мысль он отбросил сразу же. Монах догонит и поймает его раньше, чем ему удастся добраться до места встречи. Может, люди вновь вернулись в эти края и в каком-нибудь доме ему помогут подковать лошадь? Тоже не выйдет: времени у него в обрез.

— Остается одно — сражаться, — не сводя глаз с дороги, вслух произнес Роджер.

Ему обязательно нужно было произнести эти слова и услышать их.

Затем он заглянул в седельный мешок, надеясь отыскать среди вещей, которые они с Коннором прихватили в дорогу, хоть что-то, способное помочь ему сейчас… Веревки, трезубый крючок, лопатка, кое-что из посуды, кое-что из одежды. Один предмет все же привлек внимание Роджера. Во время последней стоянки каравана, в том самом крестьянском доме, где они теперь условились встретиться, он позаимствовал небольшой подъемный механизм с колесиком и рукояткой — что-то вроде маленькой лебедки. С помощью этого нехитрого устройства крестьяне подымали тюки с сеном и втаскивали в загон упрямых быков.

Роджер повертел механизм в руках, пытаясь сообразить, не поможет ли ему сейчас эта штучка. У него мелькнуло несколько догадок, и одна из них показалась ему наиболее верной. Это как раз по его части. Нечего было и думать взять монаха силой. А хитростью?

К тому времени, когда брат Юсеф добрался до этого места, ни Роджера, ни лошади на дороге не было. Зато прямо посередине блестела конская подкова. Монах остановился, нагнулся за подковой, потом с удивлением стал оглядываться по сторонам. Какой же глупец этот мальчишка! Что ж, спасибо за подсказку.

Юсеф осмотрел дорогу и увидел, что где-то через десять футов следы обрываются. Здесь парень и его кляча свернули в сторону. Так оно и есть: вон они, следы лошади, прихрамывающей на одну ногу. Он заметил пятнышко крови, а рядом — цепочку следов Роджера. Все ясно. Лошадь потеряла подкову, а затем сбросила мальчишку. Довольно улыбаясь, монах сошел с откоса и направился к роще, в которой, как он предполагал, укрылась вторая его жертва.

Спрятавшись на дереве и прихватив с собой наверх веревки, крюк и подъемный механизм, Роджер следил за уверенными шагами монаха. Подойдя к деревьям, Юсеф пошел тише. Здесь он держался более осторожно, постоянно прячась в листве.

Войдя в рощу, монах пропал из виду. Роджера поразило, что Юсеф вынырнул совсем в другом месте, едва ли не в самом центре. Значит, коварный монах сумел пробраться так, что ни один кустик не шевельнулся. Роджер оглядел свое снаряжение, потом посмотрел на палец, который нарочно расцарапал, чтобы оставить цепочку кровавых капель. Удастся ли его замысел?

Но менять что-либо было слишком поздно. Монах уже добрался до подножья дерева и заметил последнюю капельку крови.

Брат Юсеф медленно поднял голову, вглядываясь в крону дерева, и наконец обнаружил фигурку Роджера, темневшую среди ветвей. Парень сидел, крепко обхватив ствол.

— Эй, — крикнул монах. — Если ты спустишься, я сохраню тебе жизнь.

В этом Роджер очень сомневался.

— Если же мне придется лезть и стаскивать тебя вниз, тебя ждет самая отвратительная смерть, — пригрозил Юсеф.

— Я ничего не сделал против вашей церкви! — ответил Роджер, разыгрывая из себя испуганного ребенка, хотя, по правде говоря, он был не так уж далек от этого образа.

— Потому я тебя и не трону, — повторил Юсеф. — А теперь слезай.

— Отойди, — крикнул ему Роджер.

— Спускайся! — заорал Юсеф. — Даю тебе последнюю возможность.

Роджер не ответил, а лишь довольно громко всхлипнул, так, чтобы монах услышал.

Юсеф молча полез на дерево. Роджер внимательно следил за ним. Парень, наверное, в

сотый раз дергал веревки, проверяя их прочность. Одну из них он привязал к стволу, а другой ее конец прикрепил с подъемному механизму. Туда же, но с другой стороны была прикреплена вторая веревка, оканчивающаяся трезубым крючком.

Роджер постоянно твердил себе, что узлы прочные, а длина веревок выбрана правильно. Но успех его замысла зависел не только от этого. Необходимо было точно выбрать время, и самое главное — ему очень нужна была удача. Только сейчас он понял, какую игру затеял, и едва не грохнулся в обморок.

Юсеф уже одолел более половины расстояния, поднявшись по стволу футов на двадцать.

— Еще одна ветка, — пробормотал Роджер.

И действительно, монах оказался на последнем прочном суку в этой части ствола. Роджер знал: теперь Юсефу придется сделать остановку и подумать, как лезть дальше. В этом месте крона редела и ветвей практически не было.

Как только Юсеф замер, Роджер крепко зажал в руке веревку и прыгнул. Он проскользнул между ветвями, и те больно оцарапали его. Теперь, отдалившись на несколько футов от ствола, Роджер, верный своему замыслу, оттолкнулся от ветки и обогнул ствол, сделав круг. Парень без конца дергался и ударялся о дерево, но продолжал спускаться кругами, пролетая совсем рядом с изумленным монахом.

Опустившись ниже, Роджер вздохнул с облегчением: брат Юсеф был слишком ошеломлен, чтобы прыгнуть на него.

— Ну, погоди у меня! — крикнул монах.

Вначале Юсеф подумал, что Роджер решил таким образом спуститься с дерева раньше, чем он. Но затем, когда веревка опоясала его и прижала к дереву, а парень продолжал кругами опускаться вниз, монах вдруг понял, в чем дело.

На последнем витке Роджер, держа веревку в одной руке, другой подхватил вторую веревку и метнул крючок прямо в соседнюю белоствольную березу. Надеясь, что тот прочно застрял в березе, Роджер обошел вокруг ствола, с которого только что спустился. К этому времени первая веревка полностью размоталась. Парень уперся ногами в ствол и изо всех сил потянул за ее конец, стараясь как можно прочнее привязать Юсефа к дереву.

Роджер знал, что это ненадолго. Натянуть веревку еще крепче мешали попадавшиеся на ее пути ветки, и потому удержать сильного и проворного монаха в этой западне вряд ли удастся.

Пока вряд ли удастся, — напомнил себе Роджер.

Роджер дернул за вторую веревку, прикрепленную к березе, другой рукой ухватился за рукоятку подъемного механизма и позволил себе передохнуть. Почувствовав, как трезубый крюк заскользил по стволу, парень даже застонал. Но наконец, зубцы прочно вошли в дерево.

Роджер слышал смех Юсефа. Монах старался выпутаться. Ему удалось передвинуть веревку выше локтей.

Еще немного — и он высвободится совсем.

Роджер в последний раз натянул конец первой веревки и, чувствуя, что передышка окончилась, бросился к подъемному механизму, прикрепил веревку к колесику и изо всех сил обеими руками завертел рукоятку.

Юсеф уже начал сбрасывать веревку, как вдруг она с хрустом натянулась и вновь придавила его к стволу.

— Это еще что? — удивленно пробормотал монах.

Он понимал, что тщедушный мальчишка не в состоянии натянуть веревку с такой силой. Монах глянул вниз — не мог же этот паршивец привести лошадь. Лошади внизу не было. Юсеф с прежним упрямством принялся выпутываться.

Он услышал, как под ним треснула переломившаяся ветка. Натяжение чуть ослабло, но веревка тут же снова врезалась ему в тело и вдавила в ствол. Левая рука Юсефа была свободна и находилась ниже веревки. Однако проклятая веревка перепоясала его тело крест-

накрест на уровне плеч, захватив и правую руку. Юсеф не оставлял усилий, чувствуя, как веревка затягивается все туже.

Не поднимая головы, Роджер остервенело, из последних сил крутил рукоятку. Теперь веревка даже не тряслась.

Она натянулась до предела и замерла. Роджер застопорил механизм, опасаясь, как бы не вывернуть с корнем березу.

Роджер отошел от дерева, поднял голову и увидел, как наверху корчится, безнадежно пытаясь высвободиться, брат Юсеф. Парень улыбнулся и с полным облегчением вздохнул.

— Я еще вернусь, — пообещал он. — Вместе с моими друзьями. А тебе, похоже, придется отвечать за два убийства!

С этими словами он повернулся и побежал.

Юсеф почти не обратил внимания на угрозы Роджера. Он все так же упрямо пытался высвободиться из крепких пут веревки. Монах извивался и дергался, рассчитывая передвинуть веревку повыше…

Он мгновенно понял, что совершил непростительную глупость, но было поздно. Петля чуть скользнула вверх и обхватила его шею.

Белли'мар Джуравиль первым добрался до рощи, опередив Элбрайна, Пони и Роджера. Солнце почти село. Едва Роджер добрался до места их встречи, все сразу же тронулись в путь, чтобы еще засветло захватить и надежно пленить коварного монаха.

Элбрайн внимательно следил за Пони. Всю дорогу до рощи она молчала; гибель Коннора стала для нее тяжким ударом.

Как ни странно, скорбные чувства Пони совсем не пробудили у Элбрайна ревности. Только сострадание. Теперь он понимал, какие отношения существовали между Пони и убитым аристократом. Со смертью Коннора Пони потеряла какую-то часть себя самой, утратила то, что когда-то исцеляло ее душевные раны. Элбрайн поклялся себе ничем не проявлять своих неприязненных чувств к погибшему и думать только о том, как помочь любимой.

Пони, прямая, словно струна, сидела на коне. Ее фигура, освещенная последними лучами солнца, представляла величественное зрелище. Она справится с этой трагедией, как когда-то справилась с ужасами первой бойни в Дундалисе, с войной и потерями друзей, и прежде всего — Эвелина. Элбрайна вновь поразили сила и мужество Пони.

И за это он любил ее еще крепче.

— Он мертв, — послышалось из высокой травы.

Джуравиль подошел к ждущим его друзьям. Эльф быстро глянул в сторону Роджера, и чуткий Элбрайн перехватил этот взгляд.

— Ты здорово его перевязал, — похвалил Роджера Джуравиль. — Но когда я там появился, этот монах почти сумел выпутаться. Мне ничего не оставалось, как прекратить его попытки. Пришлось выпустить несколько стрел.

— Ты уверен, что он мертв? — беспокойно спросил Роджер, которому очень не хотелось вновь оказаться лицом к лицу с Юсефом.

— Уверен, — подтвердил Джуравиль. — Я думаю, что твоя лошадь, то есть лошадь Коннора, пасется где-то там, — добавил эльф, показав на другую сторону дороги.

— Она потеряла подкову, — напомнил Роджер.

— Подкову легко можно поставить на место, — ответил эльф. — Сходи за Грейстоуном.

Роджер кивнул и пошел. Элбрайн кивнул Пони, и та поехала следом.

— Твой колчан полон, — заметил Элбрайн, когда они с эльфом остались одни.

— Я вытащил стрелы, — ответил Джуравиль.

— У эльфов не принято вытаскивать стрелы, которые попали в цель, — сказал Элбрайн. — Только при самых безнадежных обстоятельствах. Теперь, когда оба монаха мертвы, обстоятельства отнюдь не безнадежны.

— Твое мнение? — сухо спросил Джуравиль.

— Когда ты добрался до Юсефа, монах уже был мертв, — заключил Элбрайн.

Джуравиль утвердительно кивнул.

— Он явно старался выпутаться и сам себя задушил, — пояснил эльф. — Наш Роджер — молодец. Веревки были завязаны на совесть. Умный парень. Сообразил, что монаха можно одолеть только хитростью. Возможно, даже слишком умный.

— Мне уже довелось сражаться с одним Карающим Братом, — сказал Элбрайн. — Ты видел, с каким фанатизмом бились они, когда мы устроили им засаду. Разве ты сомневался, что с гибелью одного монаха другой откажется от того, ради чего их послали?

— Лучше, если бы он погиб не от рук юного Роджера, — ответил Джуравиль. — Я не уверен, что парень готов узнать правду.

Элбрайн взглянул на дорогу и увидел, что Роджер и Пони идут пешком, ведя за собой Дара и прихрамывающую лошадь Коннора.

— Он должен знать правду, — решил Элбрайн и взглянул на Джуравиля в ожидании возражений.

— Эта правда достанется ему тяжело, — предостерег эльф, но возражать не стал.

Никто не сомневался, что впереди у них — тяжелая и опасная дорога, и потому Роджеру лучше пережить это событие здесь и сейчас.

Когда Пони и Роджер подвели лошадей, Джуравиль взял Грейстоуна, осмотрел покалеченное копыто и отошел вместе с лошадью в сторону, жестом приглашая Пони присоединиться к нему.

— Джуравиль не убивал монаха, — сказал Роджеру Элбрайн.

В широко распахнутых глазах парня появился неподдельный ужас. Он стал озираться по сторонам, словно боялся, что в любую секунду из-за кустов может выпрыгнуть Карающий Брат. Монах напугал Роджера сильнее любых его прежних врагов, включая Коз-козио.

— Его убил ты, — сообщил Элбрайн.

— Я только что слышал, что я заманил его в западню, — поправил его Роджер. — А Джуравилю ничего не оставалось, как прикончить его, только и всего.

— Я тебе говорю, что монаха убил ты, — твердо произнес Элбрайн. — Ты до предела натянул веревку. Неизвестно, каким образом петля передвинулась к шее и задушила его.

У Роджера вновь округлились глаза.

— Но ведь Джуравиль говорил… — попытался возразить он.

— Джуравиль опасался за то, как ты это воспримешь, — без обиняков объяснил ему Элбрайн. — Он не был уверен, справишься ли ты с этой горькой правдой, и не решился открыть ее тебе.

Роджер открыл рот, но не произнес ни слова. Правда тяжким грузом навались на его плечи. Элбрайн это понимал. Он видел, что парня буквально зашатало.

— Я должен был сказать тебе об этом, — теперь уже негромко произнес он. — Ты достоин того, чтобы знать правду, и должен справиться с нею, если собираешься, как взрослый, нести ответственность, которая отныне ложится на твои юные плечи.

Роджер почти не слушал. Его шатало все сильнее, и Элбрайн подумал, что парень того и гляди рухнет на землю.

— Мы поговорим позже, — сказал ему Элбрайн, подойдя и положив ему на плечо руку.

Затем Элбрайн направился к Пони и Джуравилю, оставив Роджера наедине с его мыслями.

И с болью — тоже. Никогда еще Роджер Биллингсбери (как сейчас он жаждал называться этим именем, а не быть по-глупому самоуверенным Роджером Не-Запрешь) не получал от жизни такого удара. За свою недолгую жизнь он хлебнул немало горя, отведал немало боли, но до сих пор все было по-другому. Та боль позволяла Роджеру оставаться на пьедестале и продолжать взирать на себя как на центр мироздания, считая себя лучше всех остальных. И какие бы невзгоды ни выпадали на его долю, глупая уверенность, будто он — центр всего, сохранялась и помогала ему жить.

И вдруг у него из-под ног выбили пьедестал. Он убил человека.

Он убил человека!

Роджер оцепенело сидел на траве. Внутри него разум вел отчаянную битву с совестью. Да, он убил человека, но разве тот человек дал ему хоть какой-то выбор? Монах был убийцей, законченным и беспощадным убийцей. Он прямо на глазах у Роджера жестоко и подло убил Коннора. А еще раньше он убил настоятеля Добриниона!

Но даже эти доводы не могли заглушить в Роджере острое чувство вины. Какими бы ни были обстоятельства, невзирая на то что он не собирался убивать Карающего Брата, человек этот был сейчас мертв, а руки Роджера — запятнаны кровью.

Роджер опустил голову, с трудом хватая ртом воздух. Он страстно жаждал того, чего лишился столь рано: семейного тепла и мудрых, успокаивающих слов взрослых, к которым можно было бы прийти со своими бедами. Он оглянулся на своих друзей, на Элбрайна, который столь жестоко обрушил на него правду об этом преступлении, а затем бросил одного.

На какое-то мгновение Роджер возненавидел Элбрайна. Но ненависть вскоре угасла, и ее место заняло понимание. Элбрайн сказал правду, потому что уважал его и доверял ему. И по той же причине Элбрайн оставил его одного. Взрослый человек (а он теперь был взрослым) должен уметь сам справляться со своей болью. Если не со всей, то хотя бы с ее частью.

Вскоре к Роджеру подошла Пони. Она не произнесла ни слова о смерти монаха, а лишь сказала, что сейчас они заберут мертвого Юсефа и отправятся на юг, чтобы отыскать тело Коннора.

Роджер молча присоединился к остальным, тщательно избегая глядеть на мертвого Карающего Брата, которого взвалили на спину Грейстоуна. Джуравиль сумел поставить на место подкову, однако лошадь Коннора все равно чуть прихрамывала.

Наступила ночь, но друзья продолжали путь, намереваясь оказаться возле тела Коннора раньше, чем оно может стать добычей хищников.

Наконец они добрались до места, где молодой аристократ встретил свою смерть. Разыскать тело Коннора в кромешной тьме было не так-то просто.

Пони первой подошла к нему и осторожно закрыла Коннору глаза. Затем она повернулась и пошла, стараясь отойти как можно дальше.

— Иди к ней, — шепнул Элбрайну Джуравиль.

— Ты знаешь, что с ним делать, — ответил Элбрайн, и эльф кивнул.

— Будь сильным и уверенным, — сказал Элбрайн, обращаясь к Роджеру. — Возможно, эта задача сейчас — самая важная.

Сказав это, Элбрайн ушел, оставив парня растерянно взирать на Джуравиля в ожидании объяснений.

— Тебе предстоит отправиться в Палмарис и доставить туда тела Коннора и монаха, — сказал эльф.

Роджер невольно оглянулся на мертвого монаха и содрогнулся.

— Пойдешь не в монастырь, а прямо к барону, — продолжал эльф. — Расскажешь ему о том, как все случилось. Скажи ему, что, по мнению Коннора, Добриниона убил не поври, а эти монахи, и что они же пустились за Коннором в погоню, ибо его племянник, сам того не желая, стал врагом коварных церковников.

— А что со мною будет дальше? — спросил парень.

Ему вдруг показалось, что он в последний раз видит своих друзей.

Джуравиль оглянулся.

— Если ты намерен ехать с нами, мы могли бы найти другую лошадь, и даже две.

— Так я ему нужен? — спросил Роджер, кивнув туда, где скрылся Элбрайн.

— Как ты думаешь: если бы ты ему не был нужен, стал бы он говорить тебе правду? — вопросом ответил Джуравиль.

— А как же ты? — тут же спросил Роджер. — Почему ты мне солгал? Ты считаешь меня глупым мальчишкой, не способным взять на себя ответственность?

— Я считаю, что за прошедшие недели ты здорово повзрослел, — искренне ответил эльф. — Я не сказал тебе правды по одной причине. Думаю, ты не сомневаешься в том, что Полуночник является нашим предводителем. Так вот, я не знал до конца, каковы его планы относительно тебя. Если бы было решено оставить тебя в Палмарисе, под дружеским присмотром Томаса и Белстера; если бы мы решили, что ты выполнил свою роль и эта битва была для тебя последней… стоило бы тебе знать, что на твоих руках — кровь убитого человека?

— А разве правда не одна? — спросил Роджер. — Ты что же, вообразил себя Господом Богом?

— Если в какой-то момент правда способна причинить только вред, она может обождать до лучших времен, — ответил Джуравиль. — Но поскольку ты сам определяешь свой жизненный путь, тебе необходимо было узнать об этом сейчас. Тот путь, который нам предстоит, мой юный друг, будет тяжким. Я не сомневаюсь, что на этом пути нам встретятся другие Карающие Братья. Возможно, в ближайшие годы эта опасность будет преследовать нас.

— И каждое новое убийство будет доставаться все легче? — язвительно спросил Роджер.

— Молись, чтобы этого не произошло, — строго произнес Джуравиль, немигающими глазами глядя на Роджера.

От этих слов Роджер вновь зашатался.

— Полуночник считал, что ты достаточно силен духом, чтобы знать правду, — добавил эльф. — Можешь считать это похвалой.

Джуравиль повернулся, собираясь уйти.

— Не знаю, был ли он прав, — вдруг признался Роджер.

Эльф вновь повернулся к нему и увидел, что голова у парня опущена, а плечи сотрясаются от рыданий. Джуравиль подошел и положил ему на спину свою маленькую руку.

— За всю свою жизнь Полуночник убил лишь двоих человек, и вторым из них был Данделион. В этот раз Элбрайн не плакал, потому что все свои слезы он выплакал после убийства первого. Тот тоже был Карающим Братом.

Сильный и мужественный Элбрайн… значит, и ему было тяжело? Слова эльфа потрясли и буквально перевернули все внутри Роджера. Он вытер слезы, расправил плечи и, глядя на Джуравиля, угрюмо кивнул.

Роджер был слишком взбудоражен, чтобы дожидаться утра, и потому он не мешкая отправился в Палмарис. Идти приходилось медленно: прихрамывающий Грейстоун нес на себе два тела. Однако Роджер был исполнен решимости еще до полудня встретиться с бароном Билдеборохом.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ
ДОРОГА ТЕНЕЙ

К церкви, которой служил Эвелин, принадлежали мои родители. К ней же принадлежали и принадлежат все люди, каких мне доводилось встречать. Но чем больше я узнаю об этой церкви и о монахах Абеликанского ордена, тем острее начинаю понимать, сколь неуловимой бывает природа зла. Раньше я как-то не задумывался над этим, а сейчас задаю себе вопрос: является ли злой человек злым изначально? Сознаёт ли он, что творит зло? Считает ли он свои поступки злыми, или его восприятие настолько искажено, что они представляются ему добрыми и справедливыми?

Когда пробудился демон и мир познал хаос, многим, наверное, пришлось задаваться вопросом о самой сущности зла. Конечно, каждый мог бы сказать: «Кто

я такой, чтобы судить, кого считать добрым, а кого — злым?». Если я спрашиваю, является ли злой человек злым изначально, я подразумеваю, что существует четкое разграничение между добром и злом, а большинство людей отказывается признавать такое разграничение. Их представления о нравственности относительны, и, хотя я готов признать, что нравственные последствия многих поступков зачастую зависят от той или иной ситуации, общее нравственное разграничение между добром и злом остается неизменным.

Я знаю: в этой истине скрыта истина более высокого порядка. Я знаю, что действительно существует абсолютное различие между добром и злом, не зависящее от воззрений и оправданий того или иного человека. Для народа тол'алфар мерилом является всеобщее благо, где на первом месте стоит благополучие эльфов, но при этом принимается в расчет и благополучие всего остального мира. Хотя эльфы и избегают контактов с людьми, они век за веком помогают людям. Это они своим обучением и воспитанием превращают таких, как я, в Защитников. Эльфы делают это отнюдь не для защиты собственных границ — Эндур'Блоу Иннинес не нуждается в этом. Эльфы стремятся к тому, чтобы весь мир стал лучше. Тол'алфар никогда не был расой завоевателей. Да, им приходится сражаться, но они сражаются за свою землю, не желая видеть ее частью чужеродной для них империи. Если бы гоблины не напали на Дундалис, эльфам и в голову не пришло бы сражаться с ними. Хотя эльфы не питают любви ни к гоблинам, ни к поври, ни к великанам, считая эти три расы проклятием для всего мира, эльфы никогда не решились бы отнять у них право на жизнь. Мысль о том, чтобы пойти войной на этих тварей, никогда не родилась бы в умах эльфов. Это, как они считают, толкнуло бы их на действия, которые они более всего ненавидят и презирают в других народах.

Но коварным, воинственным гоблинам и поври подобные высокие принципы неведомы. Эти предпочитают нападать при первой возможности. Неудивительно, что демон-дракон сделал их своими приспешниками. Не могу сказать того же о великанах. Я до сих пор не понимаю, являются они злыми по природе своей или просто по-иному смотрят на мир. И человек для великана — то же самое, что и для какого-нибудь голодного тигра: добыча, которую можно поймать и съесть. Поэтому, когда мне приходилось убивать гоблинов, поври и великанов, я не испытывал угрызений совести.

И жалости — тоже.

Из всех пяти рас, что населяют наш мир, люди представляются мне самыми таинственными и непостижимыми. Среди них попадаются такие удивительные и прекрасные личности, как брат Эвелин, но среди них же встречаются жестокие и отвратительные тираны. В целом, как мне думается, люди все же склонны к добру, но, в отличие от тех же эльфов, совершенно непредсказуемы и недисциплинированны! И все же по своему характеру и представлениям люди стоят намного ближе к эльфам, чем к остальным трем расам.

Исключение составляют лишь серые тени…

Пожалуй, нигде более представления о зле не являются столь запутанными и противоречивыми, как у служителей Абеликанской церкви — высшей моральной инстанции для подавляющего большинства людей. Наверное, поэтому служителей и монахов церкви привычно считают предводителями человеческих душ. И поэтому любая ошибка, допущенная высшими иерархами церкви, приводит к столь катастрофическим последствиям. Доказательство тому — история Эвелина. Для церковников он был еретиком. Но, по правде говоря, вряд ли можно найти человека более благочестивого, милосердного, щедрого и готового к самопожертвованию во имя всеобщего блага, чем он.

Возможно, отец-настоятель, пославший Карающего Брата, чтобы расправиться с Эвелином, сумеет оправдать свои действия (по крайней мере, перед самим собой) тем, что они были предприняты ради всеобщего блага. Как-никак при бегстве Эвелина был убит магистр; к тому же Эвелин похитил камни, которые ему не принадлежали.

Но отец-настоятель ошибается. Рассуждая поверхностно, можно обвинить

Эвелина в воровстве, однако он имел моральное право на эти самоцветы. Мне посчастливилось видеть его деяния, прежде чем Эвелин пожертвовал собой, избавив мир от демона-дракона, и потому у меня нет сомнений в этом.

Однако меня не перестает удивлять присущая любому человеку способность оправдывать собственные действия.

Элбрайн Виндон

ГЛАВА 25
РОДЖЕРУ ПРИХОДИТСЯ ВЫБИРАТЬ

К тому времени, когда Роджер Не-Запрешь со своим тяжким во всех отношениях грузом добрался до северных ворот Палмариса, он успел возбудить к себе немалый интерес. Всякий, кто двигался по дороге в нынешние опасные времена, вызывал настороженное любопытство окрестных крестьян и их домочадцев. Некоторые из них даже решились приблизиться к путнику и забросали его вопросами.

Роджер отвечал односложно и ограничивался ответами лишь на общие вопросы вроде: «С севера идешь?» или «Там еще остались гоблины?». Крестьяне довольствовались уклончивыми ответами парня, зато стража у городских ворот оказалась более дотошной. Как только стражники увидели, что к городу приближается какой-то человек, ведя под уздцы прихрамывающую лошадь с двумя мертвыми всадниками, массивные городские ворота распахнулись и к Роджеру бросились двое закованных в латы солдат.

От взгляда Роджера не ускользнуло, что со стен за ним пристально следят другие стражники и их луки нацелены ему прямо в голову.

— Твоих рук дело? — грубо спросил один из подошедших солдат, разглядывая тела.

— Другой, не этот, — поспешно ответил Роджер, увидев, как стражник приподнял голову Коннора и в ужасе отшатнулся, узнав молодого аристократа.

Второй солдат тут же подскочил к Роджеру, выхватил меч и приставил к горлу парня.

— Как ты думаешь, если бы я убил племянника барона, решился бы я открыто войти в Палмарис? — спокойно спросил Роджер.

Пусть знают, что он — не какой-нибудь бродяга, промышляющий грабежом.

— Среди имен, которыми меня называют, «дурак» не значится. Коннор Билдеборох был моим другом. И потому, невзирая на неотложные дела, я не мог бросить его на дороге, чтобы его тело трепали гоблины и подобная им мразь.

— А второй кто? — столь же угрюмо спросил солдат, подходя к лошади. — По виду — вроде как из монастыря, так?

— Только не из здешнего, — ответил Роджер. — Он из Санта-Мир-Абель.

Солдаты опасливо переглянулись. Они не участвовали в освобождении Коннора Билдебороха, но наслушались рассказов своих товарищей, и это лишь подхлестнуло их подозрительность при виде двух трупов, восседавших на лошади.

— А этого ты убил? — спросил солдат.

— Я, — помедлив, ответил Роджер.

— Значит, признаёшь свою вину? — быстро спросил его другой солдат.

— Если бы я этого не сделал, он наверняка убил бы меня, — пояснил Роджер, глядя солдату прямо в глаза. — Мне кажется, теперь, когда вы убедились, кто перед вами, разговор лучше продолжить в доме барона.

Солдаты переглядывались, не зная, что предпринять.

— Если, конечно, вы не хотите, чтобы вокруг мертвого Коннора Билдебороха собралась толпа, — уже резче добавил Роджер. — Любителей поживиться всегда хватает. Кто-то наверняка позарится на его меч. По городу поползут слухи, которые обязательно достигнут ушей барона или настоятеля Сент-Прешес, и еще неизвестно, чем все это кончится.

— Открывай ворота, — крикнул стражникам солдат, что стоял возле лошади.

Он махнул своему товарищу, и тот убрал меч.

— Нечего глазеть, расходитесь по домам, — бросил он возбужденным и перешептывающимся зевакам.

Окружив Роджера и лошадь с мертвыми седоками, солдаты повели их к воротам. После этого ворота сразу же закрыли — кто знает, нет ли у этого чужака сообщников среди окрестных крестьян. Здесь солдаты грубо схватили Роджера, толкнули к стене, обыскали с ног до головы и изъяли все, что даже отдаленно напоминало оружие.

Третий стражник принес рогожи и прикрыл ими мертвецов. Он взял лошадь под уздцы, а его товарищи подхватили Роджера под локти и поволокли по городским улицам.

Роджеру пришлось долго сидеть в одном из покоев внушительного и просторного дворца Чейзвинд Мэнор. В одиночестве его не оставили — парня стерегли двое не расположенных к разговорам солдат с угрюмыми лицами. Время тянулось еле-еле. Роджер сидел, ждал, пел сам себе песни и даже трижды пересчитал все доски пола, сделанного из какого-то твердого дерева. Так прошло несколько часов.

Когда наконец появился барон, Роджер понял причину задержки. Лицо старика пылало, воспаленные глаза ввалились, на всем облике лежала печать горя. Известие о гибели племянника поразило его как гром среди ясного неба. Коннор ничуть не преувеличивал, говоря, что дядя относится к нему как к сыну.

— Кто убил моего племянника? — спросил барон Билдеборох, не успев даже сесть напротив Роджера.

— Думаю, вам показали убийцу. Он тоже мертв, — ответил Роджер.

— Монах, — произнес барон таким тоном, словно это его не особо удивило.

— Монахов из Санта-Мир-Абель было двое, и они напали на нас, — начал Роджер.

— На вас?

— На Коннора, меня и… — Роджер осекся, не желая называть своих друзей.

— Рассказывай о Конноре, — нетерпеливо потребовал барон. — Подробности потом.

— Во время схватки второй монах был убит, — объяснил ему Роджер. — Этого мы взяли в плен, и мы с Коннором повели его к вам. Мы уже подходили к городу, когда этот монах сумел развязаться и голыми руками убил вашего племянника.

— Мой лекарь говорит, что с момента смерти Коннора прошло больше времени, чем получается по твоему рассказу, — перебил его барон Билдеборох. — Ведь ты убил монаха близ города?

— Нет, в другом месте, — запинаясь произнес Роджер. — Коннор умер мгновенно, это я видел собственными глазами. Я понял, что мне не справиться с монахом, и бежал, взяв лошадь Коннора.

— Грейстоун, — подсказал Рошфор. — Имя этой лошади — Грейстоун.

Роджер кивнул и продолжал:

— Монах бросился за мной вдогонку, и когда Грейстоун потерял подкову, я понял, что мне конец. Но моя сила — в хитрости. Я подстроил ему ловушку, в которую он и попался. Я не собирался убивать этого монаха, а только хотел снова взять его в плен, чтобы он по закону ответил за свои преступления. Но оказалось, что убил.

— Мне давно рассказывали о твоих хитроумных проделках, Роджер Биллингсбери, — сказал барон. — Или ты предпочитаешь называться Роджером Не-Запрешь?

Ошеломленный парень не знал, что ответить.

— Не бойся, — успокоил его барон Билдеборох. — Я говорил с одним из твоих недавних спутников и услышал весьма хвалебные отзывы о тебе. Мне по секрету рассказали о том, сколько бед ты причинил поври в Кертинелле.

Онемевший Роджер мог лишь кивать.

— По чистой случайности в числе моих слуг находится дочь женщины, которую ты зовешь тетушкой Келсо, — объяснил барон.

Роджер воспрянул духом и даже улыбнулся. Если барон Билдеборох поверил тетушке Келсо, тогда этого человека можно не бояться.

— Я ведь предупреждал Коннора. Ох, до чего же он был порывистым и бесшабашным! — тихо воскликнул Рошфор. — Если поври сумел пробраться в покои Добриниона, никто из нас не может чувствовать себя в безопасности. Я говорил ему об этом. Но этот гнусный монах… — добавил барон, покачав головой. — Я никак не могу понять: почему вдруг этот убийца охотился за Коннором?

— Настоятеля Добриниона убил не поври, — твердым голосом ответил Роджер. — А гнусный монах — опытный и изощренный убийца.

Когда Рошфор поднял глаза на Роджера, лицо барона выражало одновременно ярость и удивление.

— Потому мы с Коннором и торопились к вам, — сказал Роджер. — Коннор знал, что настоятеля Добриниона убил не поври, а монахи. И он хотел подтвердить это, приведя одного из них в качестве пленника.

— Выходит, что настоятеля Добриниона убил монах Абеликанского ордена? — недоверчиво спросил Рошфор.

— Дело здесь не только в Добринионе, — попытался объяснить старику Роджер.

Он знал, что должен говорить крайне осторожно, чтобы не сболтнуть лишнее о своих друзьях.

— Дело касается похищенных магических самоцветов и борьбы за власть внутри церкви. Я тут вообще ничего не понимаю, — признался Роджер. — Какие-то хитросплетения. Знаю лишь, что двое монахов, напавших на меня и моих друзей, до этого убили настоятеля Добриниона. Коннор в этом не сомневался.

— А что заставило его отправиться на север? — хотел знать Рошфор. — Ты-то сам был знаком с ним прежде?

— Я — нет, но один из моих спутников — да, — сознался Роджер.

Глубоко вздохнув, он решил рискнуть.

— Это женщина. Когда-то она недолгое время была замужем за Коннором.

— Джилли, — выдохнул Рошфор.

— Большего я вам сказать не могу и прошу вас: ради нее и ради всех нас — не надо меня дальше об этом расспрашивать, — сказал Роджер. Вам достаточно знать, что Коннор отправился на север, чтобы предупредить нас. И, спасая нас, пожертвовал своей жизнью.

Барон Билдеборох откинулся в кресле, переваривая услышанное и сопоставляя рассказ Роджера с недавними событиями в монастыре, связанными с отцом-настоятелем и монахами из Санта-Мир-Абель. После долгого молчания старик поднял глаза на Роджера, затем указал на пустой стул рядом.

— Посиди со мной по-дружески, — искренне попросил он. — Я хочу знать все о последних днях Коннора. И я хочу знать все о Роджере Биллингсбери, чтобы нам вдвоем продумать наилучшее направление дальнейших действий.

Роджер осторожно переместился на стул поближе к барону. Его немало ободрило, когда барон назвал их союзниками.

— Это он, — утверждал Джуравиль, вглядываясь своими зоркими глазами вдаль. — Я узнал его по неуклюжей манере держаться в седле, — со смехом добавил он. — Меня удивляет, почему столь ловкий человек, как Роджер, сидит на лошади, словно бревно.

— Он не чувствует лошадь, — объяснил Элбрайн.

— Не хочет чувствовать, — возразил эльф.

— Не каждый проходил выучку у тол'алфара, — с улыбкой добавил Элбрайн.

— Не каждому повезло владеть бирюзой и иметь доступ к сердцу своего коня, — включилась в разговор Пони, потрепав Дара по шее.

Конь негромко заржал.

Друзья съехали с холма и устремились наперерез Роджеру.

— Все прошло замечательно! — взволнованно прокричал он, радуясь встрече с друзьями.

Он пришпорил лошадь и потуже натянул поводья другой лошади, скакавшей рядом.

— Вижу, что ты встретился с бароном Билдеборохом, — сказал Элбрайн.

— Он отдал мне лошадей, — объяснил парень. — Это вот — Филдер, — добавил он, потрепав по шее любимца Рошфора.

Роджера поразила щедрость барона, отнесшегося к нему почти с отеческой заботой.

— А Грейстоун — для тебя, — сказал он Пони, подводя к ней белогривую лошадь. — Барон Билдеборох утверждал, что Коннор наверняка отдал бы эту лошадь тебе. И это тоже, — прибавил он, доставая из-за седла великолепный меч Коннора — Защитник.

Пони недоумевающе уставилась на Элбрайна, но тот лишь пожал плечами и тихо сказал:

— Похоже, барон был прав.

— Следовательно, барону известно о нас, — весьма недовольным тоном заключил Джуравиль. — По крайней мере, он знает о Пони.

— Я рассказал ему не так уж много, — ответил Роджер. — Честное слово. Но он хотел знать. Ведь Коннор был ему вместо сына, и смерть племянника буквально подкосила его.

Роджер повернулся к Элбрайну, зная, что тот будет его самым строгим судьей.

— Я полюбил барона, — признался Роджер. — И поверил ему. Не думаю, чтобы он был нашим врагом, особенно теперь, когда он знает, кто является убийцей Коннора.

— Похоже, что и барон полюбил Роджера Не-Запрешь, — заметил Элбрайн. — И поверил ему. Его подарки — не пустяк.

— Он понял послание, — ответил Роджер. — И намерения вестника — тоже. Барон понимает, что, противопоставляя свое могущество могуществу Абеликанской церкви, он встает на опасную тропу. Ему не меньше нашего нужны надежные союзники.

— Что именно ты успел порассказать ему о нас? — все так же сурово спросил Джуравиль.

— Он вообще не стремился расспрашивать, — спокойно ответил Роджер. — Барон поверил, что я — его друг и враг его врагов. Он не стал расспрашивать о том, кто вы и откуда. Ну а о Пони он сам догадался.

— Ты действовал правильно, — немного подумав, сказал Элбрайн. — Как барон видит дальнейшее развитие событий?

Роджер пожал плечами. Ему очень не хотелось услышать этот вопрос.

— Могу сказать наверняка: барон этого так не оставит. Он пообещал, что, если понадобится, мы отправимся к королю. Но мне кажется, он боится затевать войну между королем и церковью.

— Как понимать «мы»? — спросила Пони, зацепившись за это слово.

— Он хочет, чтобы я был свидетелем, — ответил Роджер. — Барон очень просил меня вернуться как можно быстрее, чтобы мы могли обдумать поездку в Урсал. Он намерен встретиться с несколькими надежными монахами из Сент-Прешес. Если это ничего не даст, он отправится в Урсал.

— Разумеется, я ничего не стал ему обещать, — добавил Роджер, заметив удивление на лицах своих друзей.

— Насколько я понял, нам предстоит отправиться в Санта-Мир-Абель, — сказал Роджер. — Барон Билдеборох хочет быть в Урсале до наступления холодов. Он узнал, что в середине калембра будет созвана Коллегия Аббатов. Барон намерен увидеться с королем до того, как Джеховит, настоятель Сент-Хонс, поедет на север. Но у меня никак не получается по времени поехать с вами в Санта-Мир-Абель и поспеть в Палмарис к отъезду барона. Неизвестно, сколько мы пробудем в том монастыре.

Лица собравшихся по-прежнему выражали сомнение.

— Значит, вы не хотите брать меня с собой! — с ужасом воскликнул Роджер.

— Ошибаешься, хотим, — ответила Пони.

— Но если для успеха общего дела будет лучше, чтобы ты оставался рядом с бароном Билдеборохом, тебе нужно остаться с ним, — добавил Элбрайн.

Пони и Джуравиль кивнули в знак согласия.

— Я заслужил свое место среди вас, — стал возражать Роджер.

Он вдруг снова превратился в обиженного ребенка, в котором громко кричало уязвленное самолюбие, считавшее возвращение к барону явным оскорблением.

— Мы же научились сражаться плечом к плечу. Разве не я убил Карающего Брата?

— Все, что ты говоришь, — правда, — ответила Пони.

Она подошла к Роджеру и обняла его за плечи. — Каждое слово. Ты действительно заслужил свое место среди нас, и мы были бы рады и признательны, если бы ты отправился с нами. И твои удивительные способности помогли бы нам успешнее справиться с тем, что нам предстоит в Санта-Мир-Абель.

— Но… — подсказал Роджер.

— Но мы не уверены, что победим, — резко ответила Пони, и ее откровенность застала Роджера врасплох.

— И все же вы туда отправитесь.

— Там наши друзья, — сказал Элбрайн. — Мы должны это сделать. Мы должны попытаться всеми возможными способами вырвать Смотрителя и семью Чиличанк из когтей отца-настоятеля.

— Всеми возможными способами, — подчеркнул Джуравиль.

Роджер начал было возражать, но вдруг умолк, закрыл глаза и сжал губы. До него наконец-то дошел смысл сказанного.

— И если вы не сумеете силой вызволить их оттуда, единственным шансом останется вмешательство короля или тех сил в церкви, которые неподвластны коварному отцу-настоятелю, — заключил он.

— Если хочешь, ты можешь ехать с нами, — искренне сказал Элбрайн. — И мы будем этому только рады. Но поскольку ты один говорил с бароном Билдеборохом, то лишь тебе одному и решать, какой путь сейчас важнее для Роджера Не-Запрешь.

— Только я могу решать, какой путь важнее для спасения Смотрителя и Чиличанков, — поправил его Роджер.

Он умолк, остальные — тоже, не желая мешать ему думать. Роджеру очень хотелось отправиться в Санта-Мир-Абель и участвовать в этом несравненном приключении.

Отчаянно хотелось.

Но голос разума заглушил поднявшиеся в нем чувства. Барон Билдеборох нуждался в нем сильнее, чем Элбрайн, Пони и Джуравиль. Джуравиль вполне может занять его место и быть разведчиком. А если им суждено будет принять бой, по сравнению с мечом Элбрайна и магией Пони его сноровка — ничто.

— Обещайте мне, что вы разыщете меня, когда будете возвращаться через Палмарис, — произнес парень, с трудом выговаривая каждое слово.

Элбрайн рассмеялся.

— Неужели ты в этом сомневаешься? — чистосердечно спросил он. — Джуравиль обязательно будет возвращаться домой через Палмарис.

— И мы с Элбрайном — тоже, — добавила Пони. — Когда все это кончится и снова воцарится мир, мы вернемся на нашу родину, в Дундалис. Там же и родные места Смотрителя. А перед этим мне нужно вернуть в Палмарис мою семью, — сказала она.

С тихой улыбкой она крепко обняла Роджера, едва не выхватив его из седла.

— Даже если бы наш путь лежал в другом направлении, мы ни за что не забыли бы про Роджера Не-Запрешь.

Она поцеловала парня в щеку, отчего тот густо покраснел.

— Видишь, у каждого из нас есть свой долг, — продолжала Пони. — Две возможности победить одного врага. Мы победим его, и тогда вместе отпразднуем победу.

Роджер оцепенело кивнул. Под напором чувств он был не в состоянии говорить. Элбрайн подвинулся к нему и потрепал по плечу. Роджер обернулся и увидел одобрительно кивающего Джуравиля. Как он не хотел покидать их! Разве он мог уйти от первых в его жизни настоящих друзей? От тех, кто не постеснялся сказать ему правду о его недостатках и

кто сумел оценить его достоинства?

Но поскольку его настоящим друзьям грозили настоящие опасности со стороны могущественной Абеликанской церкви, Роджер понимал, что должен вернуться к барону Билдебороху. За свои недолгие годы он успел многое повидать, но никогда еще совесть не требовала от него столь значительной жертвы. Когда-то из-за своего каприза он отправился вслед за Элбрайном в Кертинеллу. Сейчас его решение было продиктовано альтруизмом, а не завистью и не страхом, что Элбрайн его превзойдет. На этот раз Роджер действовал из любви к Пони и Элбрайну, а также к Джуравилю — самому суровому и беспощадному его другу.

Роджер молча пожал Элбрайну руку, обнял его, затем натянул поводья Филдера и ускакал.

— А он вырос, — произнес Белли'мар Джуравиль.

Пони и Элбрайн молча кивнули. Им обоим было грустно расставаться с Роджером. Пони спрыгнула с Дара и подошла к Грейстоуну. Элбрайн взял Дара под уздцы, и они оба повели лошадей к месту привала.

Быстро собрав то немногое, что требовалось им в дорогу, друзья выехали в направлении Палмариса. Джуравиль накинул на крылья покрывало, спрятав под ним и свое оружие, и стал похож на мальчика, сидящего позади Пони. Они решили въехать в город через северные ворота. Теперь, когда непосредственная угроза вражеского вторжения миновала, ворота закрывались позже, и все трое надеялись, что сумеют беспрепятственно въехать в Палмарис.

Через селения на подступах к городу ехали молча. Большинство домов по-прежнему были пусты, но в некоторые уже вернулись их обитатели. Несколько раз они замечали впереди фигурку Роджера, но не стали окликать его. Учитывая недавние события и отношения, складывающиеся между Роджером и бароном Билдеборохом, их появление у городских ворот вчетвером лишь возбудило бы ненужный интерес.

По той же причине Элбрайн и Пони послушались совета Джуравиля и остановились на ночлег, не доезжая Палмариса. Лучше дождаться дня. К тому времени городская стража успеет позабыть о Роджере.

Никому не хотелось нарушать тишину, особенно Элбрайну, которого одолевали раздумья.

— Думаешь о Смотрителе? — спросила за ужином Пони, когда они ели великолепное жаркое из кроликов, подстреленных Джуравилем.

Элбрайн кивнул.

— Я помню его в Дундалисе. Это было еще до твоего возвращения. А ты помнишь, как в детстве мы сидели на северном склоне и ждали наших отцов с охоты? Тогда мы впервые услышали музыку Лесного Духа.

Пони улыбнулась, вспомнив далекое, безоблачное время. Она понимала, что Элбрайном владеет нечто большее, чем ностальгические чувства. В каждом слове ее любимого сейчас ощущались угрызения совести.

Сидевший поодаль Джуравиль тоже уловил состояние Элбрайна и быстро включился в разговор.

— Но ты же думал, что он погиб, — напомнил эльф.

Пони и Элбрайн разом повернулись к нему.

— Глупо казнить себя, — продолжал эльф. — Ты ведь считал, что его придавило громадной глыбой. Что вам оставалось делать? Голыми руками разгребать завал? Или ты забыл, Полуночник, что у тебя была сломана и покалечена рука?

— Мы не виним себя, — возразила Пони, но ее слова прозвучали неубедительно даже для нее самой.

— Нет, вините! — сказал ехидно посмеиваясь Джуравиль. — Людям свойственно предаваться самобичеванию. Для меня это чересчур. Сейчас не время винить себя, особенно вам. Вы сделали все, что могли, и до конца были верны кентавру. Но даже сейчас, при всем

том, что вам известно, вы сомневаетесь: а Смотритель ли это?

— Похоже, есть веские доказательства, что это он, — ответил Элбрайн.

— Но у вас были такие же веские доказательства его гибели, — возразил эльф. — Существует нечто, чего вы никак не можете понять, и не напрасно. Ведь если это действительно Смотритель, значит, некая сила, недоступная вашему пониманию, поддерживала в нем жизнь. Или его действительно воскресили из мертвых. Так?

Элбрайн и Пони переглянулись.

— Уже одно это должно было бы погасить в вас чувство вины, — рассудил эльф. — Если бы вы были уверены, что Смотритель мертв, то кто, включая и вас самих, стал бы обвинять вас? В таком случае вы оставили в том жутком месте не более чем мертвое тело.

— Ты опять прав, — признался Элбрайн, через силу улыбнувшись.

Он очень нуждался сейчас в простой рассудительности народа эльфов и обрадовался словам Джуравиля.

— Тогда незачем оглядываться на пройденный путь, — сказал эльф. — Глядите вперед. Если это действительно Смотритель и он до сих пор жив, ему нужна ваша помощь. И когда мы совершим то, что задумали, и кентавр окажется на свободе, насколько лучше станет дышать на этой земле!

— И мы сможем вернуться с ним в Дундалис, — добавила Пони. — И дети тех, кто придет возрождать город, будут слушать волшебные песни Лесного Духа.

Всем стало легче. Они закончили ужин разговорами о грядущей жизни, когда предстоящая им тяжелая дорога будет успешно пройдена, когда Хонсе-Бир вновь обретет мир, Тимберленд вновь станет принадлежать людям, а церковь вернется к своим истинным принципам.

Спать легли рано, клятвенно пообещав уже на рассвете миновать городские ворота. Пони и Элбрайн спали крепко, поскольку Джуравиль зорко охранял их покой.

ГЛАВА 26
НАСТОЯТЕЛЬ ВХОДИТ В РОЛЬ

Сердитый и подавленный, магистр Джоджонах с трудом волочил ноги, идя по главному коридору верхнего яруса Санта-Мир-Абель. Коридор был величественным и очень длинным. Он тянулся вдоль всей прибрежной части монастыря, выходя окнами на залив Всех Святых. Окна отстояли на несколько футов друг от друга и сейчас были справа по ходу магистра. По левую руку от него находились двери, но, в отличие от окон, расстояние между ними не было одинаковым. Двери украшала затейливая резьба. Каждая изображала одну из притч, слагавших основу Абеликанской церкви. Из полусотни дверей за все годы пребывания в монастыре магистр Джоджонах удостоил своим вниманием не более двух десятков. Возможно, в иное время он замедлил бы шаг и взглянул еще на одну. Где-нибудь через час пристального разглядывания он целиком усвоил бы содержание очередной панели площадью в шесть квадратных дюймов и стал бы размышлять над скрытым смыслом притчи. Однако сегодня, будучи сильно обозленным и не испытывая ни малейшего желания постигать мудрость своего заблудшего ордена, магистр не стал останавливаться. Он наклонил голову и закусил губы, чтобы воздержаться от мыслей вслух.

Неожиданно кто-то преградил ему путь. Удивленный магистр отпрянул и поднял голову, увидев улыбающееся лицо брата Браумина Херда.

— Брат Делман поправляется, — сообщил ему молодой монах. — Говорят, будет жить и даже сможет ходить, хотя, наверное, останется хромым.

Магистр Джоджонах молчал. Выражение его лица оставалось таким же сердитым, что немало встревожило брата Браумина.

— Что-нибудь случилось? — спросил он.

— А мне какое дело? — вырвалось у Джоджонаха прежде, чем он смог сознательно обдумать ответ.

Он тут же молча выбранил себя. Грубый ответ, который прозвучал против его воли, лишь показал, насколько злым и неуправляемым он теперь стал. Из-за злости и подавленности он совершил непростительную ошибку, попытавшись оказать давление на Маркворта. Конечно же, Джоджонаху было далеко не безразлично состояние брата Делмана! Естественно, он радовался, что этот искренний молодой монах поправляется. И изливать гнев на брата Браумина — ближайшего своего друга — он тоже не хотел. Он взглянул на помрачневшее и удивленное лицо монаха и собрался извиниться.

Но Джоджонах тут же отказался от своего намерения. Он мысленно увидел лежащее в гробу безжизненное тело Браумина Херда. Видение буквально потрясло грузного монаха, и он почувствовал невыразимую боль, какую испытывает отец, потерявший взрослого сына.

— Ты бы не лез в то, что тебя не касается, брат Браумин, — вместо этого громко и резко произнес магистр.

Браумин беспокойно огляделся по сторонам, опасаясь, что их могут подслушать. В коридоре маячили фигуры монахов, но рядом с ними не было ни души.

— Да, брат Делман сильно покалечился, — продолжал Джоджонах. — Но, как мне сказали, по собственной же глупости. Все люди смертны, брат Браумин. Такова высшая истина, неизбежный факт нашего существования. Если бы брат Делман умер… что ж, значит, так тому и быть. Умирали и более достойные люди.

— Что за чушь вы говорите? — шепотом решился спросить брат Браумин.

— Чушь — это твое высокомерие, — незамедлительно хлестнул его словами магистр. — Чушь — это верить, будто в истории человечества какой-то один человек может по-настоящему отличаться от другого.

Магистр усмехнулся, махнул рукой, давая понять, что разговор окончен, и двинулся дальше. Брат Браумин догнал его и схватил за руку, однако Джоджонах грубо вырвал руку.

— Обратись-ка лучше к собственной жизни, брат Браумин, — бросил ему магистр. — Поищи для себя смысл в том, что тебя привлекает, и найди себе уголок в этом слишком уж большом мире!

Джоджонах с шумом удалился. Недоумевающий, пораженный в самое сердце, Браумин долго глядел ему вслед.

Самому магистру было ничуть не лучше. Где-то посередине своей маленькой речи он чуть не поддался нахлынувшему отчаянию. Но ведь все это он сделал с благой целью. Джоджонах постоянно твердил себе об этом. Он вновь обретал внутренний центр. Вместе со своей безобразной тирадой магистр выплеснул изрядную долю гнева. Брата Браумина он выбранил намеренно, потому что любил этого человека и хотел, чтобы тот держался от него подальше. Лучше всего, если он как можно дольше не узнает об отъезде Джоджонаха с Де'Уннеро. Пусть ломает голову и думает, куда он подевался.

Учитывая состояние, в котором сейчас находится Маркворт, и нарастающее безумие старика, это будет самым безопасным. Браумину придется затаиться и, возможно, надолго. Теперь, когда очередной жертвой «несчастного случая» стал брат Делман, Джоджонах вдруг понял, насколько эгоистично он вел себя с Браумином. Он смутил молодого брата разговорами об Эвелине и о заблуждениях церкви, а потом еще отправил их с Делманом к священной могиле Эвелина. Испытывая уколы совести, Джоджонах нуждался в поддержке Браумина и от отчаяния втянул его в свою маленькую тайную войну.

Теперь магистра буквально обжигало при мысли о том, как все это может сказаться на судьбе брата Браумина. Маркворт выиграл, а он-то по глупости своей долгое время воображал, будто сможет победить могущественного отца-настоятеля.

Черное облако отчаяния вновь начало обволакивать Джоджонаха. Он ощутил себя разбитым и больным, как когда-то по дороге в Урсал. Все его силы, вся его праведная решимость разом исчезли.

Он даже сомневался, удастся ли ему добраться до ворот Сент-Прешес.

Брат Браумин все так же оцепенело стоял посреди длинного коридора. Он никак не мог прийти в себя после отповеди магистра Джоджонаха. Что могло послужить причиной такой

метаморфозы?

А вдруг он говорил вовсе не с магистром Джоджонахом? Ведь Маркворту и даже Фрэнсису ничего не стоило совершить одержание и воспользоваться телом его наставника.

Браумин быстро успокоился и отбросил эту мысль. Одержание было делом нелегким даже в тех случаях, когда человек не подозревал об этом и не владел магией камней. Но Джоджонах прекрасно умеет пользоваться магическими камнями, а дух его закален и способен предотвратить подобное вторжение.

Так что же тогда произошло? Почему после многих дней, проведенных в откровенных разговорах, магистр вдруг заговорил с ним столь грубо и сердито? Почему он практически отрекся от всего, что они оба пытались сделать, от всего, за что боролся Эвелин?

Браумин подумал о бедном Делмане и о роковом «несчастном случае». Молодые монахи втайне подозревали, что это был вовсе не несчастный случай, а скорее согласованный маневр, предпринятый Де'Уннеро и теми двумя молодыми монахами, которые вместе с Делманом вращали колесо. Цепочка мыслей привела Браумина к единственно возможному ответу: наверное, Джоджонах пытался обезопасить его.

У Браумина Херда хватило мудрости и понимания кроткой натуры магистра Джоджонаха, чтобы отбросить в сторону обиды и поверить, что именно так оно и есть. Но этим его недоумение не исчерпывалось. Почему вдруг Джоджонах отказался от прежних замыслов? Они же так долго обсуждали путь скрытого неповиновения, и этот путь не представлял особого риска для брата Браумина.

Он продолжал стоять у окна, глядя на темные холодные воды залива и перебирая в уме причины перемены, произошедшей с его наставником. Вдруг прямо над ухом раздался чей-то резкий голос. Он повернулся и увидел брата Фрэнсиса. У Браумина появилось четкое ощущение, что во время их разговора тот находился где-то неподалеку. Возможно, Джоджонах знал, что за ними шпионят, — с надеждой подумал брат Браумин.

— Прощаешься? — насмешливо спросил Фрэнсис.

Браумин вновь повернулся к окну.

— С кем? — не понял он. — Или с чем? С жизнью? Ты думал, я собираюсь выпрыгнуть из окна? Или, может, надеялся, что выпрыгну?

Брат Фрэнсис, засмеялся.

— Будет тебе, брат Браумин, — сказал он. — Пора бы нам перестать препираться друг с другом. Особенно сейчас, когда перед нами открываются такие возможности.

— Послушай, брат Фрэнсис, не припомню, чтобы ты пребывал в столь радужном настроении, — ответил Браумин. — Никак кто-то умер?

Фрэнсис пропустил колкость мимо ушей.

— Скорее всего, нам с тобой придется работать вместе немало лет, — сказал он. — Чтобы у нас не было разнобоя в обучении первогодков, мы с тобой должны получше узнать друг друга.

— Первогодков? — повторил вслед за ним Браумин. — Этим занимаются магистры, а не безупречные…

Услышав собственные слова, брат Браумин начал догадываться, куда все это ведет. В отличие от Фрэнсиса, волнения он не испытал.

— Что тебе известно? — коротко спросил Браумин.

— Вскоре два места магистров в Санта-Мир-Абель окажутся вакантными, — с самодовольным видом объявил Фрэнсис. — Поскольку братьев, достойных занять эти места, можно пересчитать по пальцам, отцу-настоятелю будет непросто принять решение. Возможно, ему придется подождать до весны, когда достойнейшие из моих ровесников будут переведены на уровень безупречных. Вот я и подумал, что твой переход на уровень магистров мог бы быть делом решенным. Ты — самый старший среди безупречных. К тому же ты был ближайшим помощником Джоджонаха во время нашей ответственной миссии. Но, честно говоря, тут все же есть кое-какие сомнения.

Брат Фрэнсис вновь рассмеялся и собрался уйти, но Браумин грубо схватил его за

плечо и развернул к себе.

— Вот и еще одно свидетельство не в твою пользу, — сказал Фрэнсис, уставившись на его руку.

— Какие два магистра? — резко спросил Браумин.

Впрочем, несложно было догадаться, что один из двоих — Джоджонах.

— А разве твой наставник тебе ничего не сказал? — удивился Фрэнсис. — Я видел, как ты разговаривал с ним. Или я ошибся?

— Какие два магистра? — вновь потребовал ответа брат Браумин, крепко держа Фрэнсиса за сутану.

— Джоджонах, — ответил Фрэнсис, вырываясь из его рук.

— Как?

— Завтра утром он должен отправиться в Сент-Прешес. Он будет сопровождать магистра Де'Уннеро, который станет новым настоятелем палмарисского монастыря, — с удовольствием сообщил брат Фрэнсис.

Он наслаждался, глядя на удрученное лицо брата Браумина.

— Врешь! — закричал Браумин.

Он изо всех сил пытался взять себя в руки. Нельзя показывать, как больно ударила по нему весть об отъезде Джоджонаха. И все же Браумину было не совладать с собой.

— Врешь! — вновь крикнул он и отпихнул Фрэнсиса с такой силой, что тот едва не растянулся на полу.

— Ах, какой ты у нас чувствительный, брат Браумин, — с упреком произнес Фрэнсис. — Боюсь, это послужит еще одним свидетельством против твоего возможного назначения.

Браумин не слушал. Он быстро прошел мимо Фрэнсиса и зашагал по коридору. Вначале он хотел догнать Джоджонаха, но передумал. Зачем идти к нему в таком подавленном и смятенном состоянии? Браумин повернул назад и стремительно пошел, а потом побежал к себе в келью.

Брат Фрэнсис внимательно следил за ним. Он давно не получал такого громадного удовольствия.

И все же брат Браумин понимал, что Фрэнсис не врет. Похоже, отец-настоятель ударил по магистру Джоджонаху, и не менее успешно, чем по брату Делману. После гибели почтенного Добриниона статус Сент-Прешес заметно понизился. Вряд ли там кто-нибудь решится вмешиваться в дела нового настоятеля, и потому Джоджонах целиком окажется под бдительным оком коварного Де'Уннеро. Маркворт нашел способ связать магистра по рукам и ногам.

Теперь Браумину стал лучше понятен горестный спектакль, который магистр Джоджонах разыграл перед ним в коридоре, — этот внезапный отказ и отречение от всею, что они надеялись достичь совместными усилиями. Он понял, что его наставник был разбит и доведен до крайнего отчаяния. Это открытие заслонило гнев и боль брата Браумина и заставило его направиться в келью Джоджонаха.

— Трудно поверить, что у тебя хватило ума, точнее, глупости явиться сюда, — холодно произнес Джоджонах.

— Прикажете бросать друзей, когда они более всего нуждаются во мне? — иронически спросил Браумин.

— Нуждаются в тебе? — удивился магистр.

— Тьма окутала вам душу и сердце, — взволнованно сказал брат Браумин. — Все ваше лицо кричит от боли, а уж мне-то ваше лицо знакомо лучше, чем кому-либо.

— Ничего ты не знаешь и продолжаешь нести чушь, — отрезал Джоджонах.

Но ему было действительно больно говорить в таком тоне со своим другом. Он напомнил себе, что делает это для блага Браумина, и потому продолжал в том же духе:

— Довольно слов. Иди-ка лучше и займись своими делами, пока я не сообщил отцу-настоятелю и он не передвинул твое имя в самый конец списка назначений.

Брат Браумин умолк и внимательно задумался над словами наставника. Теперь он яснее понимал: Джоджонах говорит о списке назначений, связывая это с разговором, который произошел у них в коридоре. Он словно подсказывает Браумину, что тот может избрать иной путь, отличный от пути старого магистра.

— Мне показалось, что вы раздавлены отчаянием, — тихо сказал брат Браумин. — Я только поэтому пришел сюда.

Тихие слова друга возымели свое действие.

— Не отчаянием, друг мой, — уже прежним тоном возразил он. — Я действовал из чисто практических побуждений. Похоже, что мое время подходит к концу, а моя дорога к Эвелину дала непредвиденный крюк. Что ж, путешествие продлится дольше, но я не перестану идти. Однако теперь мы уже не сможем идти вместе.

— И что же мне делать? — спросил Браумин.

— Ничего, — тут же ответил магистр Джоджонах, успевший тщательно обдумать сложившееся положение.

Брат Браумин недоверчиво и даже презрительно усмехнулся.

— Положение изменилось, — объяснил ему магистр Джоджонах. — Ах, Браумин, друг мой, здесь я сам виноват. Когда я узнал об участи пленников отца-настоятеля, я не смог сдержаться.

— Вы отправились к ним?

— Попытался, но меня остановили, причем грубо. Я недооценил ответные действия отца-настоятеля. По глупости своей я переступил границы здравого смысла и попытался оказать на Маркворта недопустимое давление.

— Никогда еще сострадание не считалось глупостью, — перебил его брат Браумин.

— Но все равно, мои действия побудили Маркворта на ответные меры, — ответил ему Джоджонах. — Отец-настоятель слишком силен и занимает слишком прочные позиции. Уверяю тебя, я не отказываюсь от своего пути. Придет время, и я открыто выступлю против Маркворта, но ты должен пообещать мне прямо сейчас, что не станешь участвовать в этой битве.

— Как я могу обещать вам такое? — удивленно спросил брат Браумин.

— Если в тебе есть хоть капля любви ко мне, сможешь, — ответил магистр Джоджонах. — Если веришь в то, что Эвелин говорит нам из могилы, сможешь. Если ты не дашь мне этого обещания, тогда знай, что моя дорога окончена и я не стану противостоять Маркворту. Пойми, я должен быть один, должен знать, что в результате моих действий никто не пострадает.

После долгого молчания брат Браумин кивнул.

— Я не стану вмешиваться, но ваше требование представляется мне нелепым.

— Не нелепым, друг мой, а практичным, — возразил магистр Джоджонах. — Я выступлю против Маркворта, но не смогу победить. Я это знаю. И ты, если перестанешь хорохориться и будешь честным с самим собой, поймешь, что это так.

— Если нельзя победить, зачем вам начинать войну?

Джоджонах негромко рассмеялся.

— Потому что она ослабит Маркворта. Когда об этом услышат, истина сможет найти путь к сердцам многих братьев нашего ордена. Представь, что я поступаю так же, как брат Аллабарнет. Я разбрасываю семена в надежде, что, когда меня уже не будет, из них вырастут деревья и принесут плоды для тех, кто пойдет по моим стопам. Представь, что я — один из первых строителей Санта-Мир-Абель. Они знали, что не увидят монастыря во всем его величии и завершенности, но все равно упорно и преданно трудились. Некоторые из них всю жизнь украшали тончайшей резьбой одну-единственную дверь или тесали камни для монастырских стен.

Поэтические слова наставника глубоко тронули брата Браумина, но не заставили его отказаться от желания начать сражение и победить.

— Если мы действительно верим в послание брата Эвелина, мы не можем стоять в

стороне, — сказал он. — Мы должны сражаться.

— Мы верим, а потому в конечном итоге обязательно победим, — перебил его магистр.

Он чувствовал, куда клонит молодой монах, и знал, что это лишь заведет их в тупик.

— Я должен верить в победу, но не в сиюминутную. Если мы оба выступим сейчас против Маркворта, это отбросит нас далеко, очень далеко назад, и еще неизвестно, удастся ли нам начать сначала. Я стар и чувствую, как старею с каждым днем. Уверяю тебя, я выступлю против Маркворта и против нынешнего пути церкви. Возможно, это заставит кого-то в нашем ордене по-новому взглянуть на наши привычные ритуалы и традиции.

— А каково мое место в этой безнадежной войне? — спросил брат Браумин, стараясь скрыть иронию в голосе.

— Ты молод и почти наверняка переживешь Далеберта Маркворта, — спокойно ответил Джоджонах. — Почти, потому что бывают разные случайности.

Магистр не стал упоминать имя Делмана, чтобы не наводить брата Браумина на грустные сопоставления.

— И что же? — спросил Браумин, но уже более сдержанным голосом.

— Ты будешь кротко нести слово, — ответил магистр Джоджонах. — Для Виссенти Мальборо, для брата Делмана и для всех, кто станет слушать. Опираясь на то немногое, что предстоит мне совершить, ты найдешь союзников везде, где пожелаешь. Только будь предельно осторожен, чтобы не нажить врагов. И самое главное…

Джоджонах умолк и отодвинул край половика, лежащего рядом со столом. В полу у него был устроен тайник.

— Самое главное — сохрани вот это.

Магистр достал из тайника старинную книжку и передал ее ошеломленному Браумину.

— Что это? — чуть слышно спросил молодой монах.

Он понимал, что держит в руках нечто очень важное. Наверняка этот манускрипт хотя бы отчасти объясняет причину странных решений магистра Джоджонаха.

— Это — ответ, — загадочно произнес Джоджонах. — Прочти эту книгу неспешно и втайне, а затем надежно спрячь и забудь о ней. Но только не выбрасывай ее из своего сердца, — добавил магистр, потрепав Браумина по плечу. — Если потребуется, играй с Марквортом в его игры, не уступая в этом самому брату Фрэнсису.

Такого брат Браумин никак не ожидал услышать и с неподдельным изумлением уставился на своего наставника.

— Я рассчитываю на то, что ты станешь одним из магистров Санта-Мир-Абель, — пояснил Джоджонах, спокойно выдержав его взгляд. — И причем скоро. Возможно, ты займешь мое место. Но здесь не все так гладко. Маркворту нужны зримые подтверждения того, что он борется не лично со мной, а с моим влиянием на других. В то же время о нашей с тобой дружбе знают многие. Повторяю: ты должен стать магистром и своей мудрой линией поведения добиться того, чтобы с годами сделаться настоятелем где-нибудь в другом монастыре или даже занять место самого Маркворта. Цельсь как можно выше, ибо ставки трагически высоки. За пределами круга приближенных Маркворта твоя репутация останется твердой и безупречной. Когда достигнешь вершины власти и займешь прочное положение, отбери надежных друзей и решай, как продолжать священную войну, начатую братом Эвелином. Возможно, тогда ты передашь книгу и эти идеи более молодому, надежному союзнику, а сам изберешь путь, схожий с моим. Возможно, ты со своими союзниками сумеешь повести открытую войну внутри церкви. Узнать об этом суждено тебе одному.

— Вы требуете слишком многого.

— Не больше, чем требовал от самого себя, — ответил с самоуничижительной усмешкой Джоджонах. — Я верю, что ты будешь лучше меня!

При этих словах брат Браумин хмыкнул, но Джоджонах затряс головой и не дал ему раскрыть рта.

— Мне понадобились десятки лет, чтобы узнать то, что уже прочно отложилось в твоем сердце, — признался старый магистр.

— Но у меня был прекрасный учитель, — хитро улыбнувшись, ответил ему Браумин.

На изможденном лице Джоджонаха тоже появилась улыбка.

Браумин, встав рядом с ним и подняв книгу повыше, спросил:

— Прошу вас, скажите, что в ней?

— Сердце брата Эвелина, ответил Джоджонах. — И правда о том, как все когда-то было.

Браумин спрятал книгу под сутаной, поместив ее у сердца.

— Вспомни все, что я рассказывал тебе о судьбе «Бегущего», и не забывай об этом, когда будешь читать о пути, которым прежде шел наш орден, — подсказал магистр.

Браумин еще крепче сжал книгу и молчаливо кивнул.

— Доброго пути вам, мой друг и учитель, — сказал он Джоджонаху, боясь, что больше его не увидит.

— Не бойся за меня, — успокоил его магистр. — Даже если бы мне было суждено сегодня умереть, я бы умер со спокойной душой. Ведь я нашел свое сердце, нашел правду и сумел передать ее в надежные руки. И окончательная победа будет за нами.

Брат Браумин вдруг бросился к нему и крепко обнял грузного магистра. Потом резко повернулся, не желая, чтобы магистр Джоджонах видел его слезы, и вышел из кельи.

Джоджонах вытер глаза и осторожно закрыл за Браумином дверь.

Через несколько часов магистр Джоджонах, Де'Уннеро и двадцать пять молодых монахов вышли из массивных ворот Санта-Мир-Абель. Внушительная сила для сопровождения скороспелого настоятеля, отметил про себя Джоджонах. Все — монахи четвертого и пятого годов, одетые в тяжелые кожаные доспехи и вооруженные мечами и увесистыми арбалетами. При виде монашеского эскорта старый магистр тяжело вздохнул. Эта гвардия требовалась Де'Уннеро не столько для защиты от превратностей пути, сколько для поддержки его абсолютного господства, которое установится с первых же минут появления в Сент-Прешес нового настоятеля.

Впрочем, имело ли это какое-то значение теперь? Джоджонах чувствовал, что достаточно навоевался. Да и путь в Палмарис отнюдь не близкий.

Когда за ним закрылись монастырские ворота, Джоджонах остановился. Может, нужно вернуться и прямо сейчас открыто выступить против Маркворта, и тогда — будь что будет? Сегодня магистр особенно остро чувствовал близость своей смерти. Его время стремительно приближалось к концу.

Увы, он был слишком слаб и болен, чтобы возвращаться и разыскивать Маркворта.

Магистр опустил голову, стыдясь собственной слабости, и начал прислушиваться к речи, которую держал острый на язык Де'Уннеро, обращаясь ко всем, включая и Джоджонаха. Де'Уннеро сыпал распоряжениями о том, как и в каком порядке они будут двигаться по дороге. Он потребовал от всех и в особенности от Джоджонаха, который стоял с ним рядом, чтобы впредь его именовали настоятелем Де'Уннеро.

Это звание больно задевало чувства магистра Джоджонаха.

— Вы пока еще не настоятель, — напомнил он.

— Но, возможно, кое-кому из вас будет полезно поупражняться в произнесении моего нового звания, — ответил Де'Уннеро.

Джоджонах стоял не шелохнувшись.

— Это собственноручно написано отцом-настоятелем, — объявил Де'Уннеро, быстро развернув свиток пергамента.

Пергамент содержал недавний указ Маркворта, провозглашающий, что отныне и впредь брат Маркало Де'Уннеро будет именоваться настоятелем Де'Уннеро.

— Вы еще с чем-нибудь не согласны, магистр Джоджонах? — самодовольно осведомился Де'Уннеро.

— Нет.

— Просто «нет»?

Магистр Джоджонах не шелохнулся. Его немигающий взгляд буравил насквозь пергамент ненавистного указа.

— Магистр Джоджонах? — позвал Де'Уннеро, и тон его голоса подсказывал, чего именно он добивается.

Джоджонах поднял голову и увидел злорадную усмешку на губах Де'Уннеро, решившего проучить его на глазах у молодых монахов.

— Нет, настоятель Де'Уннеро, — пробормотал он, презирая себя за каждое слово и понимая, что ему хотелось совсем не такого сражения.

Осадив Джоджонаха, Де'Уннеро дал сигнал к отправлению, и процессия, соблюдая точный походный порядок, двинулась на запад.

Магистру Джоджонаху показалось, что дорога стала значительно длиннее.

ГЛАВА 27
ИЗБАВЛЕНИЕ

— Они отбыли? — спросил у брата Фрэнсиса отец-настоятель.

Маркворт с самого утра оставался в своих покоях, не желая столкновения с Джоджонахом. Тот был на грани срыва, до которой отец-настоятель сознательно его довел. Маркворт опасался, что грузный магистр чего доброго полезет в бой, да еще на глазах у других братьев, а этого отцу-настоятелю совсем не хотелось. Пусть Джоджонах воюет в Палмарисе с Де'Уннеро!

— Да, во главе с магистром… с настоятелем Де'Уннеро, — ответил Фрэнсис.

— Что ж, теперь мы можем вплотную заняться допросами пленников, — произнес Маркворт таким ледяным тоном, что у брата Фрэнсиса по спине забегали мурашки. — Магическая повязка кентавра у тебя?

Брат Фрэнсис извлек из кармана повязку.

— Отлично, — кивнул Маркворт. — Мне он нужен живым.

Он направился к двери. Брат Фрэнсис поспешил вслед за ним.

— Мне кажется, что другим пленникам тоже требуется помощь, — сказал он. Особенно трактирщице. Судя по всему, она серьезно больна.

— Может, им и требуется помощь, но нам они больше не нужны, — жестко отрезал Маркворт.

— Наверное, все же стоило немного помочь им, применив камень, — заикаясь проговорил Фрэнсис.

Смех Марквортa ударил его прямо в сердце.

— Ты что, не слышал моих слов? — спросил старик. — Они нам больше не нужны.

— Однако мы не собираемся их выпускать.

— Почему же, — возразил Маркворт, но прежде, чем брат Фрэнсис успел с облегчением улыбнуться, отец-настоятель добавил: — Мы их выпустим, когда придет их час предстать пред лицом Божьего гнева. А пока пусть гниют в своих темных норах.

— Но, отец-настоятель…

Под колючим взглядом Марквортa брат Фрэнсис умолк.

— Ты беспокоишься из-за каких-то двух человек, когда на карту поставлена судьба всей церкви, — отчитал его старик.

— Но если эти люди нам не нужны, зачем же держать их в заточении?

— Потому что, как ты помнишь, мы разыскиваем некую девчонку, и, если она уверена, что ее родители у нас, это может заставить ее явиться прямо к нам, — ответил Маркворт. — Пока она считает их живыми, какая разница, живы ли они на самом деле!

— Почему мы не можем сохранить им жизнь?

— Нам не нужны свидетели! — прорычал Маркворт, вплотную приблизив свое старое, морщинистое лицо к лицу брата Фрэнсиса. — Прикинь-ка, как отнесутся к их россказням. Все ли поймут, что страдания этой пары вызваны нашей заботой о большем благе? Кстати,

ты не забыл про их сынка? Уж не желаешь ли ты, чтобы они публично тебя обвиняли?

Брат Фрэнсис сделал глубокий вдох и попытался успокоиться. Отца-настоятеля все глубже снедает навязчивая идея, да и он сам серьезно замешан во все эти дела. Ретивый брат вновь оказался на перекрестке. При всем своем послушании отцу-настоятелю и церкви, где-то в глубине сердца брат Фрэнсис сознавал, что пытки Чиличанков и кентавра являются злодеяниями. Но эти злодеяния совершались не без его участия. Если бы не власть Маркворта, его вина давно выплыла бы наружу. Ведь трактирщицу сломила прежде всего гибель сына.

— Нам нужно заманить сюда эту девчонку, — продолжал Маркворт. — Живы ее родители или нет — это уже не важно.

— Живы или убиты, — возразил Фрэнсис.

Эти слова он почти прошептал, так что вновь направившийся к лестнице Маркворт их не услышал. Молодой монах сделал еще один глубокий вдох. Потом он выдохнул, загасив робкий огонек сострадания в своем сердце. Там опять стало темно. Да, им приходится заниматься отвратительным и жестоким делом, — мысленно сказал он себе. Он выполняет распоряжения отца-настоятеля Абеликанской церкви — человека, ближе кого бы то ни было стоящего к Богу.

Брат Фрэнсис поспешил за Марквортом, чтобы открыть ему дверь на лестницу.

— Петтибва? Петтибва, почему ты не отвечаешь? — уже в который раз повторял Грейвис Чиличанк.

Еще вчера вечером они переговаривались через стену, разделявшую их камеры. Голос жены, доносившийся из кромешной тьмы, служил ему немалым утешением.

В самих словах Петтибвы было мало утешительного. Грейвис знал: смерть Греди, словно проказа, разъедала ей сердце и душу. Внешне Грейвису приходилось еще тяжелее: его пытали более жестоко и изощренно. Малейшее движение отзывалось острой болью в его старых костях, многие из которых были перебиты. Ему почти не давали есть. При всем этом он не сомневался, что душевные терзания Петтибвы значительно превосходят его телесные муки.

Грейвис снова и снова звал жену, умоляя ее отозваться.

Петтибва не слышала призывы мужа. Все ее внимание было обращено внутрь. Она находилась в длинном туннеле, и далеко впереди, возле ярко освещенного выхода, увидела Греди, протягивающего к ней руки.

— Я вижу его! — воскликнула Петтибва. — Это он, Греди, мой мальчик.

— Петтибва, ты слышишь меня? — продолжал звать Грейвис.

— Он указывает мне путь! — снова воскликнула Петтибва, и в голосе ее появилась давно утраченная сила.

У Грейвиса от отчаяния и ужаса округлились глаза. Петтибва умирает! Она с радостью покидает его и весь этот жестокий и отвратительный мир!

Грейвису инстинктивно захотелось крикнуть и попытаться вернуть ее назад. С уст уже были готовы сорваться мольбы не покидать его.

Но он вовремя спохватился и погасил в себе своекорыстные желания. Петтибва готова уйти; значит, она должна уйти. В своей следующей жизни она обязательно попадет в лучшее место, чем этот мир.

— Иди к нему, Петтибва, — дрожащим голосом крикнул Грейвис, и слезы покатились по его впалым щекам. — Иди к Греди, обними нашего мальчика и скажи, что я его тоже очень люблю.

Грейвис замолчал, и ему показалось, что вместе с ним смолкло все вокруг. Воцарилась такая тишина, что за стеной ясно слышалось ровное дыхание Петтибвы.

— Греди, — несколько раз повторила она, глубоко вздохнула и…

Тишина.

Искалеченное тело старого Грейвиса тряслось от рыданий. Потом он со всей силой стал дергать цепь, пока не вывихнул себе запястье. Жгучая боль заставила его привалиться к

стене. Он кое-как поднес к лицу руку, чтобы вытереть слезы. И вдруг он резко встал. Грейвис даже не подозревал, что у него еще осталось столько сил. И сейчас он найдет им достойное применение.

Он сосредоточился и для большего мужества вызвал перед мысленным взором образ мертвой Петтибвы. Потом он до предела натянул цепь с наручником, сковывавшим его вывихнутую руку. Не обращая внимания на боль, Грейвис продолжал тянуть. Металл наручника врезался в кисть, содрал кожу. Еще сильнее, еще. Он даже не слышал, как хрустнула кость. Словно дикий зверь, он с остервенением отрывал кисть собственной руки.

Через несколько минут жесточайшей боли кисть больше не являлась одним целым с его рукой. Напряжение спало, и у Грейвиса подкосились ноги.

— Не раскисать! — приказал он себе.

Грейвис вновь выпрямился и повернулся, чтобы ухватить болтавшуюся цепь. Протянув другую руку, он подпрыгнул и перебросил окровавленную цепь через голову. Цепь тяжело легла вокруг его шеи.

Стоя на цыпочках, он пока еще мог дышать. Вскоре ослабевшие ноги потянули обмякшее тело вниз, и цепь сдавила Грейвису горло.

Больше всего ему сейчас хотелось найти тот туннель и увидеть ожидавших его Петтибву и Греди.

— Я же говорил тебе, что он — злодей! — рявкнул брату Фрэнсису Маркворт, когда они оказались возле висевшего Грейвиса. — Но даже я недооценивал глубину его коварства. Лишить себя жизни! Какая трусость!

Брату Фрэнсису хотелось безоговорочно согласиться со стариком, но что-то в его совести саднило и не позволяло принять столь простое объяснение. Только что в соседней камере они обнаружили мертвую Петтибву, которая явно не накладывала на себя руки. Фрэнсису оставалось лишь предположить, что Грейвис узнал о смерти жены, это явилось последней каплей для истерзанного старика и он, лишившись рассудка, повесился.

— Это не имеет значения, — поспешно произнес Маркворт.

Увиденное все же несколько потрясло его. Впрочем, разве они с Фрэнсисом не обсуждали подобную возможность?

— Как я и говорил тебе наверху: им было больше нечего сообщить нам.

— Откуда у вас такая уверенность? — осмелился спросить молодой монах.

— Потому что они — слабые людишки, — рассерженно ответил отец-настоятель.

Он указал рукой на безжизненное тело Грейвиса.

— Вот тебе доказательство. Слабость. Если бы у них были какие-нибудь действительно важные сведения, мы давно бы вытрясли из них все до последнего слова.

— Теперь семья этой Пони мертва, — с тяжелым чувством заключил Фрэнсис.

— Пока она об этом не знает, нам сгодятся и их трупы, — язвительно сказал Маркворт. — Об их смерти — никому ни слова.

— Никому? — удивленно переспросил Фрэнсис. — Значит, мне опять хоронить их одному, как тогда я хоронил Греди?

— Потому и хоронил, что сам его угробил, — огрызнулся Маркворт.

Брат Фрэнсис поперхнулся и так и не нашел ответных слов.

— Оставишь их здесь, — пояснил отец-настоятель, решив, что достаточно помучил своего подопечного. — Что здесь, что в земле — черви все равно их съедят.

Фрэнсис принялся возражать, но на сей раз осторожно. Однако, оглядевшись по сторонам, он быстро умолк. Здесь, в глубоком подземелье, запах двух разлагающихся трупов вряд ли будет особо ощутим и уж наверняка не очень отравит дух этого места. Его сильно задевало другое: какими бы ни были при жизни эти люди, теперь их тела бросили гнить даже без отходной молитвы. Хорошо, Грейвис — самоубийца. Но ведь Петтибва умерла своей смертью.

Фрэнсису пришлось напомнить себе, что и он не безгрешен. Его руки тоже запятнаны, и с этим обстоятельством, равно как и с другими, подопечному Марквортa нужно считаться.

Волевым усилием он полностью выкинул мысли о Чиличанках из головы, вновь потушив тоненькую свечку сострадания.

Маркворт велел ему открыть следующую дверь, и от Фрэнсиса не ускользнуло, что отец-настоятель нервничает. Маркворт считал кентавра более важным пленником. Брат Фрэнсис выскочил в коридор с каменными закоптелыми стенами и земляным полом и направился к двери камеры Смотрителя, возясь на ходу с ключами.

— Убирайся, проклятый пес! Ничего ты от меня не узнаешь! — раздалось из-за двери.

Фрэнсис с большим облегчением вставил ключ и открыл замок.

— А это мы еще посмотрим, кентавр, — спокойно и злорадно процедил Маркворт. — Повязка у тебя с собой? — спросил он подошедшего Фрэнсиса.

Фрэнсис полез в карман и замешкался.

Трюк не удался. Маркворт протянул руку и забрал у него повязку.

— Вернемся-ка мы к нашим делам, — сказал весьма довольный отец-настоятель.

От беззаботного тона Марквортa у брата Фрэнсиса похолодела спина. Он вспомнил, как впервые увидел эту повязку на руке Смотрителя там, в развалинах Аиды.

ГЛАВА 28
СНОВА ГОБЛИНЫ

Когда Элбрайн, Пони и Джуравиль поднялись в Палмарисе на борт парома, над водной гладью Мазур-Делавала дул свежий ветер. Многие пассажиры с любопытством поглядывали на закутанного эльфа, но Пони вела себя так, словно Джуравиль — ее больной сын. А поскольку болезни были отнюдь не редкостью в благословенном Хонсе-Бире, страх перевесил любопытство, и никто из пассажиров не решался подойти ближе.

Впрочем, стонал Джуравиль не без причины: покрывало больно сдавливало ему крылья.

Матросы развернули паруса, и неуклюжий паром покинул гавань Палмариса. Поскрипывали снасти, волны ударялись о низкие борта судна. Пассажиры — их было более полусотни — разбрелись по широкой и плоской палубе, а команда из семи матросов привычно и неторопливо занялась своей работой. Этот паром годами плавал через Мазур-Делавал, делая при благоприятной погоде по два рейса в день.

— Говорят, на пароме можно узнать много такого, о чем не узнаешь на суше, — шепнул эльф Элбрайну и Пони. — Плавание страшит людей, и они, надеясь, что кто-то рассеет их страхи, бывают очень откровенны.

— Пойду, проверю, — сказал Элбрайн и отделился от своей «семьи».

Судя по одежде, эти трое мужчин и двое женщин были рыбаками. Едва Элбрайн поравнялся с ними, как тут же услышал вопрос:

— Чем хворает ваш мальчонка?

— Мы жили на севере, — стал объяснять Элбрайн. — Эти твари спалили всю нашу деревню, мы едва унесли ноги. Больше месяца пробирались лесами, уворачиваясь то от гоблинов, то от поври. Ели что придется, а чаще голодали. Скорее всего, мой Белли… Белли, так его зовут, съел какой-то гриб. С тех пор и мучается. Сами не знаем, чем еще это может кончиться.

Вынужденная ложь вызвала сочувственные возгласы, особенно у женщин.

— И куда путь держите? — спросил все тот же рыбак.

— На восток, — коротко ответил Элбрайн и во избежание дальнейших расспросов поинтересовался сам: — А вы куда?

— Недалеко. В Эмвой.

— Мы все там живем, — пояснила одна из женщин.

— Жизнь-то теперь вроде поспокойней стала, вот и решили проведать друзей в Палмарисе, — добавил рыбак.

Элбрайн кивнул и перевел взгляд на воду. Паром поймал сильный попутный ветер, и

причалы на палмарисском берегу быстро удалялись.

— Если вам ехать дальше Эмвоя, будьте осторожны, — предупредила рыбачка.

— Постараемся.

— Не удивлюсь, если вы направляетесь прямиком в Санта-Мир-Абель, — произнес рыбак.

Элбрайн недоуменно посмотрел на него, но быстро спохватился и отвел глаза.

— Будь у меня больной мальчишка, я бы именно туда и поехал, — продолжал рыбак.

К счастью, ни он, ни его спутники не заметили настороженного удивления Элбрайна.

— Тамошние монахи умеют лечить любые хвори, да только пока их упросишь, помереть можно!

Все засмеялись, кроме женщины, предупредившей Элбрайна. Ее лицо оставалось серьезным.

— Если поедете на восток, будьте осторожны, — уже решительнее повторила она. — Говорят, там рыщут шайки поври. А уж эти твари не пощадят ни вас, ни больного мальчика. Нечего и сомневаться.

— Там и гоблинов хватает, — добавил рыбак. — Ходят слухи, что поври сбежали и бросили их одних. Вот те и шатаются с перепугу взад-вперед.

— Нет более опасной скотины, чем перепуганные гоблины, — вставил другой рыбак.

Элбрайн благодарно улыбнулся.

— Мне уже приходилось иметь дело и с поври, и с гоблинами.

С этими словами он поклонился и пошел дальше. До него долетали обрывки разговоров. Людей тревожили слухи о вражеских шайках на востоке. Но ничего важного он больше не услышал.

Элбрайн обошел всю палубу и вернулся к Пони и Джуравилю. Эльф сидел, плотно закутавшись в покрывало, а Пони пыталась успокоить лошадей, в особенности Грейстоуна. Качка взбудоражила их. Грейстоун то и дело бил копытами, фыркал и ржал. Его мускулистая шея блестела от пота.

Элбрайн с силой потянул за поводья. Грейстоун ненадолго успокоился, но затем вновь начал бить копытами и трясти гривой.

Дар вел себя значительно спокойнее, и когда Элбрайн увидел, как Пони прислонилась щекой к магическому камню коня, он все понял.

Грейстоун дернулся, едва не отбросив Элбрайна. Лошадь попыталась встать на дыбы, но Элбрайн не растерялся и еще сильнее натянул поводья.

Несколько пассажиров и двое матросов поспешили ему на помощь, пытаясь утихомирить Грейстоуна, ибо разбушевавшаяся лошадь на палубе угрожала стать опасным попутчиком.

Неожиданно для всех Дар оказался рядом с Грейстоуном и положил свою голову поперек его шеи. Они оба фыркали и ржали. Грейстоун вновь ударил копытом и хотел было встать на дыбы, но Дар пригнул ему шею и даже поднял переднюю ногу, чтобы удержать более низкорослого собрата.

Затем, к удивлению собравшихся, включая и Элбрайна с Пони, Дар отпустил Грейстоуна и приблизил свою морду к его морде, фыркая и качая головой. Грейстоун еще брыкался, но уже не так сильно.

Вскоре оба коня успокоились.

— Хороша у тебя лошадь, — заметил кто-то из пассажиров.

Другой поинтересовался, не согласится ли Элбрайн продать Дара.

— Камни Эвелина. Они помогают нам везде и всюду, — сказала Пони, когда зрители разошлись.

— Я еще понимаю, что тебе удается общаться с Даром, поскольку мы оба делали это не раз, — сказал Элбрайн. — Но мне никак не поверить, что Дар сумел передать твои слова Грейстоуну.

— Похоже, что именно так оно и есть, — покачав головой, ответила Пони, поскольку и

она не могла объяснить произошедшее.

— До чего же вы, люди, невежественны, — вмешался Джуравиль, — Неужели вас удивляет, что лошади умеют общаться друг с другом? Умеют, но по-своему. А как бы они выжили, если бы не умели?

Сраженные простой логикой, Элбрайн и Пони рассмеялись. Затем лицо Элбрайна вновь посуровело.

— Я услышал, что в восточных землях бесчинствуют шайки поври, — сообщил он. — А кроме них — орда перепуганных гоблинов.

— Ничего удивительного, — ответил Джуравиль.

— Судя по слухам, на востоке среди врагов царит такой же разброд, — продолжал Элбрайн. — По другим слухам, поври бросили гоблинов, и те, верные своей гнусной природе, превратились просто в толпы разбойников.

Джуравиль кивнул, а Пони поспешно добавила:

— Ты хочешь сказать, что среди части наших врагов царит разброд. Мне думается, сейчас ни поври, ни гоблины не идут ни в какое сравнение с нашими злейшими врагами.

Болезненное напоминание о предстоящем заставило всех троих умолкнуть и придало их мыслям мрачное направление. Оставшиеся два часа пути они провели почти молча, присматривая за конями, и облегченно вздохнули, когда паром пристал к причалу в Эмвое.

Стоя возле сходней, капитан предупреждал всех пассажиров об опасности столкнуться с гоблинами и поври и советовал быть крайне осторожными, если поедут на восток.

Припасов друзьям хватало, поэтому они не стали задерживаться в Эмвое и покинули его через восточные ворота, где стража вновь посоветовала им быть осторожнее. Вскоре портовый городок остался позади.

Лесов в этих местах было меньше, чем к северу от Палмариса, а возделанных полей — больше. Поля перерезали широкие дороги, некоторые из них были замощены булыжником. Впрочем, друзья предпочитали двигаться не по дорогам, а по мягкой траве полей и лугов. В тот же день они проехали мимо большого селения, держась от него на безопасном расстоянии. Селение не имело защитных стен, но имело защитников, дежуривших на крышах с луками. На площади стояла в боевой готовности катапульта.

Им встретились крестьяне, не прекращавшие трудиться на полях. Заметив путников, они приветственно помахали и предложили бесплатно накормить их. Однако Элбрайн, Пони и Джуравиль лишь кивнули в знак благодарности и проехали мимо. Ближе к вечеру на их пути попалось еще одно селение, меньше первого. Чувствовалось, что по мере удаления от берегов Мазур-Делавала земли становились менее населенными.

Друзья обогнули эту деревню с востока и, отъехав от нее, устроили привал. К этому времени почти совсем стемнело, и вдали виднелись лишь силуэты деревенских домов. Все трое решили, что сегодня они будут ночным дозором для жителей.

— Сколько нам еще до цели? — спросил Джуравиль, когда они ужинали, сидя возле небольшого костра.

Элбрайн посмотрел на Пони, которая не один год провела в этих краях.

— Не более двух дней, — ответила она.

Пони вытащила из костра прутик и начертила на земле подобие карты, пометив Мазур-Делавал и залив Всех Святых.

— Насколько я помню, от пролива до Санта-Мир-Абель не более сотни миль.

Она продолжила свою карту на восток и отметила еще два места — Макомбер и Пирет Талме.

— Я находилась здесь, в Пирет Талме, а когда мы встретились с Эвелином, мы двинулись к Мазур-Делавалу. Но тогда мы дали приличный крюк, обогнув Санта-Мир-Абель с юга.

— Два дня, — пробормотал Элбрайн. — Возможно, три. Пора бы нам решать, как действовать дальше.

— А что тут решать? — заявил Джуравиль тоном отважного рыцаря. — Подъедем к

дверям монастыря и потребуем отдать нам пленников. Если посмеют отказать, мы камня на камне не оставим от этого места!

Вместо веселого смеха на лицах друзей появились лишь жалкие улыбки, ибо все, включая Джуравиля, понимали, насколько тяжела и опасна стоящая перед ними задача.

В Санта-Мир-Абель — несколько сот монахов, и многие из них владеют магией самоцветов. Если Элбрайна, а в особенности Пони схватят и опознают, задача быстро будет решена другим способом.

— Тебе нельзя было брать с собой камни, — сказал Элбрайн.

Пони чуть не подскочила на месте: камни были самым грозным их оружием, без них разведка и проникновение в стан врага становились невозможными.

— Монахи могут засечь, что мы применяем магию, — объяснил свой довод Элбрайн. — Кто знает, может, они способны почувствовать присутствие камней, даже если ты ими не пользуешься.

— Внезапный удар — наш единственный шанс, — согласился Джуравиль.

Пони кивнула. Ей не хотелось сейчас увязнуть в спорах.

— Если нас обнаружат, — мрачным голосом продолжал Элбрайн, обращаясь непосредственно к Пони, — нам с тобой придется сдаться в плен в обмен на освобождение монастырских пленников.

— Мы вдвоем — как плата за освобождение семьи Чиличанк и Смотрителя, — подытожила Пони.

— Затем Джуравиль заберет камни Эвелина и вместе со Смотрителем вернется в Дундалис, — продолжал Элбрайн. — А потом ты привезешь камни в Эндур'Блоу Иннинес и попросишь свою госпожу Дасслеронд навсегда сохранить их.

Джуравиль резко покачал головой.

— Тол'алфар не станет иметь дело с этими камнями, — сказал он.

— Но ведь ты уже имеешь с ними дело! — возразила Пони.

— Не совсем так, — поправил ее эльф. — Я помогаю друзьям, плачу долги, и не более того.

— Тогда просто помоги нам, — попросила Пони, однако Элбрайн, лучше знавший щепетильность эльфов, сразу понял бессмысленность этой затеи.

— Мы не можем вмешиваться в дела людей, — объяснил Джуравиль. — Это противоречит нашим принципам.

— Я прошу сохранить камни как память об Эвелине, — продолжала Пони.

— Это дело церкви, — быстро ответил Джуравиль. — Церковь сама должна определять свой путь, и тол'алфар здесь ни при чем.

— Ты прав, этот вопрос должны решать люди, — согласился Элбрайн.

Он взял Пони за руку, желая успокоить. Она не отрываясь глядела на Элбрайна, но тот медленно и решительно качал головой, показывая любимой всю безнадежность подобного спора.

— Я бы просил тебя взять камни и передать их Смотрителю, — сказал он эльфу. — Пусть зароет их в надежном месте.

Джуравиль кивнул.

— Грейстоуна ты вернешь Роджеру, — продолжала Пони. — А Дара отведешь в леса за Дундалисом. Там его родина.

Эльф снова кивнул. Все трое надолго умолкли, и ночную тишину нарушил лишь внезапный смех Джуравиля.

— Нечего сказать, храбрые мы воины! — произнес эльф. — Вместо мыслей о победе предрекаем себе поражение. Разве тебя этому учили, Полуночник?

На лице Элбрайна, поросшем трехдневной щетиной, появилась улыбка.

— Меня учили побеждать, — сказал он. — Мы найдем способ проникнуть в Санта-Мир-Абель, вызволить пленников и убраться оттуда раньше, чем монахи вообще что-либо почуют.

Они выпили за победу, доели ужин и принялись устраивать стоянку, позаботившись о ее надлежащей защите.

Джуравиль отправился на разведку, оставив Элбрайна и Пони одних.

— Мне действительно страшно, — созналась Пони. — У меня такое ощущение, что дорога, которая началась, когда я встретила Эвелина, теперь подходит к концу.

Несмотря на свои недавние храбрые слова, Элбрайну было нечем возразить.

Пони подошла и обняла его. Она заглянула Элбрайну в глаза, поднялась на цыпочки и поцеловала его. Затем опустила голову, чувствуя, как у нее внутри нарастает напряжение. Тогда Пони вновь поцеловала Элбрайна, уже настойчивее, и он ответил, прижавшись небритыми щеками к ее губам, чувствуя, как ее руки гладят сильную спину.

— А как же наш обет? — хотел спросить Элбрайн, но Пони приложила свой палец к его губам, потом начала целовать любимого снова и снова, увлекая вслед за собой на землю.

Элбрайну показалось, что они совсем одни в огромном мире под ярким звездным небом. И в этом мире нет ничего, кроме них и ласкового летнего ветерка, который обдувает им тело, нежно щекочет кожу и несет прохладу.

На рассвете, едва небо порозовело, они двинулись дальше, пустив лошадей вскачь. Все разговоры о том, как им проникнуть в Санта-Мир-Абель, отпали сами собой. Пока они не увидят монастырь и не поймут, насколько защищены подступы к нему, говорить бесполезно. Кто знает, может, в монастырь беспрепятственно пускают беженцев из близлежащих деревень. А может, наоборот: двери накрепко заперты и на монастырских стенах день и ночь толпятся десятки дозорных.

Сейчас об этом можно было лишь гадать, и потому друзья прекратили всякие споры и двигались вперед на полном скаку, намереваясь к следующему утру достичь Санта-Мир-Абель.

Здесь-то они и заметили дым, который, словно пальцы демона, поднимался над грядой холмов, окаймленных деревьями. Им уже доводилось видеть подобный дым, и они сразу поняли, что он исходит не от домашнего очага и не от походного костра.

Они понимали всю неотложность своей миссии и знали, что ставки в предстоявшей им борьбе слишком высоки. И все же, не сговариваясь, Элбрайн и Пони повернули коней и понеслись к холмам, а потом к деревьям, росшим на вершине. Джуравиль, прихватив лук, спорхнул с Грейстоуна и взобрался на самый верх, чтобы видеть всю панораму.

Элбрайн и Пони замедлили шаг коней, потом спешились и с осторожностью двинулись к вершине холма. Внизу, в лощине, напоминающей чашу, они увидели несколько повозок, нагруженных товарами. Судя по всему, люди приготовились к обороне — повозки были составлены вкруговую, хотя и не слишком плотно. Несколько повозок горело. Снизу доносились крики. Кто-то требовал воды, другие призывали готовиться к обороне. На земле валялись убитые, от нестерпимой боли стонали раненые.

— Купцы, — определил Элбрайн.

— Надо спускаться им на подмогу, — сказала Пони. — Наверное, камень души еще может кому-то помочь.

Элбрайн с сомнением поглядел на нее. До Санта-Мир-Абель не так уж далеко, и лучше не пользоваться камнями.

— Дождемся возвращения Джуравиля, — остановил он Пони. — Среди убитых нет ни одного гоблина или поври. Скорее всего, сражение только началось.

Пони согласилась, хотя ей больно было слышать крики и стоны раненых.

Вскоре вернулся Джуравиль, который устроился на нижней ветке, прямо над головами Элбрайна и Пони.

— Положение можно считать хорошим и плохим одновременно, — сообщил эльф. — Важнее всего, что среди нападавших нет поври. Одни гоблины, а с ними разделаться проще. Однако, их около сотни, и они готовят второе нападение.

Он показал в направлении южного холма, находившегося на другом конце лощины.

— Гоблины там, за деревьями.

Элбрайн, предпочитавший вначале наметить тактику и знавший повадки гоблинов, внимательно осмотрел местность.

— Каково их состояние? Держатся уверенно? — спросил он Джуравиля.

Эльф кивнул.

— Раненых у них совсем немного, и никто не возражает против второго удара.

— Они полезут прямо оттуда, — рассуждал Элбрайн. — Скатятся вниз по склону, чтобы побыстрее напасть на купцов. Гоблины не привыкли думать о собственной гибели, поэтому не станут тратить время на обдуманные и согласованные действия.

— А им и незачем этого делать, — подхватил Джуравиль, глядя на повозки и жалкие попытки обороняться. — Купцам и их охране нечего и надеяться отразить удар.

— Если мы им не поможем, — вмешалась в разговор Пони.

Ее рука инстинктивно скользнула в мешочек с самоцветами, но Элбрайн это заметил. Он пристально посмотрел ей в глаза и покачал головой.

— Не надо пускать в ход камни, пока мы не почувствуем, что нам без них никак не обойтись, — велел он.

— Я насчитал не менее восьми десятков этих тварей, — сказал Джуравиль.

— Но это всего лишь гоблины, — возразил Элбрайн. — Если мы убьем каждого четвертого, остальные попросту разбегутся. Давайте готовиться к бою.

— Пойду-ка я еще послежу за гоблинами, — сказал Джуравиль и в мгновение ока исчез.

Элбрайн и Пони объехали вокруг лощины. Держась подальше, чтобы их не увидели люди из повозок, они пересекли дорогу и поднялись по южному склону к деревьям.

— Они жаждут сражения и одновременно испытывают страх, — отметил Элбрайн.

— Купцы или гоблины?

— Скорее всего, и те и другие, — ответил Элбрайн. — Но я говорю о гоблинах. У них чешутся руки. К тому же они перепуганы и доведены до отчаяния, что делает их опасными двойне.

— Выходит, если мы убьем каждого четвертого, остальные не побегут с поля боя? — спросила Пони.

Элбрайн пожал плечами.

— Они забрались слишком далеко от родных краев и не имеют возможности туда вернуться. Полагаю, что слухи верны: поври бросили их, а вокруг — одни враги.

Пони искоса взглянула на него.

— Не хочешь ли ты пощадить их? — спросила она.

Элбрайна такая мысль заставила усмехнуться.

— Гоблинам нет пощады, — твердо произнес он. — Особенно после Дундалиса. Я молю лишь о том, чтобы никто из них не ушел живым, иначе они принесут еще больше бед. Нет, пусть погибнет каждый гоблин, который спустится с этого холма.

К этому времени они поднялись на холм и увидели гоблинов. Те сгрудились на склоне другого холма, в полумиле отсюда. Деревьев здесь было мало, и Элбрайн с Пони быстро отказались от мысли разыскать Джуравиля. Сейчас их занимало только одно: как и чем захватить врасплох орду гоблинов, когда она ринется в атаку. Пони разглядывала молодые деревца, намереваясь соорудить из них ловушки. Внимание Элбрайна остановилось на большом высохшем вязе, который словно нарочно стоял на самой вершине холма.

— Эх, если бы удалось опрокинуть на них эту громадину, — мечтательно произнес Элбрайн.

— Не хватает лишь тягловых лошадей, — иронически заметила Пони, поскольку мертвый вяз крепко врос в землю.

Однако Элбрайн не был бесплодным мечтателем. Он полез в сумку и извлек оттуда склянку с красной мазью.

— Подарок эльфов, — пояснил он. — Думаю, ствол внутри и так подгнил.

Пони кивнула. Она уже видела, как Элбрайн в недрах Аиды с помощью этой мази

настолько размягчил металлический засов, что тот рассыпался от одного удара мечом.

— Я тоже устроила одну ловушку. Попробую сделать еще несколько, — сказала она. — Я спрятала в траве остроконечные палки. Думаю, тоже не будут лишними.

Элбрайн рассеянно кивнул. Он даже не заметил, как Пони отправилась делать новые ловушки. На стволе вяза Элбрайн отыскал самое уязвимое место и проверил его длину и податливость. Элбрайн не сомневался, что несколькими сильными ударами Урагана он смог бы свалить дерево, но это не принесло бы желаемого результата. Когда на тебя движется орда гоблинов, не всегда удается точно рассчитать время. Но если все как следует подготовить заранее…

Элбрайн вынул меч и слегка плашмя ударил по стволу. Он тут же поспешно отошел, ибо дерево недовольно скрипнуло. Элбрайн нашел другое место на стволе и проделал то же самое, затем еще раз. Потом он достал склянку и нанес на места ударов красноватую мазь. С помощью этой мази эльфы делали податливыми и ломкими самые различные материалы. Он прикинул угол удара так, чтобы, падая, дерево зацепило с собой пару соседних.

Когда Элбрайн закончил, к нему подъехала на Грейстоуне Пони.

— Надо бы предупредить их, — сказала она, указывая на купцов.

— Они и так знают, что наверху кто-то есть, — ответил Элбрайн.

— Но эти люди должны знать, что мы собираемся им помочь, — возразила Пони. — Тогда они смогут подготовить дополнительную защиту. Нечего и надеяться, что хитроумными ловушками и разящими мечами мы сумеем остановить всех гоблинов.

Она указала на пень, едва торчащий среди высокой травы.

— Склон здесь крутой. Первые шеренги гоблинов на полной скорости ринутся вниз и окажутся неплохой мишенью для купеческих луков, — пояснила она. — Пень может очень сильно нам пригодиться. Если мне удастся натянуть веревку, мы замедлим продвижение гоблинов, и купцы смогут выпустить больше стрел.

— Триста футов, — сказал Элбрайн, прикинув расстояние от пня до ближайшего укрытия.

— У купцов явно найдутся веревки такой длины, а то и больше, — сказала Пони.

Она дождалась утвердительного кивка Элбрайна, затем развернула лошадь и осторожно съехала с холма. Когда до купеческого каравана оставалось каких-то пятьдесят ярдов, Пони увидела немало нацеленных на нее луков, которые затем опустились, ибо стрелки увидели, что перед ними не гоблин.

— Мир вам, — произнесла Пони, направившись прямо к повозкам и обратившись к толстому человеку в дорогих одеждах.

Судя по манере держаться, он был одним из предводителей осажденного купеческого каравана.

— Я — ваша союзница, а вовсе не враг.

Человек осторожно кивнул, но не ответил.

— Гоблины лишь отошли от вашего каравана и готовятся напасть снова, — сказала Пони. Она обернулась и махнула рукой в направлении склона. — Они появятся оттуда, — пояснила она. — Мы с моим другом устроили им несколько ловушек, но боюсь, нам одним их не остановить.

— Что заставило вас ввязаться в это сражение? — подозрительно спросил толстый человек.

— Любое сражение против гоблинов мы считаем своим, — не колеблясь, ответила Пони. — Если, конечно, вы не откажетесь от нашей помощи и не позволите без малого сотне гоблинов напасть на вас.

Это значительно сбило спесь с купца.

— А откуда вам известно, что они нападут с юга? — спросил он.

— Мы знаем гоблинов, — ответила Пони. — Знаем их маневры, точнее, отсутствие таковых. Сейчас они сбились в одно стадо в южной стороне. У них нет терпения, чтобы продумать согласованные действия и напасть с нескольких сторон сразу. Особенно сейчас,

когда они считают, что добыча у них в руках.

— Мы им покажем добычу! — заявил один из лучников, потрясая своим оружием в воздухе.

Его товарищи, судя по их виду, были не столь решительны. Пони быстро оценила ситуацию. Из всего каравана она насчитала менее полусотни тех, кто еще как-то мог воевать. У этих людей два десятка луков, из которых никто толком не умеет стрелять. Вряд ли лучники сдержат натиск гоблинов, и дело быстро дойдет до рукопашной схватки. Элбрайн мог справиться с тремя и даже четырьмя напавшими гоблинами. Но этим людям будет трудно справиться и с одним.

Пони это понимала, равно как и купец, который теперь стоял, понуро опустив плечи.

— Что ты предлагаешь?

— У вас есть веревка?

Купец кивнул кому-то из своих подручных, тот бросился к повозке и достал моток отличной веревки, тонкой и прочной. Пони жестом попросила принести ее.

— Мы попытаемся устроить еще одну хитрость, — пояснила она. — В том месте, где торчит пень, я замедлю продвижение орды гоблинов. Ваши стрелы спокойно долетят туда. Так что цельтесь метко.

Пони взяла веревку, закрепила ее на седле сзади и развернула Грейстоуна.

— Как твое имя, женщина? — спросил купец.

— У нас еще будет время поговорить, — ответила Пони и, пришпорив коня, понеслась наверх.

На вершине холма Элбрайн заканчивал мастерить свою хитроумную ловушку. Он сделал лассо и закинул его на одну из верхних ветвей мертвого вяза. Второй конец он закрепил на выступе седла Дара. Затем он отвел коня под прикрытие деревьев и замаскировал веревку, чтобы гоблины ненароком не разгадали замысел.

— А к нам гости, — услышал он сверху голос Джуравиля.

Элбрайн поднял голову и не без труда разглядел среди ветвей фигурку эльфа.

— Движутся с востока, — рассказал Джуравиль. — Не менее двух десятков монахов. Приближаются, но с осторожностью.

— Они успеют подойти ко времени битвы?

Джуравиль бросил взгляд в южном направлении.

— Гоблины уже выступили, — сообщил он. — Если бы монахи поспешили, то успели бы. Но что-то я не заметил у них такой прыти. Они явно видели дым, но еще неизвестно, насколько они настроены вмешиваться в столкновение.

Элбрайн усмехнулся, не особо удивившись.

— Расскажи об этом Пони, — попросил он эльфа. — Скажи, чтобы понадежнее убрала камни и не вздумала ими пользоваться.

— Если потребуется, ей придется применить магию, — возразил Джуравиль. — Сам знаешь, сколько раз это нас выручало.

— Если она воспользуется камнями, боюсь, что после гоблинов нам придется сражаться с монахами, — невесело ответил Элбрайн.

Эльф быстро двигался вдоль вершины холма, стремясь не показываться на глаза людей, толпившихся возле повозок. Он передал Пони слова Элбрайна, затем поспешил назад. Его маленькие и хрупкие крылья быстро уставали, поэтому Джуравиль наполовину летел, наполовину путешествовал по деревьям. В этом время на склон вступили первые гоблины. Эльф с облегчением, но без особого удивления отметил, что нападавшие двигаются не боевым порядком, а валят толпой. Как и рассчитывали трое друзей, гоблины, достигнув вершины, не остановились, а немедленно начали спускаться вниз. Они даже не удосужились выяснить, не успела ли их вожделенная добыча обезопасить себя какой-либо обороной.

Более того, гоблины не особо обращали внимание и на своих товарищей. Эльфу это стало ясно, когда кто-то из гоблинов попал в ловушку Пони. Гоблин вскрикнул, но его крик потонул в боевых воплях соплеменников. Согнутое деревце распрямилось, и гоблин,

кувыркаясь, взлетел в воздух и беспомощно повис на суку в нескольких футах от земли.

Несколько других гоблинов пробежали мимо и лишь посмеялись над его горем.

Чуть поодаль еще один гоблин вскрикнул от неожиданности и боли, провалившись в небольшую узкую канаву, которую Пони успела выкопать и замаскировать. Сила инерции заставила плененную ногу вначале напрячься, затем резко согнуться, отчего кость хрустнула и переломилась ниже коленной чашечки. Гоблин повалился на спину, воя и хватаясь руками за покалеченную ногу. И вновь никто из соплеменников даже не подумал ему помочь.

Вскоре упал и третий гоблин, напоровшись на острый деревянный шип.

Убедившись, что гоблины просто лезут напролом, Джуравиль извлек свой маленький лук и стал выбирать цели.

Какой-то незадачливый гоблин остановился под деревом, где сидел Джуравиль, и прислонился к стволу, переводя дыхание. Стрела Джуравиля ударила ему прямо в макушку. Гоблин замер, затем упал на колени, продолжая хвататься руками за ствол. В таком положении он и умер.

Но при всех усилиях эльфа, ему удалось задержать только четверых гоблинов. Первые шеренги продолжали спускаться. Джуравиль выпустил стрелу еще по одному гоблину, показавшемуся из-за деревьев, а затем стал смотреть туда, где Полуночник приготовил самый большой сюрприз для нападавших.

Элбрайн припал на одно колено, спрятавшись за листвой деревьев. Он склонился почти к самой земле. Он решил пропустить самых первых гоблинов и ударить по основной массе. Элбрайн надеялся, что после этого гоблины рассеются по сторонам и купеческим лучникам будет проще по ним стрелять.

В это время десяток гоблинов миновал деревья, а еще десяток был на подходе.

Полуночник пустил стрелу. Удар был метким, но в последнюю секунду на пути стрелы оказался ничего не подозревающий гоблин, которому она впилась в бок. Элбрайн остался невозмутимым; он предвидел, что такое может произойти. Он немедленно выпустил вторую стрелу, ударившую прямо в ствол мертвого вяза.

Элбрайн свистнул, подавая сигнал своему верному коню, и Дар рванулся вперед, сильно натянув веревку.

Мертвое дерево несколько раз протестующе хрустнуло, заставив многих гоблинов замереть на месте от страха.

В следующее мгновение громада вяза со всеми его многочисленными острыми ветвями рухнула на нападавших.

Гоблины с криками и воплями бросились врассыпную, но Элбрайн точно рассчитал время. Трое были убиты на месте. Еще не менее двух десятков серьезно ранило кусками дерева или погребло под ветвями. Те из гоблинов, кто миновал место ловушки раньше, продолжали бежать к повозкам. Те, кто оказался позади жертв мертвого вяза, просто обходили и перебирались через это препятствие. Гоблины настолько жаждали человеческой крови, что, видя упавшее дерево, даже не задумывались о возможной засаде. Но не все. Были и такие, кто в полном замешательстве метался по склону, стремясь куда-нибудь спрятаться. Если вначале гоблины двигались каким-то отдаленным подобием рядов, теперь среди них воцарился полный разброд. Именно на это и рассчитывал Полуночник.

Не желая упускать возможность, Элбрайн вновь поднял лук, прицелился и выстрелил в одного из мечущихся гоблинов. Вторая стрела настигла другого, пытавшегося выбраться из-под колючих ветвей.

На вершине холма Дар дергал и тянул обломок ствола, пытаясь освободиться от мешавшего ему груза. Один из гоблинов оказался слишком близко от этого места, пытаясь понять, что происходит за деревьями, но Полуночник быстро прекратил его любопытство.

Наконец могучий конь оборвал веревку и вышел из-за своего укрытия. Несколько гоблинов заметили его и завыли. Дар стремительно понесся по холму, направляясь к Элбрайну.

Полуночник с мечом в руке выбежал навстречу коню и одним ударом волшебного

лезвия перерубил обрывок веревки. Элбрайн вскочил в седло, положил меч на колени и вновь взялся за лук, на ходу прилаживая стрелу.

Как заметались оказавшиеся на его пути гоблины, заметив нацеленный на них лук!

Полуночник скосил одного гоблина и затем, издав победный клич, пустил Дара галопом и оказался на открытом месте. Здесь он пустил еще одну стрелу, попутно намечая следующую цель.

Ближайшие к Элбрайну гоблины резко остановились. Некоторые из них попытались метнуть в него копья, но Полуночник был неуловим для их ударов. Держа лук, он размахивал им, словно палицей, отбрасывая пущенные копья в сторону.

Не останавливаясь, Элбрайн перекинул лук в левую руку, а правая уже вставляла очередную стрелу. Мгновение спустя очередной гоблин корчась распластался на земле.

Пустив еще несколько стрел, Элбрайн поменял оружие и направил Дара к троим гоблинам. Не доехав, он резко повернул коня в сторону, а сам выскочил из седла, перекувырнулся и, используя инерцию удара, устремился прямо на врагов. Меч перерубил палицу одного из гоблинов и наполовину застрял у него в голове.

Едва шевельнув рукой, Элбрайн подбросил гоблина в воздух и перекинул меч в другую руку, успев при этом пронзить второго гоблина. Затем он высвободил меч и вовремя вернул его в правую руку, успев отвести меч третьего.

Исход поединка гоблина с Полуночником был предрешен заранее. Элбрайн отразил несколько его ударов, потом с силой ударил по его мечу и поддел вражеское оружие. В это время он протянул другую руку и схватил гоблина за тщедушную шею.

Элбрайн надвинулся на гоблина и запрокинул ему голову. Железные мускулы его руки напряглись. Одним движением Полуночник сломал гоблину шею и бросил мертвое тело на землю.

К нему приближались новые гоблины. Элбрайн спокойно ожидал их.

Передовую часть орды гоблинов мало волновали звуки сражения, разыгравшегося за их спиной, и крики товарищей. Добыча была близка, и они упрямо двигались к купеческим повозкам. Эти гоблины на полной скорости неслись вниз по склону и не видели ничего, кроме добычи. Навстречу им летели стрелы, но лишь одна попала в цель.

Спрятавшись в кустах, Пони выбирала момент и в нужное время заставила Грейстоуна сделать несколько шагов, чтобы натянуть веревку. Один конец был прочно привязан к пню. Незаметная в траве веревка тянулась прямо к кустам. Пони тщательно выбрала высоту, чтобы натянутая веревка была точно на уровне коленей гоблинов. Прежде чем прикрепить второй конец к седлу Грейстоуна, Пони обвила веревкой торчащий из земли корень. Это должно было частично погасить силу ударов, которая неизбежно достанется коню, когда гоблины начнут спотыкаться и падать. Оставалось лишь отвести Грейстоуна в сторону, и веревка замерла на нужной высоте.

Несколько гоблинов споткнулись и кувырком полетели на землю. Такая же участь постигла и других. Наконец попадали все.

Валявшиеся гоблины представляли собой почти неподвижные цели, и лучникам каравана было гораздо легче стрелять по ним. Второй залп оказался более успешным. Вдобавок преграда лишила гоблинов скорости, и теперь они были вынуждены подыматься на ноги и все начинать сначала. А до лучников оставалось едва ли сорок ярдов.

Купцам и их страже было далеко до выучки настоящих воинов, но они сообразили, как лучше действовать. Они подпускали гоблинов поближе. Веревка Пони сделала свое дело, и вместо ревущей толпы гоблины приближались к повозкам по одному или по двое. Неудивительно, что прицел купеческих лучников стал точнее и большинство выпущенных стрел настигали врагов.

Пони видела, что внизу, возле каравана, ее помощь больше не требуется. Мечом она перерезала веревку и высвободила Грейстоуна. Вначале Пони намеревалась ударить по оставшимся гоблинам, которые еще только поднимались из травы. Однако, взглянув вверх, она увидела, что ее любимому требуется помощь. Подавив настойчивое желание

воспользоваться силой камней, Пони пришпорила Грейстоуна, и конь понесся к вершине холма.

Когда основная масса гоблинов перевалила через вершину холма, оставив немногих убитых и раненых, у Джуравиля появилась возможность тщательнее выбирать свои цели. Прежде всего, он намеревался помочь Элбрайну. Но в это время рухнул мертвый вяз, и часть уцелевших гоблинов бросилась опрометью бежать назад, чтобы скрыться за холмом. Они неслись прямо под деревом, где сидел эльф, слепые и глухие ко всему.

Лук Джуравиля гудел не переставая, и стрела за стрелой жалили испуганных и пытавшихся скрыться гоблинов. Он сумел уложить всех, кого видел. В колчане Джуравиля почти не осталось стрел, как вдруг какой-то гоблин остановился под деревом и возбужденно запрыгал, указывая вверх.

Эльф метко выстрелил, пустив стрелу прямо в уродливое лицо гоблина, и уложил его рядом с мертвым соплеменником, который все так же стоял на коленях. Затем Джуравиль скосил еще двоих гоблинов, прибежавших на крик.

Внезапно Джуравиль обнаружил, что в его колчане осталась всего одна стрела. Пожав плечами, он выпустил и ее, затем повесил лук на одну из веток, выхватил свой тонкий меч и опустился пониже, выбирая подходящий момент для удара.

Здесь он понял, что сражение близится к концу. На склоне валялось более двух десятков мертвых гоблинов. Еще столько же нашли свою смерть вблизи купеческого каравана. Нескольким удалось перебраться через вершину и скрыться на другом склоне. Остальные толпой неслись вниз по склону в восточном направлении. Зрелище сильно ободрило Джуравиля. Убегавшие гоблины вновь превратились в тех, кем они были: трусливых, легко поддающихся панике существ, неспособных к согласованным действиям. Такова была природа гоблинов, и хотя эти твари по своей численности превосходили людей и эльфов, они никогда не представляли серьезной угрозы.

Стремление гоблинов одолеть Элбрайна стало быстро исчезать, когда под ударами сверкающего меча один за другим замертво пало несколько их сотоварищей.

Но пятеро гоблинов плотно обступили Элбрайна. Сделав резкий выпад, он уложил тех, кто находился спереди, затем, помня об опасности, подстерегающей его сзади, быстро повернулся. Ударом плашмя он выбил занесенную палицу из рук одного гоблина и отбросил копье другого. Не зря Полуночник годами совершенствовал свой би'нелле дасада. Сохраняя идеальное равновесие, Элбрайн изменил положение ног, и прежде, чем нападавшие гоблины успели опомниться, он развернулся и с силой ударил гоблина, только что размахивавшего палицей.

Гоблин повалился на спину, зажимая руками смертельную рану и тщетно пытаясь остановить кровь, уносящую его жизнь. В это время другой гоблин схватил копье и метнул его.

Копье было пущено прямо в голову Элбрайну, но тот быстро повернулся, пригнулся и ударил наискось мечом. Копье отклонилось в сторону, не причинив ему вреда. Зато другие гоблины при виде летящего копья лихорадочно попытались от него увернуться и на какое-то время позабыли про нападение. Но Элбрайн не забыл.

Безоружный гоблин попытался хоть как-то защититься, выбросив вперед руки. Трижды сверкнуло лезвие меча. Первый удар пришелся по руке, второй — по плечу, а третий пронзил гоблину горло.

Полуночник вовремя обернулся, чтобы отразить нападение троих оставшихся гоблинов, и вновь занял прежнюю оборонительную позицию, пригнувшись к земле и сохраняя равновесие. На месте убитых гоблинов оказалось двое других, но подоспевшие твари уже не горели желанием поскорее напасть на Элбрайна.

Полуночник был готов держать круговую оборону. Удары Урагана были точными и своевременными. Элбрайн словно подзадоривал гоблинов нападать, поскольку решил сыграть на их ошибках. Но внезапно ситуация изменилась, и это заставило Элбрайна лишь широко улыбнуться. Когда гоблины поняли причину его улыбки, им стало не до смеха.

Однако было поздно.

Грейстоун врезался в гущу гоблинов, разбросав их по сторонам. Меч Пони пронзил сначала одного, потом другого гоблина. Она думала, что Элбрайн тоже вскочит на коня, и уже протянула руку, чтобы помочь ему.

Вместо этого Полуночник жестом предложил ей слезть и присоединиться к нему.

Пони перебросила ногу через седло, оставив другую в стремени. Она дождалась, пока еще двое гоблинов приблизятся к Грейстоуну, затем спрыгнула и направила коня прямо на них.

Между нею и Полуночником находился гоблин, держащий наготове свой меч.

Движение Пони было молниеносным. Ее меч опустился вниз, затем стремительно взметнулся вверх и ударил по лезвию вражеского меча, подбросив его вверх вместе с парой отрубленных пальцев. Не останавливаясь, Пони поменяла угол атаки и ударила гоблина в грудь.

Гоблин взвыл и распластался на земле. Пони высвободила меч и окровавленным лезвием нанесла еще один сильный удар.

Полуночник бился с таким остервенением, что враги оцепенели. Он приближался к Пони, делая все, чтобы она смогла встать с ним рядом. Вскоре они уже стояли спина к спине.

— Я думал, ты останешься внизу. Мало ли этим купцам понадобится помощь.

Судя по тону, ему не слишком нравилось, что Пони оказалась в этом опасном месте.

— А я подумала, что мне давно пора испробовать в настоящем сражении то, чему ты меня учишь, — как бы вскользь заметила она.

— Ты подготовила камни?

— Они нам не понадобятся.

Решимость на лице Пони воодушевила Элбрайна и даже заставила его улыбнуться.

Гоблины тоже были полны решимости напасть снова. Напрасно мертвые тела их товарищей грозно напоминали о последствиях подобных атак. Гоблины рассчитывали взять числом. Их было более десятка.

Один из гоблинов с гиканьем бросился вперед, метнув копье в Пони. Но она в последний момент вскинула меч и отбросила копье в сторону, заметно уменьшив его скорость. Пони не вымолвила ни слова, но этого и не требовалось. Полуночник спиной по напряжению ее мышц почувствовал происходящее с такой ясностью, словно сам совершил это движение. Он сделал пол-оборота как раз в тот момент, когда копье находилась над плечом Пони. Он схватил копье и ударил прямо в грудь другого гоблина, которому удалось подобраться к ним.

— Как ты это сделал? — спросила Пони, хотя она не оглядывалась и самого движения не видела.

Полуночник лишь покачал головой. Пони ощутила этот жест и успокоилась. Они оба чувствовали себя спокойнее, занимая общую оборонительную позицию. Они словно слились воедино и понимали движения мышц друг друга не хуже слов. Пони было понятно малейшее изменение в боевой стойке Элбрайна.

Полуночник ощущал то же самое и был поражен таким уровнем близости. Вопреки своим былым опасениям он теперь вполне мог доверять этой новой и удивительной разновидности би'нелле дасада. Интересно, догадываются ли эльфы о такой возможности? Вопрос мелькнул, а раздумывать над ответом времени не было. Гоблины опять приближались. Несколько из них подошли достаточно близко, хотя их товарищи, видевшие, чем закончилось первое наступление, не особо рвались в бой.

Пони почувствовала желание Элбрайна: ей нужно переместиться влево. Бросив быстрый взгляд, она поняла причину: одному особо дерзкому гоблину требовалось получить быстрый и ощутимый урок. Она сделала глубокий вдох, прогнав все сомнения, ибо сомнения порождали нерешительность, а та была способна привести к поражению. Таков был истинный смысл их утренних танцев с мечом, где уровень близости был таким же, как и при любовном слиянии. Сейчас их вера друг в друга проходила проверку. Ее любимому

необходимо, чтобы она находилась слева.

Полуночник ощутил, как напряглась спина Пони, затем почувствовал ее внезапный выпад. Они повернулись одновременно, застав врасплох двоих гоблинов, пытавшихся прошмыгнуть в наметившуюся брешь. Ближайший к ним гоблин уже целился в Пони копьем, когда удар Урагана отсек обе его руки по локоть.

Второму гоблину удалось замахнуться палицей, однако Элбрайн выбил оружие у него из рук и проткнул нападавшему живот.

И вновь Пони и Полуночник, чувствуя движения друг друга, разом совершили резкий разворот. И вновь гоблины были застигнуты врасплох. Один из них упал с пропоротым горлом, а еще двое бросились наутек.

Пони и Полуночник, встав спинами друг к другу, заняли прежнюю оборонительную позицию.

Перемещаясь по деревьям, Белли'мар Джуравиль с удовольствием смотрел, как Дар увел оставшегося без всадницы Грейстоуна в безопасное место. Эльфу неоднократно пришлось наблюдать разумное поведение этого могучего жеребца, и каждый раз он бывал заворожен увиденным.

Но еще более Джуравиля заворожило другое зрелище — гармония движений Пони и Полуночника, их абсолютная согласованность и совершенство. Для народа тол'алфар би'нелле дасада была личным, интимным танцем воина, его проникновением внутрь себя. Однако теперь, наблюдая за своими друзьями, Джуравиль вскоре понял, зачем Полуночник учил Пони этому танцу и почему они танцевали вместе.

И действительно, на этом травянистом склоне, который из зеленого стал красным, Пони и Полуночник были одним целым, они действовали, как один воин.

Джуравиль почувствовал, что ему пора браться за лук и помогать своим друзьям. Правда, похоже, что им не особо требовалась его помощь. Движения одного с такой плавностью перетекали в движения другого, что кольцо гоблинов вокруг них не сужалось, а расширялось.

Эльф оторвался от чарующего зрелища и разыскал одну из своих стрел. Пущенная вторично, она ударила гоблина в затылок, пробив ему череп.

Число нападавших гоблинов значительно уменьшилось. Ими владело желание скрыться, а не оказываться очередной жертвой странного танца двоих людей, несущего гоблинам смерть. Пони лишила жизни очередного упрямца, а Элбрайн расправился с другим, попытавшимся напасть на нее сзади. Остальные гоблины нападать не отваживались.

Полуночник чувствовал, что среди гоблинов нарастают страх и напряженность и враги озираются по сторонам. Им хотелось прорвать оборону и убежать. Наступала завершающая стадия боя. Элбрайн попытался сказать об этом Пони, но та не дала ему говорить, ответив коротко:

— Я знаю.

Она действительно знала. Полуночник понял это по едва заметным движениям ее мышц, когда она переставляла ноги, готовясь к внезапному повороту.

В них полетели копья, пущенные вразнобой. Первый гоблин, метнувший копье, повернулся и бросился бежать. Было понятно, что тем самым гоблины прикрывают свой отход.

Полуночник и Пони повернулись, пригнулись и начали методично отражать удары, уворачиваясь от оружия гоблинов. Они продвигались вперед, и летевшие копья не причиняли им никакого вреда. Каждый из двоих выводил из строя ближайшего гоблина и принимался за следующего. Теперь Пони и Полуночник действовали самостоятельно. Пони замечательно владела мечом. Обычно она делала несколько взмахов над головой противника, находила уязвимое место и наносила точный удар, затем второй или третий. Этого обычно хватало.

Полуночник, будучи сильнее и искуснее, действовал по-иному. Едва гоблин поднимал оружие, Элбрайн просто обрушивал на него свой меч, обезоруживая гоблина, а нередко и

убивая его тем же ударом. Он постоянно оглядывался по сторонам, делая выпады вперед и быстро поворачиваясь назад, выискивая очередную цель. Казалось бы, гоблинам нужно успокоиться и дать согласованный отпор, но эти твари, глупые от природы, сейчас находились во власти страха.

Страх нес им быструю погибель.

Нескольким гоблинам все же удалось добраться до рощи на вершине холма, но там их ждал другой противник, уступавший им в росте. Меч его был настолько мал, что казался более пригодным для обеденного стола, чем для поля битвы.

Первый из бежавших гоблинов рванулся в сторону, думая, что перед ним ребенок, и предвкушая легкое убийство.

Меч Джуравиля несколько раз ударился о меч нападавшего, причем с такой скоростью, что гоблин не успел отразить атаку. С каждым разом эльф продвигался вперед, поэтому, когда их мечи схлестнулись в четвертый раз, Джуравиля и удивленного гоблина разделяло не более фута.

Меч эльфа нанес еще три быстрых удара, оставивших три дыры в груди гоблина.

Джуравиль устремился к другому гоблину. Этот был безоружен, ибо свое копье он метнул в Элбрайна. Гоблин поднял обе руки.

Но у Белли'мара Джуравиля не было привычки щадить гоблинов.

Сражение на склоне холма окончилось почти одновременно со сражением в лощине. Гоблины, остановленные веревкой Пони, были мертвы все до единого. Никто из них так и не добрался до повозок.

Правда, немалое число гоблинов сумело выбраться на восточную дорогу и покинуть лощину.

Пони первой заметила Джуравиля, которой спокойно восседал на нижней ветке и куском гоблинского одеяния оттирал кровь со своего меча.

— Четверым удалось от меня уйти, — сообщил он, завидев друзей, — Удирали в том же направлении, откуда пришли.

Полуночник свистнул, но Дар уже несся к нему.

— И никто из них не понесет легенду о Полуночнике? — насмешливо спросила Пони, когда Элбрайн усаживался на коня.

Там, на севере, Полуночник нередко отпускал одного-двух врагов, чтобы потом они со страхом произносили его имя.

— Эти гоблины способны лишь на новые пакости, — объяснил он. — А вокруг немало ни в чем не повинных людей, которым они могут причинить зло.

Пони вопросительно посмотрела на него, затем на Грейстоуна, раздумывая, нужно ли и ей садиться на лошадь.

— Осмотри раненых, — попросил Элбрайн. — Возможно, этим людям требуется твое врачевание.

— Если я увижу, что кто-то из них на грани смерти, тогда я воспользуюсь камнем, — ответила Пони.

Элбрайн понял ее без дополнительных объяснений.

— А как быть с этими? — спросила Пони, имея в виду гоблинов, удравших в восточном направлении.

По подсчетам друзей, их было не менее двух десятков, а возможно — трех и более.

Элбрайн что-то прикинул в уме, потом усмехнулся.

— Похоже, с монахами они еще не встретились, — сказал он. — Если не встретятся, мы продолжим охоту, когда закончим здесь. Все равно наш путь лежит на восток.

Не дождавшись ответных слов Пони, он пришпорил коня и понесся на вершину холма, а затем вниз по другому склону, на ходу доставая Крыло Сокола. Он заметил гоблина, пробиравшегося сквозь высокую траву, и бросился к нему, намереваясь пустить в ход свой меч. Затем он увидел второго, который бежал в совершенно противоположном направлении.

Остатки шайки разбегались.

Меч здесь не поможет, решил Элбрайн, и вновь взялся за лук.

В живых оставалось всего лишь три гоблина.

ГЛАВА 29
КАЖДОМУ — СВОЕ

— Если мы соединимся в молитве, один удар десницы Господней, подобно молнии, сокрушит их всех, — убежденно произнес молодой монах.

Он участвовал в миссии к Аиде и хорошо запомнил сражение в долине близ альпинадорской деревни.

Колючие глаза магистра Де'Уннеро сузились. Он посмотрел на монаха, потом на одобрительно кивавших собратьев, которые слышали о внушительной победе на севере: о том, как из пальцев монахов, образовавших две цепи, вылетали молнии, уничтожавшие врагов.

В их восхищении присутствовало что-то еще, и Де'Уннеро это понимал. Страх. Этим мальчикам хотелось быстро и чисто ударить по приближавшимся гоблинам, поскольку они боялись вступить в сражение с не ведомыми им тварями.

Будущий настоятель решительно подошел к монаху и смерил его взглядом с ног до головы, отчего тот весь побледнел.

— Применением магии займется только магистр Джоджонах, — резко заявил Де'Уннеро, обведя глазами всех, чтобы каждый увидел его лицо. — Он слишком стар и слаб, чтобы сражаться.

Глядя на этого коварного человека, Джоджонах испытывал неистребимое желание рвануться и доказать Де'Уннеро ошибочность его утверждения.

— Что касается всех нас, — продолжал Де'Уннеро, выплевывая слова, — посчитаем это сражение полезным упражнением. Возможно, нам еще придется сражаться на новом месте, в Палмарисе.

— Это «упражнение» может оказаться смертельно опасным, — вставил магистр Джоджонах, и спокойствие в его негромком голосе лишь усиливало сарказм слов.

— Тем выше его ценность, — не колеблясь возразил Де'Уннеро.

Заметив, что Джоджонах качает головой, будущий настоятель моментально подошел к нему и встал напротив, вызывающе сложив руки на своей широкой груди.

— Не сейчас, — напомнил себе магистр Джоджонах. Он не желал словесных стычек, поскольку дальнейший спор только распалил бы Де'Уннеро.

— Я прошу вас ударить как можно сильнее по приближающимся врагам и сделать это более надежным и чистым способом, — сказал он. — Объединив наши усилия, мы ударим по ним рукотворной молнией и увидим, останется ли после этого в живых хоть один гоблин.

Закончив, он показал туда, где за спиной Де'Уннеро, в отдалении, по-прежнему лениво тянулась вверх струя черного дыма.

В ответ Де'Уннеро протянул ему графит. Других камней Джоджонаху он не дал.

— Используйте его надлежащим образом, брат, — сказал он. — Но не перестарайтесь, поскольку я желаю, чтобы мои новые подчиненные почувствовали наслаждение от битвы.

— Наслаждение от битвы, — шепотом повторил Джоджонах, когда Де'Уннеро ушел отдавать приказ братьям готовить арбалеты.

Старому магистру оставалось лишь недоуменно качать головой. Он потер графит о ладонь, намереваясь нанести приближавшимся гоблинам быстрый и сильный удар, чтобы убить как можно больше этих тварей и обратить в бегство остальных. Чем меньше молодых братьев ввяжется в настоящее сражение, тем лучше. Еще лучше, если никто. Когда передовой дозорный подал сигнал о приближении гоблинов, Джоджонах сильнее стал тереть графит, ибо пока не ощущал силы камня.

Магистр ушел в себя, отыскивая в своем уме тот особый магический уголок, особое

место Божьего присутствия. Он отбросил мысли о Де'Уннеро, считая, что такие мысли могут лишь помешать работе. Он тер и тер графит между пальцев, ощущая каждый выступ и желобок.

Но он по-прежнему не чувствовал магической силы камня. Джоджонах открыл глаза и увидел, что рядом с ним на дороге никого нет. Объятый ужасом, он огляделся и затем несколько успокоился, увидев, что Де'Уннеро велел монахам спрятаться в придорожных кустах. Гоблины были уже видны: первые из них неслись сюда, срезая изгиб дороги. Джоджонах недоуменно поглядел на графит, чувствуя, что его предали.

Гоблины приближались. Они давно уже позабыли, что спаслись бегством от врага, и вновь жаждали добычи.

Джоджонах поднял руку и закрыл глаза, воззвав к силе камня.

Из-под его пальцев не вырвалась молния. Не было даже маленькой искорки. А гоблины неумолимо приближались. Джоджонах сделал новую попытку. Увы, магической силы в графите не было. Тогда он понял, в чем здесь дело: графит не был особо приготовленным. Просто кусок обыкновенного камня. Джоджонаха охватил страх. Он подумал, что Де'Уннеро бросил его здесь умирать. Старый, безоружный, непригодный для битвы! Он вскрикнул, обернулся и бросился бежать, точнее, заковылял с той скоростью, какую позволяли его старые ноги.

За спиной слышались вопли и гиканье совсем уже близких гоблинов. Магистр ежесекундно ожидал получить удар копья в спину.

Но в это время Де'Уннеро и братья решительно ударили по толпе гоблинов. По обеим сторонам дороги монахи выпрыгнули из-за кустов и дали залп из тяжелых арбалетов, способных поразить насмерть поври и даже великанов. В гоблинов полетели толстые стрелы, глубоко застревая в их тщедушных телах. Случалось, что стрела пробивала гоблина насквозь и успевала поразить другого, бежавшего сзади. Толпа заметалась, закружилась. Дорога стала покрываться трупами гоблинов, и боевые выкрики быстро сменились воплями удивления и боли.

Джоджонах решился оглянуться и увидел, что половина гоблинов уже сметена ударами арбалетов. Одни еще корчились в предсмертных муках, другие лежали неподвижно. Магистр Де'Уннеро выпрыгнул из кустов и бросился на остальных. Сейчас он являл собой совершенный убойный механизм, способный прыгать и стремительно поворачиваться из стороны в сторону. Он вытянул пальцы, сжал руку и в считанные секунды разорвал гоблину горло. Тут он заметил, что другой гоблин собирается ударить его палицей по голове. Де'Уннеро скрестил руки над своей головой и быстро опустил вниз, задержав на уровне предплечий. Затем, разведя руки пошире, он выбил палицу у ошеломленного гоблина, поймал ее на лету и ударил того по лицу. Де'Уннеро тут же нанес второй, более сильный удар слева.

Де'Уннеро продолжал орудовать палицей. Он отбросил в сторону пущенное копье, потом вернулся к первому гоблину и ударил его в третий раз, свалив на землю. Впрочем, гоблин и после двух ударов едва держался на ногах.

После этого Де'Уннеро швырнул палицу в гоблина, который пустил в него копье. Потом он метнулся вслед за палицей, ухватил острие копья и отбросил в сторону. Другой рукой он успевал наносить тяжелые удары по лицу и глотке гоблина.

На дороге появились и другие монахи, помогавшие новому настоятелю расправляться с уцелевшими гоблинами. Кое-кому из них удалось отползти в сторону, и они скулили на обочине. Де'Уннеро приказал нескольким монахам вернуться на место, и они с помощью арбалетов довершили дело.

Исход битвы был очевиден, и здесь жестокий Де'Уннеро нанес самый коварный из своих ударов. Он прибегнул к помощи своего любимого камня — тигровой лапы, и руки магистра превратились в передние лапы крупного тигра, терзавшие и рвавшие в клочья оставшихся гоблинов.

Сражение окончилось раньше, чем магистру Джоджонаху удалось добраться до своих.

Когда он вернулся, пыхтя и сопя, магистр нашел Де'Уннеро в возбужденном, почти неистовом состоянии. Тот бегал вокруг молодых монахов, с силой хлопал по их спинам и буквально изрыгал слова об одержанной ими великой победе.

Ранения получили лишь несколько монахов. Тяжелее всех был ранен молодой брат, в которого угодила арбалетная стрела. Стрелявший был невнимателен и выбрал неверный угол. Кое-кто из лежавших на дороге гоблинов был еще жив, но уже больше не думал о сражении. Нескольким гоблинам удалось бежать, и они неслись по полям в разные стороны от дороги.

Де'Уннеро, похоже, это не волновало. При виде Джоджонаха он широко улыбнулся.

— Даже с помощью магии мы бы не управились быстрее, — заявил будущий настоятель.

— Вы и не намеревались применять магию, за исключением вашего камня, — резко ответил Джоджонах и отшвырнул прочь бесполезный кусок графита. — Я не люблю, когда из меня делают пешку, магистр Де'Уннеро, — продолжал Джоджонах.

Де'Уннеро оглянулся на молодых монахов, и от Джоджонаха не укрылась лукавая усмешка на его лице.

— Вы играли необходимую роль, — возразил Де'Уннеро, даже не упрекнув Джоджонаха за то, что тот не назвал его настоятелем.

— Имея настоящий камень, я был бы куда полезнее.

— Вряд ли, — ответил Де'Уннеро. — Вы бы своей молнией убили нескольких гоблинов, а остальные разбежались бы и лишь усложнили бы нам задачу.

— Некоторым все равно удалось бежать, — напомнил Джоджонах.

— Больших бед они не наделают, — отмахнулся Де'Уннеро.

— Зачем же тогда понадобилось пугать меня и заставлять бежать?

— Чтобы заманить гоблинов, — ответил Де'Уннеро.

— Мною? Значит, я, магистр Санта-Мир-Абель, служил в качестве приманки? — не унимался Джоджонах.

Впрочем, ему был понятен тонкий расчет Маркало Де'Уннеро. Свежеиспеченный настоятель унизил его на глазах молодых монахов, упрочив собственное положение. Пока Джоджонах, словно испуганный ребенок, спасался бегством, Де'Уннеро кинулся в самую гущу врагов и самолично убил нескольких гоблинов.

— Простите меня, брат, — лицемерно произнес Де'Уннеро. — Вы у нас единственный, кто достаточно немощен и способен выполнить такую роль. Если бы на вашем месте оказался такой молодой и крепкий человек, как я, боюсь, это стадо бросилось бы врассыпную.

Джоджонах умолк и пристально смотрел на Де'Уннеро, думая о неизбежной расплате. Нет, о подобном деянии, учиненном над магистром Абеликанского ордена, и о подобном обмане надо говорить перед более высокими инстанциями. Вероятно, Де'Уннеро серьезно наказали бы за самоуправство и издевательство над ним. Но к каким высоким инстанциям он может обратиться? К отцу-настоятелю Маркворту? Едва ли.

Да, признался себе Джоджонах, Де'Уннеро сегодня победил. Но ничего, решил грузный магистр, их личная битва будет долгой, очень долгой.

— Прошу вас, дайте мне гематит, — попросил он Де'Уннеро. — У нас есть серьезно раненный брат.

Де'Уннеро, которого совсем не волновали чьи-то раны, повернулся и бросил Джоджонаху гематит.

— И вновь вы доказываете, что еще представляете собой некоторую ценность, — сказал он.

Джоджонах молча пошел прочь.

— Ты обучил ее, — с упреком произнес Джуравиль вернувшемуся Элбрайну.

Эльф сидел на дереве, а Элбрайн только что вернулся, успешно завершив погоню за гоблинами.

Элбрайну не понадобилось спрашивать, о чем это он говорит. Он знал, что Джуравиль видел их с Пони танец и что без би'нелле дасада никакая пара не сможет достичь такого изящества и гармонии. Элбрайн не ответил на обвинение. Он поглядел вниз, где возле повозок Пони помогала раненым.

Джуравиль глубоко вздохнул и вновь прислонился к стволу.

— Ты даже не можешь в этом сознаться? — спросил он.

Элбрайн сверкнул на него глазами.

— Сознаться? — повторил он. — Ты говоришь так, словно я совершил преступление.

— А разве нет?

— А разве она недостойна обучения? — быстро спросил Элбрайн, махнув рукой в сторону повозок и Пони.

Эльф несколько смягчил свой гнев, но расспросы на этом не прекратились.

— Получается, что Элбрайн стал судьей, решающим, кто достоин и кто нет? И Элбрайн готов сделаться учителем би'нелле дасада вместо эльфов, которые с незапамятных времен владеют искусством этого танца?

— Нет, — серьезно ответил Элбрайн. — Не Элбрайн, а Полуночник.

— Ты слишком много на себя берешь, — заметил Джуравиль.

— Вы сами дали мне такое имя.

— Мы дали тебе больше, чем имя, — резко ответил эльф. — Мы дали тебе иную жизнь. Следи за тем, Полуночник, чтобы не злоупотреблять нашими дарами. Госпожа Дасслеронд никогда бы не простила такого оскорбления.

— Оскорбления? — воскликнул Элбрайн, которому это замечание показалось смехотворным. — Подумай-ка о положении, в каком я… в каком все мы оказались. Мы с Пони уничтожили демона-дракона и были вынуждены постоянно сражаться с этими тварями на всем пути до Дундалиса. Да, признаю: я поделился с нею своим даром ради блага нас обоих, как и она поделилась даром Эвелина ради нашего блага.

— Значит, она научила тебя пользоваться силой камней, — сделал вывод Джуравиль.

— По сравнению с ней, я — почти ничто, — искренне сказал Элбрайн.

— Как и она, по сравнению с твоей боевой сноровкой, — сказал эльф.

Элбрайн уже был готов сказать в ответ какую-нибудь колкость. Он не хотел прощать оскорбительных высказываний в адрес Пони, в особенности — несоответствующих действительности. Однако Джуравиль продолжал говорить:

— Вместе с тем человек, способный двигаться с удивительным изяществом, который может столь гармонично дополнять движения Элбрайна, обученного народом тол'алфара, — это действительно редкая находка. Джилсепони танцует так, словно она немало лет провела в Кер'алфаре.

На лице Элбрайна появилась улыбка.

— Значит, ее учил мастер своего дела, — сказал он и подмигнул.

Джуравиль спокойно выслушал это хвастливое утверждение.

— Ты поступил правильно, — решил эльф. — Джилсепони достойна этого танца; достойна больше, чем кто-либо из людей.

Удовлетворенный такими словами, Элбрайн глянул в восточном направлении.

— Много их туда улизнуло, — заметил он.

— Скорее всего, гоблины напоролись прямо на идущих сюда монахов.

— Если только монахи не предпочли спрятаться и пропустить их, — сказал Элбрайн.

Джуравиль понял намек.

— Иди к ней и посмотри, как обстоят дела у купцов.

— А я разведаю, что сталось на востоке с нашими дорогими гоблинами.

Элбрайн поскакал вниз по склону, направляясь к повозкам. Кто-то из перепуганных людей наставил на него лук, за что чуть не получил по уху от своего спутника по каравану.

— Ты что, дурень! — закричал другой. — Он же спас твою поганую жизнь. Один поубивал половину гоблинов!

Первый человек бросил лук на землю и начал неуклюже кланяться. Элбрайн лишь улыбнулся и проехал мимо, оказавшись внутри кольца повозок. Он сразу же заметил Пони и спрыгнул с коня, отдав поводья молоденькой девушке, вызвавшейся помочь.

— У них много раненых, причем серьезно, — объяснила Пони.

Сама она занималась исцелением мужчины, который по всем признакам, казалось, уже не жилец.

— Его ранили, когда гоблины напали в первый раз.

Элбрайн вновь беспокойно посмотрел в восточном направлении.

— Думаю, монахи уже совсем близко, — негромко сказал он.

Пони внимательно смотрела на него, закусив пухлую верхнюю губу. В ее широко раскрытых глазах читался вопрос. Он знал, как поступит она, и она сделает это вопреки его согласию или несогласию. Сейчас Пони хотела лишь узнать, что думает он сам.

— Будь осторожна с камнем, — предупредил он. — Перевяжи им раны, словно ты действуешь привычным образом. А камень используй…

Элбрайн замолчал, увидев, как переменилось лицо Пони.

Она хотела знать его мнение, но лишь из уважения к любимому. Но в этом деле она не нуждалась в его приказаниях. Элбрайн понял и смолк, показав жестом, что доверяет ее суждениям.

Он видел, как Пони достала из мешочка серый камень, плотно зажала в руке и склонилась над раненым. Элбрайн тоже склонился, сделал повязку и начал перевязывать рану. Удар пришелся по правой стороне груди. Меч гоблина поломал несколько ребер и вонзился очень глубоко, едва ли не в легкое. Элбрайн плотно перевязал рану. Он не хотел увеличивать страдания этого человека, но стоны раненого помогали отвлечь внимание от тайного врачевания Пони.

Раненый тяжело дышал. Элбрайн произнес несколько обычных слов утешения. Неожиданно человеку стало легче, и он вопросительно посмотрел на Элбрайна.

— Что со мной? — тихо спросил он.

— Не такая уж у тебя опасная рана, — солгал Элбрайн. — Меч только слегка задел ребра.

Раненый недоверчиво посмотрел на него, но спорить не стал, довольный тем, что боль начала уходить и ему становилось все легче дышать.

Элбрайн и Пони обошли караван, желая убедиться, есть ли еще тяжелораненые, которым нельзя помочь обычными средствами. Они нашли лишь одну пожилую женщину, получившую сильный удар по голове. Ее глаза бессмысленно блуждали, а изо рта сочилась слюна.

— Так и не приходит в сознание, — сказал ухаживающий за ней человек. — Я видел, как это было. Гоблин ударил ее палицей. Думаю, ей не дожить до вечера.

Пони наклонилась, разглядывая рану.

— А я так не думаю, — сказала она. — Нужно лишь правильно перевязать ей голову.

— Что? — удивился человек, но спорить не стал.

Элбрайн и Пони принялись за работу. Элбрайн накладывал повязку, в то время как Пони, зажав в ладони магический камень, приложила руку к ране. Внешне это выглядело так, будто она поддерживала голову раненой, пока Элбрайн делал перевязку.

Пони закрыла глаза и ушла в камень, посылая через пальцы его целительную магию. Она ощущала все состояние раненой, всю ее боль и муки, но во время сражений на севере Пони доводилось врачевать раны и посерьезнее этой.

Вскоре она вышла из транса. Рана уменьшилась и уже не представляла угрозы для жизни. В это время послышались крики:

— Они подходят! Оттуда, с востока!

— Гоблины! — завопил какой-то перепуганный купец.

— Нет! — возразил другой. — Это монахи! Братья из Санта-Мир-Абель пришли нам на помощь!

Элбрайн беспокойно переглянулся с Пони, которая мгновенно спрятала самоцвет.

— Уж не знаю, что вы с ним сделали, но вы спасли Тимми жизнь, — сказала подбежавшая к ним женщина.

Взглянув туда, куда она показывала, Элбрайн и Пони увидели, что раненный в грудь теперь стоял и спокойно разговаривал. Он даже смеялся.

— Его ранение оказалось не слишком серьезным, — солгала Пони.

— Как бы не так, ему гоблин заехал мечом прямо в легкое, — возразила женщина. — Сама видела и подумала: бедняге не дожить и до обеда.

— Вы все просто переволновались и перепугались, — сказала Пони. — Это и понятно: вы же знали, что гоблины явятся снова.

На лице женщины появилась лукавая улыбка. Судя по виду, ей было где-то под сорок. Судя по манере держаться — честная труженица, знакомая с тяготами жизни, но вполне довольная своей судьбой. Женщина кивнула в сторону раненой старухи, сидевшей на земле. В глазах у той вновь чувствовалась жизнь.

— Не так уж я и перепугалась, — тихо ответила женщина. — За последние недели я не раз побывала в передрягах и всего понавидалась. У меня погиб сын, но, слава богу, остальные пятеро детей целы. Меня лишь попросили дойти с караваном до Эмвоя. Как считают, я умею врачевать больных.

Элбрайн вновь переглянулся с Пони, и это не ускользнуло от незнакомки.

— Не знаю, что вы там прячете, — тихо сказала она. — Но я не из болтливых. Я видела, как вы на холме сражались за нашу жизнь, даже не зная, кто мы и откуда. И потому я вас не выдам.

С этими словами женщина подмигнула и пошла к дороге, чтобы посмотреть на приближавшихся монахов.

— Где наш сынок? — насмешливо спросила у Элбрайна Пони.

Элбрайн огляделся, хотя, разумеется, Джуравиля нигде не было видно.

— Возможно, позади монахов. А может, прячется у кого-нибудь под сутаной.

Впрочем, Элбрайну было не до шуток, да и Пони опасалась, что монахов привели сюда ее камни. Тогда вскоре все может кончиться. Но теперь уже ничего не изменишь. Она взяла любимого под руку, и они присоединились к остальным.

— Меня зовут настоятель Де'Уннеро. Я направляюсь из Санта-Мир-Абель в Сент-Прешес, — раздался зычный голос одного из монахов.

Чувствовалось, что жизнь буквально бурлит в нем. Глаза монаха так и сверкали.

— Кто у вас главный? — спросил он.

Не дожидаясь ответа, Де'Уннеро цепким взглядом окинул толпу и задержался на Элбрайне и Пони. Своим внешним обликом и оружием они явно выделялись среди купцов.

Будущий настоятель направился прямо к ним.

— Мы, святой отец, как и вы, совсем недавно здесь, — смиренно произнес Элбрайн.

— Ты хочешь сказать, что вы случайно набрели на этих людей? — недоверчиво спросил Де'Уннеро.

— Мы увидели дым. Вы, наверное, тоже его видели, когда подходили с востока, — ответила Пони.

Голос ее звучал резко, и всем своим видом Пони показывала, что ничуть не испугалась.

— Помня о необходимости помогать ближним, мы поспешили узнать, не сможем ли чем-нибудь помочь этим людям. Когда мы подошли, здесь уже начиналось второе сражение, и мы приняли в нем участие.

Темные глаза Де'Уннеро вспыхнули, и Элбрайну с Пони обоим показалось, что монах готов ударить ее за скрытый упрек. За всеми ее общими словами явно проступал вопрос: а почему же он со своими братьями не поспешил сюда на помощь?

— Неск Рич, — послышался запоздалый ответ на вопрос Де'Уннеро.

Это был тот самый толстый человек в ярком одеянии, с которым Пони говорила накануне сражения. Купец подошел и протянул Де'Уннеро левую руку. Правая находилась

на перевязи.

— Неск Рич из торгового дома Дилламана, — представился он. — Это мой караван. Мы очень рады вас видеть.

Де'Уннеро, не обращая внимания на протянутую руку, продолжал сверлить глазами Элбрайна и Пони.

— Магистр Де'Уннеро, — обратился к нему грузный пожилой монах. — Здесь есть раненые. Прошу вас, дайте мне камень, чтобы я мог помочь им.

Элбрайн и Пони заметили, как по острому лицу Де'Уннеро пробежала тень недовольства. Ему не понравилось, что другой монах столь открыто заговорил о помощи, да еще о магической помощи. Но сейчас на Де'Уннеро были устремлены глаза всех присутствующих: и людей из каравана, и его собратьев. Ему не оставалось ничего иного, как достать из мешочка гематит и передать просившему.

— Настоятель Де'Уннеро, — поправил он.

Грузный монах поклонился и отошел. Пройдя мимо Элбрайна и Пони, он улыбнулся и подмигнул им.

Поговорив с предводителем каравана, Пони составила достаточно ясное представление об этом человеке. Ее ничуть не удивило, что тот первым устремился к грузному монаху, подняв свою слегка раненную руку и всем своим видом показывая, насколько серьезно она повреждена.

Однако Де'Уннеро не считал свой разговор с купцом законченным. Он крепко схватил Рича за плечо и повернул лицом к себе.

— Значит, это твой караван? — спросил он.

Купец смиренно кивнул.

— Так как же ты смел, глупец, подвергать людей опасности? — обрушился на него Де'Уннеро. — Здешние места кишат этими тварями, которые голодны и жаждут человеческой крови. Сколько предостережений рассылали! Но нет, видно, не про тебя они писаны. Ты снаряжаешь караван и без должной охраны пускаешься в путь.

— Простите меня, святой отец, — заикаясь пробормотал Неск Рич. — Мы нуждались в провизии, и выбора у нас не было.

— Скорее, вы нуждались в прибыли, — презрительно бросил Де'Уннеро. — Решил нажиться, когда караваны почти не ходят и товары подскочили в цене.

Ропот в толпе подсказал и Элбрайну с Пони, и Де'Уннеро, что монах попал в точку.

Де'Уннеро отпустил купца и крикнул грузному монаху:

— Поторапливайтесь! Мы и так задержались слишком долго.

Потом он спросил Рича:

— Куда направляетесь?

— В Эмвой, — запинаясь ответил изрядно перепуганный купец.

— Вскоре я буду произведен в сан настоятеля Сент-Прешес, — во всеуслышание объявил Де'Уннеро.

— Сент-Прешес? — повторил вслед за ним Неск Рич. — Но настоятель Добринион…

— Настоятеля Добриниона больше нет в живых, — равнодушным тоном ответил Де'Уннеро. — Я послан взамен него. Послушай, Рич. Ты и твой караван у меня в долгу, и я ожидаю, что вы все будете присутствовать во время возведения меня в сан настоятеля. Я даже настаиваю на этом. И не забудь быть щедрым в своих приношениях.

Де'Уннеро повернулся к монахам и подал сигнал трогаться в путь.

— Поторапливайтесь, — крикнул он Джоджонаху. — Я не собираюсь торчать здесь целый день.

Элбрайн воспользовался моментом и незаметно направился к лошадям, вспомнив о бирюзе в груди Дара. Если монахи из Санта-Мир-Абель увидят этот камень, он может стать для них весьма красноречивым свидетельством.

Пони между тем не сводила глаз с грузного монаха, заботливо помогавшего многим раненым. Когда Де'Уннеро и его сопровождающие отошли на достаточное расстояние, она

подошла к старику и сказала, что может помочь ему там, где можно обойтись привычными средствами лечения.

Монах посмотрел на ее меч, на одежду и обувь, заляпанную кровью.

— Тебе бы лучше отдохнуть, — сказал он. — Как я слышал, вы с твоим другом и так изрядно потрудились сегодня.

— Я не устала, — с улыбкой возразила Пони.

Грузный монах сразу же понравился ей, как точно так же она сразу невзлюбила Де'Уннеро. Она невольно сравнила последнего с покойным Добринионом, и разительный контраст заставил ее вздрогнуть. Грузный монах с его искренним желанием помочь раненым и заботливым обращением с ними больше напоминал прежнего настоятеля Сент-Прешес, которого ей довелось видеть несколько раз. Пони наклонилась и приподняла руку раненого, надавив в нужном месте, чтобы уменьшить кровотечение из его рваной раны.

Она заметила, что монах смотрит не на нее и не на раненого, а пристально разглядывает Элбрайна и коней.

— Как тебя зовут? — спросил он, переводя взгляд на Пони.

— Корали, — солгала она, назвавшись именем двоюродной сестры, которая совсем маленькой погибла во время первого налета на Дундалис.

— Магистр Джоджонах, — представился грузный монах. — Рад встрече. Можно сказать, этим несчастным торговцам повезло, что мы оказались поблизости. В особенности ты со своим спутником.

Последних слов Пони почти уже не слышала. Она внимательно глядела на грузного человека. Джоджонах. Она знала это имя, имя магистра, о котором Эвелин всегда говорил с почтением. По словам Эвелина, один Джоджонах во всем Санта-Мир-Абель понимал его. Обычно он не любил рассказывать о собратьях по монастырю. Но как-то вечером, после излишнего количества «глотков храбрости» (так он именовал свое любимое вино), Эвелин рассказал ей о Джоджонахе.

Тогда она поняла, насколько этот старик был дорог Эвелину.

— Меня изумляет ваша работа, святой отец, — сказала она, когда магистр Джоджонах с помощью камня стал исцелять раненого.

На самом деле Пони вскоре осознала, что она искуснее умеет пользоваться силой самоцветов, чем этот магистр. Ничего удивительно, если вспомнить, каким искусным и умелым был сам Эвелин.

— Пустяки, — ответил магистр Джоджонах, когда рана затянулась.

— Для меня это не пустяки, — возразил раненый и рассмеялся.

— Но как замечательно, что вы это делаете, — с воодушевлением произнесла Пони.

Она действовала интуитивно, следуя голосу сердца, хотя разум буквально кричал и требовал, чтобы она вела себя осторожно и немедленно замолчала.

Пони быстро огляделась, убедившись, что никто из монахов не вернулся за магистром, затем тихо добавила:

— Однажды мне пришлось встретиться с одним вашим монахом. Санта-Мир-Абель — так называется ваш монастырь?

— Именно так, — рассеянно ответил Джоджонах, ища глазами тех, кому еще может потребоваться его врачевание.

— Он был замечательным человеком, — продолжала Пони. — Удивительным человеком.

Магистр Джоджонах вежливо улыбнулся, собираясь двинуться в путь.

— По-моему, его звали Эберли, — сказала Пони.

Монах резко остановился и повернулся к ней. Вместо вежливой улыбки его лицо выражало искреннее удивление.

— Нет, по-моему, Эвенбрук, — на ходу придумывала Пони. — Боюсь, я забыла его имя. Видите ли, это было несколько лет назад. И хотя имени я не помню, я никогда не забуду этого монаха. Я встретила его, когда он в Палмарисе помогал какому-то уличному

попрошайке. Его действия во многом напоминали ваши. И когда тот несчастный предложил заплатить за помощь и извлек из своих лохмотьев несколько монет, Эберли… Эвенбрук… как бы его ни звали, с благодарностью принял деньги, а затем добавил к ним намного больше своих и незаметно опустил нищему в карман.

— Удивительно, — пробормотал Джоджонах, кивая головой в такт каждому ее слову.

— Я спросила у него, зачем он так поступил с монетами, — продолжала Пони. — Ведь он мог бы просто отказаться от платы. Он ответил, что кроме здоровья очень важно сохранить в этом человеке чувство собственного достоинства.

Последние слова Пони произнесла, широко улыбнувшись. История эта была правдивой, только она произошла не в Палмарисе, а в небольшой деревушке.

— Тебе так и не вспомнить имя этого брата? — спросил Джоджонах.

— Эберли, Эвенбрук… что-то похожее на эти имена, — покачав головой, ответила Пони.

— Может быть, Эвелин? — подсказал Джоджонах.

— Возможно, святой отец, — ответила Пони, не желая говорить лишнее.

Но ее очень воодушевило, насколько потеплело лицо магистра Джоджонаха.

— Я же сказал, поторапливайтесь! — донесся со стороны дороги резкий голос нового настоятеля Сент-Прешес.

— Эвелин, — повторил магистр Джоджонах. — То был Эвелин. Всегда помни это имя.

Он дотронулся до плеча Пони и зашагал прочь.

Пони следила за удалявшимся магистром. Она не знала почему, но неожиданно мир показался ей чуточку лучше. Она направилась к Элбрайну. Элбрайн все так же стоял возле Дара, заслоняя от посторонних глаз бирюзу.

— Теперь мы можем двигаться? — нетерпеливо спросил он.

Пони кивнула и взобралась на Грейстоуна. Махнув на прощание купеческому каравану, они выехали из кольца повозок и направились вверх по склону, подальше от монахов, которые уже двигались в западном направлении. На вершине холма их поджидал Джуравиль. Друзья поскакали на восток, стараясь отъехать от монахов как можно дальше.

Де'Уннеро немедленно принялся отчитывать магистра Джоджонаха. Монахи уже вышли из лощины, а его тирада все продолжалась.

Впрочем, Джоджонах даже не слышал слов Де'Уннеро. Он по-прежнему думал о молодой женщине, помогавшей ему лечить раненых. На душе у Джоджонаха было тепло и спокойно. Значит, послание Эвелина действительно нашло уши, способные услышать. Рассказ женщины глубоко потряс магистра, укрепил его собственное отношение к Эвелину. Ее слова напомнили Джоджонаху о том, что при всех превратностях жизни его церковь устоит.

Улыбка, блуждавшая на лице Джоджонаха, лишь сильнее разъярила Де'Уннеро. Но Джоджонах продолжал молчать. Пусть бушует, пусть доходит до грани безумия. По крайней мере, теперь молодые и впечатлительные монахи смогли увидеть истинный характер своего настоятеля. Наверное, они были зачарованы его боевым искусством. Даже Джоджонах восхищался ловкостью и сноровкой Де'Уннеро. Но словесное бичевание старого и немощного человека нагнало скуку не на одного брата.

Наконец, сообразив, что Джоджонах слишком погружен в себя, неистовый Де'Уннеро замолчал. Грузный магистр замыкал процессию, пытаясь мысленно представить Эвелина, помогающего сирым и убогим. Джоджонах вновь подумал о той женщине и опять начал размышлять над рассказанной ею историей. Затем мысли переключились на ее спутника и его первостепенную роль в битве с гоблинами. Он никак не мог взять в толк, зачем этим сильным и искусным воинам отправляться из Палмариса на восток. Конечно, они могли бы служить великолепной охраной тому каравану — одному из немногих, рискующих перевозить драгоценные товары в это неспокойное время. Но у них с караваном — разные пути. К тому же большинство героев приобретали себе имя и славу не здесь, а на севере, где шли настоящие сражения. Магистр Джоджонах пришел к выводу, что обо всем этом надо

будет еще хорошенько поразмыслить.

— Камень! — донесся до него очередной приказ Де'Уннеро.

Видя, что внимание Де'Уннеро поглощено другим, Джоджонах нагнулся и поднял с дороги похожий камешек того же размера, который опустил в мешочек вместо гематита. После этого магистр Джоджонах, желая казаться послушным, бросился к Де'Уннеро и подал ему мешочек. Тот, даже не взглянув, убрал камни. Джоджонах облегченно вздохнул. За исключением своей любимой тигровой лапы, Де'Уннеро не жаловал магические камни.

Монахи шли, пока солнце не начало садиться. Расположившись на ночлег, единственную палатку поставили для Де'Уннеро, который после ужина сразу же уединился с пергаментом и чернилами, чтобы составлять план будущей грандиозной церемонии по случаю его возведения в сан настоятеля.

Магистр Джоджонах почти не принимал участия в разговорах. Он отошел и сел, завернувшись в несколько теплых покрывал. Он дожидался, пока лагерь не затихнет и братья не заснут. Когда из темноты стал доноситься громкий храп, Джоджонах достал из кармана гематит. Еще раз оглянувшись по сторонам и убедившись, что за ним никто не наблюдает, он вошел в камень и соединился духом с его магической силой. Вскоре дух Джоджонаха покинул тело.

Вне телесной оболочки, отягченной грузом лет и весом плоти, он двигался чрезвычайно быстро, преодолевая в считанные минуты целые мили. Вскоре он достиг купеческого каравана, чьи повозки все так же стояли в лощине, образуя круг.

Женщины и ее спутника здесь не было, поэтому дух Джоджонаха воспарил вверх и понесся над холмами. Он заметил огоньки двух костров: один к северу, а другой — к востоку, и по чистой случайности решил вначале направиться на восток.

Совершенно тихий и невидимый, дух Джоджонаха опустился на землю. Вскоре он заметил двух лошадей: громадного черного коня и второго поменьше, жилистого и белогривого. Возле костра разговаривали знакомые ему мужчина и женщина, а также кто-то третий, кого Джоджонах не знал. Не желая их тревожить, Джоджонах сделал небольшой крюк и подошел с другой стороны, чтобы получше разглядеть незнакомца.

Будь Джоджонах в своей телесной оболочке, он наверняка не удержался бы от восклицания, увидев изящную маленькую фигурку с острыми чертами лица и прозрачными крыльями!

Эльф! Существо, принадлежащее к таинственному народу тол'алфар! В Санта-Мир-Абель Джоджонах видел статуи и рисунки этих созданий, однако монастырские летописи не давали ясного ответа на вопрос, действительно ли эльфы существуют или же они — не более чем легенда. После встречи с поври и гоблинами и рассказов о фоморийских великанах логика Джоджонаха вполне допускала существование эльфов. И все же, увидев одного из них, магистр был весьма ошеломлен. Он провел немало времени, паря над лагерем и слушая их разговоры. При этом Джоджонах не мог оторвать глаз от Джуравиля.

Они говорили о Санта-Мир-Абель, о пленниках Маркворта и в особенности — о кентавре.

— Этот монах хорошо умеет пользоваться гематитом, — сказала женщина.

— А ты могла бы победить его, если бы вам довелось сражаться с помощью магии? — спросил ее спутник.

Джоджонаху пришлось выдержать удар по самолюбию, когда женщина уверенно кивнула. Однако после ее дальнейших объяснений от гнева магистра не осталось и следа.

— Эвелин хорошо меня научил. Лучше, чем я могла предполагать, — сказала она. Этот монах действительно опытен. Эвелин называл его своим наставником. Единственный человек в Санта-Мир-Абель, кого он любил. Эвелин всегда высоко отзывался о магистре Джоджонахе. Но, если говорить правду, по сравнению с тем, что делал Эвелин, или даже с тем, что делаю я, он не настолько силен.

Женщина не хвасталась, а говорила об этом так, как оно есть. Ее слова больше не задевали Джоджонаха. Вместо этого он задумался об удивительных и далеко идущих

последствиях услышанного. Эвелин был учителем этой женщины! И он сумел обучить ее так, что ей, судя по всему, не было еще и тридцати, но по умению и силе она превосходила магистра из Санта-Мир-Абель. Джоджонах верил ее словам, и в нем непрерывно возрастало чувство благодарности к Эвелину.

Магистру хотелось послушать, о чем еще они станут говорить, но времени у него было мало, а ему предстояло до зари пройти изрядное расстояние. Дух Джоджонаха вернулся в тело. Магистр облегченно вздохнул, убедившись, что весь лагерь спокойно спит.

Джоджонах повертел в руках магический камень, обдумывая, что предпринять. Он понимал, что камень может ему понадобиться, но, если он самовольно возьмет гематит, Де'Уннеро, скорее всего, прознает об этом еще до прихода в Сент-Прешес. И потом, с помощью другого гематита его смогут обнаружить точно так же, как он сам сегодня разыскал этих воинов.

Джоджонах все-таки нашел выход. Из недр своей сутаны он извлек чернильницу и кусок пергамента. Он написал короткую записку, сообщив, что возвращается к купеческому каравану и будет сопровождать их в Палмарис. Магистр объяснил, что берет с собой магический камень, потому что купцы намного хуже подготовлены к превратностям дальней дороги, нежели монахи. В особенности когда во главе их процессии находится (здесь Джоджонах тщательно обдумал каждое слово, чтобы не заподозрили подвох) магистр Де'Уннеро — возможно, величайший воин, каких знал монастырь Санта-Мир-Абель. Джоджонах заверял Де'Уннеро, что заставит не только купцов, но также всех их родных и друзей посетить величественную церемонию в Сент-Прешес и поднести настоятелю дорогие подарки.

Записка оканчивалась так: «Совесть не позволяет мне бросать этих людей на произвол судьбы. Церковь обязана помогать находящимся в беде, и эта помощь является нашим добровольным приношением пастве».

Джоджонах надеялся, что сделанный им упор на богатстве и власти успокоит вполне вероятный гнев Де'Уннеро. Но сейчас ему было некогда раздумывать об этом. Сейчас его помощь требовалась тем, чьи идеалы почти совпадали с его собственными. Взяв с собой лишь магический камень и небольшой ножик, магистр Джоджонах со всеми предосторожностями выбрался на дорогу и зашагал на восток. Он шел настолько быстро, насколько позволяло его дряхлое тело.

Промежуточной остановкой на пути стала лощина. Во-первых, Джоджонах хотел определиться с направлением, а во-вторых — им владело искреннее желание еще раз проверить, как обстоят дела в купеческом караване. Оказавшись поблизости, он увидел возможность сделать свою легенду более правдоподобной. Магистр Джоджонах оторвал кусок от своей сутаны. Это оказалось несложно, ибо от многих дней странствия ткань заметно истерлась. Затем он сломал несколько нижних веток и прошелся по ним, создавая видимость схватки. После этого Джоджонах порезал палец и густо вымазал оторванный кусок своей кровью. Он позаботился, чтобы окропить кровью траву и кусты.

Джоджонах быстро залечил порез с помощью гематита и поднялся на вершину холма. Внизу не ощущалось никаких признаков беспокойства. Там горело несколько костров, вокруг которых двигались люди. Магистр еще раз сориентировался и продолжил путь.

До места, где остановились воины и эльф, он добрался уже на рассвете. Джоджонаху не хотелось будить этих людей, а тем более — тревожить их. Однако он понял, что ему надо подойти достаточно близко; тогда женщина сможет его узнать.

Вскоре он уже был в кустах, непосредственно примыкающих к месту ночлега. Неподалеку мигал догорающий костер. Магистр считал, что, подходя, не наделал шуму, и с радостью увидел, что женщина и ее спутник спят.

Чтобы не пугать спящих и не побуждать их к неожиданным действиям, Джоджонах решил дождаться рассвета и дать им возможность проснуться самим. Он начал устраиваться поудобнее. И все же магистра, едва он здесь появился, не оставляло ощущение, что за ним следят.

Джоджонах так и не понял, что же произошло дальше. Как и все монахи Санта-Мир-Абель, он владел боевой выучкой, однако в считанные секунды он оказался лежащим на спине. Спутник женщины придавил его к земле, а у самого своего горла Джоджонах увидел лезвие маленького, точно игрушечного, меча.

Джоджонах не сопротивлялся, и воин, узнав его, несколько ослабил хватку.

— Больше поблизости нет никого, — раздался мелодичный голос.

Эльф, предположил Джоджонах.

— Магистр Джоджонах! — воскликнула женщина.

Она подбежала и положила руку на плечо своего спутника. Они переглянулись. Элбрайн кивнул, встал и подал монаху руку.

Джоджонах взялся за протянутую руку, и его подняли с такой легкостью, что сила этого человека, так же как и удивительное проворство, ошеломила магистра.

— Зачем вы здесь? — спросила женщина.

Джоджонах посмотрел ей в глаза, красота и глубина которых ничуть не изменились в неярком свете раннего утра.

— А вы зачем? — спросил он, и в тоне его голоса ощущалось такое понимание, что Пони и Элбрайн умолкли.

ГЛАВА 30
В ПОИСКАХ ОТВЕТОВ

— Брат Талюмус…

Барон Билдеборох старался говорить медленно и спокойно, но не мог скрыть волнения, то и дело прорывавшегося сквозь это хрупкое спокойствие.

— …расскажи мне еще раз, как Коннор приходил сюда… все, что он тут делал… и где что осматривал.

Молодой монах, явно удрученный тем, что барон недоволен его рассказом, начал сначала, но заторопился, стал перескакивать с темы на тему, и в результате его слова превратились в полную бессмыслицу. Барон ласково потрепал монаха по руке, и тот умолк, глубоко дыша и приводя в порядок мысли.

— Поначалу он пошел в покои настоятеля, — медленно произнес Талюмус. — Ему не понравилось, что мы там все прибрали, но что нам оставалось делать?

Здесь голос монаха вновь задрожал от волнения.

— Тело покойного должно быть выставлено для прощания — так велит традиция! Люди шли сюда нескончаемым потоком. Разве мы могли позволить, чтобы в спальне был беспорядок, да еще следы крови?

— Нет. Разумеется, нет, — постоянно повторял барон, пытаясь успокоить брата Талюмуса.

Роджер внимательно наблюдал за своим новым наставником, восхищенный терпением барона и тем, как он пытался помочь этому тараторящему молодому монаху не потерять нить рассказа. Но напряжение не оставляло барона. Они оба понимали, что едва ли сумеют найти в монастыре удовлетворительные ответы. Сент-Прешес, где сейчас не было ни одного магистра, переживал полный разброд. Монахи слонялись без дела и даже во время молитв позволяли себе обсуждать какие-то слухи и сплетни. Впрочем, одна новость была достоверной и она особенно взбудоражила Роджера и старого барона. Вскоре в Сент-Прешес должен прибыть новый настоятель — магистр из Санта-Мир-Абелъ.

Грядущее событие почему-то заставляло их думать, что Коннор был прав в своих подозрениях и за убийством Добриниона стоял сам всесильный Маркворт.

— Мертвого поври мы не трогали, — продолжал брат Талюмус. — Во всяком случае, пока господин Коннор не ушел, труп лежал здесь.

— А затем Коннор направился в кухню? — осторожно спросил барон.

— Да, туда, где убили Келли Ли, — ответил монах. — Бедная девушка.

— И у нее на теле не было никаких ран? — решился спросить Роджер.

Спрашивая, он глядел прямо на старого Рошфора, хотя вопрос предназначался брату Талюмусу. Роджер уже рассказывал барону, что именно навело Коннора на мысль о непричастности поври к этому преступлению. Ни один поври не упустит случая окунуть свой берет в кровь жертвы, а между тем на теле девушки отсутствовали порезы.

— Нет, — ответил Талюмус.

— И крови тоже не было?

— Нет.

— Сходи и приведи мне того, кто первым обнаружил тело кухарки, — велел барон Билдеборох. — И поживей.

Брат Талюмус, шатаясь от волнения, поклонился и выбежал.

— Тот, кто застал ее мертвой, вряд ли расскажет нам что-нибудь важное, — заметил Роджер, удивленный распоряжением барона.

— Мне этого и не нужно, — ответил ему барон. — Я просто отослал брата Талюмуса, чтобы он оставил нас одних. Надо решать, друг мой, что нам делать дальше, и решать быстро.

— Нам нельзя рассказывать им ни о подозрениях Коннора, ни о его гибели, — чуть подумав, сказал Роджер.

Барон утвердительно кивнул, и парень продолжал:

— Они беспомощны. Если Талюмус, самый старший по рангу, так себя ведет, ни один здешний монах не выступит против этого магистра и Санта-Мир-Абель.

— Похоже, что настоятель Добринион чересчур опекал своих подчиненных и не слишком-то заботился об их умении действовать самостоятельно, — согласился Рошфор и усмехнулся. — Представляю, какой начался бы хаос, если бы я рассказал Талюмусу и остальным братьям, что их любимого настоятеля убили выходцы из Санта-Мир-Абель.

— Сражение все испортит, — с пониманием дела сказал Роджер. — Коннор кое-что порассказал мне о церкви. Если здесь начнется бунт, Санта-Мир-Абель быстро распустит Сент-Прешес, и тогда отец-настоятель будет куда пристальнее следить за Палмарисом, чем сейчас, когда он направил сюда своего человека.

— Ты прав, — со вздохом согласился барон Билдеборох.

В это время вернулся брат Талюмус, приведя с собой другого монаха. Чтобы не пугать и без того взволнованных и перепуганных монахов, барон постарался выглядеть спокойным. Вопросы он задавал только для видимости. И барон, и Роджер понимали, что в Сент-Прешес на их вопросы не ответит никто.

Вскоре они возвратились в Чейзвинд Мэнор. Рошфор расхаживал по комнате, а Роджер уселся в любимое мягкое кресло барона.

— Путь до Урсала не близок, — говорил Рошфор. — Я хочу, чтобы ты обязательно поехал со мной.

— Мы что, в самом деле будем встречаться с королем? — спросил Роджер, немного ошалев от подобной возможности.

— Не бойся. Дануб Брок Урсальский — мой добрый друг, — ответил барон. — Да, мой добрый друг. Он даст мне аудиенцию и непременно поверит моим словам. Вне зависимости от того, сумеет ли он при отсутствии доказательств предпринять какие-либо открытые действия.

— Но я был свидетелем! — возразил Роджер. — Я видел, как тот монах убил Коннора.

— Твои свидетельства могут оказаться лживыми.

— Вы мне не верите?

— Очень даже верю! — ответил барон, привычно рубанув воздух рукой. — Верю, мой мальчик. Иначе, зачем мне были бы все эти хлопоты? Зачем бы я стал отдавать тебе Грейстоуна и меч Коннора? Если бы я не верил тебе, то еще тогда приказал бы заковать тебя в цепи и пытать до тех пор, пока не убедился бы, что ты говоришь правду.

Барон умолк и пристально взглянул на Роджера.

— Где этот меч?

Роджер беспокойно заерзал в кресле. Вдруг он злоупотребил доверием барона?

— Меч и коня я отдал для важного дела, — признался он.

— Кому отдал?

— Джилли, — поспешил ответить Роджер. — Ее дорога намного труднее; там что ни шаг, то сражение. Я отдал ей и Грейстоуна, и меч, поскольку ни на лошади толком ездить не умею, ни меч в руках держать.

— Тому и другому можно научиться, — недовольно проворчал барон.

— На это надо время, а его у нас нет, — возразил Роджер. — А Джилли меч и конь как нельзя кстати. Не сомневайтесь в ее силе и сноровке…

Роджер умолк, стараясь предугадать, как грузный барон воспримет все это.

— Здесь я тоже доверяю твоим суждениям, — произнес после долгого молчания барон. — Так что не будем больше об этом. Вернемся-ка лучше к нашим неотложным делам. Еще раз повторяю: я тебе верю. Но Дануб Брок более осторожен в своих выводах. Представляешь ли ты последствия наших заявлений? Если король Дануб поверит им и заявит об этом во всеуслышание, между государством и церковью может начаться кровопролитная война, которой ни одна из сторон не хочет.

— Отец-настоятель уже начал эту войну, — напомнил старику Роджер.

Лицо барона Билдебороха помрачнело, и он показался Роджеру совсем дряхлым и усталым.

— Вот потому мы и должны отправиться в Урсал, — сказал он.

Стук в дверь помешал Роджеру ответить.

Вошел камердинер.

— Ваша светлость, как стало известно, в Сент-Прешес прибыл новый настоятель. Его имя Де'Уннеро.

— Ты его знаешь? — спросил барон у Роджера, но тот лишь покачал головой.

— Новый настоятель желает встретиться с вами, — продолжал камердинер. — Сегодня вечером во время ужина в Сент-Прешес.

Билдеборох кивнул, и камердинер ушел.

— Похоже, мне надо спешить, — проговорил барон, глядя в окно на предвечернее солнце.

— Я отправлюсь вместе с вами, — сказал Роджер, подымаясь с кресла.

— Нет, — возразил барон. — По правде говоря, мне было бы интересно знать твое впечатление об этом человеке. Но если наши опасения верны и у заговора церковников длинные руки, я лучше пойду один. Пусть имя и облик Роджера Биллингсбери останутся неизвестными для настоятеля Де'Уннеро.

Роджер хотел было поспорить, но он знал, что барон прав. Знал он и другую причину, о которой умолчал Билдеборох. Как-никак Роджер слишком молод и неискушен в тонкостях подобных встреч. Барон опасался, что он вполне может что-нибудь сболтнуть по глупости, и тогда этот ужин окажется для Де'Уннеро весьма «сытным».

Поэтому Роджер остался в Чейзвинд Мэнор дожидаться возвращения барона.

До середины калембра не так уж и далеко. Особенно когда начинаешь думать обо всем, что надо успеть сделать до того момента. Отец-настоятель Маркворт мерил шагами свой кабинет. Проходя мимо окна, морщинистый старик останавливался и бросал взгляд на летнюю листву деревьев. События, произошедшие в течение последних нескольких недель, в особенности открытия, сделанные в Барбакане, и неприятности в Палмарисе, заставили Маркворта изменить свою точку зрения на многие вещи и ускорить необходимые действия по достижению давних и желанных целей.

С гибелью Добриниона расстановка сил в Коллегии Аббатов существенно изменилась. Пусть Де'Уннеро — совсем новичок среди настоятелей, но одно то, что он управляет Сент-Прешес, даст ему сильный голос на Коллегии. Возможно, он даже будет третьим по значимости после Маркворта и Джеховита, настоятеля Сент-Хонс. Это даст Марквортy

огромную силу для удара.

Злорадно улыбаясь, старый церковник мысленно стал представлять грядущие события. Во время этой Коллегии Аббатов он навсегда разделается с Эвелином Десбрисом и неотвратимо заклеймит беглого монаха как еретика. Это очень важно. Маркворт понимал: если не разделаться с Эвелином, деяния последнего останутся доступными для истолкований. Пока на тень Десбриса не ляжет клеймо еретика, все монахи, включая первогодков, вольны обсуждать события, связанные с бегством Эвелина, а это крайне опасно. Кто поручится, что не найдутся сочувствующие Эвелину? И не вползет ли в подобные пересуды словечко «бегство», заменив собой обычно применяемые к этому монаху слова «убийство» и «кража»?

Да, чем раньше он составит обвинение в ереси и чем раньше оно будет принято иерархами церкви, тем лучше. Как только оно получит официальный статус, любое сочувственное упоминание об Эвелине Десбрисе, будь то в монастыре или в храме, станет недопустимым. Едва Эвелина объявят еретиком, его имя в анналах истории церкви будет раз и навсегда связано с проклятием.

Думая о дороге к заветной цели, Маркворт глубоко вздохнул. Он подозревал, что встретит сопротивление, и в первую очередь — со стороны упрямого магистра Джоджонаха. Если, конечно, магистр доживет.

Маркворт отбросил возможность еще одного убийства. Если все его открытые враги вдруг начнут погибать, вопрошающие взоры могут обратиться в его сторону. К тому же в своих взглядах Джоджонах не одинок. Время для сокрушительного удара еще не пришло. Пока рано.

Но если враги все-таки затеют сражение, Маркворт должен быть во всеоружии. Он должен обосновать свои утверждения о ереси Эвелина, поскольку взрыв в Барбакане пока также является предметом различных истолкований. Разумеется, никто не станет отрицать, что в ночь бегства Эвелина был убит Сигертон, но даже здесь у Джоджонаха могут оказаться свои доводы. Грех определяется не только действиями, но и намерением их совершить, и только неоспоримый грех является основанием для того, чтобы объявить кого-либо еретиком.

Следовательно, он должен подтвердить не только свое толкование событий, произошедших в ту ночь, когда Эвелин бежал из монастыря, прихватив камни. Чтобы объявление Эвелина еретиком было полностью оправданным (а церковь никогда не шла на такой шаг поспешно), Марквору необходимо доказать, что Эвелин постоянно использовал камни для злодеяний и потому в конце концов его человеческая природа полностью выродилась. Но отец-настоятель понимал, что ему не удастся утихомирить Джоджонаха. Этот человек будет сражаться с ним везде, где дело касается Эвелина Десбриса, и до последнего станет противиться его замыслам. Сейчас Маркворт в этом не сомневался: Джоджонах приедет сюда на Коллегию Аббатов и обязательно ринется в бой. Их противостояние продолжается уже давно. Значит… значит, нужно уничтожить самого магистра, а не только разбить его доводы.

Маркворт знал, где ему искать союзников для нанесения упреждающего удара по Джоджонаху. Настоятель Джеховит входит в число наиболее влиятельных советников короля и мог бы попросить о выделении ему отряда фанатичных воинов из «Бесстрашных Сердец». Необходимо лишь надлежащим образом подготовить Джеховита и убедить его привести сюда этих свирепых молодцов…

Довольный своим решением, отец-настоятель вернулся к мыслям об Эвелине. В живых остался лишь один свидетель деяний Эвелина — Смотритель. Но все допросы кентавра — и словесные, и с помощью магического камня — лишь доказывали, что это существо обладает значительной силой воли. Маркворт опасался, что никакие пытки не заставят Смотрителя сдаться.

С этими мыслями отец-настоятель подошел к столу и набросал распоряжение брату Фрэнсису, веля ему неустанно, до самой Коллегии, воздействовать на кентавра. Если у них

не будет уверенности, что Смотрителя удастся сломить и заставить говорить нужные им слова, кентавра придется убить еще до появления высоких гостей.

Водя пером по пергаменту, Маркворт осознал дополнительную сложность для своих замыслов. Фрэнсис был монахом девятого года, а на Коллегию помимо настоятелей допускались только безупречные и магистры. Старик нуждался в присутствии Фрэнсиса на Коллегии; конечно, у этого брата есть свои ограничения, но он достаточно предан и послушен.

Отец-настоятель оторвал клочок пергамента, нацарапал себе для памяти «ББФ» и спрятал памятку. Что ж, вынуждаемый условиями военного времени, он нарушил доселе незыблемые правила, сделав Де'Уннеро настоятелем Сент-Прешес, а Джоджонаха — его помощником. Теперь он точно так же возведет брата Фрэнсиса в ранг безупречного.

Безупречный Брат Фрэнсис.

Маркворту нравилось сочетание этих слов, нравилось усиливать власть тех, кто безоговорочно ему повиновался. Объяснение этого шага будет простым и вряд ли вызовет возражения: после отъезда двух магистров, посланных трудиться на ниве Сент-Прешес, верхние ступени их собственного монастыря ослабли. И хотя в Санта-Мир-Абель были десятки безупречных, лишь очень немногие из них обладали необходимыми качествами, чтобы в дальнейшем стать магистрами. Немногие и стремились к этому. Брат Фрэнсис отлично зарекомендовал себя во время экспедиции в Барбакан, и, став безупречным, он сможет значительно укрепить эту ступень.

Да, рассуждал отец-аббат, еще до созыва Коллегии он сделает Фрэнсиса безупречным, а затем и магистром, дабы заменить…

…Джоджонаха, решил он. А для замены Де'Уннеро придется поискать кого-то среди толпы безупречных. Возможно, сгодился бы даже Браумин Херд, невзирая на то, что избранный братом Браумином наставник оставляет желать лучшего. Но сейчас, когда Джоджонах далеко и вряд ли вернется (разве что на три недели, пока продолжается Коллегия), можно будет попытаться приручить Браумина Херда, помахав перед его носом вожделенным званием.

Отец-настоятель почувствовал, что ему даже стало легче дышать. Все сложности разрешались вполне очевидным образом. Обретенное им новое понимание, новый уровень внутреннего водительства почти граничили с чудом. Все хитросплетения вокруг него рушились словно сами собой, а он получал предельно четкие ответы.

Все сложности, кроме одной, — напомнил он себе и от досады ударил кулаком по столу. Он до сих пор не нашел возможности, как без лишних проволочек объявить Эвелина еретиком. Нет, Смотритель не дрогнет; кентавр будет сопротивляться до самого конца. Маркворт впервые пожалел о том, что семьи Чиличанк нет в живых. Вот ими было бы намного проще управлять.

В мозгу старика почему-то возник образ подземного книгохранилища, в котором Джоджонах разыскивал сведения о брате Аллабарнете. Образ был очень ярким, но старик так и не мог понять, чем вызвано это видение, пока что-то не указало ему на самый дальний угол, где стоял шкаф с запретными книгами.

Повинуясь своей интуиции и внутреннему водительству, Маркворт вначале подошел к столу и достал несколько самоцветов, затем покинул кабинет и начал спускаться по влажным и темным лестницам, направляясь в хранилище. С отъездом Джоджонаха необходимость в охране отпала. Держа в руке ярко светящий бриллиант, отец-настоятель осторожно вошел в древнюю библиотеку. Минуя полки с книгами, он прошел прямо в тот угол, где было собрано все то, что церковь давным-давно объявила запретным. Умом Маркворт понимал, что даже ему, отцу-настоятелю, не позволено нарушать запрет, однако внутренний голос вел его туда, суля ответы на все мучительные вопросы.

Некоторое время Маркворт разглядывал книги и пергаментные свитки, затем прикрыл глаза и воспроизвел содержимое шкафа перед своим мысленным взором.

Глаза старика оставались закрытыми, но он протянул руку, уверенный, что внутреннее

водительство сейчас укажет ему на нужную книгу. Вытащив одну из них, Маркворт запихал добычу в рукав и поспешил вернуться в свои покои. Только там он удосужился прочесть название: «Колдовские заклинания».

Роджер ожидал, что барон вернется поздним вечером, и был немало удивлен, когда заслышал его шаги. Солнце еще только опускалось за горизонт. Роджер вышел ему навстречу, надеясь, что все прошло благополучно, но надежды парня рухнули, едва он увидел пыхтящего и сопящего Рошфора Билдебороха. Лицо старика побагровело от прорвавшегося гнева.

— За все годы мне еще не доводилось встречать более отвратительного человека, не говоря уже о том, что он именует себя святым отцом! — грохотал барон по дороге из передней в кабинет.

Барон плюхнулся в свое любимое кресло, но тут же вскочил на ноги и стал расхаживать по кабинету. Роджер, помешкав и подумав, что в таком состоянии барон вряд ли усидит на одном месте, тихо опустился в кресло сам.

— Он вздумал мне угрожать! — кипел барон Билдеборох. — Мне! Палмарисскому барону, другу его величества Дануба Брока Урсальского!

— Что он сказал?

— Все началось весьма пристойно, — сказал Билдеборох. — Весьма вежливо. Эта тварь Де'Уннеро начал высказывать надежды, что он сумеет плавно войти в жизнь Сент-Прешес. Он сказал, что мы могли бы действовать рука об руку…

Билдеборох умолк, и Роджер затаил дыхание, понимая, что сейчас последует самое важное.

— …невзирая на явные недостатки и преступное поведение моего племянника! — взорвался барон, топая ногами и молотя руками воздух.

Здесь силы разом оставили барона, и Роджер, быстро подскочив к нему, помог старику дойти до кресла.

— Гнусный пес! — продолжал Рошфор. — Уверен, что он еще не знает о гибели Коннора. Но ничего, скоро узнает. Представляешь, он предложил простить Коннора, если я дам ему честное слово, что в дальнейшем мой племянник будет более осмотрительным. Простить Коннора!

Роджеру стоило немалых сил успокоить старика. Он опасался, что барон чего доброго умрет от гнева. Лицо Рошфора Билдебороха пылало, налитое кровью, а глаза, казалось, вот-вот вылезут из орбит.

— Самое лучшее, что мы можем сделать, — это отправиться к королю, — спокойно произнес Роджер. — У нас есть союзники, с которыми новому настоятелю не справиться. Мы не дадим очернить имя Коннора. Да, мы сможем переложить вину за случившееся на плечи истинных виновников.

Эти слова в значительной мере успокоили барона.

— Едем немедленно, — сказал он. — Прямо в Урсал, на полной скорости. Скажи моим слугам, чтобы приготовили карету.

Де'Уннеро ничуть не заблуждался по поводу барона Билдебороха. Он специально повел себя так, чтобы побольше узнать и о самом бароне, и о его политических воззрениях. Де'Уннеро считал, что успех его маневра превзошел все ожидания. Недовольство Билдебороха ясно показывало, что и он может оказаться открытым врагом церкви, причем более опасным, чем его племянник или покойный Добринион.

Де'Уннеро был достаточно сметлив, чтобы понимать, на кого в случае чего ляжет вина за устранение источника этих опасностей.

Вопреки собственным словам, произнесенным на встрече с бароном, Де'Уннеро прекрасно знал о смерти Коннора Билдебороха. Знал он также и том, что какой-то юнец доставил тело Коннора в Палмарис вместе с телом другого человека, одетого в сутану Абеликанского ордена. Вот она, цена вашей ошибки, отец-настоятель, — раздраженно подумал Де'Уннеро. Как он ни просил, Маркворт не послал его на поиски камней. Если бы

он, Де'Уннеро, отправился искать Эвелина, все это давным-давно бы кончилось: камни вернулись бы в монастырь, а сам Эвелин и его дружки были бы мертвы. И этот Билдеборох не был бы как кость в горле ни у него, ни у церкви!

А теперь Маркворт и себе, и церкви создал изрядную помеху. Де'Уннеро успел порасспросить некоторых здешних монахов, а также собратьев из Санта-Мир-Абель, которые своими глазами видели, как тогда, во дворе Сент-Прешес, дело едва не дошло до сражения. Все они в один голос утверждали, что барон Билдеборох относился к Коннору как к сыну. Вина за убийство, несомненно, была возложена на церковь, и барон Билдеборох, чье влияние простиралось далеко за пределы Палмариса, отнюдь не собирался молчать об этом.

Нового настоятеля ничуть не удивило, когда один из братьев его эскорта, посланный на разведку, вернулся и сообщил, что карета барона выехала из ворот Чейзвинд Мэнор и направилась по прибрежной дороге на юг.

Остальные шпионы Де'Уннеро подтвердили эти сведения. Один из них утверждал, что в карете находился барон Билдеборох.

Де'Уннеро ничем не выдал своих чувств. Он оставался спокойным и как ни в чем не бывало провел все требуемые ритуалы вечерней молитвы. После этого он довольно рано удалился к себе, сославшись на усталость после дороги. Причина была вполне понятной и ни у кого не вызвала подозрений.

— А вот здесь у меня есть преимущество даже перед вами, отец-настоятель, — произнес Де'Уннеро, глядя из окна в ночную тьму. — Я обойдусь без подручных.

Де'Уннеро снял балахон сутаны и переоделся в облегающий костюм из черной материи. Потом он поднял оконную решетку и спрыгнул вниз, исчезнув среди теней. Вскоре он оказался за пределами монастыря, сжимая в руке свой любимый самоцвет.

Де'Уннеро погрузился в глубь камня, ощутил пронзительную боль — это начали видоизменяться кости рук. Подгоняемый нарастающим возбуждением предстоящей охоты, ощущая неистовую радость от того, что наконец-то настало его время, настоятель все глубже погружался в магию камня. Он поспешно сбросил обувь, ибо его ноги превращались в задние когтистые лапы тигра. У него возникло ощущение, что он растворяется в магии и сливается с камнем. Все его тело дергалось и вздрагивало. Он провел лапой по груди и разорвал одежду.

Вскоре Де'Уннеро двигался на четвереньках, и когда он попытался воспротивиться этому, из тигриной пасти послышалось рычание.

Никогда еще он не заходил так далеко!

Но до чего же это было удивительно!

Сила, вот она — сила! Он стал тигром, преследующим добычу, и вся эта неимоверная сила подчинялась его абсолютной власти. Быстро и неслышно несся Де'Уннеро на своих мягких лапах. Достигнув городской стены, он с легкостью перепрыгнул через нее и помчался в сторону южной дороги.

Прочитав несколько первых страниц, содержащих общее описание, отец-настоятель понял, что это за книга. Еще полгода назад Далеберт Маркворт ужаснулся бы своему замыслу.

Но это было в прошлом, до того как он обрел «внутреннее водительство» Бестесбулзибара.

Маркворт осторожно опустил книгу в самый нижний ящик стола и запер на все обороты ключа.

— Вначале займемся неотложными делами, — произнес он вслух.

Из другого ящика он достал чистый пергамент и склянку с черными чернилами. Маркворт развернул пергамент и закрепил углы гирьками. Затем он долго глядел на лист, пытаясь подобрать наиболее подходящие слова для заглавия. Кивнув самому себе, он вывел:

О возведении брата Фрэнсиса Деллакорта

из монастыря Санта-Мир-Абель
в ранг Безупречного Брата

На подготовку этого важного документа Маркворт затратил немало времени, хотя окончательный вариант содержал в себе не более трехсот слов. День клонился к вечеру. В монастыре наступил обеденный час. Маркворт направился в ту часть монастыря, где размещались недавно принятые в обитель братья. Он отобрал троих и повел к себе.

— Каждый из вас должен будет сделать мне по пять экземпляров этого документа, — пояснил он.

Один из молодых братьев беспокойно заерзал на месте.

— Говори, что тебя тревожит, — потребовал Маркворт.

— Отец-настоятель, я вовсе не искусен в письме, а уж тем более в заставках и иных украшениях, — заикаясь и не поднимая головы, признался монах.

По правде говоря, распоряжение Маркворта повергло в смятение всех троих. Санта-Мир-Абель мог похвастаться лучшими в мире писцами. Многие безупречные, знавшие, что им никогда не стать магистрами, избирали для себя труд переписчика.

— Я же не спрашивал о том, насколько ты искусен, — возразил Маркворт, потом спросил, обращаясь ко всем троим: — Читать и писать умеете?

— Конечно, отец-настоятель, — хором ответили монахи.

— Тогда делайте то, что я сказал, — велел старик. — И не задавайте вопросов.

— Да, отец-настоятель.

Маркворт обвел своим угрюмым взглядом каждого из них и после нескольких минут тягостной тишины пригрозил:

— Если кто-то из вас скажет хоть слово о том, чем вы здесь занимались, если кто-то из вас даст кому-либо хоть малейший намек о содержании этого документа, вас всех троих сожгут у позорного столба.

И вновь стало тихо. Маркворт внимательно разглядывал монахов. Он намеренно выбрал первогодков, поскольку не сомневался, что на них его угроза окажет сильное воздействие. По окончании работы он отпустил молодых братьев, будучи твердо уверен, что те не посмеют ослушаться своего отца-настоятеля.

Дальнейший путь Марквортa лежал к келье брата Фрэнсиса. Тот уже ушел обедать, но старику и не требовалось его присутствие. Распоряжения относительно Смотрителя он просунул под дверь кельи.

Вскоре после этого отец-настоятель вернулся к себе и прошел в комнатку, примыкавшую к его спальне. Он редко пользовался этим помещением. Здесь Маркворт приступил к приготовлениям. Первым делом он удалил оттуда все, включая мебель. Затем, взяв принесенную из подземелья книгу, нож и разноцветные свечи, он прошел в пустую теперь комнатку и начал вырезать на полу весьма необычный узор, подробно описанный в книге.

Лес показался Роджеру тихим и спокойным. Даже воздух был здесь иным, нежели в его родных северных местах, словно все лесное зверье, все деревья и цветы знали, что вокруг нет ни гоблинов, ни поври.

На привале Роджер вышел из кареты немного размяться. Но проходили минуты, а он все стоял под звездным небом, наедине со своими мыслями. Он старался не думать о предстоящей встрече с королем Данубом; он и так уже много раз репетировал будущую речь. Роджер старался не беспокоиться о своих друзьях, которые, по его подсчетам, находились сейчас где-то вблизи Санта-Мир-Абель. А может — уже сражались с церковью за пленников. Сейчас парню хотелось лишь одного: тишины и покоя летней ночи.

Сколько раз он ночевал в лесу близ Кертинеллы, устроившись на какой-нибудь ветке. Наверное, каждую ночь, когда позволяла погода. Тетушка Келсо звала его на обед, потом на завтрак. Эта добрая, по-матерински заботливая женщина думала, что в промежутке между обедом и завтраком он сладко спит в ее сарае, уютно свернувшись калачиком. Но чаще

Роджер спал в лесу.

Теперь, как бы он ни старался, ему не войти в то давнишнее, беззаботно-спокойное состояние. Слишком много тревог поселилось в его сознании, слишком много он повидал и пережил.

Роджер привалился к дереву, глядя на звезды и жалея о былой безмятежности. Все время, пока он был с Элбрайном, Пони и Джуравилем, они искренне радовались его возмужанию, одобрительно кивали, говоря, что его решения становятся более ответственными. Однако, взвалив на свои плечи груз ответственности, Роджер лишь сейчас ощутил эту тяжесть. Звезды уже не перемигивались весело, как когда-то. Тяжесть лежала не только на плечах, но и на сердце.

Роджер снова вздохнул и стал убеждать себя, что жизнь изменится к лучшему. Король Дануб восстановит порядок в государстве. Гоблины, поври и великаны уберутся восвояси, а он вернется в родную Кертинеллу и заживет как прежде.

Но он не поверил этому. Пожав плечами, он направился к карете — в мир, полный ответственности и разговоров о важных делах.

Не доходя до места стоянки, он остановился и почувствовал, что почему-то у него становятся дыбом волосы.

В лесу стояла какая-то непонятная, дьявольская тишина.

Потом послышалось негромкое, но резкое рычание, какого Роджеру еще не доводилось слышать. Парень застыл на месте, вслушиваясь и пытаясь определить, откуда оно исходит. Рев как будто исходил сразу отовсюду, даже сверху. Роджер стоял не шелохнувшись и едва дышал.

Он услышал звон меча, еще один рев, теперь уже зычный. Затем послышались душераздирающие человеческие крики. Роджер опрометью бросился бежать к месту стоянки, спотыкаясь о корни. Ветки хлестали его по лицу. Он увидел костер и мечущиеся силуэты.

Крики страха сменились предсмертными криками.

Роджер подбежал ближе и увидел, что все трое стражников мертвы. Их растерзанные и изуродованные тела валялись у костра. Роджер едва обратил на них внимание. Он видел, как барон, сумев наполовину забраться в карету, отчаянно пытался захлопнуть дверцу.

Но даже если бы это ему и удалось, дверца не выдержала бы натиска огромной полосатой оранжево-черной кошки, которая когтями вцепилась барону в сапог.

Барон изловчился и ударил зверя ногой. Тигр выпустил ногу, и за это время барон успел залезть внутрь. Но он так и не сумел закрыть дверцу, поскольку полосатое чудовище отпустило его ногу лишь затем, чтобы встать на задние лапы. Прежде чем барон успел потянуть на себя дверцу, тигр запрыгнул внутрь кареты и бросился на барона.

Карета ходила ходуном, барон истошно кричал, а Роджер лишь беспомощно взирал на все это. У него был маленький меч, чуть побольше кинжала. Но Роджер знал, что ему не поспеть барону на подмогу. Он не сможет не то что убить, а даже серьезно ранить тигра.

Роджер повернулся и побежал прочь. Слезы заливали ему лицо. Он с трудом хватал ртом воздух. Еще одна мгновенная смерть у него на глазах! Внезапная, как смерть Коннора. И вновь он оказывается лишь беспомощным наблюдателем, свидетелем гибели друга.

Роджер не знал, куда бежит. Он за что-то цеплялся, что-то хлестало его по лицу, по рукам и ногам. Минуты казались часами. Он бежал, пока не свалился от изнеможения. Но даже тогда Роджер заставил себя хоть как-то двигаться дальше. Он даже не знал, есть ли вообще за ним погоня. Отчаянный страх не позволял ему оглянуться назад.

ГЛАВА 31
В ОБХОД

Подсвеченная солнцем, окутанная пеленой утреннего тумана, впереди высилась крепость Санта-Мир-Абель. Ее морской фасад, далеко растянувшийся по вершине скалы,

глядел на залив Всех Святых. Только сейчас, увидев громаду обители и ощутив древнюю силу этого места, Элбрайн, Пони и Джуравиль по-настоящему смогли оценить могущество своих врагов и понять, что предстоит им самим.

Джоджонаху они рассказали о своих замыслах еще в то утро, вскоре после его неожиданного появления. Он в свою очередь сообщил Пони о смерти ее приемного брата.

Известие больно ударило по ней. Неважно, что они с Греди никогда не были близкими друзьями; они немало лет прожили под одной крышей. Пони почти не спала всю ночь и задолго до рассвета уже была исполнена сил и решимости преодолеть последний отрезок пути, который теперь привел их сюда, к стенам крепости, казавшейся неприступной. Крепости, ставшей тюрьмой для ее родителей и кентавра.

Массивные ворота были плотно заперты.

— Сколько их там, внутри? — шепотом спросила Джоджонаха Пони.

— Одних братьев — более семисот, — ответил он. — И даже те, кого приняли в монастырь только прошлой весной, умеют сражаться. Приведите сюда хоть королевскую армию — силой Санта-Мир-Абель не взять. В более спокойные времена вы еще могли бы проникнуть в монастырь под видом крестьян или ремесленников, но сейчас это невозможно.

— Что вы предлагаете? — спросил магистра Элбрайн.

Если Джоджонах не найдет способа провести их внутрь, весь замысел будет обречен на провал. Еще вчерашним утром, придя к ним, магистр пообещал им, что такой способ есть. Поэтому все четверо незамедлительно двинулись в путь, стремясь как можно быстрее оказаться здесь.

— Любое внушительное строение имеет не только внушительные ворота. Обязательно должны быть и другие, не столь приметные входы, — ответил Джоджонах. — И один такой я знаю.

Магистр повел их окружным путем к северной оконечности монастыря. Там по извилистой каменистой тропе они спустились к узкой прибрежной полосе. Сейчас было время прилива, и вода подходила прямо к камням. Кто знает, сколько веков подряд длился этот нескончаемый танец волн! Но даже залитый водой, берег казался вполне проходимым, и Элбрайн ногой стал измерять глубину.

— Рано, — сказал ему Джоджонах. — Прилив нарастает. Мы еще могли бы пройти, пока вода не поднимется выше, но вряд ли нам удастся проделать обратный путь. Позже, когда начнется отлив, мы сможем дойти до монастырской гавани. Сейчас то место почти не используется и мало охраняется.

— И куда теперь? — спросил эльф.

Джоджонах указал на нечто вроде неглубокой пещеры, мимо которой они уже проходили. Все понимали, что после целого дня и ночи, проведенных в дороге, им требуется отдых. Сюда не проникал холодный морской ветер, и потому друзья устроили здесь привал. Джуравиль приготовил поесть. Только сейчас все вспомнили, что давно ничего не ели.

Разговор тек легко и непринужденно. В основном говорила Пони, рассказывая внимательно слушавшему магистру о ее странствиях с Эвелином. По просьбе Джоджонаха она вновь и вновь повторяла ему тот или иной эпизод. Казалось, магистру не насытиться этими рассказами. Он цеплялся за мельчайшую подробность, просил добавить ее собственные ощущения и наблюдения. Джоджонах хотел знать об Эвелине все. Наконец Пони удалось добраться до того момента, когда она и Эвелин встретились с Элбрайном. Здесь в разговор включился Элбрайн, а затем и Джуравиль, рассказавший немало интересного о сражениях в Дундалисе и о начале путешествия в Барбакан.

Джоджонах вздрагивал, слушая рассказ эльфа о его столкновении с Бестесбулзибаром, и потом, когда Элбрайн и Пони поведали ему о битве близ Аиды, о гибели Тантан и о последнем сражении с демоном-драконом.

Теперь настал черед магистра. Джоджонах говорил с набитым ртом, поскольку Джуравиль приготовил восхитительное угощение. Он рассказал друзьям о том, как монахи обнаружили Смотрителя, о плачевном состоянии кентавра и об удивительно быстром его

исцелении благодаря повязке эльфов.

— Даже я и, полагаю, даже госпожа Дасслеронд не подозревали об истинной силе этой повязки, — признался эльф. — Здесь применена какая-то особая, редкая магия, иначе мы все носили бы такие повязки.

— Такие? — с улыбкой спросил Элбрайн и, закатав левый рукав, показал кусок зеленой ткани, плотно обмотанный вокруг мускулистой руки.

В ответ эльф лишь улыбнулся.

— Мне бы хотелось кое на что взглянуть, — изменил ход разговора Джоджонах, внимательно глядя на Пони. — Насколько я понимаю, Эвелин считал тебя своим другом.

— Да. Я ведь вам уже рассказывала.

— И после его гибели самоцветы взяла ты.

Пони беспокойно заерзала на месте и переглянулась с Элбрайном.

— Я знаю, что кто-то забрал у Эвелина камни, — продолжал магистр. — Когда я осматривал его тело…

— Неужели вы его выкопали? — с ужасом спросил Элбрайн.

— Ни в коем случае! — поспешил ответить Джоджонах. — Я осматривал тело, пользуясь магическим камнем и гранатом.

— Чтобы засечь его магию, — договорила Пони.

— Да. И магическое присутствие вокруг Эвелина было весьма слабым, — сказал Джоджонах. — Однако я уверен, и ваши рассказы лишь укрепляют мою уверенность, что у Эвелина было достаточное количество самоцветов. Я знаю, почему его рука была поднята вверх, и кто первый нашел эти камни.

Пони вновь бросила взгляд на Элбрайна. Его лицо выражало то же замешательство, какое владело и ею.

— Я бы хотел взглянуть на эти камни, — напрямую заявил Джоджонах. — Возможно, их придется пустить в ход в предстоящем сражении, если у нас дойдет до этого. Я обладаю большим опытом по части самоцветов и очень искусен в обращении с ними. Уверяю вас, в случае необходимости я сумею надлежащим образом применить их.

— Вы не настолько искусны, как Пони, — возразил Элбрайн, поймав удивленный взгляд магистра.

Но Пони все-таки достала мешочек с самоцветами и, раскрыв, поднесла к глазам Джоджонаха.

Глаза магистра заблестели. Он увидел рубин, графит, серпентин, изъятый у брата Юсефа гранат, и другие камни. Он протянул руку, однако Пони быстро убрала мешочек обратно.

— Эвелин передал эти камни мне, и теперь они — моя ноша, — объяснила она.

— А если бы я смог лучше, чем ты, применить их в бою?

— Нет, не смогли бы, — тихо возразила Пони. — Меня обучал сам Эвелин.

— Но я же столько лет… — попытался было возразить Джоджонах.

— Я видела, как вы врачевали раненых из купеческого каравана, — напомнила ему Пони. — Раны были незначительными, но вы с большим трудом справлялись с ними.

— Я увидела ваши возможности, магистр Джоджонах, и сейчас у меня нет ни малейших намерений обижать вас или хвастаться своей силой. Но в применении камней я сильнее вас. Мы с Эвелином сумели объединиться в духе, и через эту связь он передал мне свой опыт.

— Магия Пони бессчетное число раз выручала и меня, и многих других, — добавил Элбрайн. — Она не хвастается, а говорит то, что есть на самом деле.

Джоджонах обвел их глазами, затем посмотрел на Джуравиля, который тоже кивал в знак согласия.

— Я не стала использовать магию в сражении с гоблинами, поскольку мы узнали, что к лощине приближаются монахи. Я опасалась, что они засекут мои действия, — объяснила ему Пони.

Джоджонах поднял руку, показывая, что удовлетворен этими словами. Ведь то же самое он уже слышал, когда его дух парил над местом их стоянки.

— Замечательно, — согласился он. — Но, думаю, тебе не следует брать их с собой в монастырь. Или же — возьми только часть.

Пони вновь посмотрела на Элбрайна. Тот пожал плечами, потом кивнул. Доводы монаха совпадали с тем, о чем они с Джуравилем уже говорили ей. Значит, в этом есть смысл.

— Мы не знаем, суждено ли нам вернуться, — сказал Джуравиль. Так не лучше ли спрятать камни здесь, чем они попадут в руки монахов? — спросил он Джоджонаха.

— Да, — почти сразу же решительно отозвался магистр. — Уж лучше выбросить камни в море, чем позволить им попасть к отцу-настоятелю Маркворту. Поэтому прошу тебя, оставь их здесь, в том же месте, где вы оставите своих коней.

— Посмотрим, — уклончиво ответила Пони.

Разговор перешел на более насущные темы. Элбрайна интересовало, охраняется ли вход со стороны гавани.

— Сомневаюсь, что там кто-нибудь будет, — убежденно ответил Джоджонах.

Он рассказал им, что за массивными воротами располагается опускная решетка, а за ней находятся внутренние ворота, такие массивные. Те, скорее всего, открыты.

— Не слишком-то удобный вход для нас, — заметил Джуравиль.

— Поблизости могут быть и другие входы, — ответил Джоджонах. — Эта часть монастыря — самая древняя. В те времена потребность в гавани была очень велика. Ворота, о которых я сказал, — сравнительно поздние; им не более двухсот лет. Однако когда-то со стороны гавани существовало достаточно входов в монастырь.

— И вы надеетесь в ночной темноте отыскать один из таких входов, — недоверчиво произнес эльф.

— Возможно, с помощью камней мне удалось бы открыть ворота, — сказал Джоджонах, взглянув при этом на Пони. — В Санта-Мир-Абель мало беспокоятся о том, что кто-то вторгнется в монастырь, применив магию. Единственная преграда, которую не одолеть силой камней, — это опускная решетка. Но если монахи ждут какой-нибудь корабль, решетка, скорее всего, поднята.

Пони не ответила.

— Желудки у нас полны, а костер приятно греет, — сказал Элбрайн. — Давайте отдохнем, пока позволяет время.

Джоджонах взглянул на полную луну, которую в этой фазе называли Шейлой, и попытался вспомнить все, что ему известно о приливах. Он встал и позвал Элбрайна пройти с ним на берег. Оказалось, вода спала почти до основания скал.

— Еще где-то два часа, — прикинул магистр. — Потом можно будет проникнуть в монастырь и завершить то, ради чего мы сюда добирались.

Как на словах все просто, — отметил про себя Элбрайн.

— Зачем ты сюда явился? — налетел на брата Фрэнсиса Маркворт.

В последнее время Фрэнсис действительно зачастил в покои отца-настоятеля.

— Я же говорил тебе, чтобы до поры до времени ты держался от моих дверей подальше.

Брат Фрэнсис развел руками, удивленный такой переменой в настроении старика.

— Сейчас мы должны сосредоточить все внимание на Коллегии Аббатов, — объяснил ему Маркворт. — Если все удастся, ты будешь там присутствовать, и туда же мы притащим кентавра.

Удивление брата Фрэнсиса сменилось откровенным недоумением.

— Я? — спросил он. — Но я недостоин такой чести, отец-настоятель. Я ведь еще даже не безупречный. Меня могут возвести в этот ранг лишь весной, а к тому времени Коллегия Аббатов давно закончится.

Отец-настоятель криво усмехнулся и, приблизив свое высохшее, морщинистое лицо к

Фрэнсису, прошептал ему на ухо несколько слов.

— Что? — срывающимся голосом переспросил брат Фрэнсис.

— Ты будешь там, — повторил Маркворт. — Безупречный Брат Фрэнсис вместе со мной будет присутствовать на Коллегии.

— Но… но… — бормотал очумелый брат, — я ведь еще не пробыл в монастыре десяти лет. Уверяю вас, мой послужной список, необходимый для перевода в ранг безупречных, в порядке. Но все равно требуется пробыть в монастыре полных десять лет.

— Магистр Де'Уннеро стал самым молодым настоятелем в нашей сегодняшней церкви. Вот и ты станешь самым молодым безупречным, — бесстрастно произнес Маркворт. — Времена нынче опасные, и ради животрепещущих интересов церкви приходится менять правила.

— А как насчет других моих сверстников? — осторожно спросил брат Фрэнсис. — Как насчет брата Виссенти?

Вопросы рассмешили отца-настоятеля.

— Остальные… во всяком случае, многие из них перейдут в ранг безупречных весной, как и установлено правилами. Что до брата Виссенти, — тут он умолк, и улыбка превратилась в гримасу, — пока будем считать, что его будущее зависит от того, с кем он водится.

— Но с тобою не должно быть никаких проволочек, — продолжал Маркворт. — Ты должен пройти стадию безупречного, прежде чем я смогу сделать тебя магистром. Здесь канон церкви строг и неизменен ни при каких обстоятельствах.

У брата Фрэнсиса подкашивались ноги. Он был на грани обморока. Правда, еще тогда, когда он говорил в коридоре с Браумином Хердом, Фрэнсис предвидел такое развитие событий, но он никак не ожидал, что его наставник сделает это столь поспешно. И теперь, первым услышав и узнав о своем назначении и о действительном намерении отца-настоятеля сделать его магистром, он был потрясен до глубины души.

Сейчас Фрэнсис заново возводил пьедестал непогрешимости, разрушенный убийством Греди Чиличанка, словно более высокий ранг сам собой давал ему искупление грехов. Впрочем, он, пожалуй, уже и не нуждался в искуплении, ибо случившееся тогда было всего-навсего несчастным случаем.

— Но до тех пор, пока тебя не возведут в ранг безупречного, ты должен держаться от меня подальше, — объяснил ему Маркворт. — Формальности должны быть соблюдены. В любом случае, без дела ты не останешься, поскольку у меня есть для тебя исключительно важное дело. Ты должен сломить Смотрителя. Кентавр должен свидетельствовать против Эвелина и против той девчонки, завладевшей камнями.

Брат Фрэнсис покачал головой.

— Кентавр считает их своей родней, — осмелился возразить он наставнику.

Маркворт попросту отмел этот довод.

— Сломить можно любого человека и любого зверя, — сказал он. — С помощью магической повязки ты можешь сделать жизнь Смотрителя настолько ужасающей и невыносимой, что эта четвероногая скотина будет молить о смерти. Тогда за одно твое обещание быстрой смерти он согласится назвать своих друзей врагами церкви. Прояви смекалку, безупречный брат.

Звук нового звания ласкал Фрэнсису слух, но при мысли о том, что ему предстоит, лицо его помрачнело.

— И не подведи меня, — сурово добавил Маркворт. — Это отвратительное существо может оказаться главным козырем в нашем выступлении против Эвелина. Можешь не сомневаться: от этого выступления во многом зависит дальнейшая судьба Абеликанского ордена.

Фрэнсис закусил губу, находясь в полном смятении.

— Пойми, если не будет свидетельств кентавра, магистр Джоджонах и иже с ним обязательно выступят против нас. Самое большее, на что мы тогда сможем рассчитывать, —

вопрос об объявлении Эвелина Десбриса еретиком примут к рассмотрению, — толковал ему Маркворт. — А «рассмотрение» грозит растянуться на годы.

— Но если он действительно был еретиком, а так оно и есть, — поспешно добавил брат Фрэнсис, заметив, как у Марквортa от гнева расширяются глаза, — тогда время — наш союзник. В глазах Бога и в глазах церкви Эвелин окажется проклят собственными деяниями.

— Дурак! — пролаял Маркворт и поспешно отвернулся, словно ему было противно даже глядеть на Фрэнсиса.

Этот жест больно ужалил молодого брата.

— Пойми, если камни не будут возвращены, время окажется жесточайшим нашим противником. Во всяком случае, моим. И, если Эвелин не будет официально провозглашен еретиком, ни королевская армия, ни народ не придут нам на помощь в поимке этой девчонки, чтобы она предстала перед судом.

Фрэнсис понял этот аргумент: любой, кого провозглашали еретиком, становился преступником и по церковным, и по государственным законам.

— Я должен вернуть похищенные камни! — продолжал Маркворт. — Я уже немолод. Неужели ты хочешь, чтобы я сошел в могилу, оставив это дело незавершенным? Неужели ты допустишь, чтобы на годы, проведенные мною в качестве отца-настоятеля Абеликанского ордена, легло позорное пятно?

— Конечно же нет, отец-настоятель, — ответил Фрэнсис.

— Тогда отправляйся к кентавру, — велел Маркворт таким ледяным тоном, что у Фрэнсиса стали дыбом волосы. — Эта лошадь нужна мне объезженной!

Брат Фрэнсис шатаясь вышел из комнаты, ощущая, что у него болит все тело, словно Маркворт бил его. Он пригладил волосы и направился к кентавру в застенок, исполненный решимости не подвести своего отца-настоятеля.

Маркворт запер за ним дверь на ключ и мысленно выбранил себя. Хорош, держит двери открытыми. Не хватает только, чтобы увидели книгу и столь примечательный узор на полу. Потом он прошел в комнатку, любуясь своей работой. Пентаграмма получилась превосходной, как две капли воды похожей на изображенную в книге. Все линии, которые он процарапал ножом в полу, были заполнены разноцветным воском.

Отец-настоятель пожертвовал ночным сном — настолько он был захвачен своей работой и тайнами, о которых повествовала книга. Возможно, теперь на Коллегии Аббатов выступят и двое Чиличанков. Маркворт разыщет духов, которые вселятся в их тела, а с помощью гематита сумеет устранить естественное разложение трупов.

Он знал, что идет на рискованный шаг, но подобное в истории уже бывало. «Колдовские заклинания» подробно описывали схожий трюк, использованный против второй настоятельницы Сент-Гвендолин. Тогда двое магистров монастыря были недовольны ее правлением, считая, что женщина не должна занимать такой пост. И действительно, кроме Сент-Гвендолин, женщины играли в делах церкви весьма незначительную роль. Когда один из магистров умер от старости, второй сразу же понял, что в одиночку ему будет не победить настоятельницу. Однако он умело воспользовался «Колдовскими заклинаниями» и прекрасно вышел из затруднительного положения. Он нашел заурядного злого духа, вселил его в тело мертвого магистра, и они почти целый год продолжали войну против упрямой настоятельницы.

Маркворт вернулся за стол. Ему требовалось посидеть и обдумать направление дальнейших действий. Оживленные трупы Чиличанков появятся перед Коллегией совсем ненадолго. Обман должен удаться, ибо, кроме него и Фрэнсиса, никто не знает об их смерти. Вот и еще двое свидетелей против этой девчонки.

Это в случае успеха. А в случае провала? Что его ждет, если обман раскроется? Разумеется, последствия будут отнюдь не радужными.

— Прежде чем решать, я должен увидеть оживление, — вслух произнес Маркворт и кивнул.

Отступать от избранного направления он не станет. Вначале он оживит Чиличанков,

затем установит свое владычество над их телами и тогда убедится, насколько правдоподобен его обман. Надо еще посмотреть, как Фрэнсис обработает Смотрителя, и тогда уже решать, приводить «супругов» на Коллегию или нет.

Улыбаясь и довольно потирая руки, Маркворт взял черную книгу, пару свечей и направился в комнатку. Там он поставил свечи в нужные места, зажег их, а потом, используя магическую силу бриллианта, обратил их свет вспять, сделав желтое пламя черным. После этого отец-настоятель уселся со скрещенными ногами внутрь пентаграммы.

Держа камень в одной руке, а «Колдовские заклинания» в другой, Маркворт легко вышел из тела.

Комната приобрела странные очертания; духовным глазам отца-настоятеля она показалась искривленной и перекошенной. Он увидел знакомую дверь. Но теперь помимо нее в полу открылся длинный наклонный проход, уходивший вниз.

Маркворт двинулся по туннелю. Его душа опускалась все ниже и ниже.

К тому времени, когда Джоджонах повел троих друзей к нижним воротам, Шейла уже висела над самым монастырем. Коней спрятали в укромном месте, большую часть самоцветов — тоже. Пони взяла лишь те камни, без которых нельзя было обойтись. Сейчас она держала в руках магнетит и малахит, позволявший парить в воздухе и перемещать предметы.

Джоджонах внимательно осматривал ворота. Он даже попросил у Элбрайна меч и просунул его в щель. Подвигав лезвием взад-вперед, он обнаружил, что решетка опущена.

— Надо пройти вдоль скалы к югу и поискать другой вход, — заключил Джоджонах.

Он говорил шепотом, опасаясь дозорных на вершине стены, хотя до вершины было несколько сот футов.

— Скорее всего, там мы найдем более податливую дверь, — закончил магистр.

— Вы опасаетесь, что изнутри вход охраняется? — спросила Пони.

— Обычно ночью ниже второго уровня никого не бывает, — убежденно ответил Джоджонах. — Исключение может составлять стража, которую Маркворт поставил у дверей пленников.

— Так попробуем открыть эту дверь, — сказала Пони.

— Решетка опущена, — объяснил Джоджонах, безуспешно пытаясь сохранять хоть какую-то надежду в голосе.

Пони достала малахит, но магистр с сомнением покачал головой.

— Она слишком тяжела, — сказал Джоджонах. — Весит где-то около трех тысяч фунтов. Потому никто и не охраняет эти ворота. Двери открываются вовнутрь, но пока решетка опущена, открыть их невозможно. Мы могли бы соорудить что-то вроде рычага и попытаться поднять решетку, но она недоступна опять-таки по причине закрытых ворот.

— Посмотрим, насколько она недоступна для магии, — возразила Пони.

Раньше, чем магистр раскрыл рот для возражений, она ощупью отыскала у себя камень и, выйдя из тела, проскользнула в зазор между створками ворот. Осмотрев решетку, Пони быстро вернулась назад, поскольку не хотела понапрасну тратить энергию.

— Входить будем отсюда, — объявила она. — Внутренние створки не заперты, а в коридоре — ни души.

Джоджонах не стал спорить. Передвижение в духе было хорошо ему знакомо, равно как и возможность, находясь в этом состоянии, «видеть» в кромешной тьме.

— Внешние ворота закрыты на засов, — продолжала Пони. — Приготовьте факел, а потом внимательно слушайте, как начнет подниматься решетка, а за ней и засов. Только не мешкайте, я не знаю, насколько меня хватит.

— Ты не сможешь, — опять засомневался Джоджонах, но Пони уже вскинула руку с малахитом и вошла в глубины зеленоватого камня.

Элбрайн приблизился к магистру, положил ему руку на плечо, попросив успокоиться и ждать.

— Слышу… решетка подымается, — вскоре прошептал Джуравиль, припавший к

массивным дверям.

Элбрайн с ошеломленным Джоджонахом бросились к нему, и магистр, не веря своим ушам, услышал скрежет поднимающейся решетки.

Пони испытывала чудовищное напряжение. Ей доводилось подымать в воздух великанов, но такой вес она подымала впервые. Она мысленно представила себе решетку и погрузилась в силу камня, направляя его магическую энергию. Она знала, что решетка уже поднялась на нужную высоту. Но теперь Пони требовалась дополнительная сила, чтобы поднять засов.

У нее тряслось все тело, пот катился по лбу, а глаза отчаянно моргали. Она представила засов, припомнила, где он находится, и из последних сил налегла на него.

Джуравиль буквально вдавил ухо в дверь и услышал, как засов шевельнулся и один его край поднялся вверх.

— Давай, Полуночник! — сказал он.

Элбрайн навалился на массивную створку ворот. Тяжелая щеколда засова откинулась вниз, створки распахнулись. Элбрайн, припав на колено, проскользнул в коридор и стал поспешно зажигать факел.

— Справа, в углублении, — стопорящий механизм, — крикнул Джоджонах эльфу, который понесся вслед за Элбрайном.

Вспыхнул факел. Эльф сообщил, что опускная решетка застопорена. Джоджонах тут же подбежал к Пони и сильно встряхнул ее, выводя из транса. Обессиленная, она спотыкалась и едва не падала.

— До сих пор я знал только одного, кто обладал такой силой, — сказал ей Джоджонах, когда они очутились в коридоре.

— Он сейчас со мной, — тихо ответила Пони.

Магистр улыбнулся, ничуть не усомнившись в ее словах. Он был очень рад, что им удалось проникнуть внутрь. Джоджонах осторожно закрыл внутренние двери, объяснив, что иначе по монастырю пойдет гулять морской ветер и это может вызвать подозрения.

— Куда теперь? — спросил Элбрайн.

Джоджонах немного подумал.

— Я могу довести вас до застенков, — сказал он, — но тогда придется подняться на несколько уровней вверх, а потом вновь спуститься.

— Тогда ведите, — сказал Элбрайн.

Магистр покачал головой.

— Я не хочу испытывать судьбу, — объяснил он. — Если мы натолкнемся на кого-либо из братьев, поднимется тревога.

Мысль о том, что это действительно может произойти, повергла Джоджонаха в панику. Нет, он боялся не за пришельцев и не за успех их миссии, а за тех несчастных братьев, кто окажется у них на пути.

— Я умоляю вас: только никого не убивайте, — вдруг вырвалось у Джоджонаха.

Элбрайн и Пони недоуменно переглянулись.

— Я говорю о монахах. Большинство из них — просто пешки в руках Маркворта и не заслуживают…

— Мы явились сюда не за тем, чтобы кого-то убивать, — перебил его Элбрайн. — И даю вам слово, мы этого не сделаем.

Пони и Джуравиль кивнули, подтверждая слова Элбрайна, хотя эльф и сомневался, нужно ли давать подобное обещание.

— К застенкам можно пробраться и по-другому, — сказал Джоджонах. — Здесь почти рядом есть старые туннели. Большинство из них перекрыто, но эти препятствия преодолимы.

— А вы не заблудитесь в них? — поинтересовался Элбрайн.

— Нет, — заверил его Джоджонах. — Все они соединяют самые древние уголки монастыря. Как бы мы ни пошли, туннель обязательно выведет нас в знакомые для меня места.

Элбрайн посмотрел на друзей. Те согласились. Путь по заброшенным туннелям был предпочтительнее пути по монастырским коридорам. Перед уходом, согласившись с доводами Джуравиля, они вернули на место опускную решетку, чтобы никто из монахов не заподозрил неладное.

Вскоре четверка обнаружила старый туннель и, как и предсказывал Джоджонах, без труда проникла сквозь устроенные монахами заграждения. Они шли по старинным коридорам, мимо помещений, которые веками не использовались. Там давно сгнили полы и обрушились стены. Свет факела скользил по грубой каменной кладке туннеля, отбрасывая длинные зловещие тени. Во многих местах под ногами хлюпала вода, доходя до икр. Потревоженные светом, по стенам и потолку бесшумно разбегались ящерки. В одном месте Элбрайну пришлось вытащить меч и прорубать дорогу через гигантское скопище жирных пауков.

Они были здесь чужаками, как и любой другой человек, вторгшийся в эти заброшенные подземелья, где давно хозяйничали ящерицы и пауки, а также сырость и самый опасный противник — время. Но четверка упрямо двигалась по узким извилистым коридорам вперед, подгоняемая мыслями о Смотрителе и Чиличанках.

Туннель был темным и не имел очертаний — лишь сплошная колышущаяся серо-черная масса. Дух бредущего Маркворта окутывал туман, и хотя отец-настоятель не имел сейчас телесной оболочки, он все равно ощутил холодное прикосновение этого тумана.

Маркворт впервые за долгие годы задумался о своем жизненном пути: не отошел ли он слишком далеко от света? Он вспомнил, как полвека назад, совсем юношей, впервые оказался под сводами Санта-Мир-Абель. Он был исполнен идеализма и веры. Благодаря им он быстро двигался по ступеням монастырской карьеры, став на десятый год пребывания в обители безупречным, а три года спустя — магистром. В отличие от многих его предшественников на посту отца-настоятеля, Маркворт никогда не покидал стен Санта-Мир-Абель и не становился настоятелем другого монастыря. Все его годы прошли здесь, в самой святой из всех обителей Абеликанского ордена, в окружении магических самоцветов.

Теперь самоцветы указывали ему новый и более величественный путь. Он преодолел рамки, сковывавшие его предшественников, и отправился в неведомые и нетронутые доселе пределы. Прогнав минутное сомнение, отец-настоятель ощутил огромную гордость, проистекающую от незыблемой веры в себя. И потому Маркворт шел все дальше по темному и холодному туннелю. Он сознавал все опасности здешних сфер, но не сомневался, что справится с любым злом и обратит его в добро. Цель всегда оправдывает средства.

Туннель расширился и вывел его на черную равнину, полную клубящегося серого тумана. Здесь, среди его обволакивающих и обжигающих клочьев, Маркворт увидел сгорбленные и скрюченные черные фигуры, сбившиеся в кучу.

Те из них, что были совсем близко к нему, почуяли его дух и жадно потянули к отцу-настоятелю когтистые руки.

Маркворт поднял руку и велел им убираться. Он с удовлетворением увидел, что они подчинились и действительно отступили, образовав полукруг. Духи демонов неотступно глядели на него пылающими красными глазами.

— Вам хочется вновь увидеть мир живущих? — спросил дух Маркворта двоих ближайших к нему духов.

Те выпрыгнули вперед и холодными руками ухватились за костлявые запястья Маркворта.

Дух отца-настоятеля возликовал. Как все просто! Он повернулся и пошел по туннелю обратно. Духи демонов послушно следовали за ним. Затем Маркворт открыл свои телесные глаза, заморгав от яркого света свечей. Цвет пламени оставался черным, но недолго. Вскоре он изменился на красный. Языки пламени сделались немыслимо огромными для тоненьких свечей. Они закачались, заплясали, наполняя всю комнату красным сиянием, которое резало Марквортy глаза.

Но он смотрел, не мигая, боясь отвести взгляд, зачарованный черными фигурами,

возникающими внутри красного пламени. То были сгорбленные и скрюченные подобия людей.

Потом они разом вышли из пламени и жадными пылающими глазами вперились в сидевшего отца-настоятеля. Огненные языки позади них в последний раз ярко вспыхнули и превратились в обычное пламя свечей. В комнате стало пронзительно тихо.

Маркворт чувствовал, что демонические создания способны броситься на него и разорвать в клочья, но он не страшился их.

— Идемте, — велел он им. — Я покажу вам ваших новых хозяев.

Отец-настоятель погрузился в гематит, и его дух вновь покинул тело.

ГЛАВА 32
КОШМАР

Старинные заброшенные коридоры нижней части монастыря представляли собой целый лабиринт, поэтому Элбрайн тщательно помечал каждый перекресток. Трое людей и эльф шли уже больше часа. В одном месте им пришлось прорубать себе путь через дверь и разбирать заложенный кирпичами проход. Наконец им удалось выйти в ту часть подземелий, которая была знакома Джоджонаху.

— Мы — вблизи центральной части монастыря, — объяснил магистр. — К югу отсюда находится каменоломня, а также древние склепы и книгохранилища. В северной части когда-то помещались кельи братьев, а теперь Маркворт устроил там свои застенки.

Магистр уверенно повел за собой троих друзей, двигаясь осторожно и стараясь не подымать шум. Вскоре Элбрайн потушил факел, опасаясь, что издали могут заметить пламя.

— Часть камер находится вон там, — пояснил Джоджонах.

— Они охраняются? — спросил Элбрайн.

— Возможно, — ответил магистр. — Не удивлюсь, если именно сейчас сам отец-настоятель или кто-то из его ближайших приспешников допрашивают пленников.

Элбрайн махнул Джуравилю. Эльф исчез и быстро вернулся, сообщив, что возле факела на посту стоят двое молодых монахов.

— Просто стоят и скучают, — сказал Джуравиль.

— Они не ждут, что сюда кто-нибудь проникнет, — уверенно произнес магистр Джоджонах.

— Вы оставайтесь здесь, — велел ему Элбрайн. — Ни к чему, чтобы монахи вас видели. Мы с Пони сейчас очистим проход.

Джоджонах с беспокойством поглядел на его сильные руки.

— Мы не станем их убивать, — пообещал Элбрайн.

— Они умеют сражаться, — предупредил Джоджонах, но Элбрайн едва слышал его слова.

Вместе с Пони и эльфом он исчез во тьме коридора.

Приблизившись, Элбрайн выступил вперед, припал на колено и, спрятавшись за земляным уступом, оглянулся по сторонам.

Один из монахов потягивался и зевал, другой наполовину спал, привалившись к стене.

Элбрайн одним прыжком оказался между ними и ударил локтем полусонного монаха, припечатав его к стене. Удар левой рукой прекратил зевки второго, недоуменно округлившего глаза и пытавшегося что-то сказать. Первый монах обмяк и сполз на пол. Элбрайн связал его и перевернул, уложив лицом вниз. Пони и Джуравиль занялись другим. Сильный удар оглушил его и разом оборвал возможность сопротивления. Они связали обоих монахов тонкой и прочной веревкой, вставили каждому в рот кляп и накрыли головы сутанами, после чего Элбрайн оттащил выведенных из строя братьев в темный боковой проход.

Пони не отрываясь смотрела на тяжелую деревянную дверь. Как только подошедший Джоджонах сообщил, что это и есть камера Петтибвы, Пони стремительно бросилась к

двери. И замерла.

Ей был знаком этот запах. Он не мог обмануть. Так пахло в Дундалисе… тогда, после бойни.

Элбрайн тут же оказался рядом, пытаясь успокоить ее. Наконец Пони решилась поднять задвижку.

Факел осветил тесную зловонную каморку. На полу среди отвердевших испражнений лежала мертвая Петтибва. Кожа на ее полных руках обвисла, сильно вспухшее лицо было совершенно бледным. Пони шатаясь, опустилась на колени и протянула руки, чтобы приподнять ей голову, однако тело Петтибвы окаменело. Тогда Пони наклонилась над мертвой трактирщицей, и ее плечи затряслись от рыданий.

Пони искренне любила свою приемную мать. По сути, эта женщина вырастила ее и подвела к порогу взрослой жизни. Она научила Пони жить, любить, быть великодушной. Отнюдь не корыстные побуждения двигали Петтибвой, когда много лет назад она взяла в свою семью осиротевшую девочку. Но Петтибва приняла ее как дочь и никогда ни в чем не делала различий между собственным сыном и Пони. Сколько любви, сколько заботы подарила ей эта полная, веселая женщина.

Теперь Петтибва была мертва, и во многом причиной этого явилось ее великодушие. Петтибву погубила ее доброта. Трактирщица пожалела сироту, которая выросла и стала опасной преступницей и врагом церкви.

Элбрайн крепко обнял Пони и попытался помочь ей совладать с нахлынувшими на нее чувствами. Слишком много их было; Пони чувствовала вину, горе, глубокую печаль, перемешанную с ощущением пронзительной пустоты.

— Я должна поговорить с ней, — сквозь всхлипывания твердила Пони. — Я должна…

Элбрайн как мог старался ее успокоить, не дать погрузиться в отчаяние. Увидев, что Пони потянулась за камнем, он схватил ее за руку.

— Пойми, она умерла несколько дней назад, — сказал Элбрайн.

— Я смогу отыскать ее душу и попрощаться, — возразила Пони.

— Не здесь и не сейчас, — тихо ответил Элбрайн.

Пони не соглашалась, но потом дрожащей рукой убрала камень в мешочек, хотя и продолжала касаться его пальцами.

— Я должна поговорить с ней, — уже настойчивее произнесла она и вновь подошла к мертвой Петтибве, наклонилась и зашептала над своей приемной матерью слова прощания.

Джоджонах и Джуравиль оставались у двери. Потрясенный магистр не удивился, что несчастная трактирщица не вынесла изуверств Маркворта. Трудно было поверить, чтобы монах, да еще глава Абеликанского ордена, замучил насмерть невинную женщину.

— Где ее муж? — спросил Джуравиль.

Джоджонах указал на соседнюю дверь. Направившись туда, они увидели мертвого Грейвиса, шею которого до сих пор стягивала цепь.

— У него был лишь один способ уйти отсюда, — мрачно заметил Джоджонах.

Джуравиль подошел к трупу и осторожно вытащил его из петли. Тело Грейвиса уродливо скрючилось — теперь оно держалось на туго натянутой цепи второго наручника. Но пусть уж лучше Пони увидит его в такой позе, чем с петлей на шее.

— Ей нужно остаться одной, — сказал подошедший Элбрайн.

— Тяжкий удар, — согласился эльф.

— Где Смотритель? — спросил Джоджонаха Элбрайн, и металл, звенящий в его голосе, заставил магистра виновато попятиться.

Элбрайн мгновенно понял, что сейчас испытывает Джоджонах, и положил ему руку на плечо.

— Нам всем сейчас непросто, — произнес он.

— Кентавра держат в другом застенке, дальше по коридору, — пояснил Джоджонах.

— Если еще не замучили, — добавил Джуравиль.

— Идемте к нему, — сказал он Джоджонаху и добавил, обращаясь к эльфу: —

Оставайся с Пони. Охраняй ее от врагов и не давай уйти в горе.

Элбрайн с магистром, осторожно ступая, направились к камере Смотрителя. Джуравиль вернулся к Пони и сообщил ей, что Грейвис тоже мертв. Это вызвало новый всплеск рыданий. Эльф осторожно обнял ее.

Джоджонах вел Элбрайна по коридору, шепотом подсказывая, куда сворачивать. За очередным и последним поворотам Элбрайн увидел в свете коптящего факела две двери. Одна находилась по левую руку, другая — в тупике, которым оканчивался коридор.

— Думаешь, для тебя все кончилось? Ошибаешься, это только начало! — послышался мужской голос.

За ним раздался свист плетки и глухое дикое рычание.

— Брат Фрэнсис, — пояснил Джоджонах. — Один из ближайших приспешников отца-настоятеля.

Элбрайн бросился к двери, но замер. Дверь стала отворяться. Джоджонах поспешно удалился в тень.

Из камеры вышел монах примерно одного возраста с Элбрайном. В руках у него была плетка. Монах был чем-то раздосадован.

Брат Фрэнсис тут же застыл на месте. Перед ним невозмутимо стоял какой-то незнакомец, у которого на поясе в ножнах висел тяжелый меч. Глаза монаха округлились.

— Где стража? — спросил он. — А ты кто?

— Друг Эвелина Десбриса, — громким суровым голосом ответил Элбрайн. — И друг Смотрителя.

— Ну, ей-богу, не ожидал! — послышалось из-за двери.

У Элбрайна отлегло от сердца — он узнал гулкий голос кентавра.

— Что, дурень Фрэнсис? Жарко тебе сейчас будет!

— Молчать! — закричал Фрэнсис.

Он беспокойно потер руки и выставил перед собой плетку, заметив, что Элбрайн сделал шаг вперед. Но меч Элбрайна по-прежнему оставался в ножнах.

Фрэнсис угрожающе поднял плетку.

— Достаточно услышать имена твоих друзей, как сразу становится ясно, что ты — преступник, — сказал он, изо всех сил стараясь говорить спокойно.

Элбрайна не трогали слова монаха. Этот человек только что бил плеткой его друга-кентавра. Он измывался над Смотрителем. От этой мысли в Элбрайне мгновенно проснулось сознание воина. Он двинулся к двери.

Фрэнсис замахнулся, но ударить не решился. Он беспокойно озирался по сторонам.

Полуночник надвигался на него, однако руки его оставались пустыми.

В отчаянье Фрэнсис попытался ударить, но Полуночник быстро подался вперед и дернул за другой конец плетки. Монах швырнул в него свое оружие, повернулся и опрометью бросился к двери в конце коридора. Он схватился за ручку и с силой рванул дверь на себя. Та успела открыться не более чем на фут, остановленная могучей рукой Полуночника.

Элбрайн с силой захлопнул дверь.

Улучив момент, Фрэнсис извернулся и попытался ударить его в грудь. Но Полуночник напряг левую руку, чуть отстранил ее от тела и согнул пальцы. Точно выбрав момент, он слегка шевельнул левой рукой и отвел правую руку Фрэнсиса далеко в сторону. Затем Элбрайн поднял правую руку и выставил заслон для левой руки монаха.

Фрэнсис еще раз попробовал нанести быстрый удар правой рукой, и вновь Элбрайн тем же движением отвел его руку, только теперь он отвел ее до конца, прикоснувшись к ней тыльной частью пальцев. Движение это показалось Фрэнсису слишком медленным и незатейливым, но в какие-то доли секунды темп резко изменился. Полуночник крепко схватил монаха за предплечье и резко дернул. Элбрайн накрыл его кулак своей правой рукой и вновь с пугающей, неодолимой силой дернул предплечье Фрэнсиса.

Фрэнсис качнулся вбок. Его рука скользнула вниз. От короткого прямого удара в левый

бок у монаха перехватило дыхание. Удар получился особо болезненным, ибо кулаку Элбрайна пришлось проделать не более пяти дюймов до грудной клетки Фрэнсиса. Фрэнсис отлетел к двери, а Полуночник, не давая ему очухаться и продолжая крепко сжимать его кулак, внезапным движением так вывернул руку монаха, что послышался громкий хруст сломанной локтевой кости. Фрэнсиса обдало жгучей болью. Сломанная рука беспомощно повисла, а сам он стукнулся спиной о дверь. Элбрайн ударил его в живот, отчего Фрэнсис сложился пополам. Новый удар левой, пришедшийся монаху в грудь, сбил его с ног.

Элбрайн безостановочно молотил Фрэнсиса обеими руками, то вздымая монаха в воздух, то ударяя его спиной о дверь.

Вихрь ударов стих так же внезапно, как начался. Фрэнсис стоял, привалившись к стене и чуть наклонясь вперед. Одной рукой он держался за живот, другая висела, словно плеть. Едва он успел поднять глаза на Элбрайна, как получил слева короткий удар наотмашь, пришедшийся ему прямо в челюсть. Голова монаха резко дернулась вбок, а сам он перекувырнулся и повалился на каменный пол.

Потом над ним нависло что-то черное и огромное.

— Не убивай его! — услышал он донесшийся издалека голос.

Полуночник тут же велел Джоджонаху замолчать, не желая, чтобы монах узнал его голос. Впрочем, Фрэнсис уже был без сознания. Элбрайн быстро накинул ему на голову мешок и попросил Джоджонаха связать его. Сам он бросился в камеру Смотрителя.

— Ну и задал я тебе хлопот искать меня, — приветствовал его кентавр.

Элбрайн не верил своим глазам. Кентавр был не только жив, но и выглядел куда здоровее, чем можно было предполагать.

— Повязка, — объяснил ему Смотритель. — Магия у эльфов — что надо!

Элбрайн подбежал и обнял друга. Затем, вспомнив, что время играет против них, стал осматривать цепи и кандалы.

— Хорошо бы тебе найти ключ, — сказал кентавр. — Их так просто не разбить!

Элбрайн полез в сумку и достал склянку с красной мазью. Он густо нанес мазь на все четыре цепи, сковывавшие кентавра.

— Похоже, ты еще раздобыл той же мази, какая была у тебя там, на Аиде, — заметил довольный кентавр.

— Надо поторапливаться, — напомнил подошедший Джоджонах.

При виде магистра Смотритель пришел в ярость, но Элбрайн быстро успокоил его, сказав, что это не враг.

— Но я уже видел его, когда меня забирали с Аиды, — сказал Смотритель. — С тех пор меня и держали в цепях.

— И он же привел нас сюда, чтобы освободить тебя из цепей, — быстро объяснил ему Элбрайн.

Взгляд Смотрителя потеплел.

— И то, правда, — уже дружелюбнее сказал он. — Нет, этот меня не бил. Он даже отдал мне мою волынку.

— Я не являюсь твоим врагом, храбрый Смотритель, — поклонившись, сказал ему Джоджонах.

Кентавр кивнул и с удивлением почувствовал, как его правая рука стала свободной. Он увидел, что Элбрайн готовится ударить мечом по цепи, которая сковывала его правую заднюю ногу.

— Хороший меч, — похвалил Смотритель.

Очередной удар высвободил и его ногу.

— Иди к Элбрайну, — сказала Пони.

Она по-прежнему стояла на коленях возле тела Петтибвы.

— Сомневаюсь, что ему нужна моя помощь, — ответил эльф.

Пони глубоко вздохнула.

— Мне она тоже не нужна, — тихо сказала она.

Джуравиль понял, что она хочет остаться одна. Он заметил, что рука Пони все так же сжимает камень, и это не на шутку встревожило эльфа. Но надо считаться с ее желанием, — подумал Джуравиль. Он осторожно поцеловал Пони в макушку и вышел в коридор, оставшись охранять ее снаружи.

Пони изо всех сил старалась не терять самообладания. Она поднесла руку к лицу Петтибвы и нежно похлопала ее по вспухшей щеке. Пони показалось, будто мертвой женщине стало легче, а бледность уменьшилась.

Пони ощутила какое-то странное покалывание, какой-то прилив. Может, стремясь разыскать душу Петтибвы, она вдруг оказалась под властью камня? Пони прикрыла глаза и попыталась сосредоточиться. Потом она увидела их (или только подумала, что видит?) — трех духов, быстро приближавшихся к ней.

Кто они? Петтибва, Грейвис и Греди?

Это предположение удивило и озадачило ее. Понимания не было, но ей стало страшно, и Пони благоразумно прервала связь с магическим камнем. Она открыла глаза и вдруг увидела, что Петтибва смотрит на нее!

— Что это может быть за магия? — вслух пробормотала Пони.

Неужели ее общение с камнем оказалось настолько успешным, что ей удалось достичь души Петтибвы? Неужели ей удастся воскресить свою приемную мать?

Ответ был мгновенным и пугающим: глаза Петтибвы зажглись красным демоническим огнем, лицо исказилось гримасой, а изо рта послышалось утробное рычание.

Пони отшатнулась. Слишком ошеломленная и подавленная, она была не в состоянии что-либо предпринять. Обуявший ее ужас только усилился, когда зубы Петтибвы превратились в длинные, острые клыки. Неожиданно покойница приподнялась и села. Толстые обрюзгшие руки протянулись и с нечеловеческой силой обвились вокруг шеи Пони, сдавив ей горло. Перепуганная Пони билась, стараясь хоть как-то выскользнуть из цепких когтей демона.

Подоспевший Джуравиль что есть силы ударил своим маленьким мечом по вспухшей руке Петтибвы, и из раны хлынул гной вперемешку с застоявшейся кровью.

Крик Пони достиг ушей Элбрайна, когда он готовился разбить последнюю цепь Смотрителя. Элбрайн резко ударил по цепи мечом, и не успела та еще упасть на пол, как он бросился в коридор. Джоджонах поспешил за ним. Завернув за угол, они услышали какой-то шум, доносившийся из камеры Грейвиса. Ударом ноги Элбрайн распахнул дверь.

Он остановился и застыл на месте. Оживший труп Грейвиса перекусил запястье второй руки и теперь, высвободившись из цепей, бросился на Элбрайна. Глаза метали красный огонь, из культи хлестала кровь.

Элбрайну хотелось только одного — как можно быстрее оказаться рядом с Пони, однако он не мог допустить, чтобы это чудовище выбралось из камеры. Элбрайн облегченно вздохнул, услышав, что Джоджонах прогрохотал по полу прямо в камеру Петтибвы. Он выхватил меч и двинулся на демона. Не обращая внимания на окровавленную культю, он ударил труп по обрубкам рук.

— Мамочка, моя мамочка, — без конца повторяла Пони, привалившись спиной к стене и видя, как Джуравиль сражается с оживший трупом Петтибвы.

Умом она понимала, что должна прийти эльфу на помощь или хотя бы попытаться что-то сделать с помощью камней. Возможно, камень мог бы заставить злого духа покинуть тело Петтибвы. Но Пони оцепенело продолжала сидеть. Разворачивающаяся перед ней картина наполняла ее непреодолимым ужасом.

Она заставила себя успокоиться. С помощью камня можно узнать, что за сущность овладела телом Петтибвы. Пони продолжала следить за Джуравилем, который, лавируя между протянутыми руками, ударил труп прямо в сердце. При виде этого Пони застыла на месте.

Демон дико захохотал и выбил рукоятку меча из руки эльфа. Затем он ударил Джуравиля левой рукой, отчего тот полетел через голову.

Эльф спокойно принял удар и сумел во многом погасить его силу. Плавно зашелестели крылья, Джуравиль грациозно изогнулся и приземлился на ноги, вновь оказавшись лицом к лицу с демоном. Меч по-прежнему торчал в груди чудовища.

Ворвавшийся в камеру Джоджонах бросился на демона и своим громадным весом придавил его к задней стене.

Следующим в тесной камере появился Смотритель.

— Что здесь творится? — прошептал он.

С дьявольским ревом демон отшвырнул Джоджонаха прочь, но он недооценил кентавра. Смотритель развернулся и лягнул демона задними ногами, вновь отбросив к стене. Кентавр устремился на него, нанося удары одновременно обеими руками и передними ногами. Удары были жестокими и внезапными, они шли лавиной, не давая демону ни секунды передышки.

— Уведите ее отсюда, — велел Джуравиль Джоджонаху.

Монах подхватил Пони под руки, а эльф навел на демона лук и стал ждать.

В считанные мгновения Смотритель выплеснул весь свой гнев, все смятение и подавленность последних месяцев. Удары сыпались на демона градом. Кентавр рвал вспухшее тело, превращая в месиво кости, однако демон не оставлял попыток наброситься на него.

Стрела эльфа ударила демона прямо в горящий красный глаз. Раздался оглушительный вой.

— А вот этого ты еще не пробовал! — сказал кентавр.

Воспользовавшись моментом, он задними ногами ударил демона прямо в лицо. Голова демона, прижатая к стене, не выдержала напряжения. Череп треснул, оттуда фонтаном брызнула загустевшая кровь. Но тело чудовища продолжало отчаянно молотить руками, жаждая реванша.

Джоджонах вывел Пони в коридор и усадил возле стены.

— Умри же, проклятая тварь! — послышался из соседней камеры голос Элбрайна.

Магистр бросился туда, заглянул, отшатнулся и жестом показал, чтобы Пони не приближалась.

Элбрайн был вынужден оставить свой привычный стиль боя и перейти с колющих ударов на рубящие. Несколько раз он по самую рукоятку вгонял меч в тело демона — и все напрасно. Тогда Элбрайн повел бой так, как обычно сражались в королевской армии. Он схватил Ураган обеими руками и пошел наносить веерные удары. Одна из рук демона уже была отхвачена по локоть. Теперь меч отсек по самое плечо и другую.

Демон упрямо лез вперед, но взмахи меча остановили его продвижение, и передышка позволила Элбрайну прицелиться и как следует замахнуться.

Джоджонах отвел глаза. Могучий меч блеснул и отсек демону голову. Когда магистр вновь повернулся, его отвращение только усилилось. Голова, валявшаяся возле стены, продолжала кусать зубами воздух, а ее глаза по-прежнему сверкали зловещим красным огнем! Обезглавленное тело демона все так же надвигалось на Элбрайна.

Элбрайн ударом кулака отшвырнул труп, затем вновь взял меч обеими руками. Полуобернувшись, он опустил меч пониже и на обратном повороте отсек демону ногу. Труп повалился на бок, культя отчаянно задергалась. Отсеченная нога упала неподалеку от головы, продолжая брыкаться.

Однако красное пламя в глазах демона стало гаснуть, и вскоре Элбрайн понял, что битва окончена. Он выбежал в коридор, проскочил мимо Джоджонаха, Смотрителя и Джуравиля и подхватил на руки бьющуюся в истерике Пони.

— Гляди ты, лягается, — сказал Джоджонаху Смотритель.

Магистр увидел, что тело Петтибвы, от головы которой осталось кровавое месиво, продолжало биться о камень.

— Пусть ищет выход. Стенка прочная, — добавил кентавр, закрывая дверь на засов.

Джоджонах подошел к Элбрайну. Пони на удивление быстро приходила в себя.

— Это были духи демонов, — объяснил магистр, глядя ей прямо в глаза. — Не думай, что ты встретилась с душами Петтибвы и Грейвиса.

— Я видела их, — судорожно хватая воздух и стуча зубами, бормотала Пони. — Я видела, как они вошли, но их было трое.

— Трое?

— Трое теней и среди них — тень старика, — сказала она. — Я не смогла его рассмотреть, но подумала, что это Грейвис.

— Маркворт, — выдохнул Джоджонах. — Это он привел их сюда. И если ты его видела…

— Значит, он тоже видел Пони, — подытожил Элбрайн.

— Тогда мы должны уходить, и как можно скорее, — закричал Джоджонах. — Не сомневайтесь, Маркворт уже наверняка спешит сюда с целой армией монахов!

— Бежим, — коротко скомандовал Элбрайн, подталкивая Джоджонаха.

Элбрайн ненадолго обернулся, взглянув на боковой проход, где лежали связанные монахи, затем вместе с Пони занял место в конце процессии.

Они двигались с предельной скоростью, какую допускали извилистые коридоры, и вскоре достигли нижних ворот. Никто из монахов еще не успел здесь побывать. Внутренние ворота были закрыты, опускная решетка находилась внизу.

Магистр Джоджонах бросился к рукоятке подъемного механизма, но Пони, вполне овладевшая собой и исполненная суровой решимости, отстранила его. Она вновь достала малахит и ушла в камень. Пони была изможденa и раздавлена. Единственное, на что она была способна, — это выстроить стену ярости и направить ее в камень. Внешне казалось, что решетка без особых усилий поднялась.

Элбрайн подбежал к внешним воротам и начал поднимать засов, чтобы их открыть. Но Пони решила вновь применить магию.

— Вытащи засов из скобы, — велела она. — Быстрее!

Ее голос был напряжен до предела. Смотритель подтолкнул Джоджонаха к выходу, а Джуравиль, встав позади Пони, осторожно пытался ее успокоить. Когда все прошли через внутренние двери, Пони, держа магнетит в вытянутой руке, вновь погрузилась в транс.

Опускная решетка угрожающе качнулась над головой Элбрайна, однако Джоджонах быстро понял намерение Пони. Он взял у нее магнетит и сосредоточил свои усилия на засове внешних ворот. Это позволило Пони целиком погрузиться в малахит и удержать решетку. Наконец и Элбрайн вышел наружу.

Элбрайн, потянув створки, закрыл массивные ворота. Джоджонах ослабил магическое воздействие и удовлетворенно вздохнул, услышав, как засов улегся в скобы. После этого Пони ослабила свое магическое воздействие на решетку, и та опустилась. И вновь все выглядело так, словно никто не проникал в монастырь через нижние ворота.

Пони повернулась навстречу утреннему солнцу и зажмурилась от его сияния. Над заливом Всех Святых расходился туман. С минуты на минуту мог начаться прилив, поэтому люди, эльф и кентавр поспешили к берегу, туда, где находились оставленные лошади.

Напрасно почти три десятка монахов, что бежали вместе с Марквортом, предостерегали его о возможной опасности и советовали поберечь себя. Рыча от гнева, он первым оказался возле застенков.

Он увидел избитого брата Фрэнсиса, на голову которого был накинут мешок. Фрэнсис пытался встать с помощью одного из двух стражников, также повстречавшихся с Элбрайном. В камере валялись изуродованные части трупа Грейвиса. В соседней камере окровавленный труп Петтибвы с размозженной головой все еще дергался на полу. Дух демона бился до последнего.

Марквортa все это ничуть не удивило. Когда он привел сюда духов, то увидел незваную гостью — женщину, склонившуюся над телом Петтибвы. Однако у монахов это зрелище вызвало суеверный ужас. Некоторые закричали и упали в обморок, другие встали на колени и начали молиться.

— Смотрите, наши враги напустили на нас демонов! — воскликнул Маркворт, указывая на бьющийся в конвульсиях труп Петтибвы. — Ты доблестно сражался, брат Фрэнсис!

С помощью второго монаха Фрэнсису наконец удалось сбросить мешок и освободиться от веревок. Он попытался объяснить, что почти не сражался, но свирепый взгляд Маркворта заставил его умолкнуть. Фрэнсис даже толком не понимал, что и как здесь произошло. Он не видел оживших трупов Чиличанков и не знал, кто сражался с демонами. Правда, где-то в глубине сознания у него маячила одна догадка, и эта догадка порождала целый водоворот мыслей.

Элбрайн с тревогой и даже некоторым испугом следил за Пони. Он понимал ее состояние, понимал, сколько ей пришлось пережить за эти часы. Но Элбрайна настораживало другое: Пони охватила какая-то звериная ярость, и сейчас, двигаясь по тропе, она сдавленно бормотала проклятия. Элбрайн шел за нею и там, где тропа позволяла, старался обнять Пони, но она едва замечала его присутствие. Смахивая набегавшие слезы, крепко стиснув челюсти, Пони смотрела прямо перед собой.

Добравшись до места, где они оставили лошадей, Пони сразу же вытащила спрятанные самоцветы.

Джоджонах попросил у нее гематит, чтобы помочь Смотрителю, но кентавр наотрез отказался.

— Вы бы лучше дали мне поесть, — сказал он.

И действительно, он выглядел вполне здоровым, только сильно исхудавшим. Смотритель погладил красную магическую повязку эльфов у себя на руке.

— Хорошую штуку ты мне подарил, — подмигнув, сказал он Элбрайну.

— Путь у нас неблизкий, и ехать придется быстро, — предупредил его Элбрайн, но Смотритель лишь похлопал себя по впалому животу и засмеялся.

— Чем меньше брюхо у коня, тем он быстрее бежит.

— Тогда в путь, — сказал Элбрайн. — Не будем мешкать и дожидаться, пока монахи бросятся нас искать. К тому же нам надо вовремя доставить магистра Джоджонаха в Сент-Прешес.

— Садитесь на Грейстоуна, — сказала магистру Пони, отдавая ему поводья.

Джоджонах не возражал, понимая, что кентавру легче нести на себе изящную женщину, чем его грузное тело.

Но Пони направилась не к Смотрителю, а опрометью бросилась бежать назад к монастырю, зажав в руке самоцветы.

Элбрайн догнал ее через двадцать футов и попытался удержать. Ее плечи тряслись от рыданий. Пони отчаянно вырывалась. Судя по всему, она была полна решимости вернуться в монастырь и отомстить.

— Тебе не совладать с ними, — сказал Элбрайн, крепко сжимая ее в своих руках. — На их стороне — численность и сила. Только не сейчас.

Пони продолжала отбиваться и даже, сама того не желая, поцарапала Элбрайну лицо.

— Ты не имеешь права оскорблять память Эвелина, — сказал ей Элбрайн.

Пони затихла. Тяжело дыша и заливаясь слезами, она недоверчиво взглянула на него.

— Он отдал тебе камни, чтобы ты сберегла их, — продолжал Элбрайн. — Если ты сейчас вернешься в монастырь, с тобой легко справятся, а камни попадут в руки наших и Эвелина врагов. Их заберет тот, кто погубил семью Чиличанк. Ты готова сделать ему такой подарок?

Казалось, силы разом оставили Пони, и она обмякла, повиснув на руках у любимого, уткнувшись ему в грудь. Элбрайн тихо повел ее к остальным и посадил на Смотрителя. Сзади на спину кентавра уселся Джуравиль, чтобы приглядывать за Пони.

— Дай мне солнечный камень, — попросил Элбрайн.

Взяв камень, он передал его Джоджонаху, попросив возвести магическую завесу.

Магистр заверил его, что легко справится с этим. Элбрайн взобрался на Дара. Два коня и кентавр пустились вскачь, и к полудню стены Санта-Мир-Абель остались далеко позади.

— Найти их! — бушевал отец-настоятель. — Осмотреть каждое помещение, каждый коридор. Позакрывать все двери и поставить возле них охрану! Выполняйте! Живо!

Монахи, толкая друг друга, бросились выполнять приказ. Часть из них направилась по тому же пути, каким они сюда пришли, чтобы начать поиски в книгохранилище.

Когда Маркворту сообщили, что попыток открыть нижние ворота не обнаружено, он потребовал усилить поиски в помещениях книгохранилища. Еще до полудня монастырская братия обшарила каждый закоулок и закуток своего громадного монастыря. Сам Маркворт находился в просторном храме, где он устроил подобие штаба. Вокруг него толпились магистры, каждый из которых командовал отрядом монахов.

— Пришельцы проникли в монастырь через нижние ворота и через них же ушли, — заключил один из магистров, не обращая внимания на скептические взгляды собратьев.

Старший разведчик из его отряда только что вернулся и доложил: попыток проникнуть через какие-либо другие двери нигде не обнаружено.

— Находясь снаружи, невозможно открыть закрытые на тяжелый засов ворота и поднять опускную решетку, — возразил кто-то из магистров.

— Если только они не применили магию, — предположил другой.

— Или если кто-то в монастыре не поджидал их, чтобы впустить, а затем выпустить и закрыть за ними ворота, — бросил Маркворт, и от его замечания всем стало не по себе.

Вскоре, когда стало понятно, что враги давным-давно покинули монастырь, Маркворт приказал половине разведчиков продолжить поиски за стенами. Еще двум десяткам братьев роздали кварцы и гематиты, велев искать с помощью магии.

Маркворт сознавал тщетность подобных усилий, ибо только теперь он по-настоящему понял ум и силу своих истинных врагов. Состояние беспомощности, в котором он оказался, породило в нем приступ неукротимой ярости. Сколько он себя помнил, никогда еще он не был до такой степени разгневан и взбешен.

Успокоение пришло к отцу-настоятелю во второй половине дня, когда он расспросил Фрэнсиса и двоих монахов, стоявших на страже возле камер Чиличанков. Теперь он получил более ясное представление о тех, кто вторгся в Санта-Мир-Абель. Несомненно, среди них был некто, хорошо знавший лабиринты монастырских подземелий.

Возможно, думал Маркворт, теперь ему уже не нужны ни кентавр, ни трупы Чиличанков. Теперь вина преступников станет еще тяжелее. Он сумеет доказать, что похищение Эвелином камней было лишь частью более серьезного и опасного заговора внутри ордена. Отец-настоятель понимал ход своих дальнейших действий. Итак, он нашел козла отпущения.

Пусть только Джеховит приведет с собой отряд «Бесстрашных Сердец».

Поздним вечером Маркворт стоял в своих покоях и глядел в окно.

— Мы еще посмотрим, — произнес он, и усмешка тронула его лицо. — Мы еще посмотрим.

— Вы даже не попросили вернуть камни, — сказала Пони.

Она, Элбрайн и магистр Джоджонах стояли на одной из улиц Палмариса. Ранним утром они высадились к северу от города, переправившись через пролив на борту «Сауди Хасинты». По чистой, но счастливой случайности корабль капитана Альюмета оказался в гавани Эмвоя. Альюмет откликнулся на просьбу Джоджонаха и бесплатно, без каких-либо расспросов, перевез их на другой берег Мазур-Делавала, пообещав, что никто не узнает об этом плавании.

Джуравиль и Смотритель остались ждать за городом, а Элбрайн, Пони и Джоджонах направились в Палмарис. Магистру пора было возвращаться в Сент-Прешес, а воины хотели проведать старых друзей.

— Камни находятся в надежных руках, — искренне улыбнувшись, ответил Джоджонах. — Моя церковь в большом долгу перед вами. Боюсь только, что от таких, как

Маркворт, награды вам не получить.

— А вам? — спросил Элбрайн.

— А мне предстоит иметь дело хоть и не со столь умным, но не менее коварным настоятелем, — ответил магистр. — Жаль, что монахи Сент-Прешес взамен Добриниона получили Де'Уннеро.

Они расстались друзьями. Джоджонах зашагал к монастырю, а Элбрайн и Пони пошли по улицам, пытаясь хоть что-то разузнать о беженцах с севера. И вновь чистая случайность столкнула их с Белстером О'Комели. Тот буквально взвыл от восторга, увидев друзей живыми.

— Что слышно о Роджере? — спросил Элбрайн.

— Отправился вместе с бароном в Урсал, — ответил Белстер. — Говорят, поехали прямо к королю.

В Палмарисе еще не знали о злодейском убийстве барона, поэтому новость обрадовала Элбрайна и Пони, вселив в них надежду.

Потом все трое пошли во «Встречу друзей». Пони вела их к трактиру, долгие годы бывшему ей родным домом. При виде знакомого места ей стало нестерпимо больно. Пони умоляюще взглянула на Элбрайна, прося поскорее увести ее из города. Ей хотелось на север, в их родные места.

Элбрайн не возражал.

— А ты непременно зайди туда, — сказал он бывшему трактирщику. — Ты же говорил мне, что собираешься осесть в Палмарисе. В этом трактире для тебя найдется дел по горло. Уверен, лучшего хозяина им не найти.

Белстер хотел было возразить, но Элбрайн слегка кивнул в сторону Пони, и тот догадался.

— Мне говорили, это лучший трактир во всем Палмарисе, — сказал Белстер.

— Был когда-то, — мрачно добавила Пони.

— И обязательно будет снова! — с жаром проговорил Белстер.

Он потрепал Элбрайна по плечу, крепко обнял Пони и бодро зашагал к дверям «Встречи друзей».

Пони проводила его глазами и даже сумела улыбнуться.

Затем она взглянула на Элбрайна.

— Я люблю тебя, — прошептала она.

В ответ Элбрайн тоже улыбнулся и нежно поцеловал ее в лоб.

— Пошли, — сказал он. — Друзья заждались нас на дороге в Кертинеллу.

ЭПИЛОГ

Солнце светило все так же ослепительно ярко, но утро было довольно холодным. Дувший ветер не был пронизывающим, и все же Пони ощущала его прикосновение каждым уголком своего обнаженного тела. На ковре из разноцветных листьев она танцевала би'нелле дасада. Сегодня, как и много дней подряд, она танцевала одна, без Элбрайна. Эти минуты одиночества и глубокой сосредоточенности помогали ей переживать горе.

Кружась между охапками листьев, она видела Петтибву, Грейвиса и даже Греди. Она вспоминала дни юности и, отталкиваясь от них, стремилась протянуть оттуда цепочку к последующим событиям. Ощущая тяжкий груз вины, разумом Пони понимала, что не сделала ни единого ложного шага. Она избрала путь, который, доведись ей выбирать сейчас, она бы выбрала снова.

Так она танцевала каждое утро и плакала, а когда горе наконец стало уходить и голос здравого смысла заглушил ощущения вины, у нее осталось лишь одно чувство…

Ярость.

Глава Абеликанской церкви стал ее врагом. Этот человек начал войну, в которой Пони

не собиралась участвовать. Но Эвелин отдал ей самоцветы. Он доверил ей самоцветы, и потому Пони была во всеоружии.

Сохраняя равновесие тела, она сделала поворот. Из-под ног взметнулись опавшие листья, но она их почти не заметила. Пони была предельно сосредоточена и глубоко погружена в себя. Схожее чувство охватывало ее, когда она уходила в камень. Она становилась сильнее.

У Пони не было намерений обойти стену ярости; она решила прорваться сквозь эту стену.

Зима в этом году наступила рано, и к середине калембра пруды к северу от Кертинеллы покрылись сверкающей коркой льда, а к утру землю нередко покрывал тонкий слой снега.

Вдалеке от тех краев над заливом Всех Святых клубились угрюмые тучи, и зимние ветры угрожали штормами. Вода потемнела, и на ее фоне резко выделялись белые барашки волн, ударявших о прибрежные скалы. Из тридцати настоятелей, съехавшихся на Коллегию Аббатов, лишь двое прибыли морем — Олин из монастыря Сент-Бондабрюс, что в Энтеле, и настоятельница Деления из Сент-Гвендолин. Оба они рассчитывали прогостить у Маркворта всю зиму, ибо в это время редкие корабли отваживались вступать в единоборство с коварными волнами.

Несмотря на прибытие множества высших иерархов церкви и вести о скором окончании войны, настроение, царившее в Санта-Мир-Абель, было мрачным и угрюмым под стать погоде. Многие настоятели были личными друзьями Добриниона. Вдобавок общее мнение, подогреваемое слухами, склонялось к тому, что нынешняя Коллегия окажется судьбоносной и даже поворотной для будущего церкви. Произведенное Марквортом назначение Маркало Де'Уннеро главой Сент-Прешес и выдвижение монаха девятого года в ранг безупречных вызывали много споров и пересудов.

Все знали, что на предстоящей Коллегии будут присутствовать «гости» иного рода: отряд свирепых бойцов из «Бесстрашных Сердец» — королевских гвардейцев, направленных сюда королем по просьбе настоятеля Джеховита. В истории церкви подобное уже бывало, но почти всегда присутствие солдат предвещало какие-либо тревожные события.

По традиции Коллегия открывалась в пятнадцатый день калембра, сразу после вечерних молитв. В течение этого дня всем участникам, в особенности магистрам и настоятелям, предписывалось проводить время в тишине и размышлениях, разумом и духом подготавливая себя к предстоящим испытаниям. Нередко слова «предстоящие испытания» воспринимались лишь формально, однако магистр Джоджонах принял их близко к сердцу и постарался исполнить предписание. Он закрылся в отведенной ему келейке и, опустившись возле койки на колени, молился о даровании ему водительства свыше. В течение всего времени, проведенного им под началом Де'Уннеро, магистр вел себя тихо, стараясь ничем не раздражать нового настоятеля и не давать тому ни малейшего намека о бунте, который зрел в его сердце. Разумеется, ему тогда сильно досталось от Де'Уннеро за самовольный уход, но после гневной тирады, обрушившейся на голову магистра, больше об этом не было сказано ни слова. По крайней мере, самому Джоджонаху.

Магистр знал: настало его время. Возможно, ему дается последний шанс. Но хватит ли у него мужества открыто выступить против Маркворта? Джоджонаха мало волновали вопросы, которые предстояло решить Коллегии, однако у него были сильные подозрения (и они еще усилились, когда он увидел «спутников» настоятеля Сент-Хонс), что Маркворт воспользуется открывающейся возможностью официально объявить Эвелина еретиком.

Конечно же, у Маркворта имелись союзники, и весьма могущественные. И все равно Джоджонах знал, каким путем велит идти ему совесть, если Маркворт выступит с заявлением против Эвелина.

А если не выступит?

По просьбе Джоджонаха обед ему принесли прямо в келью, постучав один раз в дверь. Он пошел открывать и был немало удивлен, когда увидел Фрэнсиса с подносом в руках.

— Значит, слухи подтвердились, — недовольно пробурчал Джоджонах. — Что ж,

поздравляю, безупречный брат. Весьма неожиданно.

Джоджонах взял поднос в одну руку. Другой он держал дверь, явно намереваясь закрыть ее перед самым носом Фрэнсиса.

— Я слышал вас, — тихо произнес Фрэнсис.

Джоджонах непонимающе уставился на него.

— Там, в коридоре, возле камер, — напомнил Фрэнсис.

— Прости, брат, но я не знаю, о чем ты говоришь, — вежливо сказал магистр, отступая на шаг.

Он стал закрывать дверь, но Фрэнсис быстро проскользнул внутрь.

— Закройте дверь, — почти шепотом попросил он.

Первым инстинктивным желанием Джоджонаха было как следует отчитать назойливого молодого монаха, но он не мог просто так отмести заявление Фрэнсиса. Поэтому магистр закрыл дверь и сел на койку, поставив поднос с едой на столик.

— Я знаю, это вы предали нас и впустили налетчиков, — прямо сказал Фрэнсис. — Я до сих пор не решил, кто же открыл вам ворота и потом закрыл их за вами. Браумин Херд здесь ни при чем, это я проверил.

— Возможно, их впустил сам Господь Бог, — бесстрастным голосом произнес Джоджонах.

Похоже, шутка не слишком понравилась Фрэнсису.

— Впустил не только их, но и вас тоже, — глядя прямо на магистра, сказал он. — До того как потерять сознание, я слышал вас. Поверьте, я узнал ваш голос.

Улыбка на лице Джоджонаха сменилась насупленным, решительным взглядом.

— Зря вы не позволили тому человеку убить меня, — сказал он.

— Тогда бы я оказался похож на тебя, — тихо возразил магистр. — А это, боюсь, было бы хуже любого наказания, страшнее самой смерти.

— Откуда вы узнали? — настоятельным тоном спросил Фрэнсис.

Дрожа от гнева, он приблизился к Джоджонаху, словно намеревался ударить его.

— Узнал о чем? — спросил магистр.

— О том, что я убил его! — выпалил Фрэнсис, отступая назад и тяжело дыша. — Греди Чиличанка. Откуда вы узнали, что именно я убил его на обратном пути?

— Я не знал, — ответил удивленный и возмущенный Джоджонах.

— Но вы же говорили, — запротестовал Фрэнсис.

— Я говорил о твоем поведении, а не о конкретных поступках, — перебил его Джоджонах.

Он видел, что новоявленный безупречный буквально раздавлен.

— Не имеет значения, — произнес Фрэнсис, махнув рукой. — Это был несчастный случай. Я сам узнал не сразу.

Джоджонах понял, что безупречный не верит его словам, и воздержался от расспросов. Фрэнсис шатаясь, вышел из кельи.

Глубоко захваченный словами Фрэнсиса, Джоджонах даже не притронулся к еде. Он понял, что его ждет, и вернулся к молитвам. Он исповедовался перед Богом с искренностью обреченного и просил о водительстве свыше.

Коллегия открылась длинной и скучной церемонией перечисления собравшихся настоятелей и прибывших с ними магистров. Все эти помпезные и пустые речи вполне могли растянуться до рассвета. Открытие было единственным заседанием Коллегии, на которое допускались все монахи данной обители. В громадном зале Санта-Мир-Абель собралось более семисот братьев. Здесь же находились гвардейцы из «Бесстрашных Сердец», сопровождавшие настоятеля Джеховита.

Джоджонах сидел на задних рядах, поближе к выходу. Он пытался следить за Марквортом, который после вступительной молитвы и приветственной речи удалился в конец зала. Церемония продолжалась. Джоджонаху несколько раз представлялась возможность незаметно выбраться из зала. Интересно, как далеко он сумеет уйти, прежде

чем Маркворт и другие сообразят, что он скрылся?

Это было бы самым простым решением.

Джоджонах думал, что ночь так и пройдет в цветистом пустословии, и предвкушал, как проведет еще один долгий день, молясь у себя в келье. Однако незадолго до рассвета Маркворт вновь занял главное место.

— Есть одно дело, которое нам надлежит решить до того, как мы отправимся на отдых, — начал отец-настоятель. — Дело, о котором должны услышать и узнать все молодые братья, прежде чем им велят покинуть Коллегию.

Джоджонах вскочил с места и двинулся к первым рядам, идя по центральному проходу. Он специально пошел таким путем, чтобы пройти мимо Браумина Херда.

— Слушай внимательно, — шепнул он, наклонившись к Браумину. — Записывай себе в память каждое слово.

— …Для всех вас не секрет, что Санта-Мир-Абель, равно как и весь наш орден, уже несколько лет, словно от чумы, страдает от ужасного преступления. Вся злокозненная глубина этого преступления проявилась в пробуждении демона-дракона и последовавшей за ним ужасающей войне, принесшей нашим землям столько горя и страданий, — громко и напыщенно говорил Маркворт.

Джоджонах продолжал медленно идти к передним рядам. Многие оборачивались, узнавая его, за его спиной слышались перешептывания. Магистра это не удивляло: он знал, что его симпатии к Эвелину не являются тайной и за пределами Санта-Мир-Абель.

Он увидел, как гвардейцы — послушные марионетки в спектакле Маркворта — встали сбоку и вытянули шеи.

— Вы слышите наиболее важное заявление, какое только возможно во время нынешней Коллегии Аббатов, — гремел Маркворт. — Итак: человек по имени Эвелин Десбрис открыто и официально объявляется преступником по отношению к церкви и государству.

— Это обвинение в ереси, отец-настоятель? — спросил настоятель Джеховит, сидящий на первом ряду.

— Ничуть не меньше, — подтвердил Маркворт.

Во всех концах зала зашептались; одни одобрительно кивали, другие, наоборот, качали головой. Настоятели и магистры, наклонившись, переговаривались между собой.

Джоджонах проглотил подступивший к горлу комок, понимая, что следующий шаг подведет его к краю пропасти.

— Не тот ли это Эвелин Десбрис, который в свое время был удостоен высших почестей, какие только существуют в Абеликанской церкви? — громко спросил он, обращая на себя внимание всех собравшихся и прежде всего — Браумина Херда. — Разве не сам отец-настоятель Далеберт Маркворт назвал Эвелина Десбриса Приготовителем священных камней?

— Это осталось в прошлом, — спокойным, холодным тоном ответил Маркворт. — Тем большего сожаления достойна участь этого человека и тем глубже его падение.

— Воистину, тем глубже падение, — ответил Джоджонах, выходя к подиуму, навстречу судьбе. — Но только отнюдь не Эвелин впал в ересь.

Где-то там, в центре зала, Браумин Херд осмелился улыбнуться и кивнуть своему наставнику. Молодому монаху показалось, что, судя по перешептываниям, сидевшие рядом с ним одобряют слова Джоджонаха.

— Вы, видимо, хотели сказать — не только Эвелин! — вдруг злобно проговорил Маркворт.

Джоджонах, ошеломленный этими словами, умолк, и Маркворт воспользовался столь необходимой ему паузой, чтобы вновь завладеть вниманием собравшихся.

— Да будет вам известно, что нынешним летом безопасность Санта-Мир-Абель вновь была поставлена под угрозу, — вскричал отец-настоятель. — Пленники, которые должны были свидетельствовать перед вами против Эвелина, были буквально вырваны у меня из рук.

В зале шумно задышали.

— А теперь позвольте представить вам брата Фрэнсиса, недавно возведенного в ранг безупречного.

Собравшиеся уже не раз слышали это имя. Маркворт знал: на последующих заседаниях Коллегии ему явно придется выдержать натиск обвинений в преждевременном продвижении Фрэнсиса.

Браумин Херд по лицу Джоджонаха понял, каково ему, и закусил губу. Он помнил об обещании, данном своему любимому наставнику, и без конца твердил себе, что все развивается именно так, как предсказывал Джоджонах. Из любви и уважения к магистру он должен молчать. И все же Браумин чувствовал: появись хоть малейший намек на то, что Коллегия заняла сторону Джоджонаха, он немедленно ринется вперед и встанет рядом с наставником.

Чуда не произошло. Расспрашивая Фрэнсиса об исчезновении пленников, Маркворт задавал вопросы быстро и по существу. Фрэнсис подробно описал, как выглядит Элбрайн, затем подтвердил, что в Чиличанков вселились демоны.

Потом Фрэнсис посмотрел Джоджонаху прямо в глаза и… замолчал.

Джоджонаху едва верилось, что этот человек его не предал!

Но здесь вновь заговорил Маркворт. Он поблагодарил и отпустил Фрэнсиса, пояснив, что рассказ безупречного предварил показания другого свидетеля — одного из стражников, на которого напал Элбрайн. Оказалось, этот монах сумел немного выползти из бокового прохода и мельком увидеть заговорщиков. Среди них находился и… магистр Джоджонах.

Джоджонах смолк. Он понял: никакие, даже самые громкие возражения теперь не помогут.

Следующим выступил настоятель Де'Уннеро. Он подробно рассказал о событиях, приключившихся по пути в Палмарис, которые позволили Джоджонаху исчезнуть под внешне благовидным предлогом. Де'Уннеро представил произведенный им расчет времени, показав, что магистр вполне мог побывать в Санта-Мир-Абель.

— Мне довелось разговаривать с тем купцом. Его имя — Неск Рич. Так вот, он подтвердил, что магистр Джоджонах более не появлялся на месте стоянки его каравана.

Джоджонахом начало овладевать странное спокойствие, странное приятие того, что в этом сражении ему не победить. Маркворт отлично подготовился к атаке.

Он бросил взгляд на фанатичных гвардейцев из «Бесстрашных Сердец» и улыбнулся.

Следующим Маркворт вызвал одного из спутников Джоджонаха по экспедиции в Барбакан. Можно было не сомневаться, что этот брат поведает собравшимся, как Джоджонах ловко сумел тогда не позволить им выкопать тело Эвелина.

И каждый фрагмент упадет точно в нужное место общей картины обвинения против него.

— Довольно! — закричал Джоджонах, нарушая ход затеянного Марквортом спектакля. — Да, злодей Маркворт, я действительно был в твоих застенках.

Восклицания в зале стали громче. Послышались гневные выкрики, и их было не так уж мало.

— Да, я помогал освобождению пленников, незаконно и бесчеловечно захваченных тобою, — признался Джоджонах. — Я достаточно насмотрелся на твои злодеяния. Я видел, сколько чудовищной лжи обрушилось на кроткого — да, кроткого и благочестивого Эвелина! И эти же наиболее зримо проявились в судьбе «Бегущего по волнам».

Магистр Джоджонах умолк и громко рассмеялся, припомнив только что произнесенные слова. Каждый настоятель, магистр и безупречный, сидевший в этом зале, знали о судьбе «Бегущего по волнам» и в свое время молчаливо согласились с ней. По сути, каждый иерарх был соучастником преступлений.

Джоджонах знал, что обречен. Он хотел выступить против Марквортa, показать древние свидетельства, доказывающие, что в те времена камни собирали совсем не так. Ему хотелось крикнуть, что брат Пеллимар, участвовавший в последнем сборе камней, также был убит этой якобы святой церковью.

Но он понимал, что в этом нет никакого смысла, и, что важнее, он не хотел раскрывать все карты. Магистр посмотрел на брата Браумина и улыбнулся: вот кто подхватит его факел.

Маркворт вновь закричал об объявлении Эвелина еретиком, добавив, что Джоджонах, согласно его собственному признанию, является предателем церкви.

Затем поднялся настоятель Джеховит, второй по могуществу человек в ордене. Он поддержал предложение отца-настоятеля и, получив утвердительный кивок Маркворта, махнул гвардейцам.

— По вашим собственным словам, вы совершили измену против церкви и короля, — заявил Джеховит Джоджонаху, которого уже окружили солдаты. — Имеете ли вы что-либо сказать в свое оправдание?

Джеховит повернулся к залу:

— Желает ли кто-нибудь высказаться в защиту этого человека?

Джоджонах обвел глазами собравшихся и взглянул на Браумина Херда; тот, верный обещанию, молчал.

«Отважные Сердца» набросились на магистра и потащили к выходу. К ним, с благословения Маркворта и Джеховита, присоединились многие монахи, бившие и пинавшие Джоджонаха. Когда его волокли по проходу, он увидел брата Фрэнсиса. Тот выглядел подавленным и беспомощным; он стоял отстраненно, не принимая участия в происходящем.

— Я прощаю тебя, — сказал ему Джоджонах. — И Эвелин прощает тебя. И Бог тоже.

Магистр чуть было не добавил сюда имя Браумина Херда, но удержался, ибо недоверие к Фрэнсису все же оставалось.

Когда беснование монашеской толпы достигло высшей точки, Джоджонаха выволокли из зала.

Однако «праведный» гнев обуял не всех. Немало братьев, включая и брата Браумина, оставались на своих местах, сидя тихо и оцепенело. Браумин поймал на себе взгляд Фрэнсиса, но в ответ лишь сердито сверкнул на него глазами.

Спустя несколько часов, когда наступил серый, холодный день, магистра Джоджонаха, раздетого догола, поместили в открытую клетку. Клетку поставили на повозку, несколько человек впряглись в нее и покатили по улицам близлежащей деревни. При этом возницы громко возвещали возбужденным жителям о грехах и преступлениях магистра.

Со всех сторон в Джоджонаха летели проклятия, плевки и камни. Кто-то подскочил к повозке с остроконечной палкой и ударил магистра в живот, серьезно ранив.

Все монахи Санта-Мир-Абель, включая Браумина, Винсенти и Делмана, а также все приехавшие настоятели и магистры молча наблюдали за этим зрелищем. Одних оно ужасало, других — радовало.

Так прошло более часа. К тому времени в избитом и оплеванном магистре едва теплилось сознание. Наконец гвардейцы вытащили его из клетки и, подгоняя плетьми, повели к столбу.

— Будь же ты проклят за свои деяния, — перекрывая рев возбужденной толпы, объявил Маркворт. — Сомневаюсь, чтобы Бог явил тебе свою милость.

Под ногами Джоджонаха вспыхнул костер.

Он чувствовал, как языки пламени обжигают кожу, как бурлит кипящая кровь и легкие наполняются удушливым дымом. Но так продолжалось совсем недолго, ибо потом Джоджонах закрыл глаза и увидел…

Он увидел брата Эвелина, протягивавшего к нему руки…

Ни стона, ни крика не вырвалось из груди Джоджонаха, и это очень раздосадовало Маркворта.

Браумин Херд следил за казнью до конца. Он видел, как пламя становится все выше, окутывая его самого дорогого друга и наставника. Виссенти и Делман отвернулись и хотели уйти, но Браумин крепко схватил их за руки.

— Запомните это, — сказал им Браумин.

Все трое были последними, кто покинул жуткое место. Когда костер догорел, Браумин сказал:

— Теперь идемте. У меня есть книга, которую вы должны увидеть.

Еще одним свидетелем казни Джоджонаха был Роджер Не-Запрешь. Он стоял в толпе деревенских жителей. С того времени, когда в придорожном лесу тигр напал и разорвал барона Билдебороха, а он сам спасся бегством, Роджер многое повидал и многое узнал. Даже за эти несколько часов он узнал о Джоджонахе и освобождении кентавра. И хотя эта новость дала ему надежду, зрелище казни повергло его в отчаяние.

Однако Роджер досмотрел все до конца. Отец-настоятель Абеликанского ордена — вот кто его настоящий враг. Теперь Роджер это знал.

Далеко от тех мест, к северу от Палмариса, Элбрайн и Пони, крепко обнявшись, смотрели, как всходит полная луна. Война с гоблинами, поври и великанами закончилась. Но война с более серьезным и коварным врагом только начиналась.